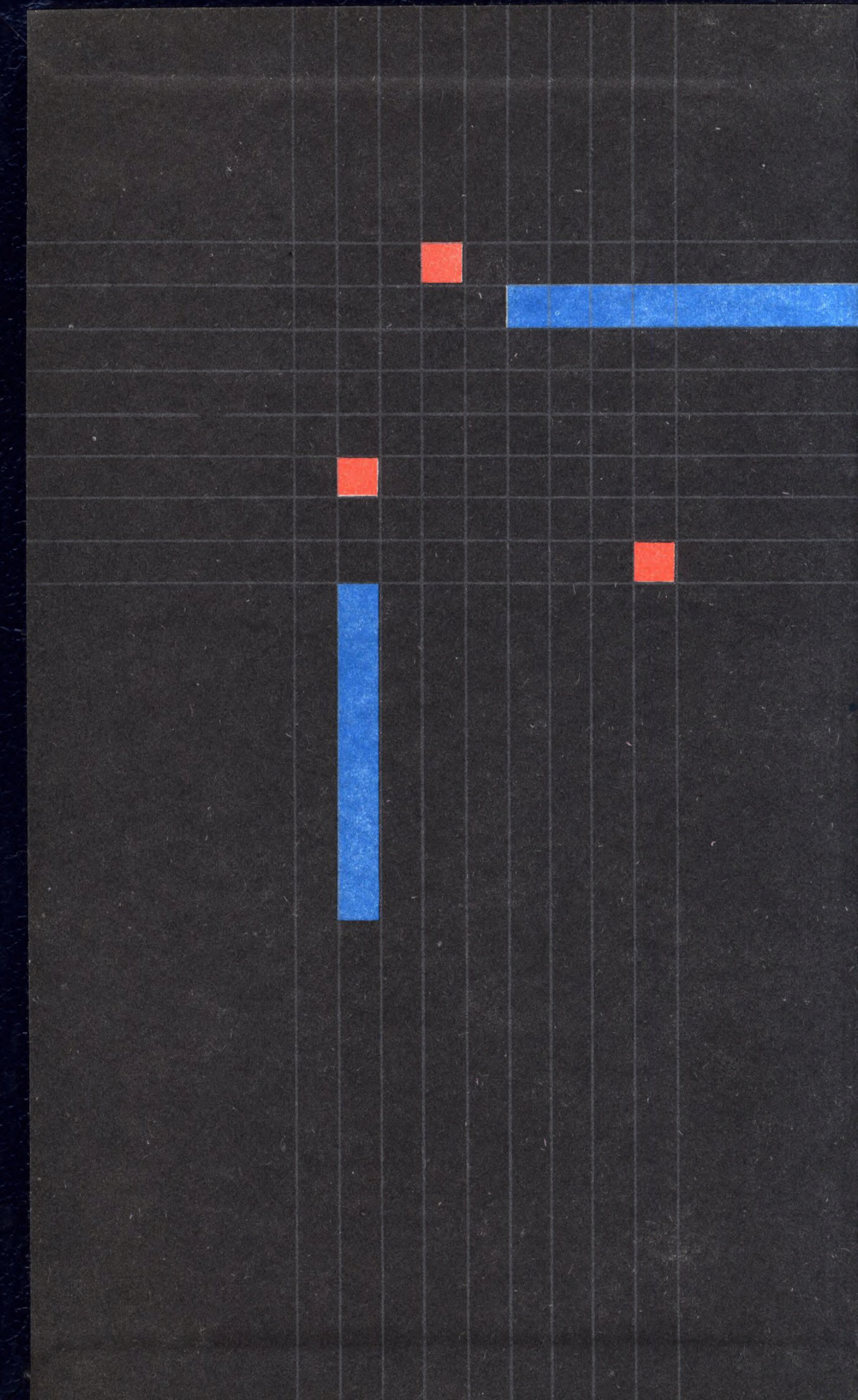
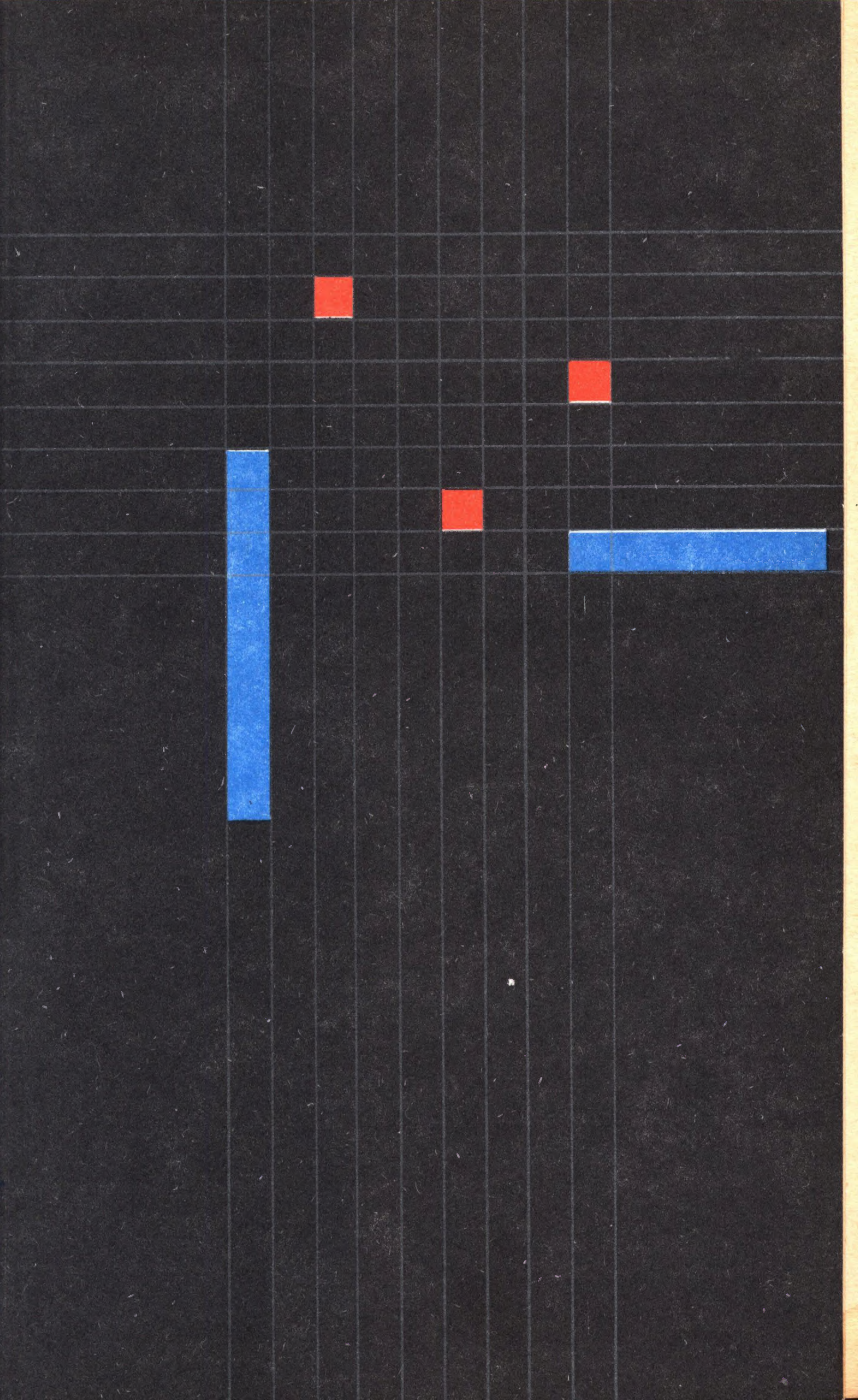
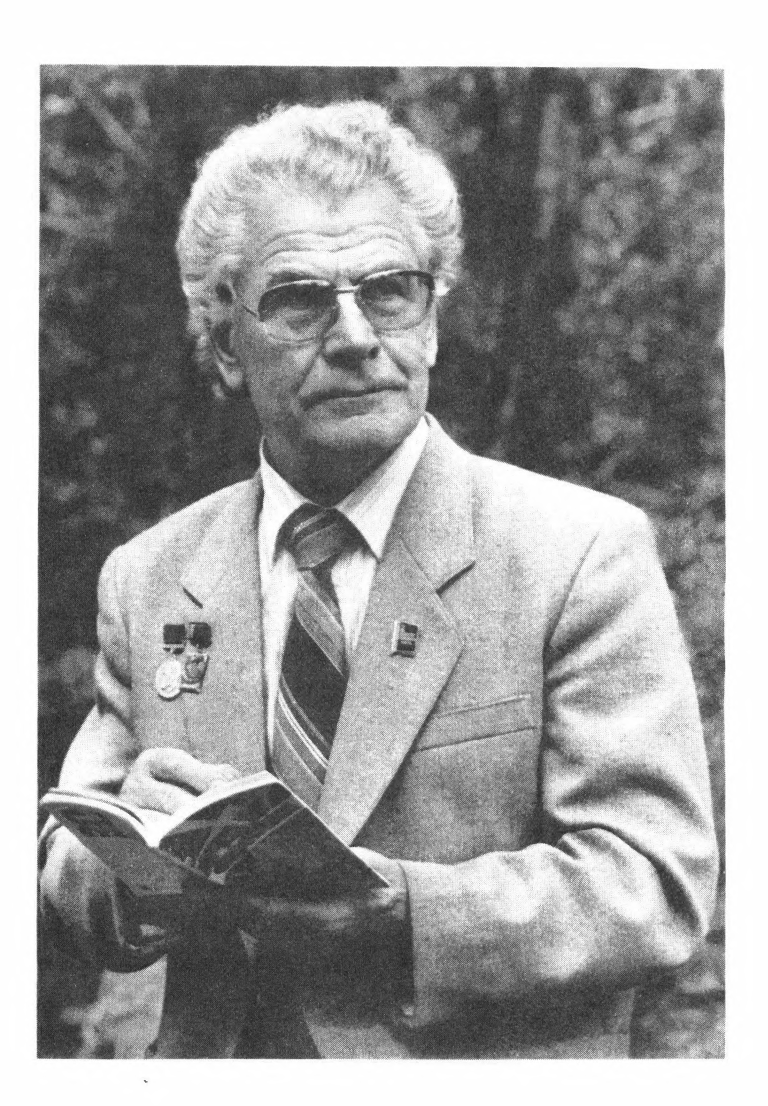
СЕМЕН

БОРЗУНОВ

ИЗБРАННОЕ

С Е М Е Н

БОРЗУНОВ

ИЗБРАННОЕ

ПОВЕСТИ. РАССКАЗЫ

МОСКВА
«Художественная литература»
1988

ББК 84Р7
Б82

Предисловие
М. АЛЕКСЕЕВА

Оформление художника
Е. ЕНЕНКО

Б $\frac{4702010200-261}{028(01)-88}$ 38—88
ISBN 5—280—00189—9

В ОГНЕ И ОГНЕМ РОЖДЕННЫЕ

Однажды услышал такое: «Писатели, рожденные войной, на всю свою творческую жизнь обречены писать только о войне и ни о чем другом». Помнится, столь категорическое утверждение меня и удивило, и в немалой степени встревожило. И я мог бы тотчас же вступить в спор и вступил бы, если б слова эти не принадлежали... Михаилу Александровичу Шолохову. Встревожили они меня потому, что на ту пору как раз мною замышлялся цикл деревенских повестей и романов, вроде бы совершенно невоенных. И лишь когда эти вещи написались и увидели свет, я понял, наконец, до чего ж провидческими оказались слова великого писателя: горчайший привкус минувшей войны явственно чувствуется во всех без исключения этих только с виду мирянских книгах — и в «Вишневом омуте», и в «Хлебе — имени существительном», и в «Ивушке неплакучей», и в «Драчунах».

Такими же «обреченными» явились перед нами и Константин Симонов, и Юрий Бондарев, и Иван Стаднюк, и Василь Быков, и Олесь Гончар, и Григорий Бакланов, и многие, многие другие. Да и сам Шолохов — тоже. Не о себе ли он подумал раньше всего, сказав приведенное выше?..

А вот еще один из «обреченных». Имя ему — Семен Борзунов. Едва раскрыв этот том его «Избранного», читатель почувствует на себе горячее дыхание войны со смешанным, очень знакомым фронтовому люду запахом пота, крови, полыни. А ведь большинство вещей, составивших этот том, написано после войны, и даже не по ее следам, а спустя много-много лет от рубежа, помеченного маем 1945-го.

Само название повестей и рассказов — не говорит, а просто кричит, о чем они. «Подвиг, отлитый в строки», «Война у родного порога», «Не первая атака», «Ради нескольких строчек» — это повести. Рассказы: «Перед боем», «Комиссар», «Испытание»... Правда, есть и о цветах. Но какие они, какими их увидел писатель и преподнес нам с вами? «Цветы в крови»,— так-то вот. Именно такими нередко одаривала нас война. Отыщется под обложкой тома и рассказ

совсем уж с лирическим названием — «Подарки». Но и он все о ней же, проклятущей, все о войне и о войне...

Война, как и положено войне, приносит людям, по большей части, слезы горючие, горе горькое. Но бывает, как это ни странно, исключение. Такое, например: война способна подарить тебе на всю последующую жизнь, коль ты уцелеешь, верного друга, который даст тебе для опоры не только плечо, но и сердце, а оно, как известно, крепче и надежнее самого крепкого плеча.

Теперь приспела пора признаться, что пишу эти строчки не просто о писателе Семене Борзунове, а пишу о самом близком друге-товарище, которого повстречал на войне. И не на каких-то второстепенных рубежах, а на самой матушке Курской дуге, под Белгородом, в Шебекинском лесу, 4 июля 1943 года,— то есть в канун величайшего сражения. Был я тогда в «чине» старшего лейтенанта с прибавкой «гвардии», а он — просто капитана, поскольку фронтовой газете, несмотря на ее великие дела, гвардейского звания не присваивалось. Называлась та газета «За честь Родины» и принадлежала Воронежскому фронту,— казалось вполне естественным, что Семен Борзунов, воронежец по рождению, был корреспондентом именно этой газеты. Не вполне естественно было, пожалуй, то, что, едва познакомившись, он предложил мне в ту же ночь отправиться на... снайперскую охоту, не на передний даже край, а за передний, а на рассвете оказаться под лавиной огня, который немцы обрушили на наши позиции.

По счастливой случайности, как говорится, мы выкарабкались целыми и невредимыми из этого ада, не успев, кажется, произвести и единого снайперского выстрела по врагу, но намерения у нас были самые серьезные и решительные,— а это уже немало! Правда, темно-серые гимнастерка и брюки на Семене утратили прежний цвет,— а до этого он выглядел в них этаким фронтовым щеголем (начал войну в танковых частях, а офицерам-танкистам выдавалась особенно привлекательная форма, вот из такого темно-серого диагоналя). Рядом с Борзуновым я в своей вылинявшей хлопчатобумажной гимнастерке и почти белой пилотке выглядел и в прямом и переносном смысле весьма бледновато. Но вот теперь, угостившись вдосталь огоньком на передовой, мы вроде бы поравнялись. Думалось, что Борзунов к концу того же дня, первого среди многих дней великой битвы, уедет в свою редакцию, находящуюся далеко в тылу наших войск, но он остался и был среди нас до 12-го июля, когда посрамленный неприятель принужден был отойти на прежние позиции с тем, чтобы начать оттуда бегство к самому Днепру.

Так-то вот произошло наше первое знакомство с Семеном Михайловичем Борзуновым. Потом не встречались подолгу. У фронта было много не только дивизий, но и армий, а я продолжал служить и воевать все в той же 72-й гвардейской стрелковой дивизии, которую мы уже успели окрестить Непромокаемой и Непросыхаемой, поскольку она от Сталинграда вплоть до Праги ни единого раза не сменялась, не отводилась на отдых и на переформирование, как это было почти со всеми другими дивизиями.

Прочел где-то в двадцатых числах сентября 1943 года в газете «За честь Родины» заметку о стрелковом отделении, первым форсировавшим Днепр и удержавшим плацдарм на его правом берегу. Заметку написал Семен Борзунов. Но не сообщил в ней, что с тем отделением переправился через широкую реку и сам и, по логике вещей, по неумолимой фронтовой логике, на время стал не корреспондентом фронтовой газеты, находящейся где-то еще под Харьковом, а рядовым бойцом, отбивающим свирепые атаки опомнившегося врага. Всем солдатам того отделения было присвоено звание Героя Советского Союза, ну, а он, корреспондент, получил лишь благодарность от редактора. Ведь он всего-навсего газетчик, отправившийся прямо в разверстую пасть врага ради нескольких строчек. Пройдет много лет, прежде чем эти последние три слова дадут название повести Семена Борзунова, а затем ими воспользуются и другие журналисты, да и кинематографисты тоже: совсем недавно Ленфильм выпустил картину именно с таким названием — «Ради нескольких строчек».

Для моего друга в них, этих словах, выражено по сути самое важное и самое многотрудное из всей его жизни. Ради этих нескольких строк он не раз ходил и на снайперскую вылазку, и с разведчиками за «языком», и в танковую атаку с разными экипажами, и летал на бомбежку, и преодолевал где пешком, где на попутных драных не «эмках», конечно, а полуторках, а то и просто на повозках, сотни километров, чтобы те несколько строк легли на полосу его фронтовой газеты с таким близким сердцу и дорогим названием «За честь Родины».

Не знаю, право, сохранил ли С. Борзунов хотя бы часть тех блокнотов и записных книжек, которые изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год заполнял беглыми, торопливыми, как бы запыхавшимися на бегу зарисовками. Не из них ли одна за другой родились потом повести, а вместе с ними и рассказы, с которыми встретится читатель в томе «Избранного»? Думаю, что так оно и есть, поскольку каждая из этих вещей дышит живой, достоверной жизнью и говорит с нами

доверительно, глядит нам в очи немножко усталыми, немножко печальными, но неизменно спокойными, мудрыми, много повидавшими глазами.

В позапрошлом году мы решили поехать под Белгород, в тот самый Шебекинский лес, где впервые повстречались в сорок третьем. Бродили по урочищу до тех пор, пока не отыскали маленькую ямку — то, что сохранилось от моего блиндажа, куда, откинув плащ-палатку, нырнул тогда красивый, подтянутый, не по-фронтовому чистенький, аккуратный капитан в танкистской форме. Посидели, погрустили, смахнули с глаз непрошеную слезу и принялись молча собирать подснежники,— васильковые глазки их смотрели на нас со всех сторон, и было их неправдоподобно много. И были они не в крови, как в том рассказе Семена Борзунова, а чистые-пречистые, как счастливые глаза невесты...

Вторая встреча с С. Борзуновым у меня случилась уже после войны, в Вене, где выходила газета Центральной группы войск (ЦГВ) «За честь Родины», в декабре 1945 года. Семен Михайлович по-прежнему работал в ней. А мне же, по пути в эту газету, пришлось сперва покинуть свои минометы и пушки и перекочевать в дивизионную газету, затем в армейскую, а потом уж и вот в эту, бывшую фронтовую, где и суждено было встретиться нам для того, чтобы уже более никогда не расставаться. Так вот мы и живем, и работаем вместе. Даже дети у нас родились в одном и том же 1946 году, первые послевоенные дети. Да простится мне эта интимная подробность. Как же обойтись без нее, когда ты размышляешь над книгой, очередной вслед за многими другими, самого близкого друга.

Когда мне предложили написать предисловие к этому сборнику, я с радостью согласился. А потом пожалел, что согласился. Едва присев к письменному столу, понял, как же нелегко рассказывать о вещах, которые принадлежат товарищу, не товарищу даже, а брату. Брату по судьбе. Брату по единомыслию. Духовному однополчанину, с которым по-прежнему находимся в одной цепи, в одной боевой колонне.

Не буду давать оценки художественным достоинствам произведений, вошедших в этот том,— это было бы навязыванием читателю своей точки зрения, что не совсем скромно со стороны автора этих строк. Читатель у нас умница. И без разжевывания разберется, что тут и как сработано. Я же считаю, что сделано весьма добротно.

Мне просто захотелось и этому детищу моего друга пожелать благополучного пути к самой заветной цели пишущих — к сердцу и разуму читателей.

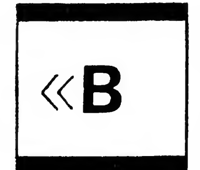
Михаил Алексеев

ПОВЕСТИ

ПОДВИГ, ОТЛИТЫЙ В СТРОКИ

Часть первая

ЯКОВ ЧАПИЧЕВ

1934 году читатели журнала «Красноармеец» встретили на страницах январского номера стихи молодого артиллериста Якова Чапичева. Солдат писал о светлом будущем нашей Родины, о вдохновенном ратном труде красноармейцев. С тех пор прошло тридцать лет. Как же сложилась дальнейшая судьба молодого солдата-поэта?

Не всегда редакция в состоянии ответить на этот вопрос: иной автор появится в журнале и вдруг по каким-то причинам долго не дает о себе знать... Якова Чапичева мы знали заочно, знали о нем очень мало, лишь то, что он красноармеец и, судя по первому стихотворению, серьезно относится к своему творчеству...

И вот через тридцать лет в редакцию поступили новые стихи, на этот раз присланные не самим Чапичевым, а его фронтовым другом...»

Такое вступление сделала редакция литературно-художественного журнала «Советский воин» к моему очерку о Чапичеве, напечатанному в шестом номере за 1964 год. В том же номере были опубликованы и стихи, которые многие годы хранились в моих фронтовых блокнотах и о существовании которых читатель не знал. Позже, уже в 1965 году, я отослал эти и другие неизвестные стихи поэта в издательство «Крым», где они были напечатаны в сборнике с очень точным названием: «Строка, оборванная пулей».

Где, когда и при каких обстоятельствах я познакомился с поэтом Яковом Чапичевым? Как попали в мои блокноты его стихи?

Как-то месяца через два после взятия нашими войсками Берлина я просматривал центральные газеты. В одной из них прочел Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении большой группе воинов звания Героя Советского Союза. Среди награжденных была фамилия моего фронтового друга майора Якова Чапичева. Полагая, что он чудом остался в живых, я тогда же стал разыскивать его. Но результаты поисков оказались неутешительными: из Главного управления кадров Министерства обороны СССР сообщили, что майор Чапичев погиб...

Память о фронтовом друге не давала мне покоя. И вот однажды, много лет спустя, произошла встреча, которая с новой силой всколыхнула во мне воспоминания о Чапичеве и заставила написать о нем.

В начале 1962 года группа военных писателей-москвичей совершала поездку по Закавказским республикам. Мы побывали в Баку, Ереване, Тбилиси... Всюду проходили пленумы союзов писателей по военно-патриотической литературе, встречи с авторами военных книг и с их читателями. В Тбилиси в перерыве между заседаниями ко мне подошел писатель Эммануил Фейгин. В разговоре со мной он сказал, что работает над книгой о друге своего детства Яше Чапичеве.

— Уж не о том ли Чапичеве, который писал стихи и воевал на Волховском фронте?

— Стихи он, верно, писал, а вот военную биографию его я знаю плохо,— откровенно признался Фейгин.

Мы долго потом сидели вдвоем и говорили о нашем общем друге. Фейгин вспоминал юношеские годы. Оказалось, что он учился в одной школе с Чапичевым, знал его еще «мальчиком» в частной парикмахерской Ветросова, потом кочегаром-шлакочистом, комсомольцем-синеблузником, остроумным и неутомимым. Был с ним в одном литературном кружке, где часто спорили, критиковали друг друга.

— Наше знакомство с Яшей,— рассказывал Фейгин,— было не очень продолжительным, мы вскоре разъехались в разные города и встретились уже повзрослевшими. Позже служили в одной дивизии. И все же написать книгу о Чапичеве я долго не решался. Боялся, не одолею, не хватит материала, да и адреса его родных я растерял. Не знаю, где сейчас его жена, дочь, сестры, братья...

Тут Фейгин стал расспрашивать меня, уточняя де-

тали, даты, пункты и места службы Чапичева: я понял, что ему действительно не хватало многих важных фактов, а он хотел написать достоверную и правдивую книгу о поэте и солдате. В 1964 году такая книга под названием «Здравствуй, Чапичев!» увидела свет. На первых ее страницах автор сообщал:

«...Я слишком мало знал о боевых делах Якова в годы войны: были мы на разных участках фронта, далеко друг от друга, встречались лишь дважды, да и встречи эти были очень кратковременными. Что касается фронтовых товарищей Якова, то почти ни с кем из них я не был знаком.

Все же я начал работать над повестью, и мне посчастливилось. Когда повесть в основном была уже написана, я прочитал некоторые ее главы человеку, которого солдатская судьба свела с Чапичевым в первые, самые тяжелые месяцы войны. Имя его — Семен Михайлович Борзунов. Он полковник, военный журналист, живет и работает в Москве, а в грозном сорок первом году был корреспондентом армейской газеты «В бой за Родину», в той самой армии на Волховском фронте, в составе которой воевал и Яков.

Нет нужды говорить, как я обрадовался встрече с фронтовым товарищем героя повести. Ведь Волховский фронт был одной из самых малоизвестных мне страниц биографии Чапичева. Встреча с полковником в какой-то мере помогла восполнить этот пробел. Его воспоминания о Чапичеве послужили мне материалом для новой главы повести. Я назвал эту главу «Революцией призванный»...»

Эта тбилисская встреча заставила меня отыскать фронтовые блокноты, припомнить минувшее и выполнить наконец свою давнишнюю мечту и долг перед боевым товарищем — написать о Якове Чапичеве в газету. Когда очерк опубликовали, ко мне стали стекаться письма от друзей поэта, от его фронтовых товарищей, от родных. Оказалось, что все вместе мы довольно много знаем об этом замечательном человеке — поэте, журналисте, воине. Так родилась эта повесть.

I

Впервые я встретился с Яковом Чапичевым в конце 1941 года, накануне наступления гитлеровцев в районе

Тихвина. Я работал тогда корреспондентом ежедневной красноармейской газеты 4-й армии «В бой за Родину». В те дни почти все ее сотрудники постоянно находились в частях и подразделениях. Нам доводилось быть не только свидетелями, но и непосредственными участниками многих схваток с гитлеровцами. Обо всем виденном в боях и походах, о том, как росло и крепло воинское мастерство наших бойцов и командиров, об их замечательных подвигах, о сердечности и моральной чистоте фронтовиков мы писали в свою газету и с помощью самых невероятных оказий пересылали материалы в редакцию, бывая в ней от случая к случаю.

Однажды, получив очередное задание, я отправился на передний край нашей обороны. Вначале ехал на попутной машине, потом пересел на подводу и наконец пешком добрался до штаба одного из полков. В землянке уже сидел мой коллега политрук Сергей Деревянкин. Нам дали связного, и вскоре мы оказались в батальоне, ведущем тяжелый бой с врагом.

Несколько солдат стояли на опушке дубовой рощи и с горьким чувством следили за танком, медленно выползавшим из боя по открытой местности. Ствол его пушки наведен туда, где грохотали разрывы снарядов и над заснеженным полем вздымались черные смерчи дыма. Отвоевавшийся танк шел все медленнее, сильно грохоча левой гусеницей.

Вот он резко затормозил и, словно боясь наткнуться на что-то, круто развернувшись, остановился. Корпус его качнулся сначала вперед, потом назад и замер. Снег капельками воды оседал на раскаленной броне, испарялся, и танк весь будто курился.

Т-34 стоял черный, облепленный комьями земли, впереди зияла рваная пробоина, на боках — вмятины. Огонь и осколки почти полностью уничтожили краску на корпусе. От непрерывной стрельбы осыпалась краска и на пушке. Башня напоминала человеческое лицо, изуродованное оспой: так густо ее изрешетили снаряды. В задней части тридцатьчетверки виднелась еще одна пробоина.

Вокруг машины заботливо, как врач, ходил почерневший от усталости, ветров и дыма, совсем еще юный, небольшого роста танкист и, постукивая по броне ключом, приговаривал:

— Ничего, родная, залечим...

— Здорово раздолбали,— сказал один из бойцов.

— Это не беда! — отмахнулся танкист.— Пушка и мотор живы — значит, и танк будет жить...

Подойдя поближе, я спросил:

— Чья машина?

— Старшины Потапова,— ответил он и с грустью добавил: — Два дня не выходил из боя. Вчера в нем сгорел отважный стрелок.— Солдат показал в сторону, где среди деревьев виднелся небольшой холмик, уже запорошенный снегом.

— А где же остальные члены экипажа?

— Потапова в госпиталь отправили... С ожогами...

По всему видно было, что танкист смертельно устал, под его глазами залегли глубокие тени. Он едва держался на ногах и не был расположен к разговору с незнакомым человеком. Заметив кого-то, показал рукой:

— Вон товарищ политрук идет, он сейчас остался за командира. Спросите, расскажет обо всем.

Я повернулся и в нескольких шагах от себя увидел плотного, на вид сурового танкиста лет тридцати. Он был в черной меховой куртке, ватных брюках и больших кирзовых сапогах. На узком невоенном поясе, почему-то с левой стороны, болталась массивная, необычного вида кобура. Из нее торчала рукоять парабеллума. На голове вместо обычного танкового шлема красовалась надвинутая низко на лоб шапка-кубанка, из-под которой виднелся окровавленный бинт. Большие черные глаза были воспалены, губы потрескались, из них сочилась кровь.

Мы назвали себя, сказали, что хотели бы написать о людях полка, отличившихся в боях.

— Чапичев! — отрекомендовался политрук и сразу оживился. Взгляд его потеплел. На лице мелькнула улыбка.— Вы прибыли очень кстати. Третий день отбиваем непрерывные атаки. Что ни солдат, то герой. Рассказать о них в газете надо. Обязательно! Сам бы написал, да времени ни черта нет. Фашист не дает ни минуты покоя...

К нам подошли еще несколько бойцов. По всему видно было — послушать политрука здесь любили. Один из бойцов устало спросил, как там дела под Москвой.

Чапичев сдвинул кубанку на ухо, поскреб висок и с наигранным огорчением ответил:

— Геббельс кричит: «Теперь у немцев дело пойдет как по маслу!»

Бойцы теснее прижались друг к другу, дружней задымили цигарками.

— Скоро, дескать, они увидят Москву,— все так же невозмутимо продолжал политрук.

— Может, опять где прорвались, сволочи? — зло, сквозь зубы процедил красноармеец.

— Прорвались или десант высадили? — спросил другой, обращаясь к политруку.

— Не высадили, а посадили! — серьезно ответил Чапичев.— В Германии... крупного капиталиста, который поставлял армии фюрера бинокли... Его-то гестапо и посадило.

— За что же? — удивились бойцы.

— Бинокли оказались никудышными: сколько ни наводишь, а Москвы не видать как своих ушей...

Дружным хохотом встретили шутку танкисты. Сергей Деревянкин тоже с удовольствием смеялся. Ему, видно, понравился неунывающий политрук.

Когда смех утих, Чапичев озабоченно добавил:

— И еще новость — с маслом у немцев стало туговато.

Опять все насторожились.

— Даже солдатскую норму, говорят, урезали наполовину.— Политрук надвинул кубанку на лоб.— Видите ли, оно им теперь нужно не столько для бутербродов, сколько для другой цели: готовятся смазывать пятки под Москвой...

Взрыв хохота потонул в гуле минометного обстрела. Вражеские мины густо ложились вокруг командного пункта, осколки со свистом разлетались во все стороны.

— Фашисты критики не терпят! — заметил Чапичев.— Я не успел сказать о них худое слово, сразу же из миномета палить начали.— И, обернувшись к танкисту, все еще осматривавшему свою подбитую машину, позвал: — Силаков! Проводите корреспондентов в землянку, захватите гранаты и догоняйте меня — буду в третьей...

Нас такое решение не устраивало.

— Корреспонденту важно все видеть своими глазами. Только тогда и получится настоящий материал для газеты,— сказал я Чапичеву.

— Правильно,— горячо отозвался он.— Да и мне будет веселее. Я ведь, скажу по секрету, вовсе не танкист. Здесь я вроде по совместительству, а работаю в нашей дивизионке.— И уже на ходу, как бы между

прочим, но с подчеркнутой гордостью добавил: — Газетчик я!

Эти слова поразили нас: нечасто случается встретить коллегу на передовой линии фронта, да еще в роли командира танка! Теперь мне стала ясна брошенная им фраза: «Сам бы написал, да времени ни черта нет...»

Пока мы пробирались к третьей роте, я кое-что еще выпытал у Чапичева. Узнал, что в дивизионке на должности инструктора-литератора он служит с мая 1940 года, что танкисты прибыли сюда с Дальнего Востока и уже несколько дней подряд ведут ожесточенные бои против гитлеровцев. И все же о себе Чапичев говорил скупо, а вот о старшине Потапове и его экипаже охотно и подробно.

...До войны Николай Потапов жил на Дальнем Востоке. В 1940 году ушел в Красную Армию. С отличием окончил школу младших командиров и вскоре стал механиком-водителем. Войну молодой танкист встретил на Тихвинском участке фронта. Здесь он и познакомился с Чапичевым.

— Отчаянной храбрости человек этот Потапов.— Голос политрука потеплел.— Я ему жизнью обязан. Бой был ожесточенный. Танк Николая тогда шел головным, сокрушительным огнем прокладывая дорогу другим, уничтожая все на своем пути. Вдруг тяжелый вражеский снаряд попал в левый фрикцион, второй — в башню. Меня тяжело ранило, башенный стрелок был убит. Фашисты стали подползать к подбитому танку. Крепко сжав рычаги, Потапов попытался вывести его вперед, но заглох мотор. Тогда Николай помог сначала мне, а потом сам выбрался из обреченной машины. Вывалившись через люк, мы залегли в канаве и стали стрелять по гитлеровцам, которые окружали танк. И тут Потапов заметил залегшего в канаве фашиста, целившегося в меня. На какую-то долю секунды выстрел Николая опередил выстрел гитлеровца... На смену убитому появились еще несколько автоматчиков, которые, уже не стреляя, ползли к танку: видно, решили взять русских живыми. Отстреливаясь, Потапов взвалил меня на спину, и нас укрыл лес, который был в нескольких шагах. Пока я выздоравливал, случилась беда с Николаем: в одном из боев он обгорел в танке и попал в госпиталь...— Чапичев опустил голову и замолчал.

— Зачем же мы ехали в такую даль? — неожиданно спросил Деревянкин.

— Как зачем? — недоуменно посмотрел на него Чапичев.

— Вы и сами не хуже меня сделали бы материал для нашей газеты...

— А время где взять? В свою дивизионку и то некогда писать,— посетовал Чапичев.

— Но хоть иногда-то пишете? — не унимался корреспондент.

Чапичев доверительно посмотрел на него, махнул рукой, будто хотел сказать: «Эх, была не была!» — и признался:

— Приходится. Иногда стихи пописываю...

Скромно так сказал: «Пописываю...» Чуть позже он достал из планшета и показал нам небольшую книжечку.

— Мои стихи. В Крыму выпустили. Земляки не забывают. Вот еще Хабаровское издательство просило подготовить сборник. Наверно, придется до лучших времен отложить творческие дела, слишком трудно совмещать две должности — газетчика и заместителя командира батальона по политчасти.

И все-таки, как мы узнали, он и в этой обстановке успевал писать стихи. Одно стихотворение, родившееся сразу после боя, по просьбе Сергея Деревянкина Чапичев записал мне в блокнот.

Наше пребывание в третьей танковой роте вместе с политруком Чапичевым оказалось очень плодотворным. Он знал в лицо всех бойцов, метко и точно характеризовал каждого, подробно рассказывал, кто и как проявил себя в бою. С его помощью мы быстро собрали необходимый материал и в тот же день уехали в редакцию. На прощание Деревянкин многозначительно сказал Чапичеву:

— До скорой встречи у нас в редакции.

— Лучше вы приезжайте к нам, на передовой — не в редакции, тут всем работы хватит.

— О-о, нет! Ошибаешься, товарищ поэт! И скоро,— опять подчеркивая это слово, возразил Сергей,— скоро, надеюсь, убедишься, что в газете работы не меньше, чем на передовой.

II

Слова, сказанные Сергеем Деревянкиным при прощании с Чапичевым, оказались пророческими: мы

снова встретились с поэтом, но уже в редакции — по нашей рекомендации его назначили литсотрудником армейской газеты «В бой за Родину».

Трудно было расставаться Чапичеву с бойцами и командирами, с которыми породнился в горячих боях. Но приказ есть приказ. Яков шагал от роты к роте, прощался с друзьями, ругая в душе заезжих корреспондентов: настояли все-таки на своем. Упорные, видать, да и в боевой обстановке свободно ориентируются. Особенно этот Сергей. На прощание Яков пообедал с бойцами родной роты, выпил чарку «наркомовской». Ребята хотели от кухни до землянки пройти с песней, но тут раздался сигнал боевой тревоги, и все, наскоро простившись, заняли свои места в танках. А Яков ушел к ожидавшему его штабному газику. Он не успел еще сесть в него, когда увидел, как из леса, скрежеща и лязгая гусеницами, появились вражеские машины. Яков насчитал двадцать. «Против наших двенадцати!» — с тревогой подумал он. С горечью взглянул на свой подбитый, одиноко стоявший в поле танк.

— Скорей, товарищ политрук, а то немцы нам путь перережут...

Яков понимал, что могло произойти с минуты на минуту. Но в этот миг решалась судьба товарищей, и он не мог оставить их. Сначала вместе с залегшими в окопе солдатами стрелял по вражеским машинам из противотанковых ружей, потом бросал бутылки со смесью...

Только после того, как была отбита очередная атака фашистов, он сел в машину. Очередная атака... Чапичев не мог сказать, сколько их было за время его работы заместителем командира танковой роты и сколько будет еще. Не знал он тогда, что эта атака была началом нового наступления гитлеровцев, ставивших своей целью зажать в тиски героический Ленинград.

В те осенние дни сорок первого года город на Неве оказался в тяжелом положении. Фашистские войска, потерпев поражение в лобовой атаке на город, обошли его с восточной стороны. Они прорвались к Ладожскому озеру и овладели крепостью Шлиссельбург. С севера Ленинград был блокирован белофинскими частями. Таким образом, кольцо вокруг него замкнулось. Связь с Большой землей поддерживалась лишь по воздуху, а с наступлением зимы она осуществлялась по знаме-

нитой ледовой трассе, получившей название Дорога жизни.

Чтобы лишить город всякой связи с внешним миром, немецко-фашистское командование разработало план глубокого обхода Ленинграда с юго-востока, решив нанести мощный удар из района Чудова в направлении Тихвина и Волхова. Тем самым гитлеровцы намеревались соединиться с финскими войсками, оборонявшимися на реке Свирь, и замкнуть восточнее Ладожского озера второе кольцо вокруг Ленинграда.

В середине октября враг перешел в решительное наступление. Пробив брешь в стыке наших 52-й и 4-й армий, он устремился к Тихвину.

В Тихвин, где размещалась редакция армейской газеты, Чапичев попал только на другой день: всю ночь пришлось ремонтировать видавшую виды машину. Старорусский деревянный город, расположенный к юго-востоку от Ладожского озера на холмистой возвышенности, гудел, словно встревоженный улей. Военные штабы находились в машинах, стоявших во дворах и на улицах, готовые в любой момент по приказу тронуться в путь. Гражданское население уходило от надвигающейся на город смертельной опасности пешком, на подводах, тележках, мотоциклах, велосипедах.

Фронтовая дорога... Бесконечный поток повозок. Чапичев с тревогой вглядывался в лица двигавшихся на восток людей. Одинокая старушка устало шаркала по грязной, чуть подмороженной обочине дороги. Она толкала перед собой тачку с домашним скарбом.

«Что ее, старого человека, гонит из родного гнезда?» — подумал Яков. И тут же вспомнил старика, с которым разговорился на станции, когда дивизия шла на фронт. Одинокий человек, он оставил в Минске хорошую квартиру и ехал в Сибирь. Яков спросил тогда, зачем он тронулся с родной земли. Старик ответил: «Меж своих людей и помирать легче».

Редакция находилась в стареньком деревянном доме в центре города. Яков вылез из кабины, немного размялся и вошел на крыльцо вполне уверенный, что в доме царит суматоха, как и на улицах города. В такие часы, мол, не до газеты. И удивился, когда еще в сенях, через приоткрытую дверь, из которой валил дым, словно печь топилась по-черному, услышал обычный редакционный спор, какой бывает при обсуждении очередного номера газеты.

Переступив порог, Яков, как положено, обратился к старшему по званию, батальонному комиссару, и доложил о себе. Тот, не выпуская из левой руки гранку, еще блестевшую невысохшей краской, подошел к политруку, крепко пожал руку, отрекомендовался редактором газеты и радушно добавил:

— Вот поэта нам как раз очень не хватает. Да вы садитесь. Потом познакомитесь с товарищами, а сейчас почитайте гранки: может, что и заметите свежим глазом. Ну а чтоб сразу доказать, что вы поэт, вот сюда, на первую полосу, давайте стихи.

Яков растерянно развел руками:

— У меня нет новых.

— Стихи на новые и старые не делю,— уже глядя на свежую газетную полосу, разложенную на столе, ответил редактор.— Боевые, лирические, гражданские — любые в газете нужны. Для поднятия боевого духа солдат. Можете писать и о любви, но так, чтобы солдат прочитал и стал еще яростней сражаться за свою любимую...

Яков внимательно читал гранки и делал какие-то пометки. Через несколько минут подошел редактор.

— Посмотрим, что вы тут намалевали, товарищ поэт,— сказал он, рассматривая выправленные Чапичевым гранки, и вдруг взорвался: — Через час должен быть номер готов, а после вас полосу перебирать придется!..

— Извините, пожалуйста. Я был когда-то чистильщиком сапог и знаю, что после щетки сапоги еще не готовы, а вот проведешь бархоткой — сразу заблестят...

— Он тут и вправду навел блеск,— вчитываясь в исправленные строчки, с удовольствием заметил редактор и расхохотался: — Деревянкин, смотри, какие частушки он прицепил к твоей заметке о баянисте.

Сергей пробежал глазами куплеты, потом продекламировал их вслух:

К нам непрошеные гости
Завернуть изволили.
Много места на погосте
Мы им приготовили...

И еще вроде припева:

Любо, любо-дорого
Бить нам немца-ворога.
И в четверг и в середу —
Сзади бить и спереду!

— Стихи были где-нибудь опубликованы? — спросил редактор.

— Нигде! Только что родились,— смущенно ответил Чапичев.

— Ну, тогда давайте, сыпьте таких стихов побольше. Готовьте подобное для следующего номера. Но сначала идите обедать. Дневальный проводит.

Кухня тоже была на колесах, расположилась она под многолетним, теперь оголенным кленом. Повар, солдат в белом колпаке вместо пилотки, стоял на подножке, помешивал что-то в котле и грустно пел:

Мечта моя, как в море чайка,
Носилась долго над волной,
Пока мой друг в цветастой майке
Не скрылся в дымке голубой...

Яков даже растерялся, словно вдруг увидел дорогого друга, которого считал потерянным навсегда. Он придержал за рукав дневального и подал знак постоять, чтобы не мешать повару допеть начатую песню. А тот, не замечая их, продолжал:

Я верю, вскоре майский вечер
Вернется вновь и что, тая,
Я не сказал при первой встрече,
Скажу тогда любимой я.

Повар отер рукавом взмокший от пота лоб, прикрыл котел крышкой и тихо повторил:

Скажу тогда любимой я...

Увидев Чапичева, он замолк. Слышно было только, как попыхивает вырывающийся из котла пар да печально шелестят на осеннем ветру сухие кленовые листья.

— Скажи, дружище, где ты слышал эту песню? — спросил Яков у повара.

Тот обернулся, соскочил на землю и, став, как положено перед старшим по званию, сначала доложил, кто он и чем занимается, потом сообщил, что стихи прочитал в газете. Они ему понравились, и он стал для себя напевать.

— Но музыка-то, музыка откуда?

— Да я, товарищ политрук, так пою, без музыки. Вот разве когда печка подпоет...

— Я не о том,— отмахнулся Яков.— Я спрашиваю, где слышал ты этот мотив?

— Мотив мой собственный,— пояснил повар.

— Если сумел придумать такую задушевную музыку, то ты — композитор намного лучше, чем я поэт,— сказал Чапичев. Взволнованный услышанной песней, он горячо пожал руку повару.— Это мои стихи...

— Вы поэт?! — немало в свою очередь удивился повар.— Вот это да-а...

— Что «да»?

— Повезло мне! — восхищенно ответил солдат.— Живого поэта вижу. Первый раз в жизни...

— Написал я эти стихи на Дальнем Востоке в самом начале войны,— продолжал Чапичев.— Но как они попали сюда, ума не приложу.

— А это очень просто. Воинская часть, где я служил раньше, тоже с Дальнего Востока.

— Тогда мы с тобой земляки, можно сказать!

Дневальный откозырял и ушел. Чапичев сел на чурбан к столу, сбитому из досок.

— Ты меня можешь не кормить,— попросил он,— а вот песню, пожалуйста, еще раз спой, я мотив заучу.

— Это можно, товарищ политрук,— наливая густого супа в миску, ответил повар.— Я эту песню очень полюбил. В ней точно как у меня в жизни случилось...

...Последующие дни были для всех защитников города и для работников редакции напряженными и тревожными. Фашисты подошли к Тихвину вплотную и взяли его в тиски. Оставалась только одна дорога, по которой можно было выбраться из города, но и ее гитлеровцы уже простреливали.

Новый корреспондент быстро прижился в коллективе. Правда, он не засиживался в редакции. Появится на час-другой, сдаст материал и снова уезжает в войска. Там он чувствовал себя как рыба в воде. Его боевой, неуемный характер многим нравился. Он умел оперативно организовывать от солдат и офицеров корреспонденции, написать статью и очерк о герое. Но больше всего он любил поэзию. Стихи у него получались злободневными и звонкими. Солдаты ждали их и тепло отзывались об авторе. Если вдруг номер выходил без стихов, они спрашивали: уж не случилось ли что с Чапичевым? И редактор старался идти навстречу пожеланиям читателей: требовал, чтобы Яков привозил с переднего края вместе с боевыми корреспонденциями и стихи.

Много раз мы бывали с ним вместе в подразделениях, занимавших оборону, ходили по траншеям, разыскивая отличившихся в боях людей. С Чапичевым было легко. Он быстро ориентировался в обстановке, умел расспросить о самом главном и коротко записать в свой блокнот. Ведь времени на передовой всегда в обрез.

Печатался он в газете часто. Писал не только волнующие гражданственные стихи, но и едкие, жгучие, зовущие на бой частушки, прославляющие бесстрашных саперов, минометчиков, артиллеристов. Писал и остросатирические куплеты, которые солдаты переписывали из газеты, носили в карманах гимнастерок и читали на импровизированных сценах в перерывах между боями.

Я запомнил Чапичева как необыкновенно веселого, остроумного, на все моментально реагирующего человека. Он мог часами рассказывать о невероятных приключениях, различные забавные истории. Умел действительные факты и события, что называется, сдабривать, пересыпать анекдотами, разными веселыми прибаутками, присказками.

В редакции мы виделись редко. Как правило, это были мимолетные встречи. Каждый спешил поскорее написать статью или очерк и, получив новое задание, снова уехать или уйти в подразделения, ведущие бой, благо оборонительные позиции проходили неподалеку. Конечно, времени на разговоры у нас не оставалось. Перекинешься несколькими словами, и все. А поговорить хотелось. Особенно мне, молодому журналисту, с таким опытным уже литератором, каким был Яков Чапичев. Может быть, поэтому так запомнилась мне наша беседа, которая состоялась в ночь на 7 ноября 1941 года...

Было это в Тихвине. Враг стоял недалеко от города. Чапичев в этот день побывал в трех подразделениях, оборонявших город. Много видел, со многими беседовал, но возвращался в редакцию неудовлетворенным. Ему казалось, что того материала, который нужен сейчас газете, он не нашел. Однажды вернулся в редакцию, не представляя, о чем будет писать. Это огорчало его. Подумав, решил, что покажет стихи, написанные еще до войны. Есть у него созвучные моменту.

Выйдя на главную улицу, он остановился перед огромным рвом. Уходил утром — его не было, а сейчас канава перегородила всю улицу от одного дома до дру-

гого. Здесь работали подростки, вооруженные кирками, лопатами и носилками.

— Что за канализация? — удивленно спросил Чапичев черноголового паренька, которого принял за старшего.

— Никакая не канализация,— сурово ответил юноша.— Могилу для немецких танков роем. Видите, с той стороны ее начали маскировать.

Чапичев рассмотрел настил, который наводили юные саперы. Делали они это по всем правилам. На ров шириной в три метра накатывали тонкие бревна, которые легко сломаются под тяжестью танков, застилали их фанерой и выкладывали булыжником. Яков заинтересовался работой и подошел ближе, чтобы лучше рассмотреть. Юные мастера выкладывали булыжник так, что даже вблизи нельзя было угадать, где кончается твердая дорога, а где начинается настил над рвом.

— Только бы фашистские разведчики не разнюхали заранее,— — сказал Яков черноголовому пареньку.

— Наша разведка тоже не спит,— ответил тот.— Заметим наблюдателя — сразу к командиру воинской части. Сюда мы их не пропустим.

Встреча с ребятами взволновала Якова. Он непременно напишет о юных защитниках города! Тема родилась сама собой: защита Отечества, долг перед Родиной. Им овладело привычное беспокойство, когда до предела напряжен мозг, глаза пристально вглядываются в знакомые предметы и видят их по-новому. Он невольно стал шептать, подбирая звучные слова, из которых должно сложиться стихотворение. Прав Владимир Маяковский: каждая строчка — добыча грамма радия... «Может быть, я никудышный поэт,— подумал Яков.— Но это совершенно не важно. Сейчас я должен сказать о вас, славные, дорогие мальчишки. Ведь ради вас воюют отцы и деды на заснеженных полях. Эта связь поколений — как раз то, что мне надо. Такое взволнует и воодушевит бойцов».

Пока Чапичев шел в редакцию, он успел до мелочей продумать корреспонденцию о юных защитниках города, помогающих Красной Армии бороться с врагом. Скоро готовый материал лежал у редактора на столе. Потом Чапичев прочитал ему стихи, в которых говорилось о юноше, клявшемся, если наступит пора боевая, драться, как Щорс и Чапаев, бить врага до конца, и о том, как он выполняет свою клятву.

— Диктуй наборщику прямо с черновика и корреспонденцию и стихи,— приказал редактор.

— Но они,— смутился Яков,— еще до войны написаны.

— Какое это имеет значение! Стихи сейчас рвутся, как бомба. В набор! — приказал редактор.

Перед вечером, на редакционной летучке, анализируя свежий номер газеты, батальонный комиссар отметил, что материал Чапичева — один из лучших. Похвалил и стихи.

Неожиданно работу редакции прервал телефонный звонок. Редактор, выслушав говорившего, ответил по-военному: «Есть!» Повесив трубку, он тут же приказал немедленно погрузить на машины редакционное имущество и подготовиться к эвакуации.

Через час все было на колесах. Тьма ноябрьской ночи казалась непроглядной, дул колючий ветер. Все работники редакции в ту ночь поочередно несли патрульную службу. Моим напарником оказался Яков Чапичев. Мы заступали на дежурство уже перед рассветом. Чапичев мучился над последней строфой стихотворения, когда вбежал запыхавшийся Сергей Деревянкин.

— Решено усилить наряд, мне приказали идти с вами! — обрадованно заявил он.

Инструктируя нас, редактор строго сказал:

— Скорее всего гитлеровцы начнут наступление на город утром. Если они прорвутся, вы будете прикрывать наш отход. Главное — спасти людей, спецмашины и полиграфическое имущество, чтобы обеспечить бесперебойный выход газеты.— Развернул карту и показал предполагаемое новое местонахождение редакции...

Подвесив к ремням гранаты, пополнив подсумки автоматными дисками и перекинув через плечо ремень противогазной сумки, мы вышли из здания и стали ходить по установленному редактором маршруту.

Ветер гудел в проводах, рвал одежду, хлестал по лицу снежной порошей. Совсем близко слышались орудийные раскаты, рвались бомбы и тяжело рокотали самолеты. На юго-западной стороне города полыхало огромное зарево, которое не могла скрыть даже сильная метель. Где-то методически четко строчил пулемет.

Чтобы как-то побороть волнение, мы старались не молчать. Точнее, говорил Чапичев, а мы больше слушали: он рассказывал о своем детстве, юности...

Очень рано узнал Яков почем фунт лиха. Семья

была большая — шестеро детей. Хорошо еще, что жили в Крыму, где теплой одежды не надо. И все равно пришлось покинуть родной дом и уйти на заработки. Сначала был мальчиком на побегушках у парикмахера. Потом подмастерьем у сапожника. Работал и кочегаром. Грамоту познавал, что называется, на ходу.

В 1931 году его призвали в Красную Армию. Зачислили в полковую школу. Он окончил ее через год. В тридцать втором же написал и свое первое стихотворение.

Бывший кочегар депо станции Джанкой быстро вошел в курс армейской жизни и, как коммунист, вскоре был командирован на курсы младших политруков. Став политработником, продолжал писать стихи, теплые, искренние: о своем народе, о большевистской партии, о героях-пограничниках, об однополчанах. Бойцы подразделения гордились поэтом-политруком, декламировали его «Песню о героях», напечатанную в 1935 году, накануне празднования восемнадцатой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, в газете «Правда». Это был весьма серьезный дебют молодого армейского поэта. Теперь, шесть лет спустя, он под свист пуль и грохот орудийных выстрелов с большим подъемом читал нам любимые строфы:

Горный ветер тихо реет,
Чуть шумит река.
Вдаль уходят батареи
Нашего полка.

Развернулася колонна
Средь курчавых ив,
В голове дивизиона —
На коне комдив.

Боевая песня льется,
Ширится, растет.
Запевают комсомольцы
Про двадцатый год.

И взлетает песня птицей,
Вихрем боевым,
Как сражался за Царицын
Ворошилов Клим.

Были в песнях оживают,
В битвах и в огне.
Мчится в бой герой Чапаев
На лихом коне.

Из-за туч катится косо
Бледная луна,
Лижет хмурые утесы
Гневная волна...

Большую популярность в те годы имела и его песня о подвигах пограничников. В 1938 году по всей стране разнеслась весть о мужестве участников боев у озера Хасан, о комсомольце-пограничнике Баранове. Тяжелораненым он попал в плен к японцам, но, несмотря на жестокие пытки, держался стойко, не проронил ни слова. Об этих подвигах пограничников Чапичев написал стихи, которые опубликовала «Комсомольская правда». На их текст была написана музыка. Песню запели сразу, она стала популярной не только у защитников границы, но и у молодежи.

Пулемет строчил без перебоя,
Пулеметчик метко бил врага.
Прямо — поле огненного боя,
А вокруг — дремучая тайга.

Отступали в панике японцы,
Покидая раненых солдат.
В перестрелке Васю-комсомольца
Потерял и наш погранотряд.

Окруженный вражьим батальоном,
Он не дрогнул в яростном бою.
Бился до последнего патрона
За Отчизну мирную свою.

Чапичев читал нам стихи, а я думал о том, как созвучны они всему, что происходит под Тихвином, что мы, журналисты, видим каждый день. И я сказал об этом Якову. Он, грустно улыбнувшись, ответил:

— Когда Отчизна в опасности, все думают об одном и том же — как ее отстоять.

Успех этой песни окрылил молодого поэта — он стал отзываться поэтической строкой на многие события в стране. Писал о героях гражданской войны, о советских железнодорожниках, о пилотах, краснофлотцах, танкистах, артиллеристах, воспевал красоту родной земли: фруктовые сады Узбекистана и просторы Дальнего Востока, вершины Алатау и кипарисы Крыма.

Заметив у молодого политработника серьезные литературные наклонности, командование назначило его инструктором-литератором многотиражной солдатской газеты танковой дивизии.

— Долго уговаривал меня старший батальонный комиссар перейти в газету,— вспоминал Чапичев.— Не хотелось оставлять своих бойцов. Я ведь тогда политруком артиллерийской батареи служил. Но пришлось уступить. И знаешь, чем меня взял? Сказал, что так нужно Родине. Тут уж крыть было нечем.

Чуть больше года сотрудничал Чапичев в дивизионной газете. Писал заметки, информации, статьи, очерки и, конечно, стихи. Интересная, живая, творческая работа увлекала его, он отдавал ей все свои силы и способности. Но едва дивизию перебросили в действующую армию под Ленинград, помещение редакции стало тесным для неугомонного поэта. Чапичев пропадал среди бойцов и при первой возможности лично принимал участие в бою. Вскоре ему и вовсе пришлось отложить корреспондентские обязанности: его временно назначили заместителем командира танкового батальона по политчасти вместо погибшего старшего политрука.

— Эх! — вздохнул Чапичев.— И каким ветром принесло ко мне в батальон корреспондентов? Воевал бы я и по сей день вместе с танкистами! Скучаю,— сказал он доверительно.— Не могу заметки писать, когда там люди умирают. С ними бы в бой!

О многом из своей жизни поведал нам Чапичев в ту тревожную ночь. Но о чем бы он ни говорил, мысли его то и дело возвращались к тяжелым и кровопролитным боям, которые шли по всему фронту. Думы об этом как-то сразу делали его молчаливым и сумрачным. Он надолго замолкал, а потом начинал говорить о том, что мечтает вернуться в дивизию, к своим бойцам, чтобы вместе воевать.

На рассвете ветер приутих. Небо открылось зеленоватое, по-зимнему студеное. Во дворе появился повар, и вскоре под кленом задымилась труба походной кухни.

— Сегодня даже повар вышел с винтовкой,— заметил Чапичев.

— Он-то уж пускай лучше работает поварешкой,— ответил Деревянкин.

— Да, на войне каждый должен заниматься своим делом,— согласился Чапичев.

Обошли вокруг дома. Проходя мимо клена, видели, как повар, сидя на колесе, чистил картошку. Он, казалось, не обращал на нас внимания. Лишь изредка поднимал голову взглянуть в сторону парка, начинавше-

гося за оградой двора. Там был небольшой пруд, окруженный старыми ивами. Зная лирический склад души этого солдата, Яков пошутил: мол, не зря парень посматривает туда, видно, думает — неплохо бы встретиться со своей любимой на таком вот берегу...

Обошли дом еще раз. И когда стали подходить к клену, Яков вдруг дернул за рукав Деревянкина, кивнул: смотри!

Как-то странно вел себя в это время повар. Отложив нож, торопливо схватил винтовку и чуть склонился за бак. Вмиг вскинул оружие и, почти не целясь, выстрелил раз и другой.

Там, куда он стрелял, мы увидели двух фашистов, закутанных в плащ-палатки. В глубину парка метнулась еще одна фигура.

— Догоняйте его! — крикнул повар подбежавшим Деревянкину и Чапичеву.— Я буду вести наблюдение, мне сверху виднее,— добавил он.

— Ты оставайся на посту! — бросил мне уже на ходу Яков.

Деревянкин на секунду остановился возле забора и выпустил очередь из автомата в ту сторону, куда убегали разведчики. Чапичев продолжал преследовать их.

После первого выстрела из дома, где размещалась редакция, стали выбегать сотрудники газеты и занимать места, указанные на случай боевой тревоги. Шоферы завели моторы машин. Все заняли круговую оборону.

Из парка доносились выстрелы. Люди волновались: что там с Деревянкиным и Чапичевым? Но все облегченно вздохнули, когда увидели их возвращавшимися с трофеем — немецким автоматом и документами убитого гитлеровского разведчика. Чапичев что-то читал и улыбался. А когда перемахнул через забор, вполне серьезно сказал:

— Не выполнил фриц наказа любимой. Послушайте, что он написал ей...— На ходу переводя с немецкого, Яков прочел вслух: — «Дорогая Берта! Ты писала, чтобы я первым ворвался в Москву и сразу бежал в меховой магазин выбирать соболью шубку. Хорошо тебе фантазировать там в тепле. А я вот не найду обыкновенной русской шали, чтобы закутать голову от проклятого холода...»

В эту минуту прямо над нами завыла мина и разорвалась за оградой, в парке. Гитлеровцы открыли по расположению редакции беглый огонь.

— По машинам! — скомандовал редактор.

Мины стали рваться чаще и ближе к дому.

— Видно, разнюхали, что здесь газету делают,— предположил Деревянкин.

— Думаете, они на запах типографской краски лезут? — возразил повар, шагавший за кухней.— Фрицы на запах моей каши, как осы на мед, летят. Их, брат, такой едой вовек не кормили.

И ни слова о том, что он первым увидел вражеских разведчиков, открыл огонь. Зато Чапичев не забыл утренний эпизод. Он уже слагал про себя заметку о поваре.

— Яков, а ты говорил, что у журналистов жизнь спокойная,— усмехнулся Деревянкин,— и не хотел к нам в газету переходить.

Чапичев ничего не ответил.

Впереди лежала белая дорога. Большими хлопьями падал густой снег.

После тяжелых, кровопролитных боев наши войска вынуждены были оставить Тихвин. Но дальнейшее продвижение противника в результате упорного сопротивления Красной Армии было приостановлено. Больше того, вскоре части 52-й армии смелой контратакой сломили напор гитлеровцев, овладели Малой Вишерой и начали развивать успех в направлении на Грузино и Селищенский поселок. Таким образом, план немецко-фашистского командования соединиться с финскими войсками на реке Свирь провалился. Однако и без того тяжелое положение блокированного Ленинграда еще более осложнилось. Выход гитлеровских войск в район города Тихвина лишал ленинградцев единственной железной дороги, которая связывала город с тылом страны. Вскоре, чтобы облегчить положение войск Ленинградского фронта, южная оперативная группа 4-й армии прорвала оборону гитлеровцев на линии железной дороги и подошла к Ситомле. Создалась реальная угроза перехвата коммуникаций, связывавших тихвинскую группировку противника с его тылом. А через несколько дней войска Волховского фронта вышли к реке Волхов на линии Кириши — Новгород и захватили на левом берегу плацдармы в районе Грузино. Город Тихвин и все прилегающие к нему районы вплоть до реки Волхов были очищены от врага.

К этому времени начала действовать ледовая трасса, проложенная через Ладожское озеро, которая связала осажденный Ленинград с советским тылом, именуемым тогда Большой землей.

Началось контрнаступление советских войск под Москвой, явившееся важнейшим событием конца 1941 года.

III

Редакция нашей газеты расположилась в домике лесника, по соседству с бывшим пионерлагерем. Сразу все собрались на летучку. Редактор в течение нескольких минут дал каждому корреспонденту задание и разослал по воинским подразделениям. Получилось так, что Чапичева он послал в ту же часть, из которой тот прибыл в редакцию. Положив в планшет чистый блокнот, Яков отправился к своим танкистам, ведущим напряженные бои.

Основной транспорт корреспондента — собственные ноги. Нечасто попадались попутный грузовик или подвода. Но Чапичеву повезло. Выйдя на дорогу, по которой мчались к фронту автомашины, он удачно «проголосовал» и оказался в кабине рядом с пожилым шофером.

— Снаряды везете на передовую? — спросил Чапичев.

— Боеприпасы доставлял две ночи подряд,— доложил с достоинством водитель.— А сейчас везу подарки бойцам нашего полка. Народ к празднику шлет. Удивительные люди... Сами голодают, а поди ж ты, находят для солдат продукты и вещи к зиме.

— Что верно, то верно, народ наш удивительный,— поддержал Чапичев.— Об этом сейчас всюду говорят и в газетах пишут. Кстати, вы читаете «В бой за Родину»?

— А как же! Наша, солдатская,— ответил шофер.— Без газет сейчас нельзя. Кругом слухи разные ползут. Листовки фашист разбрасывает. Как же без газет? Из них только и узнаешь настоящую правду. Что нового на белом свете, товарищ политрук, а то я, почитай, уже сутки в дороге?

Чапичеву понравились эти слова, и он, почувствовав в душе гордость за свою профессию, сказал:

— Вот я как раз корреспондент этой газеты.

Яков раскрыл планшет, достал свежий номер.

— Про что там пишут сегодня? — не поворачивая головы и внимательно глядя вперед, с интересом спросил шофер.

— Вот, кстати, и о подарках.

— Интересно...

Чапичев не спеша стал пересказывать заметку:

— Все так, как ты говоришь. Пишут, что со всех концов страны в действующую армию устремился поток праздничных подарков. Из всех союзных республик, из всех областей и краев к фронту двинулись эшелоны с теплыми вещами, с мясом, фруктами. Женщины шлют теплое белье, рукавицы. Дети собирают литературу. Вместе с подарками прибывают на фронт делегации трудящихся. Они передают бойцам, командирам, политработникам сердечные поздравления от жен и детей, отцов и матерей, братьев и сестер, товарищей и подруг.

— Я тоже получил от своей приветы из-под Воронежа,— вставил шофер.— Трудятся по-настоящему.

— Вот мы часто говорим: единство фронта и тыла,— словно про себя рассуждал Чапичев.— Громкие вроде слова. А ведь за примерами далеко ходить не надо. Доказательства ты у себя в кузове везешь. Или эта заметка. Невелика. А как она бьет по врагу! Гитлер кричал: «Красная Армия — колосс на глиняных ногах!» А оказалось, ноги-то у нас крепкие. Вся страна им опора. Вот и рассыпались в прах гитлеровские планы окружения и взятия Москвы, завоевания Кавказа. Многие десятки фашистских дивизий разгромлены. Сотни тысяч захватчиков нашли себе смерть на нашей земле.

— Это и здесь чувствуется,— снова отозвался шофер.— Теперь каждый видит, что немца можно бить, и знает, как его надо бить.— Немного помолчал, прислушиваясь к рокоту мотора, спросил: — А что заграница о нас пишет?

— Разное,— сдержанно ответил Чапичев.— Но все — и враги и друзья наши — признают, что планы Гитлера на востоке провалились.

— Еще не то будет,— пообещал шофер и зло нажал на педаль газа.— Русский долго запрягает коня, но зато потом мчится лихо, не остановишь...

Машина сильно запрыгала по ухабам, и читать стало трудно. Но Чапичев уже вошел в роль агитатора и стал

рассказывать водителю о бесчинствах оккупантов на захваченных ими землях. Говорил, что это показатель не силы, а слабости фашистов, что гитлеровская Германия лопнет под тяжестью собственных преступлений. Фашизм будет раздавлен могильной землей с кладбищ, которыми усеяны поля сражений.

Водитель молчал. Только сильнее жал на газ. Чапичев решил, что где-то он потерял контакт с собеседником, и сказал попроще:

— Злодейство не прощают. Это всякий знает.

— Понятно,— отозвался шофер.

Так добрался Чапичев до самого штаба полка. Прощаясь с добрым шофером, по журналистской привычке записал его фамилию, имя, отчество и адрес. Пожимая руку, не удержался, прочитал четверостишие, сочиненное в пути:

Нет на свете больше чести,
Как в бою фашистов бить,
Воевать с народом вместе,
Верно Родине служить!

Потом добавил:

— Это, брат, я про тебя написал.

Водитель смутился:

— Спасибо. Большое уважение мне сделали.

Чапичев достал блокнот, вырвал чистый листок бумаги, переписал строфу. Протянул шоферу:

— Держи, на память.

К полудню снежная завируха разгулялась по лесу от края до края. Казалось, все живое притаилось под снегом. Но Чапичеву негде было укрыться. Подумал: может, переждать пургу? Но потом решил: нет, он не отступит. Он пойдет наперекор стихии по непролазным лесным чащобам, но будет на месте сегодня же.

Чуть подавшись корпусом вперед, навстречу ветру, Яков около часа шагал по старому замшелому ельнику. Вьюга свирепствовала больше вверху, среди остроконечных елей. Многолетние хмурые деревья раскачивались, как корабельные мачты, гнулись, словно боясь, что их выхватят с корнем и унесут на край света, стонали надрывно и жалобно. Тяжелый стон этот сливался в сплошной рокот, похожий на рев горного водопада.

Ельник неожиданно перешел в сплошной березняк. Белоствольные стройные березки качались, как осенний

ковыль. Здесь ветер бил по ногам, колючим снежным песком насквозь прошивал совсем еще новую шинель. Единственной защитой от лобового ветра мог бы служить планшет, в котором лежали блокнот да трофейная авторучка. Но Яков и не думал защищаться. Пусть хлещет! Снежная пурга — не пулеметный огонь.

Березняк сменился редким, насквозь продуваемым осинником. Тут ветер пронизывал, казалось, до костей.

В душе Чапичев порадовался: погода помогает нашим на фронте. Немцы к такому холоду непривычны. Танки еще могут пустить, но пехоту — ни-ни.

Это была первая ноябрьская метель первого года войны. Студеная, тугая и хлесткая, словно зимняя морская волна, она будто хотела показать, на что способна русская природа в лихолетье.

Лес кончился внезапно, и Яков остановился перед широкой, занесенной снегом поляной. Не было видно никаких признаков расположения танковой части. Но Чапичев хорошо знал, что его родной батальон где-то здесь. Просто танкисты, наверное, здорово замаскировались.

Впрочем, не совсем. Один танк стоял прямо в открытом поле.

«Да это же потаповский! — догадался Яков.— Хоть бы в лес спрятали, чтоб фашисты на переплавку не утащили!»

Танк слегка накренился на левую сторону, его пушка уныло смотрела в землю. Метель хозяйничала здесь вольготней, чем в лесу. Со всех сторон несла и наметала она снег, словно ей одной поручено было погребение машины, подбитой в неравном бою.

Яков смотрел на это необычайное захоронение, и на душе у него становилось тяжело, будто перед ним был не танк, а человек, друг, случайно оставшийся на поле боя...

С этого и начался его разговор с бывшими однополчанами, когда он пришел в часть. Прежде всего зашел в землянку, в которой жил до ухода в редакцию. Солдаты обступили политрука, радостно приветствовали, обнимали. Потом наперебой стали расспрашивать о новостях.

— Самовар собираются отливать фашисты,— устало заговорил Яков.— Большой самоварище хотят отлить, такой, чтобы всех немцев напоить.

Бойцы сразу поняли, что политрук, верный себе, начинает беседу с очередной шутки.

— Долго ломали себе головы, из чего бы сварганить тот самовар,— продолжал меж тем Яков,— и наконец нашли. Потаповский танк хотят утащить у вас из-под носа и переплавить.

— На самовар? Мой танк? Не пойдет! — вдруг раздался сонный сердитый голос из дальнего угла землянки.

Яков вскочил:

— Потапов! Коля! Жив, погорелец?

Потапов быстро поднялся с нар и хотел было по всем правилам приветствовать старшего по званию, а теперь и по положению товарища. Но Яков по-мужски крепко обнял его и плотно прижался обветренным лицом к светло-розовой, как у младенца, обожженной щеке друга.

— Прости, Коля. Беру свои слова обратно,— извинился он.— Я с метели-то не разглядел, кто там лежит под шинелью. Ты, может, еще нездоров, а я поднял тебя с постели?

— Нет, здоров. Из госпиталя выписали, и вот пятые сутки живу здесь, «дома». Я лежал потому, что днем сплю, а ночью в своем «самоваре» ковыряюсь. Днем немцы к танку не подпускают, огонь сразу открывают. Вот мы и ходим к нему с напарником ночью и потихонечку ремонтируем. Гусеницу и мотор уже восстановили. Еще немного поковыряемся внутри, и можно в бой...

Потапов еще что-то хотел сказать, но над землянкой раздался оглушительный взрыв. Тут же вбежал командир взвода и приказал всем занять боевые позиции.

Землянка вмиг опустела. Потапов и Чапичев вышли последними. Метель вроде поутихла, словно отступила перед силой надвигавшегося огня.

Бойцы разбежались по своим местам. Кто к танку, кто в окопы — к противотанковым орудиям, к пулеметам, в стрелковые ячейки.

Все вокруг загрохотало, задымилось от взрывов. Стало ясно, что гитлеровцы ведут артиллерийскую подготовку перед новой атакой. Издалека доносился рокот танковых моторов.

Когда утих артиллерийский огонь, сквозь рассеявшийся дым Чапичев увидел фашистские танки, навстречу которым шли уже наши тридцатьчетверки.

Тревожно осмотрев поле предстоящей битвы, Яков подсчитал, что наших танков было почти вдвое меньше, да и огонь они вели очень уж экономный.

Ну и достанется нашим! Чапичев хотел было высказать свою тревогу Потапову, но тот отстранил его, вернулся в землянку, схватил ящик, в котором хранил инструменты, и на ходу заорал:

— Их же больше, чертей!

Николай бросился к своему полузанесенному снегом танку.

— Куда ты? Стой! — закричал Чапичев, а потом побежал следом за другом.— Да хоть пригнись же, дуралей... Пригнись...

Оба упали от очередного взрыва снаряда уже возле танка. Потапов удивленно и в то же время благодарно посмотрел на Чапичева и дал знак: давай, мол, за мной. Под свист и тюканье пуль о броню, под вой снарядов и грохот начавшегося боя они проникли внутрь машины и через смотровые щели отчетливо увидели, что творится впереди.

На пригорке горела тридцатьчетверка. Две немецкие машины не спеша победно двигались к нашим траншеям. Другие еще атаковали уже дымившиеся или вертящиеся на одном месте наши танки.

— Жаль, что моя машина неисправна, а то бы я им показал кузькину мать! — со злобой сквозь зубы сказал Потапов и сильно нажал на стартер.

Мотор неожиданно взревел грозно и мощно. Чапичев почувствовал себя сильным и неуязвимым. В танке он всегда ощущал какой-то необычный прилив энергии и смелости. Мотор заработал нормально, но Яков был уверен, что в машину они забрались только затем, чтобы, пользуясь удобным моментом, увести ее в наиболее безопасное место, где она будет спокойно отремонтирована.

— Попробуй пушку! — крикнул Потапов, берясь за рычаги управления.

Чапичев и это воспринял как подтверждение своей мысли. Пушка может пригодиться, когда фашисты заметят их маневр и станут стрелять по танку.

Но Потапов только на несколько метров дал задний ход. Потом машина вдруг резко рванула вперед и, быстро набирая скорость, понеслась вслед за идущими к лесу вражескими танками. Они сперва шли по проселочной дороге, запорошенной снегом. Потом, перед

просекой, разделились: один пошел по глубокой колее, а другой — по опушке вокруг перелеска.

Потапов дал полный газ:

— Врешь, гад, не уйдешь!

Расстояние между машинами сокращалось. Чапичев развернул башню и стал стрелять по вражескому танку, который пытался скрыться в березняке. Последним снарядом подбил его.

Потапов направил танк ко второй машине. Чапичев не знал, что делать: кончились снаряды. Николай, не оглядываясь, мчался вперед.

«На что же решился Потапов? — гадал Яков.— Неужели хочет таранить?!»

Машину неожиданно бросило вправо, и Чапичев так ударился о стенку, что в глазах помутилось. Вот когда пожалел, что нет шлемофона. Машина круто накренилась, вышла из колеи и закружилась на месте. Лицо Потапова исказилось от досады. «Разорвалась гусеница»,— догадался Чапичев.

Потапов резким толчком открыл люк и приказал немедленно выбираться из танка. Скатившись на броню, они упали возле разорванной снарядом гусеницы. На земле казалось безопасней. Пули и осколки пронзительно свистели, с визгом ударялись о танк. Потапов подобрался к разбитому звену гусеницы и зло проговорил:

— Следи за врагом! Далеко, гад, не уйдет!

И только тут Чапичев заметил разводной ключ в руках Николая. «Неужели можно устранить повреждение? Под таким огнем!» — подумал Яков.

Николай тем временем бойко постукивал по гусенице. Разбитое звено, к удивлению Чапичева, подчинилось умелым рукам, повернулось в нужную сторону. Яков тоже приподнялся, надеясь чем-нибудь помочь. Николай столкнул его на землю и еще раз повторил:

— Следи за немцем, чтоб не убежал!

А чего за ним следить? Фашистский танк остановился, развернулся и стал бить из пулемета по нашим наступающим подразделениям. Другой вражеский танк, шедший в обход лесочка, тоже остановился и открыл огонь по атакующим.

— Из двух пулеметов жарят!

— Пусть жарят! Я им сейчас вжарю,— продолжая стучать по гусенице, ответил Потапов.

— Они же заметят нас и в машину не пустят.

Николай не ответил. Он вдруг победно закричал:

— По коням! — и первым нырнул в башню.

Словно брызги крупного дождя, разбивались о броню вражеские пули, но ни одна, на счастье, не попала в храброго танкиста. Глядя на него, одним рывком влетел в башню и Чапичев.

Машина снова устремилась вперед. Сперва она шла по прямой, значительно правее остановившегося на пути фашистского танка. Потапов дернул рычаг поворота, и машина взяла левее.

— Ага! — в восторге закричал Потапов и дал полный газ.— Вот теперь-то ты от нас не увильнешь!

Он вывел танк из глубокой колеи и направил его в обход удиравшего врага.

Лесочек кончился. В пятистах метрах Чапичев и Потапов увидели самоходную немецкую пушку. Она не успела развернуться, как тридцатьчетверка сбоку ударила ее и, перевернув в траншею, ушла вправо, к артиллерийскому расчету. Мгновенно подмяли орудие и начали утюжить окопы, в которых метались фашисты. Вдруг машина так сильно накренилась, что чуть не перевернулась. Пришлось дать задний ход.

Развернувшись, Потапов снова увидел фашистский танк, который стрелял из пушки. Это был тот самый, что обходил их слева. Потапов направил свою машину по лесу, чтобы не служить мишенью для остановившегося и прицельно стреляющего врага.

Вдруг в кабине запахло гарью: в танк попал снаряд. Начинался пожар.

— Слушай мою команду, поэт! — закричал Потапов.— Как только остановлю машину, сразу выскакивай, а то не успеем, взорвемся!

— А ты?

— И я! И я выскочу! — громко ответил Потапов и тише, чтобы Чапичев не услышал, добавил: — Если не собью пламя...

Открыв люк, Чапичев увидел, что танк почти весь охвачен огнем. Оглянулся: где там замешкался Потапов? Но машину в это время резко рвануло влево, и Чапичев слетел на землю.

С ужасом увидел он, что фашистский танк стоит в густом лесочке, совсем недалеко, а Потапов повел тридцатьчетверку куда-то в сторону. Чапичев клял себя, что послушался и вылез первым. Может быть, он, свободный от наблюдения за дорогой, заметил бы притаившегося фашиста, предупредил друга...

Танк Потапова, охваченный пламенем, продолжал мчаться на полной скорости. Вот он подошел к березняку, в котором затаился враг. Фашист, наверное, решил больше не трогать горящую тридцатьчетверку — сама, мол, догорит.

— Коля, выскакивай! — закричал во весь голос Чапичев, не думая о том, что никто его не услышит.— Выскакивай! Сгоришь!

Но Потапов гнал пылающую крепость прямо на вражескую машину.

«Обманул! — с ужасом подумал Чапичев.— Меня выбросил, а сам пошел... на таран?!»

И Чапичев изо всех сил побежал за пылающим танком, устремленным на врага. Бежал сколько было сил. Потом упал...

Вот-вот столкнутся две железные громадины. Осталось тридцать, двадцать, десять метров.

— Потапов! Коля! Остановись! Мы еще им...

Но пылающий советский танк на предельной скорости врезался в бок немецкой машины.

Раздался грохот.

Лязг металла.

Взрыв...

Огонь и черный дым устремились в небо, закрыв собой все вокруг.

Стемнело, когда Чапичев возвращался с поля боя. Он шел вдоль опушки леса. Не таился. Не пригибался, если даже совсем рядом рвались снаряды. И не было в душе его ни стихов, которые, как правило, рождались после необычайных событий, ни прозы. Была только боль и молчаливое благоговение перед неслыханным подвигом друга. Надо же иметь такое мужество, столько испепеляющей ненависти к врагу, чтобы пожертвовать своей жизнью ради общей победы!

Чапичев был так потрясен увиденным, что никак не мог собраться с мыслями, не мог остановиться, где-то пристроиться, как это он не раз делал, и написать что-либо путное. Голова трещала от боли. Мысли путались. Все кружилось и улетучивалось в небытие. «Сердце, отданное народу» — вертелось в сознании название будущей повести-были о Потапове. Он верил: уляжется боль — и тогда засядет за работу. Герои не умирают, они живут в памяти и делах людских...

Вернувшись в редакцию, Чапичев подробно рассказал Деревянкину о событии и попросил его на-

писать об этом в газете. Сам не мог. Песня, которую он написал о подвиге пограничника Баранова, когда-то казалась Чапичеву вершиной его творчества. Теперь он чувствовал, что это была только робкая запевка к подлинному гимну советскому человеку, такому, каким был и навсегда останется в его сознании герой-танкист Николай Потапов, русский парень из Воронежа.

IV

Несколько дней Чапичев выполнял отдельные мелкие поручения редактора, который, узнав о происшествии, случившемся в танковом батальоне, далеко его не посылал. Но потом Чапичев не вытерпел и попросил дать ему задание потруднее. На недоуменный вопрос редактора, почему именно потруднее, он ответил пословицей: «Плечам тяжелей — душе легче».

— Ну что ж, я тебя понимаю,— вздохнул редактор.— Пойдешь к автоматчикам. Для тебя это незнакомый род войск. Зато в бой не полезешь.— И, немного подумав, посоветовал: — А о Потапове попытайся написать стихи, когда душа оттает.

«Да не застыла она у меня, а, наоборот, перекалилась»,— про себя подумал Чапичев.

В штабе стрелкового полка он долго не задержался. Сразу, как только познакомился с начальством, попросился на передовую, во взвод автоматчиков. Его проводили в густой еловый лес, вдоль опушки которого тянулись окопы.

Командир взвода встретил неприветливо. Протянул руку, угрюмо бросил:

— Мовчун.

Вскоре Чапичев убедился, что фамилия у лейтенанта под стать характеру. Он сидел на дощатой скамейке, облокотившись на сбитый из молодых березок стол, и, уставившись в одну точку, молчал. Яков сказал, что хочет спуститься в траншею. Лейтенант молча поднялся и, махнув рукой — идем, дескать,— вышел из землянки. Солдаты сразу окружили нового человека, начали расспрашивать, как там, в других подразделениях, а главное, что делается под Москвой.

Чапичев по привычке надвинул на лоб кубанку, поскреб в затылке и сказал озабоченно:

— Гитлер давно собирался чай в Москве пить, да самовар не из чего отлить, металла такого нет.

Бойцы заулыбались.

— А знаете, почему нет? Металл на танки пошел, а танки их мы под Москвой пожгли да покорежили. Был тут один самовар, да и тот фашистам боком вышел.

В траншее становилось все теснее и теснее: постепенно подходили солдаты, усаживались на корточки и внимательно слушали.

О самоваре — как в душе окрестил потаповскую машину — Чапичев заговорил на полном серьезе. Он рассказал о подвиге Николая Потапова, об ожившем танке.

От папиросного дымка, чувства локтя товарищей солдатам стало теплей. Они оживились после рассказа гостя, заговорили наперебой.

— Значит, дают наши фашистам прикурить? — заметил пожилой усатый автоматчик.— Танкисты молодцы. Только бы на заводах побольше выпускали машин.

— Ну а у вас тут как? — спросил в свою очередь корреспондент.

— Да мы что... Грешная пехота,— замысловато проговорил сидевший рядом с ним ефрейтор Карасев.— Мы тут одному фашисту тоже дали прикурить. Все еще докуривает...— И он кивнул в сторону лесной поляны, где, накренившись, стоял обгоревший немецкий танк с воткнувшимся в землю стволом пушки. Он действительно дымился.

Лейтенант указал на угрюмого великана, сидевшего в обнимку с противотанковым ружьем.

— Это он подбил. Кучумов. Расскажите корреспонденту.

— Дык эт я токо учусь,— пробасил тот и погладил противотанковое ружье.— Токо с пятого выстрела продырявил гада.

Бойкий, разговорчивый ефрейтор стал рассказывать о последних боях, о том, как автоматчики, незаметно просочившись через передний край противника, устроили ему, что называется, «легкий завтрак».

Чапичев заночевал у автоматчиков. А рано утром Мовчуна вызвал командир подразделения.

— Возглавите группу разведчиков,— сказал он и, указав на карте пункт, который особенно интересо-

вал наше командование, подробно разъяснил задачу.

Вернувшись в землянку, лейтенант коротко бросил:

— Уходим.

И стал собираться. Осмотрел автомат, подвесил к поясу гранаты. Через час группа бойцов, возглавляемая Мовчуном, двинулась в путь. Шли лесными опушками, проселочными дорогами, ржаным полем. По открытой местности разведчики пробирались ползком. Часто останавливались, внимательно посматривая по сторонам, прислушивались к малейшему шороху. Недалеко от населенного пункта Мовчун заметил группу вооруженных автоматами гитлеровцев, которые шли навстречу нашим разведчикам. Столкновения не избежать. Это видели все.

— Подготовить гранаты,— по цепочке передал Мовчун.

Гитлеровцы приближались. До них оставалось не более двадцати пяти — тридцати метров. Мовчун первым бросил гранату. И сразу снег на месте взрыва почернел. Последовали еще и еще взрывы. Фашисты метались, бежали к лесу, но, скошенные пулями наших автоматчиков, оседали на землю. Вскоре все стихло. Разведчики полежали, прислушались. Потом Мовчун дал команду двигаться к указанному командиром подразделения пункту. После длительного наблюдения разведчики установили, что здесь находятся до батальона пехоты и несколько танков. Мовчун приказал одному бойцу немедленно отправиться с донесением, а сам с группой разведчиков остался на месте.

Получив данные разведки, командир подразделения решил ударить по противнику. Здесь уж Чапичев не удержался — пошел вместе с бойцами. Они свалились в траншеи врага в тот момент, когда солдаты завтракали. Дружный автоматный и пулеметный огонь и русское «ура» сделали свое дело. Несколько гитлеровцев было захвачено в плен.

Не успели бойцы разместиться в траншее, как прибыли уже наши повара с термосами.

— Теперь и нам пришло время позавтракать,— шутили красноармейцы.

Чапичеву тоже дали котелок. Завтракали по очереди. Наблюдатели следили за противником.

— Товарищ лейтенант,— нарушив молчание, обратился к командиру взвода один солдат,— расскажите

товарищу корреспонденту, как вы без выстрела двух фашистов захватили.

Мовчун только рукой махнул: отстань, мол. Но Чапичев понял, что за всем этим, видимо, скрывается интересная история, и попросил рассказать, как такое могло случиться.

— Пусть ефрейтор Карасев расскажет. Он мастер,— не выдержал лейтенант.

Карасев охотно вспоминал ту ночь.

— Лейтенант Мовчун обходил боевые порядки своего взвода, проверял посты. На пути ему повстречался незнакомый офицер с ординарцем. Офицер ходил по траншеям и предупреждал бойцов: «Сегодня ночью не стрелять: будет действовать полковая разведка».

Поведение и личность незнакомого показались Мовчуну подозрительными, и, как выяснилось потом, не без основания. Он пригласил его зайти в землянку. У задержанного офицера были найдены два подложных удостоверения личности, орден и пистолет. Оба неизвестных были немецкими лазутчиками.

Не успел ефрейтор закончить рассказ, как в траншею «свалились» два связиста. Один держал шнур в зубах. Другой — моток кабеля на плече. Карасев усмехнулся, кивнув в их сторону:

— В бою самое главное, чтоб связь не подкачала.

Связист вынул изо рта конец провода и ответил с достоинством:

— У нас связь работает как часы. Никакого перебоя!

— У вас все не как у людей,— покривился ефрейтор.— Чем гордитесь — никакого перебоя... А у нас наоборот: чем больше перебой, тем скорее победа.

Чапичев засмеялся. Ему понравилось разное понимание одного и того же слова.

— Вчера перебили десятка два фашистов,— продолжал ефрейтор.— А сегодня ночью, когда ты полз с проводом, сам видел, какой был на поле перебой: гитлеровцы не успели даже трупы подобрать...

— Хорошие вы ребята, да покурить даже некогда с вами,— улыбаясь, сказал связист. Он выбрался из траншеи, пополз дальше. Напарник последовал за ним.

— Это после того, как мы уложили тут целую роту, гитлеровцы пустили танк, а за ним санитаров с носилками,— пояснил командир взвода.— Ну, Кучумов и дал им прикурить. Плохо только, что застряла эта

машина на той стороне нейтралки: из-под нее хорошо было бы наблюдать за житьем-бытьем «завоевателей».

В полдень батальон получил приказ произвести разведку боем. А если удастся, то и окопаться на новом рубеже.

Чапичев тоже стал готовиться к походу. Попросил для себя саперную лопату. Но командир твердо сказал, что в бой журналиста не возьмет.

— Почему же? — недоумевал Чапичев.

— Вы разве не знаете?

— Нет.

— Поэт вы!

— Но я же не великий! — хотел обратить все в шутку Чапичев.

— Для нас в самый раз,— попросту ответил офицер.

— Что ж это такое,— размышлял Чапичев, глядя вслед удаляющимся солдатам.— Корабль ушел, а я остался на берегу. А когда он вернется, я должен описывать его плавание. Ерунда какая-то! — И он решительно выбрался из окопа.

Подразделение шло быстрым маршем, поспеть за ним было не так-то просто. Чапичев решил догнать их и пошел, держась чуть левее, ближе к подбитому вражескому танку. На случай, думал Чапичев, если фашисты откроют огонь, можно укрыться за этой громадой.

Скоро гитлеровцы открыли такую стрельбу, что наше подразделение вынуждено было залечь. Чапичев оказался отрезанным от своих в ложбине, которая вела к подбитому вражескому танку. Прильнув к земле, он долго лежал не шевелясь. Снег под ним постепенно подтаивал. Руки и ноги коченели. Начал одолевать кашель. А подняться нельзя. Пулеметный огонь, как метель, гулял над полем, сеял смерть. «Может, меня из этой ложбинки немцам не видно»,— подумал Яков и пополз в сторону танка. Характер стрельбы не изменился: пули свистят не над головой — значит, не по нему стреляют. Палят, как вообще во время перестрелки.

К танку Яков подполз, держа автомат на боевом взводе,— а вдруг там кто-то уже есть!..

С трудом открыл люк. Внутри пахло горелой одеждой. Обшарив все уголки, он понял, что экипаж выбрался из машины живым, истлела только одежда. Машина стояла лобовой частью к нашим траншеям. Посмотрев в щель, Чапичев увидел вспыхнувший на

мгновение огонек. Кто-то в окопе прикурил. Чапичев только сейчас заметил, что наступил вечер: «Когда же успело стемнеть? Ведь шли в разведку среди бела дня».

Интересно, а что делается там, у гитлеровцев? Яков высунулся из люка, посмотрел в сторону вражеских позиций. Ночь стояла светлая, но видно было только метров за двести, не больше. Дальше все сливалось в густой морозной дымке. И вдруг, наверное, в километре от танка, Яков увидел костер, вокруг которого грелись гитлеровцы.

«Наши за лесочком не могут увидеть этого огня, потому немцы и осмелели! — подумал он и начал соображать, как бы сообщить об увиденном своим.— Надо ползти к ним!»

И только он об этом подумал, как огонь вспыхнул ярче и осветил стоящие в ряд пушки.

«Нет,— изменил решение Чапичев,— уходить отсюда нельзя: надо во что бы то ни стало помочь нашим артиллеристам уничтожить вражескую батарею! Но как передать координаты? В сгоревшем танке аккумулятор не работает». Яков похлопал себя по карманам. Нашел спички. Уже хорошо! Теперь бы изобрести какой-то светильник. Оставив люк открытым, он спустился в кабину, начал искать промасленную ветошь, которая могла бы гореть. Наконец нашел тряпку, поджег ее. Затем, то закрывая смотровую щель, то открывая ее, стал подавать сигналы в сторону своих окопов. Заметят ли, поймут ли, что в танке свой?

Но его не замечали. Тогда Чапичев через открытый люк выбросил горящую ветошь на снег. Над окопами на мгновение подняли фонарь: поняли!

И Чапичев стал ждать. Через некоторое время приполз артиллерист-корректировщик и тоже забрался в танк. У него был карманный фонарь для подачи сигналов. Яков рассказал ему обо всем, что успел заметить на вражеской стороне. Артиллерист не мешкая засигналил фонариком на батарею. Возле немецкого костра вспыхнул огненный столб. И тут же Яков услышал раскаты орудийных выстрелов. Корректировщик просигналил, чтобы перенесли огонь вправо.

Снаряды рвались то ближе, то дальше, то левее костра. А когда ударили несколько наших пушек одновременно, там, где была немецкая батарея, сверкнули взрывы.

— Хорошо! — во весь голос крикнул Чапичев.— Поддай им еще!

И словно в ответ на эти слова, в центре немецкого костра взметнулся черный фонтан. Потом все померкло...

Тюв! Тюв! Тюв! — застучало вдруг по броне.

Решив, что это случайные, шальные пули, Яков нырнул в машину и закрыл люк. Стрельба усилилась. Значит, противник догадался обо всем и теперь их в покое не оставит. Однако не ждать же немцев в этом железном гробу.

Наступал рассвет. Стрельба поутихла. Решили проверить, не кончилась ли их осада. Высунули банку. Резкий и звонкий удар вырвал ее из рук. «Все ясно. Теперь надежда только на своих. Скорее бы заметили, что мы под обстрелом».

И вдруг с нашей стороны ударили из пулемета, винтовок и даже противотанкового ружья.

— Пулемет и винтовки — это понятно, но почему стреляет петеэр? — вслух недоумевал Чапичев.— Так и продырявить нас в танке несложно.

Вскоре сквозь пулеметно-ружейную стрельбу до слуха донесся рокот мотора.

«Фашисты пошли в танковую атаку!» — ужаснулся Яков и сразу же вспомнил про роту автоматчиков, у которых было всего лишь одно противотанковое ружье. Нащупал на боку лимонку — единственную, которую носил уже больше недели.

Но что лимонка для танка? Что иголка для слона.

Была бы противотанковая, тогда другое дело...

Не успел Чапичев придумать, что можно предпринять, как их «железный гроб» долбануло так, что он аж с места сдвинулся. И тут же в крышку люка ударили чем-то тяжелым. Потом раздался крик:

— Руссиш капут!

— Все. Влипли. Как зовут-то тебя, артиллерист?

— Ваня.

— Так вот, Ваня, отсюда мы, возможно, не выберемся. Будем держаться до конца. Вот граната...

— Само собой! Помирать, так с музыкой...

Чапичев закрыл изнутри люк башни, и они опустились на дно танка. В смотровую щель он увидел, что

возле них стоял огромный тягач и немецкие солдаты цепляли буксир.

«Сразу два дела хотят сделать: танк увезти и нас на мыло перетопить»,— подумал Яков.

В люк барабанить перестали. Снова послышался голос. Зная немецкий язык, Чапичев понял, что гитлеровцы обещают им свободу и просят открыть люк, чтобы их механик-водитель помог отбуксировать подбитый танк. Яков пошел на хитрость — предложил сам это сделать.

Немцам, видимо, такой оборот дела понравился. Но теперь по танку застучали пули с нашей стороны, и гитлеровцы не рисковали лезть на башню, предпочитая укрываться за броней.

Вскоре тягач взревел на всю мощь, дернул подцепленный танк и потащил его в сторону немецких окопов. Сердце у Якова упало. Но он тут же спохватился, вспомнил, что обещал управлять машиной, и, взявшись за рычаги, повернул танк вслед за тягачом.

Постепенно Чапичев забирал правее, чтобы вынудить тягач поближе подойти к лесочку. В голове родился дерзкий план побега.

— Держись, артиллерист! Не все еще потеряно...

Через некоторое время в смотровой щели с правой стороны показалось чернеющее на снежном фоне мелколесье. Вечером да и днем Чапичев не видел здесь немцев: место было с сильным уклоном в нашу сторону — неудобное для маскировки. Но для пленников оно оказалось выгодным потому, что вблизи начинался лес, по которому можно было пробраться к своим. Весь вопрос в том, как выбраться из машины и не попасть в лапы фашистов. Кинуть гранату? Но она упадет около танка и сделает очень мало. Открыть люк и выпустить гранату на веревочке, чтобы она не скатилась сразу на землю, а взорвалась на броне? Тогда она сбросит тех, кто сидит на танке, а пленники тем временем выскочат и скроются в лесу. Только вот где взять веревку? Стоп, для такого дела подойдет брючный ремень!

Произошло неожиданное, на что Чапичев даже рассчитывать не мог. Лимонка, разорвавшись на броне, впереди башни, не только разбросала сидящих здесь автоматчиков, но и повредила трос. Он лопнул. Танк остановился. Тягач же продолжал двигаться вперед. Яков и артиллерист стремительно выскочили из башни,

спрыгнули на землю и помчались по редколесью. Не успели они преодолеть и сотни метров, как сзади застрочили автоматы. Яков бежал быстрее и быстрее, увлекая за собой артиллериста. Отстреливаться было бессмысленно. Чапичев боялся одного — чтоб не ударил пулемет, тогда их могла скосить шальная пуля. Но вели огонь только автоматчики. Немцы, сидевшие в окопах, стрелять не решались, боялись попасть в своих.

На нашей стороне, видно, поняли, что́ произошло, и ударили из двух пулеметов. Яков чувствовал: товарищи бьют по немецким автоматчикам, которые их преследовали.

Вдруг больно дернуло руку. Ранен! Чапичев оглянулся и увидел бежавшего за ним фашиста. Первой мыслью было: остановиться и спокойно, прицелившись, сразить преследователя. Но Яков и артиллерист находились уже в лесу, где не было снега. Не оставляя следов, они продолжали бежать. А тут, как назло, левая рука Якова стала нестерпимо ныть — все сильнее он чувствовал боль.

Устав от изнеможения, Чапичев остановился, чтобы перевести дух. Сделав три глубоких вдоха и выдоха, как приучил себя еще в юности, он немного успокоил буйно клокотавшее сердце. Ваня-артиллерист лежал на земле и тяжело дышал.

Позади слышался гул тягача. Стрельбы уже не было. С востока доносились обрывки русской речи.

Чапичев с трудом поднял артиллериста, и, тяжело ступая, они двинулись в сторону своих.

Вскоре раздался крик:

— Стой! Кто идет?

— Ребята! Свои мы. Помогите!

— Кто, спрашиваю? — еще суровее послышалось в ответ.

И тут же другой, более добродушный голос:

— Ты чи не бачишь, свои, людына!

— Давай скорее сюда!

— Кто и откуда вы?

— Я журналист... Из армейской газеты...

— Хлопцы! Так это ж наш поэт!

— Поэту тоже нужна медицинская помощь.

Больше Чапичев уже ничего не слышал...

V

Ранение оказалось нетяжелым, но Чапичев потерял много крови. Врачи не обещали выписать его так скоро, как он надеялся. Шла вторая неделя пребывания его в госпитале. Рука уже почти не болела, но Яков все еще «шатался от ветра». Было и досадно, и обидно отлеживаться на больничной койке, когда по всему фронту шли кровопролитные бои.

Яков старался не терять времени даром: много читал, писал новые стихи. Внимательно следил за сообщениями Совинформбюро, ежедневно вычерчивая на карте изломанную линию фронта; от первой до последней строчки прочитывал каждую попадавшую в госпиталь газету. Он быстро сходился с людьми, поэтому и в каждой палате у него были друзья, с которыми приятно побеседовать и которые сами делились сокровенным. Многие тяжелораненые просили его почаще заходить, поделиться последними новостями. И он не откладывал, заходил, садился у койки, читал газету или рассказывал о событиях в стране и за`рубежом, о подвигах советских людей на фронте и в тылу. Часто политрук писал письма от имени раненых их женам и невестам. Стараясь не приукрашивать, он описывал бой, в котором отличился раненый, и, описывая, восхищался удивительным мужеством и героизмом простых солдат — пехотинцев, артиллеристов, саперов.

Чапичев с глубоким уважением относился к представителям всех родов войск. Но мужественных и храбрых танкистов любил особенно. Словно извиняясь, он говорил: «Прикипел к ним сердцем». Наверное, поэтому больше всего написал в госпитале стихов о них, считая: кто однажды пережил удар термитного снаряда по броне, тот по-особому понял смысл жизни.

Как-то, зайдя в палату, в которой до этого бывал уже не раз и все обитатели которой были ему известны, Яков увидел на крайней от окна койке нового жильца. С подушки глянуло на него знакомое, хотя и до крайности бледное, осунувшееся лицо. Сразу припомнился день, проведенный у автоматчиков, и говорливый ефрейтор, вводивший его в курс дела.

— Карасев! Ты ли это, друг? — склонился над раненым Чапичев.

— Я, товарищ политрук,— отозвался ефрейтор.— Не ждал, не ждал сюда попасть. Фашистский снайпер,

стервец, постарался.— Превозмогая боль, улыбнулся.— Ничего, я скоро в строй войду. Гитлеровцы от меня еще наплачутся. А мы вас часто вспоминали. В тот день, когда вас ранило, мы изрядно потрепали фашистов. И тягач их забрали. Теперь он нам исправно служит.

Чапичев и Карасев — оба живого, неуемного характера — крепко подружились. Все свободное время проводили вместе. Усядутся друг против друга, и ну спорить. Любили шутейно гитлеровцев разыгрывать. Те дни ознаменовались крупными победами наших войск. Были освобождены Ростов, Тихвин, Калинин.

Обычно, вернувшись в палату после завтрака, Чапичев подмигивал Карасеву и начинал:

— Слышали новость? Гитлер заявил: «Если германская армия займет город, то она его уже никогда не отдаст».

— Конечно,— тут же вмешивался Карасев.— Они города не отдают. Мы их просто оттуда вышибаем. Елец, Клин, Яхрома, Калуга,— перечислял он,— Калинин. Пальцев на руке не хватает. Ефремов, Наро-Фоминск. Это все они не отдавали. Мы силой взяли.

— А вот на днях сообщение пришло,— продолжал Чапичев.— Войска Кавказского фронта во взаимодействии с военно-морскими силами Черноморского флота высадили десант на Крымском полуострове и заняли города Керчь и Феодосию.

— Тут тоже все очень просто,— с охотой комментировал ефрейтор.— Это мы помогаем немцам сокращать линию фронта. И до тех пор будем помогать, пока не дойдем до Берлина. А Берлин уж штурмом будем брать. Я сам мечтаю в первой цепи пойти.

— Все это так,— соглашался Чапичев.— Только вот в газетах пишут, что в Белоруссии немецкие гарнизоны чувствуют себя, как в осажденном лагере. Куда ни ступи, всюду подстреливает партизанская пуля. Не знают фрицы, куда податься.

— И тут я могу совет дать,— отзывался Карасев.— Податься нужно восвояси: очистить подобру-поздорову нашу священную землю. А иначе ничем помочь нельзя. Разве что присоединить к партизанской пуле мою автоматную очередь.

— Сокрушаются гитлеровцы,— продолжал Чапичев.— Сколько ни злобствуют, сколько ни лютуют, а справиться с партизанами не могут.

— И не смогут,— подтверждал Карасев.— Парти-

заны на своей земле. А в своем доме, говорят, и стены помогают. Да и дело у них правое, верное.

Так и перебирали они каждый день газетные новости. Раненые слушали, усмехались, иногда поддакивали: «Верно, верно, ребята». И веселее становилось в палатах.

Однажды к Якову подошел пожилой сосед и присел на край койки. Он принес с почты свежую газету, попросил:

— Может, почитаешь ребятам?

Чапичев взял в руки газету, быстро пробежал глазами по страницам и остановился на очерке П. Лидова «Таня». В нем рассказывалось о подвиге партизанки, которую немцы повесили в деревне Петрищево под Москвой.

— Да, именно это прочитай вслух,— настаивал сосед.— Ты прирожденный агитатор, у тебя получается убедительно.

В таких случаях Чапичева долго уговаривать не приходилось, а тут он с горечью ответил:

— Почитать можно, только невеселая агитация получится.

...Взволнованный судьбой девушки, Чапичев читал о том, как при выполнении боевого задания Таня была схвачена гитлеровцами. Они долго ее мучили и зверски пытали. В одной рубашке, босую в сильный мороз водили по деревне. Фашисты жгли кожу девушки спичками, царапали тело пилой, стараясь выведать у нее сведения о партизанах. Но ничто не помогло: отважная комсомолка ничего не сказала палачам. Наутро ее повесили. Когда советская девушка поднялась на ящик, подставленный под петлей, над площадью разнесся ее молодой голос, обращенный к людям, которых немцы согнали на казнь:

— Будьте смелее, боритесь! Бейте немцев! Мне не страшно умирать, товарищи! Это счастье — умереть за свой народ...

В этот момент фашист выбил из-под ее ног ящик...

Дочитав газетный очерк до конца, Чапичев взял в руки карандаш и, склонившись над чистым листом бумаги, глубоко задумался. В его сознании вставали ночные заснеженные, изрытые воронками от бомб и снарядов поля Подмосковья. Молчаливое, грозное и гордое лицо девушки-комсомолки, смертельно ненавидевшей фашистских оккупантов и гневно бросавшей:

«Нет, нет и нет!» Уже ложились на бумагу первые строки:

Враги сломить ее пытались —
Петлей грозили и свинцом,
Всю ночь арийцы измывались
Над Таней — доблестным бойцом.

А зимним утром серебристым,
Когда забрезжили лучи,
Ее повесили фашисты...

Чапичев тут же, не отрываясь, написал еще несколько строк, в которых выразил страдания и боль солдат у могилы героини, их клятву не жалея сил жестоко отомстить подлым убийцам. Стихотворение заканчивалось оптимистическими словами:

Пройдут года, залечим раны,
Но слава будет жить в веках
Московской девушки Татьяны —
Героя и большевика!

Позже Чапичев узнал, что Таней назвалась, когда гитлеровцы схватили ее, комсомолка Зоя Космодемьянская. До войны она училась в одной из средних школ Москвы. Добровольно вместе с подругами ушла в партизанский отряд и стала смелой разведчицей.

Тогда эпиграфом к своему стихотворению поэт поставил слова, взятые из передовой газеты «Правда»:

«Зоя умерла на виселице с мыслью о Родине... В смертный час она славила грядущую победу.

Лучезарный образ Зои Космодемьянской светит далеко вокруг. Своим подвигом она показала себя достойной тех, о ком читала, о ком мечтала, у кого училась жить...»

В палате воцарилась тишина. Все увидели, что поэт что-то пишет. Сидели тихо, ждали. Знали, что, написав строфу, Чапичев имел обыкновение читать ее вслух своим товарищам по палате. Но Яков молчал, и тогда один за другим раненые потянулись в коридор, чтобы не мешать ему. А он сосредоточенно и быстро писал, зачеркивал и снова писал. Рождались стихи...

Чапичев особенно радовался, когда находил в газетах сообщения о делах Волховского фронта, о боях за Ленинград.

— Молодцы волховчане! — восхищался он.— Здо-

рово наступают! Слышали? Будугощь взята. Малые Кириши. Скоро врага отбросят за Волхов...

Но тут же вздыхал. Знал, что положение ленинградцев очень тяжелое: фашисты держали город под постоянным обстрелом. Но про себя всегда твердил: враг будет разгромлен и под Ленинградом так же, как разбит под Москвой и Ростовом. Придет час, когда гитлеровцы и здесь побегут, бросая орудия, технику, боеприпасы, оставляя горы трупов.

Погруженный в раздумья, Яков не заметил, как в палату осторожно вошел человек в накинутом на плечи белом халате.

— Что-то, поэт, вижу я, присмирели,— пошутил он.

И только тут Чапичев узнал вошедшего:

— Деревянкин! Сергей! За мной?

— Не спеши, не спеши,— обнимая больного, говорил гость, веселый, румяный с мороза — ведь на дворе стоял уже январь.

Деревянкин первым делом подал Чапичеву все номера газеты, вышедшие без него. В двух из них Яков нашел и свои материалы — статью о бронебойщике Кучумове и стихи, написанные в госпитале и отосланные в редакцию. Газеты тут же пошли по палате.

Сергей протянул ему еще один номер — со своим очерком о подвиге Чапичева в подразделении автоматчиков. В нем сообщалось о том, сколько техники и живой силы уничтожили артиллеристы благодаря поэту-корректировщику, которого командование представило к правительственной награде.

Чапичев аккуратно сложил газету, поднял на Сергея вопросительный взгляд:

— А как принял редактор весть, что его нового корреспондента угораздило попасть в госпиталь?

— Война есть война, дорогой. Все качал головой, когда узнал, как тебя немцы в танке катали. Вот, говорит, чертов поэт, куда забрался. Кстати, я и сам недоумевал, как ты там очутился, пока не поговорил с автоматчиками. Они прислали в редакцию благодарность за твой, как писали, героический поступок. После этого редактор велел мне выехать на место «происшествия» и написать очерк. «Лучше бы статью от них для газеты получить, чем благодарность»,— ворчал он, а сам, вижу, гордится тобой. То и дело повторяет: «Вот неугомонный. Вот шальной!» Ты мне хоть расскажи, какое чувство было у тебя, когда фашисты подцепили танк и

потащили бог знает куда? Сознание, наверно, помутилось?

— Было дело, струхнул порядком,— признался Чапичев.— Но потом освоился и стал думать, как быть дальше. Вспомнил почему-то слова Суворова: «Смелого пуля боится...»

— Зря ты тогда не взял меня с собой: пришлось писать очерк по рассказам,— посетовал Деревянкин.— А это всегда труднее.

— Чувствуется, что тебе материала не хватило.— Яков улыбнулся.

— А что, не так разве было?

— Если сказать правду, то все было наоборот. Ну да ладно.

— Все-таки,— не отставал Деревянкин.

— Всякое было. Порой волосы шевелились на голове. Страх сменялся смехом. И даже, кажется, песню какую-то запел.

— Да ну! Не может быть! — недоверчиво отозвался Деревянкин и, чуть прищурив правый глаз, со стороны посмотрел на своего друга.

— А что мне оставалось делать? — оправдывался Чапичев.— И сам не знаю, что на меня нашло. Со страху, наверное, запел. А может, от безысходности. Думал, все пропало. И потянуло на веселье.

— Опасное это веселье! Иногда с ума сходят от него,— сокрушенно качал головой Деревянкин.

Яков будто не расслышал этого упрека и, к удивлению Сергея, начал рассказывать легенду, услышанную им когда-то от бабушки:

— Мой библейский предок, святой Иов, пробыл во чреве кита, кажется, трое суток и то не унывал. Иов не только не упал духом, а еще и тяжбу завел с богом. «Какого черта, мол, ты впихнул меня в это вонючее китовое брюхо! Водоросли опутали всю голову. Темно — хоть глаз коли... Не сплю и не ем... Срамотища!» Бабусе жалко было святого, а мне нет...— Он на секунду замолчал, а потом неожиданно спросил Деревянкина: — Ты любил в детстве лазить по чердакам?

— О-о, самое интересное занятие!

— Значит, поймешь меня. Правда, на таких чердаках, какие видывал я, тебе бывать не довелось,— с гордостью заметил Яков.— Мой отец был холодным сапожником...

— Что значит «холодным»?

— Сейчас это называют «ремонт в присутствии заказчика». Мелкий ремонт,— пояснил Чапичев.— А отцу хотелось стать настоящим сапожником, потому что в Джанкое, где мы тогда жили, «холодных» было больше, чем ботинок да сапог. И отец собирал все, что нужно было для настоящей мастерской. Найдет выброшенную на свалку колодку — тащит на чердак. Поднимет ржавый сточенный рашпиль — туда же. За несколько лет на чердаке накопилась уйма всякого хлама.

— Но мастерскую он открыл?

— Да нет же, куда ему,— вздохнул Яков.— Так вот, чрево кита я представлял себе таким же захламленным чердаком. Ведь кит глотает всякую всячину, даже железо...

— И все же в чреве кита, наверное, было безопаснее, чем в фашистском танке?

— Признаться, да. Мороз по коже продирал. Но знаешь, когда вот так тебя прижмет, что, кажется, конец, мысль работает во много раз быстрее, сам становишься находчивей, смелей и, я бы сказал, удачливей. В тот день я понял по-настоящему смысл слов Суворова.

Вошел врач. В отделении начался очередной обход, и Деревянкин стал прощаться.

— Ну, преемник бесстрашного Иова,— сказал он,— выздоравливай. Мы за тобой пришлем машину, чтобы тебя не перехватили другие.

В редакцию Яков вернулся в конце января 1942 года. Положение на фронте значительно улучшилось. Даже иностранная пресса писала, что новые победы Красной Армии убедительно продемонстрировали мужество и дисциплину русского народа. Советские войска успешно продвигались вперед на ряде важных участков огромного фронта, и германская армия, которая многим казалась еще недавно непобедимой, отступала все дальше и дальше на запад. Естественно, что и в редакции настроение было боевое, приподнятое.

На Волховском фронте каждый день происходили важные события, за которыми мы, газетчики, еле поспевали. Солдаты и командиры приобретали опыт, учились воевать малой кровью. Своими героическими действиями прославилась в те дни артиллерийская батарея Можарова. Редактор вызвал Чапичева.

— Немедленно поезжайте на место,— приказал

он.— Поживите несколько дней с артиллеристами и напишите о них.

Чапичев прежде всего решил осмотреть поле недавнего сражения. После того как он полазил по траншеям, побывал на огневой позиции, которую занимала батарея, поговорил с людьми, перед ним развернулась грозная картина неравного боя. Фашистская пехота при поддержке танков пошла в атаку. Путь ей преградила батарея офицера Григория Можарова. Только смяв ее, гитлеровцы могли двигаться дальше. И тогда вокруг горстки советских артиллеристов заполыхало пламя. Гром орудий, рокот моторов, непрерывная стрельба из пулеметов и автоматов — все слилось в сплошной грохот, окружающее напоминало скорее кромешный ад, чем земные деяния.

Гитлеровцев было в несколько раз больше, чем артиллеристов. Поэтому батарее приходилось стрелять экономно и точно — ни одного выстрела вхолостую, ни одного снаряда мимо цели, только наверняка. На место выбывших из строя артиллеристов немедленно становились другие: планшетисты, шоферы, солдаты взвода обеспечения, хозяйственники... Враг все теснее и теснее сжимал вокруг батареи кольцо.

...Чапичев мысленно видел теперь всех защитников непобедимого редута. Пример своим подчиненным показывает командир батареи Можаров. Вот он сам стал у орудия. Не обращая внимания на ранение, пересиливая боль, посылает по врагу снаряд за снарядом. Лихорадочно работает подъемным и поворотным механизмами, стреляет, стреляет и стреляет...

Осколком разорвавшегося неподалеку снаряда разбило панораму. Можаров стал наводить орудие через ствол. Уже несколько вражеских танков застыли на поле боя, но другие еще ползли на батарею. Фашисты несли потери также в живой силе. Только и ряды артиллеристов таяли на глазах. Настал момент, когда в живых остался лишь командир батареи. Весь израненный, истекающий кровью, он продолжал отбиваться от наседающего врага. А когда кончились боеприпасы и подвезти их уже было некому, в ход пошли гранаты...

В том бою погиб старший лейтенант Можаров. Погиб с честью, вместе со своими солдатами, как подобает офицеру. Погиб, но не пропустил врага...

Политрук Чапичев стоял на недавнем поле боя, облокотившись на лафет искореженной вражескими

снарядами пушки, и думал, что в подобной ситуации он, наверное, поступил бы, как Григорий Можаров. Так велит честь советского офицера.

Советский офицер! Чапичев помнил то время, когда слово «офицер» произносилось с презрением. Именно с этим словом были связаны жестокие расправы, которые чинили белые офицеры в годы гражданской войны над мирным населением, над схваченными красноармейцами. С тех пор прошло много времени, новым понятием наполнилось слово «офицер». Советский офицерский корпус с честью прошел большую и суровую школу войны. Она закалила его и обогатила большим опытом военного искусства. И те победы, которые успела уже одержать Советская Армия, явились результатом военной зрелости и мастерства офицерского состава. Солдаты законно гордились своими командирами и, не задумываясь, прикрывали их в бою собственной грудью...

Обо всем этом размышлял Чапичев, готовя материал для газеты о подвигах артиллеристов батареи старшего лейтенанта Григория Можарова. Вместе с очерком о них Яков положил на стол редактора стихи, посвященные офицеру. Они заканчивались такими патетическими строфами:

Где ж герои силу брали
В схватке той неравной,
С чем же банду побеждали
По-геройски, славно?

С этой силой под Ростовом
Немцев мы громили,
Тихвин с ней в бою суровом
У врага отбили.

Эта сила и отвага —
В боевом походе,
В славной воинской присяге,
В партии, в народе!..

Удивительная способность была у Чапичева — он первым узнавал новости, важные события, происшедшие на передовой. Пожалуй, многое можно объяснить общительностью его характера. Вот и на этот раз, только успел сдать материал об артиллеристах, решил поехать к минометчикам. Кто-то рассказал ему, как они прорвались в тыл фашистских позиций и устроили там такой тарарам, что гитлеровцам пришлось спешно

«выравнивать линию фронта». А попросту говоря, бежать в панике.

Редактор было пытался отговорить Якова от поездки: ты, мол, устал, только с передовой... Но тот ничего не хотел слышать. Пришлось уступить.

Недолгие сборы у военного журналиста, не оттягивает плеч вещевой мешок: горбушка хлеба, банка консервов и несколько блокнотов, полотенце, бритва, зубная щетка. И снова — дорога, попутные машины. Редко когда удастся доехать в кабине с шофером, но в кузове всегда найдется место то на бочках с бензином, то на решетчатых ящиках с минами или с артиллерийскими снарядами. На этот раз Яков ехал под брезентом, удобно устроившись на мешках с мукой.

Чапичев сразу подружился с минометчиками. Ему всегда удавалось удивительно быстро сходиться с людьми, располагать их к себе. Простой, общительный человек, он был внимательным слушателем и умным собеседником.

Так понравились корреспонденту храбрые солдаты и их инициативный командир — лейтенант, что он не сдержался, высказал вслух заветное желание:

— Приеду. Сдам в редакцию материал и подам рапорт с просьбой перевести меня в вашу часть.

— Приезжайте. Комиссар нам очень нужен,— просто сказал лейтенант.— Солдаты у меня хорошие, я ими доволен. Полный интернационал — есть представители почти всех республик...

После возвращения Чапичев завел разговор о своем желании перейти к минометчикам.

— Понимаете,— убеждал он редактора,— создать что-то значительное можно только тогда, когда досконально будешь знать то, о чем собираешься писать. Я, газетчик, все время вынужден переключать свое внимание с одного на другое, а мне надо сосредоточиться на чем-то одном...

— Понимаю,— вздохнул редактор.— Но ведь мы все вынуждены заниматься не тем, что мило нашему сердцу. Война диктует свои законы, и мы не можем им не подчиняться. Твое место там, где ты нужней. Или я не прав?

— Вы правы, конечно. Да я и сам так думаю. Но, как говорится, ум с сердцем не в ладу.

Редактор только руками развел.

— Как мальчишка,— пожаловался секретарю парт-

организации,— все время куда-то рвется. В конце концов сбежит он от нас. Но что с него возьмешь — поэт.

Выслушав нотацию редактора, Чапичев вдохновенно продекламировал:

Поэт всегда с людьми,
Когда шумит гроза,
И песня с битвой — вечно сестры.

— Твое? Давай в газету! — потребовал батальонный комиссар.

— К сожалению, не мое.

— Жаль. Сказано правильно! — Редактор оживился: — Ты обратил внимание, что в газету приходит все больше стихов. Значит, больше рождается на фронте поэтов. Стихи, конечно, несовершенны по форме, но в них звучит твердая вера в нашу победу.

— Да, чуть не в каждом взводе свой поэт есть,— шутя ответил Яков.— Я давно хотел об этом сказать, но вы и без меня заметили. Нам, поэтам, требуется теперь больше места в газете. Нужна постоянная литературная полоса.

— Мы просто читаем мысли друг друга,— резюмировал редактор,— решил поручить именно тебе вести эту страницу. Согласен?

— Конечно.

— Я так и думал. Подбирай стихи, рассказы, юмористические заметки... Каждое воскресенье будем давать полосу.

Чапичева такое решение обрадовало. Теперь он будет привозить с передовой не только интересные материалы, но и стихи, которые писали красноармейцы.

Помню, мы трое — Чапичев, Иван Вострышев и я — собрались в избе, чтобы обсудить и подготовить первую литературную страницу. Перед нами лежала солидная почта, среди которой было много стихов. Писали их в основном начинающие поэты, но в стихах чувствовалось биение жизни, и сквозь строки, сделанные подчас далеко не совершенно, пробивались подлинные искры таланта. Несколько стихотворений прислал в редакцию офицер Анатолий Рыбин. Позже он стал активным военкором, и с ним мы вели теплую переписку. Рыбин описывал впечатления от боя, изображал стрелков, идущих в атаку, высмеивал гитлеровских вояк.

— Это как раз то, что надо,— заметил Чапичев и

отложил одно из рыбинских стихотворений.— Пойдет,— решил он.— Дадим и стихи Василия Глотова «Вперед к победе!» — о наступательном порыве советских воинов.

Отдельно Чапичев откладывал лирику и обязательно требовал поместить ее на литературной странице. Набралось немало стихов о том, что дорого было солдатскому сердцу: о матерях, о любимых, о родных местах.

Словом, первой нашей ласточкой стала литературная «Страница красноармейской поэзии». Появилась она в газете 23 февраля 1942 года, подготовили ее Яков Чапичев и Иван Вострышев, которого в редакции называли мастером на все руки. Особенно у него получалась сатира на врага.

С тех пор литературные страницы появлялись регулярно. Нам казалось, что популярность газеты от этого возросла. К ней потянулись теперь любители поэзии, веселой шутки, каламбура. Однажды в полку Якова пригласили посмотреть выступление самодеятельных артистов. Он удивился, когда узнал, что программу свою они построили на стихах и юморесках, взятых из литературной полосы газеты. Были использованы и его стихи.

Когда-то Чапичев еще в своей дивизионке опубликовал частушки, да и забыл о них. А тут вдруг услышал. Вышел на сцену, сбитую под елкой из горбылей, солдат с балалайкой и запел:

Злее волка, тише вора
Враг залез к нам в час ночной,
От фашистской черной своры
Отстоим мы край родной...

Чапичева это выступление заставило больше писать сатирических куплетов, которыми потом солдаты пересыпали свою речь.

Однажды он привез статью о подразделении, которое захватило у немцев восемь танков и несколько пушек и потом этим же оружием успешно громило врага. Редактор прочитал и сказал озабоченно:

— Вот бы знать, как на это реагируют фашистские главари.

— Не знаю, как сам Гитлер, а Геббельс прореагировал очень просто,— с готовностью ответил Чапичев.

— Как же?

— Когда узнал об этом случае, сказал: «Прекрасно! Так и запишем — «Новая победа немецкого оружия!»

— Да откуда ты это взял? — недоуменно спросил редактор.

— Ну а как он еще мог ответить, чтоб поднять дух солдат фюрера?

— Ну и бестия! — с веселой улыбкой сказал редактор и тут же потребовал написать об этом в газету.

VI

На этот раз в командировку Чапичев отправился вместе с Деревянкиным.

— Одного больше не пущу,— полушутя сказал ему редактор.— Чего доброго, еще в пушку залезешь, а артиллеристы не заметят да и выстрелят...

Посмеялись и, как говорится, разъехались в разные стороны. Редактор стал готовить очередной номер газеты, корреспонденты же, вооружившись автоматами, блокнотами и карандашами, отправились выполнять полученное задание.

Поздно вечером добрались до батальона, который занимал оборону на одном из боевых участков дивизии. Только что была отбита очередная атака гитлеровцев. В одну из ротных землянок вместе с солдатами незаметно втиснулись и корреспонденты. В ней было темно и душно. Разгоряченные боем люди шумно спорили, что-то доказывали друг другу, делились впечатлениями. Но вот в землянку ввалился высокий плотный сержант-украинец и все как-то сразу притихли. Он не спеша пробрался в дальний угол, взял свою, видать, давнюю спутницу — гармонь и тихо заиграл. Ему стали подпевать несколько голосов:

Ты ждешь, Лизавета,
От друга привета,
Ты не спишь до рассвета,
Все грустишь обо мне!

Припев подхватили дружно:

Одержим победу,
К тебе я приеду
На буланом
Боевом коне.

Бойцы, только что закончившие тяжелый ратный день, слушали песню. Перед их взором возникали

родные деревушки, темные леса, тихие речки. Они будто видели, как вставали над полями туманы. Дрожали на золотых колосьях капли росы. Мелькали затканные серебряным инеем деревья, избы, по самые окна нырнувшие в белые сугробы. В одной из них горит свет, и до слуха доносится плясовая песня. Это свадьба. А деревенские мальчишки и девчонки, расплющив на замерзшем стекле покрасневшие носы, любуются пляской, заслушиваются песнями...

Вспоминали солдаты манящие, незабываемые родные места, видели семьи, любимых... И лица их становились спокойнее, задумчивее.

А сержант уже подбирал мелодию другой песни:

Теплый ветер дует —
Развезло дороги,
И на Южном фронте
Оттепель опять...

Деревянкин тихонько подтягивал, а Чапичев сидел молча. Ему приятно было отдохнуть, слушая неунывающую гармонь, переливы русских песен. Сердце его полнилось радостью. Он думал: какая все же сильная вещь — песня. Она сопровождает человека всю жизнь. Едва он родился — над ним звучит колыбельная. Он подрастает и своим тоненьким, неустоявшимся голоском начинает подпевать старшим. Человек растет, и ширится круг его песен. Человек поет в труде, в радости, в любви и разлуке. Песня — это душа народа, его славная история, его победы.

Яков вынул блокнот и стал торопливо писать. Он писал о том, как необходима песня на войне. Она, как друг боевой, снимает усталость, рождает новые силы. Вот и сейчас, заглушая редкие взрывы и пулеметную трескотню, сержант басом поет о степи, о зимнем пути и об умирающем ямщике. Каждый солдат, воюя, повидал немало смертей, но этот бесхитростный рассказ о смерти ямщика брал за душу.

Размечтавшись, Чапичев не заметил, как лирическая песня сменилась залихватским «Яблочком», зазвенела острая как штык частушка:

Едет Гитлер к нам на танке
Пить вино и есть баранки,
На закусочку ему
Я гранату берегу.

Эх, яблочко
Да оловянное!
Над фашистами кресты
Да деревянные!

В такт песне раздается дробь чечетки. Прикорнувший было маленький юркий ефрейтор пустился в пляс.

— Ну и молодцы вы у меня! — спускаясь в землянку, одобрительно проговорил командир роты.— Если бить фрицев начнете — то без устали, песни петь, плясать — тоже мастера.

И вот уже солдаты, сурово сдвинув брови, поют негромко, но самозабвенно новую песню:

...Идет война народная,
Священная война...

Могучая и грозная, несется она в темноту ночи. Доплывает до вражеских окопов, и неуютно становится в них гитлеровцам. Они нервничают, боятся темноты, бесцельно пускают ракеты, бьют из автоматов и пулеметов...

На другой день, наполовину заполнив блокноты рассказами бойцов о том, как они отражали атаки фашистов, корреспонденты переместились в штаб полка. Чапичев быстро познакомился с офицерами штаба, поговорил с одним, с другим и вот уже, отозвав Сергея в сторону, горячо зашептал ему на ухо:

— Слушай, готовится вылазка за «языком». Нельзя упускать такой случай.

— Не возьмут нас,— засомневался Деревянкин.— К тому же редактор...

— Ты только поддержи,— упорствовал Чапичев.— А редактору что? Ему хороший материал нужен. Он простит.

Они пошли к командиру полка. Чапичев стал объяснять, что им обязательно надо сходить с разведчиками.

— Иначе не напишем со знанием дела. Так, чтоб взволновало других,— объяснял он.

Командир с этим доводом согласился.

— Частенько вы, газетчики, пишете «в общем и целом». Чувствуется, что с чужих слов сочиняете.

Но включить корреспондентов в состав развед-

группы отказался. Сослался на то, что надо заранее все было обговорить, согласовать со штабом дивизии. Чапичев рассердился, стал звонить в дивизию. Его не очень поняли, сказали: «На усмотрение пятнадцатого», то есть опять отослали к командиру полка. Последний колебался. Но все же привел еще аргумент. Посмотрел на часы и сообщил, что до выхода на задание осталось менее часа. Чапичев обрадовался: успеем. Командиру понравилась его настойчивость, и он приказал офицеру штаба лично отвезти корреспондентов на машине в разведотряд.

В разведку предстояло идти по двум направлениям. Одна группа будет пробираться перелесками в обход боевого охранения противника. С ней пойдет Деревянкин. Другая, с которой отправится Чапичев, двинется напрямик, по открытому снежному полю.

Минометчики заранее подготовили путь разведчикам: все поле исковыряли минами, распахали снежную целину. Бойцам, одетым в белые халаты, удобно маскироваться между комьями снега и земли.

Как только стемнело, обе группы выбрались из траншей на открытое поле и поползли в указанных направлениях. Ползли осторожно, ничем не нарушая тишины. И вдруг немцы всполошились, выпустили ракету, и вслед за ней в воздухе повис яркий фонарь. Разведчики замерли на месте, там, где их застал предательский свет.

Деревянкин отчетливо увидел недалеко от себя пулеметную точку. Он мог приложить автомат к плечу и расстрелять гитлеровцев, но приказано было действовать осторожно. Командир взвода напутствовал их перед выходом: «Не поддавайтесь провокациям и панике, когда враг поднимет стрельбу. Переждите и опять ползите. Чаще всего он стреляет наугад».

И выдержка спасла. Немцы, начавшие было стрельбу, угомонились. Фонарь долетел до земли и погас.

В это время вторая группа бесшумно подползла к лесной опушке. Чапичев впервые ощутил, как страшна на фронте тишина. Каждый куст и бугор мог оказаться неприятельской огневой точкой. Врага не видно, но по всему чувствуется: он где-то рядом. Разведчики должны проскользнуть незаметно, ничем не выдавая себя.

...Вдруг впереди мелькнули четыре тени.. Чапичев притих. Неизвестные перебежали через овражек. Постояли. Пошептались. Стало ясно: это разведчики

врага... Надо что-то предпринять. Но что? Командир лежит и молчит.

Четверо по одному перебежали к следующему кусту. Командир подполз к Чапичеву и сказал:

— Следи за ними. Когда вплотную подойдут к нашим разведчикам, крикни: «Четверо!» — и замри, чтоб свои не подстрелили.

Чапичев был рад этому поручению: ему хотелось узнать, какими путями пробираются лазутчики к нашим окопам, как ведут себя потом, когда становятся просто «языками». И он полз за ними с величайшей осторожностью. Немцы опять повесили фонарь. На этот раз над нашими траншеями. Яков понял, что они освещают путь своей четверке.

Наконец стрельба утихла. Яков видит наших разведчиков. Они лежат за кустами, а немцы почему-то толкутся на одном месте. Он долго не мог понять, что же они делают. Заметил, что возле одного куста, где все время белел снег, появился темный бугорок.

Присмотрелся внимательнее — окапываются. Значит, хотят здесь и на день остаться, чтобы наблюдать с близкого расстояния. Землю эту они потом присыплют снегом, и с нашей стороны ее не заметишь...

«Черт возьми! Что же делать?» — забеспокоился Яков и решил, обойдя гитлеровцев, приблизиться к своим.

Слегка попятился и, пользуясь тем, что немцы звенели и скребли лопатками, стал удаляться, брать правее, туда, где лесистее. Теперь его мучило другое: свои могут принять его за неприятельского лазутчика.

И только он об этом подумал, как на него кто-то тяжело навалился; зажали рот, чтоб не кричал, заложили за спину руки, связали и потащили. Через несколько минут его опустили в глубокую траншею. По разговору солдат Яков узнал — свои. Распахнулась дверь. Его внесли по ступенькам в блиндаж, и тут он увидел свет печурки, возле которой сидел командир подразделения. Якова развязали, вынули кляп изо рта, и он залпом выпалил:

— Их четверо! Окапываются недалеко от того места, где меня взяли...

Чапичев сказал это скороговоркой, боясь, что ему опять по какому-нибудь недоразумению зажмут рот.

— Товарищ корреспондент, простите, пожалуйста,— извинялся командир роты.

— Не беда, ваши люди действовали правильно,— отмахнулся Чапичев и стал подробно рассказывать обо всем, что произошло, что видел собственными глазами.

Разведчики тотчас же отправились вместе со своим «пленным» туда, где окапывались фашисты, и на глазах у Чапичева бесшумно взяли их.

Удачно прошел поиск «языка» и в первой группе, в составе которой действовал Сергей Деревянкин. Он был доволен поиском и охотно делился своими впечатлениями. Разведчики пробирались очень осторожно, используя для маскировки каждый куст, каждую складку и бугорок. Вскоре засекли несколько огневых точек врага. Но не все. Откуда-то беспрерывно короткими очередями строчил пулемет. Надо было установить его местонахождение и закидать гранатами. Сержант Измайлов и Деревянкин вызвались разделаться с пулеметом. Они осторожно ползли вперед, прислушиваясь к каждому шороху.

— Фашисты! — услышав чужие голоса, тихо произнес Деревянкин.

Действительно, метрах в десяти в воронке от снаряда сидели гитлеровцы.

Спрятавшись за бугорок и распределив между собой обязанности, Измайлов и Деревянкин терпеливо ждали. Наконец один немец выбрался из воронки и, пригнувшись, уверенно пошел в направлении нашей засады. Вслед за ним на расстоянии трех-четырех метров появились еще двое. Как только первый гитлеровец поравнялся с разведчиками, Деревянкин и Измайлов внезапно навалились на него, выбили из рук оружие, заткнули рот, связали и потащили к переднему краю. Сзади трещали выстрелы. Это группа обеспечения автоматным огнем уничтожала оставшихся. Захваченные фашисты сообщили нашему командованию важные данные...

Чапичев проснулся, когда в землянку под охраной часовых ввели пятерых «языков». Заметив офицера, пленные фашисты испуганно уставились на Чапичева.

— Гитлер капут, Гитлер капут,— торопливо лепетали они, старались расположить его к себе, попутно отказываясь от своего бесноватого фюрера.

Чапичев с омерзением смотрел на зеленые мундиры.

Противно было от мысли, что фашистские вояки храбры тогда, когда пьяной оравой идут за танковой броней. Но вот наступил момент: огромная машина войны остановлена. Теперь фашисты начинают понимать, что «молниеносная война» не удалась и скоро, очень скоро всех их ждет час расплаты. Русские войска начнут свое победное наступление.

Чапичев не хотел разговаривать с пленными. Он вышел из землянки, пристроился на огромном пне, достал блокнот и торопливо записал: «Наступление». Он должен написать такое стихотворение. Написать о танкисте Потапове, артиллеристе Можарове, разведчиках, своих новых знакомых.

Каждый из них сделал все возможное, чтобы приблизить победу. Будет наступление. Живые отомстят за своих погибших товарищей, без устали погонят ненавистного врага. Наступление!

Пользуясь тишиной, Яков прежде всего стал переписывать стихотворение, которое начал давно, да все никак не мог закончить. Называлось оно «Письмо другу» и было адресовано моряку Василию Морозову, сражавшемуся на Черноморском флоте. Сознание того, что своим участием в разведке он реально содействовал фронту, помогло написать последнюю строфу:

Храбро бьются и наши ребята,
В бой идя сквозь огонь и пургу.
Будь уверен, штыком и гранатой
Я, Василий, тебе помогу!

VII

Чапичев уговорил Деревянкина не сообщать редактору об их походе с разведчиками, пока не появится статья в газете.

Деревянкин сдержал слово. Батальонный комиссар обрадовался хорошему очерку о храброй пятерке разведчиков, где Сергей и Яков вместо себя вывели каких-то Семена Гринько и Якова Капицу, но все ситуации боя сохранили до мельчайших подробностей. Очерк получился живым, насыщенным интересными деталями. Редактор подозвал их обоих и прямо спросил:

— Скажите правду, вы сами ходили в разведку?

— Да! — громко ответил Яков и не моргнув глазом тихо добавил: — Мысленно.

Ответ прозвучал правдоподобно, батальонный комиссар поверил.

— Сдавайте материал в номер. Сутки отдыхайте, затем один, Деревянкин,— к артиллеристам, другой, Чапичев,— к саперам, с ними ты еще не встречался,— добавил он, обращаясь уже к Якову.

— Мечтаю встретиться. Говорят, интересный народ,— живо подхватил тот и начал разгружать свою походную сумку.

— А в награду за хороший материал вот — получай...— Редактор подал белый конверт с цветочками на уголках, нарисованными детской рукой.

— Долореса! — воскликнул Чапичев.

Сначала он осмотрел письмо со всех сторон, потом бережно распечатал его.

Это были первые буквы, первые каракули дочурки.

Быстро прочитав короткое посланьице, Яков еще раз осмотрел его. Даже сосчитал буквы. Их было сорок восемь. Но как дорого стоила каждая, думалось ему, когда он снова и снова перечитывал письмо.

Глаза Якова потеплели, на губах появилась мягкая улыбка.

— Живы! — наконец произнес он.— Долореса пишет, дочурка моя...

От радости начал тихо напевать:

Вдоль по шоссе шумели тополя,
Рос кипарис, очей моих отрада,
Дарила благодатная земля
Вино, и хлеб, и гроздья винограда...

— Сам понимаю — не шедевр,— сказал он,— но в этих стихах встреча с детством, читая их, я чувствую себя мальчишкой... Знаешь, что мне чаще всего снится? Нет, не наши горы, не море, хотя море я люблю до самозабвения. Мне снится паровозное кладбище, где мы играли детьми. Зной, заросли чертополоха, стрекозы. Цикады звенят, а на стертых рельсах — проржавевшие паровозы. Мне всегда их было жалко. Ведь все есть — и котлы, и колеса, только приборы сняты и свистки...

Чапичев замолчал, а Деревянкин с удивлением взглянул на него: при чем здесь паровозное кладбище?

— У этих паровозов-«кукушек» были пронзительные свистки. Паровоз умер, а звук навсегда сохранился в ушах. Странно. Наверное, так и поэт. Он весь не умирает...

— Я понимаю,— отозвался Сергей.— А если, скажем, нет у человека поэтического дара, тогда как?

— Я уже говорил, кажется, что в каждом человеке живет творческое начало и проявляется оно по-разному. О Галиченкове слыхал? Талантливый снайпер! Свой талант, свое призвание каждый должен сам найти. Можно быть просто талантливым на любовь к людям. Это высший талант. Я хотел бы обладать им и на него променял бы любую поэтическую славу. А если хочешь откровенности: я вовсе и не поэт. Я, по сути, еще только начинаю. И должен торопиться. Мои стихи — как незакаленные стрелы. Поживут немного и умрут.

— Ты зря бичуешь себя,— сказал Сергей.— Твои стихи воюют, как солдаты. Их московские артисты исполняют со сцены. Я сам слышал.

Чапичев оживился:

— Не заливаешь?

— Честное-расчестное.— Деревянкин вдруг почувствовал, что Яков близок ему.

— Я сегодня очень взбудоражен,— признался тот.— Мне надо собраться с мыслями и написать домой письмо.

Но вместо обычного письма вдруг сами собой стали рождаться стихи:

Когда приходят сумерки в бою
И мы лежим в землянке у печурки,
Я вижу Долоресочку мою,
Родную непослушную дочурку.

Яков зачеркнул, взял другой лист.

Туманит взор мне теплая слеза,
И вот опять встают передо мною
Курносый носик, черные глаза
И девочка с курчавой головою.

Больше Яков не зачеркивал того, что писалось само. Строфу за строфой он дописал все стихотворение.

Когда закончил письмо и хотел было запечатать его, батальонный комиссар дружески положил руку на плечо Чапичеву и попросил:

— Перепиши для газеты.

— Что переписать?

— Письмо.

— Так это ж личное.

— Поэтому и прошу лично. Солдатам оно очень понравится и явится подмогой в боях.

Так стихотворение «Моей дочурке Долоресочке» было сначало отдано наборщику, а потом уж отправлено по адресу.

Редактор тем временем открыл свой небольшой чемоданчик, в котором хранил самые важные редакционные документы, и, вынув оттуда квадратную коробочку, подал ее Чапичеву.

— Письмо-то пришло несколько дней назад, когда ты был на задании. По конверту и штампу догадались, что оно от дочери, и кое-что за это время сэкономили. Посмотри, может, добавишь чего. И сегодня же отошли. Утром будет некогда...

Яков раскрыл коробочку и увидел аккуратно уложенные кусочки сахара и плитку шоколада. Он растроганно посмотрел на редактора, который делал вид, что сосредоточенно читает рукопись. С благодарностью подумал о людях редакции, бескорыстных, добрых и чутких.

Следующую ночь Чапичев провел уже у саперов. Она была особенно неспокойна. Саперы трижды пытались разминировать поле, по которому предстояло пройти пехотинцам к занятой противником деревне. Но если саперам и удавалось сделать в минном поле проходы, гитлеровцы тут же закрывали их. Командир стрелковой роты решил провести своих бойцов правее минного поля. Но там, на фланге, в окопе за разбитой снарядом сосной стоял пулемет, огонь которого никак не могли подавить. Надеялись на дружную атаку на всем участке. К ней и готовились.

Чапичев занимался своим делом — собирал материал для очерка. Но его все время неотвязно занимала мысль: как бы обхитрить врага? Наконец он решил рискнуть и обратился к командиру роты с просьбой разрешить ему забросить гранату в окоп, где укрылся немецкий пулеметчик.

Командир роты посмотрел на корреспондента уважительно, но резонно возразил:

— Тут же метров триста будет. Если б вы были даже чемпионом мира, и то не добросили бы...

— Ну а если все же попробовать? — не унимался Чапичев и, задорно сверкнув смоляными глазами, попросил гранату.

Ему дали сразу две.

— Еще лучше! — обрадовался он и, сняв маскхалат, пошел в дальний конец траншеи.— Вы здесь курите,

дымите посильнее и на меня не обращайте внимания. Следите за немцем. Да и меня не подстрелите, особенно когда... Попробую хитростью взять гитлеровца!

— Понял вас. Будет все в порядке. Обеспечим надежно,— ответил командир.

— Как только в окопчик влетит моя граната, вы сразу «ура» — и вперед!

С этими словами Яков скрылся за изгибами насыпи над траншеей. Теперь свои его не видели. Зато немец, сидевший за пулеметом, сразу заметил перебежчика...

Гитлеровец обрадовался появлению русского офицера в нейтральной зоне. Если такого взять живым, то награда обеспечена. Видя, что офицер, пугливо озираясь на своих, ползет все быстрей и быстрей, что у него нет даже автомата, вытянул палец, который все утро держал на спусковом крючке ручного пулемета, и поманил:

— Ком, ком!

Чапичев еще раз оглянулся на своих, потом решительно поднялся и побежал, низко пригибаясь к земле. И уже совсем недалеко от окопа споткнулся и упал.

Немец испугался: уж не убили ли? Не может быть, выстрела не было. И вдруг «споткнувшийся» офицер метнул гранату, затем вторую...

Одновременно со взрывом гранаты грянуло громогласное «ура».

Через несколько минут развороченный окопчик заполнили наши бойцы. Но не задержались в нем. Расчищая себе путь гранатами, заняли всю первую траншею врага.

Немцы подняли стрельбу. Но путь к селу теперь был открыт. Взвод красноармейцев сосредоточился в лесочке, чтобы ударить во фланг противнику, в обход села. Чапичев пошел с этим взводом. Командир роты остался в траншее с основными силами.

Ночью русские ворвались в село и загнали фашистов на их же минное поле. Под пулеметным огнем гитлеровцы ошалело бежали по полю и взлетали на воздух. Грохот стоял, как во время артподготовки.

Утром, осматривая минное поле, на котором валялось десятка три убитых, Чапичев сказал удовлетворенно:

— А они неплохо разминировали!

— Недаром говорят у нас в народе, не рой другому

яму, сам в нее попадешь! — кивнул подошедший пожилой боец.

— Да, за такую работу гитлеровцы все «получат» награды,— поддержал командир подразделения.— По кресту.

— На этот раз Гитлер и адреса их не найдет, не узнает, куда кресты посылать,— уточнил боец.

Привели захваченных в плен двух солдат и связного мотоциклиста. Стали судить да рядить, что делать с ними. Кто-то принес с минного поля клок немецкого мундира с сохранившимся боковым карманом. Там нашли письмо фашиста, имя которого было традиционным — Фриц. Он писал возлюбленной о своих победах.

На другой день в село вошел наш батальон. Солдаты окопались по обе стороны моста.

Яков весь вечер писал. А утром, отправив очерк в газету, решил поехать в соседнее село, куда перебазировалась рота автоматчиков.

Гитлеровцев из этого села выбили еще на рассвете, и Яков свободно расхаживал по кривым улицам, рассматривая старинные деревянные дома. В этом селе раньше жили известные на всю округу потомственные плотники, бондари да столяры. Вот они и строили дома каждый на свой вкус. Неповторимо красиво выглядели резные украшения по дереву: карнизы, двери, наличники... Особенно долго Яков стоял возле углового домика с покосившимся, разрисованным всякими вензелями крыльцом. Вдруг с чердака раздался выстрел. Яков упал. «Ранили!» — с досадой подумал он. Через некоторое время два красноармейца положили его на носилки. А несколько бойцов цепью окружили дом, с крыши которого стреляли.

Чапичева несли узким проулком. Сзади раздался взрыв, и Яков увидел, как разлетелись трухлявые щепки с чердака.

— Да там уже никого нет,— морщась от боли, сказал он и вдруг увидел трех гитлеровцев, бегущих им наперерез.

Солдаты, несшие раненого, растерялись. Они не решались бросить носилки на снег и в то же время боялись упустить врага.

Яков, изловчившись, прицелился в перелезавшего через ограду фашиста, выстрелил и тут же стал ловить на мушку второго. Но того сразил санитар. Третий бро-

сился бежать. Его подстрелили подоспевшие бойцы. Взмахнув руками, он повалился на землю.

— Вот как мы научились метко стрелять! — через силу улыбаясь, подбадривал Чапичев бойцов.— Ну чего, ребятушки, встали, несите дальше.

И тут его рука, державшая пистолет, вдруг опустилась на носилки.

Оперировать в санчасти было некому, и Якова на санях повезли в ближайший госпиталь. Операция прошла удачно. Позже Чапичева вместе с госпиталем эвакуировали в Сочи.

Так редакция армейской газеты надолго потеряла своего боевого корреспондента.

VIII

Далеко в тылу оказался Чапичев. Не слышны здесь ни пулеметная трескотня, ни оружейные выстрелы. Если бы не налеты фашистской авиации на город, то можно совсем отвыкнуть от войны. Отвыкнуть, но не забыть. О ней напоминали стоны и раны солдат, которые почти ежедневно прибывали в Сочи и размещались в зданиях бывших санаториев. О войне напоминали также газеты, журналы, которые с жадностью читал Яков.

Рана заживала медленно. Но Чапичев уже беспокоился больше о том, что после госпиталя не попадет в свою редакцию. Это стало еще более очевидным, когда гитлеровцы начали новое наступление.

Чтобы как-то быть полезным в том положении, в котором он оказался, Чапичев, как и раньше это было, стал активно участвовать в общественной жизни госпиталя, то и дело выступал перед ранеными с рассказами о боевых подвигах воинов на фронтах Отечественной войны, помогал выпускать стенную газету. Наладил выпуск боевого листка в палате, организовывал литературные вечера, на которых нередко выступал со своими стихами.

Однажды, когда Чапичев только что окончил читать свое стихотворение раненым, к нему подошел начальник госпиталя и сказал, обращаясь к собравшимся:

— Дорогие товарищи! Мы только что получили радостное известие: наш поэт Яков Чапичев награжден

орденом Красной Звезды. Ему также присвоено очередное воинское звание — капитан. Разрешите мне от имени персонала госпиталя и от вашего имени поздравить товарища Чапичева с большой правительственной наградой.

Собравшиеся дружно аплодировали.

...Весной сорок третьего года Чапичева выписали из госпиталя, и он попросился на фронт. Кадровики направили его в стрелковый батальон заместителем командира по политчасти.

IX

Часть, в которую Чапичев прибыл после госпиталя, стояла на Украине. Командир батальона майор Головин, высокий, подтянутый и слишком чопорный офицер с черными кустиками усов на белом, почти девичьем лице, встретил Якова сухо. Он ждал боевого комиссара, а ему дали журналиста, поэта.

— Собрать батальон, чтоб представить вас, сейчас невозможно,— холодно сказал Чапичеву комбат.— Каждый солдат на своем месте. А немцы не дают покоя...

— Зачем собирать,— понял его маневр Чапичев.— Сам всех обойду. Так даже лучше — знакомство будет прочнее.

— Решение правильное,— обрадовался комбат.— Начните с минометчиков. Они вон в том перелеске стоят. Связной вас проводит. Потом переберетесь к другим.

...Возле миномета находился весь расчет. Один солдат вел наблюдение за противником, остальные чистили орудие.

Связной коротко доложил командиру отделения, что привел замполита, и ушел. Младший сержант Пронин представился новому офицеру.

— После ночного боя расчет занимается чисткой миномета,— отрапортовал он и неожиданно весело добавил: — Хотели утром, да немец не разрешил.

Он пристально посмотрел в глаза капитану, стараясь угадать, любит ли он солдатскую шутку. Да и вообще, что собой представляет новое начальство, как с ним вести себя?

— Хорошо, продолжайте,— поздоровавшись, ска-

зал Чапичев.— А то как бы снова немец не помешал. Не дает он вам отдохнуть.

— Мы перед ним в долгу не остаемся,— с подчеркнутой гордостью ответил Пронин.— Если побудете у нас, убедитесь сами, что мы не даром солдатский хлеб едим.

И вдруг, посмотрев в даль траншеи, Пронин таинственно прошептал:

— Ребята, подтянись! Главком идет!

Солдаты быстро начали отряхиваться, прихорашиваться. Чапичев не сразу понял, что все это значит, но почувствовал: во всей этой таинственности кроется какая-то шутка.

Через минуту из-за поворота блиндажа выскочила веселая, улыбающаяся девушка-санинструктор. Увидев офицера, она независимо доложила о себе и тут же повернулась в сторону солдат, заговорила певуче и нежно:

— Здравствуйте, мои замарашки. Отчего же вы сегодня опять такие черненькие?

— Зато он,— Пронин кивнул на миномет,— блестит, как тульский самовар!

— Не очень-то его начищайте,— погрозила она пальчиком.— У немцев бинокли мощные. Увидят, как блестит ваш самовар,— шарахнут из всех орудий.— И вдруг сурово добавила: — Слышала, как вы тут громыхали всю ночь. И чего только людям не спится!

— Так то же ствол миномета чыстыли,— не спеша заговорил внешне медлительный солдат-украинец с забинтованной от плеча до локтя рукой.— Заодно и окопы нимцам почыстыли, ось на́ бинокль, подывысь, дэ вона учорашня огнева точка. Нэма! То-то ж!

— «Нэма»! — передразнила девушка.— А ты, Грицко, чего не в госпитале?

— Мой фриц ще пасеться в табуни,— все так же не спеша отвечал солдат.— От знайду ему бугорок бильше та кол подлинней, тогда и в госпиталь отправлюсь. Мне ведь туда не к спеху.

— Досидишься до гангрены! — уже начала сердиться девушка.

— Люба, так же нельзя! — с напускной серьезностью заметил угрюмый солдат с двумя нашивками о ранениях на гимнастерке и медалью «За отвагу».— Парень целое утро готовил тебе нежные слова про

любовь, а ты ему такое, что и не выговоришь! Гангрену какую-то выдумала...

— Он же ранен, и не о любви ему надо думать,— продолжала всерьез Люба.— Вы это понимаете?

— Я-то понимаю, а вот он...— Солдат покосился на Грицко.— У него заноза в сердце, значит, а может, и осколок целый.

— Вы все шутите, а дело серьезное.

— Это Грицко шутит, а не я. Он даже поэтом стал, стихи про вас сочинил.

— Какие?

— Грицко, прочитай, пусть Люба послушает, а то подумает, что я сбрехал.

— Да шутит он, Любовь Николаевна,— извинительно проговорил Грицко и покраснел.

— Нет, не шучу. Мы эти стихи заучили уже. Вот послушайте:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

Люба расхохоталась.

— Так это же Пушкин сочинил,— вытирая глаза платком, сказала она.— Ну и насмешили.

— А вот это Грицко сам написал, клянусь,— не сдавался солдат.

Гори, гори, моя звезда,
Гори, звезда приветная,
Ты у меня одна заветная,
Других не будь хоть никогда.

Люба снова рассмеялась.

Грицко вобрал голову в плечи и сидел, не поднимая глаз.

Чапичев слушал, удивлялся и завидовал. Начни писать о них — никогда сам таких речей не выдумаешь.

— А котелки?! — переводя разговор на другую тему, воскликнула Люба.— Неужели вы из них будете есть?

Смех будто оборвался, и каждый молча посмотрел на котелки, кучкой лежавшие на дне окопа.

Украинец почесал в затылке и совершенно серьезно ответил за всех:

— Вчера дюже жирный борщ был, сало жалко смывать.

— Ладно уж, вымою. А ты собирайся! — сказала Люба раненому.— Товарищ капитан, прикажите ему отправиться в санчасть! — обратилась она за помощью к Чапичеву.

Но тут над самыми их головами завыла мина. Все невольно пригнулись.

— Одурел фриц! — зло проговорил Пронин.— Сам себе могилу роет.

Вторая мина разорвалась метрах в пяти позади окопов. Третья еще ближе.

— Грамотно, прицельно бьет! — кивнув солдатам, уже ухватившись за миномет, чтоб перенести его правее, определил Пронин.

Все быстро перебежали вправо по траншее. А на месте, где только что стоял миномет, разорвалась очередная вражеская мина. Когда высоко взметнувшийся фонтан сухой земли опустился, солдаты быстро вернули свой миномет на прежнее место. А Люба, устроившись на дне воронки, стала перевязывать Грицко.

Теперь мина разорвалась справа, там, где только что прятался расчет.

«Научились люди воевать»,— с удовлетворением подумал Чапичев и стал помогать санинструктору делать перевязку.

— Вы были медиком? — чувствуя, что капитан действует довольно умело, спросила Люба.

— Товарищ санинструктор, вы правы, боец должен немедленно отправляться в санчасть! Через час-два начнется заражение,— строго сказал Чапичев, взглянув на посиневшую руку раненого, и уже по-дружески добавил: — Не бойся, Грицко, через недельку вернешься к своему «самовару». Мы еще вместе будем фрицев угощать русским чаем.

Солдат благодарно кивнул и ушел.

— Товарищ капитан, а разве заражение у него еще не началось? — виновато спросила Люба.

— Не мог же я при нем об этом говорить. Зачем пугать парня? Нужно принимать срочные меры,— ответил Чапичев озабоченно.— Догоните его и сами ведите прямо к хирургу.

— Есть, прямо к хирургу! — козырнула Люба и метнулась по траншее, но остановилась у поворота и спросила: — Так вы все-таки врач, раз сразу определили?

— Нет, не врач. Просто я очень много видел всяких ран.

Люба смотрела недоверчиво и ждала ответа на свой вопрос.

— Я — политработник, а это тот же врач,— сказал Чапичев.

В это время Яков уловил далекий вой мины и вдруг рванулся к миномету, столкнул его вместе с Прониным на дно воронки. Тотчас, вблизи того места, где стоял миномет, раздался взрыв.

Бойцы удивленно посмотрели на Чапичева, а Пронин спросил:

— Как вы узнали, товарищ капитан, что он ударит сюда?

— Простая арифметика, — отшутился Чапичев. И, немного помолчав, добавил: — Надо быть наблюдательным — только и всего.

Миномет перенесли в другое место, и Чапичев разрешил открыть ответный огонь. Сначала Яков прислушивался к вою мин, следил за их полетом. Потом взялся сам корректировать огонь. После нескольких выстрелов фашистский миномет умолк. С полчаса ждали, что он проявит себя в другом месте, но противник молчал.

Неожиданно к минометчикам пришел комбат.

— Молодец, Пронин! С наблюдательного пункта я сам видел, как вы прямым попаданием уничтожили вражеский расчет,— сказал майор Головин и добавил: — Представляю к награде.

— Это не меня,— краснея, проговорил Пронин,— а товарища капитана надо представлять. Я только исполнял его команду, а корректировал он.

— Вот как?! — комбат заинтересованно посмотрел на Чапичева и пожал ему руку.— Спасибо, выручил. А то, проклятый, три дня не давал нам покоя.— И совсем уже доверительно кивнул на пулеметчика, находившегося неподалеку от минометного расчета: — По-моему, он панически боится немцев и стреляет не целясь, приседая в окопе.

— Бывают и такие,— сдержанно ответил Чапичев.

— Побеседуйте с ним. Мне кажется, что он всегда очень торопится, боится подпустить противника на расстояние прицельного огня. Гитлеровцы, когда он стреляет, ложатся, а не падают убитыми. И если со стороны не помочь, то нашего пулеметчика, глядишь,

самого уволокут. А на полигоне он самый меткий стрелок, потому и не хочется передавать пулемет другому.

— Не стоит передавать. Он еще сам повоюет, и, думаю, как следует.

— Разве только с вашей помощью. Сам себя он не одолеет.

— Если потребуется,— поможем,— сказал Чапичев.— Это наш долг, наша обязанность. Политработник — тот же врач,— загадочно заключил он.

— Понимаю. Я-то, признаться, подумал, что вы поэт, а вы, оказывается, самый что ни на есть комиссар...

В душе Чапичев обрадовался, что командир разговорился, но сдержанно повторил — постарается понять пулеметчика. Так и сказал: «Понять». И добавил:

— А что касается политработы и поэзии, то они — родные сестры.

Командир понимающе кивал головой. Комиссар ему явно понравился.

Стоял первый по-летнему теплый день. И красноармейцы ухитрялись между атаками загорать в окопах, раздевшись до пояса. Вот и пулеметчику Киселеву, да и второму номеру, с которыми он уже час сидел в окопе, Чапичев разрешил расстегнуть гимнастерки, чтобы «тело подышало». Мешали фашисты. Они лезли напролом, пытались выбить наших солдат из окопов, которые совсем недавно отрыли сами.

И вдруг по окопам прошел тревожный шепот:

— Танки!

— Немецкие танки!

— Есть бронебойщики?

— Да у нас тут один только,— кивнул направо рядом сидевший солдат.— Абакар Фрицелуп. Что он может сделать?

— Абакар здесь? — оживился Чапичев.— Надо познакомиться!

Знаменитого бронебойщика Абакара Магомедова Фрицелупом прозвали за то, что на своем участке он не пропустил ни одного фашистского танка. Говорили о нем в батальоне много, в газете писали, но Яков еще не видел этого храброго воина.

Нашел он Абакара в глубоком окопе на небольшой возвышенности. Сразу понял: бронебойщик выбрал

открытую местность, где в первую очередь могут пройти танки.

Подбираться к нему пришлось ползком, чтобы не привлечь внимания вражеских снайперов. И все же где-то Яков себя выдал — над ним одна за другой просвистели несколько пуль.

Спустившись в окоп к бронебойщику, Чапичев удивился его необычному занятию. Сначала он подумал, что Абакар молится: сжатые вместе ладони он подносил к лицу, держал их так, затем опускал. Сам же смотрел в сторону приближавшихся танков, от грохота и рева которых содрогалось все вокруг.

Наконец Яков догадался: Абакар что-то нюхает. Вспомнил: многие степняки табак не курят, а нюхают!

«Волнуется»,— отметил про себя Яков, а вслух спросил:

— Что, Абакар, насвай нюхаешь?

Тот отрицательно покачал головой и пояснил, что насвай не нюхают, а за губу кладут и посасывают.

— Нашел о чем говорить! — зло пробубнил пожилой солдат, второй номер бронебойщика.— Враг на горло наседает, а он о дурмане каком-то болтает.

Но Абакар, не прикасаясь к своему хорошо замаскированному противотанковому ружью, невозмутимо продолжал:

— Родной трава нюхаю. В степи растет. Отец прислал.

И, встретив вопросительный взгляд Чапичева, пояснил:

— Мой отец, мой дед и прадед был спокойный, как сфинкс. Я родной трава смотрю, нюхаю. Тоже спокойный, как сфинкс. Палец сопсим не дрожит. А трава силу дает...

— Чертов сфинкс! — вдруг заорал напарник.— Стреляй!

Абакар не шелохнулся. Он уже хорошо знал своего помощника. Украинец Дацюк недавно на фронте и потому, несмотря на возраст, горячился. Тем более что перед ними танки — враг грозный и опасный. Все это Абакар понимал, чувствовал, но выразить словами, чтобы успокоить друга, не умел. Он только посматривал на небо чаще обычного и, когда Дацюк уже потерял терпение, сказал как можно спокойнее:

— Ты, друг, не бойся этих чертей. Один твой брат-украинец гранатами и бутылками с горючей смесью

несколько танков уничтожил. Сам читал. А у нас — грозный бронебойка.

Дацюк виновато смотрел на командира расчета. Он давно усвоил, что нужна выдержка. Все понимал, но нервы... Страшно ведь. Такая махина прет прямо на тебя. Хотя бы чуть в сторону отвернула, чтобы в бок лупануть.

Танки были уже совсем близко. Они шли уверенно и быстро. Никто по ним не стрелял, и это придавало гитлеровцам смелости.

А степняк-бронебойщик, глядя в черные железные глазницы машин, несущих смерть, опять поднес к лицу пучок сухой травы из далекой родной степи.

«Черт возьми, надо же иметь такую выдержку,— думал Чапичев.— Сюда бы фотографа! Впрочем, фотограф здесь так же беспомощен, как и я. Тут нужен кинооператор. Хотя ни в какой экран не вместишь всего сразу. Это уж когда-нибудь потом, вероятно, будет такое кино, что сможет передать панораму: и надвигающиеся танки, и невозмутимо спокойного бронебойщика, нюхающего свою родную траву. Вот уж поистине — скала!»

В одно мгновение Абакар легким движением сунул за пазуху траву и упал.

Не лег, а именно припал к своему заждавшемуся оружию, и тотчас, кажется еще раньше самого выстрела, закружился головной танк.

Раздалось еще несколько выстрелов, и загорелась другая машина. Третья, чадя и постреливая, повернула обратно.

Но вот прозвучал еще один выстрел, и уползающий с поля боя танк замер на месте. Открылся башенный люк, и оттуда, словно горящий факел, вывалился солдат. С поднятыми руками, крича душераздирающе, он побежал к нашим окопам. Минометчики набросили на него плащ-палатку и загасили огонь.

Чапичев глянул на Магомедова. Тот снова нюхал свою траву.

«Теперь, видно, чтобы успокоиться»,— подумал Яков. Но Абакар развеял это предположение:

— А побежал бы этот немец на свой сторона, сопсим погиб! Или сгорел, или свой эсэс застрелил!

«Вот тебе и сфинкс!» — уже с восторгом подумал Чапичев и по старой привычке вынул блокнот, чтобы

хоть кое-что записать о бронебойщике. Пригодится и для заметки в газету, и для наградного листа.

Об этом конечно же написать бы стихи. Да времени нет. Может, когда-то еще и напишется. А сейчас главное — по достоинству отметить человека за подвиг.

Фашистские танки больше не появлялись, и Чапичев вернулся к пулеметчику, который по-прежнему дежурил в своем окопе.

Саша Киселев — совсем молодой солдат. Невысокого роста, коренастый и, видать, сильный. Пухлое лицо его загорело до черноты. Сверкали только зубы, ровные и мелкие. Лицо его казалось совсем юным. Еще утром, познакомившись и немного поговорив с пулеметчиком, Чапичев заметил, что он очень внимателен и пунктуален. Чем же недоволен комбат Головин? Чтобы понять это, надо побыть с пулеметчиком во время боя.

Вторым номером у Киселева был юркий худощавый казах Омар Темиров. Родом он был из Голодной степи, по которой Чапичев дважды в жизни проезжал. И сейчас они вспоминали необозримую, опаленную горячим солнцем равнину, желтовато-серую от пересохшей травы, в пятнах солончаков.

Когда Чапичев бросил неосторожную фразу: «Как бы все же накормить Голодную степь?», Омар так и вспыхнул:

— Голодный степь сам может целый государство прокормить! — И торопливо стал рассказывать о своих родных местах, о том, какой красивой становится пустыня в марте — апреле. В эти месяцы северо-западные ветры приносят туда первые дожди. Тогда пустыня оживает, вспыхивает ярким цветом разнотравья. Появляется множество цветов — одни прекраснее других. В ту пору легко найти золотые и пунцово-красные тюльпаны, лиловые крокусы, высокие ферулы, множество кумачовых маков. За несколько дней вся степь до самого горизонта покрывается будто разноцветным ковром.

— Омар, я рад, что вы так горячо любите свои родные края,— осторожно заметил Яков.— Но ведь так в пустыне продолжается недолго. Проходит две-три недели, и дожди прекращаются. Короткая весна сме-

няется длинным жарким летом. Растительность выгорает, и огромная безводная равнина на долгое время приобретает свой желто-серый однообразный вид. Краски тускнеют и гаснут, и степь становится безжизненной, бесплодной и голодной. Почва такая раскаленная, что коробятся подошвы сапог, ветер поднимает в воздух тучи песка, который назойливо набивается в рот, в глаза, в уши.

— «Гарм-силя» называется этот суховей,— пояснил Омар и тут же не согласился с Чапичевым: — Неверный ваш утверждение. Так было давно. Теперь пустыня стал другой.

И Омар снова, с присущей ему горячностью, стал рассказывать о планах преображения Голодной степи, которая таит в себе несметные возможности. Отсюда, с Голодностепной равнины, советские ученые по рекомендации В. И. Ленина начали свои попытки обводнения пустынь. Правда, не всегда они кончались успехами. Но работа возобновлялась снова и снова. В 1935 году в Голодную степь прибыла большая экспедиция Академии наук СССР. Омар вместе с другими земляками принимал в ней непосредственное участие и знал, с каким упорством ученые искали воду, как сутками пробирались они в глубь степи, как бушевали песчаные бури. Помнил ту действительно голодную степь, в которой водились одни верблюды, эти «корабли пустыни». Но и в них был смысл. Они составляли главную ценность жителей. Вкусное и питательное мясо. Великолепная верблюжья шерсть. Из молока готовили бодрящие напитки — чали и кумыс. А питается верблюд тем, чем никто в мире не может питаться — зеленой колючкой, которую недаром прозвали в его честь верблюжьей. Ее не только нельзя взять в руки, но на нее нельзя даже наступить ногой в обуви. Он вспомнил, как часто в пустыне раскаленное солнце быстро катилось к закату. Как всегда, где-то в дальнем конце каменного ущелья, а может быть, на раскаленной песчаной равнине зарождался степной ветер, набирая разгон, он как бы тек книзу. Тянул за собой сор, обрывки бумаг, засохшую листву, верблюжьи колючки, мелкую каменную пыль. Он звонко гудел в проводах, жаром дышал на людей, будто дробь, колотил по стеклам окон, подтачивая телеграфные столбы, больно сек лица и руки. Ветры сменялись тихими, солнечными днями, когда даже в тени было 45—50 градусов жары.

Все живые существа зарывались в песок, прятались от палящих лучей солнца.

Только гордый орел — властелин пустыни — высоко парил над степью. И люди, подобно орлу, с новой силой, с новой энергией принимались за преображение своего края.

Голодная степь... Нет необходимости объяснять, что это такое. Даже тот, кто никогда не видел ее, может представить себе те неимоверные трудности, которые переносили люди, осваивая этот в прошлом безжизненный край. Говорят, вода — это жизнь... Вроде привычная фраза. Но там, где так долго, целыми веками, не было воды, эти слова звучат с тысячекратной силой. Да, вода — это жизнь. Обо всем этом Омар знал не только из рассказов старых людей — аксакалов, передававших из уст в уста легенды о Голодной степи, но он и сам хорошо знал этот суровый край, помнил дореволюционное время, когда в пустыне были лишь песок да белое раскаленное солнце.

Вдруг Омар резко встряхнул головой, как бы отгоняя от себя нахлынувшие воспоминания о прошлом, в нем снова просыпалась любовь к родному краю, и он с гордостью утверждал:

— В пустыне есть все. Есть солнце и тепло. Есть длинный лето и плодородный почва. А вода? Еще до войны здесь проходил фронт борьбы за вода. Ее тылом была вся республика, вся страна. Москва посылал хороший специалист. Ленинград давал турбины для электростанций и гидростанций. Минск дарил замечательный тракторы. Ташкент производил хлопчатоуборочный машина. Киев, Алма-Ата, Фрунзе — все нам помогал по-братски.

Омар поведал Чапичеву о «хлопковом острове» — первом совхозе в пустыне, который выращивал хлопок. «Пахта-Арал» назывался этот совхоз. В нем Омар работал до войны. Советское государство помогало «Пахта-Аралу», предоставляло ему совершенную по тем временам технику, давало денежные субсидии. И совхоз стал получать богатые урожаи хлопка. Тогда немало казахов-кочевников и узбеков-дехкан пришло в это хозяйство. Приезжали туда люди и из центра России. Построенный Северный канал принес воды Сырдарьи. На территории совхоза были высажены тысячи деревьев. Омар в это время учился на агронома. И вдруг — война. Вместе с другими пахтааральцами

Омар с последнего курса убежал на фронт. Он так и сказал — «убежал».

На самом интересном месте их беседы о фонтанах животворящей воды, которые могли бы ударить в степи, если добраться до подземных озер и рек, на бруствере вдруг взвились фонтанчики сухой земли, и по всему переднему краю пошла винтовочная и пулеметная трескотня.

Киселев до боли в пальцах сжал рукоятки пулемета. Омар держал ленту наготове.

Под прикрытием плотного автоматного и пулеметного огня гитлеровцы с криком поднялись из окопов и пошли в атаку. На ходу они выстраивались в четкие «железные» звенья.

— Саша,— тихо и как-то совсем по-дружески обратился к пулеметчику Чапичев.— Будешь стрелять — вспомни обо мне.

Киселев, оглянувшись, недоуменно посмотрел на замполита, взявшего на изготовку свой автомат.

— Да, да, я имею в виду мой автомат,— пояснил Чапичев.— Он ведь не достанет так далеко, как пулемет. Так ты, пожалуйста, подпусти гитлеровцев поближе, чтоб и я мог немножко почесать им пятки.

— Есть!— догадавшись, о чем капитан ведет речь, спокойно, тоже как друг, а не подчиненный, ответил Саша.— Лучше всего вы и начните, товарищ капитан. Это будет для меня сигналом.

— Договорились,— ответил Чапичев, а про себя подумал: «Люблю догадливых людей».

Справа в сотне метров раздался дружный винтовочный залп. Саша чуть не нажал на спусковой крючок, но вовремя удержался и бросил виноватый взгляд на капитана.

— Соседи стреляют,— пояснил Чапичев,— потому что у них винтовки, которые достают дальше и дают прицельный огонь. А у нас — жатка. Мы будем косить подчистую.— И чтобы еще хоть на какую-то минуту удержать палец пулеметчика на спусковом крючке, спросил: — На сенокосе бывать приходилось?

Саша весь напрягся. Плотно припал к пулемету: одной рукой смахивал со лба пот, заливавший глаза, а другую не отнимал от рукоятки.

Гитлеровцы шли твердым шагом. И шли они прямо на молчавший пулемет Саши Киселева. Шли, как неумолимая сила, которая, казалось, сметет на

своем пути все живое, все дышащее. Грозная железная стена!

— Саша, еще немножко,— одним дыханием сказал Чапичев.— Подожди еще чуточку. Будем начинать с середины колонны. Потом ты своей «косой» поведешь налево, я — направо.

— Давайте, товарищ капитан!— чуть не плача, взмолился пулеметчик.— А то видите — гранаты готовят.

— Саша! Прицел...— еще оттянул какие-то секунды Чапичев и одновременно с командой «огонь» дал автоматную очередь.

Пулемет заработал грозно и четко. Саша даже сам удивился, как сразу рухнула «железная стена» врага. Сначала раскололась пополам, потом стала разваливаться на части. В самой гуще гитлеровцев взорвалось несколько гранат: наверное, фашисты их приготовили, но не успели пустить в действие. А когда наши бойцы открыли пулеметно-автоматный огонь, гранаты, выпавшие из рук убитых, взрывались и поражали гитлеровцев. Вскоре все поле было усеяно распластавшимися «зелеными мундирами». Оставшиеся в живых солдаты еще стреляли и что-то кричали. А пулемет строчил и строчил.

— Возьми правее, соседям помоги!— посоветовал Чапичев в ту единственную секунду, когда пулеметчик откинулся от прицела, чтобы перевести дыхание и перезарядить ленту.

Саша повел дулом пулемета вправо. Но теперь он открыл свое левое плечо, и на смуглом теле его вдруг вспыхнул алый огонек. Сгоряча он не понял, что ранен. Чапичев рывком дернул пулеметчика за пояс. Тот испуганно оглянулся и только тогда почувствовал боль.

Выхватив из кармана гимнастерки перевязочный бинт, Яков наложил его на рану и посоветовал:

— Держи покрепче! Чтобы кровь приостановилась. Я за тебя постреляю.— И, прильнув к пулемету, крикнул Омару: — Давай ленту!

Гитлеровцы густой зеленой волной снова накатывались на наши окопы.

— Откуда же их столько набралось!— в недоумении воскликнул Чапичев, видевший, что недавно чуть не вся эта зеленая масса неподвижно лежала на поле и казалась мертвой.

Хитрость? Да! Падают. Отлеживаются и опять

вперед. Ну что ж, сейчас мы проверим, всегда ли спасает врагов их хитрость.

Чапичев поймал цепь в прицел и нажал на спусковой крючок. Пулемет ритмично застучал. Вражеская цепь стала редеть.

В самый разгар боя Чапичев почувствовал резкую боль в левой руке и тупой удар в голову. Пытаясь ухватиться правой рукой за станину пулемета, Яков стал беспомощно сползать в окоп, еле различая слова Омара:

— Товарищ капитан! Товарищ капитан!

Потом опять застучал их пулемет: Омар занял место раненого товарища. Больше Яков ничего не слышал...

И снова госпиталь, безделье, которого так не терпел Чапичев. На этот раз ему даже литературной работой не хотелось заниматься. Наша армия гнала врага на запад, и Яков рвался на фронт.

Давно уже нет писем от жены, от родных. Живы ли они? Эти тяжелые думы не давали покоя.

Однажды Яков прочитал в газете корреспонденцию о подвиге крымчанина летчика Амет-хана Султана, лично сбившего более тридцати фашистских самолетов и девятнадцать — в групповых боях. В газете сообщалось, что ему присвоено звание Героя Советского Союза. Сердце Чапичева наполнилось гордостью за земляка-героя. Первый раз после ранения он взял в руки карандаш и блокнот.

Орлиное сердце тревожно стучит,
Как вспомнит Амет небо Крыма.
Он знает, как мать его ждет и не спит
Ночами в Алупке любимой...

Там славная девушка летчика ждет,
И встреча их не за горами,
И водит под небом Амет самолет,
Сбивая и «вульфы», и «рамы»...

Только что родившиеся стихи он прочитал раненым и задумчиво сказал:

— Я уверен, Амет-хан Султан еще не раз проявит себя. Имя его попадет в летопись нашей славной истории.

И Чапичев не ошибся. Амет-хан одним из первых совершил воздушный таран, а в конце войны уничтожил над Берлином один из последних самолетов фашист-

ской авиации. Советское правительство высоко оценило подвиги воздушного аса, присвоив ему дважды звание Героя Советского Союза.

X

Кроме того что Чапичев воевал, рисковал собой, чем не отличался от сотен и тысяч других политработников, он еще создавал книгу о войне. Прозаическую. В нее, конечно, будут вкраплены стихи: он ведь в душе поэт! Эта книга должна стать своеобразным итогом его фронтовой жизни.

Чапичев хотел глубоко понять психологическую сущность происходящей войны, ответить и на такие вопросы: откуда советский народ черпает силы? что помогает ему сделать подвиг нормой поведения?

Такими были его творческие планы, такой, еще более напряженной, предстояла жизнь.

Бои шли уже за рубежами нашей Родины, когда майор Чапичев, оправившись от ранения, вновь отправился на фронт. На этот раз ему повезло. Он вернулся в свой родной полк, из которого уезжал в госпиталь. Командир полка майор Головин сам разыскал Чапичева, хотя полк находился уже в Германии. И Яков обрадовался: значит, полюбил его этот внешне неприветливый, но мужественный человек.

В батальоне Чапичева встретили как старого знакомого, о котором не забыли. Он долго не мог понять, чем объяснить подобное. И только старшина Пронин, ставший уже командиром взвода, раскрыл ему секрет. Оказывается, все то хорошее, что успел в батальоне сделать комиссар, стало примером для многих офицеров.

...В один из теплых весенних дней полк после долгого, утомительного марша по труднопроходимым проселочным дорогам вышел к небольшому заштатному городку, имевшему большое значение в системе вражеской обороны.

Бойцов встречали непривычные для русского глаза постройки. Низкие продолговатые дома с высокими покатыми крышами походили на военные укрепления. Окна в них напоминали бойницы старых крепостей. Смотрели они на мир зловеще и настороженно.

«Кажется, что люди здесь только и были заняты войной», — подумал Чапичев, когда впервые увидел такой

дом. Было известно, что гитлеровцы засели в серых мрачных каменных зданиях, обнесенных железной решетчатой оградой. Улицы и дороги заминированы и перегорожены баррикадами.

Чапичев видел, что бойцы предельно устали. А им приказано решительным ударом взять город, который превращен врагом в крепость. На ближних подступах противник соорудил несколько железобетонных дотов. К длительной обороне приспособлены многие улицы и здания. Прежде чем начать наступление, в полках тщательно готовились к нему. Разведали оборону противника, выявили огневые системы, нанесли на карты инженерные сооружения. На тыловых полигонах бойцы учились штурмовать здания.

Полк, в который прибыл Чапичев, только что совершив обходной маневр, внезапно атаковал противника, ворвался на восточную окраину города. Там начались уличные бои. Необычными были они не только для новичка-политработника, но и для многих закаленных, испытанных бойцов. Передний край проходил подчас между этажами домов. Гитлеровцы устраивали засады на чердаках каменных зданий. Подпуская на близкое расстояние наши наступающие подразделения, они внезапно обрушивали на них пулеметный и автоматный огонь. Чапичев беседовал с ветеранами полка, опираясь на их опыт, пытался разгадать тактику врага, найти верные методы противодействия ей.

Оставив несколько окраинных домов, гитлеровцы укрепились в квартале из добротных каменных зданий. Атаки прекратились. Наши бойцы готовились к новому броску. А пока, где возможно, окапывались.

...Чапичев обходил батальон, разместившийся на трех первых улицах. Прислонившись к мокрой стене мрачного здания, стояла группа бойцов с почерневшими, хмурыми лицами. Он подошел к ним. Поздоровался. Те ответили на приветствие вяло.

— Измотались, товарищ майор,— виновато сказал один из солдат, доверительно обращаясь к Чапичеву.— Враг цепляется за каждый дом.

— И я устал,— откровенно признался Чапичев, сел на лафет брошенной гитлеровцами пушки, закурил и передал бойцам пачку папирос. Закуривали без особого энтузиазма.

— Знаю, родные нас ждут. Думают, что мы вот-вот вернемся с победой. А тут работы еще чертова уйма,—

как бы сам с собой, продолжал беседу Чапичев.— Мне вот уже второй месяц нету писем из дома...

И пошло! Люди сразу разговорились, оживились. Один из этих смертельно усталых бойцов, пожилой человек, сказал уверенно:

— Хоть и кусаются гитлеровцы, как осенние мухи, а подыхать им придется скоро!

— Сами видим, что скоро,— согласился другой.— Да хочется враз покончить с ними. Домой, может, к пахоте успели бы...

— К пахоте не успеем, а к сенокосу наверняка вернемся,— заверил Чапичев.

— И то неплохо,— бросив окурок, согласился пожилой боец.

— Но помните, наш путь к дому лежит через Берлин. Другого нету.

— Это мы понимаем. Другого и не ищем...

Ночью, под покровом темноты, гитлеровцы пошли в контратаку явно превосходящими силами. Вражеские автоматчики уже просочились на первые этажи домов. Яков понимал: упустить момент — значило проиграть бой.

Не раздумывая, он поднял автомат над головой и громко, во всю силу своего мощного голоса крикнул:

— За Родину! Вперед!

— Ура!— пронеслось по рядам атакующих.

Дело решили минуты. Неожиданность сломила гитлеровцев, они отступили.

В порыве боя мало кто видел, какое страдание отразилось на лице их командира, когда пуля обожгла ему руку. И хотя теперь Яков не мог стрелять, все же он не покинул поле боя: в батальоне с людьми было трудно. Он продолжал отдавать распоряжения, приказал обложить мешками с песком пулеметные гнезда. Сказал командиру взвода:

— Не спускай глаз с дома напротив. Я пойду поговорю с солдатами.

...Новая атака гитлеровцев застала Чапичева во взводе пулеметчиков старшины Пронина.

— Новичок у меня,— доверительно шепнул Пронин майору, кивнув на большого, с виду неуклюжего парня, прильнувшего к пулемету.— Очень уж нетерпеливый. Враг еще на горизонте, а он жарит по нему, как зенитчик...

Чапичев невольно вспомнил Сашу Киселева,

который от страха стрелял не целясь. Но потом Саша стал смелым бойцом. Может, и этот станет таким же, если с ним повозиться. Вслух сказал:

— Ну, это не самая страшная беда, дело поправимое.

Спустившись в окоп, Чапичев поздоровался с пулеметчиком Володей Солодовым и его вторым номером Сашей Дорониным. Они называли себя земляками. Оказалось, что Саша жил у озера Селигер, откуда начинается Волга, а Володя в Астрахани, где она заканчивает свой путь.

— Ну что ж, земляки так земляки. Вблизи одной реки живете. Это, по мне, все равно что в одном большом селе, только на разных концах длинной улицы.

— Совершенно верно, товарищ майор! — оживился Солодов.— У меня дома катерок имеется, сам смастерил. После войны в отпуск буду ездить к Доронину.

Чапичев спросил:

— Как тут у вас? Спокойно?

— Не очень,— ответил Солодов.— Все лезут и лезут. Видите,— показал он на развалины здания,— опять накапливаются для контратаки.

Стрельба и крики пьяных гитлеровцев усиливались. Солодов нервничал, торопил напарника.

— Смотри не сорвись! — положив руку на плечо пулеметчика, тихо сказал Чапичев.— Издали ты сможешь из сотни убить одного. А это отродье надо косить, как бурьян, как чертополох. Понял? Подпускай их как можно ближе и бей наверняка!

Ревущая, стреляющая лавина, как огромный морской прибой, накатывалась на позицию пулеметчиков. Того и гляди, захлестнет их, как утлую лодчонку. Вот гитлеровцы уже в ста метрах. Пули проносятся над головой. Мины и снаряды с треском и грохотом рвутся вокруг.

От напряжения на лбу пулеметчика выступили крупные капли пота.

— Повременим,— шепчет Чапичев на ухо Солодову.

Почти у самого окопа разорвалась мина.

— Можно? — не спросил, а выкрикнул пулеметчик тревожно и уже молящим голосом протянул: — Товарищ майор, уже полста метров осталось. Не успеем...

— Другие помогут,— стряхивая с гимнастерки землю, которой обсыпало его после взрыва, ответил Чапичев.— Сигнал подаем мы, наш пулемет — в первом

ряду.— И резко взмахнул рукой: — Слева направо, давай!

Пулемет хлестнул густой беспощадной очередью. Его сигнал подхватили и справа, и слева, и где-то сверху, наверное на чердаке захваченного дома. Волна атакующих гитлеровцев отхлынула назад, укрылась в развалинах.

Солодов повернул к Чапичеву свое черное от усталости лицо и радостно воскликнул:

— Здорово мы их, товарищ майор!

— Молодцы, ребята!— похвалил он.— Пронин, представьте их к награде,— посоветовал Чапичев.— Солодов — настоящий солдат. Смелый, расчетливый, с завидной выдержкой.

Чапичев явно преувеличивал, но верил: солдат будет именно таким, старался внушить юноше веру в себя. В этом был уверен и командир взвода — он приказал Солодову принять командование отделением.

— Есть, принять командование отделением! — с мальчишеской радостью ответил Солодов.

В это время притихшие было гитлеровцы открыли по нашим окопам огонь из ручного пулемета, стоявшего за углом каменного дома.

— Савченко, Кандауров, подавите пулеметчика!— громко и уверенно приказал новый командир отделения.— Прикрываясь кустами жасмина, подползите к дому и забросайте гранатами...

Командир взвода ушел к другому расчету, уверенный, что здесь теперь все будет в порядке. Чапичев же не мог уйти — здесь заново родился человек, и не без его помощи. А Якова привлекали люди, которых другие считали несмелыми, а то и хуже того — трусливыми. В глубине души он верил, что для каждого человека наступает такой момент, когда он вдруг раскрывается во всем богатстве своих душевных качеств. Командир, по мнению Чапичева, обязан угадать этот момент, приблизить его. И Яков остался с пулеметчиками до конца боя: «Посмотрим, как дальше пойдут дела».

Пока бойцы подбирались к вражескому пулемету, Чапичев уже узнал, что Володя родился в доме бакенщика, в десяти километрах от Астрахани. Осенью отец возил его в школу на лодке. Третьеклассником Володя сам управлял моторкой, плавал на ней в школу и обратно. И не было в селе мальчишки, который не завидовал бы ему. Зимой они всей семьей переселялись

в город, в общежитие судоремонтного завода. Мать и отец зиму работали на заводе. А на лето снова возвращались в свой домик у Волги.

В армию Володя пошел добровольцем, на целых полгода раньше срока. Но когда попал на передовую, оробел. Ему все казалось, что он не успеет выстрелить, что первым выстрелит враг. Вот только сегодня и понял, лежа за пулеметом, что в бою, как на рыбалке, надо угадать время, когда подсекать...

— На рыбалке, там ведь как,— уже разговорившись, попросту рассказывал Солодов,— чуть раньше времени подсечешь — пропало все, рыба уйдет. Опоздаешь — тоже худо.

— Ну, сегодня ты «подсек» в самый раз,— похвалил Чапичев.

— Лиха беда начало. Теперь наметал глаз, нутром почувствовал расстояние между мной и врагом.

Якову очень понравилось это выражение — «нутром почувствовал расстояние». И он тут же записал его себе в блокнот.

— Смотрите!— вдруг приподнявшись над бруствером, восторженно воскликнул Доронин.— Ребята уже там!

Чапичев увидел Савченко и Кандаурова возле дома, из-за угла которого строчил немецкий пулемет. Прижавшись к стене, они, казалось, замерли.

— Чего же они мешкают,— негодовал командир отделения.— Где у них гранаты?

— Забыли, шляпы!— огорченно махнул рукой Доронин. Чапичев молчал. Ему казалось, что бойцы задумали что-то серьезное, о гранатах совсем не горюют.

А немецкий пулемет бил почти беспрерывно, шаг за шагом ребята приближались к нему. Наконец, когда Савченко мог вытянутой рукой достать до угла дома, он снял автомат и отдал Кандаурову. Потом вынул из кармана гранату и тоже передал ее.

— Почему он разоружается?— с тревогой воскликнул командир отделения.

— Подождите, Солодов, сейчас мы все узнаем,— успокоил его Чапичев.

Савченко тем временем отдал вторую гранату напарнику, который сидел наготове с автоматом в руках. Когда Савченко снял с себя пилотку, тут уж и спокойный Доронин не выдержал:

— Ошалел! Зачем раздевается-то?

Но Савченко и не собирался раздеваться. Сняв пилотку, он сунул в нее правую руку, как в рукавицу, и мгновенно, словно кошка, хотя этот парень был могучего телосложения, бросился вперед, схватил правой рукой раскаленное дуло пулемета и изо всей силы дернул его на себя. За углом только мелькнули руки, не сумевшие удержать пулемета. Кандауров метнул за угол гранату и сразу после взрыва бросился туда, строча из автомата. Савченко устремился за ним. Расположившись за кучей кирпича, он открыл стрельбу из трофейного пулемета.

— Вот черти! Молодцы!— воскликнул Солодов и вытер со лба пот.— Где же командир? Теперь бы всему взводу туда!

И, словно ему в ответ, раздался крик:

— Санитар! Санитар, комвзвода ранило!

Солодов вскочил во весь рост, ошарашенный этим нелепым сообщением, прозвучавшим в такую критическую минуту. Лицо его побелело, глаза стали строже. Обратившись к майору и получив его одобрение, он вдруг понял, что теперь на него ложится ответственность за исход боя, неожиданно даже для самого себя твердо приказал:

— Взво-од! Слушай мою команду!

От этого крика у Чапичева все внутри напряглось, руки потянулись к автомату. Это был голос командира!

— За мной, вперед!— выскочив из окопа, кричал Солодов.

Послышалось дружное «ура».

Подхлестнутый этой командой и общим порывом, Чапичев тоже побежал вместе со всей лавиной кричащих, возбужденных людей. Вражеские пулеметы били с двух сторон, но чем ближе подбегали наши бойцы к дому, тем реже слышался посвист пуль.

За углом дома взвод по команде Солодова быстро рассредоточился между грудами кирпича, видимо приготовленного немцами для защиты своего пулеметного гнезда.

Савченко и Кандауров лежали за пулеметом уже в нескольких метрах от угла дома и били по убегавшим гитлеровцам. Преодолев развалины, бойцы взвода, стреляя на ходу, ворвались в дом, еще недавно казавшийся неприступным.

И снова прокатилось «ура».

За взводом пошла рота, за ротой — батальон, полк. Вскоре от гитлеровцев был очищен весь квартал.

Вчерашняя рана Чапичева сильно кровоточила. Левая рука стала словно свинцовой, и он уже не мог ее поднять. Впрочем, теперь можно было отправиться и на перевязку — бой выигран!

Время от времени Чапичев слышал зычный голос нового командира взвода Солодова, парня, который еще утром казался таким робким и неуверенным. И Якову захотелось, что называется, тряхнуть стариной, написать о нем в газету...

XI

К вечеру город был отбит у гитлеровцев. Но кое-где временами еще слышалась стрельба. То автоматная очередь прошьет тишину, то раздастся глухой пистолетный выстрел или взрыв гранаты. Спрятавшиеся по закоулкам вражеские офицеры продолжали сопротивляться.

Майор Яков Чапичев не обращал внимания на одиночные выстрелы. Сидя на груде кирпича возле разрушенного дома, он писал очерк. Заголовок уже есть: «Главное — не растеряться». Письменным столом ему служила ложа неразлучного ППШ, до черноты отполированная за годы войны. Писалось легко и быстро, потому что все, о чем хотел рассказать читателям, видел лично, пережил и перечувствовал. Выдумывать ничего не приходилось. Наоборот, опасался, как бы не «растечься мыслью по древу». Очерк хотелось сделать кратким, но стремительным, как сами события минувшего дня.

Солнце скрылось за горбатой крышей мрачного серого дома, чем-то похожего на огромного бегемота. Пахло гарью и кирпичной пылью. Не отрывая руки от блокнота, Яков глянул перед собой. И вовремя! По разрушенной наполовину стене к нему бесшумно приближался гитлеровец, державший автомат наготове. Видимо, он не хотел стрелять, чтоб не привлекать к себе внимания. Но подбирался с совершенно определенной целью: напасть на русского офицера. Однако, как только Чапичев его заметил, фашист вскинул автомат:

— Хенде хох!

Понимая, что гитлеровцу невыгодно стрелять, Яков

как можно спокойнее ответил по-немецки, что он журналист и с ним можно договориться.

— О-о, шпрехен зи дойч!

— Яволь,— с готовностью ответил Чапичев и, заметив, что немец убрал палец со спускового крючка автомата, подложил правую руку под блокнот, словно хотел его спрятать, и, не переворачивая своего ППШ, дал очередь. Гитлеровец свалился со стены, выронив оружие.

Чапичев встал, осмотрелся и вслух сказал:

— Да, главное — не растеряться.

Очерк остался недописанным. Необычная стычка с фашистом выбила из колеи, спутала мысли. Спрятав блокнот в планшет, Чапичев вернулся в подразделение, которое готовилось к бою...

Ночевать пришлось в большом двухэтажном доме, где разместилось несколько офицеров батальона. У входа в дом Яков прочел на массивной дубовой двери, окованной бронзой, странную надпись на русском языке: «Просьба ничего не портить, не уносить; здесь живет мирный немец Иоганн Пфефер».

— Ну что ж, очень приятно познакомиться с «мирным немцем»,— сказал Яков, открывая дверь.

В прихожей Чапичев поздоровался со знакомыми офицерами. С завистью посмотрел на их чистые, выбритые лица. Понял, что люди успели помыться и привести себя в порядок. Значит, у «мирного немца» действует водопровод. Яков тоже решил этим воспользоваться.

Войдя в ванную, он почувствовал какой-то не немецкий, а привычный, домашний запах мыла. Осмотрелся, заметил овальный розовый брусок, понюхал — наше, тэжэ. Улыбнулся: кому-то из офицеров жена прислала. «Зачем же он оставляет его здесь?»

И вдруг увидел еще такие же бруски. От любопытства открыл шкафчик и глазам своим не поверил: там лежало в четыре ряда не меньше пятидесяти кусков такого же мыла.

«Запасливый «мирный немец»,— удивленно подумал он.— Где он столько набрал?»

Любопытство его разгоралось, и он открыл другой шкаф в стене. Сколько вышитых украинских рушников и разноцветных платков! Мысль о том, что все это награблено у нас, в России, обожгла его. Тяжело было видеть это.

— Всю нашу страну ограбили,— с болью произнес

Чапичев.— Все свезли в свой фатерланд, ничем не гнушаются.

С этими мыслями Яков вышел из ванной. Офицеры уже ужинали, для него тоже стоял прибор. Подавала старенькая и бесшумная, как тень, немка. Сев за стол, он воскликнул от удивления:

— Да что это такое! И посуда советская у этого «мирного немца»!

— А вот это ты узнаешь?— указал один из офицеров на кружевную дорожку, лежавшую на комоде.— Наше, вологодское.

Словно первым морозом дохнуло на влажное стекло — таким тонким и изящным было кружево. Видно, не один вечер сидела, склонившись над рукоделием, русская женщина и конечно же собиралась порадовать своей работой не этого «мирного немца».

После ужина Яков увидел целые тюки такого кружева. И не только вологодского.

Подвал в доме оказался заполненным дорогой посудой, свезенной сюда из разных стран, оккупированных фашистской Германией.

Яков Чапичев не вытерпел и спросил у старушки, которая подавала им на стол, что все это значит, откуда столько чужого добра у «мирного немца»?

Та молча подвела его к книжному шкафу, достала портрет эсэсовца — сына хозяина.

— А кто же сам хозяин?— спросил Чапичев.

— Доктор философии,— ответила служанка.

Она оживилась, когда русский офицер заговорил на ее родном языке. Сказала, что зовут ее Мартой.

— Почему же он считает себя мирным, если весь дом заполнен награбленным в разных странах добром?— не удержался Яков.

— Он пошел на хитрость, на обман,— призналась служанка.— Здесь многие уверяли, что русские тоже будут грабить, и заранее готовили на дверях такие таблички.

— О других они судят по себе!— проговорил Чапичев без обиды на фрау Марту и спросил, где сейчас хозяин.

— Куда-то на Запад подался, как только большевики перешли границу.

— Ну а вы, фрау Марта, почему не уехали с ним? Неужели не боялись русских?

— А чего бояться? У меня с русскими солдатами

есть много общего,— ответила со вздохом она и показала свои мозоли.

Яков одобрительно закивал и, бережно взяв правую руку немки, сказал печально:

— Такая же рука у моей мамы, рабочая, даже пальцы так же скрючены... Да, да, нам друг от друга убегать нечего,— согласился Чапичев и, отойдя, стал разглядывать книги в огромном шкафу.— Скажите, ваш хозяин газеты получал?

— О да. Очень много,— закивала Марта.

— Мне бы хотелось почитать вашу городскую. Интересно, что о нас здесь писали в последние дни.

— Хозяин боялся, что эти газеты могут его скомпрометировать, и приказал Гансу спрятать их в тайнике за гаражом.

— А кто такой Ганс?

— Это мой муж. Он во дворе.

— Зовите его, мы с ним потолкуем.

— Вы разрешите ему войти сюда?— удивилась Марта.

— Ну а как же!— развел руками Чапичев.— Конечно, пусть пройдет. Не буду же я с ним разговаривать через форточку.

— Хозяин не разрешал Гансу входить в дом. Он живет там, в своей загородке, возле гаража. От него всегда машинным маслом да навозом пахнет, а хозяин не любил посторонних запахов,— как само собой разумеющееся, пояснила Марта.

Она ушла и вскоре вернулась с одноглазым, очень тощим, прихрамывающим Гансом. Тот нес целую кипу газет. На пороге остановился, вынул из кармана своего донельзя засаленного пиджака мокрую тряпку, вытер подошвы ботинок, сделал несколько шагов и только тогда с подобострастным поклоном поднес русскому офицеру газеты.

Положив их на стол, Чапичев протянул немцу руку. На лице Ганса отразилось недоумение. Он недоверчиво пожал руку русскому офицеру. Яков назвал себя, сказал, что он сын рабочего и потому хорошо понимает трудовых людей с мозолистыми руками, какой бы национальности они ни были.

Ганс ушел растерянный, но сияющий от счастья. Наверное, впервые за всю жизнь он почувствовал себя человеком. Фрау Марта зажгла еще одну лампу, над книжным шкафом, и бесшумно исчезла.

«Смерть бушует сегодня у ворот нашего города!— читал Чапичев в одном из последних номеров газеты.— Все на защиту фатерланда от явившихся с востока штыков!»

— Вот врали!— сокрушался Яков.— А кто кричал о походе на восток? Чьи штыки еще недавно угрожали Москве? Сами напросились, а теперь вопят.

Он взял старую, пожелтевшую подшивку. Взгляд его сразу же упал на броские заголовки через всю полосу: «Германские войска вырвались к Волге!», «Генерал Роммель идет к Каиру и Александрии».

«Как быстро слетела с них заносчивость,— подумал Чапичев.— А нахальство осталось».

Вот приказ бургомистра, который пугал расстрелом население за предоставление ночлега дезертирам и прочим врагам рейха. То же самое он обещал за распространение сообщений о положении на фронте, именуя их ложными слухами, за недоверие к фюреру, а в плохо замаскированные окна грозился бросать гранаты без предупреждения.

Веселую улыбку вызвало у Якова объявление фирмы Франса Мюллера о дешевой распродаже чемоданов.

— Здорово получается: начали с завоевания мира, а кончили распродажей чемоданов!

Утром, собравшись в путь, он попросил фрау Марту:

— Спрячьте газеты в тайник и сохраните их для меня. После войны обязательно заеду к вам. Интересно будет почитать, как вас надували гитлеровцы.

Старушка приняла от него газеты и сказала несмело:

— Вот наш хозяин удивится, когда увидит вас, господин майор, в своем доме. А еще больше поразится, когда вы в его присутствии подадите руку моему Гансу, как человеку!

— Я думаю, что ваш хозяин сюда больше не вернется,— заверил ее Яков.

Утром, прощаясь с фрау Мартой, сказал:

— Если у меня будет возможность, я постараюсь заглянуть к вам.

Войска 1-го Украинского фронта заняли важные плацдармы за Одером, севернее и южнее Бреславля (ныне польский город Вроцлав). Советские дивизии

огромным клином прорезали линию фронта и стояли в нескольких километрах от Берлина. На допросах пленные германские солдаты и офицеры в один голос твердили: «Гитлер капут!» И все же противник продолжал яростно сопротивляться.

Наибольшую опасность представляли гитлеровские войска, окруженные в районе Бреславля. Там их собралось более сорока тысяч, и сопротивлялись они с отчаянием обреченных почти три месяца — до самого падения Берлина.

Чапичеву, как и другим офицерам полка, были известны лишь общие данные о Бреславле. Он знал, что это центр крупного промышленного района Германии. В самом городе расположены машиностроительные заводы «Линке Гофман» и «Бекман», имевшие несколько корпусов, металлургические заводы «Майнекк», «Шварц», «Вольф» и «Эрге», ряд судостроительных заводов, химический и суперфосфатный заводы, арсенал с ремонтными мастерскими, много предприятий легкой и пищевой промышленности. В нескольких километрах от города находился завод «Фомо», выпускавший автомашины, танки, тракторы.

Бреслау (немецкое название) — главный город провинции Силезия, важнейший железнодорожный узел и порт на реке Одер, одной из больших и судоходных рек Германии. Город расположен по обоим ее берегам в низменной долине. Местность в районе города равнинная, пересеченная многочисленными притоками Одера, а на севере и северо-востоке тянутся холмы. Все это затрудняло ведение боевых действий против фашистских войск.

Вокруг города раскинулись многочисленные промышленные районы. В последние годы здесь возникли крупные авиационные заводы, производящие самолеты новейших образцов, ряд металлургических и машиностроительных предприятий, целиком приспособленных для нужд военной промышленности.

Эти краткие сведения, полученные в политотделе дивизии, Чапичев дополнил данными из армейской разведки, сообщениями из газет.

Полк, агитатором которого он был, занимал один квартал на восточной окраине Бреславля. Не только бойцы, но и офицеры интересовались, что собой представляет город, за который они ведут длительные,

кровопролитные бои. И Чапичев, в блокноте у которого накопилась масса сведений о различных германских городах, разъяснял, что Бреславль не только является одним из крупнейших промышленных и торговых центров Германии, насчитывающим свыше полумиллиона жителей, но и имеет огромное военное значение как опорный пункт оборонительной линии «Ост-валь» на реке Одер. Этот оборонительный район прикрывал с востока наиболее удобные пути на такие жизненно важные центры Германии, как Берлин и Дрезден. Сюда, в тыл Германии, наименее подвергавшийся бомбардировке авиацией союзников, были эвакуированы многие военные предприятия. Гитлер отдал категорический приказ: не допустить русских за Одер, сохранить Бреслау во что бы то ни стало.

Вот почему на улицах города ни днем ни ночью не утихала ожесточенная борьба. Советские воины, сомкнув железное кольцо вокруг бреславльской группировки, настойчиво штурмовали окруженного врага. Гитлеровцы неистово обороняли каждый квартал, дом, улицу и даже каждый этаж в доме.

В Бреславле фашистское командование буквально все приспособило к длительной обороне. Враг превратил в крепость не только город, но и отдельные дома. Улицы и подходы к крупным зданиям были заминированы. Противник располагал здесь большим количеством железобетонных колпаков, установленных на перекрестках дорог. Для ведения обороны были сосредоточены танки и бронетранспортеры.

Рассказывая об этом бойцам, Чапичев преследовал определенную цель: создать у них реальное представление о противнике, побудить всерьез изучать тактику уличного боя. Яков по-прежнему не упускал случая лично принять участие в схватках. Он много видел, много знал, и поговорить с ним было интересно. Начав с событий на фронтах, с жизни страны, он незаметно переводил разговор на полковые темы. И глядишь, бойцы уже начинают рассуждать о том, как лучше бороться с танками на улицах города, как уничтожать вражеских снайперов, выбивать гитлеровцев из зданий. Наши бойцы нередко отбивали у врага железобетонные колпаки, забираясь внутрь, открывали из них огонь по фашистам. Чапичев каждый такой случай солдатской находчивости и хитрости всячески пропагандировал, а для памяти заносил в блокнот. Пригодится!

...Перед развалинами дома, занятого нашими бойцами, дымят угольные брикеты. Чапичев подошел узнать, нельзя ли погасить их.

— Мы специально подожгли уголь,— пояснил ему пожилой боец.— Утром пойдем в атаку вон на тот дом, вот и устроили дымовую завесу.

— Утром в атаку, а сейчас только вечер опустился!— возразил майор.— Поближе к утру и подожгли бы.

— А мы заранее фрица к дыму приучаем, товарищ майор,— ответил все тот же бывалый солдат с хитринкой в серых глазах.— Вы слышали, какую стрельбу они подняли, когда появился дым? Решили, что тут же пойдем в атаку. А мы себе сели ужинать. Пусть немец настреляется вдоволь, утихнет и станет думать, что горит все это так себе, без всякой пользы для нас...

— Ну что ж, правильный дым! Хитрый ход!— подмигнув, улыбнулся Чапичев и решил остаться здесь до атаки. Народ интересный, жизнерадостный, с ним не пропадешь. Особенно вот этот пожилой, рассудительный, видать, с большим житейским опытом, солдат. Кажется, где-то с ним встречались. Но где — не мог вспомнить. И тут его выручил сам солдат.

— Товарищ майор, разрешите обратиться. Снайпер рядовой Петраков. Мы с вами вместе находились в госпитале в Сочи. Помните? Петраков Николай Васильевич.

— Да, да, конечно, — оживился Чапичев.— На войне, оказывается, и такое может быть. Вот радость-то. Ну, рассказывайте о себе, потом я вам о себе поведаю.

Солдат и майор просидели за оживленной беседой весь вечер.

Дым, к сожалению, не пригодился. Утром изменился ветер, и дымовая завеса пошла в сторону. А со двора разбитого дома начал методично постреливать пулемет. До полудня никто не мог определить, где укрылся гитлеровец. Ясно, что бьет откуда-то с середины двора. Там, кажется, и спрятаться негде. А засечь врага никак не удается.

— Да не может же он быть невидимкой! — разозлился Чапичев.— Идемте! — позвал он с собой снайпера Петракова.

По развалинам осторожно подобрались они к зданию,

стены которого изрешечены снарядами. Вошли внутрь и по лестничной клетке, преодолевая завалы, поднялись на третий этаж. Нашли удобное отверстие в стене, пробитой снарядом, и стали внимательно осматривать двор.

Пулемет во дворе по-прежнему размеренно постреливал. Вдруг Чапичев сжал плечо снайпера:

— Смотри туда, где лежит куча красной черепицы, рядом блестит кусочек керамики.

— Ну, вижу.

— Замечай, когда пулемет стреляет, за кучкой черепицы, среди битого кирпича, вздымается еле заметное облачко пыли.

— Есть пыль! — схватившись за свою винтовку, восторженно воскликнул солдат.

— Так в пыль же не будешь стрелять.

— Конечно. Фашист сделал себе шапку из черепицы. И пулемет замаскировал ею,— уже глядя в оптический прицел, пояснил снайпер.

— Ну приближайте его к себе, только не спешите,— советовал Чапичев.— Действуйте, как сапер: один раз, но наверняка.

— Почему как сапер?— не принял шутки боец.— Я буду стрелять, как положено снайперу. Вот смотрите.

Прозвучал выстрел. В пробоину Чапичев увидел опрокинувшегося навзничь фашиста и уползающего по развалинам его помощника. Еще одним снайперским выстрелом был сражен и второй номер пулемета.

Возвращались Чапичев и снайпер из своей засады мимо дома, который стоял на нейтральной полосе: в нем не было ни немцев, ни наших. На всякий случай шли пригнувшись. И вдруг Чапичев дернул бойца за рукав. Оба присели, держа оружие наготове: снайпер винтовку, а майор автомат. По тропинке, тянувшейся к дому, приближались два гитлеровца. Они тащили, по всему видно, тяжелый ящик.

«Что-то хотят минировать! — мелькнула у Якова догадка.— Нас они могут не заметить, когда пойдут мимо. Но стрелять нам все равно не стоит, может, в доме тоже немцы сидят».

Чапичев поднял руку и движением пальцев изобразил напарнику клещи: мол, берем живыми.

Гитлеровцы и в самом деле не заметили сидящих за кустами сирени советских воинов. Чапичев и снайпер появились неожиданно, и через мгновение оба немца

лежали на земле. Руки у них были связаны, рты заткнуты платками.

Фашистские минеры несли последний ящик взрывчатки в траншею, которая проходила под занятыми нашими подразделениями домами. Через полчаса остатки разрушенных стен взлетели бы на воздух и погребли всех наших солдат, находившихся на этой территории.

— Ну, Чапичев, за «язык» тебе сегодня круглая пятерка,— сказал командир полка.

— Спасибо. В школе мне всегда тройку за уши подтягивали,— отшутился Яков. Но шутка прозвучала грустно: она ему напомнила о родных местах. В последнее время думы о них приходили на память все чаще и чаще. Родилось начало стихотворения:

Вблизи Салгира рос я молодым,
Там юность промелькнула безмятежно,
Как я любил тебя, мой чудный Крым!
Неугасимо, ласково и нежно.

Взял в руки карандаш и блокнот. Записал. Прочитал и понял, что «рос я молодым» — не те слова, да и последняя строчка не совсем удачна, ее надо переделать. Но когда-нибудь потом. Чапичев с горечью спрятал блокнот. Когда-нибудь потом все будет дописано, доработано. А пока пусть лежит как заготовка, выхваченная из огня.

XII

Много рек, больших и малых, встречалось на боевом пути Советской Армии: Днепр и Сан, Днестр и Висла. И ни одна из них не смогла задержать грозной поступи наших богатырей.

Немцы возлагали большие надежды на Одер — мощную водную преграду. Они заранее укрепили этот естественный рубеж всевозможными инженерными сооружениями: проволочными заграждениями, траншеями, дотами и противотанковыми рвами. Здесь можно было встретить все виды оборонительных препятствий.

Преодолевая ожесточенное сопротивление врага, наши части в ряде мест форсировали Одер и прочно овладели плацдармом на его западном берегу. Шел со

своим полком вперед и майор Чапичев. Блокнот его полнился записями о подвигах наших бойцов и новыми стихами. Но в редакцию он ничего не присылал, да и сведения о нем доходили до нас редко.

Рассказывали, как он с группой артиллерийских разведчиков переправился на западный берег. Наметанным глазом выбрал подходящую высотку, приказал бойцам занять ее. На высоте артиллеристы оборудовали наблюдательный пункт, и Чапичев стал корректировать огонь. Батарея уничтожила до батальона вражеской пехоты.

Уже в самом конце войны, в феврале или в начале марта 1945 года, в разговоре с фотокорреспондентом нашей газеты «За честь Родины» младшим лейтенантом Николаем Ксенофонтовым, вернувшимся из Бреславля, я случайно услышал знакомую фамилию.

— Чапичев?— переспросил я.

— Да, Чапичев,— ответил Ксенофонтов.— Он агитатором в двести сорок третьем полку...— И, немного помолчав, как бы полушутя-полусерьезно, добавил:— Поэт он еще... Стихи пописывает...

Сомнений быть не могло: это он — Яша Чапичев, мой волховский однополчанин.

— Ты когда собираешься обратно?— спросил я у Ксенофонтова.

— Готов ехать хоть сейчас, вот только отдам ответственному секретарю газеты свои снимки и получу последние наставления.

Я зашел вместе с Колей к редактору Семену Иосифовичу Жукову и попросил разрешения поехать в 6-ю армию, которая блокировала в Бреславле большую группировку гитлеровцев, а заодно повидаться с Яковом Чапичевым.

— Возьмите с собой и Деревянкина,— сказал редактор.— Видите, как он рвется в бой. Дела в Бреславле всем хватит. А раз уж идет машина, место еще для одного человека найдется.

И вот мы на редакционном «виллисе» отправились в город, где шли тогда наиболее жаркие бои. Наконец-то, мечтал я, увижу своего старого фронтового друга, с которым не встречались три с лишним года: для военного времени это очень большой срок.

По дороге в Бреславль мы беседовали со многими

нашими командирами и солдатами, только что вышедшими из боя. Сейчас они уходили на переформировку — готовилось новое генеральное наступление. Для нас с Деревянкиным разговор с теми, кто только что смотрел смерти в глаза, просто необходим. По опыту знали: он может пригодиться, когда на досуге сядешь писать корреспонденцию или очерк о героях боев.

Первые записи для будущего очерка мы с Сергеем сделали у артиллеристов-самоходчиков. Давно мечтали побывать у них, но все как-то не удавалось. А тут попали в дивизион, который только сегодня утром выбивал противника из крупного пригородного района Бреславля.

Бесстрашный народ эти самоходчики! Они рассказали нам о последней схватке, когда батарею внезапно контратаковали фашистские танки. Скорее всего, гитлеровцы не ожидали столкнуться на этом участке с самоходными орудиями и попытались с ходу пробиться через наши боевые порядки, выйти им в тыл. Но русские солдаты твердо усвоили: увидел врага — первым нападай на него. Пока немецкие танки принимали боевой порядок, рассредоточивались, на них обрушился губительный огонь советских самоходных орудий. Запылал вражеский «тигр», шедший в голове колонны. Его поджег младший лейтенант Ранжев. Вскоре остановился второй, подбитый младшим лейтенантом Николаевым. Остальные стали спешно разворачиваться и отходить. Пользуясь замешательством, самоходчики подбили еще четыре танка и два бронетранспортера.

В это время артиллерийская батарея гвардии капитана Кузнецова прямой наводкой расстреливала другую группу вражеских танков, устремившихся по шоссейной дороге к крупному населенному пункту.

— Сейчас противник чаще стал устраивать засады, особенно танковые,— рассказывал командир дивизиона самоходных установок.— Но нам удается вовремя обнаруживать и уничтожать их. Поговорите с гвардии младшим лейтенантом Неклюдовым. Он недавно провел успешный бой.

Неклюдов нетороплив, даже несколько медлителен. Но это впечатление обманчиво. Просто стесняется говорить о себе. И все же мы узнали, как стрелковый батальон наткнулся на вражескую танковую засаду, залег и нес потери. Гвардии младший лейтенант Неклю-

дов решил ударить по врагу с тыла. Используя холмистую местность, он внезапно ворвался в населенный пункт. Неожиданность посеяла в рядах противника панику. Фашисты заметались, стали прятаться в домах, но самоходка Неклюдова всюду настигала их. Стоявший в засаде экипаж «пантеры», услыхав стрельбу, поспешил на помощь своим. Неклюдов заранее предвидел это и внимательно наблюдал за действиями противника. «Пантера» от опушки леса направилась к месту боя. Экипаж Неклюдова укрыл машину за каменным домом. Когда враг приблизился, прогремел выстрел. У «пантеры» слетела гусеница, она резко развернулась на месте. Второй снаряд угодил в моторное отделение, и «пантеру» окутало огнем.

Довольные, уезжали мы из дивизиона. У нас накопились интересные факты о действиях самоходчиков в бою. Не скрывал своей радости и Ксенофонтов. Он сделал отличные снимки. Мы всегда могли дать под ними расширенные подписи, ведь блокноты распухли от записей.

В один из дней встретили группу раненых, которых направляли в госпиталь. Случайно в разговоре незнакомый офицер назвал фамилию Чапичева.

— Вот мы к нему и едем. Где он сейчас?— спросили мы лейтенанта.

От него узнали, где находится часть, в которой воюет Чапичев.

Ксенофонтов ворчал. Ему хотелось еще побыть здесь, сделать снимки. Но я торопился.

— Скорей в Бреславль!— бросил шоферу.

Вдали гремели выстрелы. Наша машина без задержек мчалась по широкому шоссе. Девушки-регулировщицы молодцевато вскидывали флажки, указывали путь. На дороге образцовый порядок. Всюду на поворотах развешаны указатели. А распорядительные регулировщицы, как жонглеры, ловко командовали движением. Осталась позади линия железной дороги, промелькнули строения небольшого городка — грязно-серые, мрачные, приземистые, типично старонемецкие.

Вот она, жирная приграничная «доодерская» полоса Силезии, где жили самые благонадежные бюргеры, самые преданные Гитлеру служаки. С них и налогов не брали. Им потворствовали во всем.

Мычат коровы, кудахчут куры, кричит на разные голоса всякая живность.

Дома, как правило, пустуют. Перетрусившие хозяева сбежали за Одер, лихорадочно меняя по пути любое количество скота, одежду, мебель на несколько литров бензина. Бежали второпях, без оглядки. Советские танки наступали на пятки обезумевшим от страха гитлеровцам.

По обе стороны дороги, особенно перед населенными пунктами, мелькают широченные противотанковые рвы, траншеи, ряды проволочных заграждений.

Огромные противотанковые рвы, порою достигавшие восьми и более метров ширины, тянулись на десятки километров. Они пересекали основные шоссейные и проселочные дороги, поля и даже заболоченные или поросшие лесом участки. Западные берега небольших рек были эскарпированы и укреплены бревнами. Всюду тянулись траншеи с развитой сетью ходов сообщения, мощные бетонированные доты, проволочные заграждения. Обороне дорог гитлеровцы придавали особое значение. Буквально через каждые десять — пятнадцать метров встречались окопы с готовыми пулеметными площадками и дотами. Одни сооружены давно, другие — совсем недавно. Казалось, гитлеровцы думали вечно воевать, вечно наступать или обороняться.

Мы смотрели на немецкие укрепления и думали о том, какую же силу сокрушила наша армия.

Несколько часов подряд шофер гнал вдоль линии фронта машину без единой остановки, удачно минуя воронки и завалы, объезжая еще не разминированные вражеские минные поля. Уже под Бреславлем, в селении, только что освобожденном от гитлеровцев, решили сделать небольшой привал. Пока шофер Ковтун осматривал машину, мы наводили справки о положении в Бреславле, разговаривали с солдатами и офицерами, которые только вчера заняли этот населенный пункт и сейчас отдыхали, готовились к новым боям.

И тут мы с Колей Ксенофонтовым чуть не поссорились. Он хотел остаться в селе подольше, чтобы пофотографировать, а я спешил к Чапичеву. Сергей занимал в нашем споре нейтральную позицию, мирил нас. В конце концов договорились, что мы осмотрим пока село.

Пошли. В одном из зданий заметили немца, который, озираясь по сторонам, осторожно выглядывал в окно и снова прятался. Решили узнать, что это за человек и почему себя так странно ведет.

Когда поднялись на крыльцо дома, похожего на все другие, как казарма на казарму, нам охотно открыл дверь пожилой мужчина и тут же назвал себя:

— Вильгельм Кассель. Пожалуйста, прошу вас,— произнес он бойко по-русски с дружеской мягкостью в голосе.

Мы сразу заметили нарочитую учтивость в поведении немца, но ничего не сказали и прошли вслед за ним в дом. Хозяин по-прежнему был вежлив и предупредителен. Он не осмелился сесть в присутствии русских офицеров и продолжал стоять навытяжку, как старый вышколенный солдат.

— Откуда вы знаете русский язык?— спросил Деревянкин.— Когда последний раз были в Бреславле?

— В Бреслау,— поправил немец.— А язык русских знайт плёхо,— отвечал он уже сбивчиво, заикаясь и бледнея.— Война не гут. Гитлер капут.

На этом разговор оборвался, потому что у Касселя внезапно иссяк запас русских слов.

— Айн момент,— вдруг произнес он, почувствовав себя неловко. Тут же исчез в соседней комнате и возвратился с несколькими исписанными листками из тетради.

— Битте, прошу,— сказал он, протягивая эти листки офицерам.

На них крупным четким почерком было написано по-русски:

«Я, Вильгельм Кассель, пришел здесь из Бреслау.

Я жил Сибирь. Плен был та империалистическая война.

Я умейт делат карашо зозиски и колбаса...»

Рассматривая грамматические упражнения колбасника, Деревянкин заметил, что на всех листках у него не получаются буквы «и» и «я». Поэтому целые строчки заняты правописанием этих двух букв. Кассель пояснил, что этими упражнениями он с немецкой педантичностью занимается по два часа ежедневно.

— Зачем вам это нужно?— спросил Деревянкин по-немецки. Он так же регулярно, еще со школы, изучал немецкий язык. А когда вступили на территорию Германии, ежедневно практиковался в разговорной речи.

— Их хочу карашо знайт русский!— ответил Кассель.

Из дальнейшей беседы выяснилось, что Кассель

несколько дней назад бежал из Бреславля, города, который русские, по его мнению, будут наверняка бомбить. А он боится бомбежек и хочет жить. «Гитлер капут»,— то и дело лепетал он. Когда в селение пришли советские солдаты, он принялся усердно восстанавливать свои знания русского языка, чтобы быстрее перестроиться на новый лад, приспособиться к новым условиям. Каждый вечер раскрывал изданный для германских солдат «Немецко-русский разговорник» и выводил букву за буквой.

У нас не вызывало сомнений, что Вильгельм Кассель действительно был в годы империалистической войны в России в плену. Но теперь он пытался повернуть это в свою пользу. О своих соотечественниках он говорил «они».

— О, они так боялись... Они так бежали на запад. Ах, ах!— вздыхал он, силясь вызвать на лице подобие улыбки.

Провожая нас, Кассель раскланивался. И вдруг лицо его посуровело, в глазах промелькнул испуг. Во двор входила группа немцев — представители нарождающейся власти вместе с нашим комендантом. Комендант сообщил нам об аресте «вежливого» и «обходительного» господина Касселя, у которого в подвале нашли несколько новеньких автоматов и ящик гранат. Вот чем обернулось чистописание «приветливого» колбасника...

Наконец мы в Бреславле. Оставив в надежном месте машину, пешком пошли в батальон, который только что выбил гитлеровцев из группы зданий. На месте недавнего боя еще курились подожженные фашистами дома, то тут, то там раздавались выстрелы. Путь нашим бойцам преграждала широкая улица. Штурмовые группы попытались перебежать ее. Но гитлеровцы открыли из подвала, из окон первого и второго этажа стоящего напротив дома сильный ружейно-пулеметный огонь. Мы с Деревянкиным только что подсели к старшему сержанту Кунучакову, чтобы попросить его рассказать о наиболее значительных эпизодах сегодняшнего боя. Он разговаривал с двумя бойцами-саперами. Они что-то объясняли ему, показывая на стоявший посреди улицы подбитый немецкий тягач и на пролом в стене дома, где засели гитлеровцы.

— Ребята дело говорят,— обернулся к нам сержант и закинул на плечо ремень автомата.— Пошли!

Последние слова его адресованы были, наверное, бойцам. Но мы приняли их и на свой счет. Решили не отставать от сержанта. Кунучакову с бойцами-саперами удалось через пробитую снарядом в стене дыру ворваться на первый этаж дома. Невольно и мы втянулись в бой. На ходу стреляя из автоматов, вместе с тремя смельчаками вбежали по лестнице на второй этаж. Остановились на площадке: дверь, ведущая в квартиру, была наглухо забаррикадирована. Кунучаков заложил под нее тол, а один из красноармейцев зажег шнур. Бойцы спрятались за выступом стены. Взрыв разнес дверь в щепы. Саперы ворвались в первую комнату. Там валялись три убитых взрывом фашиста.

Теперь группа Кунучакова решила пробиться в нижний этаж. Сапер расковырял ножом паркетный пол, заложил в лунку несколько шашек тола и взорвал его. Гитлеровцы, находившиеся внизу, стали бить в образовавшееся отверстие из автоматов. Кунучаков метнул туда две гранаты и, едва они разорвались, спрыгнул в пробоину.

Когда мы с Деревянкиным вбежали во вторую комнату, Кунучакова там уже не было. Расчищая себе путь гранатами и автоматным огнем, он ворвался в третью комнату. Находившиеся там гитлеровцы в ужасе стали выпрыгивать через окна на улицу.

Так отделение сержанта Кунучакова завоевало еще один «плацдарм» в квартале Бреславля.

Незаметно подкрались сумерки, и город окутала тьма. Искать часть, где служил Чапичев, было поздно. Мы решили остаться ночевать здесь, среди людей, с которыми познакомились в бою. Отделение Кунучакова устроилось на ночлег под стенкой разрушенного дома.

Мы подошли с Сергеем, когда Кунучаков, достав из кармана потрепанную записную книжку, предложил:

— Хотите, я вам стихи почитаю?

Бойцы оживились. Кунучаков откинул назад голову, прикрыл глаза и начал задорно читать:

К нам непрошеные гости
Завернуть изволили.
Много места на погосте
Мы им приготовили...

Бойцы стали тихонько напевать уже известный им припев:

Любо, любо-дорого
Бить нам немца-ворога.

И в четверг и в середу —
Сзади бить и спереду!

Я слушал эти задорные частушки, и что-то до боли знакомое чувствовалось в них. Ну конечно же, они Яше Чапичеву принадлежат! Чтобы проверить себя, спросил у сержанта:

— Послушай, чьи это стихи?

— Как чьи?— удивился сержант.— Майора Чапичева.

— А где он, не знаешь?

— Вот уж не скажу. Недавно заходил. Он с нашими командирами о взаимодействии толковал. Далеко уйти не мог. Считай, рядом, в соседних кварталах воюет.

Я успокоился: Чапичев близко, встреча с ним недалека. Закончим дела в этом полку и к нему перейдем.

Рано утром следующего дня бойцы, у которых мы ночевали, вышибли гитлеровцев еще из одного дома.

Ожесточенные схватки на улицах города разгорались с большей силой. Выстрелы пушек и минометов, разрывы бомб и снарядов — все это слилось в непрерывный грохот боя. Горизонт затянуло непроглядной пеленой кирпичной пыли и черного дыма. Казалось, в городе свирепствует страшной силы огненный смерч, не щадящий ни земли, ни домов, ни воды, ни неба. В этой обстановке нечего было и думать о том, чтобы уехать в другой полк и заниматься поисками моего друга — Чапичева.

Бой не стихал. Гитлеровцы вели себя с каждым часом все активнее и воинственнее. Они нащупывали слабые места в нашей обороне и пытались пробиться сквозь кольцо окружения.

Над нашими позициями появилась немецкая «рама» (так бойцы называли вражеский самолет-корректировщик), и вскоре шквал огня обрушился на оборонительные позиции полка. К счастью, те, кто находился в укрытиях, потерь почти не несли. Когда же пыль рассеялась, мы отчетливо увидели, как из-за поворота улицы выползли танки и стали медленно, словно прощупывая каждый метр асфальта, приближаться к нашим позициям. Черт бы ее побрал, эту «раму»!

— Приготовить гранаты!— раздалась команда.

Артиллеристы — истребители танков стали бить по вражеским машинам прямой наводкой. Загорелся головной танк. Две другие машины, ведя огонь с ходу, стали

быстро разворачиваться и попытались скрыться за домами.

Теперь заговорили автоматы — это наши стрелки встретили вражескую пехоту, наступавшую за танками. Автоматчики отбили одну за другой несколько атак противника.

Фотокорреспондент Коля Ксенофонтов, упоенный боем, забыл про фотоаппарат: со второго этажа только что захваченного дома через открытую балконную дверь он стрелял, стрелял и стрелял по набегавшим гитлеровцам. И вдруг неожиданно поднялся во весь рост, высунулся из-за косяка, чтобы бросить гранату, и... не смог.

Вражеский снайпер сразил его. Вместе с Деревянкиным и подбежавшими солдатами мы подняли Колю на руки. Разыскали санитара, но сделать уже ничего было нельзя...

Бережно уложив в «виллис» тело погибшего товарища, с которым много месяцев провели бок о бок на фронтовых дорогах, мы вернулись в редакцию.

Коллектив газеты потрясла эта утрата. Все очень любили Колю за чудесный характер, неповторимую улыбку и какую-то девичью застенчивость. В редакции знали Ксенофонтова как человека исключительной скромности, обаятельности и простоты. Он был в буквальном смысле журналистом переднего края: там чаще всего можно было его встретить. Он хорошо знал фронтовую обстановку и свободно ориентировался на любом участке.

Девятнадцатилетним пареньком-комсомольцем Коля добровольно ушел служить в армию. Рядовым принимал участие в боях за Крым, на Северном Кавказе и Кубани. Как солдат участвовал в феодосийском морском десанте на Малую землю под Новороссийском и в форсировании Керченского пролива. В боях был дважды ранен и неоднократно контужен. Он гордился орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу» и «За оборону Кавказа», которыми был награжден.

Отличительной чертой Николая Ксенофонтова как фронтового журналиста являлось то, что он всегда старался запечатлеть героический характер советского человека, мужественные поступки наших воинов, заснять своего героя в момент совершения подвига, как можно ближе подбираясь к переднему краю. Это

качество Николая Ксенофонтова проявилось и в последнем его снимке, сделанном в Бреславле и помещенном в том же номере нашей газеты «За честь Родины», в каком напечатан и некролог,— в номере от 24 марта 1945 года. Тот, кому удастся разыскать этот номер газеты, пусть внимательнее и зорче всмотрится в последний фотоснимок Ксенофонтова, на котором запечатлен момент жаркого боя наших пулеметчиков и автоматчиков с врагом на одной из улиц Бреславля. Здесь, на этом месте, Ксенофонтов и погиб. Снимок этот мы напечатали уже после смерти автора. Пусть он будет ему лучшим памятником: ведь под снимком его подпись в траурной рамке — «Фото Н. Ксенофонтова».

Похоронили мы Колю на кладбище в городе Штейнау, в погожий весенний солнечный день, в канун нашей светлой победы над темными силами фашизма.

* * *

Сержант Кунучаков оказался прав: полк, в котором служил Чапичев, вел бои с гитлеровцами по соседству от него, в дымящихся кварталах Бреславля. Я надеялся еще попасть туда. Но неожиданно пришла весть, что ранен сержант Кунучаков. Я отправился в госпиталь. В одной палате с Кунучаковым лежал молодой лейтенант, командир роты. Он уже выписывался.

— Куда же теперь?— поинтересовался я.

— Как куда?— удивился лейтенант.— К себе, в сто восемьдесят первую дивизию.

— Вы из Шестой армии?

— Да.

— Тогда, наверное, знаете майора Чапичева?

— Конечно. Он даже написал стихи о нашем лучшем автоматчике.

— Передайте ему привет от меня,— попросил я и назвал себя.— Скажите, что хотел с ним встретиться, но всего несколько кварталов не дошел. И все-таки я еще вернусь, обязательно к нему приеду. Так и скажите: обязательно!

XIII

Трехэтажный особняк преградил путь группе бойцов, которую возглавил Чапичев. Дом стоял на перекрестке двух улиц и был превращен гитлеровцами в

сильный опорный пункт. Вражеские пулеметчики и автоматчики вели огонь из заложенных мешками с песком проемов, из окон. Группа Чапичева обошла особняк с тыла, подобралась к дому метров на тридцать — сорок. Бойцы-артиллеристы, как и было условлено, подкатили орудие и выпустили несколько снарядов по верхнему этажу, подавили огонь немецких пулеметчиков. Воспользовавшись этим, Чапичев с солдатами приблизился к дому и проник во двор. По пожарной лестнице люди поднялись на чердак. Расчищая себе путь гранатами и автоматными очередями, они спустились на третий этаж. В окна второго этажа полетели гранаты. Фашисты выбросили белый флаг. Но вражеские солдаты засели и в подвале. Чапичев забрался в отбитый у гитлеровцев бронеколпак и сильным огнем оттуда заставил замолчать противника.

Выстрелы раздались слева, из-за полуразрушенного дома. Яков повел бойцов в обход. По каменной лестнице поднялся на несколько ступенек. Увидел спины гитлеровцев, прильнувших к оконным проемам. Офицер что-то кричал, видимо, заставлял солдат усилить огонь. Но им очень скоро пришлось сложить оружие.

Из подвала боец вынес бледную до синевы, запуганную стрельбой и взрывами девочку лет семи. Она молчала, когда он расспрашивал ее по-русски, сжималась в комочек, как воробушек. Чапичев попытался задать ей несколько вопросов по-немецки. Она смотрела на него настороженно и молчала. С трудом удалось добиться, что зовут ее Маргаритой. Оживилась девочка только тогда, когда принесли котелок с супом и кусок хлеба, обильно намазанный маслом. Она жадно схватила хлеб, откусила несколько раз, а остаток положила на колено, прикрытое грязным до черноты платьицем. Потом взяла ложку и начала быстро хлебать мясной суп, все так же боязливо оглядываясь по сторонам.

Тяжело смотреть на голодного человека, особенно когда это ребенок. Чапичев отошел в сторону, чтобы дать девочке спокойно поесть. К нему подошел старший сержант, пожилой человек, подал небольшой сверток:

— Здесь сахар, отдайте девочке. Жалко ведь, ребенок...

Маленькая немка обрадовалась сахару и чаю и улыбнулась.

Чапичева удивило, почему она все делает одной

правой рукой. Левая все время зажата в кулачок. Спросил:

— Что с рукой, болит или ранена?

Девочка с тревогой посмотрела на него, но разжала кулачок и подала офицеру то, что все время так бережно держала. Чапичев увидел на ее ладони скатанную бумажку, развернул. В ней лежала темная горошина.

— Что это?

Девочка сказала, что бумажку дала ей мама, когда русские окружили дом. Она велела вынуть и раскусить горошину, как только в дом войдут красноармейцы. Мама раскусила такую же горошину и умерла. А Маргарите не хотелось умирать: она надеялась, что русские не тронут ее, и держала бумажку в руке.

— Вот изверги, как запугали людей! — не удержался Чапичев. Поливая из баклажки воду, он начал отмывать девочке руку.

Бойцы обступили их полукругом, угрюмо молчали. Но Чапичев видел в их глазах гнев.

— Фашисты проклятые, свое родное дитя не жалеют,— не стерпел ротный запевала солдат Николай Иванов, у которого гитлеровцы сожгли дом в Воронеже и расстреляли всю семью.

Чапичев понимал: натянуты нервы до предела у каждого бойца.

В подвале свободные от нарядов бойцы собрались в сторонке. Чапичев вглядывался в их лица. Вокруг него сидели бывалые солдаты. Длинный боевой путь прошли они, много несчастий выпало на их долю: у кого немцы мать убили, у кого дочь или жену угнали в Германию, у кого хату спалили.

«Ну, держись, фашист,— подумал Яков.— Накипело у русских на душе. Пришел час расплаты. Бить будут со всей силой».

— Правильно вы писали, товарищ майор, в своих стихах,— сказал Николай Иванов.— Я запомнил эти строчки:

Им не уйти от нашего меча,
Тем, кто принес нам кровь и разрушенья.
Пощады нет немецким палачам,
Мы отомстим, и страшным будет мщенье.

Чапичев нахмурился. Бывает же так, когда против тебя действуют тобой же сочиненные стихи. Все в них правильно, все верно. Именно так он думал все эти годы

войны. Но сейчас... Мстить? Гитлеровцам — да! Но не немецкому народу. И потом, что значит мстить? Разбить гитлеровскую армию, разрушить гитлеровский «новый порядок» — это и есть отомстить.

— Спасибо, Николай, что помнишь мои стихи. Я понимаю и тебя, и всех, кто хотел высказаться, но не успел. Понимаю вашу злость к врагу и ваше желание скорее покончить с войной. Но сейчас в вас верх берет гнев, и потому говорите вы неправильно.

Бойцы не ожидали таких слов от майора, с которым не раз вместе ходили в бой, загудели:

— Теперь что же, по головке гладить немца?

— Непонятна нам ваша речь...

— Мы вместе с вами клялись отомстить палачам...

— Тише, товарищи!— спокойно произнес Чапичев, хотя и у самого в груди все клокотало: понимал, что гнев бойцов справедлив.— Никто не требует гладить врага по головке. И никто от своих слов отступать не собирается. Все мы поклялись Родине и партии жестоко отомстить фашистским разбойникам за все их злодеяния. С каждым годом, с каждым месяцем и днем росла наша ненависть к врагу. Это справедливое чувство вело нас вперед. Удваивало силы. Недаром у нас говорят: нельзя победить врага, не научившись ненавидеть его. Все мы, прямо скажу, стали злее и беспощаднее. И мы должны эту святую ненависть донести до конца, до полной победы над врагом.

Майор говорил ровно, не горячась. И это возымело действие. Бойцы примолкли и внимательно слушали полкового агитатора. Чапичев тем временем думал о том, как бы ему понятнее высказать главную мысль, ради которой он и начал весь разговор. Но ему казалось, что пока он не нашел доходчивых и ясных слов.

— Жажда мести — великое и грозное оружие нашей борьбы. Никогда мы не забудем горя, которое принесли фашисты на нашу землю. Не забудем тех мук, слез и страданий, которые вынес в этой войне советский человек. Никогда не простим врагу те злодеяния, которые он творил в оккупированных им городах и селах.

Чапичев говорил о замученных и расстрелянных гитлеровцами раненых красноармейцах, о колодцах, заваленных трупами советских детишек, о могилах в Киеве, Минске, Могилеве и других городах, где земля, принявшая заживо погребенных наших людей — жен-

щин, стариков и детей,— шевелилась, словно содрогалась от ужаса. Чапичев достал блокнот и, листая его, стал приводить конкретные примеры фашистских зверств, ссылаясь на многочисленные акты советских государственных комиссий по расследованию злодеяний врага, называл цифры и даты.

— Теперь вы понятно все объяснили, товарищ майор. А то...

— Вот и пусть пеняют немцы на себя,— вставил Шерстняков.— Любишь кататься — люби и саночки возить.

Бойцы одобрительно зашумели: «Молодец, Дмитрич, правильно толкуешь...»

— Минутку,— остановил их Чапичев.— Я еще не кончил. И о главном не сказал.

Бойцы смолкли. Они знали, что их агитатор умеет незаметно поворачивать разговор в нужном ему направлении. Порой бывает трудно заранее узнать, какой он сделает вывод.

— Надо помнить, друзья, что наша месть не слепа, не безрассудна,— твердо произнес Чапичев.— Во всяком случае, месть — не самоцель. Это очень острое оружие, и пользоваться им надо умеючи. Наша цель одна — скорее добить фашистского зверя, скорее покончить с войной. Но мы не можем уподобляться фашистским двуногим зверям, которые позволяли себе насиловать наших женщин или заниматься мародерством. Этого никогда не бывало и быть не может. И наш боец в таком случае должен руководствоваться отнюдь не жалостью, а только чувством собственного достоинства.

— Это ясно,— согласился Шерстняков.— Русские — не звери.

— Все правильно,— отозвался младший сержант Иванов.— Марку держать надо. Честь страны нашей Советской.

— Вот именно,— подхватил эту мысль Чапичев.— Пусть все видят, что пришли к ним люди благородные, умеющие не только постоять за себя, но и помочь другим.

Ему казалось, что теперь он полностью завладел вниманием солдат.

— Мы с вами ведем сейчас бой за Бреславль,— продолжал он.— Это богатый город. Много здесь крупных предприятий, материальных ценностей. Встречаем

мы немало добра, вывезенного гитлеровцами из нашей страны. И у кого не вскипает от негодования сердце, когда видишь это! Однако мы не будем в припадке слепой мести разрушать заводские сооружения, приводить в негодность станки на уже отбитом у противника предприятии. От такого рода мести выиграл бы только враг. Все материальные ценности должны стать государственным достоянием. Наша месть — это беспощадное уничтожение фашистских войск, когда они сопротивляются, мешают нашему победоносному наступлению.

— Ваша правда, товарищ майор,— загудели бойцы.

Старший сержант Шерстняков поднялся, подхватил за ремень автомат.

— Крепкий орешек вы нам подложили, товарищ майор,— раздумчиво вымолвил он.— Хотя понять можно: для немецкого народа мы тоже освободители. И вести себя обязаны, как подобает при таком высоком звании. Народ попал в беду. Я эту мысль давно при себе держу. Помочь ему надо, чтоб навечно оторвался от фашистов. Кто ж это сделает, кроме нас, советских людей?

* * *

Немецкую девочку отправили в санчасть полка. Видно, долго она голодала и поэтому ослабла. А Чапичев в тот день потерял покой. Вспомнилась семья, родная дочурка так и стояла перед глазами.

Он решил написать письмо родным. Теперь уже можно было мечтать — скоро домой. Гитлеровцы, даже если будут сопротивляться так, как сейчас, больше месяца не продержатся. А там...

Прежде всего Якову хотелось насладиться тишиной. Приехать домой, пойти с дочуркой к морю и уплыть далеко-далеко. В простой весельной лодке, чтоб никаких моторов, никакого шума. Только плеск воды да крики чаек. А может, лучше забраться куда-нибудь в горы или в лесную глушь...

Чапичев размечтался. И, словно уловив его настроение, из ра́звалин дома, где располагались пулеметчики, как звон весеннего дождя, донеслись звуки баяна:

Славное море — священный Байкал...

«На Байкал! Вот куда увезу я семью отдыхать!» — подумал Чапичев. Вспомнились любимые места, счастливые часы, проведенные на этом удивительном озере.

Рука потянулась к планшету. Достал блокнот. С трудом отыскал страничку, где можно было еще на полях мелким почерком написать несколько строк.

Рождались новые стихи. А может быть, победная песня? Был уже ритм. Были образы. Не было только начала.

Поставил в углу дату: «9 марта 1945 года». Написал строчку и тут же зачеркнул. Начал по-другому:

Я как прежде, родная, в строю,
Принимаю грохочущий бой
За страну, за Отчизну свою
И за новую встречу с тобой...

Ни о чем я тебя не молю,
Знаю верность твою и любовь.
И сильнее тебя я люблю,
Уходя в наступление вновь...

Опять перечеркнул — не совсем удачные строки получились.

Слева ударили немецкие пулеметы. Рядом, за стеной дома, завыла и взорвалась мина. С грохотом разорвался снаряд. Гитлеровцы начали очередную атаку — новую попытку вырваться из окружения.

Спрятав блокнот, Чапичев перебежал к притаившимся за обломками стены бойцам. «Надо ближе к людям быть,— подумал он.— На войне одинокого пуля находит и под землей».

Каменный дом, из которого стреляли фашисты, был похож на крепость. Окна забаррикадированы мешками с песком, оставлены только бойницы. Подступиться немыслимо. Его нужно или разбомбить, или взорвать. Весь целиком! Но ни того ни другого сделать нельзя. И зарядов таких нет, да и свои бойцы, полукольцом охватившие здание, пострадают.

— Ну а что, если прорваться в этот дом и взять его изнутри?— обратился Чапичев к сидевшим вокруг него солдатам.

— А как туда прорваться, товарищ майор?— засомневался Шерстняков.

— Этого пока и сам не знаю,— ответил Чапичев,— но прорваться надо. Пойдешь со мной?

— Так если вы не боитесь, товарищ майор, то я и

подавно,— заправляя под ремень пропотевшую гимнастерку, ответил Алексей Дмитриевич.

— Начнем так,— уже быстро, скороговоркой пояснил Чапичев.— Бросим перед домом несколько гранат и, пока дым рассеется, подбежим вон к тому парадному. А вы здесь не зевайте,— обратился он к бойцам.— Как в окне, возле двери, пулемет накроем, вы сразу же вперед, за нами!

И, не оставляя времени на раздумья, Чапичев метнул одну за другой две гранаты. Вслед за взрывом он вместе с Шерстняковым подбежал к дому. Бросили по гранате в комнату, откуда стреляли пулеметчики. Вслед за взрывом через окно ворвались в дом. Им некогда было оглядываться. Но Чапичев и так знал: бойцы взвода следом за ними уже прыгают в окна первого этажа. Ему же надо скорее, пока враг не опомнился, захватить хотя бы одну комнату на втором этаже. Именно оттуда велся наиболее губительный огонь.

Чапичев так ударил в дверь ногой, что, не удержавшись, вместе с выскочившими досками влетел в комнату. Упал. Это выручило его. Автоматная очередь прошла мимо. А в следующий момент он вместе с Шерстняковым уже стрелял вслед удирающим гитлеровцам.

Они слишком увлеклись погоней. Распахнулась дверь соседней комнаты, и Чапичев не успел повернуться навстречу опасности. Вражеская пуля насмерть сразила его...

* * *

Читатель уже знает, что помешало мне встретиться с Яковом Чапичевым под Бреславлем. Вскоре я был послан в одну из правофланговых армий нашего фронта, которая ближе всех отстояла от Берлина и была всеми видами оружия на него нацелена. Это 5-я гвардейская общевойсковая армия генерала А. С. Жадова. Но был я там недолго.

Шестнадцатого апреля войска нашего 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов начали грандиозную Берлинскую операцию, которая закончилась полным разгромом фашистской Германии и ее безоговорочной капитуляцией. Тут уж было не до встреч. К тому же и встречаться-то было не с кем. В день похорон Николая Ксенофонтова я и не мог думать, что и Чапичева в

это время уже не было в живых, он погиб на несколько дней раньше.

Так и не привелось мне снова при жизни встретиться с Яковом Чапичевым, встретился я лишь с его бессмертным подвигом.

Передо мной потемневший от времени наградной лист на Якова Чапичева. Вспоминая прошлое, медленно читаю штабную прозу. Волнуют и берут за сердце скупые строки о моем друге:

«В боях с немецкими захватчиками показал героизм и служил примером для всего личного состава полка. Тов. Чапичев неоднократно водил бойцов в атаку и побеждал.

Тяжелый бой разгорелся за железнодорожную станцию Гольшмилен. Противник превосходящими силами стал теснить наши подразделения. Когда появился в передовых рядах тов. Чапичев, у бойцов поднялся дух и настроение. Тов. Чапичев увидел, что в сорока метрах встал немецкий офицер и кричал на солдат, увлекая их вперед. На десяток бойцов 4-й стрелковой роты двинулось до ста немцев. Тов. Чапичев с призывом «За Родину, вперед!» поднял своих бойцов в атаку и, на ходу расстреливая немцев, уничтожил до пятидесяти вражеских солдат. Остальные разбежались. В этом бою он был ранен, но не покинул поля сражения».

Читаю дальше: « ...шел упорный бой за Шмидельфельд. Снова тов. Чапичев увлек бойцов в атаку и в этом бою лично уничтожил до тридцати фрицев...»

Конечно, по-другому Чапичев и не мог действовать. Но и это не все. Еще один пример героизма описан в этом документе.

«Девятого марта 1945 года шел бой за завод в городе Бреслау. Тов. Чапичев с одним бойцом, вырвавшись вперед и уничтожив восемь фашистов, загнал немцев на исходные позиции. В этом бою он решил на поле боя показать бойцам, что значит дерзость и храбрость... Он лично захватил двух солдат в плен. На подходе к другому заводу у немцев был один квартал укреплен как крепость. Особенно укреплен был один большой дом. Первый стрелковый батальон пытался занять этот дом, но безуспешно. На поле боя пришел тов. Чапичев. Он увидел, что не хватает у бойцов достаточно смелости, чтобы одним броском занять дом. В беседе с бойцами 1-й стрелковой роты тов. Чапичев

сказал, что даже маленькая, но смелая группа может занять этот дом. Бойцы несколько недоверчиво слушали его. Тогда тов. Чапичев с одним разведчиком быстро, под огнем противника, бросился к дому. Они забросали гранатами сидящих у огневой точки гитлеровцев и освободили угол дома.

Рота рванулась на помощь, и начался гранатный бой в доме — в подвалах. Разведчик ворвался в одну комнату, где сидели немцы. Вместе с тов. Чапичевым они в рукопашной схватке убили шестерых гитлеровцев, трое оставшихся стали уходить, отстреливаясь. В это время тов. Чапичев погиб от пули врага...

За храбрость и героизм, проявленные в борьбе с немецкими захватчиками, достоин награждения правительственной наградой — присвоения звания Героя Советского Союза».

И это звание ему было присвоено посмертно.

Мне вспомнились строки из стихотворения Якова Чапичева «Боевая клятва», напечатанного еще в 1939 году. Оно начиналось с волнующих слов, которые стали программными в жизни автора:

Как море рокочет в минуту прибоя,
Как песня в победном бою:
— Быть честным и храбрым советским героем
Я Родине клятву даю!

С поразительной точностью сбылись эти вещие слова.

Часть вторая

НИКОЛАЙ КЛЮЧНИКОВ

I

Он проснулся от воя сирены. Дверь в теплушку была чуть-чуть приоткрыта, и полоска утреннего света перечеркнула пол вагона. Откуда-то издалека вместе с воем сирены долетел крик: «Воздух!» Нары ожили, заскрипели. Кто-то прыгнул сверху, мелькнул в проеме двери и исчез. Николай толкнул Любу Степанову в плечо — та сразу же открыла испуганные глаза.

— Воздушная тревога! — крикнул ей Ключников и бросился к двери.

Спрыгнув на землю, он поглядел на небо. Оно было голубое и чистое, лишь на востоке курчавились багрово-красные облака. Справа нарастал прерывистый зловещий гул мотора, и вот из-за леса вылетел серый самолет с черно-белыми крестами на крыльях. Ключникову показалось, что он летит прямо на него. И Николай побежал. Шагах в пятидесяти от вагона, в низинке, в зарослях осоки, блестело болотце. Возле него он распластался, уткнулся лицом в траву, не заметив, как рядом упала Люба. Где-то в конце эшелона застрекотал пулемет и, будто поперхнувшись, умолк. Треснули винтовочные выстрелы. И вдруг три страшных взрыва, один за другим, потрясли землю. И стало тихо. Зловещий гул удалялся. Ключников приподнялся на локтях и увидел, как немецкий самолет уходит за водонапорную башню. На какую-то секунду он скрылся за башней, потом снова появился. И опять Ключникову показалось, что самолет летит прямо на него. Николай прижался щекой к траве. Хотелось глубже вдавиться в землю. А над головой: «Тур-тур-тур!» — и свист пуль крупнокалиберного пулемета.

Но вот гул мотора снова стал удаляться. Ключников поднял голову и встретился с испуганным взглядом Любы.

— Улетел он, Николай Иваныч?

Ключников не ответил и встал. Встала и Люба, встревоженная и растерянная. Она одернула помятую юбку, подтянула красноармейский ремень и застегнула ворот гимнастерки.

В середине эшелона поднимался к небу дым, метались языки пламени. Там уже собралась толпа.

Не сговариваясь, они молча направились туда. Втиснулись в толпу возле разбитых горящих вагонов и увидели огромную свежую воронку, в которой мог бы укрыться целый дом. Увидели скрученные в штопор рельсы и кровавое месиво...

У Ключникова закружилась голова, к горлу подступила тошнота и тоскливо заныло сердце. Он тронул Любу за руку:

— Пойдем!

Они пошли по шпалам навстречу выплывающему из багрово-красных облаков яркому диску солнца. Подошли к водонапорной башне, сели тут на дубовый обрубок и долго молчали, пораженные увиденным

Николай посмотрел на темный гребень леса, за которым скрылся немецкий самолет. Люба перехватила его взгляд и спросила:

— Николай Иваныч, а вдруг он опять прилетит?!

— Может быть, и прилетит,— пробормотал Ключников и, облокотившись о колени, ладонями сжал виски.

«Почему бы ему и не прилететь? — с горечью и обидой на кого-то думал он.— Прилетит опять и на бреющем полете вновь прогуляется над нашим эшелоном, это для него безопасно. Нет тут у нас ни зенитных пушек, ни зенитных пулеметов».

Из-за водонапорной башни в это время выбежал мальчик лет десяти, босоногий и лохматый, в черных длинных штанах и в серой, выгоревшей на солнце майке. Увидев Ключникова и Любу, он замедлил бег, пошел шагом, с любопытством разглядывая их.

— Мальчик, как называется эта станция? — спросила его Люба.

— Неболчи! — сипло крикнул мальчик и пустился бежать к вокзалу.

Пасмурно, муторно было на душе у Ключникова. Вот и солнце взошло. Оно все выше и выше поднималось по голубому небосклону, но не радовало. Пусть бы тучи закрыли его! Пусть бы хмурые, рваные облака низко бежали над этим лесом, задевали бы своими лохмотьями крышу этой башни! Тогда было бы спокойнее.

Николай посмотрел вслед мальчику. Тот уже скрылся. К ним приближалась какая-то странная процессия. Четверо красноармейцев, образовав четырехугольник, несли носилки. Судя по тому, что они шагали в ногу и были напряжены, в носилках у них лежало что-то тяжелое. Впереди солдат шел незнакомый Ключникову старший лейтенант с отвислыми рыжими усами.

Люба тронула Николая за локоть:

— Что они несут?

Ключников догадался: «Бомбу несут! Неразорвавшуюся бомбу!» Ему стало не по себе. Захотелось встать и бежать с этого места. Но он подавил в себе это желание и продолжал сидеть.

Когда носилки поравнялись с ними, испуганная Люба прижалась к Ключникову, как бы ища у него защиты от угрожающей опасности. Она слышала, что немцы сбрасывают бомбы замедленного действия. Такие могут взорваться в любую минуту.

Старший лейтенант, проходя мимо, бросил на них

быстрый и, как показалось Николаю, презрительный взгляд.

Через минуту процессия скрылась за песчаным бугром.

— Надо идти, Люба,— сказал Ключников, опомнившись.— Нас, наверно, уже хватились.

И они направились к эшелону.

У вагона их встретил рассерженный редактор старший политрук Гильдин.

— Где вы были? — загремел он, сверкнув глазами.— Мы сбились с ног, разыскивая вас! Кому война, а кому гулянки! Идите к автобусу! — Гильдин энергично указал рукой на вокзал.— Ваши вещи уже там! — И сам скрылся за вагоном.

Ключников заглянул в теплушку — она была пуста.

— Пойдемте, Николай Иваныч! — смущенно позвала его Люба.

И они пошли к вокзалу. Платформа, на которой стояли минометы, была свободна. С соседней платформы сбрасывали тюки спрессованного сена и грузили их на конные повозки.

За вокзалом на обочине дороги стоял зеленый редакционный автобус. Мотор машины урчал.

И вот зеленый автобус покатился по дороге на запад, к фронту. Теперь мотор машины натужно завывал — он с трудом тянул тяжелую кладь. В автобусе высилась целая гора редакционного скарба: тут и печатный станок, и наборные кассы со шрифтами, и рулон газетной бумаги, чугунная печка-буржуйка, топоры, лопаты — чего тут только не было!

В пути редакция обгоняла подразделения своей дивизии, вышедшие со станции Неболчи раньше, сразу же после бомбежки. К фронту шли колонны пыльных и потных пехотинцев, увешанных винтовками, вещевыми мешками, шинельными скатками, котелками, противогазами...

До передовой оставалось не так уж далеко. На коротких остановках, когда Левченко выключал мотор, со стороны реки Волхов доносились глухие удары артиллерийских разрывов.

Долго ехали лесом. Потом автобус выкатился на широкую поляну. Ключников, сидевший на фанерном ящике возле двери, прильнул к окну, с тревогой посмотрел на небо и подумал: «Небось немецкий летчик, бомбивший эшелон, смекнул, что сейчас по этой дороге к

фронту движутся советские войска. Он в любую минуту может вернуться и спикировать на редакционный автобус...»

Машина опять въехала в лес. Ключников отвалился от окна, и его хмурый взгляд стал блуждать по лицам товарищей. «Неужели они спокойны? — думал он.— Или только делают вид?»

Левченко сидел за рулем прямой, сосредоточенный, свежевыбритый, с усиками бабочкой.

Рядом с ним в черной кожаной куртке, затянутый желтыми ремнями новенькой кавалерийской портупеи, горбился Яков Гильдин — широкоплечий, грузный, с медно-красной шевелюрой. Щеки и нос у него — в золотистых веснушках. Губы толстые, мясистые. Нижняя губа выдается вперед и придает лицу редактора важный и властный вид.

Политрук Сергей Деревянкин, ответственный секретарь редакции, забился в дальний угол машины и делает вид, что дремлет. Когда автобус на ухабах встряхивается, он подхватывает сползающую с головы пилотку и свободной рукой поглаживает свои светлые, льняные волосы.

Рядом с ним сидит сержант Хохлов, начальник типографии, он же метранпаж и печатник. У этого лицо смуглое, почти черное, изрытое оспой, а глаза светло-голубые, доверчивые и ясные. Он чуть склонился к Любе и, улыбаясь, что-то говорит ей. Она слушает его рассеянно и, очевидно, думает о чем-то своем.

Наборщик Громов, скуластый синеглазый парень с белыми бровями, оседлал бумажный рулон и сидит на нем понуро, опираясь на новенький карабин.

Всех этих людей, за исключением наборщицы Любы Степановой, Ключников знал очень мало. С самого начала формирования дивизии он находился в полку Дубинина — числился командиром взвода противотанковых пушек. В редакцию дивизионной газеты его перевели всего лишь два дня назад — накануне погрузки в эшелон. А с Любой он в июне, перед началом войны, вместе отдыхал в сочинском санатории «Правда». Запомнилось, как они рано утром уезжали из Сочи. Стояли у окна в купе поезда и смотрели на море. Черное море в то утро бушевало. Огромные свинцово-зеленые валы с белыми гривами стремительно катились к берегу и с шумом разбивались о железо-

бетонные волнорезы. Пассажиры, ехавшие в поезде, в то время еще не знали, что на западных границах нашей страны тоже разразилась буря — началась война и немецко-фашистские полчища вал за валом катились на советскую землю. Николай и Люба не знали этого и спокойно наблюдали, как километрах в двух от берега нырял в волнах рыболовецкий траулер, не успевший вернуться домой до шторма. Он то поднимался на гребень волны, высоко задирая нос, то почти отвесно падал в морскую пучину, обнажая корму...

Автобус въехал в поселок Будогощь. Возле вокзала на дороге неожиданно появился начальник политотдела дивизии Назаров и жестом приказал остановиться. Левченко резко затормозил. Гильдин выскочил из машины и начал было рапортовать:

— Товарищ батальонный комиссар!..

Назаров сердито оборвал его:

— Где вы до сих пор прохлаждались?! Дивизия уже воюет, а вы все гуляете!

Он рассказал, что два полка, прибывшие сюда на день раньше, уже заняли передовые позиции. Полк Дубинина переправился на западный берег реки и укрепился там на небольшом плацдарме. Второй эшелон дивизии расположился в Будогощи.

— Вы тоже устраивайтесь здесь и приступайте к выпуску газеты,— сказал батальонный комиссар.— Сейчас же пошлите кого-нибудь к Дубинину. Там сегодня будет бой. Напишите об отличившихся красноармейцах. И не теряйте времени. До станции Пчевжа можно доехать на дрезине — она отходит ровно через полчаса.

— Есть! — козырнул редактор вслед уходившему Назарову. И сразу же перевел напряженный, решительный взгляд на Ключникова:

— Собирайся! Быстро!

Ключников нащупал в нагрудном кармане гимнастерки блокнот и карандаш, надел шинель и хотел было уже идти, но Гильдин окликнул его:

— Ты что, на прогулку собрался? А где каска! Где противогаз? И карабин возьми!

Николай хлопнул себя по карману:

— У меня же пистолет!

Но редактор и слышать ничего не хотел.

— Громов! — крикнул он.— Подай лейтенанту карабин! И гранату!

— Можно подумать,— усмехнулся Ключников,— что меня снаряжают не за газетным материалом, а в наступление на вражеский дот!

— Не исключена возможность, что доведется участвовать в бою! — повысил голос Гильдин.

Ключников надел каску, перекинул через одно плечо противогаз, через другое — карабин, сунул в один карман шинели гранату, в другой переложил пистолет и, кивнув товарищам, быстро зашагал к вокзалу.

— Зря нигде не задерживайся! — крикнул ему вслед редактор.— Поскорее возвращайся с материалом!

Николай не оглянулся, прибавил шагу и через минуту скрылся в развалинах вокзала.

II

Ехали по разбитой лесной дороге, переплетенной корнями деревьев. Грузовик с боеприпасами то медленно переваливался с боку на бок, то резко подпрыгивал. И чем ближе к передовой, тем больше грязи в дорожных колеях. Лес порой редел, и Николаю Ключникову хорошо видны были справа и слева воронки от авиабомб и артиллерийских снарядов, наполненные ржавой болотной водой. Возле воронок тут и там лежали вырванные с корнем и расщепленные деревья с опаленными листьями.

Наконец машина затряслась как в лихорадке — она выехала на деревянный настил. Минут двадцать двигались по еловым жердям, и вот сквозь поредевшие кусты впереди сверкнула серая гладь Волхова. Грузовик свернул с дороги в кусты и остановился.

— Вот и наша переправа,— сказал водитель.— Дальше ехать нельзя.

Ключников вылез из кабины и увидел сержанта, только что выпрыгнувшего из кузова. Тот стряхнул с шинели прилипшее сено, поправил русую челку, выбившуюся из-под пилотки, и направился к реке. Николай пошел за ним.

На берегу никого не было. Возле зарослей ивняка, где к небу поднимался черный обугленный ствол дерева, на волнах качалась лодка. Другая лежала вверх дном на песке.

Из-за реки доносились одинокие разрывы мин и снарядов, редкие пулеметные очереди.

— Гусев! — крикнул сержант.

Из воронки возле ивняка поднялся красноармеец — высокий и худой, в короткой, едва до колен, шинели, в грязных ботинках с обмотками. Лицо у него было помятое, заспанное, шея забинтована. Сквозь грязный бинт проступали пятна крови.

— Ты что, ранен? — спросил его сержант.

Тот зевнул и отмахнулся:

— Поцарапало малость.

Ключников обратил внимание на длинные руки Гусева. В них угадывалась большая сила.

— Что, шумно было?

Гусев неторопливо вынул кисет, грязными заскорузлыми пальцами свернул «козью ножку», закурил и, затянувшись раза два, стал рассказывать:

— Вы только уехали, а с того берега уже кто-то кричит: «Лодку!» Кто кричит, не видно: над рекой туман. Слышу, там пальба идет. «Раненые,— думаю,— кому же еще быть?» Сел в лодку — и айда! Переправился спокойно. Гляжу — на берегу стоит сержант Соловьев, знакомый, из нашей роты. Шинель на нем заляпана глиной, из-под каски бинт выглядывает и кровь стекает. А сам веселый! Рад, что жив остался. С ним еще телефонист Кузовков. Хромает. Ну, я им на лодку киваю: «Быстро! Рванем, пока туман не рассеялся!» Сели. Гребу я да налево посматриваю — там в осиннике немцы.

Только подумал — слышу, застрочил пулемет. За кормой лодки, вижу, чиркнули пули, на воде аж пена. Заметили, сволочи! Я жму. Соловьев, гляжу, нахмурился, веселость с него как ветром сдуло. И снова пулемет зататакал. На этот раз пули просвистели над головой.

Вышли мы на берег целые и невредимые. Я взял черпак и стал выплескивать воду из лодки — не люблю, когда вода под ногами хлюпает. И опять слышу крик с того берега: «Лодку!» Посмотрел я туда. Туман уже рассеялся. Вижу, стоит там, на берегу, санитар Егорыч. Я его сразу узнал — маленький он, но головастый. «Скорей!» — кричит. Я веслом от берега оттолкнулся, жму, а сам все оглядываюсь: «Скоро ли средина?» И вот снова: тра-та-та! И опять пули просвистели над головой, меня вроде бы толкнуло в шею и ожгло.

«Или,— думаю,— это показалось мне?» Только тогда не было времени об этом размышлять. Снимать каску да ощупывать голову некогда. Рвал весла так, что волны за мной, как за катером!

Выхожу на берег, прошу Егорыча: «Посмотри, будь другом, что у меня там за воротом?» Егорыч прежде всего снял с меня каску, поглядел на нее и покачал головой. «Дырка,— говорит.— Ну-ка нагни голову! Счастливый ты, Гусев! Черепок твой в порядке, только ссадина возле уха да на шее кусок мяса вырван».

Забинтовал он мне шею и тянет за рукав в кусты. Гляжу — стоят носилки, покрытые плащ-палаткой. Из-под нее выглядывает серое лицо раненого. Тихо стонет, бедняга, а в глазах у него — тоска. «Его,— говорит Егорыч,— надо переправить как можно скорей. Крови он много потерял».

Мы осторожно перенесли раненого в лодку. Головой он почти упирался в корму, а ноги уходили под мое сиденье. Гребу. Бинт давит мне на горло. Поправить бы его, да некогда. Скорей! Вижу — на берегу медсанбатовская машина уже ждет. Теперь страха у меня нет, одна только злость на немцев.

Вот и середина реки. Я нажимаю. И тут, взглянув на небо, увидел треугольник «юнкерсов». Летят над рекой. Потом свернули влево. Лишь один отделился от косяка и стал заходить на лодку. «Сейчас спикирует», — думаю и гляжу на раненого. Тот уже увидел немецкий самолет, беспокойно задвигал руками под плащ-палаткой. Одну руку — она у него забинтована до локтя — он высвободил и поднял над головой, как бы загородился от самолета. А «юнкерс» уже пикирует. «Жми, Василий, жми!» — подгоняю я себя и изо всех сил налегаю на весла.

Свист! Гром! Три фонтана поднялись правее лодки. Огромная волна налетела на нее и чуть было не опрокинула. А я жму да жму.

Потом гляжу — самолет вышел из пике, развернулся и снова стал заходить на нас. Раненый опустил забинтованную руку на глаза и простонал: «Видно, пропадать тут...» «Не пропадем! — кричу я ему.— Пусть фашист пропадает!» И обложил я этого фашистского летчика матюком. В это время хлестнула по лодке пулеметная очередь. Я рукой почувствовал сильный удар и увидел, как на корму упала свежая щепка, пулей отколотая от весла возле уключины.

«Лишь бы весло не переломилось!» — думаю и уже легче нажимаю и за самолетом слежу: «Улетает, сволочь!»

Ну, причалили к берегу. Перенесли раненого в санитарную машину.— Гусев умолк, стал раскуривать угасшую папироску. Раскурив, кивнул в сторону грузовика и спросил сержанта:

— Привезли?

— Да,— ответил тот.

— Когда переправлять будем, сейчас?

Сержант задумался, потер переносицу и в свою очередь спросил Гусева:

— А фрицы там присмирели? Не лезли больше?

— Притихли.

— Тогда подождем до вечера. Как стемнеет — переправим.— Сержант повернулся к Ключникову:— И вам, товарищ лейтенант, советую подождать до вечера. Ведь вам не к спеху?

Ключников посмотрел на голубое ясное небо. Солнце стояло высоко, почти в зените.

«Ждать темноты — это почти полдня потерять,— подумал Николай.— Да и как вечером в лесу, в кромешной тьме искать командный пункт полка?»

— Нет, мне ждать нельзя,— сказал он,— у меня срочное задание.

— Ну, как хотите, дело ваше.— И сержант направился к грузовику.

Гусев молча прислушивался к разговору. Потом не спеша подошел к воронке, достал из нее винтовку и зашагал к лодке, качавшейся на воде.

— Поехали, товарищ лейтенант!

Он подождал, пока Ключников прошел на корму, затем отвязал лодку, сунул в нее винтовку и, оттолкнувшись от берега, сел за весла.

«Вот о ком надо написать в газету»,— подумал Ключников, наблюдая, как широко, размашисто гребет Гусев.

— Вы сами-то откуда, из какой области? — спросил Николай.

— Смоленский я,— ответил Гусев, не переставая грести.— Из деревни Дурнево на реке Угре. Может, слыхали?

— Колхозник?

— Колхозный шорник я и сапожник.

— Семья есть?

— Жена у меня, Феня, сын Володька и дочка Ле-

ночка. Володьке четыре года, а Леночке еще и года нет. Из-за нее Феня и не эвакуировалась. Куда с ней, с Леночкой-то? Теперь немцы там. Издеваются, поди-ка, звери ведь! Ох, гады, добраться бы мне до них!

— Сам захотел остаться на переправе?

— Нет, сам бы не остался. Пришли мы сюда вчера поздно вечером. Ночью стали переправляться. Три лодки тут было. На одной я все время сидел на веслах. Рейсов десять сделал с берега на берег. Командир взвода младший лейтенант Егоров все смотрел, смотрел, как я гребу, и говорит мне: «Ты, Гусев, гребешь как бог!» И спрашивает: «Много тренировался?» «Много,— отвечаю.— Я родился и вырос на воде». Когда все переправились, командир роты приказал Егорову оставить на переправе одного красноармейца, который охранял бы лодки, перевозил раненых, боеприпасы и продовольствие. Командир взвода прямо ко мне: «Оставайся, Гусев!» Ну как я откажусь — приказ командира!

Гусев широко взмахивал веслами, а сам то и дело оглядывался назад, на противоположный берег.

— Вот сейчас на середину выезжаем, тут самое опасное место,— сказал он и еще сильнее налег на весла. Лодка пошла быстрее.

Ключников сидел на корме сгорбившись, обеими руками опираясь на карабин. Каждый мускул, каждый нерв у него был в напряжении и ожидании, весь он превратился в слух.

И вдруг слева из осинника послышался звук — словно шлепок свернутой газетой по стене, когда мух бьют. И через несколько секунд в небе послышался свист. Он с каждой секундой нарастал. Противный свист, скребущий по сердцу.

— Мина! Ах, сволочи! — Гусев еще ниже пригнулся и напружинился, чаще стал взмахивать веслами.

Мина разорвалась метрах в десяти от лодки, подняв фонтан воды. Брызги ударили в лицо Ключникову. Волна швырнула лодку в сторону. И снова этот отвратительный свист. И снова взрыв. На этот раз мина разорвалась за спиной Николая. Он не мог определить, насколько близко от лодки она разорвалась. Только почувствовал, что близко. Лодку новой волной по ходу подтолкнуло вперед. Просвистели осколки, и одновременно что-то треснуло сзади — и сразу же к ногам Ключникова хлынула вода. Она стала быстро наполнять лодку.

— Эх, гад, испортил лодку,— угрюмо буркнул Гусев и смачно выругался.

Он перестал грести, достал из-за спины старое помятое ведро и бросил его к ногам лейтенанта:

— Выливайте! — И опять налег на весла.

Вода почти до колен залила ноги Николая. Он схватил ведро и стал быстро выплескивать воду за борт. Теперь лодка наполнялась медленнее, но все же наполнялась. Мешал карабин, стоявший между ног. Ключников переставил его к борту и продолжал работать.

Берег приближался. До него оставалось метров тридцать. И Гусев, и Ключников почти по пояс сидели в воде. Вот и корма уже скрылась под водой. Василий перестал грести, опустил весла и, схватив винтовку, встал в лодке во весь рост.

— Карабин возьмите, товарищ лейтенант! — сказал Гусев, тяжело дыша.

Ключников едва успел схватить карабин, как лодка пошла ко дну. Николай рванулся в сторону и, погрузившись в воду, с радостью почувствовал под ногами дно. Вода доходила ему до плеч. Поймал свою пилотку, которую уже подхватила волна. Метрах в десяти по грудь в воде стоял Гусев. Возле него чернело плоское дно лодки.

— Пошли, товарищ лейтенант! — крикнул он и, подталкивая перед собой перевернувшуюся лодку, двинулся к берегу. Отдуваясь, за ним устремился и Николай. Мысленно он теперь ругал себя: «Не сиделось тебе, дурень, на берегу! Ведь только чудом уцелел! Пролети осколок чуть повыше — и твоя песенка была бы спета. Не дождался бы редактор от тебя материала в газету!»

Они вытащили лодку на берег и огляделись. Кругом — ни души. Их далеко снесло по течению. Тут Николай почувствовал, что продрог.

Гусев осмотрел лодку, присел на корточки перед кормой, где зияла пробоина, потом, поднявшись, сказал:

— Ничего, залатать можно.— И Ключникову: — Пошли! Тут недалеко хозвзвод нашего батальона. Надо обогреться и обсушиться.

Они пошли по берегу реки, потом по едва заметной тропинке свернули в лес.

III

В хозвзводе Ключников обсушился и пообедал. Потом Гусев привел к нему красноармейца с термосом на спине и сказал:

— Он доведет вас до КП полка.

Они шли лесом. Под ногами хлюпала вода. И чем дальше они шли, тем труднее было продвигаться вперед. Ноги то путались в хворосте, наваленном на дороге, то скользили по мокрым жердям.

Лес неожиданно раздвинулся. Впереди открылась большая поляна, поросшая мелким кустарником. Кое-где из кустарника поднимались молодые березки.

До слуха Ключникова донесся издалека уже знакомый глухой шлепок, как там, на переправе. Потом послышался нарастающий свист, и впереди на краю поляны возле двух молодых березок в пяти метрах от дороги сверкнул огонь и треснула мина. Ключников заметил, как одна березка упала, видимо срезанная осколком, и над ее листвой поплыли грязно-желтые клочья дыма. Через минуту послышался второй шлепок, за ним сразу же третий — и еще две мины разорвались недалеко от упавшей березки.

Ключников замедлил шаг и немного отстал от красноармейца. Теперь они шли по поляне, шли туда, где только что прозвучали взрывы и где еще не рассеялся дым.

«Переждать бы,— подумал Ключников.— Чего лезть на рожон!»

Но красноармеец все шагал и шагал, не оглядываясь, и Николай постеснялся окликнуть его и остановить.

После трех выстрелов немецкий миномет умолк.

Они прошли поляну и снова углубились в лес. Где-то справа, впереди простучал пулемет. Над головой Ключникова взвизгнули пули. Николай невольно втянул голову в плечи.

Наконец красноармеец остановился и указал рукой влево, в чащу леса:

— Вам сюда. Вон КП полка.

А сам пошел дальше.

Ключников свернул па тропинку, устланную лапником. Еловые ветки, видимо, тут лежали давно, они были втоптаны в грязь. Впереди, метрах в пятидесяти, между кустов Николай увидел приземистую избушку,

срубленную на скорую руку из еловых бревен. Она была покрыта корой липы. Возле нее с винтовкой на изготовку ходил часовой — веснушчатый парень в плащ-палатке.

— Старший политрук Поляков здесь? — спросил Ключников, кивнув на избушку.

Часовой на вопрос не ответил, он крикнул:

— Товарищ младший лейтенант!

Скрипнула дверь, и из избушки вышел младший лейтенант Андреев, адъютант командира полка. Ключников не сразу узнал его — Андреев отрастил пышные черные усы. Узнав, обрадовался и дружески пожал ему руку.

— Прошу! — пригласил младший лейтенант, открывая дверь.

Они вошли в избушку. Здесь был полумрак. Оконце пропускало мало дневного света, поэтому Николай не сразу рассмотрел горбившегося в углу над телефонным аппаратом связиста. Больше здесь никого не было.

— А где же Поляков и Дубинин? — спросил Ключников.

— Они на НП.

— Почему?..

Как бы в ответ на этот вопрос, из-за реки послышались глухие удары орудий, и над избушкой с пронзительным воем пронеслись снаряды.

Николай вопросительно посмотрел на Андреева, и тот сказал:

— Это наш артполк начал подготовку. Будем атаковать.

Младший лейтенант быстро надел шинель, затянулся ремнями портупеи, надвинул на лоб каску и направился к выходу.

— Пошли на НП!

Они шли лесной тропой под свист и вой снарядов и через несколько минут вышли на опушку леса. На пригорке увидели земляную насыпь, обложенную дерном. Это был блиндаж. Спустились в него. Там было сумрачно и сыро. Под жердями пола хлюпала вода. В сумраке светились огоньки папирос, а клочья табачного дыма уплывали в амбразуру. Перед амбразурой стояли подполковник Дубинин, старший политрук Поляков и помощник начальника штаба полка по оперативной работе капитан Рябчиков. Они вполголоса переговаривались, изредка поднимали бинокли к глазам и смотрели вдаль.

Андреев направился к Дубинину. Они о чем-то заговорили и отошли в угол блиндажа. Ключников некоторое время растерянно переминался с ноги на ногу, не решаясь подойти к Полякову и доложить ему о своем прибытии. Наконец комиссар полка сам заметил его и кивнул:

— А-а, и редакция здесь? Очень кстати! — И протянул Ключникову бинокль: — Посмотрите!

Николай посмотрел и увидел над немецким передним краем сплошную черную стену дыма. Из этой стены, как из грозовой тучи, то и дело сверкали молнии, сопровождаемые беспрерывным громом разрывов.

Неожиданно артиллерийская канонада смолкла, и тучи над ручьем стали рассеиваться. Ключников искал, где же атакующие красноармейцы. Поле перед ручьем просматривалось плохо, мешал лес, но сквозь просветы в кустах Николаю все же удалось заметить, как серые фигурки бойцов, рассредоточившись, короткими перебежками продвигались вперед.

«Ни черта я отсюда не увижу, только зря время потрачу,— подумал Ключников.— Надо идти вперед, ближе к ручью».

Он отдал бинокль Полякову, поблагодарил его и вышел из блиндажа.

Вышел и зажмурился от ярких лучей солнца, ударивших ему в глаза. Багрово-красный солнечный диск опускался за лесной гребень. Недалеко от входа в блиндаж стоял клен. Его пожелтевшие листья на солнце отливали золотом.

Заслышав гул самолета, Ключников поспешно перебежал открытое место и остановился в кустах на опушке. Отсюда он увидел, как в небе засеребрилась «рама» — немецкий двухфюзеляжный разведчик-корректировщик «фоккевульф». Этот самолет спокойно разгуливал над полем боя, совершая круг за кругом. Очевидно, «рама» высматривала огневые позиции советских минометчиков, по радио передавала данные для стрельбы и затем корректировала огонь немецкой артиллерии.

«Хищная и опасная птица»,— подумал Николай.

А она, окончив кружить над передним краем, поплыла к опушке леса, где стоял Ключников, сделала круг над расположением НП полка и опять улетела туда, где шел бой.

Проводив глазами «раму», Ключников зашагал по лесной дороге. Зашагал туда, откуда доносились пулеметные очереди, треск винтовочных и автоматных выстрелов.

Николай шел не спеша, иногда останавливался на минуту и прислушивался к гулу боя.

Вот мимо него по направлению к передовой протарахтела парная конная повозка, нагруженная патронными ящиками. Две косматые гнедые лошаденки бежали рысью, а ездовой то и дело взмахивал над ними кнутом.

Ключников шел все дальше и дальше. Вокруг него в кустах все чаще и чаще цокали пули, порой они взвизгивали, срезали листья с веток, заставляли Ключникова вздрагивать. Ему вспомнился умоляющий голос Нины: «Не лезь зря под пули!» Он грустно улыбнулся и продолжал шагать вперед.

Мимо промчался мотоциклист в зеленом комбинезоне — туда же, на передний край. И только он скрылся на повороте за кустом ольхи, как из-за этого куста показался пешеход в шинели внакидку, с забинтованной рукой на перевязи. Что-то знакомое почудилось Ключникову во всей фигуре этого пешехода и в его походке. Раненый остановился возле придорожной березы, на стволе которой виднелся фанерный стреловидный указатель. Похоже было, что пешеход поджидает его, Ключникова. И. улыбается. И Николай узнал раненого: Иван Рогов! Ёще бы не узнать! В военном городке под Рязанью, где формировалась дивизия, они жили в одной палатке. И тот и другой — артиллеристы, командиры огневых взводов в полку Дубинина. Потом Ключникова перевели в редакцию дивизионной газеты, а Рогов остался в этом полку. И вот неожиданная встреча.

— Далеко ли шагаешь? — спросил Иван.

— Да туда! — Ключников махнул рукой по направлению к ручью.

— Опоздал! Там почти все кончено. Мы заняли немецкие траншеи на берегу ручья, но дальше не продвинулись.

Невдалеке в кустах разорвалась мина, просвистели осколки. Рогов оглянулся и пробормотал:

— Дорогу обстреливают...

Затем левой, здоровой рукой он потянул Ключникова за рукав шинели и шагнул с дороги на тропинку, куда

был нацелен указатель с надписью: «Медпункт хоз-ва Струнникова».

— Пойдем со мной. Я все видел и обо всем тебе расскажу. Материал для газеты у тебя будет.

Они пошли по тропинке, и Рогов стал рассказывать, как проходил бой.

Через несколько минут Ключников и Рогов оказались перед входом в огромную парусиновую палатку, натянутую в тени деревьев. По бокам палатки — квадратные слюдяные окна, над входом — красный крест. Пахло йодоформом. У входа на скамейке сидел красноармеец с забинтованной шеей.

Из палатки вышла девушка в белом халате и сказала красноармейцу: «Заходите!» — и сама скрылась вслед за раненым.

Ключников и Рогов сели на скамейку.

— У тебя курить не найдется? — спросил Иван.

Николай достал пачку «Беломора» и протянул ее:

— Бери всю! Я не курю, только балуюсь.

Рогов поблагодарил и закурил.

В небе над их головами завыл мотор. Сквозь листву деревьев они увидели «раму». Она плыла в сторону НП полка.

Ключников проводил взглядом немецкий самолет — тот полетел туда, где недавно кружился над опушкой леса. «Заметил блиндаж»,— подумал Николай. Он не высказал Рогову своих опасений. Кивнув на его раненую руку, спросил:

— Чем угораздило — пулей или осколком?

— Пулей.

— Кость задела?

— Кажется, нет. Вот эскулапы проверят да перевяжут как следует — и я вернусь к своим.

Над лесом будто листья зашелестели, видимо, порыв ветра их всполошил, хотя воздух был недвижим. Рогов поднял указательный палец и насторожился:

— Издалека бьют.

А через две-три секунды лес охнул и земля содрогнулась. Словно горный обвал прогрохотал. Минуту было тихо, потом опять сотрясающий землю грохот.

— Куда бьют? — недоумевал Рогов.

— По-моему, по НП полка,— высказал догадку Ключников.

— Может быть,— согласился Иван.

Из палатки выглянула та же девушка и пригласила Рогова:

— Заходите, товарищ лейтенант!

На конной двуколке привезли тяжелораненого сержанта. Его положили на носилки и сразу же отнесли в палатку.

Подходили легкораненые, устало опускались на траву и начинали свертывать цигарки.

Рогов пробыл в палатке минут пять и вышел сумрачный.

— В санроту направляют,— сказал он.— Придется топать.

— А где она, эта санрота?

— Возле КП полка.

— Ну, потопали.

Они вышли на дорогу, к указателю, и свернули в ту сторону, откуда Николай пришел.

«А боя-то я и не видел», — подумал Ключников, чувствуя за собой вину, и тотчас же попытался оправдать свою нерешительность и нерасторопность: «Быть на поле боя для меня и не обязательно. Я дам в газету рассказ лейтенанта Рогова — участника атаки. Что еще нужно?»

Послышался стук колес, и слева из кустов вынырнули гнедые лошадки, те самые, которые с час назад везли на передовую патроны. Ездовой шел возле лошадей, держа вожжи в руках. В повозке что-то лежало, покрытое брезентом.

«Повозка с НП полка», — подумал Ключников и вздрогнул от неожиданной догадки: «Кого-то убили!»

Видимо, об этом подумал и Рогов. Он помрачнел, решительно шагнул к ездовому и спросил:

— Кого везешь?

— Младшего лейтенанта Андреева, адъютанта.

— Останови! — приказал Рогов.

Повозка остановилась, и Рогов приподнял брезент. Да, это был Андреев. Ключников не верил своим глазам. Ведь и двух часов не прошло, как он шел здесь с адъютантом, разговаривал с ним. И вот его уже нет. Смерть успела наложить на его лицо землисто-серый отпечаток. Над правым виском у Андреева темнела маленькая ранка с запекшейся кровью. Николай вдруг почувствовал тошноту, подступившую к горлу, и головокружение.

— Говорили там, как это случилось? — спросил

Рогов ездового, кивнув в сторону наблюдательного пункта.

— Говорили,— ответил ездовой.— Подполковник вышел из блиндажа, сказал: «Подышу свежим воздухом». И младший лейтенант за ним. А в это время над поляной появилась «рама». Через минуту — артналет. Первый залп беды не принес — перелет метров на сто. Тут бы им бежать в блиндаж, а командир полка не спешил, шагал не торопясь. С ним и адъютант. Их и накрыло вторым залпом. Младшего лейтенанта наповал, а подполковнику руку осколком задело...

Рогов опустил брезент на лицо убитого и молча махнул рукой ездовому. Повозка снова затарахтела.

IV

Николай Ключников сидел в редакции у окна и смотрел на улицу. Кроме него, в комнате никого не было. Редактор с утра уехал в политотдел дивизии. Дверь в соседнюю комнату была полуоткрыта, и оттуда доносился храп сержанта Хохлова. Он всю ночь печатал газету и только утром лег спать. Водитель Левченко и наборщица Люба сидели на крыльце и о чем-то спорили. Иногда оттуда доносился веселый и звонкий смех Любы. Тогда Николай невольно настораживался и прислушивался. Этот смех тревожил его. Когда-то так смеялась его Нина...

Он достал из кармана гимнастерки письмо от жены, полученное утром, и стал перечитывать его. Нина жаловалась на свое здоровье. «Ты знаешь мои недуги,— писала она.— Мучает меня бессонница. После того, как в Москве на Казанском вокзале попала под бомбежку, я почти совсем не сплю. Очень беспокоюсь о детях: здоровы ли они? Не голодают ли там, в Васильсурске? Через неделю брат получит отпуск и поедет за ними. У нас здесь, в Малиновке, тихо. Ни обстрелов, ни бомбежек. Фронт отсюда далеко, а войну чувствуем и здесь. Почти в каждом доме горе — или убит кто-нибудь, или ранен. Коля, я знаю, у тебя здоровье тоже неважное. Тяжело тебе? Вот и зима не за горами. Скоро затрещат морозы. На севере, под Ленинградом, они лютые. Что с тобой будет? Ведь ты раньше так боялся сквозняков».

Перечитал Ключников письмо и нахмурился. «Плохо

Нине, очень плохо! И помочь ей я ничем не могу».

Перед окном стояла низкорослая березка. Она была почти голая, лишь на самой макушке трепыхались четыре листочка — желтых. Эта березка напомнила Николаю, что пришла осень, холодная и ветреная, и Нина права: скоро затрещат морозы! А конца войны не видно. Да, это он только Нину утешает: «Скоро, скоро настанет день расплаты», а сам в это не верит. А ведь еще летом (наивный человек!) он верил, что к осени Красная Армия наверняка вышвырнет немцев с территории Советского Союза, и тогда конец войне. Увы, этого не случилось. Немцы продолжают наступать. Радио и газеты по-прежнему приносят горькие вести: наши войска оставили Брянск, Вязьму, Орел. Идут ожесточенные бои на дальних подступах к Москве.

«Наверно, трудно там,— думал Ключников.— Здесь, на берегах Волхова, сравнительно тихо...»

Подумал и прислушался к орудийному гулу, который доносился издалека. «Сегодня не так уж тихо. С утра где-то идет бой. Но где? Кажется, у соседей».

Наблюдая в окно за улицей, Ключников неожиданно увидел редактора. Старший политрук Гильдин устало шагал по направлению к редакции. Он на минуту задержался на крыльце, затем вошел в избу и в изнеможении опустился на скамейку возле двери. Рукава и полы шинели у него были выпачканы в глине, сапоги забрызганы грязью.

— Что случилось? — насторожился Ключников.

— Слышишь гром? — Гильдин кивнул на окно.— Это в районе Грузино. Немцы прорвались!

Грузный редактор старался выглядеть спокойным и не замечал, как нервно барабанил пальцами по скамье.

Затем он вынул из планшетки карту и развернул ее на коленях:

— Смотри сюда!

Николай склонился над картой.

— Вот Грузино.— Редактор пальцем ткнул в карту.— Тут уже немцы. Прошлой ночью полк Дубинина был снят с позиций за Волховом и направлен в район прорыва. На рассвете батальоны прибыли в деревню Круг и заняли оборону на юго-западной окраине. Вот здесь. Ясно?

Ключников выпрямился:

— Ясно! — И потянулся к вешалке за шинелью.

— Жми к Дубинину!

Николай долго искал попутную машину и выехал из Будогощи только в сумерках. Выехал на медсанбатовском грузовике с брезентовым верхом. В кузове на соломе рядом с Ключниковым полулежал бородатый красноармеец-санитар. Чуть поодаль, возле борта, сидела курносая девушка-коротышка с россыпью крупных веснушек на щеках. Из-под ее пилотки выбивались рыжие завитушки. Сидела она, по-бабьи вытянув ноги в кирзовых сапогах. Санитар почти все время дымил самокруткой, а девушка дремала, опустив голову на грудь.

Сумерки сгустились, ехали в темноте, и Ключников уже не мог разглядеть сидевшего рядом санитара — лишь слышал, как он вполголоса чертыхался, когда машину начинало лихорадить на бревенчатом настиле. И чем дальше ехали, тем отчетливее и громче сквозь гул мотора и дребезжание машины доносились до слуха Николая разрывы мин и снарядов, пулеметная трескотня. С нарастающей тревогой прислушивался Ключников к шуму вечернего боя и думал: «Немцы, видимо, решили перерезать единственную железную дорогу, связывающую блокированный Ленинград с тылом страны. Из района Грузино они рвутся теперь на Будогощь, чтобы захватить Тихвин, а затем двинуться к северу на Лодейное Поле и соединиться с финскими войсками на реке Свирь и таким образом замкнуть второе кольцо блокады Ленинграда. Неужели это может случиться?»

Неожиданно машина остановилась. Снаружи послышалось тарахтение тележных колес и команда: «Стой!» Ключников узнал голос комиссара медсанбата, ехавшего в кабине. Тарахтение прекратилось. Санитар завозился на соломе, задний борт скрипнул — бородач вылез из машины. Николай, тоже ощупью. спустился на землю и, обогнув машину, пошел в темноту на голоса. Шагов через десять он различил неясные силуэты людей возле повозки. Мелькнул луч карманного фонарика, и опять послышался голос комиссара:

— Кольцов, ты?

— Я, товарищ комиссар.

— Раненых везешь?

— Так точно!

— Ну как там дела? Где наши?

— Наши с утра отбивали атаки немцев у деревни

Круг, а к вечеру отступили и окопались на южной окраине Оскуя.

Прислушиваясь к разговору, Ключников оглядывался вокруг. Тут со всех сторон обступал их лес. На юго-западе, куда они ехали, над темной кромкой леса небосклон полыхал заревом пожаров. Казалось, что разрывы снарядов и пулеметные очереди раздавались совсем близко, километрах в двух, а ракеты взмывали в небо будто рядом — за ближайшим хвойным гребнем.

Кольцов рассказал, как найти в Оскуе санроту, и повозка тронулась по дороге на северо-восток, в Будогощь, а машина — на юго-запад, в Оскуй.

В полночь связной санроты привел Ключникова к высокому бревенчатому дому на южной окраине Оскуя и сказал:

— Тут на чердаке наблюдательный пункт Дубинина.

Сказал и пропал в темноте.

Дом был слепой — с забитыми окнами. Николай вошел в полуоткрытые тесовые ворота. На дворе не видать ни зги.

У задней стены дома он нащупал лестницу и полез наверх. В дальнем углу чердака слабо светился фонарь, и возле него Ключников увидел темный силуэт красноармейца, склонившегося над коробкой телефонного аппарата. Лицо связиста находилось в тени, и Николай еле заметил, как тревожно и вопросительно посмотрел на него телефонист.

— Я из редакции дивизионки,— сказал Ключников.— А где Дубинин и Поляков?

— Они в окопах.

— Давно ушли?

— С полчаса.

Ключников увидел пролом в крыше и подошел к нему. Вдали, над лесом, по-прежнему полыхало зарево. А ближе, над темным частоколом елей, то и дело взлетали в небо ракеты, освещая реку и дорогу из Грузина в Оскуй. Изредка тишину вспарывали пулеметные очереди.

«Придется ждать»,— подумал Николай и стал осматривать чердак. В другом углу на ржаной соломе кто-то спал, укрытый плащ-палаткой. Виднелись только широкие кирзовые сапоги с железными подковами на

каблуках. Соломы было много, и Ключников решил, что тут, пожалуй, можно и поспать.

А телефонист, как бы угадывая мысли Ключникова, предложил:

— Отдохните, товарищ лейтенант! Они вернутся не скоро. Решили в каждом окопе побывать.

Николай лег на солому и минут через пять уснул.

Перед рассветом его разбудили возбужденные голоса и топот ног. Приподнявшись на локте, он увидел темные передвигающиеся фигуры — высокую узкоплечую подполковника Дубинина и маленькую шарообразную капитана Рябчикова.

Спавшего рядом на соломе красноармейца уже не было.

Дубинин и Рябчиков сели на скамью, и появившийся из темноты пожилой заспанный красноармеец поставил между ними дымящийся котелок. Запахло пшенной кашей и мясной тушенкой. Николай почувствовал, что он голоден.

Заметив, что Ключников проснулся, Дубинин крикнул ему:

— Лейтенант, идите завтракать! — И красноармейцу:— Архипов, ложку лейтенанту.

Красноармеец подал Ключникову ложку, придвинул к скамье дощатый ящик. Николай сел и потянулся к котелку. И спросил:

— А где же комиссар?

— Он остался в первом батальоне,— ответил Дубинин. Левой забинтованной рукой он указал на ложку Ключникова:— Побыстрей ее гоняйте, а то скоро немцы проснутся, тогда нам с вами не до еды будет.

— А может быть, они сегодня не будут наступать? — заметил Ключников.

Глаза командира полка потемнели, стали жесткими:

— Будут!

— А как мы? Отступаем?

— Вчера мы оставили деревню Круг. Вынуждены были. Горько было смотреть: висят над нами деньденьской «юнкерсы» да «мессершмитты», посыпают нас бомбами, а наших самолетов нет и нет, и зениток наших не слышно. Улетят немецкие истребители и бомбардировщики — выплывет из-за леса «рама» и начинает кружить над нами, высматривать, где и что у нас.

Высмотрела — и посыпались на наши головы мины и снаряды. И до чего же обнаглела эта «рама» — спускается так низко и чуть верхушки деревьев не задевает. И ничем ее не проймешь! Наша пуля из винтовки ей как слону горошина. Хотя бы одного «ястребка» нам прислали, чтоб прогнать эту «раму». Или хотя бы одну зенитку дали на полк — пугнуть бы эту сволочь. А главное: немецкие танки прут и прут, а наших не видать. Наши минометчики и артиллеристы жалуются: мало мин, мало снарядов! Вон у Рогова два орудия на прямой наводке, а сколько снарядов? По семь снарядов на орудие! Вот тут и вою́й! У немецких солдат почти у всех автоматы. Когда они идут в атаку, они из автоматов строчат и строчат. А мы? Мы из винтовок: пых! пых! И в подсумок поглядываем: сколько там патронов осталось? Эх, нам бы сюда с десяток танков, да автоматов побольше, да гранат, да комплекты снарядов к сорокапяткам, да чтобы свои самолеты нас с воздуха прикрывали, да каждому бойцу котелок борща с мясом, чтоб ложка стояла,— вот тогда мы из деревни Круг не отступили бы! Мы бы показали немцам, где раки зимуют!

Командир полка облокотился о колени и сжал ладонями виски. И помолчал с полминуты с опущенной головой. Потом порывисто встал и хлопнул Ключникова здоровой рукой по плечу:

— Только это не для газеты, лейтенант!

Шагнув к пролому в крыше, он оглянулся на Рябчикова:

— Светает, капитан. Тихо у немцев...

— Тоже, наверное, завтракают,— сказал помначштаба, подходя к Дубинину.

Но вот со стороны немцев послышались глухие удары артиллерийских выстрелов, и на южную окраину Оскуя обрушился шквал огня. Ключников стоял рядом с командиром полка и через пролом видел, как наши окопы все больше и больше заволакивало дымом и как в дыму то и дело сверкали разрывы снарядов. Дубинин почти не отрывал глаз от бинокля — он смотрел вдаль, туда, где в перелеске терялась дорога на Грузино, по которой они накануне уходили из деревни Круг.

Командир полка опустил бинокль и направился к телефонисту.

— Вызови «Комету»!

А когда связист подал ему телефонную трубку, он спросил кого-то:

— Как твои пушкари — все целы? — Видимо, он получил утвердительный ответ и добавил: — Хорошо! Теперь гляди в оба! Скоро пойдут танки. Подпускайте их поближе и бейте наверняка. Берегите снаряды! Теперь каждый снаряд на вес золота!

Ключников догадался, что Дубинин говорил с Роговым, и, когда командир полка вернулся к пролому, Николай спросил его:

— А где стоят пушки Рогова?

Дубинин кивнул на кустарник, темневший правее дороги:

— В тех кустах.

В это время рядом прогремел взрыв. Дом содрогнулся, и одна половина потолка вместе с телефонистом рухнула вниз. Ключников вслед за Дубининым спустился по лестнице во двор, куда, прихрамывая, уже спешил связист с телефонным аппаратом и оборванным проводом. Из двери дома выкатились клубы дыма.

— Связь в траншею возле березы! Быстро! — приказал Дубинин и пошел со двора.

«А не перебежать ли мне к Рогову?» — подумал Ключников. И тотчас же внутренний голос предостерег: «А зачем тебе зря рисковать? Рогов стоит на самом юру. Как только он откроет огонь и обнаружит себя, над его головой тотчас загремят разрывы и засвистят осколки». Николай махнул рукой: «Э-э, кто знает, где опаснее? Рогов уже не раз побывал в жарких перепалках, но вот жив и здоров!»

Ключников вышел на улицу вместе с Дубининым, но не пошел вслед за ним в траншею, а картофельным полем побежал к кустарнику, где стояли противотанковые пушки. В это время артиллерийский обстрел прекратился, и послышался гул моторов. Он надвигался с юга. Сначала Николай подумал, что это идут немецкие танки, но потом увидел, как из-за хвойного гребня выплывают «юнкерсы». И сразу смекнул, что до кустов ему уже не добежать — самолеты вот-вот начнут пикировать. И прыгнул в ближайший окоп. И каково же было его удивление, когда он увидел в этом окопе Василия Гусева, вместе с которым принял первое боевое крещение на Волхове. Он все в той же короткой шинели, в тех же ботинках с обмотками. Долговязый, стоял во весь рост и наблюдал за «юнкерсами». Он тоже был

озадачен неожиданным появлением в окопе знакомого лейтенанта из редакции.

— Как вы сюда попали, товарищ лейтенант?

— Пробираюсь к артиллеристам.

Окоп содрогнулся от первого взрыва бомбы, и над их головами просвистел вихрь. Потом удары гремели один за другим, и окоп толкало то в одну, то в другую сторону, с его стен и с бруствера сыпались комья земли.

Гусев на корточках сидел на дне окопа, стряхивая с пилотки землю, и вполголоса ругался:

— В фашистского бога Гитлера и в гитлеровского черного креста!..

Наконец гроза утихла, «юнкерсы» улетели. Гусев и Ключников выглянули из окопа и увидели: из леса по дороге вышли немецкие танки — приземистые серые машины, похожие на огромных черепах. Три машины. Сначала они шли колонной по дороге, потом головной танк свернул влево, а два других — вправо и поползли по картофельному полю, зловеще помахивая стволами пушек.

За минуту до этого Ключников хотел было выпрыгнуть из окопа и перебежать к Рогову, но теперь стоял в нерешительности. Взгляд его был прикован к головной машине — она шла вдоль дороги и приближалась с каждой минутой. На какие-то две-три секунды она замедлила ход, и дуло танковой пушки дернулось и выбросило пучок огня. Над окопом с воем пролетел снаряд. Ключников присел на корточки. Куда там бежать к Рогову! Теперь у него было только одно желание — поглубже зарыться в землю!

Присел и Гусев.

— Это только разведка,— сказал он и протянул руку к земляной нише, где лежали две бутылки с зажигательной смесью. Взял одну, обтер ее полой шинели и положил обратно. Положив, горько усмехнулся:

— Вот моя противотанковая батарея!

— Гусев! — послышался голос из соседнего окопа.— Не зевай! Встречай гостя! К тебе идет!

Гусев встал и крикнул:

— Вижу!

— Кто это? — спросил Ключников.

— Наш комвзвода старшина Муха.

Николай осторожно выглянул из окопа. Головной танк был уже метрах в ста, не больше. Он шел прямо на окоп Гусева. У Ключникова тоскливо заныло сердце.

«Неужели это конец? Вот и допрыгался!»

А Василий взял с бруствера винтовку и стал целиться в смотровую щель танка. Выстрелил. Еще прицелился и выстрелил. Потом положил винтовку на дно окопа.

— Пустое это дело — из винтовки по танку стрелять,— пробормотал он при этом.

Потом быстро снял с себя шинель и сбросил ее вместе с ремнем себе под ноги. И схватил из ниши бутылку.

А танк — вот он, почти рядом. Гусев, широко размахнувшись, бросил бутылку на броню танка. Бутылка звякнула, а жидкость почему-то не воспламенилась. Василий схватил вторую бутылку, но бросить не успел — танк с ревом и скрежетом надвинулся на окоп. На дне окопа на коленях стоял Ключников, втянув голову в плечи. Гусев опустился возле него на одно колено, бережно прикрывая бутылку широкой ладонью. Стенки окопа сразу осели, с них посыпалась земля, потемнело. А когда танк прошел и опять посветлело, Василий выскочил из окопа, догнал танк, прыгнул на его броню и разбил бутылку у основания башни. Сразу вспыхнуло пламя, а Гусев, спрыгнув с танка, побежал назад. Подбежав к окопу, на спине соскользнул вниз и сел возле Ключникова. Дышал он тяжело, но глаза его радостно блестели.

— Видали, как его умыл я? — выдохнул он.

И как бы в ответ на эти слова Василия, из соседнего окопа опять послышался голос старшины Мухи:

— Молодец, Гусев!

Немецкий танк, подожженный Гусевым, горел костром, а две другие машины, замедлив ход и выстрелив несколько раз по окопам, развернулись и стали уходить назад. Вот тогда и засверкали выстрелы из кустарника. Ключников видел: первые четыре выстрела не принесли вреда танкам — то недолет, то перелет. Пятым выстрелом у заднего танка была повреждена гусеница. Машина остановилась, а башня стала поворачиваться, и ствол пушки потянулся к кустарнику, сверкнул выстрел. В ответ из кустов прозвучали еще три выстрела, и танк задымился. Пушки Рогова сделали еще несколько выстрелов по второму немецкому танку, но тот, умело маневрируя, уходил все дальше и дальше и наконец скрылся в лесу.

Ключников огляделся: ни самолетов, ни танков!

И артиллерийский обстрел прекратился. Лишь изредка перед линией окопов хрястали мины. Удобный момент, чтобы перебежать к Рогову. Может быть, через пять минут будет уже поздно...

— Ну, будь здоров, Василий! Я побегу к артиллеристам.

И, выскочив из окопа, побежал к кустарнику. Через три минуты он спрыгнул в ровик к своему другу.

— Ты? — удивился Рогов.— Вот в недобрый час!

Николай услышал дробный топот копыт. В кустарнике появились конные упряжки. Артиллеристы бросились к пушкам и стали прицеплять их к передкам.

— Уже? — удивился Ключников.

— Приказано убрать отсюда пушки. У нас не осталось ни одного снаряда!

Чумазый красноармеец в заляпанной грязью шинели подвел к ровику оседланную лошадь и козырнул Рогову:

— Товарищ командир...

Рогов махнул на него рукой:

— Иди, иди! И возьмите с собой лейтенанта! Потеснитесь там...

И Рогов вскочил в седло.

Ключников вместе с чумазым побежал к упряжкам. Артиллеристы, сидевшие на передке, протянули ему руки и втащили к себе на сиденье. Ездовые гикнули на лошадей, и те прямо с места понеслись галопом.

V

Войдя в избу, Ключников увидел за столом начальника политотдела армии дивизионного комиссара Брагина. В зеленой стеганой телогрейке, с черной шевелюрой, чуть-чуть посеребренной сединой, он сидел, склонившись над папкой с бумагами. Неторопливо подняв на вошедшего Ключникова серые усталые глаза, Брагин сказал после того, как тот представился:

— Вы, наверно, уже знаете, что вашей дивизии больше нет. Она разбита, остатки ее вливаются в другие соединения. И редакцию вашу мы решили расформировать. Гильдин уже получил назначение. Наборщиков и все ваше типографское имущество мы передаем в армейскую газету. Может быть, и вы хотите там поработать?

— Да, хочу,— не задумываясь ответил Ключников.

— Только учтите, там вакансий на высокие должности нет. Корреспондентом согласны?

— Согласен.

— Ну, добро. Вчера Гильдин оставил мне последний номер вашей газеты, и я прочитал ваш очерк о подвиге красноармейца Гусева. Хороший очерк, очень нужный. Многие бойцы прочтут его с пользой для себя. У нас здесь много красноармейцев, которые еще не имеют боевого опыта, не понюхали пороху. Такие обычно очень боятся танков. А этот Гусев, видимо, уже обстрелянный боец, он настоящий герой, но, как вы правильно заметили, не какой-то сказочный богатырь, а такой же, как и все, простой боец, и каждый может сделать то, что он сделал. Очерк о Гусеве надо перепечатать в армейской газете. Напомните об этом редактору Сергееву. И еще скажите ему, чтобы он представил вас на переаттестацию — присвоим вам звание политрука. А теперь поезжайте в Большой Двор, найдите там редакцию и приступайте к работе. Желаю успеха!

Редактор армейской газеты батальонный комиссар Сергеев, маленький, как подросток, с худым серым лицом, встретил Ключникова холодно и спросил строго:

— Вы знаете, что вчера немцы заняли Тихвин?

— Слышал,— пробормотал Николай.

— Собирайтесь в дорогу!

— Куда?

— Недалеко, в Астрачу, в Гренадерскую бригаду.

— В Гренадерскую? — удивился Ключников.— Откуда такая?

— Она недавно сформирована из партийного и советского актива города Тихвина. Сейчас занимает оборону в Астраче, сдерживает немцев, которые пытаются прорваться сюда, на восток. Идите пообедайте — и в добрый путь!

Через час Ключников уже был в Большом Дворе и направился к контрольному пункту, чтобы перехватить попутную машину. Проходя мимо политотдельского дома, он увидел Геннадия Александровича Щукина, который спускался с крыльца. Подошел и оторопел. Несколько секунд молча с удивлением смотрел на него. Военная круговерть так захлестнула Ключникова, что он совсем забыл о своем новом друге, с которым полгода

назад подружился в Сочи в санатории «Правда». Забыл, что Генсаныч — житель Тихвина. И вот он перед ним — все тот же широкоплечий крепыш с русой бородой. В ватной стеганке военного образца, в шапке-ушанке с алой звездой. В петлицах — по шпале.

— Генсаныч!

— Коля! Да ты ли это? — Геннадий Александрович обнял и расцеловал Ключникова и стал расспрашивать его, где он и кто он.

Николай рассказал и в свою очередь спросил:

— А ты где?

— Я комиссар первого батальона Гренадерской бригады. Мы сейчас в Астраче, в окопах. У нас в батальоне есть и твои однополчане. Капитана Струнникова знаешь?

— Как не знать!

— Так мы с ним из одного котелка едим. Он командир нашего батальона.

— А лейтенант Рогов у вас?

— Ваня? Тоже у нас.

— Как же они к вам попали?

— Их направили вместе с остатками полка и уцелевшими артиллеристами.

— И пушки Рогова уцелели?

— У него две сорокапятки.

«Значит, сберег»,— подумал Ключников.

К крыльцу дома подъехала полуторка с брезентовым верхом. Красноармеец-водитель вышел из кабины и доложил:

— Мы готовы, товарищ комиссар!

— Сейчас поедем,— кивнул ему Щукин.

— А вы куда сейчас? — спросил Ключников.

— Домой, в Астрачу.

— Возьмите и меня, ведь и я туда собрался!

— Милости просим!

Они подошли к заднему борту машины. В глубине кузова громоздились ящики. Сбоку, у борта, сгорбившись, сидел красноармеец в ватнике, таком же, как у комиссара. Он опирался на карабин, зажатый в коленях, и, казалось, дремал.

— Канарейкин! — окликнул его Щукин.— Идите в кабину, а мы здесь поедем.

Повеселевший боец выпрыгнул из машины и побежал к кабине.

Щукин и Ключников залезли в кузов и уселись там

на брусе спрессованного сена. Машина тронулась, и они продолжили прерванный разговор.

Оказалось, что Ключников плохо знал своего друга, хотя и прожил с ним в санатории в одной комнате почти месяц. Николай не знал, например, что Генсаныч — коммунист с 1917 года, герой гражданской войны, награжденный в свое время орденом Красного Знамени. Не знал, что он видный партийный работник в Тихвине — секретарь городского комитета партии. И не удивительно, что он был одним из инициаторов формирования Гренадерской бригады. А тогда в Сочи он был для Николая скромным тихвинским печатником — только и всего.

Щукин рассказал Ключникову, что Гренадерская бригада уже второй день сдерживает немцев в Астраче.

— Теперь фрицы окопались на опушке леса в километре от деревни,— рассказывал Щукин,— а наш батальон занимает оборону на окраине Астрачи, на пригорке. Между нашими и немецкими окопами в низине протекает ручей. Он впадает в речку Тихвинку, которая в этом месте подошла близко к деревне. Через ручей переброшен деревянный мост. Он еще цел. Немцы притихли, чего-то выжидают. Лишь изредка постреливают из пулеметов и автоматов и мины бросают откуда-то из-за леса. Возле дороги у них врыт в землю подбитый нами танк. Этот танк тоже огрызается, нет-нет да и ударит из пушки...

Машина вдруг остановилась, и разговор на этом прервался.

— Приехали! — сказал Щукин и выпрыгнул из кузова.

Ключников тоже слез и огляделся. Машина стояла в кустах возле дороги, а через дорогу на пригорке виднелись деревенские избы. За кустами, почти рядом, застучал пулемет и сразу смолк.

— Пошли! — сказал Щукин.

Они пересекли дорогу, спустились в овраг и, пройдя по нему метров пятьдесят, зашагали дальше по траншее. Щукин шел впереди. Не оборачиваясь, он предупредил Николая:

— Голову не высовывай! Тут у нас пули летают!

Когда Щукин и Ключников вошли в дом, где помещался командный пункт батальона, то увидели необычную картину. За столом в табачном дыму сидели капи-

тан Струнников и лейтенант Рогов, перед ними стоял немецкий солдат с забинтованной головой.

Щукин сел рядом с Роговым, который вел допрос, а Ключников устроился на скамейке возле «голландки», где сидели разведчики, взявшие «языка».

Эти красноармейцы начали охоту за «языком» со вчерашнего дня. Лесными тропами они заходили во вражеский тыл и наблюдали за дорогой. И решили перехватить немецкого мотоциклиста. Тщательно продумали, как это сделать. Их было двое, и они утром залегли с той и с другой стороны шоссе. Замаскировались в ельнике. Через дорогу протянули телефонный провод и присыпали его снегом, который выпал ночью. Присыпали и свои следы и стали ждать. В десять часов утра послышался рокот мотора, и на дороге появился мотоциклист. Когда он почти поравнялся с разведчиками, те одновременно подняли провод, и немец вместе с мотоциклом полетел в кювет. Ему не дали опомниться — заткнули рот, связали руки,— и вот он стоит теперь перед командирами и напряженно слушает Рогова, стараясь его понять. Рогов с трудом подбирает немецкие слова. У пленного жалкий вид. Когда он слетел с мотоцикла, содрал себе кожу на лбу, и правая щека у него в кровоподтеках. Оправившись от испуга, он охотно отвечал на вопросы. Пленный показал, что на следующий день утром немцы начнут здесь наступление. Ночью к деревне Астрача подойдут танки и бронетранспортеры с автоматчиками. С рассветом начнется атака.

Это показание пленного не было для Струнникова неожиданным. Его и сегодня командир бригады предупреждал, что наступление немцев надо ждать с часу на час, они непременно попытаются прорваться через Астрачу на восток. И все же командир батальона не думал, что это произойдет так скоро. Завтра утром! Осталась одна ночь!

Когда допрос был окончен, Струнников приказал немедленно отправить пленного в штаб армии. Потом спросил Рогова:

— Ну а ты готов?

— Готов, товарищ капитан.

— Обе пушки на прямой?

— Обе.

— И ровики вырыли?

— У каждого орудия. И укрытие для раненых.

— То-то, смотри! Иди и еще раз все проверь! Если что не доделал — за ночь нужно доделать.

— Снарядов только мало, товарищ капитан,— уже направляясь к двери, на ходу пожаловался Рогов.

Струнников вопросительно посмотрел на Щукина. Тот сказал:

— Снаряды получили. Как только стемнеет, их подвезут прямо на огневую.

Ключников встал навстречу Рогову, и они вышли вместе.

— Хочу взглянуть на твои пушки и на твоих пушкарей,— сказал Николай, спускаясь с крыльца.

— Что ж, пойдем покажу,— улыбнулся Рогов и повел Ключникова по деревне, но не улицей, а задами, между сараями и конюшнями, возле частоколов и плетней. На окраине деревни они спустились в неглубокую траншею и пошли по ней, пригибаясь как можно ниже. Затем перебежали шоссе и очутились в молодом сосняке на бугре, метрах в тридцати от дороги.

Холодное осеннее солнце уже скрылось за кромкой леса, и на лощину, по которой протекал ручей, упали серые тени.

— Вон там, за ручьем, на опушке леса, немецкие окопы,— рукой показал Рогов.

Ключников посмотрел туда и с трудом угадал, где протянулась оборона противника.

Они осмотрели огневую позицию, и Рогов спросил:

— Что ты скажешь?

Ключников видел, что огневая выбрана удачно. Обе пушки имеют хорошие секторы обстрела. И дорога, и мост, и другие возможные переправы через ручей видны как на ладони. И что очень важно, пушки были искусно замаскированы и немцы до сих пор их не обнаружили.

— Этот бугор, поросший молодым сосняком, самим богом создан для твоих пушек,— сказал Николай.

После осмотра огневой они зашли в землянку. Здесь сидели почти все артиллеристы. Их было мало — всего восемь человек. Командир орудия сержант Титов, коммунист-агитатор, беседовал с бойцами. Он рассказывал им о блокаде Ленинграда, о трудностях и лишениях, которые переживают ленинградцы, о том, как они героически защищают свой город и как нужна им сейчас помощь бойцов, сражающихся под Тихвином. Сержант Титов еще ничего не знал о готовящейся немецкой атаке, но то, о чем он говорил, было важно, поэтому

Рогов не прервал его, дослушал беседу до конца. И лишь когда Титов умолк, лейтенант заговорил сам. Он говорил недолго и закончил свою речь такими словами:

— Утром нам будет очень жарко, но мы должны выстоять. Мы должны встретить фашистских захватчиков так, чтобы не стыдно было перед ленинградцами!

Когда стемнело, Ключников простился с Роговым, пожелал ему боевого успеха и вернулся на командный пункт батальона, где и заночевал.

Он спал одетым на голой скамейке возле окна. Спал неспокойно, тревожно, часто просыпался и снова засыпал. От окна, завешенного дерюгой, веяло холодом.

Он проснулся от скрипа половиц и какой-то возни. Спустил ноги на пол и огляделся. Под потолком коптила керосиновая лампа, скупо освещая избу. Двое связистов на полу возле печи возились с телефонным аппаратом и катушками провода.

Ключников встал со скамьи и посмотрел на свои часы. Пять минут шестого! Приближался рассвет. Ни командира батальона, ни комиссара в избе не было. Где же они? Спят где-нибудь?

В сенях послышался топот ног, и в избу вошли Струнников, Щукин и начальник штаба батальона старший лейтенант Павлов. Взглянув на них, Ключников понял, что спать они не ложились, всю ночь провели на переднем крае.

Павлов подошел к связистам и сказал им:

— Идите на НП и устраивайтесь там. Пора!

И красноармейцы, подхватив телефон и катушки, ушли.

А через несколько минут в избу вошел старший лейтенант с черными усиками. Ключников узнал в нем однополчанина — командира саперной роты Осмоловского. Тот доложил Струнникову:

— Задание выполнено, товарищ капитан!

— И мост заминирован? — спросил его командир батальона.

— Так точно!

— А когда возились на мосту, немцы не заметили вас?

— Нет, тихо было.

Еще минут пять посидели, покурили, потом Струнников встал и направился к двери:

— Ну, пошли, комиссар! Займем свою позицию, пока немцы не проснулись.

Встал и Ключников:

— И я с вами!

Струнников схватился было за дверную скобу, но обернулся:

— А вы зачем? Подождите здесь, закончится бой — мы вам расскажем, что было, и вы напишете.

— Писать с чужих слов трудно,— возразил Ключников.— Я хочу увидеть все своими глазами.

— А если с вами что-нибудь случится, тогда нам с комиссаром будут хвост крутить. Скажут, зачем пускали газетчика туда, куда не следует?

— Как раз я хочу быть там, где мне следует быть. Я выполняю боевое задание редактора. И никто вас ни в чем не упрекнет, если даже со мной что-нибудь и случится. Я тоже солдат!

Струнников вопросительно посмотрел на Щукина и махнул рукой:

— Это по твоей части — ты и решай! — И толкнул дверь.

— Айда, Коля! — обнял Щукин за плечи Ключникова.

Втроем они вышли во двор, а дальше пошли тем же путем, по которому накануне вечером Рогов вел Ключникова. Было еще темно, на небе еще мерцали звезды, но на востоке, над темным гребнем леса уже светилась полоска неба.

Пришли к старой полуразрушенной бане, стоявшей на окраине деревни. Здесь, под ее развалинами, был скрыт наблюдательный пункт командира батальона. Это был небольшой блиндаж с бревенчатым накатом и с продолговатой горизонтальной амбразурой, в которую хорошо просматривалась вся впереди лежащая лощина.

Когда спустились в блиндаж, Ключников посмотрел в амбразуру и ничего не увидел. Лощина была скрыта в предрассветном полумраке, и нельзя было разобрать, где тут ручей, где окопы. Лишь когда в небо взлетали ракеты, очертания местности прояснялись и слева метрах в ста пятидесяти Ключников видел пригорок, поросший молодым сосняком. Там, в сосняке, возле замаскированных пушек притаились артил-

леристы Рогова, готовые в любую минуту открыть огонь.

Прошло некоторое время, и небо на востоке заалело, серая мгла в лощине рассеялась. И вдруг над лесом и над лощиной разноцветными огнями брызнули ракеты и с той стороны послышались удары орудийных выстрелов. Слух Ключникова уловил режущий свист и шелест — и вот над окопами батальона взметнулись черные букеты разрывов и тяжкий грохот как бы придавил землю.

— Началось,— пробормотал Струнников, поднимая к глазам бинокль.

Ключников знал Струнникова по рассказам, а сам видел его всего лишь один раз (и то мельком), на западном берегу Волхова. На вид ему было лет сорок. Кадровый командир, участник боев на Хасане. Войну он встретил на границе возле Бреста, был ранен, выходил из окружения и после госпиталя попал на Волховский фронт. Уже тогда, еще до прорыва немцев в районе Грузино, он прослыл в дивизии умелым и храбрым командиром. Его батальон сдерживал немцев в Круге и в Оскуе, потом отступал, нанося удары врагу. Теперь вот он рядом с Ключниковым — русоголовый, с белесыми выцветшими бровями, с ясными серыми глазами, стройный и подтянутый.

Молния сверкнула невдалеке перед амбразурой, и взрыв встряхнул блиндаж. Ключников инстинктивно втянул голову в плечи и пригнулся, но его движение на какую-то секунду опередил осколок снаряда; он визгливо чиркнул по бревну амбразуры и шлепнулся на пол блиндажа. Николай нагнулся и хотел взять осколок («Покажу в редакции!»), но быстро отдернул руку — обжег пальцы о горячий, с зазубринами, кусок металла. И, глядя на этот осколок, подумал: «Если бы такой попал в голову, черепная коробка хрупнула бы, как арбузная корка».

Через амбразуру в блиндаж хлынул едкий, тошнотворный, гнилой запах взрывчатки.

Николай заметил, как Щукин закашлялся и сплюнул себе под ноги.

Грохот канонады продолжался. Разрывы орудийных снарядов перемежались с частыми разрывами мин. Земля ходила ходуном. Ключников все чаще поглядывал налево, на молодой сосняк, и про себя с удовлетворением отмечал, что туда долетают лишь отдельные, случайные

снаряды и мины, и из этого делал вывод, что немцы до сих пор не знают, что на пригорке на прямой наводке стоят противотанковые пушки.

Канонада стала затихать, и командир батальона насторожился, опять поднял бинокль и стал внимательно наблюдать за лесом, что темнел за ручьем. Оттуда послышался шум моторов. Гул быстро нарастал.

— Что это, танки? — спросил Ключников, взглянув на командира батальона.

— «Лаптежники» летят! — хмуро ответил Струнников.

Над лесом на фоне ясного неба четко вырисовывались немецкие «юнкерсы» — серые горбатые бомбардировщики. Шесть самолетов.

«Почему «лаптежники»?» — недоумевал Ключников, следя за немецкими бомбардировщиками. И догадался: у «юнкерсов» не убирались шасси, очень похожие на лапти.

Звенья «юнкерсов» над ручьем вдруг рассыпались и стали строиться в круг.

— Сволочи! — помрачнел Струнников.— «Карусель» затевают...

И вот уже первый самолет отделился от круга и с воем стал пикировать на наши окопы. Взметнулись к небу темные султаны бомбовых взрывов, и земля содрогнулась. Первый «юнкерс» выходил из пике и спешил пристроиться к кругу, а в это время начинал пикировать другой.

— Смотрите, «ястребок» летит! — закричал Щукин.— Это наш!

Ключников посмотрел направо, куда показывал комиссар, и увидел, как к немецкой «карусели» приближался советский истребитель И-16, явно намереваясь атаковать фашистских стервятников. Он смело ворвался в середину «карусели» и, не дав опомниться немецким летчикам, открыл огонь. У одного «юнкерса» из мотора вылетел сноп желтого огня, и бомбардировщик стал падать вниз, пачкая небо дымными клочьями. Через несколько секунд задымил второй бомбардировщик, и тогда «карусель» неожиданно распалась. «Лаптежники» стали удирать, беспорядочно сбрасывая бомбы. А кургузый И-16 как ни в чем не бывало развернулся над ручьем, помахал крыльями и улетел в ту сторону, откуда появился.

— Ну молодец! Ну орел! — просиял Струнников.—

Будь моя власть, я бы этому летчику полную шапку орденов насыпал!

Ключников видел, как первый подбитый «юнкерс» рухнул в кустарник возле ручья, а второй уходил над лесом, волоча за собой по макушкам деревьев дымный шлейф. А в воздухе под куполом парашюта над нашими окопами болтался немецкий летчик. Он бешено дергал стропы, пытаясь изменить направление своего полета, но парашют неумолимо нес его на огороды...

«Юнкерсы» улетели. Казалось, в лощине на какую-то минуту воцарилась тишина. Потом послышался рокот моторов — другая песня, на другой волне, и всем было ясно, что это рокочут не самолеты, а немецкие танки, выходя на исходный рубеж для атаки.

В лощине опять загрохотали взрывы.

Гром ударил совсем близко, над головой. Бревна наката вздрогнули, на голову посыпалась земля, и облако пыли на минуту закрыло амбразуру. А когда пыль осела, Ключников увидел, что с немецкой стороны из леса на дорогу выполз танк. За первым появился второй, потом третий и четвертый.

Струнников метнулся к телефону.

Танки шли колонной с интервалом метров в тридцать и на ходу вели огонь по нашим огневым точкам. Позади четвертого танка бежали автоматчики.

Струнников опять стал рядом с Ключниковым. Внимательно следил он за головным танком, который не спеша спускался под гору к мосту. Теперь уже не было сомнения, что танк идет именно к нему. Он не хочет месить грязь, переправляясь через ручей. Чего уж лучше — проскочить по сухому деревянному настилу, а там гуляй по косогору, утюжь русские окопы. Танкисты были уверены, что проскочить по мосту не опасно, что он прочен и не заминирован. Его ночью проверили немецкие саперы. Но они не знали, что за ними следили из-за укрытия красноармейцы. Не могли и подумать, что русские заминируют мост перед рассветом. А они именно так и сделали. И Струнников, следя за головным танком, внутренне торжествовал: «Тут тебе, разбойник, и конец!»

Капитан тронул руку Ключникова, пожал его локоть:

— Смотри, лейтенант! Смотри и запоминай!

Головной не дошел и до половины моста, как из-под его гусениц блеснул огонь, повалил дым, и обломки бре-

вен и досок полетели в разные стороны. Танк клюнул носом и провалился вниз.

Остальные танки замерли на месте и с минуту стояли как бы в раздумье. Потом, видимо по команде, один свернул с дороги вправо, колыхнулся через кювет и пополз к ручью. Два других танка свернули налево с явным намерением тоже переправиться через ручей. Немецкие автоматчики под пулеметным огнем с нашей стороны залегли в придорожном кювете.

Теперь Ключников перевел взгляд на молодой сосняк, в котором скрывались орудия Рогова. Он ждал оттуда выстрелов, и ему казалось, что Рогов медлит, что он может упустить благоприятный момент, когда танки повернулись к пушкам боком.

На пригорке произошло какое-то движение, некоторые сосенки покачнулись и упали, и в том месте, где они упали, блеснул огонь, сопровождаемый выстрелом. Снаряд разорвался позади переднего танка, который спускался к ручью слева от моста. Но из сосняка тотчас же прозвучал второй выстрел. На этот раз снаряд разорвался рядом с танком, и машина замерла на месте.

Пушки Рогова обнаружили себя. Они стреляли по танкам у всех на виду, и теперь немцы почти весь свой огонь обрушили на них. На пригорке засверкали частые разрывы немецких мин. К молодому сосняку потянулись пулеметные трассы. Пригорок, где стояли пушки, затянуло дымом, и с наблюдательного пункта командира батальона трудно было увидеть, что творилось на огневой у артиллеристов.

Ключников радовался: двух танков как не бывало! Из-под моста валил густой дым — это горел головной. И второй, подожженный очередным выстрелом, запылал костром. Третий стал пятиться назад, отстреливаясь из пушки.

А четвертый танк, что свернул вправо, на полном ходу устремился к ручью и скрылся под его берегом.

Струнников чертыхался возле телефона. Связь с первой ротой прервалась. Посланный на линию связист не возвращался.

— Я пошел в первую! — сказал Щукин и вышел из блиндажа.

Ключников, наблюдая за полем боя, насторожился: «Где же четвертый танк?»

А он (легок на помине!) вылез из-под берега ручья на этой стороне. Куда он теперь направится? Если возьмет

левее, то через несколько минут будет возле НП. Заметив амбразуру блиндажа, немецкий танкист всадит в нее пушечный снаряд...

Но танк пошел прямо. Было ясно, что он направляется на огневую позицию артиллеристов. Но почему же молчат пушки Рогова?

Ключников оглянулся на Струнникова. Командир батальона стоял возле телефониста, который кричал в трубку:

— «Буря»! «Буря»!

«Буря» — это Рогов. Он не отвечал.

— И к Рогову провод перебит,— сказал Струнников.

До этого момента Ключников был спокоен. А теперь в сердце проникла тревога за Рогова, за его героев-пушкарей. «Почему они не стреляют? Что с Роговым? Может быть, он убит? Может быть, лежит возле орудия раненый? А что, если немецкий танк ворвется на огневую к Рогову?»

В ту же секунду Ключников мысленно увидел платформу Казанского вокзала в Москве в июльский день 1941 года. Среди женщин и детей, провожавших на фронт добровольцев-москвичей, стояла красивая заплаканная женщина в темном платье с алыми розами — жена Рогова. Она держала за руку пятилетнюю дочку...

И будто бы кто-то подтолкнул Ключникова: «Беги туда, к артиллеристам! Не теряй времени!»

— Я к Рогову! — сказал Ключников и, не ожидая, что на это скажет командир батальона, метнулся к выходу.

Он вылез из блиндажа и, пригибаясь, побежал по траншее к сосняку на пригорке. Где-то близко гремели разрывы мин и снарядов, над головой Ключникова вжикали пули, а он все бежал и бежал.

Но вот и пригорок, и огневая в сосняке, где он был накануне вечером. Тяжело дыша, он огляделся, и сердце у него упало. На огневой ни одного живого человека! Возле орудий тела убитых артиллеристов. Один с окровавленным лицом лежал на спине, широко раскинув ноги. Его орудие было разбито прямым попаданием снаряда; одно колесо пушки отлетело в сторону, все механизмы наводки были покорежены. Наводчик второго орудия был убит у щита. Он повалился на казенник и лежал на нем грудью, свесив руки вниз. Другой красноармеец лежал поперек станины. Ключникову показалось, что это орудие уцелело, но когда он подошел к

нему поближе, то увидел, что панорамы у пушки нет, она сорвана.

Просвистели пули и напомнили Ключникову, что здесь все еще не безопасно, хотя артиллерийский и минометный обстрел огневой позиции почти прекратился. Очевидно, немцы решили, что русская батарея полностью подавлена.

Ключников вспомнил о Рогове и метнулся было к землянке, но столкнулся с девушкой в шинели. Она была без шапки, и ее рыжие волосы, подстриженные по-мальчишески, были растрепаны, а подбородок круглого веснушчатого лица запачкан кровью. Николай сразу узнал ее — та самая, с которой ехал на медсанбатовской машине до Оскуя. Девушка смотрела на Ключникова с тревогой и надеждой.

— Товарищ лейтенант! Откуда вы? Вы слышите — немецкий танк лезет сюда! (Со стороны ручья нарастал шум мотора.) А у меня тут раненые!..

— Рогов ранен?

— Да, он лежит без сознания.

Ключников вернулся к орудию, снял с него убитых и положил на землю. Затем приник к прорези щита и увидел ползущий по косогору немецкий танк. Тот шел прямо на огневую. До него было метров двести. Николай понимал: опасность близка! Смертельная опасность для него, для раненых и для этой рыжей девушки. Будь он здесь один, он, может быть, ушел бы с огневой, только и всего. А теперь он этого не сделает. Оставить раненых и эту девушку на произвол фашистских танкистов — это мог бы сделать только подлый трус.

Казалось бы, близкая опасность должна была взбудоражить нервы Ключникова, вызвать чувство неуверенности и растерянности. Но этого не случилось. Он был спокоен. И мысли у него были ясные и четкие.

Николай нащупал в кармане пистолет. «На всякий случай, на худой конец...» Пожалел, что не захватил с собой гранату,— она могла бы пригодиться. Вместе с тем он понимал, что обыкновенной гранатой танк вряд ли остановишь. А вот пушка — чего же еще! Ведь ты артиллерист! Нет панорамы — наводи орудие по стволу. И не теряй даром времени — его осталось так мало!

Николай проверил механизмы наводки. Они работали. Направил ствол пушки на танк. Рокот мотора все усиливался, приближался. Расстояние между танком и

огневой с каждой секундой сокращалось. Оставалось метров сто, не больше.

«Пусть подойдет поближе,— рассчитывал Ключников.— Вон к тому земляному валу, поросшему репейником. Как только он полезет на этот вал и задерет нос, тут я ему и всажу снаряд под брюхо!»

Он приготовил снаряд, последний раз посмотрел в канал ствола — танк лез прямо на пушку. Потом зарядил и замер, не отрывая глаз от танка. Тот полез на вал. Ключников нажал на спуск. Раздался выстрел и почти одновременно — взрыв. Сквозь рассеивающийся дым Николай увидел, что танк резко свернул влево и стал уходить под уклон. Ключников снова зарядил, довернул наугад ствол немного вправо и выстрелил второй раз. На этот раз снаряд разорвался метрах в тридцати позади танка, и тот через несколько секунд скрылся за бугром. Ключников оглянулся: рыжая девушка стояла позади пушки.

— Спасибо тебе, родненький! — сказала она Ключникову.

В это время возле соседнего орудия разорвалась мина, просвистели осколки. На краю огневой в сосняке сверкнул другой взрыв. Немцы, видимо, следили за своим танком и спохватились. Свистнули пули. Словно кто-то толкнул Ключникова в левую руку, он почувствовал мгновенный колющий удар.

— Пойдемте в землянку,— позвала его девушка.— Немцы опять начали мины бросать.

Откинув полу плащ-палатки, Ключников вошел в землянку. В лицо ему ударил тяжелый, спертый воздух со смешанным запахом сырости, пота и керосина. На земляном выступе стены коптила сплющенная гильза с тряпичным фитилем. На полу на соломе лежали раненые артиллеристы, и среди них Рогов с побелевшим лицом. Он лежал с закрытыми глазами и дышал тяжело, хрипло.

— Куда его ранило? — спросил Ключников.

— Осколок врезался под лопатку,— ответила девушка.

Ключников почувствовал, что в левом рукаве у него сыро. Он поднял руку и увидел: с пальцев стекает кровь. Увидела это и девушка.

— Да вы ранены, товарищ лейтенант! Раздевайтесь, я вас перевяжу!

Она осмотрела его рану и сказала:

— Это ничего! Это не опасно!

В землянку вбежал запыхавшийся Щукин.

— Галя! — крикнул он.— Ну как вы тут?..

— Как видите, товарищ комиссар,— бинтуя руку лейтенанта, ответила девушка.— Раненых надо вывозить, а на чем?

— Повозки тут рядом. Сейчас подъедут.

В полумраке Щукин не сразу узнал Ключникова, а узнав, воскликнул с удивлением:

— И ты здесь?

Ключников смутился и промолчал.

— А если бы не он,— заметила Галя,— вы, товарищ комиссар, и не нашли бы здесь нас, всех бы похоронил немецкий танк в этой яме.

Щукин шагнул к Ключникову:

— Так это ты стрелял по танку?!

Николай развел руками, смущенно улыбнулся и стал надевать шинель.

У входа кто-то дернул плащ-палатку и густым басом спросил:

— Где тут раненые?

Галя бросилась к выходу:

— Здесь! Здесь! Андрей Степаныч, сюда!

В землянку вошел бородатый красноармеец-санитар с носилками. Галя указала на Рогова, который попрежнему лежал с закрытыми глазами и дышал с хрипом.

— Сначала его!

У Ключникова вдруг закружилась голова. Он почувствовал болезненную слабость и поспешил выйти из землянки. На свежем воздухе ему стало легче. Он с минуту постоял в сосняке, жадно вдыхая холодный воздух. Бой затихал. Лишь редкие разрывы мин и короткие пулеметные очереди нарушали тишину.

Затем Ключников не спеша зашагал по траншее к деревне. Теперь у него новая забота — как поскорее добраться до редакции и написать корреспонденцию о только что закончившемся бое.

VI

Как только Ключников в сумерки появился в редакции, Люба передала ему письмо. Передала и отошла к кассе, взяла верстатку и стала набирать. Набирала, а

сама искоса, из-под бровей наблюдала за Ключниковым.

Письмо от дочки. Николай вспомнил, как летом провожал детей в Васильсурск. Они уезжали туда с детским садом. Люся и Гриша уже вошли в вагон и стояли у открытого окна. Притихшая Люся с беспокойством смотрела на маму, у которой в глазах сверкали слезы. Поезд тронулся, он уходил все дальше и дальше, а Николай все не отрывал глаз от окна, в котором белела панамка Люси...

Но что же она пишет?

«Мы расстались с тобой летом, а теперь уже зима,— писала Люся.— Под окном у нас уже снежные сугробы. На улице морозно, дует ледяной ветер. Я ходила гулять и простудилась, две недели прохворала. Врач сказал: «Это у тебя грипп». Теперь хворает мама. Она лежит в постели. Говорит, что тоже простудилась».

Ключников нахмурился. Он знал, и раньше так бывало: чуть она простынет — температура сорок и месяца два лежит в больнице.

Но что еще пишет Люся?

«У нас был школьный вечер. Наш ученический хор пел боевые частушки. Я запевала: «Ай да наша Настя! Дай бог Насте счастья!» Все подпевали: «Из берданки обера вечером угробила!»

Папа, скоро ли мы увидимся? Может, тебе дадут отпуск? Мы все — и мама, и Гриша, и дедушка с бабушкой — ждем тебя домой. Напиши мне ответ. Только не вместе с мамой, а мне одной. Жду ответа, как соловей лета. Люся».

Ключников сложил треугольник и сунул его в нагрудный карман. Письмо дочки принесло Николаю и радость и грусть. Пожалуй, больше было грусти. Задумавшись, он молча смотрел перед собой и не видел обычной редакционной суматохи. Он видел отчий дом в далекой заснеженной Малиновке, мать и отца, Нину и Гришу, и Люсю, склонившуюся над столом. На листке в косую линейку крупным детским почерком она выводит: «Папа, скоро ли мы увидимся?»

Ой как хотел бы Николай, пусть на часок, перелететь туда!..

А утром, проснувшись, Ключников заглянул в окно и удивился — кругом белым-бело! И двор был покрыт белоснежной пеленой. Лапы елей под тяжестью снеговых

шапок. Как в сказке. А на оконном стекле мороз кое-где уже нарисовал свои диковинные узоры.

Николай взял со стола только что отпечатанный, пахнувший типографской краской номер армейской газеты и перечитал свой очерк о сражении под Астрачей. Очерк назывался: «Нашла коса на камень».

Потом стал просматривать свежие центральные газеты. Развернув «Правду», опять увидел тревожные заголовки: «Враг оголтело рвется к Москве», «Преградить врагу путь к столице!».

После завтрака сходил на перевязку в военный госпиталь (благо он был рядом, в Большом Дворе). Женщина-врач Голубева, осмотрев рану, сказала:

— Вы счастливец! Пуля не задела кость. Рука скоро заживет. Только надо вам полежать у нас.

Лечь в госпиталь Николай наотрез отказался.

Когда он вернулся в редакцию, к нему подошел редактор и поздравил его с присвоением звания политрука. Поздравляя, Сергеев схватил Николая за руку повыше локтя. Тот слегка вскрикнул и поморщился от боли.

— Что с вами? — удивился батальонный комиссар.

Пришлось рассказать, как во время боя под Астрачей побывал на огневой у артиллеристов, где его и задела шальная пуля. О том, что он стрелял по немецкому танку, Николай умолчал.

А потом он сходил на армейский склад и получил зимнее обмундирование: овчинный полушубок, валенки, шапку-ушанку, меховые рукавицы.

Вернувшись со склада, занялся домашними делами: подшил к гимнастерке свежий подворотничок, прикрепил к петлицам по третьему кубику, написал письмо дочке, ей одной, как она просила. Почистил пистолет. Он спешил сделать все это в остаток дня, так как на другой день рано утром нужно было опять ехать на передовую.

Поздно вечером из Большого Двора вернулся редактор. Он привез новость:

— У нас новый командарм — генерал армии Мерецков!

Николай знал Мерецкова. Не лично, а по фотографиям, печатавшимся в газетах и журналах. Как не знать — Мерецков был начальником Генерального штаба Красной Армии и заместителем Наркома обо-

роны. Он еще во время войны с белофиннами командовал 7-й армией, сражавшейся на самом главном и трудном направлении — Выборгском. Тогда ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

«Этот нам ко двору!» — с удовлетворением подумал Ключников, укладываясь спать.

Редактор рассказал Ключникову, что происходит на отдельных участках фронта под Тихвином. И севернее, и восточнее Тихвина немцы остановлены. Они, видно, поняли, что дальше им не пройти, и стали строить оборонительные сооружения. Наша армия пополнилась свежими стрелковыми частями, танками, артиллерией и авиацией. Теперь подразделения армии теснят немцев с севера, востока и юга, грозя окружить их и уничтожить. Советские саперы прокладывают по тихвинским лесам и болотам десятки километров деревянных настилов — дорог из жердей. В тылу у немцев в Тихвинском районе стали действовать партизанские отряды. Добровольцы-разведчики из местного населения переходят линию фронта и приносят командованию советских войск ценные сведения о противнике. Под Тихвином днем и ночью идут ожесточенные бои.

— А как дела у гренадеров? Они по-прежнему в Астраче?

— Гренадерскую бригаду на этом участке сменила Забайкальская дивизия. Забайкальцы ведут сегодня бои на подступах к Тихвину. А гренадеры по лесам и болотам пробиваются на юго-запад, чтобы перерезать немецкие коммуникации.

Николай ехал в кабине грузовика вместе с начальником артиллерийского снабжения части, капитаном Рыбиным. Внешне этот капитан смахивал на офицера царской армии. У него было холеное лицо с черными усиками и бородкой кукишем. Он оказался словоохотливым собеседником, рассказал Ключникову чуть ли не всю историю Забайкальской дивизии. Это была кадровая дивизия, хорошо вооруженная и обученная, имеющая боевые традиции. В свое время она отличилась в боях на Хасане.

Рыбин хвалил своих артиллеристов, которые в последних боях под Тихвином подбили пятнадцать немецких танков.

Особенно отличился командир орудия сержант Сергей Назаркин, которого друзья-батарейцы ласково звали Кубиком.

— В последнем бою Назаркин был ранен,— сказал капитан Рыбин.— Сейчас сержант находится в медсанбате. Советую заехать к нему и написать о нем в газету.

В это время машина катилась по деревне Астрача. На пепелищах, занесенных снегом, торчали кирпичные остовы печей и труб.

Выкатившись из деревни, грузовик стал спускаться на мост через ручей. Николай заметил, что мост был новенький и под ним, припорошенная снегом, возвышалась куча горелого металла — останки подорвавшегося на мине немецкого танка.

Когда колеса машины застучали по бревенчатому настилу моста, Николай взглянул налево, на пригорок, где в сосняке когда-то стояли пушки Рогова.

За мостом справа в лесу показались большие темно-зеленые палатки. Капитан Рыбин ткнул рукой в ветровое стекло:

— А вот и наш медсанбат!

И Николай попросил остановить машину.

— Назаркин на перевязке,— сказала Ключникову медсестра.— Зайдите в эту палатку и посидите там. Сержант скоро освободится.

Ключников снял шапку и полушубок и бросил их на фанерный ящик, стоявший у входа. Потом он прошел к единственной пустой койке и сел на раскладной стул.

Минуты через две в палатку, поддерживаемый под руку санитаркой, вошел небольшого роста коренастый человек в сером махровом халате и в шапке-ушанке. «И впрямь кубик!» — подумал Николай. Назаркин шагал, прихрамывая. Он мельком посмотрел на Ключникова и, смутившись, неловко козырнул ему. Затем отдал халат и шапку санитарке и лег на раскладушку, натянув на себя до подбородка серое суконное одеяло.

— А я к вам, товарищ сержант,— улыбнулся ему Ключников.

— Ко мне? — еще более смутился Назаркин.

У него было обветренное смуглое лицо и голубые, по-детски доверчивые глаза, которые сейчас смотрели на Ключникова вопросительно.

«Не похож он на героя»,— подумал Николай и объяснил:

— Я из редакции армейской газеты. Мне сказали, что вы отличились во вчерашнем бою. Расскажите, как было дело...

Назаркин растерянно молчал. «О чем тут рассказывать? — очевидно, думал он.— Ну стрелял! С открытой позиции. И по танкам, и по пехоте стрелял. И когда был ранен и остался один, все еще стрелял. А как же было не стрелять? Я выполнял свой долг, только и всего!»

Ключников стал задавать Назаркину вопросы, и сержант в конце концов разговорился...

Перед частью была поставлена задача: выбить немцев из Первомайского совхоза и закрепиться на новом рубеже. Нужно было сделать очередной шаг к цели, очень важный шаг, так как совхоз был последней и самой трудной преградой на пути к Тихвину с востока. А потом предстояло штурмовать город.

Командир орудия сержант Назаркин знал боевую задачу еще с вечера, накануне наступления. Знал и командир второго орудия младший сержант Суханов. Вместе с командиром батареи старшим лейтенантом Ржевским они с наступлением темноты пришли на передний край, и здесь, на левом фланге первого батальона, на лесной опушке командир батареи указал сержантам огневые позиции для их орудий. Из батареи 76-миллиметровых пушек два орудия выдвигались вперед, в помощь пехоте, для стрельбы прямой наводкой. Остальные должны были вести огонь с закрытых позиций. На прямой наводке на правом фланге стояла еще батарея сорокапяток. Наступающую пехоту, как объяснил капитан Ржевский, будут также поддерживать гаубичный дивизион и минометная рота. И еще дивизион эрэсов. Что это за эрэсы, ни Назаркин, ни Суханов не знали, а спросить у командира батареи постеснялись.

Перед ними было поле, окаймленное справа и слева ельником. Впереди в вечернем сумраке темнели совхозные строения — фермы, склады, мастерские. Там, зарывшись в землю, сидели немцы.

— Когда наша пехота поднимется в атаку,— сказал старший лейтенант,— вы должны прямой наводкой подавлять ожившие огневые точки противника, в первую очередь пулеметные. И бить по фашистским танкам, если они появятся. А как только наши атаку-

ющие цепи ворвутся в совхоз — катить пушки вслед за пехотой, не отставать от нее, занимать новые позиции и отражать вражеские контратаки.

У сержанта Назаркина в орудийном расчете было четыре человека: наводчик Зубов, заряжающий Ястребов, прави́льный Цапов и подносчик снарядов Осатюк. Всю ночь они долбили мерзлую землю. Назаркин и сам обливался потом, орудуя железным ломом. К пяти часам орудие поставили на место и тщательно замаскировали еловыми ветками. Рядом выдолбили щели, а метрах в тридцати от орудия, в овраге, оборудовали небольшую землянку — на тот случай, если будут раненые.

Когда работа была закончена, Назаркин послал своих ребят в землянку отдохнуть, а сам остался возле орудия. Стоял, прислушивался. Ничего подозрительного на переднем крае сержант не заметил. Изредка где-нибудь рвалась мина или вдруг темноту разрезала разноцветная трасса — стучал пулемет. Дежурная очередь. Вот высоко над лесом в сторону Тихвина пролетел самолет, мигая синими огоньками выхлопов. По ровному гулу мотора Назаркин определил, что это наш. Через каждые десять минут белыми факелами взлетали в небо осветительные ракеты. Где-то вдали, очевидно на окраине Тихвина, глухо ударило тяжелое орудие. Высоко в небе над головой Назаркина прошелестел снаряд и разорвался где-то далеко в тылу, наверно, за огневыми позициями гаубичного дивизиона. Сержант уже привык к этим будничным звукам переднего края и не находил в них ничего подозрительного.

На рассвете Назаркин заметил, как невдалеке по лесной просеке на правый фланг пехоты проехали тяжелые грузовики с каким-то громоздким грузом. Сначала сержанту показалось, что это везут понтоны. Но почему они в брезентовых чехлах? И к чему они здесь? Ведь водной преграды на пути нет! А если это не понтоны, то что же это такое?

Но раздумывать некогда было — того и гляди, начнется артподготовка. Назаркин подошел к землянке и подал команду:

— По местам!

Минут двадцать прошло в ожидании. Зубов уже сидел возле панорамы, проверял механизмы наводки. Цапов возился возле сошника, укрепляя его. Ястребов

и Осатюк сидели на станине и вполголоса переговаривались.

Назаркин в бинокль наблюдал за немецкими позициями, рассматривал огневые точки, по которым, как предполагал сержант, предстояло стрелять: врытый в землю возле дороги немецкий танк, пулемет в окне механической мастерской...

Вдруг загрохотали орудия, застонал лес за спиной Назаркина. Через лес к Первомайскому совхозу летели снаряды: гаубичные — с угрожающим клекотом высоко в небе, пушечные — с режущим свистом низко над лесом. Все они с яростным грохотом лавиной огня и дыма обрушивались на передний край противника.

Назаркин видел, как на большой высоте в сторону Тихвина пролетели наши бомбардировщики в сопровождении «ястребков». Они миновали совхоз и стали пикировать на окраины города.

«Наверно, бомбят огневые позиции артиллерии или скопления немецких танков»,— подумал сержант.

А над вражескими позициями в совхозе продолжала неистовствовать огненная вьюга. Минут пятнадцать она бешено гремела и клокотала и вдруг стихла. Артиллерийская канонада умолкла. Назаркину хорошо было видно, как из наших окопов стали выпрыгивать красноармейцы и редкими цепями, то припадая к земле, то вновь вскакивая, короткими перебежками стали продвигаться вперед. В это время на башне вкопанного немецкого танка заплясали огненные языки — это ожил танковый пулемет. Сверкнув пламенем, застучал также пулемет в окне механической мастерской. Наступающие цепи сразу залегли, зарылись в снег.

В этот момент и открыли огонь орудия Назаркина и Суханова. Не сговариваясь, сначала ударили по пулемету в окне. Первый снаряд разорвался возле левого угла мастерской, второй взметнул фонтан огня, дыма и морозной земли метрах в двадцати перед окном — фашистский пулемет продолжал огрызаться. Третий снаряд влетел прямо в окно и разорвался внутри мастерской. Пулемет умолк, мастерская загорелась. Назаркин не мог определить, чье орудие поразило цель — его или Суханова.

Теперь снаряды стали рваться возле танка у дороги. Четвертым выстрелом орудие Назаркина (в этом сержант уже не сомневался) сбило башню с танка. И сержант удовлетворенно похлопал рукавицами:

— Хватит, подудукал!

Цепи красноармейцев снова стали было подниматься, но тут случилось нечто непредвиденное. На правом фланге наступающих, на опушке, над молодыми елями вдруг появились клубы оранжевого дыма, одновременно раздался режущий прерывистый свист, и, распарывая серое небо, вверх взвились огромные огненно-хвостатые стрелы. Описав гигантские огненные дуги, они грозовыми ударами обрушились на вражеские позиции. Весь передний край противника исчез в огне и дыму. Небо над совхозом стало черным.

«Это «катюши»,— подумал Назаркин.— Те самые эрэсы, про которые упоминал командир батареи. Это они прошли на рассвете по просеке. Вот тебе и понтоны!..»

Назаркин дивился, как он сразу не догадался, что это «катюши». Ведь о них ему рассказывал Зубов, участник обороны Смоленска, который всего три дня назад прибыл в дивизию из госпиталя. Он рассказывал, как фрицы под Смоленском при первом же залпе «катюш» в панике бросались наутек. Вот и сейчас, когда дым над немецкими позициями немного рассеялся, Назаркин заметил, как гитлеровцы выпрыгивают из траншей и бегут в тыл. Он даже слышал истошные вопли, доносившиеся с их стороны. Казалось, залп «катюш», этот огненный смерч, парализовал все живое. Даже наступающие красноармейцы на некоторое время залегли, замерли в снегу. Но только на несколько секунд. Потом опять поднялись и побежали вперед.

Немцы тем временем стали приходить в себя и открыли огонь из автоматов и винтовок. Среди наступающих стали рваться мины. Но поздно! Забайкальцы с криком «ура» ворвались во вражеские окопы.

Гремя гусеницами, к орудию подкатил тягач. Прицепили пушку — и вперед, за пехотой! Назаркин радовался: его ребята целы, даже никто не ранен. На этот раз на огневой было относительно безопасно. Правда, посвистывали пули, две или три мины разорвались поблизости. Но все обошлось благополучно. Могло быть хуже. Гитлеровцы явно растерялись. Они не ждали такого удара. А «катюши» совсем их деморализовали.

Однако Назаркин понимал, что это только начало сражения. Самое страшное впереди. Немцы, конечно, не примирятся с потерей совхоза и попытаются вер-

нуть его. Будут контратаковать. Возможно, прилетят «юнкерсы», полезут танки. Тогда только держись!

С этими мыслями и въехал Назаркин на территорию совхоза и стал смотреть, где бы поставить орудие. Огляделся и указал водителю на левый фланг, на опушку леса: «Туда!»

Подъехал, и — счастье-то какое! — старая огневая позиция! По-видимому, тут раньше стояло зенитное орудие. И ровики есть. И полуразрушенная землянка в тридцати шагах.

Отцепили пушку и сразу же поставили ее на место. Назаркин понимал: времени у них в обрез. Немцы, того и гляди, очухаются и начнут контратаковать. Он подгонял ребят:

— Хлопцы, побыстрей!

А их и подгонять не надо было, они сами понимали: мешкать нельзя, за это потом головой поплатишься. Зубов уже приник к панораме, и ствол пушки угрожающе потянулся в ту сторону, откуда должны были появиться немецкие танки. В том, что они появятся, ни у кого не было сомнения. Осатюк уже подтаскивал к орудию бронебойные снаряды. Цапов ломом долбил землю возле станины и лопатой бросал ее на бруствер. Ястребов выкидывал снег из ровиков. А сам Назаркин невдалеке рубил молодые елки и маскировал ими пушку.

Работая, Назаркин заметил, что правее его орудия, как и раньше, устанавливают свою пушку артиллеристы Суханова. Возле силосной башни, в кустах ивняка. Они тоже торопливо готовились к отражению контратаки противника.

Чутким ухом Назаркин уловил отдаленный гул, надвигавшийся с юга. Гул быстро приближался, то нарастая, то затихая. На горизонте над лесом появились знакомые очертания «юнкерсов». Они летели прямо на совхоз. У Назаркина мелькнула мысль: начнется бомбежка — осколки могут испортить панораму. И он крикнул:

— Зубов! Снять панораму!

«Юнкерсы» надвигались все ближе и ближе. Громовой рокот их моторов все нарастал и нарастал. Из перелеска в небо взмыли немецкие ракеты, указывая самолетам позиции забайкальцев.

— Расчет, в укрытие! — приказал Назаркин и сам шагнул к ровику. Он прыгнул в него последним,

убедившись, что Цапов и Осатюк уже сидят в другом ровике.

— Закурим, что ль? — наигранно-бодрым голосом предложил Ястребов и полез в карман за кисетом.

— Валяй, завертывай! — усмехнулся Зубов.— Вон фриц уже летит, он прикурить даст...

«Юнкерсы» рассредоточились, вытянулись по всему фронту в одну зигзагообразную линию и начали пикировать. Назаркин видел, как прямо на него с железным скрежетом и душераздирающим воем падает молочно-белая туша «юнкерса» с черными крестами на крыльях. Видел, как от самолета отделились черные продолговатые кругляши и с режущим визгом полетели вниз. Инстинктивно Назаркин втянул голову в плечи и ткнулся лбом в плечо Ястребова. Тот не успел закурить, и обрывок газеты дрожал в его руке. Загрохотал горный обвал, и ровик дрогнул, с его краев посыпалась мерзлая земля. В лицо пахнуло горьким дымом и толовой гарью.

— Лишь бы пушку не покорежило,— пробормотал Назаркин.

Землетрясение прекратилось, гул моторов стал утихать. Сержант поднял голову, прислушался, затем выскочил из ровика, подбежал к орудию, вскинул к глазам бинокль и посмотрел на перелесок, где притаились немцы. Из перелеска, ломая деревья и кусты, выползали танки. Назаркин насчитал одиннадцать машин. Они шли рассредоточенно, широким фронтом. Шли в вихре снега, поднимаемого гусеницами, иногда ныряли в канавы, выхлопывая искры, и вновь вылезали, задирая вверх тупые носы. За танками мельтешили серые фигурки автоматчиков.

— К бою! — хрипло крикнул Назаркин и поперхнулся. Проклятая толовая гарь! Она набилась в горло и судорожно сдавила его.

И взглянул направо — на огневую позицию Суханова: готовятся ли там к бою?

Ему сразу бросилось в глаза, что силосная башня разрушена, кусты ивняка словно скошены, рядом чернеет огромная воронка. Ствол орудия уткнулся в эту воронку, а станина своим хвостом тянулась к небу. И рядом не видно было ни одной живой души.

«Так могло быть и с нами!» — подумал Назаркин и оглянулся на свое орудие. Он увидел, как Ястребов, подбежав к пушке, сорвал с казенника чехол и как Зубов вставлял панораму.

Танки приближались, гул моторов все усиливался. Назаркин прикинул: до них метров пятьсот. Можно было бы и ударить, но лучше подождать, пусть подойдут поближе. Это будет вернее.

Назаркин решил стрелять по левому крайнему танку, который шел прямо на орудие. Пушка уже была заряжена, Зубов держал руку на спуске и вопросительно смотрел на сержанта. Командир орудия стоял с поднятой вверх рукой. Он выждал еще немного и резко опустил руку, как бы разрубая ладонью воздух:

— Орудие!

Темный конус взрыва на некоторое время закрыл танк. Когда же поднятая взрывом земля осела и дым рассеялся, Назаркин увидел, что танк стоит боком, а из смотровых щелей выбиваются дым и огненные змейки.

Сначала били бронебойными — по танкам. Потом стали бить осколочными — по автоматчикам. Назаркину в бинокль хорошо было видно, как падали немцы. Вот один словно споткнулся и нырнул головой вперед. Другой, взмахнув руками, повалился на спину, будто его кто-то ударил.

На правом фланге по немецким танкам били сорокапятки. Они подожгли три танка. Остальные, отстреливаясь, стали пятиться. Немецкие автоматчики тоже пустились наутек.

По первому же выстрелу немцы засекли орудие Назаркина, и тогда на огневую полетели снаряды и мины, потянулись пулеметные трассы. Пули вжикали в кустах, цокали о щит пушки, пели над головами: «Пиу, пиу!» Они расчерчивали снег возле орудия. То справа, то слева рвались мины. Осколки со свистом проносились над орудием, срезали ветки и сбивали кору с деревьев.

Один снаряд разорвался почти рядом — метрах в двадцати. Тугая и горячая взрывная волна швырнула Назаркина на орудие, и он ударился головой о щит. В голове у него загудело, и перед глазами поплыли разноцветные круги.

Когда он опомнился, то увидел, что Ястребов лежит на снегу. Лежит на спине с закрытыми глазами, из уголка рта стекает кровь. К заряжающему подбежали Цапов и Осатюк, подняли его. На спине Ястребова Назаркин увидел рваные клочья овчи-

ны, окрашенные кровью. Раненого унесли в землянку.

Зубов сгорбившись сидел у панорамы, опираясь обеими руками о казенник.

— Не задело тебя? — спросил Назаркин.

Зубов выпрямился, поднял обе руки и указал на свои уши:

— Плохо слышу!

Затишье продолжалось недолго. В небе опять зарокотали моторы. На этот раз прилетели «хейнкели». Видимо, Зубов не слышал шума моторов. Он сидел нахохлившись и тоскливо смотрел на снег, окрашенный кровью Ястребова. Назаркин толкнул его в плечо, показал сначала на небо, потом на ровик и сам прыгнул в него. Зубов неторопливо, будто нехотя, последовал за ним.

«Хейнкели» не пикировали, они бомбили с горизонтального полета. И Назаркин, наблюдая, как немецкие самолеты высыпают из-под крыльев свой смертоносный груз, подумал: «Эти опаснее «юнкерсов», никак не угадаешь, где упадут бомбы».

Пронесло! Все бомбы прогрохотали справа.

Не успели «хейнкели» улететь, как из перелеска опять появились немецкие танки. Назаркин сам сел к панораме, знаками показав Зубову, чтобы он заряжал. Опять били по танкам и по пехоте.

Из землянки вылезли Цапов и Осатюк и стали подтаскивать снаряды.

— Перевязали Ястребова? — спросил Назаркин.

— Не нужна ему перевязка,— хмуро ответил Осатюк.

В это время над их головами просвистела мина и разорвалась за спиной Осатюка, и он, испуганно тараща глаза, сел на снег. Осколок распорол ему валенок и перебил ногу ниже колена.

И вторая контратака была отбита. Еще несколько вражеских танков горело на поле боя. Снег возле перелеска потемнел — там густо лежали трупы немецких автоматчиков.

Пришел батарейный санинструктор Боков. Заглянув в землянку, сказал:

— Пусть Ястребов пока здесь полежит. Кончится бой — похороним.

Боков рассказал, что одна бомба разорвалась возле наблюдательного пункта командира батареи. Осколком ранен старший лейтенант Ржевский.

Санинструктор перевязал Осатюка и, взвалив его на спину, понес на медпункт.

Во время третьей контратаки был убит Цапов. Осколком снаряда ему снесло полчерепа. А когда фрицы полезли в четвертый раз, двумя пулями в грудь тяжело был ранен Зубов. И в четвертый раз немцы откатились. Назаркин перевязал наводчика и отнес его в землянку. И остался один. Подтащил поближе к орудию лотки со снарядами и стал ждать. Ждал и думал: «Настырные, гады! И в пятый раз пойдут!» И верно — опять прут! Опять началась свистопляска...

— Ну, Серега,— говорил себе сержант,— надувайся, брат! Работать тебе сейчас за пятерых!

Опять Назаркин бил по танкам и по автоматчикам. Аж оглох от грохота. И вдруг кольнуло его в левое бедро. «Неужели ранен?» — мелькнула мысль. Мелькнула и погасла. Он метался возле орудия, бил без передышки. Жарко стало, из-под шапки на лоб скатывались капли пота. Через некоторое время почувствовал: стекает по левой ляжке что-то теплое. Ясно — кровь. А он снова и снова один за другим посылал снаряды навстречу немцам. Посылал и приговаривал: «Это вам за Ржевского! А это за Ястребова и Зубова! За Цапова и Осатюка!..»

Сержант стрелял до тех пор, пока у него над головой не грянул гром. Назаркину показалось, что земля у него под ногами раскололась и он падает в пропасть...

Очнулся он в медсанбате уже после операции.

VII

Вернувшись вечером в редакцию, Ключников всю ночь и весь следующий день корпел над очерком о подвиге сержанта Назаркина. Очерк получился большой, на целую полосу. Редактор похвалил материал и приказал: «Теперь спать! А завтра утром — в Бор, к танкистам!»

— В Бор?.. К танкистам?..— удивился Ключников.— Откуда они там появились?..

— Они прибыли с севера, с реки Свирь. Танковый полк подполковника Подгорного вчера в районе Бора уже провел успешную боевую операцию и выбил немцев из деревни Кайвакса.

На другое утро Ключников долго искал попутную

машину. На этот раз ему не везло. Он больше часа простоял на выезде из Большого Двора. Потом на клубной машине доехал до Орловского Шлюза. Там опять ждал и «голосовал». Лишь на третьей машине к двум часам дня добрался до Бора.

Комиссара полка в штабе не было. Он рано утром уехал в политотдел армии и обещал вернуться только к вечеру.

Ключников пошел к командиру полка. И тут ему не повезло. Подполковник Подгорный был занят. У него сидели командиры рот...

Но вот они ушли, и адъютант пригласил Ключникова в комнату Подгорного. Николай представился.

— Садитесь, товарищ политрук. Чем могу служить?

Ключников с удивлением смотрел на командира полка. Не таким он представлял его. Он думал встретить широкоплечего богатыря с крупными и суровыми чертами лица, а перед ним сидел сухопарый, худой человек со впалыми щеками, с большими залысинами, с жидкими каштановыми височками, тронутыми ранней сединой. И в очках с металлической оправой. Внешне Подгорный похож был больше на учителя или счетовода, чем на боевого командира.

Николай рассказал ему о цели своего приезда.

— Вам надо было приехать вчера,— сказал Подгорный.— Поглядели бы, как мы тут шерстили гитлеровцев...— И он стал рассказывать, как танкисты вышибли немцев из Кайваксы.

Ключников слушал Подгорного и записывал. Подполковник на минуту умолк, снял очки и стал протирать их носовым платком. Без очков подполковник выглядел гораздо моложе, но глаза выдавали: командир полка очень устал.

— Ну вот и все! — сказал он в заключение и снова надел очки.— Когда будете об этом писать, не забывайте, что душой боя, его героем был Мостовой, умелый, опытный командир-танкист, в котором умение и опыт уживались с отвагой и удалью.

После беседы с Подгорным Ключников побывал в Кайваксе, осмотрел поле боя и то место, где погиб Мостовой. Вернувшись в Бор, долго беседовал с танкистами, которые участвовали в освобождении деревни.

К этому времени на село уже спускались сумерки, и Николай решил заночевать у танкистов.

Вечером к командиру полка разведчики привели «языка». Немца взяли возле хутора Вехтуй — юго-восточнее Кайваксы. Перепуганный фриц рассказал, что на хуторе стоит ударная немецкая часть, которая получила приказ утром неожиданным ударом с востока разгромить советские войска, сосредоточенные в районе Бора.

Показания пленного не расходились с наблюдениями разведчиков. Они видели на хуторе грузовики, плотно прижатые к стенам домов. Под навесом сарая стояли танки, а в саду — тягачи с орудиями. Орудия были столь отчетливо видны, что на одном стволе разведчики разглядели кур, подвешенных за ноги.

Пленного увели. Командир полка позвал начальника штаба, и они склонились над картой. Хутор Вехтуй... От него по лесной поляне идет дорога на северо-восток. И справа и слева — лес. На северо-востоке, где поляна кончается, хутор Плавун. За этим хутором дорога опять идет лесом. Конечно, немцы пойдут по этой дороге, другой здесь нет!

Командир полка принял решение: к утру на поляне устроить танковую засаду и внезапно атаковать немецкую колонну, когда она вытянется по дороге от Вехтуя до Плавуна.

Ужиная в столовой, Ключников невольно прислушивался к разговорам танкистов. По их отдельным репликам он догадался, что полк готовится к какой-то ночной вылазке. Поужинав, Николай опять пошел к командиру полка. Тот рассказал ему о предстоящей операции и предупредил, что пока это держится в строгой тайне.

— Можно мне с вами поехать? — попросился Ключников.

В это время в комнату вошел комиссар полка — в кожаном пальто, высокий и грузный, с большим приплюснутым носом, с густыми черными сросшимися на переносице бровями. Он не сразу понял, о чем идет разговор, и вопросительно посмотрел на Подгорного. Тот иронически улыбнулся:

— Вот корреспондент рвется в бой, просит, чтобы его взяли в засаду. Это по твоей части, ты и решай!

— Если рвется, надо взять,— сказал комиссар.

— А куда мы его денем? Верхом на башню посадим?

— Зачем на башню? В башню посадим, башенным стрелком.

— А кто его возьмет? Мы не на парад едем! Стрелок должен стрелять!

Комиссар сел на лавку к окну и жестом указал Ключникову место рядом с собой. И спросил:

— Вам не доводилось стрелять из танковой пушки?

— Нет, не доводилось,— признался Николай.

— А вы были когда-нибудь в боевой обстановке?

Ключников подумал, что скромность сейчас может ему повредить и он упустит случай увидеть интересное сражение. Поэтому он рассказал о своем участии в бою под Астрачей, о своей неудачной попытке подбить немецкий танк.

Комиссар оживился и окликнул Подгорного, который рылся в планшете:

— Федор Петрович! Ты слышал? Он, оказывается, артиллерист! И лихой! Прямой наводкой по немецкому танку стрелял!

— Ну и что же? — не поднимая глаз от планшета, откликнулся Подгорный.

— Вот и посадим его в танк к Корзуну командиром орудия!

— Ну смотри...— нехотя согласился командир полка.

Всю ночь готовились к операции. Готовились осторожно, боясь, как бы не спугнуть гитлеровцев. На исходные позиции в засаду танки выдвигались по одному. Десять танков Т-34 стали на западной опушке, пять танков Т-26 — на восточной и два тяжелых танка КВ — возле хутора Плавун. Пока эти танки выдвигались, другие машины южнее Кайваксы вели редкий отвлекающий огонь из пушек по немецким позициям в Березовике.

Разведчики, наблюдавшие ночью за хутором Вехтуй, докладывали, что там спокойно. Немцы спали, выставив вокруг хутора сторожевые посты. Очевидно, они предполагали, что русские совсем выдохлись и бояться их нечего.

Танк КВ шел лесом в темноте напрямик, ломая кусты и ныряя по оврагам и лишь изредка включая фары. В этом танке сидел и Ключников. Его бросало

из стороны в сторону. Он морщился от боли, когда всей тяжестью тела наваливался на раненую руку. Несколько раз больно ударился о броню головой. Если бы не кожаный шлем, который почти насильно напялил на него командир танка младший лейтенант Корзун, не сосчитать бы теперь Николаю шишек на голове. «Ну и поделом тебе, дурная башка! — мысленно ругал себя Ключников.— Сам напросился! Терпи!»

Он прильнул было к смотровой щели, но ничего не увидел: серая муть. В этот момент танк нырнул в канаву, и Николай снова больно стукнулся головой о броню. «Привычка нужна! Тренировка!» — думал он.

И тут вспомнил Ключников молодого танкиста сержанта Колоскова, который показывал ему, как стрелять из пушки. У Колоскова был обиженный вид. Видимо, ему самому очень хотелось участвовать в этой операции. Показал и, уходя, спросил:

— А вы когда-нибудь ездили в танке?

— Нет, не доводилось.

— Что ж, попробуйте! — лукаво ухмыльнулся сержант и ушел.

Тогда Николай не обратил внимания на усмешку сержанта, а теперь все понял...

Но вот танк остановился. Младший лейтенант Корзун выпрыгнул на снег и скрылся в кустах. Механик-водитель сидел и ждал. Сильно и ровно гудел мотор. Через минуту кусты раздвинулись, и появился Корзун. Он подал водителю знак следовать за ним. Танк дернулся и пополз по следу младшего лейтенанта. Еще через минуту машина замерла на месте. Водитель выключил мотор и вылез из танка.

Ключников открыл люк и тоже вышел на снег. Глубоко вдохнул свежий морозный воздух. В лесу было тихо. Где-то недалеко приглушенно гудел мотор другого танка. Он погудел-погудел и затих. Раза два где-то тяпнул топор — и опять тишина. В лесу был серый ночной полумрак. На снегу лежали желтые лунные пятна. Деревья как бы замерли. Их ветви были покрыты серебристым инеем. А на небе горели яркие крупные звезды.

Корзун подошел к Ключникову.

— Как самочувствие? — спросил командир танка.

— Ничего,— хмуро ответил Ключников.— Спасибо за шлем!

— То-то! — понимающе улыбнулся Корзун.

Рядом застучал топор. Это механик-водитель рубил молодые елки для маскировки танка.

— Ты потише там, немцев разбудишь! — через плечо бросил ему младший лейтенант.

Танк замаскировали, да так искусно, что не только с дальнего расстояния — с пяти шагов его не заметишь.

За час до рассвета с запада подул холодный ветер. Механик-водитель залез в машину, а Ключников и Корзун топтались на снегу возле танка с подветренной стороны и осторожно курили, пряча папироски в рукав.

Раза два к танку подходил командир роты старший лейтенант Ларин. Подходил и опять уходил. Он встречал другие машины своего отряда и указывал им, где надо встать.

Но вот и Корзун скрылся в лесу. Ветер вдруг стих. Померкли лунные блики на снегу. С неба повалили мягкие влажные снежные хлопья.

«И небеса за нас,— подумал Ключников.— Помогают маскировать машины».

Снег шел минут двадцать и перестал. Небо очистилось. Николай заметил, что край неба на востоке стал светлеть. Из кустов быстро вышел Корзун и на ходу подал команду:

— По местам!

Ключников занял свое место у орудия и, когда Корзун тоже влез в танк, спросил его:

— Какие новости, товарищ младший лейтенант?

— Все в порядке, товарищ политрук. Наши разведчики сообщают, что немцы на хуторе Вехтуй проснулись, прогревают моторы для пробы, зажигают фары. Ждать нам осталось недолго.

Прошло еще минут двадцать. Совсем рассвело. Теперь Николай в смотровую щель видел почти всю поляну, покрытую пушистой снежной скатертью. И деревья кругом — белые со снежными шапками на ветвях.

Но вот со стороны Вехтуя послышался ровный басовитый гул. Минуты через две к этому гулу стал примешиваться железный скрежет. Теперь не было сомнения, что это идут немецкие танки.

— Внимание! Приготовиться! — послышался предупреждающий голос Корзуна.

Гул моторов все усиливался. Все слышнее становился лязг гусениц. И вот в поле зрения Ключникова появился головной немецкий танк — серый, тупо-

рылый, с черным крестом на борту. За первым танком показался второй, за вторым — третий. За четвертым шли гусеничные тягачи с орудиями. Колонна все глубже и глубже втягивалась на поляну. Об опасности немцы, видимо, и не помышляли — они даже не выслали вперед никакого охранения.

Николай вглядывался в хвост немецкой колонны, но конца ее не видел. За орудиями двигались грузовики с пехотой. Грузовиков было много.

Ключников ждал сигнала. И вот слева невдалеке вдруг раздался резкий пушечный выстрел. Это и был сигнал к открытию огня. Грянул орудийный залп. Лес дрогнул и застонал. В немецкой колонне возле танков и орудий сверкнули и громыхнули разрывы снарядов.

Ключников прицелился в головной танк, выстрелил и не мог не заметить, как возле головного немецкого танка разорвались сразу три снаряда. Танк дернулся, повернулся на сто восемьдесят градусов и встал поперек дороги. В щели из-под башни у него стал пробиваться дым. Затем машину судорожно затрясло — внутри начали рваться снаряды. Теперь уже из всех щелей хлынул дым, и дымное облако заволокло вражескую машину.

Выстрелы танковых пушек и пулеметов сливались в сплошной гул.

Вдруг танк Корзуна рванулся вперед. Рывок был неожиданный, резкий, стремительный, и Ключникова отбросило назад, он опять больно ударился о броню.

Орудийные залпы и пулеметный ливень из засады ошеломили немцев. Они не успели опомниться, как их танки и тягачи были подбиты. Немецкие артиллеристы не успели развернуть орудий — многие из них сразу же были убиты или ранены, остальные вынуждены были залечь под ураганным огнем советских артиллеристов.

Когда же русские танки вышли из засады и ринулись в атаку на немецкую колонну, гитлеровцы в панике побежали на восточный край поляны, чтобы скрыться в лесу. Но как раз оттуда, из того леса, и выкатились быстрые, юркие наши «бытушки», и навстречу немецким солдатам брызнули огненные струи из танковых огнепусков. Окончательно деморализованные, обескураженные гитлеровцы поднимали руки и сдавались в плен.

Бой кончился. Ключников вылез из танка и огляделся. И часу не прошло, как рассвело, а как за это время изменилась поляна! Ее теперь не узнать! На дороге посреди поляны горели немецкие танки, гусеничные тягачи, грузовые машины. Кругом дым и смрад. В нос бил тошнотворный запах сгоревшего тола. Где снежная белизна? Поляна почернела от воронок, от копоти, от трупов немецких солдат. Рябило в глазах от пленных в серо-зеленых шинелях — они толпой стояли недалеко от дороги, словно стадо испуганных, загнанных баранов.

Ключников увидел: к пленным идет подполковник Подгорный. Метрах в тридцати от немцев он останавливается и кричит кому-то:

— Всех построить здесь!

И показывает место, где построить.

Николай не сразу понял, кого построить. Может быть, пленных? Нет, своих танкистов. Вот они быстро подходят и строятся в две шеренги. Вот и Корзун стал в строй.

«Может быть, и мне следует стать в строй?» — подумал Ключников и решил: «Нет, я не командир орудия, я корреспондент».

И продолжал стоять в стороне.

Командир полка на этот раз был в синем комбинезоне и в танковом шлеме, без очков. Теперь он не тот, которого Николай видел в избе,— сейчас перед Ключниковым стоял стройный, подтянутый командир с властной осанкой, со строгим взглядом.

Подгорный повернулся лицом к танкистам.

— Дорогие однополчане, друзья мои! — воскликнул он, и взгляд его вдруг потеплел, стал добрым и нежным.— Поздравляю вас с боевым успехом! Свою задачу вы выполнили отлично! Объявляю вам благодарность. Я думаю, что у всех у вас, как и у меня, на душе стало легче. Мы отомстили немцам за Мостового и других наших товарищей, погибших при освобождении Кайваксы!

Затем подполковник повернулся к немцам, и взгляд его сразу стал жестким и колючим. Повысив голос, Подгорный сказал:

— А теперь, дорогие товарищи, посмотрите сюда! Посмотрите на этих вояк, собравшихся в поход! Они ехали в Бор, чтобы врасплох напасть на нас и разгромить. Не вышло! Посмотрите на них и спросите, зачем

они приехали сюда. Они, видите ли, приехали навести порядок в нашей стране — свой порядок, фашистский. Наш советский образ жизни им не по нутру. Они приехали, чтобы сделать нас рабами и править нами, как правили в нашей стране до Октябрьской революции помещики и капиталисты. Посмотрите на них хорошенько — каковы они, новоявленные завоеватели и правители! Вот они, фашистские сморчки! Мы — внуки и правнуки Кутузова и Суворова, и нам ли таких сморчков не одолеть!

Подгорный говорил горячо и порывисто, бросая на немцев сердитые взгляды и тыча указательным пальцем в их сторону. А пленные в страхе жались друг к другу.

Этот импровизированный митинг был открыт неожиданно. Так же неожиданно он и закончился.

— Разойтись! — скомандовал Подгорный и пошел к своему танку.

А через полчаса его вызвали в штаб армии, и он выехал туда немедленно, не забыв прихватить с собой и корреспондента армейской газеты.

VIII

В эту ночь дом, в котором размещалась редакция, трещал от мороза. Ключников проснулся на рассвете от холода — промерз до костей. Поеживаясь от озноба, соскочил с постели и стал одеваться.

От окна тянуло холодом, стекла были покрыты толстым слоем инея.

Редакция уже просыпалась. Радиотехник сидел возле радиоприемника и, оседлав голову наушниками, что-то записывал. Из-за плащ-палатки, где стояла кровать редактора, доносился глуховатый басок секретаря редакции Никиты Черняка. Он читал стихи:

Враг к городу рвется со злобой,
Давай ему дом и уют,
Набей пирогами утробу,
Отдай ему дочку свою.
Оружьем обвешан и страшен,
В награбленных женских мехах,
Он рвется с затоптанных пашен
К огням на твоих очагах.

Ключников, убирая постель, невольно прислушивался к голосу Черняка и думал: «Кто автор?»

Когда Черняк вышел из-за плащ-палатки, Николай спросил:

— Чьи стихи ты читал?

— Ты слышал? — оживился Никита.— Тебе нравятся? Это поэма Николая Тихонова «Киров с нами». В «Правде» напечатана. Я уговариваю редактора перепечатать эту поэму в нашей газете. Как, по-твоему, стоит?

— По-моему, стоит,— ответил Ключников.

— А ты слышал сообщение о Ростове?

— Нет. А что там?

— Войска Юго-Западного и Южного фронтов разгромили группу немецких войск генерала Клейста и освободили Ростов. Разгромлены две танковые дивизии, одна моторизованная и эсэсовская дивизия «Викинг». У немцев свыше пяти тысяч убитых!

Эта весть обрадовала Ключникова. Он подумал: «Вот еще одно доказательство, что советские воины, хотя и очень дорогой ценой, научились бить фашистов. Теперь немцы остановлены и под Москвой, и под Ленинградом. И здесь, под Тихвином, мы тесним захватчиков. Они прижали хвосты».

У Ключникова еще с вечера ныла раненая рука. Ночью она как будто бы успокоилась, а утром опять заныла. Эта боль напомнила Николаю, что он должен был сходить еще вчера на перевязку, но до сих пор так и не удосужился. Перевязку могли бы сделать и в медсанбате у забайкальцев, но ему тогда это и в голову не пришло.

«Сегодня обязательно схожу в госпиталь»,— решил он.

В столовую завтракать он шел один — опаздывал. Было ясное и тихое декабрьское утро. Деревья как бы замерли в торжественной тишине, боясь стряхнуть со своих ветвей пушисто-белый наряд. Шел и любовался сказочно красивым убором зимнего леса. Это утро могло бы показаться мирным, если бы из-под Тихвина не доносились сюда глухие раскаты артиллерийской канонады.

Когда Ключников подходил к столовой, возле входа его остановил незнакомый капитан.

— У вас белый нос! Трите скорей снегом!

Ключников снял рукавицу, схватил горсть снега и стал растирать нос...

Вернувшись в редакцию, Ключников узнал, что

летучки не будет — редактора вызвали в политотдел армии.

К Николаю подошла Люба:

— Письмо вам, Николай Иваныч!

Он развернул треугольник. Из него выпал небольшой сложенный вчетверо пожелтевший листок, по-видимому вырванный из какой-то старой конторской книги. Решив, что это записка от Люси, он положил листок на подоконник и стал читать письмо Нины.

Жена писала о том, как спокойно и беспечно жила она до войны. Был у нее в Москве свой угол, тихий и уютный. Была любимая работа. Любила она мужа и детей и была счастлива. Лишь иногда ворчала на Люсю и Гришу за их детские шалости и проказы, упрекала мужа за то, что он поздно возвращается из редакции. Иногда очень уставала, порой болела — не без этого. В остальном у нее была светлая, безоблачная жизнь. И как она резко изменилась с началом войны! Сколько мук пришлось перетерпеть за полгода! Как тяжело было расставаться со своим гнездом! А разлука с детьми, а долгие месяцы беспокойства о них! А тревога о муже, который на фронте каждый день подвергается смертельной опасности! Нина проклинала фашистских палачей, затеявших эту войну.

«Коля,— писала она,— вряд ли ты можешь представить мои страдания — и душевные, и физические. Я и в доброе-то время не отличалась, как ты знаешь, хорошим здоровьем, а теперь болезнь совсем подкосила меня. Кажется, моя песенка спета. Страшно подумать, что же будет с нашими малышами. О, как хотела бы я сейчас увидеть тебя, поговорить с тобой, проститься... Попросись на побывку! Хотя бы на два дня, даже на один. Умоляю тебя, попросись!

Вместе с этим письмом посылаю тебе справку из Малиновской больницы, где я недавно лечилась».

Прочитав письмо, Ключников догадался, что листок на подоконнике — это не записка от Люси, а справка из больницы. Он развернул ее и увидел слева вверху штамп Малиновской больницы и дату: 20 ноября 1941 года. И прочитал: «Дана Ключниковой Нине Константиновне в том, что она страдает декомпенсированным пороком сердца с резко выраженными отеками. В настоящее время Ключникова Н. К. находится в крайне тяжелом, безнадежном состоянии». Внизу возле

неразборчивой подписи врача синими чернильными пятнами расплылась круглая печать.

И опять у Ключникова больно защемило сердце. Ему стало душно. Он надел полушубок, надвинул на глаза шапку и вышел из дома. Всей грудью вдыхал он холодный, морозный воздух и по тропинке шел в глубь леса. Теперь он не замечал красавиц-елок, не любовался их нарядом. Не обращал внимания на зловещий гул немецкого бомбардировщика, низко летевшего над лесом. Мысленно он был уже в Малиновке, сидел у постели больной жены...

«Может быть, и в самом деле попроситься в отпуск? — думал он.— Но кто меня может отпустить? Не редактор же? И даже не начальник политотдела армии. Говорят, что это может сделать только член Военного совета армии. Может быть, пойти к нему? Прийти и сказать: «У меня жена больная, вот справка». А зачем ему эта бумажка? К чему? Чего она сейчас стоит? Война идет, страшная, беспощадная! Каждый день гибнут тысячи, десятки тысяч людей. Гибнут красноармейцы и командиры — самые молодые и самые сильные. Цвет народа. В немецком плену за колючей проволокой умирают от голода и болезней раненые советские бойцы. Гитлеровцы заживо сжигают советских людей в крематориях, умерщвляют их в газовых камерах. Война! Враг уже под Москвой. Он на окраинах Ленинграда. Он здесь, в Тихвине! И всюду — и в Москве, и в Ленинграде, и здесь, под Тихвином,— все советские люди живут одной мыслью: уничтожить врага! Здесь наши бойцы рвутся в бой, чтобы вышвырнуть фашистскую нечисть из Тихвина, а я пойду к члену Военного совета... Да как я посмотрю ему в глаза? Что он может подумать обо мне?»

Больше часа Ключников как слепой бродил по лесу со своей тоской. Ему было жалко Нину, жалко до боли сердечной, но ничем он ей помочь не мог.

В редакцию он возвратился с мыслью, что об отпуске сейчас не может быть и речи.

Скоро вернулся и редактор. Он не стал собирать летучку — не до этого было. И хотя он еще ничего не сказал, всем было ясно: пробил час! Ночью начнется наше общее контрнаступление. И все корреспонденты армейской газеты, все сотрудники редакции, за немногим исключением, должны выехать в воинские части и подразделения, готовящиеся к бою.

— Поезжайте в Забайкальскую дивизию,— сказал редактор Ключникову.— Сегодня ночью забайкальцы будут штурмовать Тихвин.

К вечеру Ключников уже трясся в кузове грузовика по дороге на Тихвин. К этому времени мороз усилился. Несмотря на то что Николай одет был по-зимнему, холод пробирал его. Особенно зябли ноги — валенки казались ледяными. Время от времени он шевелил ступнями и пальцами ног, боясь отморозить их. К тому же у него по-прежнему ныла раненая рука. Он досадовал на себя, что опять не успел сходить в госпиталь на перевязку.

Ключников сидел у заднего борта и провожал взглядом убегающую назад дорогу. И всюду видел следы недавних боев: воронки от снарядов и бомб, возле них вывороченные с корнем и расщепленные деревья. По обочине дороги чернели остовы обгоревших танков и бронетранспортеров, припорошенных сверху снегом. Из сугроба в придорожном кювете косо торчал обгоревший хвост «мессершмитта».

Ключников смотрел на дорогу и прислушивался. Изредка в лесу, где-то в стороне, с ухающим обвальным грохотом рвались тяжелые снаряды — это немецкие артиллеристы вели бесприцельный беспокоящий огонь «по квадратам».

С приближением грузовика к передовой все отчетливее становился перестук пулеметов. Сверху послышался неровный, прерывистый рокот мотора, и Николай увидел в небе «раму». Она плыла на большой высоте и осматривала дорогу и лес возле нее. Вдруг откуда-то появились два советских истребителя. Они шли наперерез немецкому корректировщику. Тот как бы нехотя свалился на крыло и стал уходить в сторону.

За спиной Ключникова под брезентовым верхом на ящиках со снарядами полулежали два красноармейца в полушубках. Они вполголоса переговаривались, не обращая внимания ни на самолеты, ни на дорогу.

Ключников оглянулся на них и спросил:

— Скоро приедем?

Один из красноармейцев, тот, что держал винтовку между колен, взглянул на дорогу и ответил:

— Уже скоро. Вот и Первомайский совхоз!

Ключников увидел продолговатое полуразрушенное здание молочно-товарной фермы с обвалившейся крышей, с обгоревшими ребрами стропил. Увидел также на углу фермы, возле дороги, врытый в землю немецкий танк со сдвинутой башней и покореженным стволом пушки. И вспомнил командира орудия Назаркина и его рассказ о том, как он прямой наводкой бил по этому танку. Николай посмотрел направо, туда, где на опушке леса, по рассказу Назаркина, должна стоять его пушка. Там теперь стояли хозяйственные и санитарные повозки. К деревьям были привязаны оседланные лошади. Дымилась походная кухня.

Ключников увидел полуразрушенную силосную башню и возле нее уткнувшееся стволом в воронку орудие младшего сержанта Суханова.

«Вот оно, поле недавней битвы!» — подумал Николай, оглядывая территорию совхоза. И справа и слева — развороченные взрывами немецкие блиндажи и траншеи, из завалов торчат бревна и доски. Тут и там подбитые немецкие танки. Некоторые из них еще и сейчас чадят, распространяя удушливый запах горелого металла, жженой резины и чего-то тошнотворно сладкого. Возле них в снегу — трупы гитлеровских танкистов. Над ними кружится воронья стая.

Но не только следы недавнего боя видел Ключников по дороге от Большого Двора до Первомайского совхоза. Он видел немало признаков готовящегося наступления. Видел колонны артиллерийских конных упряжек с легкими длинноствольными пушками и колонны гусеничных тягачей с тяжелыми дальнобойными орудиями. По дороге к Тихвину одна за другой катились штабные и санитарные машины, шагали подразделения пехотинцев и саперов. В придорожных кустах стояли танки и «катюши». В лесу шла подготовка к ночному сражению...

Грузовик свернул с шоссе и въехал в лес. Через две-три минуты машина остановилась. Красноармейцы спрыгнули в снег. Вслед за ними вылез из кузова и Ключников.

Выезжая из Большого Двора, Николай думал, куда ему приткнуться ночью, чтобы лучше было наблюдать за ходом боя, чтобы не прозевать решающего штурма города и с передовыми подразделениями войти в осво-

божденный Тихвин. «Может быть,— рассуждал он,— пойти в стрелковый батальон на самый ответственный участок? Или наблюдать за ходом боя с НП командира стрелкового полка?» И неожиданно решил: «Поеду-ка я лучше в артполк, благо грузовик привезет меня прямо на огневую позицию 1-й батареи гаубичного дивизиона. Буду наблюдать за ходом боя глазами артиллериста».

Через полчаса Ключников уже поднимался по шаткой лестнице на высокую сосну, в густых ветвях которой был оборудован наблюдательный пункт командира батареи. Когда Николай ступил на зыбкую дощатую площадку, то увидел там троих артиллеристов: телефониста возле аппарата, лейтенанта — он, ссутулясь, смотрел в стереотрубу — и старшего лейтенанта. Этот смотрел в бинокль и подавал команду:

— Осколочно-фугасной гранатой! Правее один ноль-ноль! Уровень тридцать ноль! Прицел сто восемьдесят! Первому один снаряд — огонь!

Телефонист передавал каждое слово команды в телефонную трубку.

Где-то сзади в лесу громыхнуло. Телефонист крикнул:

— Выстрел!

Снаряд прошелестел высоко в небе над наблюдательным пунктом, и через несколько секунд на окраине Тихвина прогремел взрыв. Командир батареи опустил бинокль:

— Стой! Записать установки! Цель номер шесть...

«Пристреливают цели»,— догадался Николай.

Командир батареи повернулся и увидел Ключникова.

— А вы откуда? — строго спросил он.— Зачем вы здесь?

Ключников представился и попросил разрешения присутствовать на НП.

У командира батареи старшего лейтенанта Назимова было обветренное смуглое лицо и слегка раскосые черные глаза. Просьба корреспондента не обрадовала его. Он нахмурился и бросил на Ключникова недовольный взгляд.

— Вы видите, мы парим между небом и землей,— сказал он.— Один лишний человек, одно неосторожное движение — и все мы загремим вниз.

Ключников промолчал. Ему не хотелось уходить с этой вышки.

Старший лейтенант подошел к стереотрубе и посмотрел в нее. Затем снова повернулся к Ключникову и спросил:

— А почему вы именно к нам? Почему бы вам не пойти на НП стрелкового батальона, вон в тот блиндаж? Там спокойнее — потолок в три наката! А у нас тут и ушибить могут!

— Ушибить везде могут,— сказал Ключников,— этого я не боюсь. А почему именно к вам? Признаться, тянет меня к артиллеристам. Тянет, очевидно, потому, что сам я артиллерист.

— Постойте-ка! — Командир батареи вдруг дружелюбно улыбнулся.— Недавно в Большом Дворе командующий артиллерией армии рассказывал, что какой-то корреспондент во время боя в Астраче будто бы прямой наводкой стрелял по немецкому танку. Уж это не вы ли?

Ключников смутился, отвел глаза и пробормотал:

— Да, это я...

— Ну, раз вы артиллерист, да к тому же, видать, не из робкого десятка, тогда милости просим! — Командир батареи гостеприимно развел руками и, между прочим, спросил: — А что у вас с носом-то — отморозили?

— А разве заметно?

— Еще бы! Черная лепешка на носу!

Минут через пять старший лейтенант Назимов, дружески обнимая Ключникова за плечи, показывал ему пристрелянные цели на окраине Тихвина — дзоты, блиндажи, траншеи, огневые позиции артиллерийских и минометных батарей.

Затем командир батареи пригласил Ключникова поужинать. Они спустились с вышки и прошли в землянку, куда ординарец Назимова принес котелок с кашей и термос с чаем. За ужином они разговорились. Ключников лучше был осведомлен о предстоящем наступлении своей армии и рассказал Назимову, какие части и подразделения кроме Забайкальской дивизии примут участие в ночном сражении за Тихвин.

— Успех наступления решит артиллерия,— уверенно заявил Назимов.— Тут у нас чуть ли не под каждым деревом стоит орудие. Вы и представить себе не можете, сколько артиллерийских стволов нацелено сейчас на немецкие укрепления под Тихвином!

Николай и в самом деле не знал этого, поэтому и спросил:

— Сколько же?

— Больше двухсот стволов!

С минуту они помолчали, потом командир батареи спросил Ключникова:

— А вы были когда-нибудь в Тихвине? Что это за город? У меня никакого представления!

— В Тихвине я не был,— ответил Николай.— Видел этот город только из окна автобуса. Однако я представляю, что это за город. Мне о нем много рассказывал мой друг, тихвинский житель, теперь он комиссар батальона Гренадерской бригады. В июне этого года лежали мы с ним на пляже на берегу Черного моря, грелись на солнышке, и он все уговаривал меня приехать к нему в гости и всячески расхваливал свой город, расписывал его достопримечательности. Помню, он с гордостью говорил, что тихвинские мореходы уже в семнадцатом веке ходили со своими товарами в Стокгольм.

В городе — монастырь-крепость, сооруженная по указу Ивана Грозного, музей знаменитого русского композитора Римского-Корсакова.

Наступила ночь. Ключников и Назимов побывали на огневой позиции батареи. Старший лейтенант переходил от орудия к орудию, проверял секторы обстрела, заглядывал в ровики. Он всем остался доволен. Подвел Ключникова к гаубице, любовно похлопал по стволу и сказал:

— Вот она, наша красавица!

Затем присел к лотку со снарядами и спросил Ключникова:

— А вы знаете, сколько весит один такой снаряд?

— Сколько?

— Сорок пять килограммов!

Затем они направились на НП и поднялись на вышку. До начала артподготовки оставался еще целый час, можно было не спеша оглядеться и прислушаться.

Казалось, что на передовой — обычная фронтовая ночь. Редкие пулеметные очереди, сухие, трескучие разрывы мин. Два-три громовых разрыва тяжелых снарядов — и опять тишина. Вот пролетел над вышкой советский бомбардировщик-тихоход У-2, и на немецкой стороне застучали зенитки, к самолету потянулись длинные расцвеченные трассы. На окраине Тихвина один за другим ухнули тяжелые разрывы, и через минуту У-2 пролетел над вышкой обратно.

«Догадываются ли немцы, что в эту ночь они будут атакованы?» — подумал Ключников.

С их позиций то и дело взлетали ракеты, освещая передний край ярко-белым светом. Ракеты в эту ночь загорались часто, слишком часто. Гитлеровцы явно нервничали, боялись внезапной атаки.

На юго-западе, за Тихвином, небосклон был освещен тревожным, зловещим заревом. Там, в районе Липной Горки, шел ожесточенный бой, горели селения. Поэтому немцы в Тихвине еще больше беспокоились. Они боялись окружения.

С позиций Забайкальской дивизии в небо взлетели серии зеленых и белых ракет. Ударили сотни советских орудий. Земля задрожала, лес застонал. Зашипело, засвистело небо и с грохотом обрушилось на вражеские позиции. Сотни огненных вееров вспыхнули на окраинах Тихвина.

Ключникову показалось, что он оглох от артиллерийской канонады, но среди грохота стрельбы все-таки расслышал голос Назимова, спокойный и властный:

— Батареей четыре снаряда... огонь!

У Ключникова за спиной будто бы стреляло каждое дерево, и невозможно было отличить выстрелы батареи Назимова от выстрелов других батарей — они сливались в общий гул. А там, на подступах к городу, над немецкими окопами клубился огромный вал черного дыма, вспарываемый пучками молний и султанами земли.

— Огонь! — слышался голос старшего лейтенанта Назимова.

Минут двадцать неистовствовала артиллерийская гроза, и вдруг канонада смолкла. Наступили секунды тишины. Ключников ждал: сейчас по лесу прокатится мощное «ура» и бойцы Забайкальской дивизии пойдут в атаку. Только бы побыстрей, пока противник не опомнился. Ведь известно было, что немцы во время нашей артиллерийской подготовки уходят с передней линии огня в запасные убежища и, как только обстрел прекращается, бегут обратно на свои огневые точки. Поэтому Николай мысленно торопил свою пехоту: «Скорей атакуйте!»

Но вместо ожидаемого «ура» он услышал скрежет «катюш» и тотчас же увидел, как справа из леса взвились вверх кометы с огненными хвостами и полетели к Тихвину. Их было много. Они летели с характер-

ным звуком: «жув... жув... жув...» Расчертив небо сверкающими линиями, они с грохотом падали на передний край немцев и, словно клокочущей огненной лавой, заливали вражеские траншеи.

Только после залпа «катюш» послышалось «ура», но среди треска пулеметных и автоматных очередей этот боевой клич прозвучал слабо, так показалось Ключникову. Причем он не мог определить, чьи это трещали очереди — свои или немецкие.

— Наша пехота ворвалась в немецкие траншеи! — крикнул Назимов.— Идите сюда, политрук! Посмотрите, что там творится! — Командир батареи жестом пригласил Ключникова к стереотрубе, и Николай, прильнув к окулярам артиллерийского прибора, ясно увидел, как серые фигурки красноармейцев, освещенные заревом пожара и светом ракет, прыгали в темные впадины траншей.

В это время рядом раздался оглушительный взрыв. Взрывная волна качнула сосну. Дощатая площадка затрещала и накренилась. Ключников едва удержался на ногах и чуть было не упустил из рук стереотрубу. Свистнул осколок снаряда, и сбитая ветка сосны больно хлестнула Николая по лицу. Он уступил место возле стереотрубы лейтенанту, а сам шагнул на прежнее место, на край площадки.

— Огонь! — снова послышалась команда Назимова.

Наши артиллеристы перенесли огонь в глубину обороны противника.

Затем лес стал наполняться гулом моторов. Железный гул шел низом и катился туда, где в траншеях шел рукопашный бой. Справа от вышки, рассыпая искры, в небо взлетели зеленые ракеты и осветили лес. И Ключников увидел, как внизу, ломая кусты и лязгая гусеницами, двигались к городу наши танки. Гул постепенно удалялся.

Теперь внимание Ключникова привлек странный звук, зародившийся в глубине обороны противника. Словно огромное животное, задыхаясь, с хрипом промычало там, и с окраины Тихвина полетели навстречу советским танкам мины с огненными шлейфами. Они стали рваться впереди наших танков, крутясь раскаленными спиралями, образуя как бы огненный заслон. Это «сыграли» немецкие шестиствольные реактивные минометы, прозванные в Красной Армии «ишаками».

Советские танки перевалились через немецкие траншеи, занятые уже красноармейцами, и двинулись дальше к городу. Им навстречу вышли танки с черно-белыми крестами. Завязалась танковая дуэль. Горящие дома на окраине Тихвина хорошо освещали поле боя. Даже невооруженным глазом Ключников видел, как немецкие танки, пятясь, отплевывались огнем. Видел, как часто дергаются стволы советских танковых пушек, свидетельствуя об интенсивной, напряженной стрельбе.

На рассвете Тихвин был освобожден.

IX

С вышки Ключников спускался осторожно, так как ступеньки лестницы обледенели. Руки и ноги у него едва двигались — окоченели. Чтобы согреться, Николай побежал к шоссе.

По дороге к городу уже катились штабные фургоны, санитарные повозки, саперные двуколки, полевые кухни. Шум боя теперь доносился из-за города, с юго-запада, куда отходили немцы, преследуемые советскими бойцами.

Скоро Ключников согрелся. Вместе с тем он почувствовал, что рана у него опять болезненно ноет. Теперь он мог бы сесть на повозку или на сани-розвальни (они шли к городу пустые), но не хотел этого. Он решил войти в город пешком и внимательно оглядеться вокруг.

Вот она, дорога войны! Она изрыта воронками, большими и малыми. Снег возле шоссе потемнел от порохового дыма и копоти, от комьев мерзлой земли, разметанных взрывами.

На обочине дороги лежит убитая лошадь из артиллерийской упряжки. С нее даже не сняли седла. Артиллеристы спешили. Они шли вместе с пехотой, преследуя немцев.

Чуть подальше догорает в кювете танк Т-34. Он лежит на боку, задрав вверх разорванную гусеницу. Башня танка сорвана и отброшена в сторону. Похоже, что в машине рвались снаряды. Возможно, свои же танкисты столкнули этот подбитый танк с дороги. Они тоже спешили вперед.

А вот и окраина Тихвина. Здесь дымно — горят деревянные постройки. В этих постройках у немцев были огневые точки.

Почти рядом стоят два подбитых танка с крестами. Они еще дымятся. Возле них темнеют трупы в обгорелых комбинезонах. Видать, вражеские танкисты выпрыгивали из горящих машин, катались по снегу, чтобы потушить загоревшуюся одежду, и уже не могли встать под пулями наших автоматчиков. И справа и слева тянутся в стороны траншеи. Они перепаханы взрывами, переплетены колючей проволокой и усеяны вражескими трупами в изорванных мышиного цвета шинелях. Рядом с шоссе — огромная воронка от авиабомбы. На краю воронки — обрывки немецких мундиров с пятнами крови. Такие же обрывки висят на телеграфных проводах. В стороне от дороги на огневой позиции — два тяжелых дальнобойных орудия. Одно лежит на боку, у другого разорван конец ствола.

Видно, что немцы из Тихвина удирали впопыхах, оставив на улицах много оружия, техники и разного военного скарба. Стоят подбитые танки и самоходные пушки, бронетранспортеры и грузовики, легковые автомобили и мотоциклы. На перекрестке улиц высится огромный дизельный «мерседес-бенц», возле него — брошенные пулеметные диски, каски, противогазы, пакеты дымовых шашек, чемоданы и мешки с гражданской одеждой, награбленной у тихвинских жителей.

Ключников вышел на площадь. Это был центр разбитого, израненного города. Уходя, фашисты взрывали кирпичные здания, а деревянные поджигали. Пожары еще не утихли, к небу поднимаются столбы дыма. Некоторые кирпичные дома устояли, не рухнули и теперь одиноко смотрят на площадь пустыми глазницами окон. Их стены исклеваны снарядами и пулями. На стене одного такого дома Николай прочитал надпись по-немецки: «На улицах и площадях стоять запрещено». И словно вопреки этому запрету, посреди площади стоит девушка в дубленом полушубке и в ушанке с красной пятиконечной звездой. Она направляет поток машин, повозок и пеших бойцов, движущихся через город.

Ключников подошел к этой девушке и спросил:

— Как называется эта площадь?

— Площадь Свободы,— ответила регулировщица.

— А где здесь монастырь?

— Идите туда! — Девушка указала на полуразрушенное кирпичное здание.— Там увидите!

Ключников обошел кирпичное здание и оказался в

сквере под сводами высоких лип. В густых липовых ветвях, мохнатых от инея, он увидел грубо отесанную дубовую перекладину. Догадался: здесь гитлеровцы повесили работницу Тихвинского лесопильного завода Лизу Андрееву. Николай сам писал об этом в армейской газете по материалам, полученным в политотделе армии. Повесили Андрееву за то, что она пустила переночевать родного брата, скрывавшегося в лесу.

Пройдя сквер, Ключников вышел на улицу. Не успел он сделать и десяти шагов, как впереди разорвался снаряд. Николай остановился. Просвистел и громыхнул невдалеке еще один снаряд, поднявший облако пыли возле одиноко торчавшей печной трубы. Потом стало тихо. Ключников пошел дальше и вскоре сверн направо, в переулок, ведущий к монастырю.

Во дворе монастыря не было ни души.

На церковной двери висела квадратная фанерка надписью: «Разминировано». Николай открыл тяжелую дверь. На него пахнуло сырым, спертым и гнилым воздухом давно непроветриваемого и неотапливаемого помещения. В полумраке Николай прошел на возвышение перед алтарем. Здесь было светлее. Стояла широкая скамья. И всюду — и на деревянной скамье, и на каменных плитах пола, и на стенах с облупившейся штукатуркой, и даже на иконах — застыли темно-бурые пятна, кровавые брызги и подтеки.

«Кровь! — подумал Ключников.— Видимо, тут был фашистский застенок. Тут они пытали наших людей, ломали им кости. И Лизу Андрееву сюда водили перед тем, как повесить...»

Когда он вышел из церкви, то увидел на средине монастырского двора легковую машину.

«Кто же это?» — подумал Ключников и не спеша направился к машине.

Из автомобиля вышли двое в белых полушубках. Николай узнал их — начальник политотдела Брагин и его помощник по комсомолу старший политрук Лосев.

Брагин подал Ключникову руку. В глазах дивизионного комиссара вспыхнули веселые огоньки.

— А газетчик тут как тут! Опередил нас! — Брагин задержал руку Ключникова и энергично тряхнул ее: — Поздравляю вас, товарищ политрук! Получен Указ Президиума Верховного Совета о награждении орденами и медалями красноармейцев, командиров и политработников, отличившихся в бою под Астрачей.

По представлению Гренадерской бригады вы тоже награждены орденом Красной Звезды. Поздравляю!

— Спасибо, товарищ дивизионный комиссар!

Глаза начальника политотдела хитро сощурились:

— Где вы сегодня ночевали, товарищ политрук?

— На сосне.

— Как? На дереве?

— Так точно! На передовой у забайкальцев, на НП командира гаубичной батареи старшего лейтенанта Назимова.

— Небось жарко было там, на сосне-то? Припекало?

— Припекало, товарищ дивизионный комиссар. Даже цыганский пот прошиб...

— Вижу — нос подгорел!...

Ключников, смущенно улыбаясь, снял рукавицу и пощупал кончик носа:

— Это раньше.

— Значит, видели наше наступление?

— Да, видел.

— А здесь чем вы занимались? Нашли что-нибудь для газеты?

Ключников рассказал о том, что видел в церкви.

— Палачи! — нахмурился Брагин.— Вчера наши разведчики вернулись из поиска. Они побывали в тылу у немцев на территории Андреевского сельсовета. Местные жители, очевидцы, рассказывали им, как гитлеровцы (это было в колхозе «Новый быт») расправились с ранеными красноармейцами, попавшими в плен. Фашистские молодчики штыками и прикладами загнали пленных в окоп, облили их бензином и сожгли живыми...

Дивизионный комиссар кивнул в сторону монастырской стены, возле которой раскинулось немецкое кладбище:

— Видели?

Ключников увидел там длинные ряды деревянных крестов необычной формы. Они напоминали немецкие Железные кресты. Тут немцы хоронили только кавалеров этого ордена.

— Эти кресты,— продолжал Брагин,— примета хорошей боевой работы воинов нашей армии. Вы не фото графируете, политрук?

— Нет, не фотографирую,— ответил Ключников.

— А жаль! Ну, пойдемте, посмотрим, кто там по-

коится под сенью этих рыцарских крестов. Любопытно все-таки!

И начальник политотдела зашагал по еле заметной тропинке, занесенной снегом, к немецкому кладбищу. Он подошел к первому ряду крестов, присел на корточки и прочитал имена погибших.

— Здесь, под этими монастырскими стенами, уже давно гниют кости шведских захватчиков. И от этих новоявленных фашистских крестоносцев останется только один прах. А русская земля будет свободной!

Брагин прислушался: из-за города с юго-запада доносилась орудийная и пулеметная стрельба. Дивизионный комиссар посмотрел на часы и, обращаясь к Ключникову, сказал:

— Это наши штурмуют село Лазаревичи. Хотите посмотреть?

— Да, конечно,— оживился Ключников.

— Тогда садитесь в машину. Поехали!

Выехав из монастыря, они свернули направо, на северо-запад. И в этом районе города дымились пожары. И здесь чернели воронки от снарядов и авиабомб, лежали расщепленные телеграфные столбы со спиралями порванной проволоки.

Брагин сидел рядом с шофером. Некоторое время он ехал молча, задумчиво поглядывая по сторонам. Затем на миг оглянулся через плечо на своих спутников и сказал:

— Лазаревичи — это крепкий орешек, один из самых укрепленных пунктов противника западнее Тихвина. Немцы вцепились в него зубами и не хотят выпускать. Наши уже дважды вышибали гитлеровцев из Лазаревичей, но они снова лезли в село, бросали сюда авиацию, танки, свежие пехотные части и опять оттеснили подразделения нашей дивизии, восстанавливая прежнее положение. Но сегодня мы их тут прихлопнем!

Город остался позади. Въехали в лес. Машина свернула налево и помчалась на юго-запад, обгоняя колонны наших пехотинцев, артиллерийские упряжки с пушками, грузовики с боеприпасами. Слева на опушке леса стояли на огневой позиции гаубицы с поднятыми вверх стволами. Справа в сосняке вокруг двух огромных танков КВ сгрудились маленькие танки Т-26. И те и другие были выкрашены в белый цвет.

С той стороны, куда катилась машина начальника политотдела, все сильнее и сильнее доносилась артил-

лерийская канонада, все громче и отчетливее стучали пулеметы и автоматы.

Лес кончился. Впереди в просветах между кустами виднелось поле.

Брагин тронул руку водителя, лежавшую на руле:

— Стоп! Дальше на этом шарабане ехать нельзя, пойдем пешком.

Машина остановилась. Начальник политотдела, его помощник и Ключников вылезли из автомобиля и неторопливо зашагали по дороге.

Отойдя от машины шагов двадцать, Брагин оглянулся и сказал водителю:

— Вернись к артиллеристам и позвони на НП Еременко, передай, что я пошел на переправу. Потом будешь ждать нас здесь.

— Есть!

Они миновали придорожные кусты на опушке леса, и перед ними открылось широкое снежное поле с темными пятнами воронок и отпечатками танковых гусениц. С востока на запад поле было перерезано речкой Тихвинкой. Речка была скована льдом и засыпана снегом, по ее берегам из-под снега ощетинились голые прутья ивняка. Впереди на расстоянии километра прямоугольной заплатой темнел мост через речку. Видно было, как по мосту на ту сторону прополз танк, затем он свернул с дороги направо и скрылся в вихре снега, поднятого гусеницами.

Сзади на дороге послышался стук копыт и скрип полозьев — крупной рысью бежал гнедой мерин, впряженный в широкие розвальни. В санях во весь рост стоял высокий худой красноармеец с рыжими отвислыми усами. Возле него на соломе, вытянув ноги в серых валенках, сидела девушка в шапке-кубанке и в белом халате, натянутом на полушубок.

Брагин остановился и поднял руку. Ездовой осадил лошадь.

Начальник политотдела прыгнул в розвальни и сел возле девушки.

— Вы не возражаете? Мы только до переправы!

Девушка не смутилась и, сверкнув озорными глазами, ответила:

— Пожалуйста, товарищ начальник! Можно и дальше!

— А вы куда едете?

— К своим артиллеристам. Они за речкой.

— Там много раненых?

— Наверно, много. Вон там кутерьма какая!

Ключников стоял в санях на коленях и смотрел вперед. За речкой, на пригорке, метрах в семистах от переправы, виднелись избы. Шесть изб. Еще две недели тому назад в Лазаревичах было сорок домов, но часть их немцы сожгли, а часть растащили на строительство блиндажей и землянок. И сейчас одна изба горела. Над ее крышей бушевало пламя, и к небу поднимался огромный столб черного дыма.

Чем ближе они подъезжали к мосту, тем сильнее слышался грохот боя. Глухие мощные удары гаубиц, пронзительно-звонкие выстрелы противотанковых пушек, сотрясающие землю разрывы снарядов, винтовочно-пулеметная трескотня — все сливалось в мощный гул, словно тут, где-то рядом, грохотал гигантский водопад.

Когда до моста оставалось метров пятьдесят, Брагин первым выпрыгнул из саней на ходу. За ним последовали Ключников и Лосев. И тут Николай заметил, что лед на речке возле переправы залит водой и мост опирается на понтоны.

Навстречу Брагину откуда-то выбежал капитан в зеленой телогрейке. Он остановился в нескольких шагах от начполитотдела и отрапортовал:

— Товарищ дивизионный комиссар! Переправа налажена и работает нормально. Застрявший в реке танк вытаскиваем. Ответственный за переправу капитан Ломоносов.

Выслушав капитана, Брагин посмотрел на село. И все повернулись к Лазаревичам. На пригорок к селу ползли наши танки. На их броне лежали автоматчики. За танками короткими перебежками, купаясь в снегу, наступали пехотинцы. На краю села против полуразрушенной церкви горели три подбитых немецких танка. Наши тридцатьчетверки ползли все выше и выше, стреляя на ходу.

У основания разбитой церкви бешено плясали языки пламени — бил крупнокалиберный немецкий пулемет. От него навстречу нашим танкам и к пехоте летели зеленые пунктиры. В окнах изб тоже плескались огненные струйки — и оттуда на поле тянулись разноцветные трассы.

Возле церкви сверкнула молния и вырос темный конус разрыва. Крупнокалиберный пулемет умолк.

Из-за церкви вылез тупорылый немецкий танк. Он прополз немного вперед, потом стал пятиться назад. На его броне вспыхивали фиолетовые огоньки. Это наши пехотинцы били по нему из противотанковых ружей. Танк вдруг задымился и уполз за развалины церкви. В это время почти одновременно от прямых попаданий снарядов загорелись еще две избы. Пулеметы в них захлебнулись.

— Хорошо! Молодцы артиллеристы! — сказал Брагин.

С неба послышался прерывистый гул немецких самолетов, и над Лазаревичами появились два «мессершмитта». Они летели на переправу.

Капитан Ломоносов шагнул к Брагину:

— Товарищ дивизионный комиссар, прошу в укрытие! — И капитан указал на черневшую в стороне от дороги свежеотрытую щель.

Брагин посмотрел на «мессершмиттов» и не спеша направился к окопу. За ним последовали и другие. Где-то рядом скороговоркой зататакала зенитка. На пути немецких истребителей стали вспыхивать белые облачка.

«Мессершмитты» свернули вправо и, не сбросив ни одной бомбы и не сделав ни одного выстрела, стали уходить.

— Молодцы зенитчики! — похвалил капитан Ломоносов.— Отогнали стервятников!

Брагин оглянулся на капитана:

— Вы думаете, они испугались зенитчиков? Нет!

Подвывающий гул «мессеров» стих, послышался ровный и сильный гул других самолетов. Над переправой появились три советских истребителя.

— Вот кого они испугались,— сказал Брагин.

Наши «ястребки» пролетели над переправой и свернули влево.

Начальник политотдела все еще стоял возле окопа, когда в небе послышался резкий нарастающий свист, переходящий в шуршание.

— Берегись! — крикнул Брагин и спрыгнул в щель.

На речке громко хлюпнуло, и справа от моста, метрах в тридцати, в воздух взметнулся мутный столб воды и битого льда. И снова свист, шуршание и грохот разрыва за мостом. И в третий раз просвистело и хлюпнуло. Затем обстрел прекратился. Первым из щели выскочил капитан Ломоносов. Он побежал к переправе

и через минуту доложил, что мост остался невредим. Дивизионный комиссар и сам уже видел, как по мосту в сторону Лазаревичей шли танки Т-26. С той стороны на переправу катились санитарные машины, шли пешком группы легкораненых красноармейцев.

С запада вдоль речки к переправе крупной рысью бежал буланый жеребец, впряженный в небольшие санки, обшитые узорчатой ковровой тканью. На облучке санок сидел ездовой с широким бронзовым лицом и узкими монгольскими глазами. Он правил к группе военных, впереди которой стоял Брагин. В кузове санок сидели двое в полушубках. В десяти шагах от начполитотдела ездовой осадил жеребца, и буланый застыл как вкопанный, тяжело поводя боками. Из санок выпрыгнул комиссар дивизии — богатырь с квадратной русой бородой — и четким строевым шагом направился к Брагину:

— Товарищ дивизионный комиссар...

Брагин жестом прервал его и пожал руку. Потом спросил:

— Ну, как там дела?

— Наступление развивается успешно,— ответил комиссар дивизии.— Наши танки с автоматчиками уже ворвались в село. Сопротивление противника сломлено. Немцы удирают. Мы преследуем их.

Начальник политотдела вдруг повернулся к своему помощнику:

— Поезжайте в Большой Двор и тащите политотдел в Тихвин.— Брагин мельком взглянул на Ключникова: — Подбросьте политрука в редакцию. Я буду на наблюдательном пункте командира дивизии.

Он сел в санки рядом с комиссаром дивизии. Ездовой натянул вожжи, гикнул на буланого, и санки покатились по свежему следу вдоль речки на запад.

Старший политрук Лосев и Ключников зашагали по дороге к лесу, где на опушке их ждала машина.

X

Над крыльцом пятистенного дома полоскалось белое полотнище с красным крестом. У крыльца стояли две санитарные машины, из которых выносили раненых. Этот дом Ключникову был уже знаком. Он здесь побывал в тот день, когда был ранен в бою под Астрачей.

В перевязочной медсестра осмотрела его рану, укоризненно покачала головой и спросила:

— Почему же вы не приходили на перевязку?

— Никак не мог выбрать время,— виновато пробормотал Николай.

Сестра вышла и вскоре вернулась с врачом Голубевой, которая принимала Ключникова в тот день. У нее был очень усталый вид. Николай кивнул ей, но она не ответила. Молча подошла, посмотрела на рану и холодно и строго взглянула на Ключникова.

— Вы что же, хотите, чтобы мы вам руку до плеча отрезали? — с раздражением сказала она.— Вас это устраивает?

— Извините, доктор,— попытался оправдаться Николай.— Вы сами видите, какая заваруха идет, я все время на передовой!

— Это не оправдание! — повысила голос Голубева.— У нас и на передовой есть санрота и медпункты, вам и там могли сделать перевязку! — И, направляясь к выходу, она на ходу приказала сестре: — После сержанта Костылева — на операционный стол! Потом в пятую палату!

На операционном столе Ключников едва сдерживался, чтобы не закричать от боли. Рану заново обработали. Затем санитарка отвела его в соседнюю избу, в палату № 5, и указала свободную раскладушку возле русской печи, почти на самом проходе. Он разделся и лег под серое суконное одеяло. Раненая рука горела как в огне.

На соседней раскладушке из-под одеяла выглядывала голова, опутанная сплошь бинтами. Лишь в узкую щель виднелись глаза — беспокойные и тоскливые.

На деревянной кровати возле «голландки» в бреду метался черноголовый раненый. Он приподнимался и сбрасывал с себя одеяло, обнажая забинтованную грудь. Сидевшая возле него девушка в белом халате успокаивала его и поправляла постель. Иногда раненый подавал какие-то команды. Голос его звучал гневно и страстно, но слова сливались и Ключников разобрал только одно слово: «Вперед!»

Из переднего угла, где вверху под потолком мерцали иконы, доносился равномерный тяжкий стон.

Когда санитарка, сопровождавшая Ключникова, вышла, Николай подумал с тревогой: «Уложили-таки меня, а в редакции об этом не знают. Как же сообщить?»

— Ключников!

Николай оглянулся на голос. С деревянного топчана — от глухой стены — на него смотрел... капитан Струнников!

— Привет!

Ключников улыбнулся ему:

— Давно вы здесь, товарищ капитан?

— Со вчерашнего дня.

— Куда вас шарахнуло?

— Да стыдно сказать: в ягодицу осколок впился.

— Где теперь ваша Гренадерская?

— Под Липной Горкой. Где-то возле. Чудовского Барака.

— Как там Щукин?

— Его позавчера в Ефимовский госпиталь увезли.

Николай привстал и сел на постели:

— Он что, ранен?

— Контужен. Случилось это на марше. Батальон шел колонной. Щукин впереди. Фрицы драпали. Тихо было. И вдруг — страшный гром. Это немцы взорвали склад с боеприпасами. К счастью, в колонне пострадали немногие — только те, кто шел впереди. Я был в хвосте колонны и отделался легким испугом. А ранило меня на другой день.

Струнников умолк и опустился на подушку. Ключников тоже лег и укрылся одеялом. Раненый, метавшийся в бреду, притих. Николай почувствовал, что боль в руке стала утихать. Он задремал и забылся.

Проснулся Ключников в полночь. Его разбудил крик черноголового. Тот опять бредил. В палате был полумрак. Бледный свет падал с потолка, где висела керосиновая лампа с прикрученным фитилем. Струнников похрапывал, а сосед с забинтованной головой ворочался — не спал.

Вдруг с улицы донесся крик часового:

— Воздух!

Ключников поднялся с постели, подошел к лампе и, встав на цыпочки, еще больше прикрутил фитиль. Затем шагнул к окну, завешенному плащ-палаткой, отогнул край занавески и посмотрел на темное небо. По небу шарили лучи прожекторов. Вот они скрестились, и на месте скрещения сверкнул серебристый крестик. Неожиданно стекла в окнах зазвенели — где-то близко ударили зенитки. К серебристому крестику потянулись нити трассирующих снарядов. А через

несколько секунд лучи прожекторов ушли в сторону, и послышались глухие тяжелые удары. И все смолкло.

Николай опять лег на кровать. И опять тревожная мысль, что Нина тяжело больна, не давала ему покоя. Он продолжал думать о жене. В его воображении за какие-нибудь полчаса промелькнула вся их совместная жизнь от первой встречи в Малиновском клубе до последнего расставания на Казанском вокзале, когда он летом уезжал в Рязань.

«Хорошо, что Нина с детьми теперь в Малиновке,— думал Ключников.— Туда немцы не придут...»

И вдруг в душу закралось беспокойство: «А если и туда нагрянут?»

И Николай живо представил себе: немцы в Малиновке. В ворота Графского парка въезжают бронетранспортеры и танки с черными крестами. Лязгают стальные гусеницы и с треском пожирают кусты сирени и жасмина. Как саранча, кишат в саду немцы. Стучат топоры, падают липы, клены, яблони. Горят костры. Ржут кони. По селу стелется дым, пахнет гарью. Гитлеровцы шныряют по избам, выталкивают на улицу стариков колхозников, жен командиров и политработников Красной Армии и гонят за село к Кислому оврагу...

«Нет, нет, этого не может быть! Этому никогда не бывать! — мысленно запротестовал Ключников.— Мы теперь не те, что были полгода назад. Мы крестились в огненной купели!..»

Няня прошла в передний угол. Николай посмотрел ей вслед и прислушался. Стон под образами прекратился. И черноголовый умолк. Няня через минуту вернулась обратно. Возвращаясь, она склонилась над раненым с забинтованной головой — соседом Ключникова — и о чем-то его спросила. Тот отрицательно покачал головой. Затем она повернулась к Николаю:

— А вы почему не спите?

— Кажется, я уже выспался,— ответил Ключников и в свою очередь спросил девушку: — Вас когда сменят?

— Утром.

— Вы знаете, где находится наша редакция?

— В доме лесника?

— Да. Вы можете передать туда записку?

— Конечно.

Ключников написал записку, няня взяла ее и ушла к черноголовому, который приподнялся на кровати.

Потом Ключников опять уснул и проспал до утра. Его разбудила няня — она принесла завтрак. Это была уже другая девушка, высокая и стройная, с миндалевидными черными глазами и тонким горбатым носом. Ее звали Розой.

— К вам уже приходили,— сказала она Николаю.

— Кто приходил? — спросил Ключников.

— Такой маленький и худой, с двумя шпалами. Я сказала, чтобы он пришел через полчаса.

«Редактор»,— подумал Ключников.

Николай умылся и принялся за еду. Ел и оглядывал палату. В палате на этот раз было тихо — ни стона, ни крика. Черноголовый лежал спокойно и устало смотрел на няню, которая сидела возле него с алюминиевой тарелкой и ложкой. Она тихо что-то говорила ему, а он отрицательно качал головой.

Николай невольно повел взглядом в передний угол, откуда накануне доносились стоны. Там стояла пустая койка.

Струнников завтракал полулежа, тщательно выскабливая тарелку. Роза подсела к забинтованному и стала осторожно кормить его, как ребенка, с ложки.

В палату вошел Сергеев. Он прямо с мороза, а щеки у него, как всегда, бледно-серые. Подал Ключникову руку:

— Поздравляю с боевой наградой!

Николай удивился:

— Откуда вы узнали?

— Был вчера в политотделе... Ну как, рана заживает?

— Да, кажется...

— А радио у вас есть? Сообщение «В последний час» слушали?

— Нет, не слушали. О чем там?

— Об освобождении Тихвина. Передавали, что в боях за Тихвин наша армия разгромила три немецких дивизии... Больше семи тысяч убитых немецких солдат и офицеров...

— А не слышно, как дела под Москвой? — спросил Ключников.

— По радио пока ничего не было, но слух прошел, что и там немцам дали пинка. Вчера к нам в политотдел прибыл один старший политрук. Он рассказал, что наши войска под Москвой перешли в наступление и

немцы теперь удирают из-под столицы во все лопатки.

На душе у Ключникова повеселело. «Вот он, перелом! — подумал Николай.— И двух недель не прошло, как на юге была разгромлена группа немецких войск генерала Клейста и освобожден Ростов. Теперь наша армия нанесла мощный удар частям генерала Шмидта и освободила город Тихвин. И почти в это же время — победное наступление советских войск под Москвой. Удар за ударом!»

— Я слышал, что у вас тяжело больна жена,— озабоченно сказал Сергеев.— Надо бы вам съездить домой...

Ключников отвел взгляд в сторону:

— В такое время? Ничего не выйдет!

— А почему бы? Я говорил с начальником политотдела. Он сказал: «Ладно, подумаем».

Не верилось Ключникову, что он скоро поедет в Малиновку, увидит жену и детей, отца и мать. Кто даст ему отпуск в такое время, когда армия, преследуя противника, продолжает вести ожесточенные бои? Мечтать сейчас об отпуске — только растравлять душевную рану.

Редактор ушел, а Ключников, возбужденный разговором об отпуске, мысленно перенесся в Малиновку. Он ясно представил себе, как входит в родной дом. Он еще и порога не переступил, а к нему уже бросаются Люся и Гриша...

Прошло еще два дня. Ключников отоспался, отдохнул и чувствовал себя вполне здоровым. Рана его больше не беспокоила, он о ней почти забыл. Но боль душевная не утихала. В его воображении часто возникал печальный образ Нины, и всякий раз она смотрела на него сквозь слезы, с тоской и обидой.

Николай не спрашивал, когда его выпишут из госпиталя,— он боялся, как бы Голубева снова сердито не отчитала его, как тогда,— но он искренне хотел скорее вернуться в редакцию и опять с головой окунуться во фронтовую круговерть.

Наступило утро пятого дня. После завтрака Роза с грязной посудой ушла в столовую и минут через

пять вернулась в палату, запыхавшаяся, встревоженная и озабоченная.

— Будьте поаккуратнее! — обратилась она к раненым.— К нам в госпиталь приехал дивизионный комиссар!

Схватив тряпку, она стала протирать пол. Однако протереть его так и не успела. Дверь в палату широко раскрылась, и на пороге появился начальник политотдела армии Брагин. Из-за плеча Брагина выглядывал батальонный комиссар Сидоренко, ведавший в политотделе армии кадрами политработников. За ними в палату вошли начальник госпиталя пожилой лысый врач-терапевт Усачев и врач-хирург Голубева.

Брагин оглядел палату и кивнул раненым:

— Здравствуйте, товарищи!

Голубева подошла к кровати черноголового и жестом указала Брагину на раненого:

— Это комиссар батальона старший политрук Воробьев, из Забайкальской дивизии.

— Как вы себя чувствуете? — спросил дивизионный комиссар Воробьева.

— Ничего, лучше,— еле слышно ответил старший политрук.

— Он два дня лежал без сознания,— пояснила Голубева.— Мы боролись за его жизнь. Теперь опасность миновала.

Дивизионный комиссар взял из рук Сидоренко картонную коробочку и красную книжечку и протянул их Воробьеву:

— Товарищ старший политрук! За ваш воинский подвиг вы награждены орденом Красного Знамени. Поздравляю вас!

Глаза Воробьева увлажнились, он проглотил подступивший к горлу комок и, принимая награду, прошептал:

— Спасибо...

И по его бледным щекам медленно покатились крупные слезы.

Затем все повернулись к забинтованному раненому, и Голубева назвала его:

— Командир танка младший лейтенант Никитин, из танкового полка Подгорного.

Начальник политотдела склонился над забинтованным танкистом:

— Товарищ младший лейтенант! За ваш героический рейд в тыл противника вы награждены орденом Ленина!

И коробочку с орденом, и орденскую книжечку Брагин положил на грудь Никитина.

Младший лейтенант кивком головы поблагодарил начполитотдела.

Николай в сером махровом халате стоял возле своей раскладушки.

— Политрук Ключников, корреспондент армейской газеты,— указала на него Голубева.

— Вижу,— улыбнулся Брагин и шагнул к Ключникову.— Мы знакомы. Как ваша рука, товарищ политрук?

— Все в порядке, товарищ дивизионный комиссар.

Брагин вопросительно посмотрел на Голубеву. Та метнула на Ключникова строгий взгляд и сказала:

— Пока не все в порядке. Еще денька два полежит — тогда, может быть, выпустим.

— Ну, поздравляю с орденом Красной Звезды! — Брагин пожал Ключникову руку.

— Служу Советскому Союзу! — ответил Николай, принимая награду.

— Заходил ко мне Сергеев,— сказал Брагин, оглядывая Ключникова с ног до головы.— Он просил, чтобы я дал вам отпуск по семейным обстоятельствам. Я и рад бы дать, да права такого не имею. Тем более в такое горячее время. Может быть, вот врачи нам помогут. Давайте попросим их, чтобы они после вашего лечения дали вам отпуск хотя бы на недельку. Можно это сделать?

Начальник госпиталя утвердительно кивнул головой:

— Хорошо, мы учтем вашу просьбу.

Когда Брагин и сопровождавшие его вышли из палаты, Ключников подошел к репродуктору и включил радио. Передавали какой-то бравурный военный марш. Марши Николай не любил, однако репродуктор не выключил. Ждал: может быть, передадут сводку Совинформбюро.

Через некоторое время музыка смолкла, и женский голос объявил, что ансамбль Красной Армии исполнит новую песню Александрова и Лебедева-Кумача «Священная война»

Грянул хор мужских голосов — мощно и призывно, торжественно и грозно:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,—
Идет война народная,
Священная война.

Ключников невольно заслушался. Он был удивлен и растроган. Эта песня казалась ему знакомой. Эти слова и звуки будто бы давно уже жили в его душе, с самого начала войны, и вот только теперь они, отчеканенные и отшлифованные, вырвались на простор.

1977—1982

НЕ ПЕРВАЯ АТАКА

I

Солнце уже высоко поднялось над дымным горизонтом, когда Сергей Деревянкин, голодный, измученный и грязный, вернулся из полка, который с тяжелейшими боями форсировал Дон и занял плацдарм на его западном берегу. Надо бы хоть немного поспать, поесть, обсохнуть, успокоиться... Надо! Даже солдаты, участвовавшие в штурме вражеских позиций, после боя приводят себя в порядок, отдыхают. А он не может. Никак, ни при каких условиях. Журналистский долг требует, чтобы обо всем увиденном и пережитом было сегодня же напечатано в газете. Вся дивизия должна узнать о событиях, происшедших вчера на рассвете и ночью, о наиболее отличившихся солдатах и командирах.

Сергей сам это прекрасно понимает. А тут еще редактор стоит над душой и вопрошающе смотрит на него: газету, мол, уже давно надо «запускать» в печать, а полоса, оставленная для очерка Деревянкина, пустая. Никто же, кроме тебя, не напишет. Так давай садись, пиши...

Ждет машинистка, ждут наборщики, печатники, экспедитор, работники полевой почты...

Ждут тысячи читателей. Все ждут, а ты медлишь...

Деревянкин с трудом разомкнул веки, взглянул на стоящих вокруг него товарищей и тяжело опустился на пенек, рядом с которым были замаскированы наборные кассы.

А ноги гудят, ломит руки, стучит в висках. Голова словно чугунная. И все же надо заставить себя вспомнить все как было. С начала и до конца. Со всеми по-

дробностями. Во всех деталях. Вспомнить и написать. Надо, Сергей. Надо!

Деревянкин резко встряхивает голову, прижимает ладони к вискам, напрягает память, и перед его мысленным взором оживают картины вчерашнего дня...

II

— Батальон, смирно! — И повернувшись направо, старший лейтенант Даниелян, стараясь не показать, как болит раненая нога, и потому ступая особенно четко, торжественным строевым шагом подошел к стоявшим поодаль командиру полка Казакевичу и комиссару полка Мурадяну.

Утреннее донское солнце скользило по истрепанным, но щегольски начищенным сапогам комбата. Правая нога заныла, но Даниелян, словно в отместку за боль, жестче отрубил последние шаги и вскинул руку к выцветшей, ладно сидевшей пилотке:

— Товарищ подполковник! Батальон по вашему приказанию построен!

— Вольно! — отдав честь, скомандовал подполковник.

— Вольно! — обернувшись к поредевшему в недавних боях батальону, по-мальчишески звонко и задорно выкрикнул комбат, знавший, как важно голосом, выправкой, улыбкой поддержать и вдохновить своих ребят.

Сам старший лейтенант Даниелян некоторое время оставался в положении «смирно», внимательно глядя на бойцов, на командира роты лейтенанта Антопова, на взводного младшего лейтенанта Германа, на отличившихся в контратаке солдат Захарина, Бениашвили, Черновола. И они, видя блестящие глаза комбата, уловив нечто чрезвычайное и в его голосе, и в стойке «смирно», сами еще больше подтянулись. И хотя батальон не сдвинулся с места, он будто стал плотнее, точно и погибшие и раненые — все до одного заняли свои места и приготовились слушать командира полка.

— Друзья!..

Еще на рассвете подполковник с комиссаром полка тщательно обдумал свою речь, но начал сейчас еще теплее, потому что ощутил такую слитность бойцов и

офицеров с собой, такое единство, которое исключает всякую официальность. Он прошел с фланга на фланг, остановился и в третий раз как-то уж очень доверительно и тихо сказал:

— Дорогие друзья!..

И остановился. Замер перед батальоном, как перед знаменем. Потом заговорил по-командирски твердо и уверенно:

— В недавнем бою вы доказали, что ваш батальон сто́ит целого полка. Ни один раненый и убитый не упал лицом на восток, только на запад. Вы смогли выдержать то, что не смог вынести металл. Броня сплющивалась и плавилась, а вы стояли. И наш фланг, весь наш фланг устоял, потому что ваше мужество было беспримерным. Многие отличившиеся представлены к наградам. Но все вы, все как один, заслуживаете самой высокой похвалы и самого высокого доверия.

Тут политруку — корреспонденту газеты «Красноармейское слово» Сергею Деревянкину показалось, что подполковник одобрительно посмотрел и на него, Сергея, тоже дравшегося южнее Воронежа и потом в силу своих способностей сумевшего достоверно описать в газете подвиги своих товарищей.

— Еще не затихли выстрелы, а ваши боевые дела уже вошли в историю,— будто уловив мысли корреспондента, продолжал командир полка Павел Константинович Казакевич.— И листки нашей дивизионной газеты будут в грядущем перечитывать люди, как страницы легенд. Спасибо! Я обнимаю вас всех, обнимаю взглядом и сердцем эту придонскую землю, истерзанную, измученную, окровавленную. Я знаю, что Родина и партия могут положиться на нас и впредь. И они положились на нас: они доверили нам и вашему батальону первым начать форсирование Дона, начать переправу, чтобы обезглавить вражескую оборону на том берегу, чтобы стать первыми в наступлении, которое будет, клянусь вам своей честью, будет!..

Подполковник уступил место комиссару, и ба тальонный комиссар Мурадян, четко выговаривая слова, продолжил мысль командира полка:

— Партия бросила клич «Ни шагу назад!». И мы откликнулись. Теперь приближается, близок день, когда мы услышим «Вперед!». И от того, как,— он особенно подчеркнул это слово,— от того, как будут действовать передовые группы, зависит исход наступ

ления. Форсировать Дон в районе Селявного — трудная и опасная задача. Сейчас мы никому не приказываем. Мы хотим создать группу добровольцев. Нужна разведка боем, которая положит начало всему. Я верю, что, как и всегда, коммунисты и комсомольцы будут первыми. Но предупреждаю, что требуются не только отличные солдаты, но и отличные пловцы и даже альпинисты. Вон там гора Меловая,— и он указал вдаль, где на том берегу возвышалась гора.— Меловая — первая точка, которую мы должны будем взять, закрепиться и, господствуя над окружающей местностью, прикрывать огнем остальных переправляющихся... Добровольцы есть? Два шага вперед!

Когда командир роты связи старший лейтенант Горохов шагнул вперед, он увидел, что и слева и справа вышли из строя Антопов, Герман, Захарин, Черновол, Бениашвили и работник дивизионной газеты «Красноармейское слово» Сергей Деревянкин.

«Какой молодец! — подумал Горохов о Сергее.— Всюду первый. И здесь тоже. Вот тебе и журналист, интеллигенция, так сказать!.. И знает, что дело смертельно опасное, а шагнул, считай, раньше меня. Так мне-то это и нужно: кто же первый связь протянет, если не мои хлопцы... А он?.. Если он будет в каждый бой лезть — его надолго не хватит».

Ефим Антопов — командир девятой стрелковой роты, шагнувший вровень с другими, повел глазами и мысленно прикинул: человек сорок... А люди все выходили и выходили вперед из строя.

...Отобрали лучших из наиболее отважных бойцов. Учитывали все: характер, выносливость, умение плавать, преодолевать горные преграды. Комиссар Мурадян с радостью подумал, что в этой первой штурмовой группе и русские, и украинцы, и армяне, и грузин, и татарин... Словно представители многих народов слились воедино, чтобы первыми начать штурм и освобождение донской земли. А почему не видно среди добровольцев Чолпонбая Тулебердиева? Вот никогда не думал, что он... А впрочем... возможно... Он отличился и показал себя позавчера. Не был ранен... Но всякое может быть... Такой славный парень. Да и какой очерк написал о нем Деревянкин... Да...

И тут, когда батальону уже разрешили разойтись, Мурадян увидел знакомую фигуру молодого киргиза, рядового Чолпонбая Тулебердиева. Тот с озабоченным

выражением лица бежал к командиру отделения сержанту Захарину. Отдал честь.

— Товарищ командир отделения, разрешите обратиться к командиру взвода,— произнес он обиженным голосом. И узкие, чуть надломленные у концов брови сошлись на переносице.

— Разрешаю,— быстро отозвался Захарин.

— Товарищ командир взвода! Разрешите обратиться к командиру роты,— тем же голосом, но еще более настойчиво начал Чолпонбай Тулебердиев, когда встал перед высоким младшим лейтенантом Германом. Умные, большие, чуть печальные глаза младшего лейтенанта на миг недоуменно вспыхнули и улыбнулись.

— Разрешаю!

Чолпонбай помчался к командиру роты, обогнал его на несколько шагов, повернулся, подошел строевым:

— Товарищ командир роты, разрешите обратиться к командиру батальона?

Антонов, любивший Чолпонбая и всегда старавшийся содействовать этому парню, остановился.

— Очень нужно?

— Очень!

— Обращайтесь.

От командира батальона Тулебердиев направился к комиссару полка.

— Товарищ комиссар! За что так обижать? За что? — В голосе слышался упрек и какая-то внутренняя боль.

— Кого, товарищ Тулебердиев? Да опустите руку. Вольно! Опустите руку, говорю. Чем вы обижены и кем?

— Я же после смены отдыхал, на посту ночью стоял. А меня не предупредили, не подняли... В строю я не был, когда вы говорили...

— О чем?

— О добровольцах, товарищ комиссар! Очень прошу!

— Но ведь мы уже отобрали...

— Поэтому к вам обращаюсь, товарищ комиссар, несправедливо это.

— Но ведь нужны пловцы, хорошие, очень сильные, выносливые.

— Я плаваю хорошо! — не задумываясь, похвалил себя Чолпонбай, хотя в Киргизии плавал мало. И снова торопливо заговорил: — А по горам в Тянь-Шане я натренировался. Поверьте, очень прошу. Или если мне

еще комсомольского билета не выдали, то и доверить нельзя?

— Хорошо, я попрошу за тебя командира полка,— пообещал комиссар.

III

Судя по всему, ночью, перед самым рассветом, в районе Селявного группа под командованием старшего лейтенанта Горохова должна была начать переправу через Дон. Начать бесшумно и быстро.

Дзоты и блиндажи, множество траншей и окопов, ряды колючей проволоки, противотанковые и противопехотные мины — все это было на том берегу, все это надо было преодолеть.

Благодаря данным разведки наше командование нащупало наиболее уязвимое место в самом, казалось бы, недоступном районе — у Меловой горы. Сюда, скрытно перегруппировав силы под самым носом у противника, ночью перебросили стрелковую дивизию.

Выделенные штурмовые отряды должны были форсировать Дон вслед за добровольцами.

Пока артиллеристы засекали и уточняли огневые точки противника, а танкисты изучали местность, группа, командиром которой был назначен старший лейтенант Горохов, в глубокой тайне готовилась к переправе. Раздобыли, спустили на воду и замаскировали лодки. В плащ-палатки запихивали сено. Получались своеобразные плотики. На них сверху можно положить оружие, боеприпасы, но, кроме всего, эти необычные сооружения могли выдержать и человека.

Горохов в бинокль рассматривал место высадки. Метр за метром изучал подступы к Меловой горе.

Внимательно глядел за Дон и Чолпонбай. Все видели, все подмечали его острые глаза, словно бы он уже в лодке переплыл через Дон. Вот он затаился в пойме, начал подниматься по тому уступу, по тем выбоинам, подтянулся, ухватившись за куст. Нащупал ногой выбоину, укрепился. Встал на кривой камень... А потом, вжимаясь в камень, пополз дальше — теперь можно оглядеться. Ведь дзот справа в расщелине. Замаскирован. И в бинокль не разглядишь... Не сразу увидел его, этот холмик свежей земли, покрытый жухлой травой. Не видно никого, нет и движения, словно правый берег

вымер. Но не дураки же немцы, чтобы обнаружить себя и свои дзоты. Дзоты или доты?

Горохов именно эту тропку, этот дзот наметил Чолпонбаю. Но вдруг там, за камнем, может, еще дот или дзот? Всего в бинокль не увидишь. Да и глаза устали от напряжения. Но чудится, что ли: синеватый дымок вьется там, и птицы почему-то не садятся около этого камня. Не там ли этот злополучный дзот, который огнем сможет отсечь дорогу нашим? Если же мы возьмем его, то наш путь будет расчищен.

Рядом с Чолпонбаем в окопе Сергей Деревянкин. Он старался держаться как можно спокойнее. Сергей знал, что непроизвольное движение, жест, неосторожное слово могут выдать его, обнаружить то, что он хотел бы скрыть, не показать своему другу. Изредка только вздохнет в утайку, вспомнив про письмо, что лежит в нагрудном кармане...

А сердце билось чаще, губы пересыхали, волосы поднимались и, кажется, приподнимали пилотку; какое-то странное оцепенение сковывало руки и язык. То, что лежало в нагрудном кармане гимнастерки, весило так много, что тяжесть выдавливала из губ Сергея какой-то непонятный шепот. Деревянкин тоже глядит и глядит туда за Дон, где поднялась клыком в небо Меловая гора. Отсюда она кажется черной.

— Почему вздыхаете? Что, вас не пустили? Жалко, что не в первой группе идете? Да?

— Да, Чоке.

— Ничего, друг, там,— Тулебердиев махнул рукой за реку,— встретимся. Вместе будем, да?

— Да, друг! — ответил Деревянкин.

...Рано умер отец Чолпонбая. Всю заботу о семье взял на себя Токош — старший брат. Он заменил Чолпонбаю отца. Воспитывал его, защищал, кормил, выхаживал, когда тот болел. Разница в возрасте всего несколько лет, но младший брат любил старшего и преклонялся перед ним, считая его (как и многие в ауле) человеком особенным, рожденным для большой и славной жизни. Об уме Токоша, о его честности и справедливости шла добрая молва. И пожилые не считали для себя зазорным посоветоваться с ним. А его доброта, а сердечность...

Сергей переписывался с Токошем. Дружил с ним заочно. Токош, воевавший на другом фронте, горячо интересовался братом, давал дельные советы, раскры-

вал не сразу заметные черты Чолпонбая. Он, например, открыл ему, Сергею, что Чолпонбай с детства мечтал о подвиге, но об этой мечте знал один Токош. Словом, просил приглядывать за ним.

И вот уже несколько дней в кармане Сергея лежит письмо из воинской части, от командира роты: «Товарищ политрук, обращаемся к Вам, как к другу рядового Токоша Тулебердиева и его брата Чолпонбая. В бою под Ржевом рядовой Токош Тулебердиев до конца выполнил свой долг солдата. Из противотанкового ружья он уничтожил два танка противника, раненный, не оставил поле боя, вторично был ранен в правую руку, левой продолжал бросать гранаты. Пал смертью храбрых. Мы нашли в его вещмешке письма и Ваш адрес. Вам и пишем. Просим обо всем сообщить его брату. На родину Т. Тулебердиева мы послали письмо с указанием места захоронения. Скорбим вместе с Вами. Мы отомстим врагу за нашего общего друга. Ст. л-т Кругов».

Сергей знал наизусть это короткое письмо. Сейчас, лежа в окопе и наблюдая за другом, он промолчал, услышав слова Чолпонбая о том, что «брат что-то не пишет. То через день, а то... понять не понимаю... Уж не случилось ли с ним чего?».

Хорошо, что Сергей часто вот так запросто приходил в гости к другу. И Чолпонбай еще ничего не подозревал. Но сегодня Сергей пришел, чтобы решить: показать ли письмо или подождать? Подождать? Но чего? Показать? Но зачем? Ведь такую потерю перенести нелегко, да еще перед ночной схваткой.

Ну так сказать или нет? А какое, собственно, право я имею скрывать это? Какое? Право друга, оберегающего... От чего? От правды, хотя и страшной правды? Мама учила меня поступать с другими так, как я хотел бы, чтобы поступали и со мной... Ну как бы я хотел?.. Прямо головоломка... Подготовить бы его? Да, наверно, постепенно надо подготовить, незаметно, исподволь.

— Вы что-то от меня скрываете? — спросил Сергея неожиданно Чолпонбай, отложив бинокль в сторону и по-детски ладонью протирая глаза.

— Откуда ты взял?

— Ниоткуда! Просто никогда вас таким не видел.

— Каким?

— Темным, как туча...— И Чолпонбай сдвинул брови, показывая, как темна туча.

— Тебе просто так показалось.

— Вы уже несколько дней такой... Будто потеряли чего. Будто потеряли близкого человека, брата потеряли. Я чувствую, что у вас сердце болит. Вон даже губы пересохли. Но почему со мной не поделитесь? Мы ведь никогда ничего не скрывали друг от друга, а беда, если ее разделить с другом, так вдвое меньше будет. Может быть, я вам чем-нибудь помогу?

Сергей чувствовал, как при каждом слове друга горло его сжимает невидимая, но цепкая рука. Он силился улыбнуться, но губы искривила гримаса.

— Неужели даже мне сказать не можете? Может, с девушкой, с Ниной, может, что? Ну скажите, скажите...

На противоположной стороне раздался выстрел. Дрогнула земля. Чолпонбай поднял к глазам бинокль, и оба перевели взгляд на реку.

Удивительна судьба военного журналиста! Сколько нового, значительного видишь и познаешь каждый день. Столько хороших людей встречаешь на жестоком фронтовом пути, что собственные переживания, собственная жизнь вроде бы и не в счет. Вроде бы и не живешь ты сам, занятый чужими судьбами. Да и разве чужие они, эти жизни и судьбы? Видимо, не зря говорят, что у журналиста не одна, а десять, сотни жизней. И впрямь, написать что-либо дельное о человеке можно только тогда, когда переживешь, прочувствуешь то, что пережил и прочувствовал он, другой человек. Каждый новый очерк — это чья-то жизнь, которая стала частью твоей собственной жизни.

И правду говорят, что порою встреча становится судьбой. Конечно, как ее понимать, эту судьбу? Однажды Сергей Деревянкин зимой спешил в штаб стрелкового полка. На снежной, еще не очень разъезженной, но дважды разбомбленной проселочной дороге встретились ему молодые солдаты в новеньких шинелях. Новобранцы только что прибыли из запасной кавалерийской дивизии.

Сергей по своей всегдашней привычке, все прибавляя и прибавляя шаг, бегом обгонял строй. Но на обочине споткнулся о кусок тележного колеса, чуть было не упал и почему-то сконфуженно оглянулся.

На него с каким-то участием, очень по-доброму смотрели ясные черные глаза. На секунду Сергей остановил свой взгляд на этом молодом смуглом скула-

стом парне. Только это лицо и увидел Сергей, будто бы и не было вокруг больше никого.

Позже он опять увидел этого парня уже в штабе полка. И снова отметил, какие выразительные у него глаза.

У Сергея тогда было задание написать очерк о молодом бойце батальона, который только что выбил немцев из деревеньки. Уточнив дорогу, он заторопился к месту недавнего боя. Шел и все время вспоминал почему-то широкоскулое загорелое лицо, ясные черные глаза человека, видимо точно знавшего, ради чего он надел шинель, во имя чего пересек огромные пространства, чтобы здесь с винтовкой в руке влиться в солдатские ряды. Свет его глаз словно бы исходил из самого сердца.

Давно ли сам Сергей таким же юным учился в военно-политическом училище в Житомире. Давно ли бережно хранил номера «Пионерской правды», где были (центральная пресса!) помещены две его заметки и небольшое стихотворение о Пушкине! Давно ли! Как потом с двумя кубарями в петлицах был комиссаром разведроты в танковой бригаде, вел дневник. Как восторженно читал ночью в Перемышле стихи Пушкина, в ту самую ночь, когда началась война. И как тогда в первый же день войны за какой-то огромный непреодолимый барьер было отброшено детство и юность, работа в районной газете, куда его пригласили как активного и способного селькора. И как-то ясно всплыли в памяти слова редактора газеты. Он знал отца Сергея, воевал с ним, хорошо помнил его и сказал, что Сергей очень похож на отца. А отец Сергея, неграмотный мужик, был человеком смелым в бою... В гражданской войне имел отличия. И погиб смертью героя...

Сергей шел по вечереющему молчаливому лесу, удивляясь этой вот тишине и тому, что не встретил никого. По мере приближения к деревне он все острее, просто физически чувствовал подстерегающую его беду. Может быть, поэтому и не сразу вошел в деревню. Он предусмотрительно (война научила предосторожности) остановился и долго рассматривал околицу, улицу, что совсем близко подступала к обожженным деревьям березового леса.

Было тихо и пустынно. Ни голосов, ни серых солдатских шинелей. Очень осторожно, от дерева к дереву начал Сергей приближаться к деревне, уже совсем

успокаиваясь и поругивая себя если не за трусость, то уж, во всяком случае, за то, что нервы расшалились. Вот он уже шел вдоль подлесной улицы. По-прежнему вокруг было тихо. И опять подумалось: «Чего это я заосторожничал?» И бодро зашагал напрямик через огороды к домам.

И тут, когда он совершенно успокоился и вошел в деревню, в вечерних серых сумерках у самой большой избы, четвертой справа, увидел немецкую грузовую машину с откинутым задним бортом и гитлеровцев на ней. Они передавали из рук в руки какие-то ящики и весело переговаривались.

Сергей опрометью кинулся к лесу...

А тем временем командир полка отдал распоряжение отправить в эту деревеньку новобранцев, среди которых находился и Чолпонбай Тулебердиев. Тот самый молодой киргиз, на которого обратил внимание Сергей, когда спешил в деревню. Сообщение об увиденном было неожиданностью. Командир полка вынужден был отменить свое приказание, хотя и обидно было признать, что немцам удалось потеснить второй батальон и закрепиться в деревне.

Вот с той поры Чолпонбай Тулебердиев и считал, что его друзей и его самого выручил Сергей Деревянкин. И хотя сам Сергей скоро забыл об этом мимолетном эпизоде и даже не сделал в записной книжке ни одной пометки, Чолпонбай не забыл ничего и привязался к политруку. Ему, Сергею, первому рассказал, первому и единственному, о любимой Гюльнар и о брате Токоше, дал его адрес.

IV

Чолпонбай и Сергей долго и молча смотрели на правый берег Дона.

«Если мне так тяжело, то каково же будет ему? А если завтра, вернее, этой ночью перед рассветом что-нибудь случится со мной? Кто же тогда скажет ему? Нет, я должен, обязательно должен сказать правду...— думал Сергей.— Кажется, война сняла все заботы, кроме одной — быть солдатом-журналистом. Но сколько тревоги может уместиться в одном сердце, как рвется оно сейчас, при виде друга, который ничего не подозревает, а ведь это вроде мины, подложенной на его пути.

Или не мины, а бомбы замедленного действия. Идут минуты, секунды, но сработал механизм — и все!

Сколько атак повидал, не в одной побывали вместе с Чолпонбаем, но вот эта атака, она намного страшнее... Как выдержать ее? Как победить?

И все-таки — жизнь... Небо это, эти горы, лозняк, запах реки, чебреца... Запах земли в окопе... Довольно, довольно, а то и так Чолпонбай встревожился.

Да, не первая атака. А что ей противопоставить? Нельзя же так сдаться?! Чем укрепить себя и друга для новых атак, в которых мы должны взять верх? Скажем, в завтрашней атаке... Может быть, мысли о том, как вели себя товарищи до самого конца, может, именно эти мысли, эти образы убитых, но не сдавшихся, убитых, но не побежденных, помогут и нам в нашей не первой атаке...

Опять эти мысли не дают сосредоточиться».

Медленно поворачиваясь, заливаемая набегающими мелкими волнами проплыла обугленная оконная рама. К ней то прижимался, то отставал от нее обломок наличника... Потом дерево показалось. Вот оно ближе, ближе. Это — береза, вырванная с корнем. Верно, вырвало взрывом. Еще остатки земли судорожно зажаты в скрюченных пальцах корней...

Камыш глухо шумит. Он точно машет прощально, тянется, клонится, как бы силясь уцепиться за ветки березы, за распластанные по воде пряди листвы, за эти скрюченные корни. Уцепиться, удержать, вернуть. Вернуть недавнее былое, покой тихого Дона... Но сейчас, в августе 1942 года, недавний покой неправдоподобно далек.

Береза и впрямь замерла перед окопом, чуть-чуть развернулась, пытаясь выпростать листву из воды... Почти невидимый, почти неслышимый всплеск. И круги по воде, до самого берега, до самого камыша.

— Такой цвет у березы, как у снегов на наших горах... Так и кажется, что это наши снега, наши горы...— Чолпонбай отодвинул широкой ладонью автомат, будто оружие мешало ему в этот миг увидеть далекую Киргизию, знакомые с детства горы, свой аул, лица милых и родных ему людей. Он вспомнил пограничников, к которым наведывался в детстве и с которыми у него и у брата Токоша была горячая дружба. Часто они выполняли задания пограничников по охране границы, не раз получали благодарности от начальника погран-

отряда. Все это он теперь вспоминал с каким-то необъяснимым чувством радости. Ведь он вначале и призван-то был в погранвойска, но вскоре попал на фронт.

Сергей локтем как бы невзначай дотронулся до локтя Чолпонбая. И тепло одного проникло сквозь побелевшую ткань выжженной солнцем и кострами гимнастерки к другому.

Августовская земля, серая от пепла, еще согревала, звала прижаться, надолго прижаться к ней и не покидать ее... А небо, странно безмятежное, лучилось, сверкало равнодушной лазурью, и на мгновение переставало вериться, что под этим таким безмятежным небом по всему фронту бьют орудия, движутся танки, проносятся наши и вражеские самолеты. Гитлеровцы рвутся к Волге, Кавказу, в Крым, к сердцу Родины — Москве...

Сергей Деревянкин перевел взгляд с ослепительного неба на березу, стараясь запомнить черно-белые штрихи ее коры. Они, эти черно-белые штрихи, показались ему мелкими волнами, а потом вдруг вся река представилась поваленной березой, лесом его детства, его юности, его молодости.

Лес! Какое это чудо природы! Когда думаешь о нем, то перед тобою встают и могучий сосновый бор с уходящими в небо стройными колоннами-стволами; и веселая, ослепительно белая березовая роща — краса и гордость российских лесов; и хмурый, мшистый, задумчивый ельник; и кряжистые столетние дубы-великаны; и нежная, всегда нарядная — весной в белых цветах, а осенью алеющая своими плодами — рябина; и великое множество самых различных пород лиственных и вечнозеленых деревьев — пихтач, бузина, липняк, лиственник... Целый лесной океан — дивная краса наша, сила и богатство человека.

Лес защищает почву от эрозии и истощения, бережет воду, украшает нашу жизнь. О густые зеленые деревья разбиваются свирепые суховеи. Лесные полосы гасят пыльные бури и задерживают снег для весенней почвенной влаги. «Сколько же еще услуг и добра принесет лес человеку?» — думал Сергей.

А сейчас он, лес, как и большинство живых существ,— в страшной беде. Его так же варварски уничтожают фашисты. Бомбы, снаряды, пули наносят ему смертельные раны. Тяжело видеть все это. Сердце сжимается до боли...

Вспомнилось Деревянкину мирное время. Особенно

когда работал в районной газете. Бывало, не дождешься воскресенья. С утра — в лес. Как приятно дышать его чистым прохладным воздухом, зачарованно слушать успокаивающий и уносящий куда-то в далекие миры шелест листвы и разноголосое щебетанье птиц. Лес быстро снимал усталость и напряжение. А сколько людей проводило время за сбором грибов. «Опята!», «Подберезовики!», «Сыроежки!», «Белые!» — разносилось по лесу...

Безмолвный и покорный лес. Ты всегда верно служил и служишь человеку. Вот и сейчас, в дни войны, сколько у тебя «профессий»? Великое множество! Людей укрываешь от глаза вражеского, от воздушных бомбардировок, артиллерийских и минометных обстрелов, от зимней стужи и яростных осенних дождей. А сколько согрел ты солдат в надежных землянках, покрытых двумя-тремя накатами из стволов деревьев.

А лесные завалы?! Сколько раз они преграждали путь врагу, задерживали движение его танковых колонн! Леса — союзники и верные друзья партизан. Они чувствуют себя здесь как дома: немцы боятся углубляться в леса, где из-за каждого дерева, из-за каждого куста их подстерегает смерть...

Деревянкин снова как-то неловко повернулся и зацепил Чолпонбая. Тот встрепенулся и, уставившись политруку в глаза, долго рассматривал его типично русское, усталое от бессонных ночей и переживаний лицо, морщинистый лоб. Наконец он заговорил. В голосе его чувствовалась тревога.

— Странные у вас глаза, товарищ политрук! Очень странные. То прямо стальные, то темные, а сейчас очень грустные. А ведь ничего не боитесь, знаю. Не раз ходили в атаку. Что сегодня с вами? Вы чернее тучи. Скажите!

— Талантливый ты, Чоке, коль русский язык так хорошо освоил. Прямо поэт! — отшутился Сергей, потом достал блокнот и стал что-то записывать.

Чолпонбай с уважением следил за быстрой рукой Сергея, за карандашом, выводившим строку за строкой, точно бегущим по невидимой тропинке и оставлявшим за собой четкий след.

Странное дело: немало рассказал Чолпонбай о себе, а вот сам ни о чем никогда не расспрашивал Сергея. Чолпонбай пристальным взглядом охотника и следопыта еще тогда, на зимней снежной дороге, сразу выде-

лил политрука Деревянкина. Этот журналист умел слушать. Он мог бы на минуту заглянуть в окоп, спросить фамилию, звание, номер роты и взвода — и все. Ведь заметки в дивизионной газете были очень короткими. Но нет, политрук ел с солдатами из одного котелка, и с ним, с Чолпонбаем, ел, спал в окопе, ходил в атаки, дважды заслонил его в штыковой, а после, когда все отдыхали, сочинял заметки и бежал в редакцию, чтобы скорее снова вернуться в окопы.

И когда кто-то сказал, что трудно на войне солдату, Чолпонбай возразил, что труднее политруку Деревянкину. И все во взводе с ним согласились. Он рассказал о том, что Деревянкин был ранен на второй день войны, что нет добрее человека, чем он, Сергей.

— А Дон — большая река? Длинная? — вдруг спрашивает Чолпонбай и всматривается в медленно текущую реку, точно пытаясь определить ее длину.

— Почти две тысячи километров.

— И всюду кровь. Знаете, Сергей, на заре мне кажется, что река окровавленная.

Оба смотрят на Дон. На медленно текущую воду, как и на огонь, можно смотреть бесконечно.

Сергей старается не думать о письме, о гибели Токоша и вспоминает свое село Студеное в Воронежской области. Вот ручеек, который они запруживают, чтобы в накопившейся воде отмачивать коноплю. Мать одна, совсем одна. Отец — солдат, георгиевский кавалер, воевал в гражданскую на стороне красных и пал в бою где-то тут на Дону. Даже фотографии отца не осталось, есть только смутное, какое-то расплывчатое изображение человеческого лица. Мама бережно хранит снимок, по вечерам достает, подолгу рассматривает его, а на рассвете — опять на ногах. Все бегом да бегом, все жалея детей, все сама да сама. Мама, мама! Вышла потом замуж второй раз, появились братья и сестры, а достатка по-прежнему не прибыло. Топал Сережа в школу в обносках, а чуть снег стаивал, то и босиком — лишь бы учиться.

Рано появилось желание попробовать самому сложить несколько слов в строку, и поразиться созвучию, и затихнуть в изумлении перед каким-то волшебством преображения обычных слов в музыку. Мальчишка еще и не знал, что он повторял недавно слышанные стихи, а потом не заметил, как произнес свои строчки. Както попробовал описать свое село, своих односельчан.

Потом два года не учился. Не в чем было ходить в пятый класс: семилетка была в соседнем селе — в пяти километрах... Если бы не поддержка учителя... Наведался он однажды к матери и говорит:

— Анна Николаевна, надо Сереже учиться: способный мальчик, обязательно надо...

И здесь опять изведал силу слова Сережа. И мама и отчим послушались учителя. Как-то обернулись, перебивались с хлеба на квас, а семилетку он все-таки окончил. Мать часами просиживала за прялкой, ткала свое домотканое рядно, крутилась еще быстрее, лишь иногда приговаривая: «Лихоманка ты этакий». Может, она обращалась так к жизни или к неудачам, но детей не бранила, не била, а, сидя за самодельным станком, нет-нет да и поглядывала на Сережу. Гордилась, когда сельчане замечали:

— Башковитый парень растет. Смотри, чуть не до первых петухов над книжками сидит, да с тетрадями возится.

Кто знает, может, потому, что мать так гордилась им, Сережа учился все лучше и лучше, даже реже стал лазить за антоновкой в чужие сады...

Деревянкин словно очнулся. Почему-то так сладко и свежо вдруг запахло яблоками.

— Антоновка, белый налив, анисовка,— вслух произносит Сергей, а сам все думает о родном селе, о матери. И локоть Чолпонбая тесней прижимается к его локтю.

— Яблоки такие! Знаю! Токош их очень любит,— улыбается Тулебердиев. Узкие глаза его еще больше сощуриваются, излучая добрый свет; он вспоминает детство. Ведь власть детства над нами так велика, что мы не раз и не два возвращаемся к своим истокам, сами не постигая, какими силами питают нас они.

Да и детство не покидает нас.

Медлителен, почти недвижим Дон, глубока и холодна вода его. Вот он тихо и мягко тычется волной в берег.

А Чолпонбай видит горную речку, себя, мальчишку, и своих товарищей. Они борются, стараясь положить друг друга на лопатки. Вдруг Ашимбек неловко шагнул, оступился, сорвался в горную речку. А та словно ждала этого: подхватила, понесла мальчонку, поволокла к водопаду. Вот он уцепился за камень, и все

радостно закричали: спасен! Но река заскользила, и мощный поток еще быстрее повлек растерявшегося школьника к водопаду. Все оторопели. Пришли в себя, когда увидели, как замелькали пятки Чолпонбая по прибрежной тропинке, как он, все прибавляя шагу, ринулся в холодную бурлящую стремнину. И хотя плавал плохо, расшиб до крови колени и локти, все же сумел подхватить тонущего, захлебнувшегося друга. Спасая, сам чуть не угодил в пасть водопада, в каменную бездну... Но не угодил! Уцелел! Зато потом ребята только его и выбирали командиром, когда играли в войну с басмачами.

И разве не пену бешеной горной речушки напоминала Чолпонбаю пена, срывающаяся с губ коня, когда на скачках в районном или областном центре он, еще безусый, оставлял позади себя прославленных джигитов.

Отары овец вдруг увиделись ему... Их пасет он каждое лето с Токошем в горах... Серой пенистой волной переваливаются через горы эти живые неутомимые существа, а чуть выше белеет застывшая вечная пена снегов, и обнимают их альпийские луга. Зовут к себе горы, горные долины...

Когда отец, бывало, заводил песню, рассказывал о тяжком бремени байской власти, давившей дехкан, тогда и раздолье, и богатство родного колхоза виделись особенно четко, и хотелось сделать что-то такое, чтобы всем, всем вокруг стало хорошо, стало еще лучше оттого, что есть он — Чолпонбай.

Чудилось, что белизной снегов отливают глаза сокола. Чолпонбай садится на коня, берет сокола на плечо... И пружинят поля, горы; летят навстречу краски родной земли, сливаясь в радугу, а он, молодой охотник, чувствует, что и сам, как сокол, на плече земли, и вот-вот взлетит.

А охота на волков... Не думал, что так скоро придется целиться в живого врага, настоящего, но более хищного, чем зверь. Вслед за старшим братом Токошем ушел на фронт и он, младший — Чолпонбай.

Солдатская форма еще больше сблизила его с товарищами. Он приобщился к могучему братству и радовался новым друзьям. Они согревали его, делали стойким, смелым, мужественным. Развивали те качества, которые он приобрел еще с детства в дружбе с пограничниками.

V

Тишина... Такая обманчивая тишина, какая может быть только на фронте, на переднем крае. И вдруг неожиданно прошила ее, прожгла пулеметная очередь.

А помнишь, Чолпонбай, июль 1942 года? Помнишь ли ты этот июль, Сергей Деревянкин?

Тогда, превращая день в ночь, а ночь в день, целую неделю потрясал землю и реку огненный смерч. Винтовочные выстрелы и автоматные очереди тонули в пулеметной пальбе, а непрерывный лай фашистских пулеметов захлебывался в вое артиллерийской канонады.

И так день и ночь, день и ночь...

Реку располосовали трассы пулеметов, кромсали мины и снаряды. На землю страшно было смотреть. Вся изъязвленная воронками, обожженная, растерзанная, она стонала, но, как родная мать, щедро давала приют стрелковой гвардейской дивизии.

И когда гитлеровцы бросались на восточный, казавшийся им мертвым берег, он оживал, чтобы смертью ответить врагу за смерть наших солдат и за муки самой земли.

И снова бушевал огонь и металл, и снова затихал берег.

Так было до тех пор, пока немцы не выдохлись и пока не решили переключиться на укрепление западного берега. Вершины и склоны Меловой горы, точно стесанные, круто обрывающиеся к реке, обросли огневыми точками, как птичьими гнездами.

И если раньше, даже под огнем, Сергей Деревянкин брал интервью у солдат в окопах, то теперь он и подавно почти не разлучался с ними, особенно со своим другом Чолпонбаем.

Пока немцы в предчувствии ответного удара укрепляли «свой» берег, наши накопили достаточно сил для броска через Дон. И на острие клинка, который должен был первым вонзиться во вражеский правобережный узел обороны, на самом острие, здесь, южнее Воронежа, в районе сел Урыв и Селявное, оказался 636-й стрелковый полк. Именно девятой роте этого полка предстояло начать завтрашнее наступление. Отвлечь на себя удар. Расчистить путь другим.

В девятой роте и служил Чолпонбай Тулебердиев.

Как-то в один из предгрозовых дней, когда начало темнеть и кто-то из бойцов, глядя на противоположный берег, вздохнул: «Сильны волки! Ох и сильны!» — Чолпонбай, не раз певший друзьям киргизские песни и переводивший их тут же на русский язык, на этот раз начал так:

— Вот мне политрук Деревянкин дал как-то русские народные сказки почитать. В часы затишья это очень душу успокаивает.

— Чолпонбай, да и нам он дает — приносит и газеты и книги. Не новость это.

— А я не о новостях, я о старом хочу сказать. Слово, знаешь, маленькое, как муравей, но и муравей гору целую воздвигает. Вот послушайте одну такую сказку.

— Чересчур издалека ты начал, Чолпонбай, да и упомнить разве?

— Я попробую, а вы не придирайтесь к мелочам, если я что и не так скажу. Мысль — вот главное.

— Ну давай, давай! — и все притихли в траншее, чтобы каждый мог услышать сказку Чолпонбая.

— Вот ты сказал, что они волки,— и рука Чолпонбая коротким рывком указала на правый берег.— Правильно, волки. Так слушай. Пришел фазан к замерзшей реке напиться. Нашел прорубь. Начал пить, а крылья ко льду примерзли.

«Какой лед сильный!» — крикнул фазан.

Тогда лед заговорил:

«Дождь сильнее: когда он приходит, я таю».

А дождь ему:

«Земля сильнее: она меня всасывает».

Тут земля вступила в спор:

«Лес сильнее: он защищает меня от зноя и помогает сохранить влагу, корнями мою силу пьет».

Лес не согласился:

«Огонь сильнее: как пройдет пламенем, так от меня одни головешки останутся».

Услышал огонь эти слова и говорит:

«Ветер сильнее: он меня может погасить».

Ветер вздохнул:

«Я и лед могу гнать по реке, и песок тучей нести, и деревья с корнями выворачивать, и пожар погашу, а вот с маленькой травкой мне не справиться. Травка против урагана устоит. Ей хоть бы что. Она всех сильней!»

Травка только головкой покачала:

«Вот придет баран и съест меня. Баран, баран всех сильней».

А баран с горя чуть рога в землю не воткнул.

«Смеетесь надо мной: волк покажется — и нет меня. Вот видите, волк всех сильней».

Тут вылез серый волчище и только хвостом махнул.

«Есть, есть сила сильней моей: она фазана поймает, и лед растопит, и дождя не боится, и землю переиначит, и лес захочет — срубит, захочет — посадит, и огонь захочет — разожжет, захочет — погасит, и ветер себе подчинит, и травку скосит, и шашлык из баранины сделает, и с меня, волка, шкуру сдерет. Эта сила — человек! Выходит, он всех сильней».

Бойцы сворачивали «козьи ножки», собираясь закурить и ожидая, к чему клонит рассказчик. А его умные, в этот миг чуть лукавые глаза блеснули, он помедлил и снова коротким взмахом руки указал на совсем уже потемневший противоположный берег:

— Вот там волки, а мы — люди, и мы сильнее их. Сильнее потому, что они звери, а мы люди, мы свое защищаем, они — чужое захватывают. Вон слышали ту очередь из дзота? Беспокоятся, боятся. Нужда их заставляет через голову кувыркаться. Страх им житья не дает. Страх за награбленное, чужое.

Зашуршали шаги, и в окоп спрыгнул политрук Деревянкин, поздоровался улыбаясь.

— Ну, здесь надежные люди! — окинул он взглядом бойцов, каждого из которых знал и в лицо, и по имени, и по тому горестному, тяжкому пути, когда люди узнают друг друга раз и навсегда.— Надежные! Фронтовики!..

— Да, пролетевший ветер лучше ненадежного человека,— ответил за всех Чолпонбай, принимая из рук политрука свежую дивизионку.

Читая газету, он впервые подумал о том, что Деревянкин всегда точно описывает события и людей потому, что сам участвует во всем, даже в боях... Он правдиво пишет обо всем, ни разу не упомянув о цене каждого добытого на передовой слова. О нем же, Сергее Деревянкине, ничего не пишется, словно его звание политрука и журналиста — броня. Словно он неуязвим от пуль и осколков. И мины облетают его, и смерть сторонится... Не оттого ли он столько раз разминулся со смертью, что слишком быстро бросался ей навстречу,

или оттого, что думает о других?.. И он расскажет о каждом так, как это было на самом деле, как того каждый заслужил. Но о нем никто не расскажет. Никто его не отметит. Он — журналист...

Старики киргизы на горных пастбищах говорят: «Прошлого не вернешь, умершего не оживишь». А правильно ли это — о прошлом? Нет! Можно это прошлое оживить, да и без твоей воли оно живо, оно стоит перед тобой и сейчас, когда держишь в руках дивизионную газету, видишь недавнее былое так, точно все это происходит сию минуту. Это сейчас вроде спится, так глубоко спится после ночного перехода под проливным дождем, после непрерывных артналетов. И в сон врывается низкий гул моторов и крик:

— Тревога! Немцы! Десант!

Было это в июле сорок первого на украинской земле, в первом пограничном бою... Какое слепящее солнце! Каждая росинка на листьях деревьев, как маленькое солнце, сверкает, режет глаза. Над деревьями мягкие дымки взрывов. Вспыхивают раскрывающиеся парашюты, а вдаль уносятся тяжелые транспортные немецкие самолеты. Вот на повороте солнце выхватило крест на фюзеляже, и взгляд уже схватывает фигурки, все укрупняющиеся по мере приближения их к земле. Видно, как один из парашютистов подтягивает стропы и быстрее других спускается на поляну...

Все это происходит в несколько мгновений. Кто-то сует Чолпонбаю в руки винтовку. Это Сергей. Сам он с симоновской полуавтоматической.

— К поляне! — приказывает он, и солдаты, ведя огонь на бегу по стреляющим в них с воздуха парашютистам, кидаются к поляне.

— Отрезать подход к селу, взять в кольцо лес! — слышится команда.

Это уже не голос политрука, но кажется, что это он.

Один парашютист! Два... десять!.. Сорок!.. Шестьдесят!

— Сколько их, черт возьми!

Все вокруг потемнело от этих десантников. Небо — черное-черное. Без облаков, без голубизны, без солнца. Небо стреляет. В ответ стреляет и земля. Бьют автоматчики, пулемет пытается достать фашистов. Два наших танка разворачиваются и мчатся к лесу.

Немецкие парашютисты действуют слаженно, бьют точно, маневрируют стропами и, приземлившись, тут

же кидаются в бой. Рослые, плечистые, как на подбор, они ловки и стремительны. Кажется, что не успевают они прикоснуться к земле, как уже сбрасывают лямки парашюта и смыкаются в группки, с ходу рассыпаются вдоль опушки, прячутся за деревьями и ведут бешеный прицельный огонь.

Раскинув руки, зашатался и упал взводный. Около тебя падает как подрубленный твой земляк.

Пуля срезала ветку — тонкий прутик, от которого ты, словно предчувствуя беду, только что отстранился на самую малость. Под твоим подбородком пронеслось пламя, и тут же в ствол ближнего дерева вонзилось несколько пуль.

Ты вжимаешься в землю и стреляешь, стреляешь по одному черному небу, по этим бесконечным фигурам.

И рядом, тщательно целясь, стреляет твой друг Сергей Деревянкин. Тулебердиев мучительно борется с собой...

«Чоке! Чоке! Возьми себя в руки, прикажи рукам поднять винтовку, прикажи глазам прицелиться, прикажи застыть плечу. Чоке! Рядом с тобой Сергей! Что подумает он, если увидит, как тебя сковал страх?.. Ты же охотник, лучший в ауле стрелок...»

Чоке смотрит вперед. Хорошо, что руки уже вскинули винтовку, глаз нащупал прорезь прицела, мушку, врага. Но пальцы, проклятые пальцы! Тот, что на спусковом крючке,— как чужой. «Целься, медленно дави на спусковой крючок. Ведь ты столько раз бывал на охоте, столько стрелял, лучше всех поражал цели. И в запасной кавдивизии был лучшим снайпером, Чоке!..»

В эту секунду здоровенный рыжий детина, без пилотки, с засученными рукавами, тот самый, в которого целился Чолпонбай, заметил киргиза, молниеносно вскинул автомат. Миг... Доля мига, но пуля Сергея Деревянкина оказалась быстрее.

Еще один, за широким пнем. Ну! Есть! Раньше, чем успел подумать Чолпонбай, палец его нажал на спусковой крючок, и враг остался лежать на земле.

По мокрой траве, по сырым сучьям, по веткам, сбитым пулями, по глинистой земле бежали наши, уничтожая парашютистов, не давая им вырваться из сужающегося кольца. Вперед! Только вперед!..

Однако к первой группе десантников примкнула вторая и остатки третьей. Они заняли круговую оборону.

Теперь все решит ближний бой! Ближний! Штыковой!

Чолпонбай увидел, как Сергей Деревянкин быстро выдвинул ножевой штык, как плоское лезвие остро блеснуло, как две крупные длинные капли росы упали на самое основание штыка и слились в одну, растеклись, мирно светясь на раннем летнем солнце.

Да, было солнце, была земля, был лес, была какая-то неразумная или разумная птаха, певшая несмотря ни на что; была жизнь, а через несколько секунд надо будет оторваться от земли...

Он глянул на Сергея и не узнал. Его волевое лицо, с острым выдвинутым подбородком, было каменно застывшим. Только глаза, не синие и добрые, как обычно, а стальные, яростные, встретились с его глазами...

И вдруг лицо Сергея сморщилось, рот раскрылся, и совсем некстати, как-то глупо, беспомощно он чихнул. На секунду Чолпонбаю стало даже смешно.

Сергей чихнул еще и еще раз, и Чолпонбай услышал, что Сергей сквозь зубы чуть ли не виновато, то ли оправдываясь перед собой, то ли объясняя ему, проговорил: «Простыл под дождем!» Голос его был сух и колок.

Раздается команда:

— В атаку! В штыки!

— Ура! Ур-а-а! — покатилось по рядам.

Первые крики «ура» еще не смолкли, а Чолпонбай уже хотел оторваться от земли, хотел... Но тяжесть, страшная, смертная, никогда ранее не испытываемая тяжесть, будто придавила его, приплюснула к глинистой выбоине. Вот так же было трудно, когда он, спасая школьного товарища Ашимбека, сам сорвался и едва-едва выбрался из горной речонки, уже кинувшей его к водопаду. Было трудно на коне во время скачек опережать самых первых, очень трудно было выжимать из себя и из коня последние силы. Трудно было и в школе на экзаменах. Но все это было ничтожной тяжестью перед силой притяжения земли. Ему казалось, что надо оторвать не себя от земли, а землю, всю планету оттолкнуть от себя...

— Ур-а-а-а! — Это слышался голос Сергея. Он поднялся и, пригнувшись, вскинув вперед штык, бросился на врага. Только мимо проблеснула его планшетка. И точно невидимая струна натянулась от бегущего вперед Сергея к его другу, натянулась и вырвала Чолпон-

бая из выбоины. Догоняя Сергея, почти не пригибаясь, он побежал навстречу горячему ветру, против пуль, наперекор смерти.

— Ур-а-а! Ур-а-а!

Надо же что-то кричать, надо чем-то помогать себе, надо бежать вперед, не сворачивая, не припадая к земле. Надо, надо, надо! Это стучало в мозгу Сергея, который тоже не без труда поднялся и пошел в атаку. Ему казалось, что ноги его словно налиты свинцом, что руки еле держат винтовку, что шаги его преступно медлительны. На самом же деле он бежал первым, пока его не опередил Чоке.

А между тем гитлеровцы попятились, некоторые сунулись в лес, но остальные поняли, что не убежать,— ринулись навстречу советским воинам, стреляя на ходу.

Потные лбы, насупленные брови, сверла-глаза, немецкая ругань — все слилось, смешалось воедино!

Схлестнулись штыки и приклады...

Чоке поскользнулся и упал. Сейчас фашист всадит в него штык, уже замахнулся...

Но, к счастью, рядом снова оказался Сергей: он оглушил врага прикладом.

Чоке вскочил, и теперь они прикрывали друг друга, умело и решительно расправлялись с врагами.

И пока они разделывались с последними двумя гитлеровцами, остальные наши тоже не бездействовали. Одних прикончили. Других взяли в плен.

VI

— О чем задумался, Чолпонбай? — спросил взводный лейтенант Герман, который неслышно появился около окопа. Внимательные карие глаза встретились с глазами Чолпонбая, потом скользнули по газете, зажатой в руке молодого солдата.— О чем?

— О прошлом. Подумал, что сколько бы жеребенок ни бегал, скакуном не станет.— И Чолпонбай горько усмехнулся, вспоминая о том бое...

— Вырастет и станет скакуном,— очень серьезно возразил взводный, словно улавливая за этим иносказанием его точный подтекст.

А может, так показалось... Но в том бою взводный был справа, заменил убитого пулеметчика, действовал гранатами и был неподалеку от Чолпонбая и Сергея

Деревянкина. Он-то и крикнул первым «ура», первым и поднялся, оторвался от земли на правом фланге. Да, надежный взводный, надежные люди. А что ж, жеребенок вырастет?..

— Да, товарищ лейтенант, вырастет жеребенок, только хочется, чтобы скорее вырос...

— Много значит слово,— откликнулся Сергей Деревянкин.— Как это говорится: у мысли нет дна, у слова нет предела.

Чолпонбай, довольный, улыбнулся: приятно, что его друг запомнил киргизскую пословицу, которую только один раз как-то на политбеседе обронил он, Чолпонбай.

— Да, немало нужно лошадиных, а не человеческих сил, чтобы Дон одолеть и ту высоту взять...— проговорил взводный.— Но мы возьмем. Обязательно возьмем! А пока присматривайтесь. Товарищ политрук,— обратился он вдруг к Деревянкину,— вы к нашему командиру роты не собираетесь?

— Нет, я уже у него побывал. Мы тут с Чолпонбаем потолкуем.

Солнце перевалило за полдень. Стало пригревать.

Из котелка Чолпонбая подзаправились пшенным концентратом.

— Мы сконцентрировались на фронте на этом концентрате,— пошутил Сергей. Поблагодарил друга, вытер ложку, спрятал ее за голенище и достал планшет. Раскрыл, вытащил письмо, развернул его, пробежал глазами. Начал читать со второй страницы про себя:

«...А еще, Сережа, я часто вспоминаю нашу предвоенную жизнь и тебя, твою газетную работу. Это сейчас война разметала нас по разным фронтам. Но и вдалеке от тебя, работая в госпитале, каждый раз, когда прибывают раненые, почему-то напрягаюсь, точно вот-вот увижу тебя. Недавно в шестой палате лежал у нас подполковник Козырев. Он-то мне и порассказал о тебе. Ты помнишь, он был редактором нашей районной газеты. И так тесна жизнь и узка война, что встретились, и я узнала кое-что о твоем характере и о тебе. Не бойся, ничего плохого. Даже, скорее, хорошее. Ведь он, оказывается, с твоим отцом в одном отделении был и в первую мировую, и в гражданскую. Козырев-то и сказал мне, что выдержкой, неутомимостью и (только не зазнавайся) смелостью ты похож на отца и внешне — копия. Так что зря ты, оказывается, жаловался мне,

что нет у тебя фотографии отца. Возьми зеркало, посмотри и увидишь. А еще он мне говорил, как ты по нескольку раз переписывал свои корреспонденции. Как он однажды взял все шесть вариантов одной заметки о весеннем севе и говорит тебе:

— Сергей, одно и то же ведь!

А ты ему:

— Нет. В этой предложения короче. Здесь междометия восторженные убраны. Четче начало. А вот в новом варианте завязка и кульминация более логичны.

Веришь, Сережа, Козырев даже рассмеялся от удовольствия, вспоминая:

— Над заметкой, как над рассказом, работал, шлифовал без устали. Вот как вырабатывал стиль. В той, которую он предложил в номер, это я запомнил надолго, кончил последний абзац одним словом: «Продолжается». Это, значит, сев продолжается. И поставил многоточие. Пустяки как будто. А мне запомнилось. Я карандашом подчеркнул многоточие и плечами пожал, а твой (мой! мой! мой!) Сергей и замечает: помните, как Флобер встречал молодого писателя: «Что делаете?» — «Да вот, за эту неделю две новеллы написал. А вы, господин Флобер?» — «А у меня в одном предложении запятая есть, хочу ее перенести ближе к концу...»

Через неделю встретил опять Флобер того же писателя: «Что делаете?» — «Еще две новеллы написал. А вы, господин Флобер?» — «А у меня, помните, я вам говорил, была запятая, которую хотел я перенести из начала предложения в конец. Так вот я решил оставить ее на прежнем месте».

Тут этот Козырев так хорошо посмотрел на меня и говорит:

— Повезло вам с Сережей. Если пощадит его пуля, то настоящий журналист будет, а то, глядишь, и до писателя дорастет...

Вот, дорогой мой товарищ политрук, смотри, чтобы тебя пуля пощадила, чтобы ты стал журналистом настоящим и дорос до писателя. А кем, кстати, собирается быть твой друг Чолпонбай? И жив ли он? Не ранен ли? Видишься ли ты с ним?.. Не обидится ли он, если я попрошу у него адрес его девушки — Гюльнар? Мне хочется переписываться и с нею. Кончится война, соберемся все вчетвером... Мне надо увидеть их обоих. И Токоша. И тебя, конечно, не дуйся и не ревнуй. Я те-

бя часто вижу во сне. Ты с большим-большим карандашом, почему-то незаточенным, пытаешься написать какую-то букву на узком треугольном листе картона, а карандаш не пишет. И ты мне говоришь: «Он пишет хорошо, это так, это пока не ладится. А после войны я напишу книгу...» Ну, милый мой, мне пора на дежурство. Я писала бы тебе бесконечно, но меня зовут дела. Надеваю халат, смотрюсь в зеркальце — твой подарок, вижу тебя шлифующим заметку, мысленно целую и бегу в палату...

Твоя Н. Видишь, какая конспирация?..
26 июля 42 г.

P. S. Да, пиши не только заметки, но и мне почаще пиши, можешь не шлифовать. Пиши больше и подробно».

Пока Деревянкин перечитывал письмо, Тулебердиев раздумывал над газетой, но едва Сергей оторвал глаза от своего треугольника, Чолпонбай, как бы между прочим, вздохнул с надеждой:

— Хорошая жена — половина счастья.

Сергей тут же взглянул на него, а он пояснил:

— Хорошая жена и дурного мужа сделает мужчиной, а дурная и хорошего превратит в дурного. Так старики у нас толкуют. А ведь и вы думаете о своей, и я о своей Гюльнар часто, много думаю. Она мне такой беззащитной кажется, словно пули и осколки, летящие в нас, могут задеть и ранить ее... Странное чувство, правда?

— Нет. Я понимаю тебя.— И Сергей протянул свое письмо другу.

Чолпонбай жадно вчитывался, лицо его светлело, он заулыбался, точно живой голос услышал, льющийся девичий голос.

— Спасибо ей! После письма вы мне еще ближе стали и Гюльнар дороже... А ведь говорят, что нет любви!.. Я тут, на фронте, понаслушался всякого. И чем больше слышал, что нет любви, тем больше убеждался по себе, да и по вас, Сергей, что есть, есть любовь...

— И с первого взгляда?

— Да... Только чересчур яркое быстро линяет, чересчур горячее быстро остывает. А у нас с Гюльнар как-то постепенно было: приглядывались, прислушивались, стеснялись, да и сейчас я ее очень стесняюсь, а понимаю, что жить без нее не смогу. Только бы с ней

там ничего не случилось. Глаза закрою, и вот она — в тюбетейке, черными косами ветер играет, глаза счастливые. Гюльнар, Гюльнар...

Он привстал, крепко сбитый, мускулистый, широкогрудый, загорелый. Литым кулаком погрозил вражескому берегу, погладил ветку лозы.

— Знаете, Сергей, когда мы в запасном кавалерийском полку учились рубить лозу на скаку, мне жалко ее было. Точно я чувствовал, как ей больно. А наверное, и правда, всему живому больно, когда его давят, бьют, рубят. А лоза, она-то, конечно, чувствует. Вот лозу жалко, а этих волков,— его глаза потемнели от гнева, когда он взглянул на тот берег,— этих зверей не жалко! Помните сказку о том, кто самый сильный? Самый сильный — это человек. Только надо быть сперва Человеком. Правда?

— Это понятие очень широкое,— задумчиво ответил Сергей.

— Ну да, а только помню, чувствовал я, что становлюсь им, когда в кавалерийском запасном учились действовать клинком, когда на всем скаку подхватывали со снега оброненную вещь, когда стрелять учились на полном ходу. А погода была!.. Ветер! Снег прямо обжигал — до того колюч. Как будто кто по ушам крапивой хлестал. За ворот снег набивался, в рукава. А мороз так прихватывал, что порой ноги стремян не чувствовали. Знаете, Сергей, я ведь в горах да и на скачках узнал и силу коня, и свою выносливость, но в запасном так доставалось, что, казалось, из седла вывалишься. Вот, гляньте на снимок,— и он протянул фотокарточку,— одни скулы широкие только и остались тогда.

— А не жаловался?

— Я?! — обиделся Чолпонбай.— Я перед Гюльнар краснеть не собираюсь за службу... Нет!.. А еще потом гоняли нас, кавалеристов, как пехотинцев. По глубокому снегу не очень разбежишься. А стремительные перебежки делать надо? Надо! И делали. Ползешь по-пластунски, подбородок борозду в снегу оставляет. В штыковую учились ходить. И получалось, постепенно стало получаться... Вы уж не сердитесь за тот штыковой,— Чоке как-то внезапно вернулся к тому первому бою с вражескими десантниками в приграничье тогда, в сорок первом...

— За какой? — Сергей сделал вид, что не понял.

— Ну, когда я позже вас поднялся. Спасибо, что выручили, если бы не вы...

— Знаешь, хватит. Что нам, поговорить больше не о чем, что ли! Итак я к тебе выбрался, а ты тут о чем... Ведь скоро,— Сергей зашептал,— очень скоро, думаю, поплывем на тот берег. Я уже заранее попросился и у редактора и у командования, чтобы и меня взяли в первую штурмовую группу.

— Вот был бы с нами мой старший брат Токош. Говорят, что я хорошо по горам лазаю, а он куда лучше. А сильный какой! Какой смелый! Самые дорогие мне Токош и Гюльнар!.. Что-то от него писем нет.

Он присел около Сергея, взял в руки газету «Красноармейское слово» и начал вслух читать:

— «Началось наступление главных сил группы армий «А» противника на кавказском направлении. Сосредоточив на захваченных плацдармах на левом берегу Дона в районах Константиновской и Николаевской два танковых корпуса, противник повел наступление на Сальск. Войска Южного фронта оказались вынужденными вести ожесточенные и непрерывные бои с наступающим врагом. Создалась реальная угроза прорыва противника на Кавказ...

Германское верховное командование перебросило основные силы авиации, действовавшей в Северной Африке, на советско-германский фронт...

Продолжались напряженные оборонительные бои советских войск с наступавшим противником на всем южном направлении: в районе Воронежа, в большой излучине Дона и в Луганске...

Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об изменении ст. ст. 1 и 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время»...

Объединенный Путивльский партизанский отряд под командованием С. А. Ковпака во взаимодействии с партизанскими отрядами под командованием А. Н. Сабурова нанесли удар по гарнизонам противника в селах Старая и Новая Гута, Голубовка и других в Сумской области. Партизаны разгромили батальон противника, истребив 200 его солдат и офицеров, захватив 11 станковых и ручных пулеметов, 6 минометов и много патронов».

Потом взгляд Чолпонбая остановился на известии о том, что «несколько вражеских лазутчиков обезврежены...».

Показал глазами Сергею на это сообщение. Деревянкин понимающе кивнул.

Ведь какой-то месяц назад, когда обе редакционные машины ускользнули от немецких бомбардировщиков, уже в третий раз пытавшихся уничтожить редакцию, когда Деревянкин, вооружившись наушниками, бумагой и карандашом, начал по рации принимать и записывать последнюю сводку Совинформбюро,— в это самое время Чолпонбай, посланный в редакцию с заметкой командира роты старшего лейтенанта Горохова, заметил, что вдали, где стояли большие стога, вспыхнули световые сигналы.

В смутной дали с четкой последовательностью дважды коротко вспыхнул свет, вернее, обозначилось световое пятнышко. Затем вспышки повторились — короткие чередовались с длинными. Сперва подумалось, что кто-то закуривает. Но почему-то стало тревожно. От спички, зажженной в темноте, огонь вроде вспыхивает иначе. Если искру высекали кресалом, то опять же не похоже. Да и вряд ли на таком расстоянии можно увидеть искру... Неужели лазутчики?

Об их диверсионных ухищрениях Чолпонбай наслышался еще до войны от пограничников, с которыми он вместе с братом дружил и не раз выполнял задания по поимке, как тогда говорили в ауле, нарушителей границы...

Значит, не зря предупреждал взводный Герман? И при позавчерашней бомбежке, когда фугаской разнесло редакционную машину, Сергей тоже подозревал, что все это неспроста.

Чолпонбай быстро втиснулся в машину.

Политрук Деревянкин сидел с наушниками около рации, напряженно подавшись вперед, простым карандашом крупным почерком быстро писал на гладком листе бумаги: «...бои шли южнее Воронежа. Несмотря на ожесточенные атаки, врагу не удалось продвинуться...»

Чолпонбай еще скользил острым взглядом по быстро бегущим строчкам, по названиям населенных пунктов, по цифрам сбитых фашистских стервятников, по цифрам потерь, а в памяти за этими привычными газетными сообщениями возникали повороты проселочных

дорог во всей их истерзанности; пылали деревни, горестно торчали остовы печей, скелеты железных кроватей; кружилось воронье, и густая черная сажа, подобная хлопьям, садилась на руки, на автомат, на лицо.

А тут, как назло, натруженно, порывисто ревя над головой, проносились «мессершмитты», двухкилевые, с четко выделявшимися крестами на крыльях, летели бомбы, строчили бортовые пулеметы...

В редакционной машине, где потрескивали разряды в наушниках, картины недавних боев, взволновав Чолпонбая, вдруг растаяли. И он вспомнил слова Деревянкина: «Будет время, когда все это превратится в воспоминания... Будет такое время... И ради этого нельзя терять ни минуты настоящего, чтобы скорее наступило грядущее...»

— Товарищ политрук,— почему-то официально обратился Чолпонбай,— лазутчики, мне кажется! Там, где стога.

Деревянкин мгновенно сбросил наушники, положил карандаш, сунул в карман листок с недописанной сводкой Совинформбюро, крикнул что-то шоферу Кравцову, и они — Чолпонбай, Алексей Бандура и Сергей Деревянкин — кинулись к далекому стогу, откуда опять раз за разом вспыхивал, пропадал, снова вспыхивал сигнал...

«Так вот почему так быстро налетали бомбардировщики, едва мы располагались на стоянке. Значит, нас просто выслеживают, потом дают знать. Потеряли одну редакционную машину. А теперь угрожают и этой»,— так думал на бегу Сергей, прибавляя шаг и вместе с тем стараясь скрытно приблизиться со своей группой к стогам. Потом стали подбираться по-пластунски. Они были уже метрах в семидесяти от стога, когда кто-то с него просигналил фонарем.

Вот фонарь снова чуть приподнялся над стогом. Чолпонбай не выдержал и выстрелил. Фонарь разлетелся. В то же самое мгновение со стога саданула автоматная очередь.

Пулей сбило пилотку с Сергея.

Он наклонился за ней, и это спасло его, потому что тут же просвистела вторая очередь и именно в том месте, где только что была голова Сергея.

Все трое припали к земле.

— Слезай!

— Бросай оружие!

— Сдавайся!

Но на стогу сдаваться не собирались.

Оттуда стали бить одиночными.

Совсем стемнело, и наши боялись, как бы, воспользовавшись темнотой, лазутчик не скрылся. Они стали окружать стог, и теперь уже с трех сторон летели пули и крики:

— Бросай оружие!

— Сдавайся!

— Слезай!

В ответ разорвалась граната.

— Чоке! — шепотом позвал Тулебердиева Сергей.

Но тот не услышал. Сергей подполз к нему ближе.

— Попробуй подобраться со стороны бурьяна. Мы с Бандурой отвлечем огонь на себя. Надо поджечь стог. Иначе их не взять.

Во тьме над стогом смутно мелькнуло что-то, и Чолпонбай выстрелил.

Слышно было, как кто-то выругался по-немецки и как чье-то тело глухо стукнулось о землю. И тут же резанули по нашим из автомата.

Чолпонбай быстро пополз к бурьяну. Все незаметнее становился он, и все острее разрасталась тревога Сергея. Только сейчас, когда друг его мог погибнуть, Сергей впервые со всей ясностью осознал, как много значит для него Чолпонбай.

Чоке продолжает ползти все ближе к стогу. Его уже не видно, только шорох слышен.

И вдруг трассирующая пуля прочертила яркую линию со стога к тому месту, где сейчас проползает Чоке. Одна пуля... И Чоке вдруг затих, замер. Замер или убит? Может, ранен?

Мурашки ползут по спине... Что это? Неужели показалось? Нет! Слышен шорох! Значит, жив! А сердце не отпускает. Ведь если заметили с такого расстояния, то что же будет, когда Чоке подползет к самому стогу?

— Сдавайся,— и Сергей, уже не раздумывая, лишь бы отвлечь на себя огонь, вскочил и, стоя, выстрелил два раза.

Прозвучал ответный выстрел.

Пулей обожгло правое бедро.

— Сдавайся! Второе отделение, зайти справа! Первое отделение, залечь у сарая! Третье — за мной! — коротко отдавал Сергей команды несуществующим отделениям.

А сам зигзагами бежал к стогу.

Оттуда били по нему, но неточно. Пули со свистом пролетали мимо.

— Взять живым! — командовал Сергей.

Он бежал к стогу под выстрелами, а сам думал о друге, боялся, что его заметят. Но когда огонек мелькнул у основания стога, когда пламя быстро начало карабкаться кверху, Сергей не сразу поверил, что Чоке жив. Сейчас это подтверждал огонь. Он уже взметнулся ввысь, хотя в его отсветах фигуры Чоке не было видно...

И тут со стога в ту сторону, что была еще не охвачена огнем, зловеще метнулась фигура.

Едва незнакомец коснулся сапогами земли, как тут же кто-то сбил его с ног.

Сергей кинулся к месту схватки и увидел, как ловко Чоке скрутил лазутчика, вывернув ему руки, не давая дотянуться до ножа.

Две руки — рука лазутчика и рука Чоке — устремились к ножу.

Сергей на бегу нажал на спусковой крючок, но выстрела не последовало: кончились патроны. И тут Сергей неожиданно споткнулся о тело убитого, упал.

Когда вскочил на ноги, увидел, что в руке лазутчика сверкнул нож и тот кидается с ним на Чоке. Прежде чем сообразить, что ему делать, Сергей бросился вперед и схватил у запястья руку лазутчика. Но тот с силой вырвал ее, и нож пронзил бы грудь Сергея, если бы не подоспел вовремя верный друг Чоке.

Нож отлетел в сторону. Вдвоем, а потом и втроем с Алексеем Бандурой они связали ремнем пойманного.

— А, мать вашу растак! — на чистейшем русском языке выругался лазутчик.

В свете пылавшего стога они разглядели и его крестьянскую одежду, и его перекошенное злобой лицо, и сильные, загрубевшие черные ладони. На безымянном пальце правой руки блеснуло серебряное кольцо...

— Так ты?! — Сергей не мог произнести слово «русский». Не мог, потому что за многие дни войны, за долгие, тяжкие дни отступления он впервые своими глазами видел предателя. Высокий, с выпуклой грудью, с выпученными глазами, остроносый и тонкогубый, лазутчик с презрением смотрел на Сергея, на Чоке, на Бандуру.

— Так ты?..— И Сергей поперхнулся.— Как ты мог против своих?

Но тот лишь оскалился в ответ.

— Идем! — И они повели его.

Чоке шел с автоматом наготове справа. И когда предатель посмотрел в его сторону, он точно укололся о взгляд советского бойца-киргиза.

Стог ярко пылал, и пламя уже переметнулось на другие стога, ярко озаряя идущих. Во взгляде Чоке, в его сощуренных глазах читался приговор.

Предатель понуро и тяжко шагал к штабу батальона, куда повел его Бандура.

В редакционной машине Чолпонбай передал Сергею заметку, а тот полез в карман и вытащил залитый кровью листок с недописанной сводкой Совинформбюро. Пуля задела бедро вкось и испортила листок...

— Зря вы вскочили, когда стреляли,— как бы про себя заметил Чолпонбай.

Сергей лукаво улыбнулся.

— Между прочим, все это по твоей вине. Я просто вспомнил твои слова: «Чем умирать лежа, лучше умри стреляя».— И политрук быстро расправил намокший кровью листок. Ясно виднелось последнее слово, на котором оборвал несколько минут назад свою запись Сергей. Это слово «сражались»...— Сражались,— вслух прочитал Деревянкин, стараясь вспомнить, что же следовало за этим словом, соображая, как ему быть дальше и что писать.

— Сражались,— совсем с иной интонацией повторил Чоке.— Сражаться надо. Мужчина должен сражаться. Теперь, когда я это увидел, понял, что каждый наш солдат должен быть еще смелее, чтобы не ослабела армия из-за тех, кто оставил ее строй и изменил своей Родине-матери. Смелее надо действовать, решительнее, быстрее, этому учили меня пограничники.— Армия — миллионы, предателей — единицы,— заключил Чоке.— Но даже если один... все равно плохо. Ну ладно, давайте, Сергей, рану перевяжу вам.

— Да это и не рана. Царапнуло просто.— И политрук снова надел наушники, включил рацию и, экономя время, на том же уже подсохшем листе бумаги продолжал записывать очередную сводку о положении на фронтах Великой Отечественной войны.

VII

«Сережа, милый! Пишу тебе под впечатлением твоего очерка о Чолпонбае. Я получила и эту вырезку из твоего «Красноармейского слова», и несколько твоих заметок о бойцах 9-й роты. Так что теперь я полнее представляю себе и окружающих тебя людей, и твою работу.

Мне понравилось, что в очерке о Горохове ты пишешь о его спокойствии, цельности, о том, что это настоящий патриот и прирожденный военный.

Вспомни, как в одном из писем ты делился со мной мыслью о том, что война требует таланта и что есть люди, не имеющие больших званий, но обладающие высоким строем души и какой-то интуицией истинно военного. Они оказываются там, где всего нужней в данный момент, ведут своих людей именно туда, где меньше потерь и вернее успех. Как ты чувствуешь по письму, я тебя не просто внимательно читаю, но и запоминаю, и даже почти дословно цитирую.

Здесь, в госпитале, ежедневно, чтобы не сказать ежечасно, слышу разборы столкновений, схваток, поединков. Так что я постепенно начинаю что-то понимать.

Ты как-то давным-давно, тысячу или больше лет назад, когда вышел из санбата после ранения в июле 1941-го и когда тебя перевели в газету, писал мне, что дивизионки — это летопись войны. Конечно, так оно и есть. Но я сужу и по нашей газете, и по вырезкам, присылаемым тобой, и мне кажется, что очень уж это скупая летопись. А представь, что когда-нибудь, ну через много-много лет, скажем, году в семидесятом или восьмидесятом, обратится к теме войны молодой историк или исторический писатель (не знаю, можно ли так выразиться, но ты понимаешь меня). Так вот, захочет такой исследователь восстановить картину, атмосферу нашего времени, и нелегко ему придется...

Я бы не говорила так и не упрекала тебя, если бы не видела, что ты сумел о командире роты Антопове написать ярко, словно эта заметка — стихотворение. И конкретность, и окрыленность, и полет. Так же, но еще убедительней звучит (или читается) очерк о твоем друге Чоке.

Так вот, дорогой Сережа, когда ты пишешь о глубокой вере Чоке в будущее, о невозможности и самой

человеческой жизни без этой веры, я чувствую, что ты делаешь большое дело, потому что сквозь сегодняшний день стараешься увидеть и многие будущие дни. Как хорошо ты написал, что «у рядового Чолпонбая Тулебердиева незаурядное сердце, и это проявляется в лучших его мыслях, в правдивости и самобытности речи, в искренности его поступков, в его щедрости, в том, что это все невольно воздействует на окружающих и создает высокую нравственную атмосферу готовности к подвигу и к свершению его без громких слов и без позы».

Что удивительно, так это совпадение твоего представления о Чоке с образом его, встающим из писем Гюльнар. Она, описывая его детство, юность, последние дни перед уходом в армию, даже слова его, сказанные старшему брату, ушедшему раньше его на войну, невольно подчеркивает главную черту характера Чоке: постоянную готовность помочь другим, выручить, защитить слабых.

Ну да ладно, Сережа. Чуть не забыла сказать тебе о своей шкатулке: это такой крохотный ящичек. В нем я храню твои письма и вырезки из твоих газет. Храню в бывшей аптечке. Это указывает, как ты, конечно, догадываешься, на лечебное, целительное свойство твоих писем. Поэтому помни, что, чем чаще ты будешь мне писать, тем лучше «для моего здоровья». Прошу тебя, сфотографируйся и пришли мне фото...

Сегодня у нас «легкий» день. Я «отгуливаю» за несколько чуть ли не круглосуточных дежурств. Вот почему «накатала» тебе такое бесконечное послание. Настроение у меня хорошее. Я, правда, часто слышу твой голос. Ты у меня самый лучший. И верю, что все задуманное сбудется.

Целую тебя. *Твоя Н.*

Июль 1942 г.».

Это письмо Нины Сергей держал в нагрудном кармане рядом с известием о гибели брата Чоке — Токоша. Когда он, в какой уж раз, пытался достать из кармана страшный листок, чтобы отдать Чолпонбаю, пальцы Сергея нащупывали не тонкий треугольник, лежавший прямо у сердца, а другой, потолще — письмо Нины. И Сергей радовался этому: он и сам еще не знал, хватит ли у него твердости сказать правду, всю страшную правду Чолпонбаю... Он перечитал еще раз письмо Нины, хотя все время ему казалось, что все ее слова

предстают в ином, горестном свете известия о гибели Токоша...

Да, Нина права. Он, конечно, если пощадит пуля, станет настоящим журналистом... Он иначе напишет, переделает и еще раз перепишет свои теперешние торопливые, несовершенные, написанные по горячим следам боя заметки. Но разве можно заново пережить жизнь, разве можно вернуть Токоша, разве можно заменить погибшего друга?

Сергей поднял глаза на Чоке. Тот, отстранив бинокль, смотрел на реку, на ее неторопливое движение, на мерцание, поблескивание чешуйчатой воды, в которой безмятежно и плавно шли облака. Чоке, захваченный красотой реки, забыл об уродстве войны, и в его лице проступило то выражение ясности, которым он привлек к себе Сергея с первой же встречи.

Деревянкину вспомнился второй бой. Тот бой весной 1942 года. Ранней весной, ослепленной огромными лужами, вдыхающей пары подсыхающих полей. Весной — с черными блестящими грачами, косолапо переступавшими через глубокие борозды и через осколки, грачами, гомонящими в гнездах...

Тогда на подступах к его родному Воронежу шли ожесточенные схватки с врагом. Сергею запомнилось, как, стоя в окопе, Чолпонбай кивком головы указал на срубленную снарядом ветку. Почти у самого еще сочащегося среза ютился скворечник. Около входного округлого отверстия остался след от пули.

— Даже в птиц наших стреляют! — покачал головой Чолпонбай.— Даже в птиц!.. Смотри! — И вдруг лицо его стало по-детски восторженным.— Живы! — Он потянул Сергея за рукав.— Живы! Кормит!

И правда, скворчиха спланировала на приступку, как на крылечко, в длинном клюве держа сизо-багрового червя. Тут Сергей и Чоке услышали писк птенцов. Увидели, как в чей-то раскрытый клювик перекочевала материнская добыча. А скворчиха, презирая войну и все, что происходит вокруг, не задумываясь о своей безопасности, снова оставила «крылечко», плавно опустилась на землю и закопошилась под гусеницами самоходки. У самого ее трака она сунула клюв в жирную землю, ничего не нашла и полетела дальше.

— И за птиц! — начал и осекся Чоке.

— Да, и за птиц,— продолжал Сергей, понимая, о чем хотел сказать его друг. А жизнь идет! И нет силы,

чтобы остановить ее извечную поступь. И когда-то будет новая весна, будет скворчиха, зеленая ветка, земля и не будет войны. Но не каждый доживет до этой счастливой весны. Кто-то должен остаться навечно здесь, чтобы приблизить эту весну, радостную весну человечества.

И когда на подступах к Воронежу вспыхнул новый бой, он пылал двое суток. Смертельные схватки шли за каждый степной холмик, за каждую рощицу, за каждый дом. Теснимая мощными превосходящими силами, дивизия наша вынуждена была отойти, оставив для прикрытия девятую стрелковую роту.

Ушли ночью.

А к рассвету командир роты Антонов так продумал оборону и так ловко расположил свой взвод младший лейтенант Герман, что первая же немецкая атака на самом рассвете захлебнулась.

— Зашатались, гады! — торжественно закричал тогда Сергей Деревянкин. Он и на этот раз специально остался в батальоне, чтобы «вести репортаж с места боев девятой роты». Однако «репортаж» пришлось вести ему, взяв не карандаш и не ручку, а стиснув рукоятки «максима», заменив раненого пулеметчика. Почему-то помимо его воли, когда он стрелял по набегавшим на него гитлеровцам, вспомнились строки Маяковского: «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо...»

Он стрелял, а эта поэтическая, очень точная строка в такт пулеметной очереди пульсировала в нем. И когда гитлеровцы попятились, Сергей крикнул:

— Зашатались!

— Зашатались,— отозвался и Чолпонбай.— Подождите. Еще и упадут.

Но бой не прекращался. Деревянкину было также хорошо видно, как по-хозяйски орудует Остап Черновол, поддерживая огнем Серго Метервели. Как хитро Гайфулла Гилязетдинов то вынырнет из траншеи, идущей вдоль высотки, то, укрывшись в ячейке, свалит одиночным выстрелом гитлеровца. И пока пули взрывают землю в том месте, где только что мелькнула каска Гайфуллы, он уже стреляет из другой ячейки.

Чолпонбай тут же последовал его примеру, но сам он находился чуть выше, а траншея второго ряда вела ко рву, вернее, к оврагу, заполненному весенней водой.

Чолпонбай пробирался по траншее, когда фашистский истребитель низко прошел над высоткой, развернулся и дал очередь по нашим окопам.

Не успел Чолпонбай поднять голову, как фонтанчики земли взметнулись от косой пулеметной очереди, пущенной с вражеского самолета.

Что-то звякнуло по каске. Что-то придавило ко дну траншеи, обескровило руки, отяжелило ноги...

— Большой дерево сильный ветер любит! — вдруг ни с того ни с сего закричал никогда не унывающий Серго Метервели.— А мы — большой дерево! Дай нам ветерка... Но только посеешь ветер, пожнешь бурю! Бурю! — И он метнул гранату.— Бурю! — Сорвал чеку со взрывателя второй гранаты и метнул ее еще дальше.— Бурю! — И третья граната грохнула и уложила двух гитлеровцев, ближе других подобравшихся к высотке.

Но Деревянкин уже заметил, что Тулебердиев както внезапно сник и лежит без движения.

— Чоке! — крикнул Сергей, пытаясь заглушить треск винтовок и автоматов, на несколько секунд прекратив стрельбу из пулемета.— Тулебердиев!

Черт возьми, оказывается, голос друга сильнее страха смерти: он может поднять, оторвать от дна траншеи. Оказывается, голос друга способен заставить приободриться, хотя кругом дзинькают пули, бушует пламя, то там, то здесь раздаются взрывы снарядов и всюду кровь...

— Здесь я! Здесь! — И Чоке взмахнул над каской винтовкой.

И будто это не он только что вжимался в дно траншеи, вздрагивая при каждом взрыве снаряда, замирал, не помня ни о чем, кроме того, что его тело, словно магнитная мишень, притягивало к себе все пули. Не он! Нет, не он! Чолпонбай теперь уже был спокоен, точен, нетороплив. Он прицеливался, выжидал и бил без промаха.

Немцы оставили высотку. Пользуясь передышкой, наши начали пополнять боеприпасы, готовиться к отражению новой атаки.

Лейтенант Герман и сержант Захарин, пробираясь по траншее, выдали Чолпонбаю патронов и две связки гранат.

— Может, развязать? — спросил Тулебердиев.— Ведь больше будет.

— Нет,— твердо сказал взводный.— Теперь наверняка пойдут с танками.

Углубляли свои окопы Бениашвили и Черновол.

Вскоре ударили вражеские пушки.

Вслед за артиллерийским налетом из густого леска выскочили и помчались на предельной скорости два фашистских танка. Один заходил с левого фланга, другой со стороны оврага, стараясь по краю достичь высоты. За танками бежали пехотинцы. Несколько человек сидели на броне и ждали момента, чтобы ринуться на высоту.

Шквальный огонь наших бойцов встретил противника.

Стреляли все, но... окоп Чолпонбая молчал.

«Что с ним? Может, ранен, убит?» — подумалось тогда Сергею.

— Почему молчит? — встревожился и взводный. Он тут же выбрался из окопа, перебросил свое тело в траншею, ведущую к окопу Чолпонбая.

А танки приближались. Один, чуть замедлив ход, уже поднимался на высоту и шел прямо на окоп Тулебердиева.

Взводный продолжал тем временем бежать со связкой гранат по траншее.

Танк уже скрежетал траками по каменистым склонам высотки.

Под пулями гитлеровцы спрыгнули с танка на землю и шли теперь, прикрывшись стальной тушей танка, как щитом.

Траки вращались все ожесточенней, издавая душераздирающий скрежет.

Правая рука Чолпонбая нащупала связку гранат, левая сорвала предохранитель, и он, на миг показавшись из-за бруствера, метнул связку гранат точно под гусеницу. И тут же свалился в окоп.

Прогремел взрыв.

От подорванного танка отпрянули бежавшие под его охраной пехотинцы. Их тут же прожгла пулеметная очередь Сергея Деревянкина. Но в бой вступали новые силы.

Еще минута, и высота будет во вражеском кольце.

И все-таки мужественные воины держались до ночи.

Вот тогда Деревянкин с гордостью подумал, что Чолпонбай стал настоящим бойцом.

...Сейчас в окопе у Дона перед броском на ту сторону Сергей Деревянкин и Чолпонбай Тулебердиев молча смотрели на реку, на тот берег. Дон временами темнел от теней проплывающих облаков. Бинокль Чолпонбая снова приблизил Меловую гору и замаскированный камнями дзот справа. Глаза охотника и следопыта тщательно высматривали каждую тропинку, все их изгибы и препятствия. Вон о тот камень можно опереться ногой, а чуть поодаль положить оружие, потом подтянуться на руках еще выше, а там... Там уже мертвая зона для пулемета. Потом за валун — броском упасть за острый камень и оттуда лежа метнуть гранату в дзот...

Сергей вынул треугольник письма из кармана и удивился, как вздрагивают его пальцы, будто письмо обжигало их.

Чолпонбай пытливо взглянул на политрука:

— А если дзот и слева? — И тут он увидел конверт в руках Сергея.— Письмо получили? От кого?

Сергей вздрогнул. Левая рука сама отстегнула нагрудный карман гимнастерки, чуть задев гвардейский значок, и опустила письмо обратно.

— Нет, давнишнее.

— Как у вас на солнце значок блестит...

— Но у тебя он лучше.

— Почему? — искренне удивился Чолпонбай.

— Почему? Ты разве не помнишь, как вручали?

— А, помню...— заулыбался Чолпонбай, и глаза его засверкали гордостью.— После того боя под Воронежем... Такое не забывается. Такое бывает раз в жизни и навсегда.

...Преклонил колено командир полка. Губами прикоснулся к багрянцу знамени.

На полотнище силуэт Ленина. Ильич смотрел на запад, точно видел такое, что мог увидеть только он сквозь годы и расстояния... А потом член Военного совета фронта спросил командира полка:

— Кто из самых храбрых в полку?

Стало так тихо, что слышно было, как шумит листва, как волна набегает на берег, как знамя шевельнулось от ветра и как птица начала петь и вдруг осеклась, замерла перед странным молчанием выстроенных вооруженных людей...

Подполковник Казакевич оглядел строй: «Горохов, Антопов, Герман, Захарин...»

Он знал их. Знал, что это храбрые, отличные бойцы. Трудно было выбрать, определить храбрейшего из храбрых. «Черновол, Бениашвили, Гилязетдинов...»

Пауза затягивалась.

«Деревянкин... Но он же не в нашем полку, он, так сказать, придан дивизии, дивизионке, он — «Красноармейское слово». Зоркий, правдивый человек. И настоящий смельчак. Его очерк о Тулебердиеве прославил солдата-киргиза на всю дивизию. Да и полк — тоже. И правильно... Тулебердиев отличался не раз, а в последнем бою, если бы его связка гранат не остановила танк, неизвестно, чем бы все кончилось. А его корреспонденции о бойцах дивизии?.. Они как награда для отличившихся, как призыв для тех, кто еще не успел показать себя в боях».

— Рядовой Тулебердиев, товарищ член Военного совета! — твердо и окончательно сказал командир полка.

— Он здесь? Я хочу ему первому вручить гвардейский значок.

— Рядовой Тулебердиев, выйти из строя!

Член Военного совета подошел к Тулебердиеву, прикрепил к его гимнастерке значок. Крепко пожал руку, обнял.

— Служу Советскому Союзу! — тихо, но твердо ответил Чолпонбай.

— Вы комсомолец, товарищ Тулебердиев

— Нет.

— А комсомол гордился бы таким, как вы. Я читал о ваших подвигах в дивизионной газете... Думаю, что вам хорошо было бы стать членом Ленинского комсомола. Этой чести вы заслуживаете, и уверен, что не раз подтвердите это делом.

В тот же день, в день получения гвардейского значка, Чолпонбай и еще несколько солдат подали заявления.

— Сергей,— Тулебердиев разыскал его тогда в редакционной машине и попросил: — Напишите за меня заявление, а я перепишу. Захарин говорит, чтобы я по-киргизски писал: мол, все равно поймут... А я ведь вступаю в Ленинский комсомол, вот и хочу заявить об этом по-русски, на языке Ленина... А если ошибки будут — некрасиво. По-русски я говорю, вы даже сами сказали, что хорошо говорю, а вот писать...

Днем 5 августа состоялось собрание. Оно проходило в двух километрах от реки в лесу.

Командир роты Антонов в своем коротком выступлении сказал о месте комсомольцев в бою и закончил так:

— Когда я вступил в комсомол, почувствовал себя сильней. И смелей. Комсомольский билет вместе со мной идет в бой, он придает мне сил. Комсомольцы с коммунистами всегда впереди, в самых опасных местах. По-моему, комсомолец — это самый хороший, самый смелый, самый бескорыстный друг... Когда-то Максим Горький сказал: «Человек — это звучит гордо». Я беру на себя смелость изменить первое слово и говорю: «Комсомолец — это звучит гордо!» — Он чуть помедлил и добавил: — Комсорг, зачитывайте заявления.

Когда очередь дошла до Тулебердиева, он уже стоял навытяжку, сжимая автомат. Глаза его смотрели куда-то вдаль, сквозь лес, на тот берег, туда, где завтра каждое его слово должно подтвердиться делом. И он знал, что у настоящего человека каждое слово должно подтверждаться делом. За свою двадцатилетнюю жизнь молодой киргиз понял, что у всех народов одинаково ценен и уважаем человек, верный своему слову. Он успел на своем жизненном пути повидать краснобаев, болтунов, проповедующих одно, но живущих вопреки своим проповедям. Чолпонбаю было ясно, что слова для таких людей были маской, которую они легко сбрасывали или же так с ней сживались, что иногда и сами, в порыве собственного красноречия, верили собственной лжи.

Он же, Тулебердиев, знал лишь одно: Родина должна быть свободной! Во что бы то ни стало свободной! И больше всего он ценил тех, кто не произносил громких слов, но без колебаний отдавал за Родину жизнь. Он знал, что надо заслужить право на вступление в комсомол, и теперь, когда перед строем ему первому вручили гвардейский значок, когда его при всех назвали храбрым, когда при всех сказали, что достоин, он почувствовал, что он давно комсомолец — в душе.

Чолпонбай стоял как вкопанный. Взгляд его коснулся гвардейского значка.

— Клянусь, товарищи, не подведу вас. А если понадобится, всю жизнь отдам, до последнего дыхания...

— Кто за? — спросил комсорг.

И руки всех, будто стая птиц, взметнулись над головами.

— Единогласно!

— Поздравляю, гвардеец Тулебердиев! Вы приняты! Вы — комсомолец!

Чолпонбай все еще стоял навытяжку, все еще не мог прийти в себя от чрезмерного волнения. Он знал, что каждое слово должно подкрепляться делом. Но не думал, что так будет волноваться в минуты приема. Это оказалось нелегким испытанием. И хотя как будто ни у кого не было сомнения, он сам себя спрашивал: «Достоин ли?»

Это было вчера. Сейчас же казалось, что это было давно. Ведь в жизни порой годы кажутся короче дня, а день от рассвета до первых вечерних звезд — бесконечным.

Да нет, не вчера, не год, не тысячу лет назад — сегодня все это было. Как в песне: «Мне каждый миг казался часом, а час вытягивался в день».

И вот почему так усиленно бьется сердце: то обрывки, то целые картины пережитого проходят перед глазами, и прожитая жизнь показалась такой огромной, что даже воспоминаний от одного сегодняшнего дня, от этого вручения гвардейских значков, от принятия в комсомол — уже одного такого дня хватило бы на всю жизнь. Как же она прекрасна, если таким волнением потрясает душу. Чем отплатить за все?

Не знал он, что ожидает его в этот день.

— Знаешь, Чоке,— тихо заговорил Деревянкин, и Чолпонбай встревожился. Так или почти так говорил Сергей, когда они хоронили друзей, павших смертью храбрых. Но сейчас оба они были целы и невредимы. Их группа, в которой Чолпонбай был одиннадцатым, завтра на рассвете, точнее, перед рассветом, должна переправиться через Дон и овладеть Меловой горой. Завтра, но отчего же сегодня с такой грустью заговорил Сергей? Да и весь сегодняшний день он пробыл со мной, хотя ему надо было отнести материал в редакцию. А уже вечереет. Солнце спряталось за горизонт. А он все со мной. И как-то странно, печально смотрит и все руку держит у сердца, около кармана, где хранит партийный билет.

Вот он снова расстегивает карман, достает конверт, протягивает его:

— Возьми себя в руки, Чоке! Ведь завтра бой. Я бу-

ду рядом в третьей штурмовой группе. Всякое может случиться...— очень тихо проговорил Сергей.

Еще ничего не подозревая, Чолпонбай взял письмо, начал читать и... ничего не понял: буквы дрожали, как в лихорадке. Прочитал еще раз...

«Токош погиб, Токош...» — зазвенело в голове. Чем-то тяжелым стиснуло виски...

Потом Чолпонбай долго-долго молчал, о чем-то думал. Сергей вздрогнул, посмотрев в лицо друга: он ожидал всего, но только не этого. Перед ним, спрятав голову в плечи, стоял мальчик, совсем ребенок. И плакал откровенно, захлебываясь, навзрыд.

Сергей на минуту растерялся. И все-таки, собрав силы, сурово сведя брови, сказал:

— Чоке! Стыдись перед памятью Токоша! Ему не нужны наши слезы. Токош требует мести. Ты слышишь, мести!..

Да, Чоке уже слышал. Перед его мысленным взором, как в кинокадрах, проносились один за другим дни детства и юношества, проведенные вместе с Токошем. Перед глазами где-то вдали возникали и тут же улетучивались куда-то в бездну горы, кони, скачки, сокол, школа... И всюду виделось одно и то же — спокойное, строгое и по-братски ласковое лицо Токоша. Скорее бы ночь, скорее бы переправа, бой...

VIII

Ночь... Фронтовая ночь... А тихо, слишком тихо, чтобы по-пластунски подползти к реке, чтобы подтащить к воде лодку...

Оба берега как бы еще ближе придвинулись друг к другу. Оба настороженно слушают, тревожатся.

Догадываются ли фашисты, что мы должны наступать этой ночью?

Или, может, сами готовятся к тому же, выжидают, когда тьма станет совсем непроницаемой?

Поползли. Ловко орудует локтями командир роты связи Горохов. Рядом совсем бесшумный Герман... «Эх, оказался бы тут и Сергей,— думает Чолпонбай.— Был всю жизнь, кажется, рядом, а тут посыльный из штаба дивизии... Срочно вызвали... Только и оставил он эти две гранаты... Может, где еще важнее участок есть?..»

Неожиданно раздался громкий всплеск на реке. Замерли. Рыба плеснула. Но рыба ли? Ну да, что ей война? Резвится...

Снова поползли... Вот группа уже у берега. Вошли в лозняк. Спят камыши, шепчет что-то, бормочет свое река... Подтащили лодку. Теперь надо окопаться, врыться на случай, если ракета... Если враг полезет...

Лодку спрятали надежно: в трех шагах не увидишь. Может, и не окапываться? Нет, Горохов сказал, что надо. Только тихо, чтобы лопата не звякнула о какой-нибудь камень или осколок. Фу-ты, черт! Все же напоролся на какую-то железяку. Хорошо, что не быстро начал. Осторожней... Ведь ты почти не слышишь, как окапываются другие рядом. Как дерн трудно прорубить... Да еще лежа...

Стоп! Замри!

Невысоко взвилась ракета, пущенная с того берега.

Мертвенный свет ее, как на гравюре, вырвал лезвие Дона, ножны берегов, отороченные камышом и лозняком.

И снова тьма: сразу после ракеты ничего не видно... Бойцы продолжали вгрызаться в землю.

— Тулебердиев!

— Слушаю, товарищ старший лейтенант!

— Герман и ваша четверка...

Голос его оборвала новая ракета.

Горохов приник к земле, заслоненный плотиком Чолпонбая.

— Ваша четверка с Германом,— продолжал он, не ожидая, пока погаснет ракета, и в упор глядя в настороженные, пытливые глаза Чолпонбая,— все вплавь. Ты говорил, что отличный пловец. Пойдешь замыкающим. На всякий случай... Ясно? И входите в воду сразу же за лодкой!

— Все ясно, товарищ старший лейтенант.

Горохов чуть помедлил, чувствуя, что при всей настороженности у Тулебердиева настроение решительное. Он вспомнил, что Сергей Деревянкин ему говорил всегда только хорошее о Тулебердиеве. Это приятно знать. Доброе расположение духа — это как подарок, особенно на войне.

Горохов развернулся и пополз к другому неглубокому окопчику, около которого в камышах спрятали лодку.

Рассыпая искры, с Меловой горы опять взмыла вверх ракета...

Когда она погасла, Горохов и пятеро солдат были уже в лодке. Оттолкнулись, только начали выбираться из камышей, как противник снова осветил местность. Замерли. И снова не видно ничего: хоть глаз коли. Наконец неслышно ушла в темноту первая лодка.

Сапоги Чолпонбая слегка увязали в глинистом пологом берегу. Потом он почувствовал гальку. Чем дальше от берега, тем тверже и глубже становился грунт. Холодная вода несколько успокоила его. Вот она уже по пояс, по грудь. Он решительно оттолкнулся ногами и, ведя одной рукой плотик, поверх которого лежало оружие и гранаты, поплыл.

Сразу же почувствовал течение. Но всех заранее предупреждали об этом. Не зря и переправу начали там, чтобы постепенно течением снесло всех к устью Орлиного лога, как раз напротив Меловой горы. Недвижимый с виду Дон упрямо и властно тянул плывущих за собой.

Течение набирало сил. Предрассветный туман, к счастью, надежно скрывал людей.

Почему-то казалось, что вот-вот сейчас рассветет.

Какими медленными кажутся взмахи рук, как тяжело ногам в сапогах, каким бесконечным чудится окутанный тьмой и туманом отрезок воды, несущий тебя в неизвестность...

Лодки не видно. Не слышно и весел. Ракета! На левом берегу командир полка поднял телефонную трубку. Артиллеристы замерли у орудий. Снаряды в стволах. Минометчики ждут приказа. Пулеметчики держатся за рукоятки — большие пальцы легли на гашетки... А вдруг наших заметят?! И тогда... Тогда надо прикрыть их огнем.

Струйка холодного пота побежала по лицу командира полка. Оттуда, с той точки, которую надо взять, развернется наше наступление на Острогожск, Белгород, Харьков. Огромный поток, лавина войск ринется вперед. Но ринется или нет? Все зависит сейчас от горстки храбрецов, тех, что с Гороховым. От этих одиннадцати.

Обнаружит враг или нет? Как долго висит эта проклятая ракета...

Подполковник Казакевич не заметил и сам, как близко поднес к губам телефонную трубку, как рука его

застыла да и все тело окаменело от напряжения. Нет, черт побери, лучше быть там, плыть вместе со всеми, чем так стоять и чувствовать, что ты бессилен. Да, да, бессилен опередить события, хотя, кажется, сделал все, чтобы их предугадать.

А ракета не гаснет! Нет, надо быть здесь: они же знают, что мы прикроем их огнем! Плывите осторожней, быстрей!

Наконец ракета погасла.

Командир полка правой рукой, сжимавшей трубку, вытер вспотевшее лицо. Глубоко вздохнул.

...Плыть становилось все труднее, темнота и туман рассеивались медленно.

Чолпонбай заметил, что кто-то стал замедлять движение и вот он уже около Чолпонбая. Это Герман.

— Ногу... Судорогой свело,— прошептал он.

Чолпонбай молча подсунул свое плечо под руку взводного. Он и сам ослабел: пловец он был неважный. Но случившееся с командиром придавало ему сил.

— Как бы оружие не потерять,— шепнул взводный, опираясь на плечо солдата и борясь с судорогой.

И в этот момент плотик вдруг накренился. Тулебердиев успел схватить автомат, но связка с гранатами и патронами ушла под воду. Патроны остались только в диске автомата. Гранат всего две.

— Скоро доплывем,— успокаивающе прошептал Чолпонбай и стал сильнее грести свободной рукой, чтобы не отставать от передних.

Чуть развиднелось. До берега совсем близко.

Фашисты не стреляют. А может, заметили и ждут, чтобы расстрелять в упор, как только наши выйдут на берег?

Снова что-то шевельнулось в камышах. Всплеснуло. Рыба или засада?

Опять дважды плеснуло что-то.

— Щука,— шепнул взводный.

«Сколько же еще плыть?» — подумал Чолпонбай. И тут ноги нащупали дно. Герман помог вытащить лодку. Вот все они, на ходу затягивая ремни, с патронами и гранатными сумками, сжимая в руках автоматы, выбрались из воды и залегли. Оружие наготове. Надо бы разуться, вылить воду из сапог да и глину счистить. Но время не ждет.

— Напоминаю,— говорит командир роты.— Группа Захарина идет слева. Группа Бениашвили — справа.

Герман и Тулебердиев со мной. Пойдем прямо по склону Меловой...

Молча проводили четверку, точно канувшую в туманную мглу Орлиного лога. Не слышно ни шагов, ни других звуков. Молодцы!

Другая четверка скользнула по берегу вправо.

Горохов кивнул и первый двинулся к еще зыбким в утренних сумерках выступам Меловой горы. Поползли по склону. Покрытые глиной сапоги скользили.

Выше... Еще выше... Там — дзот. Он совсем близко. Совсем, совсем.

Сто метров, девяносто, семьдесят...

Как тихо. Неладно что-то... Неужели не видят? Шестьдесят метров...

Сейчас ударят! Пятьдесят... А, дьявол!..

Сорвался, пополз вниз Горохов, все быстрее, быстрее. Подсек Германа. Это уже совсем плохо.

Какой страшный шум!

Подавшись вперед, напружинившись, Чолпонбай раскинул руки, словно бы врос в камень, сам стал камнем...

Удержал товарищей. Замер. Тишина вокруг... Услышали? Нет. Потом подставил плечо Горохову. Тот вскарабкался и потянулся к выступу. За ним и Герман.

Чолпонбай махнул им рукой, давая понять, что справится сам, чтобы его не ждали. Пока он помогал Горохову, пока подсаживал Германа, сумел лучше рассмотреть то, что видел вчера в бинокль с той стороны.

Цепляясь краями каблуков за выемки, опираясь о корни, у самых их оснований, Чолпонбай выбрался на выступ. Оказался рядом с Гороховым и Германом. Отсюда — вверх, по козьей тропке, гуськом. Вот уже и амбразура — видна щель. И эта щель, словно живое существо, заглядывает в самое сердце. А может, и правда наблюдают? Молчат... Почему?

Горохов глазами дал понять Герману, чтобы он остался с гранатами здесь, сам же с Чолпонбаем неслышно проскользнул в открытую дверь дзота...

На левом берегу командир полка в бинокль видел движение группы Горохова, видел, как они поднялись до самого дзота...

Шли секунды, минуты. Если все будет в порядке, если этот дзот будет обезврежен, то кто-то из них должен дать условный сигнал.

Но не было видно ни Германа, ни Тулебердиева, ни самого Горохова.

Приближался рассвет. Надо начинать переправу. Все зависело от того, поднимет ли трижды оружие над головой Горохов. Командир полка не отрывался от бинокля ни на секунду, напрягался так, словно он сейчас сам нырнул в дзот и бросился в единоборство.

Неужели погибли?..

Бегут, торопятся секунды. Время как бы убыстрило бег. Он ждал этого мгновения, и все-таки сигнал был для него неожиданным. Он отчетливо увидел, как из-за дзота быстро вышли Горохов и Тулебердиев, как Горохов трижды поднял над собой автомат.

Самая опасная огневая точка больше не существует! Можно начинать переправу.

Командир полка схватился за телефонную трубку:

— Нача...

И не договорил.

Показалось, что над самым ухом застрочил пулемет. Но он бил с крайнего выступа Меловой горы. Бил оттуда, откуда не ждали.

Не зря показалось вчера Чолпонбаю подозрительным расположение камня. Дзот контролировал огнем и реку, и подходы к Меловой горе, и подступы к уже обезвреженному дзоту.

Сейчас пулемет бьет по ним и каждую секунду может перенести удар на тех, кто начал форсировать реку. Операция будет сорвана, если не перервать глотку этому дзоту. Но как? Как его взять? Как остановить огонь врага?

Эти вопросы неумолимо возникли не только перед командиром полка, но прежде всего перед теми, кто был на том берегу, у подножия Меловой...

— Справа придется! — крикнул Герман.

— Да, надо в обход,— кивнул Горохов.— Но сколько времени потеряем? Сорвем переправу, если не заткнем ему глотку!

Чолпонбай тронул старшего лейтенанта за рукав и попросил, словно речь шла не о нем, не о его жизни, именно попросил:

— Разрешите мне? Напрямик!

— Напрямик?! — Горохов даже протянул это слово: напрямик — значит верная смерть, верная, даже вдали от дзота. Тут шансов нет...

— Да, напрямик! — уже требовал Чолпонбай.—

А вы оба бегом в обход. Если я даже не сумею что-либо сделать, то хоть отвлеку на себя внимание противника. А вы за это время...

И тут Чолпонбай трижды поднял над собой автомат: как бы продублировал условленный сигнал.

— Давай, дружище! Вот тебе гранаты.— Горохов протянул свои.

— У меня есть дареные. От политрука Деревянкина...

Горохов обнял солдата. Разгоряченными щеками они коснулись друг друга. И Чолпонбай быстро, как кошка, пополз на Меловую гору. Горохов и Герман устремились по каменной террасе в обход, чтобы с двух сторон блокировать дзот.

Глина, налипшая на подошвы, отлетела, и теперь стало удобней опираться носками и каблуками сапог о выемки и расщелины в известняке. Пальцы точно сами видели, где им лучше уцепиться. Тело стало легким, будто не было трудной переправы вплавь, не было рукопашной схватки в дзоте. Все начиналось сначала.

Был непонятный прилив сил: будто сейчас Чоке помогали все преодоленные им горы Тянь-Шаня, помогали месяцы тренировок и учений и еще что-то неуловимое, неосязаемое.

Он не замечал, что небо розовеет. Не мог оглянуться и увидеть белый маскхалат редеющего тумана, который утром скрывал от врага наши войска, уже готовые начать переправу. Чолпонбай знал, что она должна начаться сразу же, как только замолчит пулемет.

Ступенька, карниз, еще ступенька. Вот и амбразура. Сколько до нее? Метров пятнадцать? Нет, пожалуй, больше! Вот он, ствол пулемета: бьет непрерывно, точно задыхается от злобы...

Слева не подобраться: кручи. Справа — тоже кручи... И выступ этот с дзотом, как огромный кулак, который занесен над теми, кто скоро начнет переправу.

А кругом чебрец или какая-то другая трава, издающая приятный степной запах. Кажется, все-таки чебрец.

Путь к дзоту только один, как он и говорил Горохову: напрямик, к амбразуре. Другой дороги нет.

Чолпонбай швырнул гранату. В ту же секунду ствол пулемета, изрыгающего пламя и сталь, переместился сантиметров на пятнадцать — двадцать. Граната, ударившись о него, перекувыркнувшись, отлетела, пока-

тилась и взорвалась неподалеку от Чолпонбая. Осколки известняка просвистели у самых ушей. Меловая пыль покрыла вторую, последнюю гранату. Он посмотрел на нее с надеждой, зачем-то вытер, перевел взгляд на дзот и перебросил через него эту последнюю гранату, рассчитывая, что она взорвется у входа. Грохнул взрыв. Но пулемет дзота не прекратил огня. Потом почему-то смолк. В этом действии врага была какая-то загадка.

Чолпонбай услышал вдруг непонятные слова и увидел, что из амбразуры на него направили автомат. Он подался вбок... Левая рука перестала подчиняться...

Желтовато-красные круги появились перед глазами. Послышались какие-то голоса. Начали всплывать какие-то лица. Чоке на миг увидел себя: вот он бежит за комиссаром полка — он должен попасть в число тех, кто первым переправится на правый берег Дона; вот он вытянулся перед комиссаром и будто слышит свой голос: «...или если мне еще комсомольского билета не выдали, то и доверить нельзя?!»; вот он в бинокль рассматривает правый берег, эту злополучную Меловую гору, отваленный камень и еще что-то... Струйка дыма... Легкий белесый туман раннего утра...

Нет, это не Меловая, это снежные горы Тянь-Шаня. Это в них летят пули...

Сергей Деревянкин склоняется над ним: «Ну, здесь люди надежные!» А пули летят в Сергея.

Надо защитить и комиссара, и друга, упавшего в реку, и Меловую гору, и Тянь-Шань, и коня, и сокола, и брата Токоша, и Сергея.

А тут еще немецкие парашютисты — десант! Надо оторваться от земли! Вот уже в штыковую бросились. Спасибо, Сергей! Спасибо, брат! Выручил...

Теперь моя очередь тебя заслонить! И Гюльнар! Вот она в тюбетейке: косы по ветру, глаза счастливые! Зачем она здесь? Вокруг пули, и все летят в нее! Если он сейчас не встанет, то она погибнет...

Чолпонбай на мгновение очнулся. Он даже повернулся, точно можно увернуться от боли. Он увидел, что плоты отчалили от нашего берега, что их все больше и больше и что по ним действительно хлестнула пулеметная струя...

«Но я еще жив. Я все вижу...» — подумал Чолпонбай, приходя в себя.

И сердце Чолпонбая забилось еще сильнее. В его

сознании наступило прояснение: «Ведь есть еще мое тело... Разве это не оружие?! Я еще могу двигаться...»

Так же бил пулемет из танка, когда он, Чоке, около оврага остановил его связкой гранат. Но теперь не было гранат, не было патронов и автомата. Он был один на один с дзотом. Вражеским, всесильным, страшным, огнедышащим...

Нет, еще была свободная рука. Ею он ухватился за щербатый край площадки, на которой прочно утвердился дзот... И опять желтые круги перед глазами. Уходят силы... Слышатся какие-то отрывки фраз:

«Кто из самых храбрых в полку?» — «Рядовой Тулебердиев, товарищ член Военного совета!» Это отвечает командир полка.

Рывками Чолпонбай ползет вперед... все выше и ближе к дзоту. Метр, два, три, пять... Вот он уже на площадке, в мертвом пространстве: ни пулемет, ни автомат из дзота достать его уже не могут. Стебли травы побагровели от крови. «Надо бы перевязать рану... Может, лежа на животе... Нет, уже и автомат руки не держат, и не размотать бинта... Как пахнет чебрец!.. Это я дома... Наконец-то вернулся... Только сейчас посплю, потом пойдем с братом в горы...»

«Токош Тулебердиев пал смертью храбрых!» — прозвучало в ушах, и в ответ откуда-то издалека голос Сергея: «Отомстить!»

А пулемет все бьет!

А рядом — Гюльнар, одна перед пулеметом.

И если он, Чолпонбай, не спасет ее сейчас, кто же тогда спасет?!

Пошатываясь, он встал, качнулся, сделал несколько шагов.

Из дзота снова ударил автомат.

Чолпонбай упал.

Метрах в пяти от дзота. Лежит неподвижно...

С нашего берега командир полка в бинокль видит все.

— Погиб! — не в силах оторвать глаз от лежащего тела, тихо говорит он.

— Погиб! — едва пошевелил губами комиссар.

И тут оба увидели: гвардии рядовой Тулебердиев сначала немного прополз вперед, потом привстал и решительно бросился грудью на огненную струю...

Пулемет захлебнулся, умолк. Русское «ура» —

грозное, неумолимое, как возмездие,— потрясло берега реки.

Донскую землю захлестнули мощные волны не первой и не последней атаки...

8 августа. Совинформбюро коротко, без каких-либо подробностей, сообщало о том, что южнее Воронежа наши части форсировали Дон. «Советские бойцы заняли два крупных населенных пункта. Бои идут на улицах других населенных пунктов...»

А чуть позже с этого плацдарма войска Воронежского фронта развернули широкое наступление на Острогожск, Белгород, Харьков...

* * *

Уже много лет в километре от деревни Селявное, что на воронежской земле, на высоком холмистом берегу реки высится белокаменный обелиск, увенчанный пятиконечной звездой. На нем начертаны слова: «Герой Советского Союза Чолпонбай Тулебердиев. Погиб 6.VIII.1942 г.».

У памятника всегда много людей, которые приходят издалека, из соседних сел, приезжают родные и земляки из Киргизии. Часто бывают здесь школьники. Они чтут мужество героев, постигают смысл подвига, совершенного на берегах Дона в годы минувшей войны против фашизма.

Обелиск стоит на возвышенности и в солнечный день виден издалека.

А внизу размеренно и плавно несет свои воды тихий Дон — река, много повидавшая на своем веку.

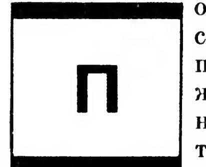
1970

ВОЙНА У РОДНОГО ПОРОГА

Землякам, отдавшим жизнь за Родину,—
п о с в я щ а ю.

Автор

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

овесть эта основана на действительных событиях 1942—1943 годов — периода, пожалуй, самого тревожного и самого тяжелого для автора и его земляков. В ней нет ничего выдуманного и сочиненного — только подлинные факты, встречи, имена, подвиги. Бои за правобережье Дона, за Воронеж, Коротояк, Алексеевку, Касторное, Обоянь, Курск, Белгород и другие города Среднерусской возвышенности вписали в историю Великой Отечественной войны немало славных имен, о которых автору в большей или меньшей степени хочется сказать добрые слова.

В повести нет и традиционного сквозного героя, потому что основным действующим лицом в происходивших тогда событиях, главным страдальцем и героем их был красноармеец, а точнее — наш советский человек. В каждой новелле (так условно назовем мы главы повести) есть свои основные и второстепенные персонажи. О тех и других автор говорит с одинаковой любовью и признательностью, ибо каждый подвиг — большой он или малый — совершен был во имя Родины, во имя ее жизни, чести и славы. И потому он, этот подвиг, навсегда должен остаться Подвигом, ему — наше уважение, благодарность и память.

Смысл человеческого бытия прост: жить — значит действовать, бороться, созидать. Все в мире движется и обновляется, все развивается по своим законам: от простого к сложному, от низшего к высшему. Подобно тому, как в природе день сменяется ночью, а вслед за зимой приходит весна, так и в человеческом обществе:

одно поколение сменяется другим, и эстафета жизни, переходя от старших к младшим, продолжает свой бег. Это означает, что в нас, нынешних, живут труд и силы тех, кто жил до нас. Пусть же в свою очередь будущие поколения смогут жить благодаря нашему труду, силе наших рук, знаний и ума. Лишь в этом случае мы достойно выполним свое назначение.

И вот еще о чем. Каждому человеку, немало пожившему и повидавшему на своем веку, болеющему за будущее своей страны, за свой народ, хочется взвесить хорошее и плохое, критически оценить дела и поступки прошлого.

Выдающийся советский писатель Леонид Максимович Леонов сказал: «Наверное, не меня одного, но и все мое поколение современников, вступивших в итоговую полосу жизни, частенько тянет оглянуться назад с достигнутого пригорка на пройденный вместе со страною путь. В такие минуты, естественно, возникает желание прикинуть в уме, без фальши и самообольщения, все pro и contra истекшего периода, а там, глядишь, и литераторно, за письменным столом разобраться в существе теперь уже очевидных, качественных и абсолютно во всем обозначившихся перемен...»

Старшее поколение людей оставляет после себя возрожденные от войны и построенные заново города, заводы, шахты, домны, возделанные умелыми руками поля, написанные книги, пьесы, художественные полотна и многое, многое другое. Все будет иметь ценность и принесет людям пользу лишь тогда, когда попадет в надежные руки молодых, которые не только по-настоящему оценят содеянное предшествующим поколением, но и успешно продолжат его дело, пойдут дальше, сделают больше и лучше своих предшественников.

НАШ КОМАНДУЮЩИЙ...

Любовь, доверие, глубокое уважение подчиненных к своему командиру как к личности, человеку с высокими душевными качествами очень многое значат в бою. За таким командиром солдаты идут без колебаний, беспрекословно выполняют его приказ и, как правило, одолевают врага. Генерал Николай Федорович Ватутин был именно таким командиром, полководче-

ский талант которого во всю силу развернулся в грозные годы военных испытаний.

«Наш командующий» — так тепло и сердечно называли солдаты и офицеры командующего Воронежским, а позже Первым Украинским фронтом генерала Н. Ф. Ватутина.

Впервые мы, небольшая группа военных журналистов только что созданной фронтовой газеты «За честь Родины», увидели Николая Федоровича в двадцатых числах июля 1942 года на его командном пункте северо-восточнее Воронежа в деревне Углянец.

Эта встреча запомнилась на всю жизнь.

...В конце июня 1942 года меня отозвали из редакции газеты «В бой за Родину» (4-я армия Волховского фронта) и после короткого пребывания в городе Иванове вызвали в Москву. В отделе кадров Главного политического управления Красной Армии (ПУРККА) со мной беседовал батальонный комиссар, типичный канцелярист. Собственно, беседы никакой не было. Не отрываясь от бумаг, он мельком взглянул на меня и сухо, еле слышно объявил:

— Создается новый фронт и новая газета. Вы назначаетесь ее сотрудником.

— Не Воронежский ли? Как называется газета? Где находится редакция? — залпом выпалил я.

— Тсс! — приложив палец к губам и сделав легкий поворот головы, остановил меня кадровик.— Выйдите в коридор и там подождите.

Помню, очень устыдился я своего любопытства. Опять, думаю, погорячился. Не учел, где нахожусь. Забыл об осторожности, о военной тайне... Словом, ругал себя почем зря. Разные мысли лезли в голову, пока ждал очередного вызова. Прежде всего пытался вспомнить, где, на каких участках советско-германского фронта шли тяжелые бои, где потребовалась новая газета и сотрудники для нее... Но о чем бы я ни думал, мысли все время кружились вокруг родного Воронежа, тем более что в печати уже начали появляться корреспонденции о начале тяжелых боев в районе реки Оскола, что западнее Воронежа. Из сообщений моих коллег, ожидавших своей очереди в коридоре, я узнал, что противник прорвал там оборону, окружил несколько наших отступавших дивизий, вышел на линию железной дороги Касторное — Старый Оскол и устремился к Воронежу. Какая там теперь обстановка? Что

с матерью, сестрами, родными? Хотелось обо всем этом кого-то расспросить, но в этот момент открылась дверь кабинета и меня снова пригласили на беседу.

— Так на какой фронт вы хотели бы поехать? — сверля глазами, спросил кадровик.

— Куда пошлете, товарищ батальонный комиссар, туда и поеду,— только и ответил я.

— Вот это другое дело, товарищ старший политрук. Так надо и отвечать.

— Слушаюсь,— еще раз отчеканил я.

— В общей части получите предписание и вечерним поездом отправляйтесь к месту назначения.

Позже, уже после войны, я узнал о странной манере того кадровика: если журналист просил его послать, скажем, на южный фронт, он непременно посылал на западный, и наоборот. Тот, кому за годы войны приходилось не раз получать назначения из рук этого человека и кто хорошо изучил его, легко добивался своего желания. Я знал одного ленинградца, который поступил очень просто: умолял кадровика послать его куда угодно, только не в блокадный Ленинград. И кадровик, который делал все вопреки желанию своего подопечного, выписал ему предписание именно в Ленинград. Моя воздержанность при второй беседе тоже привела к желаемому результату. В моем новом предписании значилось: «Прибыть в распоряжение бригадного комиссара тов. Шатилова С. С.», и я отправился на Воронежский фронт.

Кстати сказать, с тем кадровиком в годы войны сталкивался и будущий писатель Михаил Николаевич Алексеев, который потом изобразил его в своей повести «Наследники». Кто заинтересуется этим, может прочесть там о странной логике инструктора отдела кадров Денюхина (так автор слегка изменил подлинную его фамилию). Но вернемся к заботам, которые тогда одолевали меня.

О многом пришлось передумать, пока добирался я до нового места назначения. Прежде всего пытался расспросить военных пассажиров о положении на фронте. Ехали люди из сражавшегося Севастополя. Они утверждали, что Ставка уже отдала приказ об эвакуации севастопольского гарнизона. Думалось и о недавно созданном Волховском фронте, который готовился к новой (после неудачной Синявинской) операции по прорыву блокады Ленинграда...

Но, о чем бы я ни думал и ни гадал, мысли все время вертелись вокруг Воронежа. Ехавший вместе со мной бывший литсотрудник Сороковой армии прямо говорил о катастрофе, происшедшей на правом крыле Юго-Западного и левом крыле Брянского фронтов.

Хотелось об этих горестных событиях знать во всех подробностях, но никто ничего конкретного не мог сказать, и это особенно тяжело было сознавать.

По наивности я полагал, что раз новый фронт называется Воронежским, значит, и штаб его должен непременно находиться в самом городе. И не где-нибудь, а в гарнизонном Доме Красной Армии, который был мне хорошо знаком еще по довоенным временам.

Но наш полупассажирский-полугрузовой поезд ночью остановился недалеко от станции Грязи, километрах в полустах северо-восточнее Воронежа. Железнодорожники сообщили, что дальше ехать нельзя, надо ждать, пока восстановят разбомбленный путь. Пассажиры пошли пешком на станцию. От местных жителей узнали, что враг после жестокой бомбежки ворвался на западную окраину Воронежа. А на самой станции Грязи из хриплого, чудом уцелевшего репродуктора услышали обрывки фраз о боях, идущих непосредственно в городе...

Мое настроение несколько улучшилось, когда от военного коменданта узнал о том, что в тупике у небольшого песчаного карьера стоят два спецвагона, в которых размещается какая-то походная типография. Я понял, что это и есть та редакция, которая мне нужна.

Редактора — полкового комиссара Петра Алексеевича Молчанова — нашел в одной из ближних хат: он с двумя военными (как я потом узнал, это были ответственный секретарь и художник) рассматривал макет будущей газеты. Перед ними лежала оттиснутая типографским способом первая полоса с крупными, набранными шрифтом словами «За честь Родины» (рисованное клише было сделано позже). «Хорошее, призывное название»,— отметил я про себя.

Редактор внимательно прочитал мое предписание и попросил рассказать о себе. Я коротко сообщил о том, что воевать начал на западной границе под Перемышлем в должности заместителя командира роты по политической части, а позже стал сотрудником дивизионной газеты «Красноармейское слово» 32-й танковой дивизии 4-го мехкорпуса 6-й армии Юго-Западного

фронта. Вместе со своей дивизией с боями отступал до Киева. В сентябре 1941 года был переброшен сначала под Ленинград, а потом на Волхов. Как корреспондент армейской газеты «В бой за Родину» участвовал в наступательных боях за Тихвин...

— Значит, пороху уже понюхали,— то ли спросил, то ли уточнил для себя полковой комиссар и стал рассказывать о задачах редакционного коллектива, который еще только собирался. Уже прибыли и находились на задании писатели Александр Безыменский, Илья Френкель, Савва Голованивский, Анатолий Хорунжий... Ожидался приезд еще некоторых писателей. Но работа по подготовке выпуска новой фронтовой газеты шла полным ходом. Подробно говорил редактор и о моих корреспондентских обязанностях.

На второй день мы, журналисты, вместе с редактором на старом грузовике добрались сначала до политуправления фронта, а оттуда вслед за бригадным комиссаром Сергеем Савельевичем Шатиловым до деревни Углянец, где размещался тогда штаб Воронежского фронта.

Все были приятно удивлены, когда увидели молодого, круглолицего, подтянутого, с живыми проницательными глазами генерала, на петлицах которого блестели три звезды. Это и был командующий фронтом Николай Федорович Ватутин — генерал-лейтенант. Держался он очень просто и уверенно. Говорил не спеша, размеренно и спокойно, хотя обстановка под Воронежем, как мы узнали из его сообщения, была очень сложной и опасной. Но, повторяю, во всем поведении командующего, его манере говорить тихо и четко, в умении логически убеждать подчиненных ему людей и отдавать продуманные распоряжения чувствовались знание обстановки, сильные волевые качества военачальника. Мы не увидели в штабе ни беготни, ни суматохи. Спокойствие командующего, его уверенные распоряжения и действия, его лучистые глаза магически действовали на всех нас.

Член Военного совета фронта генерал Крайнюков писал позже о своем командующем:

«В народе говорят, что глаза — зеркало души человеческой. У этого коренастого плечистого генерала было простое, истинно русское лицо и живые, ясные глаза. Они всегда добро и приветливо смотрели на друзей, с участливым вниманием и сочувствием — на при-

шедших за помощью, строго и взыскательно, а подчас сурово — на людей нерадивых, с великой ненавистью и беспощадностью — на врагов нашей Родины. Николай Федорович был серьезен, задумчив и молчалив, по-военному точен и скуп на слова. Он предпочитал им реальные дела...»

Прежде всего Николай Федорович познакомил работников своей газеты, а также корреспондентов из некоторых других центральных газет (я запомнил тогда лишь двух из них — Виктора Васильевича Полторацкого из «Известий» и Александра Исаевича Воинова из ТАСС) с положением на фронте. Он не скрывал, что обстановка на воронежском направлении критическая. Гитлеровские дивизии, преимущественно танковые и моторизованные, вышли на равнинные просторы центрально-черноземной полосы и рвались дальше — к Волге, Сталинграду, к кавказской нефти. Они окружили наши потрепанные в непрерывных оборонительных боях 21-ю и 40-ю армии и вышли к Дону. Ведя тяжелые бои, разрозненные части этих армий пробиваются на восток. Враг ворвался в Воронеж. Занял его правобережную часть...

В эти трагические дни и был создан новый фронт, которым с первых же дней стал командовать генерал-лейтенант Ватутин. Стремясь удержать противника на рубеже реки Дон, он, как нам стало потом известно, днем и ночью вызывал к себе командиров и начальников служб, ставил перед каждым конкретные боевые задачи, при необходимости лично выезжал на самые опасные участки обороны. Его «виллис» часто видели на клубившихся от густой пыли дорогах воронежского подстепья. И в этих тяжелейших условиях командующий нашел время для встречи с оперативными работниками редакции газеты «За честь Родины» — органа Военного совета фронта. Конечно, Н. Ф. Ватутин мог бы дать необходимые указания и через политуправление. Но он решил непосредственно побеседовать с корреспондентами газет, которым предстояло освещать жизнь и боевые действия фронта и вместе с командирами и политработниками готовить войска к решительным боям. Позднее при такого рода встречах присутствовали некоторые ответственные работники штаба и политуправления фронта. Но на этот раз командующий, кроме начальника политуправления бригадного комиссара Шатилова, никого не пригласил. Вообще,

как потом всем стало ясно, генерал Ватутин не любил многолюдных и продолжительных совещаний. Он все решал, что называется, в рабочем порядке, спрашивал строго. Это сразу все почувствовали...

Каждый, кто позже внимательно изучал историю боев на Воронежском фронте, убедился в том, что генерал Ватутин, правильно оценив боевую обстановку, скрытно произвел перегруппировку войск фронта, сосредоточил крупные силы на угрожаемых направлениях и организовал ряд сильных контрударов. Большую роль сыграли тогда подошедшие части 18-го танкового корпуса генерал-майора Ивана Даниловича Черняховского, ставшего вскоре командующим 60-й армией. Продвижение противника в районе Воронежа было приостановлено. Однако ожесточенные бои продолжались днем и ночью. Воронеж выглядел гигантским костром, и мое сердце сжималось от боли...

— Задача фронтовой газеты и всех ее корреспондентов сейчас одна,— говорил Ватутин на встрече,— яркими, правдивыми, берущими за сердце статьями и очерками укреплять в войсках веру в нашу победу. Силы врага надломлены, спесь с него сбита. Надо измотать его стойкой, упорной обороной. Ни шагу назад! Это приказ Родины, приказ советского народа. И мой, вашего командующего, приказ. Истреблять врага всеми силами. Выбить из его рук инициативу. Этим должен жить каждый боец, командир, политработник. В этом состоит главная задача и газеты, ее корреспондентов...

В заключение беседы командующий четко определил наиболее важные участки обороны, назвал отличившиеся в последних боях соединения, чей опыт необходимо распространять в печати, дал конкретные советы относительно тактики боев и снайперского движения, пожелал нам успехов и посоветовал редактору немедленно отправить всех нас, корреспондентов, в части и соединения, занимавшие к тому времени оборонительные рубежи на берегах Дона.

Здесь мне хочется сделать небольшое отступление от хронологии событий, происходивших тогда на Воронежском фронте, и коротко рассказать о некоторых штрихах жизни и военной деятельности Николая Федоровича Ватутина, удивительного человека и талантливого, самобытного полководца социалистической эпохи.

Прежде всего с гордостью отмечу, что Николай Федорович — мой земляк. Родился он 16 декабря 1901 года в семье крестьянина деревни Чепухино бывшей Воронежской губернии, ныне Белгородской области. У Федора Григорьевича и Веры Ефимовны Ватутиных было восемь детей. Жилось тяжело, бедно.

После окончания начальной школы в родном селе и валуйского уездного двухклассного земского училища будущий военачальник поступил в Уразовское коммерческое учебное заведение, но из-за недостатка средств с четвертого класса был вынужден вернуться домой и стать переписчиком в волостном управлении. С радостью встретил он весть о Великой Октябрьской социалистической революции. Девятнадцатилетним добровольно вступает в ряды Красной Армии. Начал военную службу красноармейцем запасного пехотного полка в Харькове, участвовал в ликвидации банд Махно, показав себя смелым, находчивым и отважным бойцом. В 1920 году Ватутин был направлен в Полтавскую пехотную школу. Там он впервые встретился с М. В. Фрунзе, который выступал перед курсантами, бывал на стрельбище, в классах, на тактических учениях.

«В то время я был еще зеленым юнцом и не мог знать теоретических трудов Фрунзе,— вспоминал позже Николай Федорович,— но его выступления и беседы с курсантами запомнились. Михаил Васильевич убедительно и доходчиво разъяснял нам, как после победоносного окончания гражданской войны будет строиться государство рабочих и крестьян, подчеркивая, что для защиты молодой Советской Республики и мирного социалистического строительства необходима сильная и могучая Красная Армия».

Николай Федорович с гордостью вспоминал и о том, что М. В. Фрунзе 1 октября 1922 года на историческом поле Полтавской битвы вручил ему и другим питомцам первого выпуска школы удостоверение красного командира. В приказе, прочитанном М. В. Фрунзе, красный командир Н. Ф. Ватутин назначался командиром взвода в 67-й стрелковый полк стрелковой дивизии.

Всю жизнь потом не расставался Николай Федорович с однотомником произведений любимого полководца.

«По многим фронтам прошла со мной эта книга,— с гордостью признавался Николай Федорович.— Люб-

лю читать Фрунзе, которого по праву называют выдающимся военным теоретиком и виднейшим строителем Красной Армии. Владея марксистско-ленинской методикой, он четко, с исчерпывающей полнотой определил сущность советской военной доктрины. А как высоко он оценивал роль политработы и как образно, выпукло и ярко характеризовал деятельность политорганов в гражданской войне!»

В 1921 году Ватутин принят был в ряды Коммунистической партии. Он больше года служил в стрелковой дивизии, а в январе 1924 года его зачислили в Киевскую высшую объединенную военную школу. После окончания ее он возвращается в полк, где командует ротой, которая вскоре становится образцовой. Об этом свидетельствуют строки аттестации на молодого по тому времени комроты Н. Ф. Ватутина: «Сила воли развита в высшей степени. Энергичный. Авторитетный. Служит примером для комсостава полка. Здоров. Вынослив. В обстановке разбирается хорошо. Оценивает правильно. Твердо знает свое дело. К себе и подчиненным требователен. Хороший стрелок. Методист стрелкового дела. Любит военную службу».

Вскоре Ватутина назначают на должность начальника полковой школы. И здесь он показывает себя с лучшей стороны.

В 1929 году Ватутин учится в Военной академии имени М. В. Фрунзе, в 1934 году — на оперативном факультете этой же академии, а в 1937 году оканчивает Военную академию Генштаба.

В 1938 году Николай Федорович — начальник штаба Киевского особого военного округа. Ответственную работу он сочетает с большой общественной деятельностью: избирается членом партбюро штаба округа, депутатом Киевского горсовета, членом ревизионной комиссии Компартии Украины. В дальнейшем Ватутину доверяется ответственный пост начальника оперативного управления, а в 1940 году — первого заместителя начальника Генерального штаба РККА, который возглавлял тогда генерал армии Г. К. Жуков.

И где бы ни служил Ватутин, он всегда являлся носителем высокой штабной культуры, образцом дисциплинированности и организованности, человеком сильной воли. В феврале 1941 года за заслуги в деле строительства Советских Вооруженных Сил и укреп-

ления обороноспособности страны генерал-лейтенант Ватутин был отмечен высокой наградой СССР — орденом Ленина.

В своей книге «Воспоминания и размышления» Маршал Советского Союза Г. К. Жуков отмечал, что генерал Н. Ф. Ватутин отличался исключительным трудолюбием и широтой стратегического мышления. Приведем лишь один эпизод из деятельности Генштаба.

«Вечером 21 июня,— пишет Маршал Советского Союза Г. К. Жуков,— мне позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М. А. Пуркаев и доложил, что к пограничникам явился перебежчик — немецкий фельдфебель, утверждающий, что немецкие войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня.

Я тотчас доложил наркому и И. В. Сталину то, что передал М. А. Пуркаев. И. В. Сталин сказал:

— Приезжайте с наркомом в Кремль.

Захватив с собой проект директивы войскам, вместе с наркомом и генерал-лейтенантом Н. Ф. Ватутиным мы поехали в Кремль. По дороге договорились во что бы то ни стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность.

И. В. Сталин встретил нас один. Он был явно озабочен.

— А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? — спросил он.

— Нет,— ответил С. К. Тимошенко.— Считаем, что перебежчик говорит правду.

Тем временем в кабинет И. В. Сталина вошли члены Политбюро...

Я прочитал проект директивы. И. В. Сталин заметил:

— Такую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос еще уладится мирным путем. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей...

Не теряя времени, мы с Н. Ф. Ватутиным вышли в другую комнату и быстро составили проект директивы наркома».

С этой директивой, предлагавшей привести в боевую готовность войсковые части и противовоздушную оборону страны, генерал Ватутин немедленно выехал в

Генштаб. Передача ее в военные округа была закончена в 00 часов 30 минут 22 июня 1941 года.

30 июня 1941 года Николай Федорович назначается начальником штаба Северо-Западного фронта, уезжает на фронт и принимает активное участие в обороне Новгорода. Под его командованием на подступах к Ленинграду нанесен ряд контрударов, в результате которых немецкий танковый корпус генерала Манштейна понес тяжелые потери.

С 14 июля 1942 года, как читатель уже знает, Ватутин командует войсками Воронежского фронта, успешно проводит ряд оборонительных операций и контрударов против превосходящих сил врага.

Когда под Сталинградом разыгрались ожесточенные бои, Николай Федорович был назначен командующим Юго-Западным фронтом и принял участие в планировании Сталинградской наступательной операции, где решал вопросы использования подвижных соединений для развития успеха наступательных действий. Войска его фронта во взаимодействии с левым крылом Воронежского фронта в декабре 1942 года успешно провели операцию «Малый Сатурн», которая завершилась разгромом мощной группировки противника на Среднем Дону. Эта операция во многом способствовала разгрому гитлеровских войск под Сталинградом. Генерал Ватутин показал высокое искусство в создании мощных ударных группировок, в применении танковых корпусов в качестве подвижных групп армий, а танковых армий — в качестве подвижной группы фронта. Умелое их использование обеспечило высокие темпы прорыва обороны и преследования противника. Итоги Сталинградской битвы известны: она послужила началом коренного перелома в войне в нашу пользу. В результате ее завершения был значительно расширен фронт стратегического наступления Красной Армии.

В марте 1943 года Ватутин в связи с усложнением обстановки под Курском вновь назначается командующим Воронежским фронтом, которому предстояло отразить контрнаступление танковых и механизированных дивизий фашистов на курско-воронежском направлении. В начале июля 1943 года под его руководством фронт отразил сильный удар танковой группировки врага на Курск с юга, а 12—13 июля нанес противнику ряд контрударов и совместно с войсками Запад-

ного, Центрального, Брянского и Степного фронтов перешел в контрнаступление.

Трудно перечислить все наступательные операции, которые разрабатывал и осуществлял Ватутин в годы минувшей войны. Напомним лишь о главных.

В конце 1943 года Николай Федорович стремительно направляет войска Воронежского (с 20 октября — Первого Украинского) фронта к Днепру, с ходу организует его форсирование и удержание двух важных плацдармов — Букринского и Лютежского, с помощью которых 6 ноября был штурмом взят Киев.

В начале 1944 года Первый Украинский фронт под командованием Ватутина одержал ряд блестящих побед на Правобережной Украине и особенно в Корсунь-Шевченковской наступательной операции, где войска Первого Украинского и Второго Украинского фронтов окружили и уничтожили крупную группировку немецко-фашистских войск. Несмотря на раннюю весеннюю распутицу, когда сильно раскисшие дороги затрудняли движение, подвоз материальных средств и маневр механизированных частей, а также отсутствие из-за ненастной погоды авиационной поддержки, наши войска мощными встречными ударами под основание вражеского выступа замкнули кольцо окружения в районе Звенигородка — Шпола и устроили противнику «второй Сталинград». В результате этой военной операции, составляющей часть стратегического зимне-весеннего наступления советских войск на Правобережной Украине в 1944 году, противник потерял более 10 дивизий (73 тысячи солдат и офицеров, в том числе более 18 тысяч пленными). Были сильно потрепаны и ослаблены из-за больших потерь еще 15 дивизий врага, действовавших против нашего внешнего фронта окружения. Таков был итог этой грандиозной битвы.

29 февраля, возвращаясь с командного пункта 13-й армии и направляясь в штаб 60-й армии, которая находилась в Славуте, Н. Ф. Ватутин вместе с членом Военного совета генералом Крайнюковым и небольшой группой охраны попал в засаду бандеровцев. Обстреляв впереди идущую машину, бандиты приближались к автомобилю Ватутина.

— Все к бою! — скомандовал Николай Федорович и первым лег в солдатскую цепь.

Бойцы из охраны командующего открыли пулемет-

ный огонь и заставили бандеровцев прижаться к земле, однако те успели поджечь две наши автомашины. Генерал Крайнюков посоветовал Ватутину взять портфель с оперативными документами и под прикрытием огня автоматчиков выйти из боя. Николай Федорович наотрез отказался, заявив, что командующему не к лицу оставлять бойцов в трудный час, а портфель приказал вынести офицеру штаба. Когда тот, в тревоге за жизнь командующего, замялся, Ватутин еще раз настойчиво повторил:

— Выполняйте приказ!

Перестрелка усилилась. Тяжелораненый комфронта продолжал вести бой. Его с трудом уложили в уцелевший «газик», но вскоре и он вышел из строя. Пришлось вывозить командующего из боя на попутных санях, в которые была запряжена пара лошадей. Сани прыгали по ухабам, причиняя Николаю Федоровичу мучительную боль. Во время движения наскоро перевязали кровоточащую рану. Командующий слабел, у него появился болезненный озноб. Выбравшись на ровенское шоссе, разыскали военного врача, который оказал Ватутину первую медицинскую помощь. Тут же подоспели автомашины с автоматчиками, высланные на выручку командующим 13-й армии, узнавшим о случившемся от офицера штаба. Николай Федорович на санитарной машине был доставлен в Ровно, где ему срочно сделали хирургическую операцию. Из штаба армии генерал Крайнюков по ВЧ связался с Москвой и о чрезвычайном происшествии доложил Верховному Главнокомандующему. Одновременно направил ему письменное донесение.

15 апреля 1944 года после тяжелой операции в Киеве Николай Федорович Ватутин скончался. Ему было лишь сорок два года.

17 апреля на высоком берегу Днепра в столице Украины состоялись похороны.

Благодарные киевляне воздвигли своему освободителю величественный памятник на вершине горы, над синим и привольным Днепром-Славутичем. Краткая надпись на сером граните гласит: «Герою Советского Союза генералу армии Н. Ф. Ватутину от украинского народа». Одетый в солдатскую шинель выдающийся советский полководец словно наблюдает с днепровских круч за ходом сражения своих войск. А слева и справа от него — могилы воинов, которые вместе со своим

любимым командующим совершили немало славных военных побед.

Именем генерала Ватутина назван город близ станции Богачово Звенигородского района Черниговской области, а также многие колхозы, улицы, пионерские отряды. Помнят прославленного полководца и на его родине. Деревня, в которой он родился, и местный колхоз названы его именем. Создан мемориальный музей, на видном месте установлен памятник.

Мне приятно сказать о том, что военная деятельность Николая Федоровича Ватутина тесно связана и с Анной, моим родным поселком. Здесь в конце 1942—начале 1943 года находился штаб фронта, который под руководством генерала Ватутина разрабатывал план освобождения Воронежа от фашистских оккупантов. Одна из главных улиц Анны, ныне рабочего поселка городского типа, носит имя прославленного полководца. Здесь установлена мемориальная доска. По этой улице не раз ходил и ездил Николай Федорович в тревожную пору войны. Сейчас она одна из самых красивых улиц поселка.

«Наш командующий» — так с гордостью называли все мы, и солдаты и офицеры, Николая Федоровича Ватутина. В этом понятии было соединено многое: и глубокое осмысление высокой ответственности, возложенной на человека в грозные годы войны, и желание беспрекословно подчиняться своему командующему, и искреннее уважение к личности, во всех отношениях обаятельной, прямо скажу, притягательной. Его не знали тогда по портретам и газетным снимкам, но его видели и встречали, разговаривали с ним, получали его советы и помощь.

В середине июня 1943 года, то есть накануне Курской битвы, специальная комиссия Главпу РККА проверяла работу редакции нашей газеты «За честь Родины» по освещению боевой деятельности войск фронта. Было обнаружено много недостатков и упущений. В приказе начальника Главного политического управления отмечалось, что в период наступательных боев в феврале — марте 1943 года редакция газеты в отдельных случаях оказалась оторванной от войск и не всегда оперативно освещала боевую жизнь...

Надо сказать, что 1943 год для военной печати был

в высшей степени знаменательным. 24 мая 1943 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О реорганизации структуры партийных и комсомольских организаций Красной Армии и усилении роли фронтовых, армейских и дивизионных газет». Учитывая возросшее значение фронтовой печати, Центральный Комитет партии обязал Главное политическое управление Красной Армии укрепить и улучшить газеты соединений и объединений, всемерно повысить их роль в политическом, военном и культурном воспитании личного состава и сделать их важнейшим центром политической работы. Постановление гласило: «ЦК ВКП(б) обращает внимание Главного политического управления Красной Армии и всех политорганов Красной Армии на то, что реорганизация структуры партийных и комсомольских организаций, создание первичных партийных и комсомольских организаций в батальонах, укрепление армейской печати и превращение газет в важнейший центр политической работы должны повести к оживлению партийной работы, к росту партийного актива и к повышению роли партийных и комсомольских организаций в Красной Армии».

Командующий фронтом Н. Ф. Ватутин, Военный совет и политуправление много делали для того, чтобы фронтовая газета была настоящим боевым органом партии на войне. Они постоянно интересовались работой редакции, направляли ее деятельность, помогали во всем. Мы, рядовые работники редакции, знали, что командующий неоднократно вызывал редактора для беседы, ориентировал его в обстановке, сложившейся на различных участках Воронежского фронта, нацеливал на решение главных вопросов боевой деятельности войск. Н. Ф. Ватутин просматривал отдельные наиболее ответственные материалы перед тем, как они шли в печать. Это предостерегало редакцию от ошибок и неточностей.

В том же 1943 году перед Курской битвой мы решили вместе с работниками инженерного управления фронта подготовить полосу о строительстве ложных аэродромов. В материалах высмеивались гитлеровские летчики, бомбившие ложные аэродромы и не замечавшие хитро замаскированных подлинных авиационных баз. Командующий категорически запретил публиковать эту страницу. Он сказал редактору, что если бы редакция опубликовала такие данные, она разгласила

бы наши приемы, передала бы их на вооружение врагу.

Эта серьезная ошибка редакции была предотвращена. После беседы с командующим в газете появилась постоянная рубрика «Готовиться к решающим сражениям с немецко-фашистскими захватчиками!».

На страницах нашей газеты, как и в других фронтовых, армейских и дивизионных газетах, публиковались корреспонденции, информации и фотоочерки о том, как воины учатся бороться с бронированными чудовищами, как они создают неприступные оборонительные рубежи. В повседневной и конкретной помощи фронтовой газете мы, работники редакции, еще раз убедились, присутствуя на заседании Военного совета фронта 27 июня 1943 года, на котором обсуждались итоги работы комиссии Главполитуправления, проверявшей работу редакции. На заседании с заключительным словом выступил Николай Федорович Ватутин. Он говорил, как всегда, кратко, конкретно и образно. И его слова глубоко западали в душу. Мы, присутствующие на этом заседании, записали себе в блокноты его яркие и ценные мысли о ведении воспитательной работы с красноармейцами, советы о том, как лучше обобщать боевой опыт передовых частей и подразделений, особенно опыт борьбы с танками и самолетами противника, как освещать практику партийно-политической работы, готовить воинов к решающим боям. Обо всем этом мы подробно рассказали на общередакционном совещании, на котором было оглашено постановление Военного совета от 27 июня 1943 года об улучшении работы фронтовой газеты «За честь Родины».

Вспоминается встреча накануне форсирования Днепра. В один из сентябрьских дней 1943 года Военный совет фронта слушал отчетный доклад ответственного редактора нашей газеты о подготовке к Днепровской операции. Командующий фронтом Николай Федорович Ватутин начал с конкретной просьбы (хотя имел право и приказывать). Взяв в руки листовку, он сказал:

«Вот эта памятка подготовлена нашим штабом и политуправлением и напечатана в походной типографии. Подобные советы солдатам полезно публиковать и в газете «За честь Родины». Следует завести рубрику «Советы молодому бойцу».

Были даны и другие весьма полезные рекомендации, которыми редакция руководствовалась в своей деятельности в боях на днепровском рубеже.

Прямо с совещания начальник политуправления фронта генерал-майор Сергей Савельевич Шатилов доставил меня на командный пункт 3-й гвардейской танковой армии, куда ехал по заданию командующего. На бронетранспортере я догнал танкистов 51-й танковой бригады и, забравшись к десантникам на броню, к вечеру был уже на берегу Днепра. Потом вместе с разведчиками форсировал реку, отбивал контратаки врага и лишь на третьи сутки смог преодолеть Днепр в обратном направлении, доставить в редакцию материал о первых героях Днепра — комсомольцах Василии Иванове, Иване Семенове, Николае Петухове, Василии Сысолятине и других бойцах, сражавшихся за Букринский плацдарм.

После этой публикации редактора газеты и меня вызвали к командующему. Николай Федорович был уже в звании генерала армии. Он встал из-за рабочего стола, подошел ко мне, протянул руку и сказал:

— Благодарю за оперативное и смелое выполнение задания командования. Но сейчас этого мало. Пример комсомольцев-разведчиков Пятьдесят первой танковой бригады должен стать достоянием всех частей и подразделений фронта. Вслед за вашей корреспонденцией необходимо опубликовать письмо Военного совета к воинам-комсомольцам, первыми форсировавшим Днепр.

Тут же, в соседней комнате, мы с редактором газеты и помощником начальника политуправления по комсомолу Г. Шатуновым составили довольно длинное письмо и показали его командующему. Он быстро прочитал текст, взял ручку и стал убирать лишние слова и целые фразы, дополняя другими, более точными.

В тот же вечер с письмом, подписанным командующим и членом Военного совета фронта, я снова отправился на Букринский плацдарм. Текст письма был опубликован 30 сентября в газете «За честь Родины».

«Гвардии рядовым комсомольцам Николаю Петухову, Ивану Семенову, Василию Сысолятину, Василию Иванову.

Горячо поздравляем вас с замечательным подвигом.

Ваша геройская переправа через Днепр, цепкое закрепление на правом берегу, готовность, не щадя жизни, отстаивать каждый клочок отвоеванной родной земли и неукротимо двигаться все дальше вперед — на запад — служат примером для всех воинов.

Так надо выполнять воинский долг, нашу священную присягу Родине!

Вам выпала великая честь — вызволять родную Украину, славный Киев из гитлеровской неволи, сражаться на Днепре — решающем рубеже, где мы должны сломать хребет фашистскому зверю.

Вы действуете, как суворовцы,— смело, ловко, стремительно и потому побеждаете.

Благодарим за честную солдатскую службу. Желаем дальнейших боевых успехов».

Умелым действиям бесстрашных воинов-комсомольцев была посвящена выпущенная политическим управлением фронта специальная листовка, в составлении которой мне также довелось принимать участие. В ней говорилось:

«Фашисты, опомнившись, бросаются в яростные контратаки. Но стойко и мужественно сражаются советские гвардейцы. Не щадя своих сил и крови, дерутся четверо отважных...

Советские войска прочно закрепились на правом берегу Днепра и наносят врагу удар за ударом, громя его дивизии, освобождая от фашистских захватчиков Правобережную Украину.

Вечно будет хранить в сердцах народа Родина имена четырех отважных комсомольцев — Николая Петухова, Василия Сысолятина, Ивана Семенова, Василия Иванова, вступивших первыми твердой ногой на правый берег Днепра!»

Листовка эта была выпущена по заданию генерала Ватутина, а отважной четверке комсомольцев вскоре было присвоено звание Героев Советского Союза (Петухову — посмертно).

...В сообщении ЦК ВКП(б), Совнаркома СССР и Наркомата обороны СССР говорилось: «В лице товарища Ватутина государство потеряло одного из талантливых молодых полководцев, выдвинувшихся в ходе Отечественной войны».

Всюду, на каких бы постах Н. Ф. Ватутин ни находился, он показывал себя человеком кипучей энергии, пытливого ума, высокой требовательности к себе и к другим, исключительно скромным и жизнелюбивым, таким он и остался в памяти всех, кто его знал, кому приходилось с ним встречаться. Таким запомнился он и мне.

НА ЛЕВОМ ФЛАНГЕ, У КОРОТОЯКА

Все, кто был в тот июльский день сорок второго на беседе у командующего фронтом Николая Федоровича Ватутина в деревне Углянец, вернулись на свои служебные места. Мне же, не заезжая в редакцию, необходимо было отправиться в 6-ю общевойсковую армию, которая держала оборону по Дону в районе города Коротояка — на самом левом фланге Воронежского фронта.

Услышав от редактора номер армии, я невольно вздрогнул.

— Уж не та ли Шестая армия, в которой мне довелось служить и начинать войну западнее Львова?

— Кажется, та самая,— уклончиво ответил Петр Алексеевич Молчанов.— На месте все и узнаете. Желаю успеха в работе. Через три дня жду от вас перволосный материал для газеты.

Редактор сел в кабину грузовика и уехал, оставив меня, что называется, посреди дороги. Конечно, мне не привыкать к кочевой корреспондентской жизни, но беспокоил жесткий приказ: через три дня в редакции должен быть мой материал о делах и людях новой для меня армии. А туда ведь еще надо добраться...

Раньше, на Волховском фронте, я часто прибегал к услугам полевой почты или пунктов сбора донесений (ПСД). Там обязательно ежедневно при любой погоде шел какой-то транспорт не только «вверх», в вышестоящий штаб, но и «вниз». Так решил поступить и на этот раз. К моему счастью, из штаба фронта в район расположения 6-й армии, точнее в город Бобров, улетал с почтой «кукурузник» — так в шутку называли самолет ПО-2. Летчиком оказался добрый, разговорчивый старшина, увлекавшийся поэзией. Родом он тоже был из здешних воронежских мест. На мой вопрос: «Нельзя ли с вами?» — он без раздумий ответил: «Почему нельзя, вдвоем веселее будет». Но, как человек бывалый и опытный, спросил, кто я и почему собираюсь лететь в штаб 6-й армии. Представившись по всей форме, я подал ему свой документ. В удостоверении, отпечатанном на машинке, значилось: «Предъявителю сего старшему инструктору отдела фронтовой жизни фронтовой газеты «За честь Родины» старшему политруку Борзунову Семену Михайловичу разрешается вести корреспондентскую работу во всех частях Воронежского фронта.

Командирам и комиссарам частей и соединений оказывать тов. Борзунову необходимое содействие в работе.

Действительно по 1 декабря 1942 г.»

Документ был подписан исполняющим обязанности начальника политуправления фронта бригадным комиссаром Шатиловым.

— С ним тоже приходилось летать,— возвращая мне документ, проговорил старшина и добавил:— Тогда шел дождь. По земле — ни проехать, ни пройти. А ему очень надо было в политотдел Шестой армии попасть. Вот и получил я приказ: срочно доставить в указанный пункт бригадного комиссара Шатилова. Мне он очень понравился. Большой начальник, а вел себя проще простого. Расспросил обо всем житейском да и о делах на фронте рассказал очень понятно и доходчиво. Очень он по характеру схож с нашим командующим генералом Ватутиным. Не приходилось встречаться?

«Наш командующий» — на эти слова я прежде всего обратил внимание и механически ответил:

— Приходилось. Можно сказать, только что расстались...

— Не может быть! Расскажите о нем. Очень интересно знать.

Пока старшина раскладывал в самолете пакеты и свертки с сургучовыми печатями, освобождая мне место, я рассказывал ему о встрече журналистов с командующим.

— Очень хороший человек, очень...— резюмировал старшина.— С таким, думаю, мы обязательно победим. Садитесь, поехали!

С трудом втиснулся я в одноместный воздушный тихоход, и он, потоком воздуха свалив с себя маскировку, сделав небольшой разбег по бугристому жнивью, оторвался от земли.

Впервые увидел я родные воронежские просторы с высоты птичьего полета, и сердце мое забилось учащенно: до чего же красивые места! Но сейчас они были обезображены войной. Кругом от бомбежек врага дымились пожарища. Это были страшные дни, когда:

Горели станции и села,
Торфяники, поля, песок,
Горели заросли осок,
И чад войны, густой, тяжелый,
Все продвигался на восток.

Кружились птицы: скрыться где бы!
В огне и тучи, и леса...
Летит зола на землю с неба?
Или с земли на небеса?

Весь день, всю ночь душа на взводе.
Глядишь вокруг — глаза болят.
Не разберет усталый взгляд:
Где дом горит,
Где солнце всходит,
Где пламя битвы,
Где закат...

Стихи эти я впервые услышал в блокадном Ленинграде, где они и были написаны в начале 1942 года, когда их автор жил и боролся в замороженном и наполовину вымершем городе. Это был тогда молодой, но уже обстрелянный боец морской пехоты, доброволец, еще никому не известный поэт Александр Яшин.

Некоторое время мы летели над Воронежским заповедником, который был буквально забит войсками и техникой. Пересекли извилистую реку Усманку с красивыми лесными берегами, лодочными причалами, примыкающими зелеными полянами. Миновали дорогу, идущую из Тамбова на Воронеж. Сплошным потоком двигались по ней войска, а больше всего по боковым полевым просекам, поднимая клубы черной пыли, как будто и они, дороги, были подожжены врагом. И так было на всех просеках и тропинках, которых здесь на открытой, безлесой степной зоне оказалось великое множество. Промелькнули полувысохшие речки Хава, Икорец, Березовка... Пошли над грейдерной дорогой Воронеж — Анна — Борисоглебск — Саратов. Здесь мне все было знакомо и близко. По этой дороге не раз приходилось ездить еще до войны. Миновав Криушу, самолет взял курс на Нащекино, где я учился в семилетней школе, а между ними лежал поселок Зеленевка. Там жила теперь моя мать с тремя дочерьми, Анной, Екатериной и Раисой, и двумя сыновьями, Митрофаном и Александром. Я не видел их с тридцать девятого года. Пока я размышлял о своих сестрах и младших братьях, о друзьях детства, наш самолет оказался прямо над поселком. Увидев свой дом, я забарабанил по спине летчика, крича: «Вот же он, мой дом!», и рукой стал показывать на неказистую, приземистую, крытую соломой хатку. Старшина понял меня, сделал крутой разворот и спустился совсем низко, чуть не касаясь ко-

лесами труб. Гляжу, на порог дома вышла мама и, приложив руку к глазам, смотрит на бог весть откуда появившийся самолет. Старшина явно намеревался сделать посадку на широкую, как выгон, зеленую улицу. Но в это время, услышав рокот самолета, из хат стали дружно выбегать ребятишки. Чувствую, что они помешают нашей посадке. Так и есть. Старшина резко берет вверх и делает новый заход. На всякий случай вырываю из блокнота листок бумаги и размашисто вывожу: «Мама, это я. Обнимаю всех и целую. Здоров. Лечу на фронт. Семен».

Самолет стремительно снижался, но ребята уже из всех домов густо высыпали на улицу. Садиться было рискованно. Старшина направил машину прямо к порогу дома, у которого стояла и крестилась мать, а к ней плотно прижимались сестренки и пятилетний братишка Сашка. Над самым домом старшина так накренил самолет, что я чуть не выпал из него. Зато ясно увидел тревожное лицо матери с платком в руке, недоуменные лица сестер, братишки, соседей... Проткнув карандаш сквозь сложенную вчетверо записку, бросил ее к ногам стоявших у дома людей. Сделал приветственные взмахи левой рукой (правой крепко держался за борт самолета). Мы продолжали полет...

Под крылом самолета появилось другое, близкое моему сердцу село — Нащекино. Впервые я побывал здесь в начале засушливого 1932 года. Доведенные до крайности, мы с младшим братом пришли сюда за милостыней. Обошли почти все дворы, но безрезультатно: вернулись с пустой сумой. Но не это было самым обидным и досадным. Самое страшное ожидало меня осенью. Я упросил отчима разрешить мне поступить в пятый класс семилетней школы, которая была в тот год открыта в Нащекине. И когда, преодолев четыре с лишним километра размытой дождем дороги, я оказался в классе, радость моя была тут же омрачена. Позади за партой вдруг громко раздался язвительный голос: «Как зовут-то тебя, побирушка?» Я был настолько поражен, что не смог не только ответить обидчику, но даже повернуться в его сторону. Не смог поднять ни на кого глаз. Казалось, что все узнали и с возмущением смотрят на меня. Краска стыда залила лицо. Прикрываясь руками, я как ошпаренный выскочил из класса и, обливаясь слезами, бежал без оглядки обратно домой. Проплакал весь день, прячась в картофельной

ботве. Когда стемнело — в огороде появилась мать. Удивленная, она стала настойчиво расспрашивать меня, но я долго не мог ничего толком ей ответить, лишь твердил одно и то же:

— Никуда больше не пойду...

— Ты же так хотел учиться... Почему же передумал?

— Хотел, а теперь не хочу,— хлюпал я.

Так был потерян еще один учебный год, к тем двум, которые прошли впустую после начальной школы.

Посещение нащекинской семилетки я возобновил лишь в 1933-м, не лучшем году.

Тяга к знаниям оказалась сильнее всяческих невзгод и обид. А их было в те годы немало. Не хватало одежды, обуви, учебников, тетрадей и других необходимых школьных принадлежностей. К тому же необходимо было ежедневно в дождь, грязь, слякоть, снег и мороз преодолевать около десяти километров. Помню, мать из своего единственного сохранившегося еще с девичьих времен полушубка перешила для меня кожушок. Но перешила неудачно: получился он сильно перекошенным. Правая сторона была неестественно поднята вверх, а левая сильно опущена. Соответственно один рукав оказался длиннее другого. Этот порок неопытной закройщицы мне пришлось ежедневно исправлять своим телом, проще говоря, ходить скособочившись. И уж не знаю, чего больше приносил мне этот кожушок — радости или горя. Ведь я уже был взрослым парнем и очень стыдился своей полуистлевшей уродливой одежды и обуви. При встречах с девчатами сгорал со стыда и чаще всего обходил их за полверсты. Но, повторяю, стремление к знаниям, к тому, чтобы с их помощью вырваться из нужды, было сильнее всего...

В таких вот горьких раздумьях долетел я до города Боброва, а оттуда на попутных машинах добрался до штаба нужной мне 6-й армии.

О своем прибытии доложил начальнику политотдела. Им оказался знакомый мне еще по 4-й армии Волховского фронта полковой комиссар Д. С. Нененко, за подписью которого у меня в кармане лежало офицерское удостоверение личности. Перед войной он был одним из секретарей Воронежского обкома партии. Полковой комиссар был очень приветлив и хорошо информирован. Он ввел меня в боевую обстановку. Рассказал

о командующем армией генерале Харитонове, назвал члена Военного совета корпусного комиссара Мехлиса.

— Армейский комиссар первого ранга? Начальник ГлавПУРККА?! — невольно вырвался у меня вопрос.

— Да, он,— только и ответил полковой комиссар, не желая что-либо сообщать еще. Несколько позже из рассказов сведущих людей я узнал о том, что в мае 1942 года, являясь представителем Ставки Верховного Главнокомандования на Крымском фронте, Л. З. Мехлис не сумел обеспечить организацию обороны Крыма, за что был освобожден от занимаемой должности. За время работы корреспондентом по 6-й армии мне не раз приходилось иметь дело с этим крутым, не в меру горячим и не всегда объективным политработником...

Очень хорошее впечатление осталось от встречи с командующим армией генерал-майором Федором Михайловичем Харитоновым, который принял меня в тот же день. В своем поведении, делах, поступках, манере беседовать с людьми он удивительно походил на Николая Федоровича Ватутина. Его отличала лишь внешность: сухопарый и бледный, он скорее напоминал Суворова.

Из тех кратких данных, которые сообщил мне о своем командующем начальник политотдела армии полковой комиссар Ненeнко, я знал, что генерал-майор Харитонов старый отважный солдат, прошедший большую и сложную школу воинского мастерства. В молодую Рабоче-Крестьянскую Красную Армию он пришел коммунистом в начале 1919 года. Рядовым бойцом принимал активное участие в боях на Восточном и Южном фронтах. После гражданской войны некоторое время был райвоенкомом, учился на высших командных курсах «Выстрел», потом назначался командиром стрелкового полка, начальником штаба дивизии и корпуса, работал в штабе Московского военного округа. В первые же дни Великой Отечественной войны выполнял обязанности заместителя начальника штаба Южного фронта, а с сентября 1941 года назначается командующим 9-й армией того же фронта. Войска этой армии под его руководством мужественно и умело вели себя в оборонительных боях под Ростовом. Опираясь на созданный Харитоновым сильный противотанковый заслон, правый фланг его армии отразил многочисленные атаки гитлеровских танков.

Воевала 9-я армия против мощной танковой груп-

пы опытнейшего немецкого полководца Клейста. Молодой советский генерал в первое время вынужден был уступить не только опыту фашистского генерала, имевшего на своем счету много громких побед на западе, но прежде всего уступить его превосходящим моторизованным силам. Но даже в этих условиях, будучи битым и окруженным, Харитонов продолжал наносить врагу ощутимые удары. Более того, он задумал перехитрить Клейста. Испрашивая на то разрешение командующего фронтом, генерал Харитонов докладывал:

— Идея моего плана основана на тщательном изучении поведения врага. Клейст прорывается на стыках. Мой ответный маневр рассчитан на внезапность. Пропустив его танки, я хочу поставить против него свежую дивизию второго эшелона. Я берусь лично обучить бойцов смело поражать танки. В глубине сосредоточу всю артиллерию. Противник будет деморализован. Тем временем мои другие дивизии нанесут ему удар с тыла. Вся беда в том, что численный состав их резко изменился из-за тяжелых, непрерывных боев. Если вы их пополните, я остановлю Клейста, обескровлю его, заставлю изменить тактику. Вот главная мысль. Успех будет зависеть от того, чем я буду располагать!

Командующий фронтом несколько минут молчал, потом сказал:

— Учитывая, что главный удар Клейст направил против тебя, я передам тебе единственную свежую дивизию, которая ко мне пришла. То, что ты задумал, одобряю. Если тебе удастся остановить и потрепать Клейста, ты облегчишь нам выполнение операции по его разгрому.

Федор Михайлович Харитонов полностью выполнил задуманный план и тем помог нашему командованию в разгроме основных сил Клейста еще в сорок первом, самом тяжелом году войны.

И вот он назначен командующим 6-й армией Воронежского фронта. Новая армия, новый район дислокации, новые люди, новый фронт, новые сложности и заботы. Но передо мной сидел человек, не изможденный заботами и ответственностью, не изнуренный боями и походами, не удрученный неудачами первых месяцев войны. Федор Михайлович производил впечатление сильного духом человека, убежденного в победе нашего правого дела. Я набрался смелости и попросил генера-

ла рассказать мне, корреспонденту, о том, где и когда воевала его 6-я армия.

— О, это длинная история,— сразу же ответил Федор Михайлович.— Она одновременно и славная и печальная. Одним словом — многострадальная.

— История или армия? — попытался уточнить я.

— И то и другое.

Федор Михайлович кратко, со штабной точностью поведал мне о следующем.

Были три советские общевойсковые армии, носящие шестой номер. Впервые 6-я армия заявила о своем существовании в годы гражданской войны и иностранной интервенции в России в сентябре 1918 года. Ею поочередно командовали известные военачальники Самойло, Авксентьевский, Корк и другие. Второй раз 6-я армия была создана в 1939 году и участвовала в освободительном походе советских войск в Западную Украину. К началу войны эта армия была развернута западнее Львова. В первые часы вступила в бой против фашистских войск, вероломно нарушивших нашу границу.

Тут я не удержался и сообщил, что был причастен к делам армии в те трагические дни.

— Вот и спасибо,— вдруг оживился Федор Михайлович и заключил: — Вы избавили меня от самого тягостного — от рассказа о чрезвычайно тяжелой судьбе частей и соединений этой армии, которая прекратила свое существование в августовских боях сорок первого года под Уманью на юге Украины. В Зеленой Браме...

Сказав это, генерал внезапно смолк. Глубоко задумался о чем-то своем, потом резко вскинул голову и стал с воодушевлением говорить о своей нынешней 6-й армии, ее командном составе, ее мужественных бойцах и уже проведенных оборонительных боях.

Во всем чувствовалось, что командарм Харитонов, как и комфронта Ватутин, которого он любил и которому во многом подражал, прошел большую и жестокую школу войны, мужественно бил врага, но и сам был бит больно. Он глубоко познал уловки врага и его тактику, его бесчеловечные методы борьбы. И вот теперь, получив в свое распоряжение новую армию, готовил ее к боям на донском рубеже, готовил уверенно, со знанием дела. Утверждаю это потому, что приходилось бывать на многих методических занятиях, учебных сборах и инструктажах, которые генерал Харитонов проводил с офицерами армии на местности, в обстановке, прибли-

женной к боевой. И не только с командным составом, но и с рядовыми солдатами.

...Невдалеке от расположения штаба армии тренировались в стрельбе бойцы прибывшего пополнения. К ним подошел генерал Харитонов.

— Ну как, готовы воевать с гитлеровцами? — спросил Федор Михайлович бойцов.

— Готовы, товарищ генерал.

— А не страшно?

Один солдат смущенно и нерешительно произнес:

— Вот только автоматчики у них много страху нагоняют, огонь густо дают.

— Значит, опасаетесь фашистского автомата? Ладно, сейчас мы его посмотрим,— улыбаясь, сказал генерал и приказал принести трофейный автомат.— Поставьте мишень в человеческий рост на двести метров,— распорядился командарм. Потом предложил меткому стрелку сержанту Айдарову выпустить в мишень обойму.— Цельтесь точно, внимательно, по всем правилам,— предупредил генерал.

Айдаров приладил автомат к плечу и выпустил все патроны из магазина.

— Все — к мишени! — скомандовал генерал.

В мишени не оказалось ни одной пробоины.

— Вот так,— сказал генерал,— автомат противника рассчитан на трескотню, рассчитан на то, чтобы сеять панику, а качество его дрянное. Попасть из него на двести метров, как сами видели, дело трудное. А теперь посмотрите, как действует наш советский автомат. Поставьте мишень на триста пятьдесят метров...

И снова сержант Айдаров выпустил очередь по мишени, теперь уже из нашего автомата. Пули легли кучно.

— Видели, как бьет наш автомат? — сказал генерал.— Так чье же оружие лучше?

Солдаты хором ответили:

— Наш лучше. А фашистский автомат нам теперь не страшен.

Генерал Харитонов свободно называл имена бойцов и командиров, которые воевали грамотно и отважно, и просил написать о них во фронтовой газете. Помню, после той беседы я вышел окрыленным и сразу же отправился в 174-ю стрелковую дивизию полковника Карапетяна: она была на самом бойком месте и сыграла важную роль в боях за Коротояк.

Город этот, расположенный на западном берегу Дона, господствовал над нашими позициями. И вот его надо было отвоевать, очистить от врага, занять плацдарм на западном берегу Дона. Наступать на город в лоб тяжело и опасно. Это могло привести к большим потерям в людях и технике. Было решено начать наступление с обоих флангов, обойти город с запада и поставить под удар всю группировку вражеских войск, занимавших город и прилегающие к нему села.

Первыми начали наступление подразделения 174-й дивизии полковника Карапетяна, находившиеся севернее города. Ночью скрытно переправившись через Дон, один из полков этой дивизии занял село Урыв и стал вдоль западного берега реки продвигаться на юг в сторону Коротояка. К середине дня была занята вторая деревня. Уничтожив до двух рот вражеских солдат, подразделения дивизии с тяжелыми боями стали обходить город с северо-запада. В это время на левом фланге переправилось другое наше подразделение. Враг был взят в полукольцо и начал отходить, упорно сопротивляясь.

Ожесточенный бой продолжался больше суток. На другой день противник ввел в бой свежую дивизию и при поддержке танков пошел в контратаку.

— Умрем, но не отступим ни на шаг! — поклялись бойцы.

Огнем истребителей танков и артиллерии были уничтожены 64 вражеские машины. Остальные повернули обратно. Контратака фашистов захлебнулась.

Гитлеровцы не могли примириться с этим и стали бросать в бой одну за другой венгерские дивизии, танки, артиллерию и авиацию. Они были вынуждены бросать в бой даже части, направлявшиеся на южный фронт к Сталинграду, который был тогда для них главной целью летнего наступления 1942 года. И в этом была задача наших боев за Коротояк: отвлечь силы врага от сталинградского направления.

Гитлеровцы беспощадно разрушали город и грабили его жителей. Словно голодные волки врывались они в дома советских людей. Огнем пылали здания советских учреждений, школы, библиотеки, колхозные постройки. На улицах валялись трупы расстрелянных, слышались стоны и плач женщин и детей.

В одном из близлежащих от Коротояка сел заведующая почтовым отделением немолодая женщина Ки-

селева Вера Игнатьевна была не только очевидицей, но и пострадавшей от гитлеровских издевательств. Страшную картину пребывания гитлеровцев в их селе нарисовала она.

— Смогли бы вы обо всем этом рассказать на страницах вот этой красноармейской газеты? — обратился я к Вере Игнатьевне и показал ей свежий номер «За честь Родины».

— Смогла бы, но я никогда не писала в газету. Вот так, устно, пожалуйста. А письменно вряд ли что получится...

— Ну, а если помочь вам записать?

— Можно попробовать.

Так в нашей газете появился рассказ В. И. Киселевой о страшных зверствах гитлеровцев в их селе.

«Оккупанты подошли к нашему селу неожиданно. Мы с мужем решили уходить. Запрягли лошадь, погрузили вещи, двинулись. А пули уже кругом свистят. И тут у нас лошадь убило. Бросили мы все и побежали к околице, а с горки навстречу — вражеские танки. Так и пришлось вернуться назад.

Ворвались фашисты в село, по хатам шныряют, все, что на глаза попадается, хватают. Вошли и к нам.

— Где партизаны? — А сами к сундуку. Сверху у меня ожерелье лежало. В карман его!

Прошло два часа — выгоняют всех из хат на улицу. Смотрим, ведут кого-то. Подошли поближе — женщина. Пригляделась я: да ведь это же учительница наша Толмачева! Лицо все в крови, платье разодрано в клочья, еле ноги передвигает: били ее, видно, сильно. Идет она, гордо голову несет. Увидела у соседнего дома девчат знакомых и крикнула во весь голос:

— Прощайте, девчата, расстреливать меня ведут!..

Тут ее прикладами начали бить... Упала она, поднялась, а за ней по земле след кровавый тянется. Увели ее и расстреляли.

Той ночи не забыть никогда, до утра глаз сомкнуть я не смогла. Наступило утро. А на сердце тяжесть такая, точно камень лежит. Днем согнали всех нас на площадь, даже ребятишек заставили с собой взять. Смотрим — виселица высокая стоит, за ночь построили. Офицер что-то приказал, солдаты забегали, из хаты вывели болдыревского председателя сельсовета Кислякова Дмитрия Тарасовича... Влез он на подводу, оглядел всех, поклонился низко и через силу сказал:

— Товарищи колхозники, умираю я за власть Советскую. Умираю, а вам наказываю: будьте честны, врагу не поддавайтесь.

Люди плакали...

Когда повесили Дмитрия Тарасовича, офицер стал говорить, и все, что он сказал, повторил за ним переводчик:

— Все вы партизаны, всех вас виселица ждет, с каждым будем расправляться беспощадно.

Хотели мы по домам разойтись — не пустили, два часа заставили смотреть, как качается повешенный.

Так началась наша страшная жизнь. За все — порки, пытки да наказания. Перед каждым домом заставили виселицу сделать — как кто провинится, чтобы далеко не вести. Приказали вывесить на стенке списки, кто проживает, а если в доме найдут лишнего человека, жди расстрела. Выдали каждому из нас кусочек материи, написали на них номера и приказали пришить к рукаву. Так я стала номером 32.

Каждое утро всех к церкви сгоняли. Стоим час, другой. Ветер, мороз, зуб на зуб не попадает, ждем приказа. Потом под конвоем гонят дороги исправлять, мосты чинить, окопы рыть. Только хочешь спину разогнуть, солдат прикладом по ней...

Однажды утром смотрим — забегали по хатам оккупанты. По улице их повозки куда-то проезжают. Торопятся, спешат. Где-то слышна стрельба. Послала я мужа узнать, что делается. Жду час, другой. На улице пусто. Тихо да страшно так стало. Вдруг муж в хату вбегает.

— Вера! — кричит, а сам плачет и смеется.— Вера, наши пришли!»

Много раз сильными контрударами гитлеровцы пытались вернуть потом Коротояк и сбросить наши дивизии с западного плацдарма. Об этих боях, о мужестве советских воинов, защищавших каждую пядь родной земли, я, используя фельдсвязь, военный телеграф и другие оказии, почти ежедневно сообщал в редакцию. Многие подобные сообщения корреспондентов с других участков печатались в газете под постоянной рубрикой «Последние известия с фронта».

Находясь в освобожденном Коротояке, я узнал о том, что на этих рубежах вела упорные бои 10-я гвардейская истребительная противотанковая бригада, прибывшая из Сибири. Не успели ее бойцы занять оборону

на левом берегу Дона, как фашисты предприняли атаку. Они шли во весь рост, беспрерывно строча из автоматов, нагоняя страх на оборонявшуюся сторону. Но воины-сибиряки смело приняли первый в своей жизни бой. Дружным огнем они отразили первую атаку, потом вторую, третью... Особенно смело и находчиво действовали противотанкисты капитана Пилина, минометчики капитана Гаврикова и артиллеристы майора Трофимова. Измотав противника в тяжелых оборонительных боях, противотанковая бригада вскоре сбросила врага в Дон, форсировала его и заняла несколько улиц Коротояка.

Мужественно в те дни сражались с врагом пулеметчики, минометчики, бронебойщики, артиллеристы, саперы, связисты. Бойцы и командиры офицера Кобелева первыми ворвались в город. Подразделения командиров Добшикова, Асламова и Шафаренко уничтожили до двух полков вражеской пехоты, подбили девять немецких танков и захватили большие трофеи. Гвардейцы-минометчики офицера Шипова уничтожили десять вражеских танков, около ста автомашин с войсками и грузами, несколько минометных батарей и батальонов пехоты.

После шестидневных боев наши части заняли пять населенных пунктов и ряд важных высот. Полностью были разгромлены две венгерские дивизии и основательно перемолота третья, уничтожено больше сотни танков, несколько артиллерийских и минометных батарей врага. Взято много пленных. В городе слышались грохот, свист пуль и осколков, бушевала самая настоящая свинцовая пурга.

Обо всем этом рассказывалось в моей корреспонденции «Как был взят город К.», напечатанной в газете «За честь Родины» 17 августа 1942 года. Для современного читателя поясню, что в годы Великой Отечественной войны в целях сохранения военной тайны и дезинформации противника все населенные пункты и города обозначались в печати начальными буквами, а дивизии и полки назывались энскими частями и подразделениями.

Много лет прошло с той поры, но каждый раз, когда заходит речь о боях на родной воронежской земле, я часто вспоминаю жаркие схватки с гитлеровцами и тех, кто не щадя себя уничтожал врага. Прежде всего вспоминаю моего юного друга киргиза Чолпонбая

Тулебердиева, о подвиге которого я писал еще в 1943 году, писал и позже.

В те мгновения, когда решалась судьба многих десятков жизней, а главное — судьба ответственной военной операции, Чолпонбай Тулебердиев, сообразуясь со своей совестью, со своим гражданским долгом, принял крайнее решение — бросился на вражеский дзот. Он, конечно же, не думал, что совершает подвиг. Решение пришло мгновенно, но оно было заложено в его мировоззрении, в его сформировавшейся жизненной позиции. В смелом поступке, какой приходится совершать раз в жизни, отразились его самые благородные моральные качества, которые аккумулировались всей предшествующей жизнью.

Много лет спустя после войны, когда я написал и опубликовал повесть о подвиге Чолпонбая «Не первая атака», ко мне в Москву приехал его младший брат Манасбай. В составе делегации своих земляков он возвращался из Селявного — места гибели брата — и рассказывал, как сердечно их принимали колхозники, как заботливо они ухаживают за белокаменным обелиском. У подножия памятника всегда цветы. Здесь часто бывают пионеры дружины, носящей имя Чолпонбая, проводят торжественные линейки.

Приветствуя киргизскую делегацию, колхозники от всей души говорили гостям:

— За эту землю, за достаток и изобилие, за счастье мирного труда отдал свою жизнь Чолпонбай Тулебердиев — ваш земляк, патриот, герой. Имя его никогда не будет забыто: мы сохраним его в своем сердце и в памяти своей.

От имени своих земляков говорил и он, брат героя, Манасбай Тулебердиев:

— Чолпонбай погиб, освобождая русское село. А сколько русских погибли за счастье киргизского и других братских народов нашей страны! Совместно пролитая кровь навеки спаяла нашу могучую советскую семью...

Манасбай с гордостью рассказывал о детских и юношеских годах своего среднего брата. Говорил о его внимательности, честности, трудолюбии, прилежании в учебе, высокой дисциплинированности всюду и во всем. Такой человек не мог воевать кое-как. Он, конечно, знал, что идет на смерть. Но, наверное, не говорил себе в тот момент: «Сейчас совершу подвиг». Нет, его храб-

рость была не картинно-героической, она была немногословной, а точнее, молчаливой, скромной.

Подвиг Чолпонбая Тулебердиева опровергает теорию стихийности, теорию «рывкового», неосознанного действия.

Есть, к сожалению, солдаты и матросы, которые замечательное качество советского воина — беззаветную храбрость — путают с ухарской бесшабашностью. «Была бы война, вот там бы я себя показал, узнали бы тогда, на какое геройство я способен»,— рассуждает такой ухарь и тут же нарушает дисциплину, избегает трудностей в службе, «сачкует».

Нет, подвиг не приходит случайно, сам по себе, как выигрыш по счастливому лотерейному билету. На фронте бывало так, что воины находились в одинаковых условиях, но одни совершали подвиг, а другие нет.

Стало быть, есть какие-то требования, предпосылки, необходимые для свершения подвига? Да, есть. Для советского воина такой предпосылкой является безупречное выполнение присяги. Все, к чему обязывает присяга: быть до последнего дыхания преданным Родине, честным, храбрым, дисциплинированным воином, добросовестно изучать военное дело, мужественно и умело сражаться против врагов,— все это является залогом ратного подвига.

Верно и то, что подвиг не рождается вместе с человеком, он воспитывается в нем. «Не стану кривить душой,— признавался после полета космонавт Герой Советского Союза В. Лазарев.— Абсолютно бесстрашных людей не существует. Разве что только в сказках. Чувство опасности ощущают все — это факт, другое дело — один острее, другие нет. Но здесь важно не это: одним чувство опасности прибавляет сил, мобилизует, заставляет думать и анализировать много быстрее, чем в обычной обстановке, в других оно вселяет панику, растерянность, делает их трусами, и, как следствие, они не могут принять верного решения».

Писатель Михаил Каминский заметил однажды, что отвага не существует сама по себе. Ее рождает борьба за жизнь, за правду, за справедливость, за новые знания. Что ж, Михаил Николаевич Каминский знал цену жизненным категориям: он был полярным летчиком.

Ныне о подвиге Чолпонбая Тулебердиева, предвосхитившего подвиг Александра Матросова, написано

немало очерков и книг, кино- и драматургических постановок и полотен художников, сооружены памятники и обелиски.

ПОБЕДЫ СНАЙПЕРА ГОЛОСОВА

Вечерние сумерки давно спустились над Доном, а снайперы с «охоты» не возвращались. Командир роты гвардии старший лейтенант Стадник то и дело поглядывал на часы, выходил из блиндажа и долго всматривался в сторону противника, откуда доносилась автоматная перестрелка. Время шло мучительно медленно. Вскоре наступила ночь, но о сне никто не думал. Снайпер Василий Иванович Голосов, выходя со своей небольшой группой на «охоту», заявил, что вернется только после того, как доведет свой личный счет до сотни гитлеровцев.

Прошло еще какое-то время. Вдруг дверь в блиндаж широко распахнулась и в него быстро вошли гвардии старшина Голосов и три его ученика — красноармейцы Волчков, Тюлькин и Сырцов.

— Ну, как с «охотой»? — нетерпеливо спросил командир роты.

— Не получилось, товарищ гвардии старший лейтенант,— как всегда спокойно ответил Голосов и сделал небольшую паузу.— До сотни нужно было убить одного, а убил... тринадцать.

Ответ снайпера рассмешил присутствующих. Старший лейтенант поздравил отважного снайпера с началом второй сотни и попросил рассказать, как проходила «охота».

— Подобрались мы вплотную к их обороне,— начал Василий Иванович,— и увидели перед собой подбитый немецкий танк. Вначале я пополз к нему один. Когда взобрался внутрь, отчетливо увидел перед собой группу вражеских солдат. Дал Волчкову знак, чтобы и он полз ко мне. Тюлькин и Сырцов оставались на месте. «Ты наблюдай, а я буду стрелять»,— приказал Волчкову. Тремя выстрелами уничтожил трех фашистов. Остальные успели спрятаться. Смотрю, чуть правее показался еще один — с биноклем. Стало быть, наблюдатель. С первого выстрела уложил и его. Потом говорю Волчкову: «Будем работать оба». Но не тут-то было. Отверстие в танке, через которое я стрелял, ока-

залось неприспособленным для двоих. Пришлось Волчкову стрелять, а мне наблюдать через башню. Метко стал он снимать фашистов. Так вчетвером мы уничтожили двадцать пять гитлеровцев: я — тринадцать, Волчков — шесть, Тюлькин и Сырцов — по три. Ничего, что ровную сотню не удалось отпраздновать. Придет время — отпразднуем две,— закончил рассказ Голосов.

Свой очерк об этой «охоте» я так и назвал — «Сотни не получилось...». Он был написан по рекомендации генерала Ф. М. Харитонова. А началось все со слета снайперов, который проходил в конце сентября 1942 года. Но прежде следует сказать о том, что, готовя армию к большим наступательным боям, генерал Харитонов провел целую серию деловых совещаний, практических занятий и инструктажей военнослужащих разных специальностей: автоматчиков, бронебойщиков, саперов, связистов, пулеметчиков и других. В ряду этих мероприятий и был слет снайперов. Тогда снайперское движение приобретало очень важное значение. Достаточно сказать, что только 6-й армией снайперским огнем из винтовок, пулеметов, минометов, орудий были истреблены тысячи фашистских солдат и офицеров, уничтожено много техники.

Помню, меня очень заинтересовало выступление на слете Василия Ивановича Голосова, который в совершенстве овладел снайперским искусством и обучил этому ремеслу многих красноармейцев своей роты. Только в одном бою его группа уничтожила более сорока фашистов, а на его личном счету к моменту слета снайперов было уже около семидесяти гитлеровцев.

Голосов рассказывал об одном тяжелом состязании с гитлеровским снайпером в условиях города. Хорошо укрывшись в большом доме, враг не давал нашим бойцам прохода. Голосову стоило много труда выследить, откуда бьет фашист, так как дом был многоэтажный и длинный.

Откуда летят вражеские пули? Этот вопрос не давал покоя Голосову. Он долго думал и наконец придумал способ поймать вражеского снайпера на мушку. Ночью вырезал из фанеры голову и плечи «красноармейца» и грубо раскрасил его «бюст». За первым листом фанеры на расстоянии 20 сантиметров расположил второй лист, вырезанный таким же образом, и прикрепил к первому планками. Прибив к макету палку-ручку, притащил его в окоп. Когда стало светать, медлен-

но и осторожно приподнял его над бруствером. И сразу же верхняя часть макета была пробита вражеской пулей. Этого Голосов только и ждал. Он тщательно рассмотрел пробоины в мишени. Характер их свидетельствовал, что фашистский снайпер стрелял с одного из верхних этажей левого крыла дома. Прикинув высоту, на которую высунулась мишень из окопа, и направление прямой между двумя пробоинами, Голосов точно установил местонахождение врага. Проследив за предполагаемой точкой, он в тот же день уничтожил «неуловимого» снайпера.

На слете выступил генерал Харитонов. Отметив большую роль снайперов в истреблении врага, терзающего нашу землю, он сообщил собравшимся, что взятые в плен гитлеровцы в один голос жалуются на советских снайперов: житья, мол, не стало от их меткого огня.

— Нагнали вы на них страху, поубавили спеси,— обращался генерал к снайперам.— Это хорошо. Еще Суворов говорил: «Кто напуган, тот уже наполовину побежден». Но вы уж не обижайтесь на меня, если я скажу, что иногда слишком легко зачисляют у нас людей в снайперы. Стоит бойцу хорошо стрельнуть — он уже именуется снайпером. Правильно ли это? Достаточно ли для снайпера уметь метко стрелять? Думаю, что нет. Даже охотник, попадающий белке в глаз, еще не снайпер. Спортсмен, без промаха бьющий по мишени, тоже пока не снайпер. Это всего-навсего меткие стрелки. В условиях же войны значительно усложнилась и сама работа отличных стрелков. Можно весь день прокараулить и не убить ни одного гитлеровца, если не проявить хитрости, находчивости, если не суметь выманить фрицев из их нор. Чтобы стать настоящим снайпером, надо не только метко стрелять, но и научиться действовать искусно, самостоятельно решать задачи в бою, как это делает Голосов,— по-отечески советовал генерал Харитонов.— Снайпер должен уметь хорошо маскироваться, обладать острой наблюдательностью, знать «повадки» противника, быть человеком твердой воли, большой выдержки и терпения. От него требуются ловкость, сноровистость, подвижность. Все эти качества и позволяют наилучшим образом использовать наше оружие и бить врага наверняка.

Хорошо зная свою винтовку, автомат, пулемет, пушку, миномет и другое вооружение, зная их превосход-

ные боевые возможности, советский воин был уверен, что с таким оружием он сумеет одолеть любого врага. Это раньше подчиненных понял и стал внедрять в жизнь частей и подразделений своей армии генерал Харитонов.

На слете снайперов я и познакомился с Василием Ивановичем Голосовым. Передо мной стоял человек с добрым лицом и спокойным, острым взглядом. В деле, как я убедился, он строг и требователен. И не только к подчиненным, но прежде всего к самому себе. Он не изменял раз и навсегда заведенного правила — не откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня.

Задолго до войны отслужил он срочную службу и вернулся в родные края. Сначала занимался сельским хозяйством, а потом переехал в город. Много, как оказалось, у нас было с ним общего, о многом мы переговорили, пока возвращались со слета и добирались до его подразделения. В ту же ночь пошли охотиться на фашистского зверя.

Глаз у Василия Ивановича был настолько наметан, что он находил врага там, где его, казалось, немыслимо было обнаружить. Однажды мы сидели с ним в засаде и внимательно рассматривали расположение противника. Вдруг Голосов, отложив бинокль в сторону, быстро схватился за снайперскую винтовку, прицелился и выстрелил. Один из кустов, расположенных у немецкого окопа, «раскололся» на две части. Оголенным оказался еще один немецкий солдат, которого Голосов тут же сразил метким выстрелом. Оказывается, Голосов по каким-то еле заметным признакам обнаружил неестественное дрожание листьев и понял — там враг. Я этого, признаться, заметить не мог.

Гвардии старшина Голосов был всесторонне подготовленным снайпером, ориентировался на местности в любое время года. Зимой, например, в лесу и в пасмурный день он мог точно указать, в какой стороне находится невидимое солнце, где север, а где юг. Все это он определял по сучьям, цвету коры, по светло-зеленым, голубым лишаям на стволах, по смоляным потекам и по многим другим признакам.

Летом к этим признакам прибавлялись еще и яркость окраски ягод, и, на ощупь, сырость земли под кустами. Василий Иванович рекомендовал подчиненным, чтобы они твердо помнили, что с северной стороны у елок сучья много короче, а кора грубее, что северный

скат муравейников круче южного. У сосны же вторичная — бурая, потрескавшаяся — кора на северной стороне поднимается выше по стволу, и на той же северной стороне больше лишайника, чем на южной. Много других примет ориентировки в лесу называл он, беседуя с молодыми снайперами.

Как-то глубокой осенью Голосов проводил занятия со своими подчиненными. Я подошел незаметно и, внимательно слушая его, стал делать необходимые для очерка пометки в своем блокноте.

— Возьмем, к примеру, изготовку оружия к бою,— убежденно говорил Василий Иванович.— Ведь вести огонь приходится из различных положений: лежа, с колена, на ходу, из-за укрытия... Каждый из этих приемов имеет свои особенности, требует особой сноровки, навыков. Достаточно неправильно избрать место для стрельбы, допустить ошибку в изготовке — и пули пойдут мимо цели. Если ты не отработаешь до совершенства приемы наводки, не научишься брать ровную мушку, точно и твердо удерживать ее в прорези прицела — опять-таки неизбежен промах...

— Вести огонь на поле боя,— продолжал убеждать Голосов своих молодых неопытных подопечных,— чаще всего приходится по движущимся, появляющимся на короткое время целям. И, как правило, приходится это делать в условиях сильного порывистого ветра. Тут вовсю действует закон подлости: там, где трудно, природа осложняет дело. Чтобы в этих условиях стрелять без промаха, надо уметь быстро обнаруживать цели, определять до них расстояние, знать, как выносить точку прицеливания. Еще больше навыков и знаний потребуется при ведении огня ночью. Здесь придется находить цели по вспышкам и звукам выстрелов, на ощупь устанавливать прицел, заряжать и разряжать оружие...

И все это он проделывал потом с подчиненными практически в любую самую скверную погоду...

Когда в моем блокноте накопилось достаточно материалов, я написал вышеупомянутый очерк и помог сослуживцам Голосова — гвардии старшему сержанту А. Полякову и красноармейцам А. Гамаюнову и Я. Толмачеву — оформить несколько заметок, в которых рассказывалось о снайперском мастерстве их учителя.

«Голосов является у нас зачинателем снайперского движения,— отмечалось в корреспонденции «Как мы готовим снайперов» командира роты В. Стадника

и его заместителя М. Никифорова.— Под его руководством была организована группа по обучению снайперов. Сейчас эта группа выросла в целую роту. 47 молодых снайперов уже открыли свои боевые счета. За короткое время они уничтожили 330 вражеских солдат и офицеров».

Так в газете «За честь Родины» появилась целевая полоса под общей, как говорят журналисты, шапкой — «Победы снайпера гвардейца Голосова». Ниже этой «шапки» напечатаны призывные строки: «112 фашистских головорезов уложено одной гвардейской винтовкой. Товарищ боец, и твои руки должны без промаха разить врага». О том, как были уничтожены гитлеровцы, рассказывалось в статье самого Голосова «На счету — 112», которую я помог ему написать и привез в редакцию. Статья эта занимала главное место на полосе. На открытие номера редактор поручил мне написать передовую. В ней также было сказано доброе слово о главном герое дня:

«Снайпер Голосов — мастер своего дела, до тонкостей изучивший снайперское искусство. Он умеет выбрать основную и запасную позиции, замаскировать их, наметить подходы к ним. Он все время изучает уловки врага, умеет перехитрить и обмануть противника. Постоянно работая над собой, Голосов в совершенстве овладел техникой сверхметкого выстрела, имеет хорошо натренированный, острый глаз. Снайпер Голосов считает своим долгом передавать свой опыт другим бойцам...»

Затем шел рассказ об его учениках, о тех, кто имеет на своем боевом счету не менее ста уничтоженных гитлеровцев.

Под передовой статьей крупным жирным шрифтом были подверстаны стихи:

Тяжесть войны не
страшна
тому, кто Родине предан.
Каждая жертва горька,
но сладкою будет
победа!

Такова история еще одной публикации во фронтовой газете.

Позже мне еще раза два-три приходилось встречаться с Василием Ивановичем Голосовым, бывать на за-

нятиях, которые он проводил с новичками. Они проходили интересно и с большой пользой для обучаемых.

И снова занятия, снова — выходы в поле, снова в блокнот ложатся записи...

— А сегодня поговорим о выборе огневой позиции,— обращается старшина к обучаемым.— Это очень важная тема, потому будьте особенно внимательны. Можно хорошо изучить свое оружие, уметь наводить его на цель и плавно производить спуск курка, но если огневая позиция вами выбрана плохо — хорошего результата не ждите.

— А как ее, позицию, выбирать надо? — нетерпеливо спрашивает кто-то.

— Дело это простое,— продолжает Василий Иванович.— Прежде всего вы должны внушить себе мысль, что без хорошо выбранной и тщательно, по всем правилам, оборудованной огневой позиции толку в вашей работе не будет. Да, да,— упредил он попытку того же красноармейца в чем-то возразить ему.— Огневая позиция снайпера, если сказать коротко, должна быть такой, чтобы, находясь на ней, снайпер мог хорошо обозревать сектор своего обстрела до километра в любую сторону, сам же при этом должен оставаться не видимым для противника. Девизом снайпера должно быть: «Невидимый — вижу». Удачный выбор огневой позиции во многом определяет успех в боевой работе.

— А когда снайперы действуют парами? — интересуется тот же новичок.

— В бою снайперы действуют, как правило, парами: один из них — истребитель, другой наблюдатель. Действия в паре дают снайперам много преимуществ,— поясняет далее старшина.— Они могут, не переутомляя зрения, попеременно наблюдать за полем боя, прикрывая друг друга от огня снайперов противника, оказывать первую помощь при ранении и т. д. Кроме того, когда истребитель стреляет, наблюдатель может корректировать его огонь, готовить данные для уничтожения других появившихся целей. И тут встает другой важный вопрос,— заключил Василий Иванович.— Наряду с изучением оптического прицела мы, снайперы, должны хорошо знать приборы наблюдения — бинокль и перископ, уметь ими пользоваться. Но мы отвлеклись от основной темы. Вернемся к ней. Выбрав огневую позицию с хорошим обзором, надо быстро и незаметно для противника окопаться, то есть вырыть окоп полного

профиля, укрепить его стенки от осыпания, особенно когда грунт песчаный. Потом следует непременно сделать удобную для стрельбы площадку. Такую, чтобы вы могли свободно опираться на нее обеими руками, а то и всем туловищем. Во-вторых, должны хорошенько замаскировать ее, обеспечить себе полную скрытность не только от глаз, но и от оптического устройства противника. От его наблюдателей и снайперов прежде всего. Еще раз повторяю: вы должны видеть вокруг все, вас — никто.

— Даже свои? — послышался тот же голос.

— Да, и свои вас не должны обнаружить.

— Это, наверное, очень трудно сделать?

— Трудно, не скрываю,— удовлетворяет старшина вопрос новичка.— Но необходимо, так как это условие может быть даже самое главное из многих важнейших условий. Есть ко мне еще вопросы?

— Нет, все ясно,— без раздумий отвечает тот же звонкий голос, полагая, что на этом их сидение под дождем закончится. Но дело обернулось худшей стороной.

— Раз все ясно и вопросов нет, то приступим к практической подготовке огневых позиций. По норме на это отводится два часа, а поэтому каждый должен управиться за сорок минут. Рубеж — вот эта опушка леса. Засекаю время — бегом, марш!

Все повскакали и устремились к опушке, кроме молоденького красноармейца, задававшего вопросы. Он буквально оторопел. Не знал, что ему делать, с чего начинать.

— Ваша фамилия? — спросил старшина.

— Красноармеец Быстрый,— ответил тот.

— Не похоже что-то,— заметил старшина.— Имя, отчество?

— Быстрый Антон Константинович,— с трудом выговорил новичок, так как первый раз полностью назвал себя по имени и отчеству: до этого все звали его просто — Антоша.

Василию Ивановичу сделалось жаль молодого бойца, и он с первого же дня взял над ним шефство: помог выбрать удобную позицию, вырыть окоп, оборудовать площадку для стрельбы, замаскировать бруствер дерном и установить винтовку на колышки-рогульки.

— Установить оружие в нужном направлении,— объяснял старшина молодому красноармейцу,— необ-

ходимо для стрельбы ночью. Для этого стрелок должен засветло оборудовать свою позицию и навести винтовку в нужном направлении. Главное, чего должен добиваться стрелок,— это устойчивого положения оружия при стрельбе и того, чтобы после выстрела оно восстанавливало заданное направление.

После этого старшина стал придирчиво проверять каждого снайпера, то, как они выполнили его приказ. Несмотря на дождь и ветер, Василий Иванович спускался к каждому в окоп и давал оценку всем элементам огневой позиции, подробно разбирал самую, казалось бы, незначительную деталь, от которой могли зависеть неуязвимость снайпера и меткость ведения огня. Голосов по собственному опыту знал, что подготовка снайперов, в совершенстве владеющих своим оружием, требует кроме знаний и настойчивых тренировок больших усилий и от него, их командира. От его методического мастерства, требовательности, терпения и заботливости во многом зависят их огневая выучка и, в конечном счете, результат боевой снайперской охоты. Вот почему он обращал внимание на все: на выбор огневой позиции и ее оборудование, на изучение материальной части оружия и приборов, наблюдение за полем боя, на то, как внедрялись приемы и правила стрельбы, и т. д. и т. п.

В конце 1942 года наши фронтовые пути с Голосовым, впоследствии удостоенным звания Героя Советского Союза, разошлись. Спустя много лет после войны мне удалось побывать в краеведческом музее города Лубны Полтавской области, где экспонируются материалы о боевых действиях бывшей 25-й стрелковой Чапаевской дивизии, в которой воевал и в июле 1943 года в звании гвардии лейтенанта погиб Василий Иванович Голосов. К тому времени он продолжал командовать снайперской ротой, и на его личном боевом счету значилось более четырехсот уничтоженных гитлеровцев. За время войны он обучил снайперскому делу многих красноармейцев, которые под его руководством истребили около четырех тысяч фашистских солдат и офицеров.

ВСЕМ СЕРДЦЕМ — С ПАРТИЕЙ

Когда началась война, Сафиулин, рабочий московского Метростроя, не сразу понял огромную опасность происшедшего и потому однажды спросил прораба:

— Все идут на войну, а кто же метро строить будет?

— Будем воевать и строить: у нас же две руки,— ответил прораб.

Третьего июля Сафиулин вернулся домой в первый раз за эти тревожные дни с суровым и твердым лицом человека, нашедшего ответ на свои сомнения. А через неделю воинский эшелон увозил его на фронт.

...Первый бой. Их много будет в жизни — тяжелых, жестоких, кровавых. И все они оставят глубокий след, все запомнятся. Но первый бой — он особый... Потому что первый. И произошел он под Воронежем в 1942 году.

Сафиулин лежал в окопе с напряженными до предела нервами и следил за нарастающим гулом канонады. Ушли, разгрузившись, вражеские самолеты, и наступила мертвая тишина.

— Держись, братцы! — вдруг раздался голос командира роты.— Сейчас пойдут танки. Приготовить гранаты!

Воздух наполнился свистом и ревом, задрожала земля. Сафиулин четко увидел пять черных грохочущих громадин. Они направлялись к нашим окопам. Шли прямо на него. Шли, извергая огонь и смерть. Сердце бойца сжалось в комок. От страха он на минуту закрыл глаза, подумал: опуститься на дно окопа, спрятаться, выждать?.. Но тут же властно заговорило другое чувство — чувство долга: «Я принял присягу... Нет, не будет Сафиулин трусом!»

Он резко встряхнулся, открыл глаза. Танки были рядом. Навстречу им уже летели гранаты. Сафиулин схватил заранее приготовленную связку и швырнул ее изо всех сил в ближайшую машину. Потом еще и еще...

Атака была отбита. Три немецких танка перед окопами вздымали к небу густые столбы дыма. Остальные ушли назад.

— За мной, вперед! — раздалась новая команда.

Сафиулин, забыв недавнюю робость, решительно бежал в цепи бойцов. В первый раз — глаза в глаза — он увидел перед собой врага. В первый раз — рукопашная. Первая победа...

Во многих сражениях участвовал потом Сафиулин. Трижды был ранен, но каждый раз после выздоровления возвращался в строй. Стал бывалым воином. Как раньше киркой, так теперь ловко владел он снайперской винтовкой и никогда не расставался с короткой саперной лопаткой. На его боевом счету уже значилось немало убитых гитлеровцев.

...Целыми днями сидит он теперь в окопе и выслеживает врага. Вот из блиндажа вылез фриц, пригибаясь, бежит с двумя ведрами в руках. Водички попить захотел, значит. Выстрел — фриц, роняя ведра, падает. Его настигла меткая пуля бывшего строителя метро. Сафиулин аккуратно делает в своей «снайперской книжке» отметку. Еще один — двадцать пятый. Потом снова всматривается в сторону врага. Незаметный, обычный человек. Но мужественно и умело истребляет врага и тем самым приближает желанную победу.

И чем больше Сафиулин бил фашистов, тем все крепче становился душой и телом. Командир роты лейтенант Акулинин стал чаще обращать внимание на отважного бойца, давая ему то одно, то другое сложное задание. А однажды, когда Сафиулин вернулся с удачной «охоты» и в пригретом солнцем окопе чистил винтовку, Павел Иванович Акулинин дружески заговорил с ним о самом сокровенном.

— Хороший вы, Сафиулин, боец — примерный и бесстрашный...

— Так я, как все: надо — значит, надо,— краснея, попытался то ли объясниться, то ли перевести разговор на другую тему.

— Спасибо говорю вам большое за все, Сафиулин,— продолжал командир роты.— За боевые дела к награде вас представил, и вы ее получите. Я вот про что хотел с вами откровенно поговорить. В нашей роте много молодых бойцов. Им пример для подражания нужен. А вы, бывалый метростроевец, человек труда, как раз подходите для этого... Вроде наставника будете.

— Так ведь я...— хотел что-то возразить Сафиулин, но Павел Иванович, будто угадав ход мыслей своего бойца, продолжал:

— Вы хотите сказать, что вы беспартийный, да?

— Это и хотел сказать, товарищ лейтенант.

— А у нас в роте все беспартийные, одни комсомольцы да, как говорят, несоюзная молодежь. А мы хо-

тим создать свою ротную партийную организацию. Поняли, к чему я веду речь?

— Понял,— радостно отозвался Сафиулин.— Я готов вступить в партию, но с чего надо начинать? Что надо для этого сделать?

Долго еще они — солдат и командир — говорили между собой, говорили как боевые друзья, как братья...

Так рядовой боец Сафиулин, герой труда и герой боев за Воронеж, стал коммунистом.

В те дни я не раз бывал в роте лейтенанта Акулинина и помню, как создавалась у них своя партийная организация. Об этом была напечатана на страницах «За честь Родины» моя статья, которая так и называлась — «Как росла и крепла партийная организация».

...Когда рядового Ниязкула Касымбекова перевели в роту Акулинина и назначили парторгом, в ней был один коммунист — командир роты. Парторг до этого был в минометной роте агитатором и там приобрел опыт партийной работы. Он с желанием принялся за новое дело.

Начал с подбора актива. Первый, на кого обратил внимание молодой парторг, был гвардии старшина Дерюгин — помощник командира взвода. Этот смелый и опытный воин пользовался в роте авторитетом. Касымбеков привлек его к активной партийной работе. Дерюгин стал регулярно проводить среди бойцов читки газет, беседы о боевом опыте, наладил выпуск «боевого листка». Актив парторга постепенно креп и пополнялся. В него вошли комсомольцы Перов, Лулисов, Иманкулов, Глаголев, Семенов, старшина Гераскин и, конечно, Сафиулин.

Большое внимание в своей работе Касымбеков уделял пропаганде боевых традиций и передаче опыта бывалых гвардейцев.

— Верховный Главнокомандующий,— говорил парторг,— в своих приказах требует от нас непрерывно совершенствовать воинское мастерство, изучать опыт передовых частей и лучших воинов. Об этом прежде всего нам и надо беседовать с бойцами.

Сержант Перов провел несколько бесед о стойкости гвардейцев Небыдина и Юпланова, которые за один день уничтожили из противотанковых ружей по пяти вражеских танков каждый. Бывалый воин гвардии старший сержант Иманкулов рассказал новичкам о том, как в жарких июльских боях они отразили 11 непре-

рывных атак врага, как форсировали Дон и заняли плацдарм на западном берегу. Старшина Гераскин поведал о том, как, повторив подвиг героев-панфиловцев, 26 воинов-гвардейцев роты отбили атаку 80 немецких танков, уничтожив половину из них.

С помощью командира роты Касымбеков провел со своим активом, а также с бойцами, которые готовились вступить в партию, несколько занятий по Уставу ВКП(б), много беседовал на другие темы.

Сержанту Ильину, лучшему разведчику роты, парторг неоднократно поручал проводить с бойцами читки газет. Любое поручение Ильин выполнял добросовестно. Однажды он возвратился с удачной разведки. Касымбеков по примеру командира роты завел с ним разговор.

— Ты, Ильин, хороший разведчик, а до сего времени беспартийный. Почему?

— Я и сам думал об этом,— ответил Ильин,— но не знаю, смогу ли быть коммунистом. Это же очень ответственно.

— Конечно, ответственно. Но кто, как не ты, должен быть в партии.

Вскоре Ильин подал заявление и был принят членом в партию.

И главное, коммунисты роты всегда были первыми помощниками командира в выполнении боевых заданий. Во всем показывали пример.

Однажды на деревню, которую обороняла рота, противник бросил превосходящие силы пехоты и танков. Коммунисты поклялись — стоять насмерть, с рубежа не сходить.

В ожесточенной схватке полностью был выведен из строя пулеметный расчет соседнего подразделения. Фланг роты оказался оголенным. Гитлеровцы попытались обойти роту. Заметив это, коммунист Дерюгин пополз навстречу врагу, подобрался к выведенному из строя пулемету и неожиданно открыл по немцам фланговый огонь. Расстреляв патроны, он из-под носа врага доставил пулемет в роту.

Парторг тут же о подвиге Дерюгина выпустил «бюллетень-молнию» и передал его по цепи. Подвиг Дерюгина вдохновил всех бойцов, и враг был отброшен.

Касымбеков всегда и во всем показывал личный пример. В одном бою роту отделяла от немцев небольшая

речка, через которую проходил мост. Парторгу была поставлена задача — устранить это препятствие. Он вместе с двумя бойцами взял охапку соломы, несколько противотанковых гранат и пополз вперед. Немцы вели огонь из танков. Несмотря на сильный обстрел, советские воины подобрались вплотную к мосту, обложили его соломой, облили бензином и сожгли.

В другой раз нужно было достать «языка». Командир решил послать разведку во главе с коммунистом Андриановым.

Андрианов тщательно продумал план действий, разработал маршрут движения, пояснил каждому бойцу его личную задачу.

Вечером разведчики скрытыми путями пробрались через немецкие позиции, изучили расположение их огневых точек и на рассвете захватили в плен гитлеровца. Тут же по знакомым тропинкам отправились в обратный путь. Быстро добрались до своего переднего края и передали «языка» куда следует.

Вскоре Андрианов заметил группу фашистских автоматчиков. Они обходили с фланга наше подразделение. Разведчики ударили по ним внезапно. Во взаимодействии с бойцами всего подразделения вражеская атака была отбита.

— Хорошо дрались, ребята,— сказал Андрианов после боя.

Наше подразделение готовилось к наступлению. Накануне был проведен красноармейский митинг. На этом митинге выступил красноармеец Селиванов. Он дал слово сражаться, не жалея своей жизни.

Когда начался бой, Селиванов действовал смело и решительно. Окопался далеко впереди на большой высоте. Отсюда хорошо расстреливал позиции гитлеровцев. А когда они вплотную подобрались к высоте, забросал их гранатами.

В этом бою красноармеец коммунист Селиванов истребил около тридцати фашистов. Своей стойкостью и храбростью он ускорил выполнение боевого приказа.

...На отделение коммуниста Аврушкина гитлеровцы шесть раз бросались в атаку. Потом двинулись танки. Но бойцы не дрогнули. Первым выстрелом из противотанкового ружья Аврушкин поджег вражескую машину. Его примеру последовали другие. В этом бою отделение уничтожило четыре танка, не пропустило их через свои позиции.

Тогда появились немецкие самолеты. Огонь наших ружей на мгновение ослаб, и два вражеских танка вырвались вперед за окоп пехотинцев. Однако назад их бойцы не пропустили, танки были подожжены бутылками с горючей жидкостью.

Во время танковой атаки и бомбежки только один противотанковый расчет растерялся. Он перебежал из другого подразделения на позиции Аврушкина.

— Почему ушли со своих позиций? — спросил Аврушкин.

— У нас окопа нет, а так опасно,— ответил один из бойцов.

Вечером Аврушкин беседовал со своими бойцами о том, к чему приводят недисциплинированность и трусость в бою. Он также рассказал о значении окапывания.

— Каждый знает: хорошо окопался, зарылся в землю, умело приспособил свое укрытие для удобного огня — и позицию оборонять легче и врага бить лучше. Закон войны требует: занял рубеж — немедленно окапывайся, превращай каждый дом, каждый бугорок и холмик в укрепленные позиции. А что у нас получилось? Некоторые наши бойцы забыли про свои лопаты и топоры.

В процессе боя необходимо было прорыть ход сообщения к проволочным заграждениям противника. Этого мы быстро не смогли сделать. Потеряли много драгоценного времени.

О чем говорит это? О том, что не везде еще есть настоящая дисциплина. Лопату, как и винтовку, нужно беречь, хранить. Недаром говорят: лопата — друг бойца. Боец без лопаты, что без винтовки.

Он вспомнил подвиг группы автоматчиков во главе с младшим командиром Алексеем Федосовым. Она прикрывала левый фланг наступающего подразделения. Сломив упорное сопротивление врага, наши бойцы овладели крупным населенным пунктом. Не успели они окопаться, как были контратакованы танками и пехотой.

Завязался упорный бой. Первая вылазка врага была отбита. Через два часа атака возобновилась. На окопавшихся бойцов двигалось до десятка танков. Их поддерживала рота немецких автоматчиков. Стойко обороняли советские воины занятый рубеж. В этом бою осо-

бенно отличился коммунист младший командир Алексей Федосов.

На позиции, где находились автоматчики Федосова, двигались два средних танка. Оставаясь в своих окопах, автоматчики пропустили их, а затем перекрестным огнем отсекли идущую за танками пехоту. Дружным огнем наши автоматчики рассеяли и частью уничтожили до взвода фашистов. Прорвавшиеся вперед без пехоты танки были подбиты нашими артиллеристами.

На второй день утром немцы снова пошли в атаку. Танкам удалось прорваться в тыл нашей пехоты. Немецкие солдаты наседали. Алексей Федосов, красноармейцы Михаил Голубев и Виктор Романов оказались во вражеском окружении. Автоматчики яростно сопротивлялись, в упор расстреливая врага. Но отбиваться становилось все труднее. Фашистский офицер близко подполз к окопу.

— Рус, сдавайсь!

Федосов оглянулся в сторону кричавшего и мгновенно выстрелил. Офицер упал.

Воспользовавшись замешательством в рядах противника, Федосов крикнул Голубеву и Романову:

— Хлопцы, огня!

И он с двумя своими товарищами снова ударил по врагу. Считанные минуты длился этот неравный поединок. Его выиграли три храбрых советских воина.

В этом бою Федосов, раненный в руку, вынес с поля боя раненого автоматчика Голубева. Сделав перевязку, врачи предложили Федосову эвакуироваться в тыл на лечение, но он отказался.

— Не время лечиться,— сказал он.— У меня одна рука здоровая, и этого достаточно, чтобы снова бить фрицев.

За проявленные в бою храбрость и отвагу младший командир Алексей Васильевич Федосов был награжден орденом Красной Звезды.

Однажды под вечер, когда бой стих и красноармейцы отдыхали, я оказался невольным слушателем их интересной беседы. Ее начал командир отделения беспартийный сержант Николай Сергеев.

— Вот и еще один день прошел. Как говорится, еще на один бой к победе ближе! Кто же сегодня отличился у нас, кто воевал лучше всех? Опять же Петров и Окунь. Они снова дрались умело, как полагается коммунистам. Вон Окунь. Уж на что он сегодня косил гит-

леровцев из автомата, так нет — он еще подполз к Гаврилову и с ним вместе из-за бугорка ударил по флангу. А Петров, тот хоть и раненый был, но все время двигался первым. По кому вы равнялись? По Петрову?

Сержант замолчал. Молчали и бойцы, вспоминая всю картину минувшего боя, главное в котором правильно подметил их отделенный командир. А тот, помедлив еще малость, сказал с необычной для него торжественностью:

— Вот и я говорю вам: учитесь у коммунистов! У таких, как Петров!

Эти слова беспартийного воина, бывалого солдата как нельзя лучше отражали мысли и чувства всех наших воинов.

Сотни, тысячи солдат и офицеров во время боев на воронежской земле вступили в ряды Коммунистической партии. В своих заявлениях советские воины писали: «Хочу идти в бой коммунистом», «Если погибну, считайте меня коммунистом». Армейские большевики вели за собой беспартийных, всегда были впереди и личным примером бесстрашия и героизма укрепляли у солдат уверенность в нашей неизбежной победе.

Бесстрашие в борьбе с врагами было первейшим отличительным качеством коммуниста-воина. Как бы ни трудна была обстановка, как бы ни силен был противник, коммунист без тени колебания шел вперед, прокладывая путь остальным, воодушевляя их своим примером.

Подчас спрашивают: где тот неиссякаемый источник вдохновения, поднимавший советских богатырей на бессмертные подвиги? Почему наши люди, пройдя через тяжелейшие испытания военных лет, стали еще более закаленными, а Родина — еще более окрепшей? Да потому, что политическая и экономическая система социализма, его военная организация выявили свое неоспоримое превосходство над капиталистической системой и ее военной машиной.

Коммунистическая партия предстала в годы войны как величайший организатор и вдохновитель всенародной борьбы с врагом. Она направила на фронт миллионы лучших своих представителей. Всего с 1 июля 1941 г. по 1 июля 1945 г. кандидатами партии стали 3788 тысяч, членами партии — 2376 тысяч человек. За войну партийные организации армии увеличились в пять раз,

а флота — почти в три раза. Боевыми помощниками коммунистов были комсомольцы.

Нынешние советские воины — прямые наследники боевой славы фронтовиков — на страже своей родной Отчизны. И хотя с каждым годом все меньше остается в боевом строю ветеранов, их боевые традиции в запас не уходят.

С радостью мы, ветераны минувшей войны, смотрим на нынешнего воина и от души говорим: «Гордись, молодой солдат и матрос, своей принадлежностью к Советской Армии и Военно-Морскому Флоту, своей службой, стремись к тому, чтобы в мыслях и поступках своих всегда и во всем быть достойным героев Великой Отечественной войны».

САМЫЕ ДРАГОЦЕННЫЕ РЕЛИКВИИ

Человеку, немало пережившему и повидавшему на своем веку, свойственно обращаться к своей памяти, к тому, что было на заре жизни — в детстве и юности.

Так уж устроен человек: детство и юность остаются с ним до седых волос, на всю жизнь. Можно забыть то, что было три — пять лет назад, в прошлом году, даже в минувшую неделю, но крепко помнится все, что случалось в юности, отрочестве и особенно в детстве.

С фронта я не привез ничего, кроме отдельных номеров красноармейской газеты «За честь Родины» да с десяток записных книжек, в которых кратко, почти шифром запечатлены эпизоды боев, встречи и беседы с героями многих славных сражений и побед. Это — мои самые драгоценные реликвии войны.

Время от времени я листаю донельзя потрепанные блокноты, извлекаю из них только одному мне понятные записи, примеры, факты, имена людей...

Вот и сейчас рассматриваю папку с фронтовыми газетами, полуистлевшими, истертыми на изгибах. Во многих из них напечатаны мои корреспонденции, репортажи, статьи, очерки и даже фотоснимки (журналисту приходилось на войне и фотоделом заниматься). В этих материалах мне зримо видятся знакомые лица людей — земляков и однополчан, сражавшихся за родную воронежскую землю. И, как бы ни коротки, как

бы ни скупы были фронтовые заметки, они все-таки сохраняют напряженность тех грозных дней, сберегают память о подвигах и людях, их совершивших. Читая эти давние листки газет, я как бы вновь прохожу по огненным дорогам войны, слышу гул боев, вспоминаю павших друзей, горе войны и радость победы. Даже простое упоминание нового, доселе не известного имени героя может многое сказать родным и знакомым, сыновьям и внукам, принести им утешение, вселить гордость. Это та необходимая для ныне живущих память, которая тревожит, заставляет возвращаться в героическое прошлое, туда, где остались солдаты минувшей войны, не дожившие до Победы, но чьи имена принадлежат вечности. Они как живые зовут нас на добрые дела и подвиги. Они бессмертны, ибо навеки вписаны в память народа. Вот это и заставляет нас, участников и свидетелей тех незабываемых событий, вновь и вновь браться за перо и вспоминать то, что еще сохранила наша память или записи во фронтовых блокнотах.

Листая старые солдатские газеты, памятью уношусь в более чем сорокалетнюю давность и вижу поле, изрезанное окопами да траншеями, обезображенное взрывами бомб, снарядов и мин. Усыпанное рваным металлом и колючей проволокой, утыканное стальными «ежами», истоптанное коваными сапогами. И на этой сотни раз прокаленной огнем, израненной земле, под градом пуль и снарядов лежат ее мужественные защитники — простые советские люди — со своими биографиями и суровыми, неповторимыми судьбами.

Родная земля... Любого человека, родившегося на ней, до глубины души волнуют эти простые слова. И потому до боли сердечной трогают строки молодого поэта Аркадия Карьялова:

Бывает так, что мне
не спится
Под шум дождя и ветра
вой,
И все, что в памяти хранится,
Опять встает передо
мной:
То я лежу между камнями
На незнакомом берегу
И точно бью очередями
По ненавистному врагу,
То за поднявшимся
комроты,

Скривив в протяжном
крике рот,
Бегу в цепи своей пехоты
На ощетинившийся дот...
Моих друзей я вижу лица,
На смерть готовых в миг
любой...
Нам счастье выпало родиться,
Чтоб Родину прикрыть собой!

За период корреспондентской работы на Воронежском фронте мне приходилось быть свидетелем многих событий, оборонительных боев и наступательных действий наших войск, встречаться с командирами, политработниками, главным образом с рядовыми участниками войны, от кого во многом зависели ее ход и результаты. О некоторых опубликованных тогда в газете «За честь Родины» материалах мне хочется коротко поведать сегодняшнему читателю, рассказать об истории их возникновения, об их героях. Думается, что это принесет определенную пользу тем молодым людям, которые ежегодно становятся под овеянные славой боевые знамена своих отцов и дедов. А отслужив честно и благородно положенный срок, возвращаются домой, пополняя ряды хлеборобов, рабочих, шахтеров и инженерно-технических работников. И дважды родной, по-особому дорогой станет для них земля, перенесшая столько страданий.

...Батальон вел упорные бои за важную в тактическом отношении высоту. Ни на минуту не смолкала артиллерийская канонада, трещали пулеметы, рвались гранаты. Но высоту надо было взять во что бы то ни стало. Пока противник занимал ее, он господствовал над окружающей местностью. Это понимали каждый командир и каждый боец батальона.

Уже спускались сумерки, а бой не утихал. Враг подтянул подкрепление и усилил огонь артиллерии и минометов. Наши бойцы вынуждены были залечь.

Командир батальона приказал вызвать к себе лейтенанта Колесова. В землянку вошел молодой, прокопченный боем командир.

— Лейтенант Колесов по вашему приказанию явился,— четко отрапортовал он.

— Возьмите с собой сколько нужно бойцов и под покровом ночи...— Комбат подробно объяснил лейтенанту боевую задачу, суть которой сводилась к тому,

чтобы сбить противника с высоты и закрепиться на ней.

С наступлением темноты Колесов сам пошел в разведку. Он вплотную подполз к вражеской обороне. В четыре ряда тянулись проволочные заграждения. Подминая густую траву, Колесов пробирался вдоль проволочных заграждений. По пути заметил три прохода, оставленных немцами, видимо, для своих контратак. Проходы были заминированы.

Под вспышками ракет Колесов хорошо рассмотрел расположение немецких окопов и блиндажей.

Вернувшись, он разработал подробный план действий. Из лучших бойцов выделил штурмовую группу, вооружил ее автоматами и противотанковыми гранатами. Остальные бойцы должны были наступать с флангов. Каждой группе придал по одному пулемету. Сам же, как всегда, с «максимом» решил возглавить штурмовую группу.

В полночь пулеметчики начали ползком подбираться к вражеской обороне. Густая трава скрывала их. Точно в срок все группы сосредоточились в назначенных местах — у прохода проволочных заграждений.

Убедившись, что все на месте, Колесов подал команду «огонь».

В проходы полетели гранаты. Они взрывались вместе с вражескими минами, освобождая путь бойцам для дальнейшего продвижения к высоте. Не успел рассеяться дым взрывов, как с криком «ура» пулеметчики бросились в атаку.

Враг, не ожидавший внезапного удара, растерялся. Только один немецкий пулемет успел открыть огонь, но и тот вскоре умолк...

Оставив на высоте несколько исправных пулеметов с патронами, враг бежал. Советские воины быстро повернули немецкие пулеметы в сторону удиравших гитлеровцев.

Оправившись от неожиданного удара, противник попытался вернуть утраченные позиции. Девять контратак одну за другой предпринял он, и все безрезультатно. Бойцы взвода Колесова прочно закрепились на занятой высоте, глубоко зарылись в землю и не пропустили врага.

Когда последняя контратака была отбита, лейтенант Колесов кратко и четко доложил по телефону комбату:

— Высота наша. Уничтожено до батальона враже-

ской пехоты, захвачены трофеи. У нас семеро раненых остальные живы и здоровы. Срочно шлите патроны и гранаты. Усильте артогонь...

В батальон капитана Козлитина я прибыл в тот момент, когда он, преследуя врага, вырвался вперед и глубоко вклинился в его расположение. Вскоре бойцы достигли крупного населенного пункта, который являлся важным узлом сопротивления врага.

Дерзкие действия батальона всполошили немецкое командование. В контратаку против батальона Козлитина немцы бросили сразу до двух батальонов пехоты при поддержке тяжелых танков. Силы были явно не равные — враг имел большое численное превосходство.

Заняв круговую оборону, наши бойцы открыли сильный огонь из всех видов оружия. Меткие пули бронебойщиков сразу же подожгли два немецких танка. Несколько машин запылало от огня артиллерии. Автоматчики косили вражескую пехоту. Ожесточенный бой продолжался до вечера.

Ночь прошла спокойно. Утром гитлеровцы пошли вновь... Батальон отбил в этот день несколько вражеских контратак, но положение с каждым часом становилось все тяжелее. Противник окружил группу отважных советских воинов. Считанными остались боеприпасы, на исходе были продукты. От всего личного состава батальона требовались исключительная стойкость, выдержка и мужество. И советские воины с честью выдержали это тяжелое испытание.

Потом подошло подкрепление. И снова образцы мужества и героизма проявили бойцы батальона Козлитина. На рубеж, который они обороняли, противник неоднократно переходил в атаку. Но ни один боец ни на шаг не отошел со своих позиций. Гора трупов вражеских солдат была навалена перед неприступными позициями советских воинов. До 300 фашистов уничтожили только бойцы роты офицера Мухи. Сам командир истребил свыше 30 гитлеровцев.

Несколько вражеских контратак отбили и бойцы другой роты, истребив при этом много гитлеровских солдат и офицеров. Был момент, когда два фашистских танка, вплотную приблизившись к нашим позициям, стали вести огонь по боевым порядкам батальона. С гранатами в руках к вражеским танкам поползли бой-

цы Цихмистров, Гринько и Коршунов. С расстояния 15—20 метров стали забрасывать их гранатами. С одного из танков взрывом сорвало гусеницу, но он продолжал вести огонь. Тогда смельчаки подползли к нему еще ближе и связкой гранат взорвали башню. Танк замолк, другой поспешил удрать.

Расправившись с вражескими танками, Гринько и Цихмистров вместе с другими бойцами роты меткими выстрелами стали уничтожать вражескую пехоту.

В те горячие дни боев батальон капитана Козлитина уничтожил до двух батальонов вражеской пехоты, подбил несколько танков, самоходных пушек, автомашин и захватил богатые трофеи.

Война свела меня с разведчиком Александром Переваловым, человеком не молодым, но отважным и находчивым. Скромный в среде друзей, он показывал истинные чудеса отваги в бою. В подразделении все бойцы по праву считали его лучшим разведчиком.

Никто так умело не выследит врага, не засечет его огневых точек, как Перевалов. Никто так быстро и четко не проведет разведку, как Перевалов. Много раз бойцы считали его погибшим.

«Теперь уже все... Теперь он не выберется» — так рассуждали некоторые, когда Перевалов попадал в тяжелое, казалось бы, безвыходное положение и долго не было о нем никаких данных. Но и тогда, на диво всем, Перевалов возвращался живым и невредимым.

Как-то с небольшой группой он отправился в очередную разведку. По дороге наткнулись на врага, который по численности превосходил вдвое.

Завязалась короткая ожесточенная схватка. Прицельным огнем из автомата Перевалов вывел из строя вражеский пулеметный расчет. Когда огонь гитлеровцев стих, наши разведчики пошли в атаку. Немцы стали удирать. У Перевалова отказал автомат. Недолго думая, он выхватил испытанное оружие разведчика — нож — и бросился на фашистов. Догнал одного из них, схватил левой рукой за ворот шинели, правой молниеносно вонзил нож в спину. Рана оказалась легкой, несмертельной. Гитлеровец вцепился Перевалову в ногу. Потеряв равновесие, он упал. Оба покатились под горку. Но Перевалов и в этой сложной ситуации выбрал момент и новым ударом ножа решил участь врага.

В другой раз, ночью, Перевалов снова наскочил на вражескую засаду. Гитлеровцев было трое. Враги стали окружать его со всех сторон. Опытный, не раз бывавший в трудных боях, разведчик моментально дал автоматную очередь, но убил лишь одного. Нажал снова на спусковой крючок — автомат почему-то молчал. Момент критический. Отважный разведчик и здесь не растерялся.

— Нет, живым не возьмешь! — громко крикнул Перевалов и снова взялся за нож.

Фашисты были уже в нескольких шагах. Словно стальная пружина метнулось тело бойца вперед. Взмах руки — и ближайший немецкий автоматчик беззвучно распластался на снегу. Ночная темнота помогала герою. Рассчитывая каждое движение, он то выползал вперед, то отодвигался назад, выбирая наиболее удобный момент для нового удара. Так он разделался со всеми тремя гитлеровцами.

Но Перевалов не только сам всегда выходил победителем. Своей находчивостью он не раз выручал из беды и своих товарищей. В один из дней, когда наше подразделение наступало на донскую деревню, Перевалов шел в первых рядах. Противник открыл сильный огонь и заставил красноармейцев залечь. Сознавая, что только броском можно выйти из-под вражеского обстрела, Перевалов первым бросился вперед. Его примеру последовали остальные. Гитлеровцы бежали, оставив деревню...

Ни шагу без разведки! — таково было категорическое требование к войскам, сражавшимся на фронтах Великой Отечественной войны. Это требование диктовалось законами войны, логикой высокоманевренных боевых действий. Нельзя было рассчитывать на прочный успех в бою, если командир не знал местонахождения и численности противника, его намерений, возможностей. Поэтому разведке уделялось постоянное и неослабное внимание.

Но не всегда действия наших разведчиков были успешными. Мне вспоминается история одной неудавшейся разведки, о которой, несмотря на военное время, довелось рассказать на страницах газеты «За честь Родины».

...Командир одной нашей части приказал захватить

«языка». Гвардии старший лейтенант Царенков тотчас же приступил к выполнению приказа. Как и куда идти за «языком», он еще не представлял себе. «Люди у меня хорошие, они возьмут «языка» в любом месте»,— решил Царенков.

Оборона немцев проходила за Доном. Царенков и над этим не задумался: «Есть одна лодка — и хватит с нас».

Было темно, когда разведчики подошли к реке. У берега находилась небольшая лодка, в которую погрузились гвардии сержант Степаненко и гвардии красноармейцы Краснобоков, Шкраблюк и Самойленко. Они оттолкнулись от берега и направились в сторону противника. За лодкой тянулась веревка, привязанная саперами на случай, если понадобится быстро перетянуть ее обратно.

Сильное течение гнало лодку вниз. Этому способствовала веревка, она затрудняла маневрирование лодки. Наконец веревка лопнула...

Разведчики причалили к берегу.

Сойдя на сушу, Краснобоков (старший группы), Степаненко и Шкраблюк направились к крайнему домику деревни. У лодки остался Самойленко. Он обязан был дать сигнал о благополучной высадке и возвратиться на свой берег.

Но как это сделать? Лодка оказалась в 700—800 метрах ниже того места, откуда отплыли разведчики.

Подавать сигнал отсюда бесполезно: его увидят не те, кому следует.

Самойленко решил тянуть лодку вверх по реке. Несколько десятков метров он ее протащил. Но на пути встретилась старая большая, затонувшая у берега рыбачья лодка. Самойленко не мог продвинуться дальше. Оставив свою непривязанной, он пошел к товарищам, чтобы те ему помогли.

Пока Самойленко подымался к домику, течением воды лодку отбило от берега и унесло.

Таким образом, с правого берега она не вернулась Не поступило также и сигнала. Разведчики оказались разделенными на две части.

Наступил рассвет. Царенков вместо того, чтобы принять решительные меры и оказать помощь своей четверке, засевшей на вражеском берегу у домика, отвел всю группу в окопы, чтобы дождаться следующего вечера.

Старший группы Краснобоков решил сам связаться с командиром.

— Кто желает переплыть обратно? — спросил он товарищей.

Разведчики переглянулись. Оказалось, что ни один из них не умеет плавать. Тогда, оставив за себя гвардии сержанта Степаненко, Краснобоков отправился к командиру. С наступлением темноты он вернулся и порадовал товарищей тем, что через несколько минут к ним должны переправиться и остальные разведчики.

Действительно, с нашей стороны отчалила еще одна лодка. В ней находились шестеро: старший сержант Бухтияров, сержант Кириенко, рядовые Шестовицкий, Покойников, Орлов и Демченко. Едва лодка отошла от берега, как в нее полилась вода: борты и днище лодки оказались дырявыми, и переправа не удалась.

В этот момент изменилась обстановка и в группе Краснобокова. Показались три гитлеровца. Они шли с горы прямо к домику, возле которого сидели четыре разведчика. Краснобоков не выдержал и выстрелил.

Находившийся на левом берегу командир разведки, решив, что на его бойцов совершено нападение, выпустил две ракеты — сигнал для открытия огня.

Поддерживавшие разведку подразделения открыли по отдельному домику огонь. Нашим разведчикам ничего не оставалось, как уходить.

Поиск не удался. В корреспонденции я попытался сказать и о том, каковы причины неудачи поиска.

Во-первых, необходимо было перед операцией с форсированием водной преграды провести одно-два занятия с разведчиками. Им впервые приходилось действовать в таких условиях. К тому же надо было отобрать в первую очередь тех разведчиков, которые умели плавать.

Во-вторых, плохо были подготовлены переправочные средства. Неправильно поступили и саперы, привязав к лодке веревку. Как показал опыт, на реке с быстрым течением веревка только мешает гребцам, тянет лодку вниз по течению.

В-третьих, не продуманы были связь и сигнализация. Разведчиками не было уяснено, кто и какие должны давать сигналы. Не удивительно поэтому, что, услышав единственный выстрел, раздавшийся на правом берегу, командир разведки вызвал огонь и тем самым сорвал операцию окончательно. На фронте случалось и такое.

ТРОПИНКИ ЮНОСТИ СУРОВОЙ

Однажды, выполнив очередное срочное задание редактора фронтовой газеты, я решил с попутным транспортом добраться до редакции. Во-первых, надо было обязательно доставить материал к сроку, то есть в очередной номер, во-вторых, хотелось хотя бы раз за полгода побывать в коллективе, в котором значился штатно, и, наконец, лелеял тайную мечту увидеть кого-либо из знакомых мне земляков-аннинцев, так как знал, что штаб Воронежского фронта дислоцировался в Анне. Но оказалось, что редакция нашей газеты находилась в селе Бродовом, на левом берегу Битюга, рядом с Анной. Несмотря на позднее время, машинистка любезно отстукала на стареньком «ундервуде» привезенные с переднего края корреспонденции, и я пошел к редактору. Он не спал, ждал меня, так как на первой полосе было оставлено место для моих оперативных материалов. Полковой комиссар быстро их прочитал, подписал к печати. Ответственный секретарь разметил шрифты, и машинописные страницы тут же были переданы линотиписту. В это время походная ротационная машина допечатывала внутренние полосы. Очередь дошла до внешних. Считая, что все необходимое сделано, я поднялся со скамейки и собрался уходить, но Петр Алексеевич снова посадил меня на место.

— Небось голодный? — участливо спросил он.

— Признаться, да,— ответил я честно, чувствуя, как в этот момент где-то под ложечкой сильно засосало.

— А чего не зашел в нашу столовку?

— Заходил, но...

— Понимаю, поздно. Ничего не осталось.

— Нет, не потому. Сказали, что чужих не кормят: своим еле хватает.

Петр Алексеевич не сразу уловил суть моего ответа, а когда понял, громко захохотал.

— Так и ответили?

— Да, так.

— Ну вы на них не обижайтесь. Сами виноваты: первый раз за много месяцев появились в расположении редакции и никто, кроме меня да ответсекретаря, вас в лицо не знает. Будете почаще приезжать, тогда запомнят. А сейчас обратимся к моим скудным запасам, перекусим немного и чайком побалуемся. Полезный напиток, скажу вам.

И тут же Петр Алексеевич стал детально расспрашивать меня о положении на коротоякском и сторожевском плацдармах, об условиях боев на донском рубеже, о том, какие специфические требования необходимо предъявить к обороняющимся подразделениям, какой их опыт желательно распространить через газету, и что-то еще в этом роде. Слушал внимательно. Когда чай был выпит и наша беседа подошла к концу, редактор встал, подошел ко мне вплотную, положил руку на плечо и, пристально глядя в глаза, сказал:

— Работаете вы хорошо. Претензий нет. Оперативно выполняете задания. Все ваши материалы печатаются... Хочется поощрить вас, но вот как и чем — не знаю.

Разговор этот явился для меня полной неожиданностью. Чувствую, что лицо покрывается краской, а очи сами опускаются долу: не привыкли мы, разъездные корреспонденты, за многие месяцы войны к такому вежливому обращению. Да и не стремились к этому. Знали, что положение на фронте тяжелое и надо выжимать из себя, что называется, последние соки. Не успевали выполнить одно редакционное задание, как поступало новое.

После некоторого неловкого молчания наконец выдавливаю из себя:

— Спасибо, товарищ полковой комиссар. Но никаких поощрений мне не нужно. Я стараюсь честно выполнять долг военного журналиста — только и всего.

— Правильно. Вот и я хочу честно выполнить свой долг перед вами,— долг редактора газеты. Вы, говорят, житель здешних мест. Здесь учились, работали. Верно?

— Так точно! Здешний.

— Ну вот и хорошо. Даю вам три дня. Поезжайте к матери, навестите родных, друзей и снова, не заезжая в редакцию, отправляйтесь под Коротояк. Знаю, что это почти по пути...

— Спасибо, товарищ полковой комиссар,— с нескрываемой радостью ответил я.— Это для меня самая высокая награда.

Выйдя от редактора, забежал в избу, где отдыхали друзья-корреспонденты, тихо, чтобы никого не разбудить, забрал полевую сумку с плащ-палаткой, вышел на улицу и направился в сторону моста, соединявшего Анну с Садовой — центром соседнего Садовского района. В наших краях это был очень длинный, новой по-

стройки мост, чуть ли не равный Чернавскому в Воронеже. Шел уверенно, никого ни о чем не расспрашивая. Даже не пытался останавливать военные грузовики, проносившиеся мимо. Хотелось, как и до войны, своими ногами пройтись по знакомым стежкам-дорожкам, по тропинкам суровой юности. Они навевали на меня приятные воспоминания о нелегких предвоенных годах.

Вместе с первыми лучами осеннего солнца подходил я к Анне, где до ухода в армию учился в областном политпросветтехникуме, работал в районной газете «Коллективный труд». Здесь все было знакомо и до боли сердечной дорого: каждая улица, каждый поворот, каждая тропинка...

Как только стал подниматься от Битюга на горку, в глаза ударил луч солнца, отраженный от куполов известной в округе церкви, построенной более века тому назад. И чем выше поднимался на гору, тем крупнее, ярче вырисовывалась она. И вот наконец это красивое творение зодчего полностью открылось моему взору. Дальше, за старинным прудом, были видны строения родного поселка — Дом крестьянина, универмаг, здание районного Дома Советов... Я, разумеется, не знал тогда стихотворения моего поэта-земляка Арсения Кузнецова (он напишет его много позже), но в душе моей звучало что-то подобное:

Осенним утром даль туманна,
В росе пожухлая трава.
Ах, Анна, Анна, знаешь,
Анна,
Ты так любима и желанна,
Что кругом ходит голова.
Ах, Анна, Анна, мой поселок,
Моя любовь и боль моя,
В низинах стройный ряд
ветелок,
В них на рассвете ветер
звонок,
В садах раскаты соловья...

Анна... Как много связано у меня с этим славным селением бывшего Бобровского уезда! В 1982 году Анна, ставшая поселком городского типа, отметила свое 280-летие. Теперь это по существу новый социалистический городок. В нем около ста благоустроенных улиц, на которых живет почти двадцать тысяч жителей.

Но я очень любил старую тихую Анну, в которой начиналась моя самостоятельная трудовая жизнь. Яв-

ляясь районным центром, Анна, как и село Студеное, где я родился, как и поселок Зеленевка, где пришлось некоторое время жить и работать в колхозе, как и село Нащекино, где три года учился,— все это моя малая родина...

Отчизну матерью зовем,
Что выше есть и что святей!
Нигде не забывай свой дом,
Каких бы ни искал путей.

Родился я в памятном боевом девятнадцатом году, 23 февраля, в день, который, к моему счастью, стал большим праздником всего советского народа — Днем Советской Армии и Военно-Морского Флота. Позже, когда я осознал значение этой даты, в знак горячей любви к нашим славным Вооруженным Силам попросил военкомат направить меня в ряды Красной Армии, чтобы связать с ней навсегда свою судьбу... А началось все с одного школьного комсомольского собрания, посвященного Дню Красной Армии. Кто-то, выступая, сказал, что я ровесник Красной Армии и потому не должен отмалчиваться. Моя персона вдруг привлекла к себе всеобщее внимание: комсомольцы повернулись в мою сторону, и даже раздался чей-то голосок: «Ну и ну!»

Это неожиданное сообщение, что называется, попало в яблочко. Я давно бредил Красной Армией, мечтал быть военным. Еще учась в начальной школе, впервые увидел летчика, приехавшего к родителям после окончания авиационного училища. Военная форма в моем детском представлении выглядела сказочно красивой. Все на нем сидело ладно: новенькие ботинки приятно поскрипывали, на гладкой портупее с правой стороны болталась кобура с таинственным револьвером, лаковый козырек фуражки и особенно красная звездочка излучали яркий свет. Словом, все на этом летчике выглядело чертовски красиво, и сам он, постоянно улыбаясь, светился весь. Эти детали первой встречи с военным авиатором так четко всплыли в моем сознании, что я не удержался, моментально сорвался со своего места, встал рядом с председательствующим и в запальчивости начал говорить о том, что я действительно люблю Красную Армию, ее красноармейцев и командиров, люблю военную форму и, как только вырасту, добровольно попрошусь на воинскую службу, посвящу свою жизнь родной армии. Такой вот обет дал

я на том памятном для меня комсомольском собрании. К счастью, все так и произошло. Добровольно, когда пришло время, ушел на срочную службу. По своему желанию поступил в военно-политическое училище. Стал политруком танковой роты. На западной границе получил боевое крещение. Позже работал фронтовым корреспондентом сначала самой маленькой солдатской многотиражки, потом армейской и фронтовой газеты...

Раздумывая над всем этим, я ускорил шаги. Ко мне будто с каждой минутой прибывали силы: я шел ровнее и увереннее. Кончился лесной массив, и с правой стороны из опушки леса, сбрасывая с себя маскировочные ветки, выползал тихоходный «Петляков-2». Я понял, что здесь устроен полевой аэродром для связных самолетов. Место удобное, скрытое от глаз воздушного противника. Слева начинались строения, а за ними виднелся старинный парк. До войны это было любимое место отдыха аннинцев. Почти в самом центре парка находилось футбольное поле, там разыгрывались между учащимися средней школы и нашим техникумом спортивные баталии.

Своим парком аннинцы всегда гордились: в нем было собрано много разных видов ценных деревьев, отечественных и заморских. В конце парка, почти у самого обрыва, спускавшегося к Битюгу, располагался наш областной политпросветтехникум. Мы, студенты, часто проходили через свой парк, так что запомнился он мне на всю жизнь.

Райцентр расположен на красивом, окаймленном лесом месте. Изучая историю Анны, мы знали, что когда-то, в XVIII веке, это было главное селение имения графов Левашовых. При селе был пруд, церковь, о которой я упоминал выше, конный и овчарный заводы да две ветряные мельницы по окраинам. Позже были построены спиртовой и маслобойный заводы, что заставило графа Левашова провести сюда от станции Графской железнодорожную ветку: это сразу оживило жизнь поселка.

Хочется назвать еще один важный для нас, аннинцев, исторический факт, которым мы всегда гордились. Известная русская поэтесса тридцатых — сороковых годов прошлого века Евдокия Петровна Ростопчина продолжительное время жила в Анне и написала стихотворение, которое так и назвала — «Село Анна». Оно весьма любопытно и примечательно тем, что впервые

в поэтической форме открывало нам наше славное, до этого никому не известное селение. Начиналось стихотворение весьма лирично: «Зачем же сладкою тревогой сердце бьется при имени твоем, пустынное село, и ясной думою внезапно расцвело?..» А заканчивалось личностным мотивом, почти интимными строками:

А ты, затерянный,
безвестный уголок,
Не многим памятный
По моему изгнанью,—
Храни мой скромный
след, храни о мне
преданье,
Чтоб любящим меня
Чрез много лет ты мог
Еще напоминать мое
существованье.

И вот я бодро, будто позади не было опасных военных дней, трудной фронтовой дороги и бессонной ночи, шагал по главной улице Анны. Она помнилась мне тихой, без единой, кроме райкомовской «эмки», автомашины. Теперь же она была до отказа забита военной техникой и переполнена людьми. Кроме штаба фронта, как я позже выяснил, здесь располагались многие областные организации, в том числе и областная газета «Коммуна». Выходила она «четвертушкой» и нерегулярно. Печаталась в той же типографии, что и районная газета, куда я в первую очередь и направился.

Так я оказался в редакции «Коллективного труда» (сейчас «Ленинец»), где начинал свою журналистскую деятельность. Чтобы самому не говорить о том, какова была эта деятельность, приведу отрывок из статьи «От селькора до журналиста», напечатанной в десятом номере журнала ЦК ВКП(б) «Рабоче-крестьянский корреспондент» за 1939 год:

«Это было в феврале 1936 года.

Учащийся нащекинской средней школы написал первую заметку в районную газету...

Об этих «тревожных» днях, которые обычно переживают начинающие корреспонденты, автор помнит до сих пор.

Длинная зимняя ночь на исходе. Спит село, и только Семен Борзунов бодрствует. Керосиновая лампа освещает стол и на нем учебники, чернильница, бумаги.

Склонившись над столом, Борзунов думает. Затем, махнув рукой, он положил исписанный лист в конверт: «Пускай сами разбираются в газете, им легче».

После, волнуясь, бегал на почту, разворачивал свежие газеты «Коллективный труд», жадно искал на страницах и... не находил.

Очень трудно давалась работа. Часто Борзунова можно было видеть склонившимся над столом, сосредоточившимся над исписанными и исчерканными листками бумаги. Одну и ту же заметку приходилось переписывать несколько раз. Только благодаря упорной работе, любви к труду ему удалось постигнуть намеченное им дело.

Первая заметка, напечатанная в районной газете, положила начало его селькоровской деятельности. Касаясь сначала в своих заметках «мелких» вопросов жизни села, он постепенно переходит к более серьезным темам. Прочная связь с партийной и комсомольской организациями, с колхозниками делают селькоровскую работу тов. Борзунова живой и деятельной. Он стал выступать смело, правдиво, не скрываясь под псевдонимом.

Редакция внимательно присмотрелась к способностям своего активного селькора, и в октябре 1937 года он был взят в редакцию на работу инструктора. Работа новая, ответственная, и, конечно, первое время его материалы страдали недостатками. Но он питал надежду, что может в совершенстве овладеть газетным делом, и эта уверенность подтвердилась на практике. Много работал над собой и вместе с тем вел большую общественную работу. Он вскоре стал писать хорошо. Если статья или корреспонденция литературно еще не отработана, Борзунов никогда не сдает ее секретарю редакции, а добивается, чтобы материалы его были правдивы, точны и грамотны.

В настоящее время тов. Борзунов — секретарь комитета ВЛКСМ при редакции газеты «Коллективный труд» и член бюро РК ВЛКСМ. В редакции он работает полтора года и за это время был три раза премирован...»

А трудности — они встречались на каждом шагу, начиная с простого вопроса о выборе актуальной темы, ее «разработки» и литературного оформления до ответственности за достоверность публикуемых, особенно критических, материалов. Все для меня, неожиданно

приглашенного для работы в редакции, было ново и необычно. Я не имел не только соответствующей профессиональной подготовки, каких-либо практических навыков, но и необходимого образования для такого важного дела, как журналистика. Сейчас в «районки» приходят люди с высшим журналистским образованием, у меня же была лишь сельская семилетка. Но в те дни я обладал одним бесспорным и, может быть, главным качеством — горячим желанием во что бы то ни стало оправдать надежды редакции и доверие райкома комсомола, который рекомендовал меня на эту работу. Именно поэтому с самого первого дня я начал упорно изучать азы журналистики, постигать законы и тайны своей новой, сложной, во многом неизведанной, но манящей своей перспективой профессии. Учеба эта была не легкой и не простой, как это порой кажется со стороны. Множество раз приходилось страдать, мучиться, огорчаться, разочаровываться в своих силах и способностях. Простую статью приходилось переписывать несколько раз, и я действительно никогда не сдавал ответственному секретарю материал, если сам не был уверен в его доброкачественности...

В редакции никого из мужчин, с кем работал до ухода в ряды Красной Армии, мне встретить не удалось. Даже редактор Феофан Евдокимович Киселев, которому было за пятьдесят, добровольно ушел на фронт. Его заменил Гуляев Николай Петрович, бывший директор Старотойденской средней школы, побывавший в боях и получивший ранение. Все остальные были женщины. Они встретили меня как родного брата, стали расспрашивать обо всем на свете: откуда и как попал в родные края, не видел ли на фронте их мужей и братьев, не попадались ли на фронтовых дорогах наши редакционные мужчины, где проходит линия фронта, не придется ли покидать насиженные места и т. д. и т. п.

Новый редактор «Коллективного труда» Николай Петрович тоже встретил меня хорошо: он, оказывается, помнил мой неоднократный приезд в Старую Тойду, мои корреспонденции об односельчанах и то, как однажды я напечатал очерк о выпускниках его школы. Более того — втянул и его самого в селькоровское дело, которое ему сейчас очень пригодилось.

— Поедемте к моим односельчанам,— что называется, с ходу предложил он мне.— Райком партии назначил уполномоченным по Старой Тойде. Вот и сную

туда и сюда: утром здесь, днем там, и наоборот. Как Фигаро. А что делать? Надо. К вечеру вернемся: конь у меня резвый и надежный. Поехали!

— Согласен, но...

— Никаких «но»!

— А все-таки: прошу из Старой Тойды подбросить меня к родным в Студеное, а там я доберусь и до Зеленевки, где живет мать.

— Договорились.

Сели мы в бричку, и конь резво помчал нас по лесной ухабистой дороге. Пока ехали, Николай Петрович рассказывал, как самоотверженно, порою без отдыха и сна, работают женщины редакции, особенно типографии. Снова, как и в двадцатые годы, все делали вручную — набор гранок, верстку полос, печатание тиража, экспедирование... В маленьком помещении типографии готовились и печатались теперь три газеты — областная, районная и частенько (когда выходил из строя электродвижок) наша фронтовая. Николай Петрович особенно тепло отзывался о тех, кто трудился в типографии со дня основания газеты, то есть с апреля 1930 года,— Лидия Васильевна Кабанова и Клавдия Васильевна Тютина. Мы вспоминали наших общих друзей: недавнего редактора газеты, старого газетчика и партизана Феофана Евдокимовича Киселева, ушедшего на фронт, бывших ответственных секретарей Сергея Панова, Николая Каменцева, Семена Горбунова, а также старых сотрудников Гавриила Меньшикова, Николая Паболкова, Александра Ивлева. Вспомнили активных рабселькоров, которые помогали становлению газеты в тяжелые годы коллективизации и борьбы с кулачеством, в годы первых пятилеток и теперь, в дни войны, когда Аннинский район стал прифронтовой зоной. Работать приходилось под бомбежками, печатную машину крутить вручную, набирать и верстать полосы при свете коптилок. Но полиграфисты, голодные, плохо одетые, делают все возможное, чтобы помочь фронту.

Много и часто рассказывает районная газета о том, как бьют врага на разных фронтах войны земляки-аннинцы. Материалы эти действуют вдохновляюще. Их читают с интересом. Они помогают людям лучше работать, обеспечивать фронт всем необходимым.

И вот мы в Старой Тойде — большом русском селе, расположенном на возвышении между лесом и Битюгом. Побывали у председателя колхоза, зашли в шко-

лу, потом в избу-читальню. Время было тяжелое, но люди не унывали: после бесконечно длинного рабочего дня приходили сюда, чтобы посмотреть спектакль, поставленный школьниками и участницами художественной самодеятельности, или послушать русские песни. В тот день, помню, попали мы на репетицию женского хора. Его организовала местная сказительница Анна Николаевна Королькова. В 1933 году она уехала из Старой Тойды в Воронеж, написала и выпустила там первую книжку для юношей, да так и осталась жить в областном центре. Теперь снова вернулась в места детства своего к родителям, помогала им и старотойденцам переживать военное лихолетье. Дело это было нелегкое, но благородное — поднимать моральный дух людей, создавать трудовое настроение.

— Подхожу к одной, другой женщине,— рассказывала Анна Николаевна,— говорю, давайте хор сельский создадим, чтобы людям легче жилось, а мне отвечают: «Какой там еще хор, Николаевна. У меня сына на фронте убило, похоронку вот получила».

У другой муж погиб, у третьей — брат. И так почти у каждой. Ну что ж нам теперь делать? Не лить же слезы день и ночь? Так и глаза выплакать можно, и сердце сгубить. У меня вот тоже сын Митроша сгинул на фронте. Вот и давайте для них постараемся... И горе, глядишь, заглушим, и пользу людям принесем. Нельзя все время о смертях думать, жить в трауре...

После такой агитации люди как бы распрямлялись, поднимали головы, пересиливали себя и в конце концов соглашались с Анной Николаевной. Так она и создала хор, который выступал не только в своем селе, но и выезжал в воинские части. Почти весь репертуар хора Анна Николаевна готовила сама, была его художественным руководителем и солисткой. Позже из переписки с Николаем Петровичем я узнал, что старотойденская сказительница вернулась в освобожденный Воронеж, но своих стариков не забывала: каждое лето приезжала в родные места. Потом стала писательницей, известной не только в воронежских краях, но и во всей стране, даже за рубежом, продолжала сочинять сказы, песни, притчи, пословицы и поговорки. Главным делом жизни Анны Николаевны стала текстовая интерпретация сказок: бытовых, богатырских, волшебных, восходящих к глубокой древности. Ее своеобразные, с глубоким смыслом, назидательные и поучительные про-

изведения подкупали народным слогом, необычным зачином и неожиданной концовкой. Созданные ею сказки продолжали лучшие традиции этого древнего жанра.

В 1972 году Анна Николаевна за творческие успехи была награждена орденом Трудового Красного Знамени. Я отважился поздравить ее с 90-летним юбилеем: послал небольшое письмецо, в котором напомнил о нашей встрече в 1942 году. Пришел ответ: «Помню, знаю неугомонного корреспондента...» — гласила телеграмма.

Через два года Анны Николаевны не стало, но хор, созданный ею, живет и поныне. Из писем Николая Петровича Гуляева на фронт я знал, что еще в год Победы на районном смотре художественной самодеятельности старотойденский хор завоевал первое место. Неоднократно премировался он и после войны. Ныне хор выступает в новом Доме культуры, построенном на месте старой избы-читальни. Более того: на его основе, как известно, возник большой областной, а потом и Государственный Воронежский русский народный хор.

Живут и самобытные книги Анны Николаевны Корольковой — переиздаются у нас и за рубежом. Центрально-Черноземное издательство планирует новый выпуск сказок, приуроченный к 95-летию со дня рождения сказительницы. Решением Воронежского облисполкома одна из улиц села Старая Тойда Аннинского района названа именем Анны Николаевны Корольковой.

...С щемящей болью иду я по земле моих родителей. Здесь, на этой земле, я родился, был хлеборобом. Тогда мы взрослели очень рано. В двенадцать лет ходили за однолемешным плугом, помогали родителям растить хлеб, ухаживать за скотиной, выполнять многие такие поручения, какие под силу лишь взрослым. В детстве я, как и мои сверстники, о многом мечтал, но только не о том, чтобы стать журналистом. И, оказавшись в этой роли, как бы заново переосмысливал свое детство, по-новому оценивал людей, которые меня окружали. Люди эти были крепкие, настоящие работяги, труженики-селяне. Открытое всем ветрам поле, чернозем, от которого в жару поднимается густая, как туча, пыль до небес. В дождь образуется непролазная грязь, из которой трудно вытащить ноги, а зимой — метель да пурга. Все добрые, благородные дела, от простых повседневных до полетов в космос, по моему убеждению, начинаются с любви к земле, к природе, к родным, с детства знакомым местам.

И в их числе Студеное — родное село мое, начало всех начал.

Много сел есть на земле,
Мне одно лишь снилось.
Пол-России в том селе
Для меня вместилось.

Теперь по этой земле детства, по ее пыльным дорогам непрерывным потоком идут на запад войска — колонны пехотинцев и конников, тупорылые гаубицы и длинноствольные противотанковые орудия. Это днем. А ночью по ним движутся «катюши», танки, самоходки.

Много войск — людей и техники — идет в эти дни на запад, к Дону. Хорошая, радостная это примета. Значит, что-то большое, важное задумало наше командование. Надо спешить и мне. Газетчик не имеет права опаздывать, писать о том, что уже прошло-пролетело. Он должен прибыть к месту событий вовремя, а то и чуть раньше. Обязан увидеть все своими собственными глазами, только при этом непременном условии его корреспонденции отразят истинную правду, покажут подлинных героев боев, взволнуют военных читателей — красноармейцев и командиров, вдохновят их на новые подвиги во имя освобождения родной земли от врага. Ну а мама — она подождет до нового случая. Она меня поймет и простит. На то она и родная мать.

Приняв твердое решение, я вышел на середину дороги, остановил попутную автомашину, груженную снарядами, забрался в кузов, уселся на смертоносные ящики и помчался к Дону.

Мы спешили в танке громыхающем,
На машине с ящиками мин
На передний край, где дым
пожарища
Стлался среди вздыбленных
равнин.

Так не была использована и вторая возможность повидать мать, сестер, братьев, родных. Это я сделал сразу же после Победы в мае 1945 года.

В ЯНВАРЕ СОРОК ТРЕТЬЕГО

Стояла морозная, снежная зима. В конце 1942— начале 1943 года в разгар наступательных боев, на-

чатых в районе Кантемировка — Щучье, армия генерала Харитонова по решению Ставки была сначала перемещена несколько южнее, а потом и вовсе переподчинена вновь созданному Юго-Западному фронту. Таким образом из левофланговой армии нашего фронта она превратилась в правофланговую соседнего. Все, кто представлял в ней штаб и политуправление Воронежского фронта, были отозваны и возвращены на свои служебные места. Не было исключения и для меня — корреспондента газеты «За честь Родины». Пришлось вернуться в редакцию, которая продолжала размещаться в селе Бродовом. В Анне дислоцировался штаб фронта, который под руководством Н. Ф. Ватутина разрабатывал план освобождения Воронежа от немецко-фашистских захватчиков.

В редакции мне не дали побыть даже дня, вручили приказ и немедленно отправили в 38-ю общевойсковую армию, которая занимала оборону севернее Воронежа. Ее штаб находился северо-восточнее населенного пункта Тербуны.

Так и мне пришлось перекочевать с самого левого на самый правый фланг нашего фронта и стать спецкором газеты по 38-й армии, с которой прошел потом все зимние бои вплоть до Курской дуги.

Когда войска левого фланга нашего фронта вели ожесточенные бои с врагом, засевшие в Воронеже гитлеровцы чувствовали себя надежно и даже весьма самоуверенно.

«Моя дивизия будет оборонять Воронеж до тех пор, пока в нем останется хотя бы столько солдат, сколько можно будет накормить из одного котелка»,— за два дня до освобождения нашими войсками города писал в дневнике генерал фон Берген, командир 323-й немецкой дивизии.

Однако гром советских орудий с каждым днем становился более грозным. Воины нашего фронта, овладев городами Россошь и Валуйки, прорвались в глубокий тыл противника и мощным крылом огибали воронежскую группировку гитлеровцев с юго-запада. В это время перешла в наступление занимавшая оборону северо-восточнее Воронежа 38-я армия генерала Н. Е. Чибисова. Она действовала вместе с 13-й армией Брянского фронта, имея общую задачу обойти Касторное с запада и соединиться с войсками, наступающими с юга. Образовались, таким образом, огромные клещи, грозив-

шие немецко-фашистским войскам в Воронеже окружением и разгромом.

Занимая здесь продолжительное время оборону, гитлеровцы сильно укрепились, построили мощные инженерные сооружения, окружили себя проволочными заграждениями, противотанковыми и противопехотными минными полями, надолбами и рвами. Даже ротные и взводные опорные пункты были в несколько рядов опутаны колючей проволокой, а на брустверах окопов заложены мины. На всем протяжении линии обороны гитлеровцы разбросали множество так называемых малозаметных препятствий (МЗП).

Именно на этом участке фронта, расположенном севернее Воронежа, наше командование и решило нанести основной удар по врагу. Рано утром морозный зимний воздух задрожал от оглушительных залпов советской артиллерии и минометов. Сотни тонн смертоносного металла обрушились на вражеские укрепления.

«Гул русских пушек страшен. Дрожит и стонет земля... Где было бело — там стало черно. Где был холмик или бугорок, там стала яма. С ума можно сойти от такого огня...» — прочитали мы в записной книжке убитого немецкого солдата Арвина Кайзера.

Помню, была сильная пурга, какую можно только представить себе в январские дни в центральной полосе России. Штурмовые отряды наших бойцов вплотную подбирались к вражеским позициям, а группы разграждения проделывали проходы для танков и пехоты — резали проволоку, разминировали поля. Утопая в глубоком снегу, преодолевая огневое сопротивление врага, советские воины упорно, шаг за шагом, продвигались вперед.

К рассвету 25 января в проделанные саперами проходы устремились наши пехотные и танковые дивизии.

Мне довелось в тот день быть свидетелем самоотверженных действий бойцов капитана Какаурова. Стремительным ударом они выбили гитлеровцев с первой линии обороны и заняли господствующую высоту, лишив врага тактического преимущества. При этом была захвачена батарея шестиствольных минометов врага и много другого оружия.

Геройски дрался в этом бою командир взвода противотанковых ружей старший лейтенант Девятов. Меткими выстрелами бронебойщики поджигали дзоты и

блиндажи врага, а выбегающих оттуда гитлеровцев уничтожали автоматными очередями.

Перед боем старшего лейтенанта Девятова приняли в ряды Коммунистической партии. На собрании он заявил, что будет бить врага с удвоенной силой, драться, не щадя своей жизни. Свое слово молодой коммунист сдержал.

К исходу первого дня наступления передний край вражеской обороны был окончательно взломан. Наши части, заняв Олымчик, Голосновку и ряд других населенных пунктов, устремились на Касторное, имея целью обойти Воронеж с северо-запада и отрезать врагу пути отступления. В результате ожесточенных боев советские воины захватили большие трофеи и много пленных. На этом участке противник потерял только убитыми сотни солдат и офицеров.

Ожесточенные бои разгорелись и в самом Воронеже, где в основном действовали части 60-й армии генерала Черняховского. Особенно отличились бойцы командира Бушина. После сильной артиллерийской обработки переднего края противника, засевшего в каменных зданиях, действуя мелкими группами, они стремительным броском ворвались на вокзал и захватили железнодорожную станцию. Там стояли подготовленные к отправке эшелоны с военными грузами и награбленным добром. Умение вести уличные бои показали все воины подразделения. Они бесстрашно блокировали дома, из которых фашисты вели огонь, использовали всю силу «карманной» артиллерии, пулеметов и автоматов.

Бойцы командира Смоляка прорвались к студенческому городку и очистили его от гитлеровцев. Одновременно красноармейцы другого подразделения вели бои за военный городок. Немецко-фашистские автоматчики яростно сопротивлялись. Однако смелые действия наших пулеметчиков и минометчиков заставили врага спешно покидать одно здание за другим.

Бои за Воронеж были полны примеров беспредельного героизма как отдельных воинов, так и целых подразделений. По присланным из наступающих подразделений донесениям мы узнали, что взвод младшего лейтенанта Мусорина уничтожил до двухсот солдат и офицеров, захватил много подвод с военным имуществом, несколько складов и 120 гитлеровцев взял в плен. Сам Мусорин проявил личное мужество. Он один ворвался в дом, где находились гитлеровцы, и смелым

окриком «Хенде хох!» заставил двадцать четыре немецких солдата и шесть офицеров покорно сложить оружие.

Ярко проявилась в те дни взаимная выручка как среди бойцов, так и между родами оружия. Минометчики с полуслова понимали, чего от них хотят пехотинцы, артиллеристы прямой наводкой расчищали путь стрелкам, пулеметчики в свою очередь поддерживали действия артиллеристов.

Рано утром 25 января Воронеж был почти полностью очищен от фашистских оккупантов.

26 января 1943 года во всех газетах было опубликовано сообщение Совинформбюро, в котором говорилось о новой блестящей победе советских войск. Мне приятно было видеть, с каким огромным интересом бойцы выхватывали друг у друга фронтовую газету «За честь Родины», доставленную редакцией в то утро прямо на улицы освобожденного Воронежа. Группами и в одиночку они громко читали:

«25 января войска Воронежского фронта, перейдя в наступление в районе Воронежа, опрокинули части немцев и полностью овладели городом Воронеж.

Восточный берег реки Дон в районе западнее и югозападнее города также очищен от немецко-фашистских войск... Общее количество пленных, взятых в районе Воронежского фронта, дошло до 75 000 солдат и офицеров».

Вслед за этим поступил очередной номер нашей газеты, в которой сами участники боев за Воронеж рассказывали о том, как они готовились к этим решающим боям и как внезапность действий, решительность, натиск принесли им полный успех. Позже стали появляться более подробные статьи и другие материалы, присланные корреспондентами с разных участков боев за Воронеж. Кстати сказать, у нас в редакции был замечательный, испытанный в боях и походах коллектив корреспондентов. Написанные ими по горячим следам событий, иногда под артиллерийским, минометным и даже пулеметным обстрелом, в окопах или в землянках материалы, статьи и очерки о подвигах солдат, сержантов и офицеров с интересом читались в полках и дивизиях. Фронтовые журналисты трудились честно, на совесть. Писали правдиво и искренне. Меньше посылали в газету своих материалов, больше занимались организаторской работой: находили бывалых, авторитет-

ных, знающих дело авторов и помогали им писать для газеты свои корреспонденции. Гонорар в годы войны во фронтовых, армейских, корпусных и дивизионных газетах не выплачивался, и это не довлело над журналистами. Никто не стремился к заработкам, даже мыслей об этом не было, а все исходили из главной задачи — как можно быстрее приблизить победу над врагом. Приблизить всеми мерами и способами — каждому на своем посту. Повторяю, фронтовые журналисты охотно работали на авторов, а точнее сказать, за авторов. Это как бы само собой разумелось и всячески поощрялось редактором газеты. Материалы были правдивыми и достоверными прежде всего потому, что корреспонденты все видели своими глазами, сами разделяли с солдатами тяготы и невзгоды ратного труда. Во всяком случае, в частях и подразделениях мы не считались временно прикомандированными, а были, что называется, своими. Бойцы обращались к нам за советом и помощью. Вместе со всеми мы совершали пешие переходы и марши, вели оборонительные бои, ходили в наступление, на снайперскую «охоту» и даже в разведку. Все это считалось делом обычным и естественным. Так было с первых дней войны, так было всегда, так поступали мы и в боях за Воронеж. В нашем присутствии готовились полки и подразделения к боям, на наших глазах происходили все последующие радостные события, приведшие к разгрому врага на воронежских рубежах.

Операция эта была хорошо продумана и подготовлена во всех отношениях и потому с первого дня стала развиваться весьма стремительно. После быстрого и успешного прорыва вражеских оборонительных укреплений, разгрома его опорных пунктов, глубокого обхода и окружения противнику по существу отступать было некуда. Западнее Воронежа уже находились наши дивизии. Выполняя общий замысел советского командования, они устремились к станции Касторное, где соединились затем с войсками, наступавшими с юго-запада. Гитлеровцы попытались оторваться от преследовавших их наших войск и привести в порядок свои потрепанные части. Кроме того, им хотелось вывезти из города огромные склады с ценным имуществом и боеприпасами, но они не успели этого сделать.

Перед батальоном старшего лейтенанта Цихаленко была поставлена задача — во что бы то ни стало со-

рвать вражеский план. Непрерывные трехдневные бои утомили бойцов. Многим не удалось за трое суток наступления поспать даже пару часов, однако каждый горел желанием как можно скорее очистить воронежскую землю от гитлеровцев.

Воины взломали немецкие укрепления и на плечах отступающего врага ворвались в Воронеж. Удар был настолько стремительным, что противник мало что успел вывезти из города. Улицы были буквально забиты сотнями брошенных автомашин, орудий, минометов и другой техники врага.

Взятый в плен начальник оперативного отдела штаба третьего армейского венгерского корпуса, разгромленного нашими войсками, майор Чато в своих показаниях признавался: «Атаки русских были настолько стремительными, что среди наших войск началась невероятная паника. Повсюду слышались истерические возгласы «Мы окружены!». Бросая оружие, солдаты беспорядочно бежали на север, юг и запад. Сплошной массой, не слушая приказаний своих командиров, двигались они вне всякого руководства. В районе Верхнее Турово с помощью пулеметов командованию корпуса удалось остановить разрозненные части и привести их в более или менее боеспособное состояние. Но и это вскоре нарушено было новой атакой русских...»

Третий армейский венгерский корпус, о котором говорил майор Чато, полностью был уничтожен под Воронежем и Касторной. Сформированный в Будапеште, он состоял из трех дивизий, из которых одна осталась в Венгрии, две же другие были направлены на советско-германский фронт. Обе они были укомплектованы кадровым офицерским составом, хорошо вооружены и снаряжены. По прибытии на фронт заняли оборону северо-западнее Воронежа. Корпусу была придана уже находившаяся здесь 7-я венгерская дивизия. Командовал корпусом генерал-майор Штом, бывший военный атташе Венгрии в Англии. Пост начальника артиллерии занимал генерал-майор Дежо, который с 1935 по 1937 год был военным атташе Венгрии в СССР.

12 января наши войска стремительным ударом обрушились на оборону корпуса и взломали ее. И уже к 25 января немецкое командование, стремясь вывести свои и венгерские войска из-под удара, возложило на корпус оборону района Семидесятное — Кочетовка — Александровка. Общее командование немецкими и вен-

герскими войсками было возложено на командира 57-й пехотной немецкой дивизии генерал-лейтенанта Зиберта.

До 27 января части корпуса держали оборону в указанном районе и чувствовали себя более или менее спокойно. Даже 27 января в 14 часов представитель генерала Зиберта майор Фетт уверял командира корпуса генерала Штома, что на фронте все обстоит благополучно. Но спустя 10 минут после телеграфного разговора между Феттом и Штомом произошло необычное, трагическое для противника.

Все попытки его командования задержать наступление Советской Армии и организовать оборону не привели к желаемым результатам. Советские полки не давали врагу ни минуты покоя. В районе Верхнее Турово нашими частями, двигавшимися с юга, был нанесен новый удар по врагу. Бросая орудия и машины, невзирая на категорические требования немецкого командования, части третьего венгерского корпуса в беспорядке повернули на запад.

Бегство было настолько стремительным, что штаб корпуса во главе с командиром оторвался от частей и потерял с ними какую-либо связь.

Под мощными ударами Советской Армии венгерские части несли огромные потери. По свидетельству уцелевших офицеров штаба 3-го корпуса основной причиной этих потерь явилось то, что плохо оснащенные и уставшие от непрерывных боев венгры использовались немецким командованием для прикрытия своего отступления. Фашистское командование явно пренебрегало интересами своих союзников, закрывало ими образовавшиеся в результате решительных действий советских войск прорывы и бреши, старалось переложить на них всю ответственность за поражение. Спасая себя, гитлеровцы силой отбирали у венгров средства передвижения, теплую одежду и обувь, провизию, выбрасывали из домов раненых, заменяя их своими. Гитлеровцы запрещали венграм двигаться по тем дорогам, по которым отступали сами. Об этом писал потом генерал-майор Ковач: «Пока венгерские подразделения следовали вместе с немецкими частями, самые большие трудности чинили немцы. Они запрещали венграм продвижение даже и по тем дорогам, где венгры им не мешали бы. Они силой отнимали сани, верховых коней, повозки и оружие. В случае сопротивления пускали

в ход оружие. В населенных пунктах немцы выбрасывали венгров из занимаемых ими домов. В те дома, где были немцы, венгров не пускали. При появлении венгров немцы часто их оскорбляли, грубо поносили венгерский народ и венгерскую армию...»

Среди венгерских солдат росла ненависть к гитлеровцам, в некоторых населенных пунктах — в Старом Осколе, Мантурове и других — дело дошло даже до вооруженных столкновений.

Высокий наступательный порыв наших воинов решил успех всей Воронежско-Касторненской операции. Преодолевая ожесточенное сопротивление врага, ломая его оборонительные преграды, наши бойцы неудержимо шли вперед. Тогда в войсках Воронежского фронта была популярной песня поэта Якова Шведова, работавшего корреспондентом газеты 40-й армии «За победу». Называлась она «Чижовка» и пелась на мотив «Каховки».

На миг, на минуточку вспомни, товарищ,
Как бой за Чижовку вели.
Мы шли в наступленье при свете пожарищ —
То склады горели вдали.

Предместье Чижовки. Задание ясно —
Брать штурмом пришлось каждый дом,
На улице Светлой, на улице Красной
Врага мы встречали огнем.

Штыком и гранатой,
Бойцовской сноровкой
Мы взяли немало преград,
Мы знали: сражаясь за нашу Чижовку,
Ведем бой за наш Сталинград.

И августовские бои за коротоякский плацдарм, и декабрьское наступление на котельниковском направлении на Среднем Дону, особенно Острогожско-Россошанская и Воронежско-Касторненская операции, входили в общий замысел Ставки по разгрому южного крыла немецко-фашистских войск и содействовали полному разгрому окруженного под Сталинградом врага. К этому сводились все наступательные бои на Среднем и Верхнем Дону в конце 1942 и в начале 1943 года.

Бывший командующий группой армий «Дон» Манштейн в мемуарах «Утерянные победы» был вынужден с горечью отметить, что возможность удержать Донбасс стала сомнительной с момента, когда был разгромлен фронт венгерской армии южнее Воронежа и

советским войскам таким образом открылся путь к Северному Дону и далее к переправам через Днепр и к побережью Азовского моря.

По заданию редакции мне удалось побывать в Воронеже в первый же день его освобождения. Трудно было передать словами степень его разрушения. Всюду были воронки, ямы, дробленые камни, груды кирпича, искореженные рельсы трамвайных путей, разбитые вагоны... Кругом валялись обугленные головешки деревянных строений. По центральным улицам невозможно было проехать. Все лучшие здания, в том числе возведенные накануне войны, были разрушены. Город в буквальном смысле лежал в руинах. Красивого, бурлившего людским потоком, студенческого, утопавшего в зеленом разливе лип, сирени, берез и акаций — того довоенного города не было и в помине. Спазм схватывал горло, на глазах выступали слезы...

От взорванного фашистами вокзала мы с небольшой группой саперов стали пробираться по проспекту Революции — центральной и когда-то самой красивой улице города. За время моей трехмесячной довоенной стажировки в областной газете «Коммуна» мне много раз приходилось бывать здесь. Помнил почти каждый ее поворот, каждый дом, все ее достопримечательности. Сейчас же ничего узнать было нельзя. Оказавшись в Петровском сквере, мы не обнаружили памятника Петру I. «Даже царя не пощадили»,— кто-то возмутился вслух. Я знал, что воронежцы очень любили этот памятник, гордились им. «Отец русского флота» во весь свой богатырский рост гордо стоял на высоком берегу реки Воронеж. Одна его рука указывала на запад, другая опиралась на якорь. Это был один из лучших памятников России, и экскурсоводы, помню, подробно рассказывали о том, как русский царь, оказавшись в этих благодатных местах, обратил внимание и на удобство бухты реки Воронеж, и на здешние вековые леса, дубовые и сосновые, пригодные для корабельных мачт, и на местных умельцев «стругового дела», плотников, смолокуров, канатчиков, испокон веков строивших для донских нужд легкие струги и даже тяжелые речные суденышки, и, наконец, на наличие в крае липецких и старооскольских железных руд. Все это позволило ему принять твердое решение: «Здесь строить корабли!» Застучали топоры, запели пилы, зачадили кузнечные цехи, обдавая горожан своеобразным куз-

нечным запахом сгоревшего угля и расплавленного железа. За очень короткий срок, как известно, русский военный флот был спущен на воду и принял участие во втором Азовском походе, увенчавшемся успехом. Азов был взят, и Россия получила выход в Черное море. Памятник Петру, сооруженный благодарными воронежцами еще в прошлом веке, живо напоминал об истории рождения мощного русского флота. И вот этого замечательного памятника старины не стало. Гитлеровское командование отправило его в Германию на переплавку.

Пробираясь дальше в центр по проспекту Революции, мы с трудом преодолевали огромные кучи кирпича разрушенных зданий, поваленные взрывом вековые деревья, разбитую вражескую технику, выброшенную взрывами на улицу домашнюю утварь — диваны, кровати, стулья и прочие предметы. Вдруг я с радостью увидел хотя и сильно побитое, но почти сохранившееся здание гарнизонного Дома Красной Армии, в котором мне приходилось бывать на молодежных вечерах. Чудом уцелели и старинные постройки, в которых до войны размещались редакция областной газеты «Коммуна» и гостиница «Бристоль» (ныне «Центральная»). Вот, кажется, и все, что сохранилось на центральной улице города. Огромным пламенем пылало здание обкома партии, построенное в самый канун войны. В развалинах лежал известный всем воронежцам «Утюжок». И так было повсюду: к какому зданию ни подойдешь — зияли черные пустые глазницы окон, бесформенное нагромождение железных балок, горы битого кирпича, деревянных перекрытий и прочего мусора...

В Кольцовском сквере грудной бюст поэта, изваянный из белого мрамора, был сильно обезображен, и вокруг него — сотни могильных крестов. Гитлеровцы превратили этот всегда людный уголок города в кладбище для своих солдат и офицеров.

Разрушено было здание кинотеатра «Ампир», где теперь построен кинотеатр «Спартак». Место это историческое. Здесь в конце октября 1917 года состоялся большой митинг, на котором воронежцы требовали передать всю власть Советам рабочих и солдатских депутатов. Мало что осталось и от другого исторического здания — бывшего дома губернатора, в котором в начале октября 1917 года проходила первая конференция

Воронежского губкома. Позже это здание стали именовать «Воронежским Смольным», а точнее — Домом народных организаций. До неузнаваемости изуродована была площадь III Интернационала, на которой теперь Детский парк.

Всюду стояли чад и смрад, улицы были изрезаны окопами и траншеями, полыхали пожары, летел красноватый пепел. То там, то здесь лежали перевернутые трамваи, разбитые орудия и минометы.

Весть о разгроме гитлеровцев быстро облетела город и его окрестности. Настрадавшиеся за дни оккупации жители дружно выбирались из подвалов и срывали немецкие указатели и объявления. Со слезами на глазах рассказывали они красноармейцам об ужасных днях оккупации. От них мы узнавали о тяжелой доле, которую пережил город, и о том, как с риском для жизни защищали его воронежцы, как они до самого последнего дня самоотверженно работали на уцелевших от бомбежек предприятиях.

От рабочих завода имени Коминтерна мы услышали взволнованный рассказ о том, как они в июле 1942 года в условиях прифронтового города осваивали выпуск машин РС-132, впоследствии вошедших в историю под названием «катюш». Воронежский авиационный завод под ожесточенными бомбежками наладил производство грозных штурмовиков ИЛ-2. Рабочие завода имени Тельмана изготавливали противотанковые ружья. Дзержинцы поставляли Красной Армии бронепоезда. Различное оружие производилось и на других предприятиях города. Как и все советские люди, воронежцы в тяжелейших условиях ковали оружие победы. Они всеми способами помогали Красной Армии уничтожать ненавистного врага. Боролись и тогда, когда враг занял правобережную часть города. Боролись в оккупации, создавая подпольные штабы и группы. Многие сложили головы.

И вот в многострадальный Воронеж пришла желанная победа. Всюду мы видели радостные лица земляков, впервые за многие месяцы беспросветного подпольного существования полной грудью вдохнувших свежего воздуха и безбоязненно смотревших на ослепительно яркое зимнее солнце. Много лет позже, сравнивая довоенный Воронеж с суровым фронтовым, Ольга Константиновна Кожухова напишет:

...Он плыл рекою голубою,
Он солнцем огненным сверкал
И отражал меня с тобою
В озерах уличных зеркал.
Теперь там мертвые колонны,
Глазницы черные домов...

Побывали мы и в многострадальной, изрезанной балками, оврагами и траншеями Чижовке, где после боев не было почти ни одного уцелевшего дома, ни одного деревца, ни одной живой души. И мне вспомнились тяжелейшие многодневные сражения (иначе их не назовешь) на этом крохотном плацдарме, не смолкавшие ни днем, ни ночью. Однако все это уже оставалось позади. Впереди был не менее тяжкий, но радостный труд по восстановлению города.

Работа предстояла тяжелая, многолетняя, но не такая продолжительная, как предрекали враги. После того как гитлеровские войска были вышвырнуты из Воронежа, главный идеолог Германии Геббельс цинично заявил, что для восстановления этого города потребуется 100 лет.

Но и в этом, как и в военных делах, фашистские пропагандисты просчитались. Прошло чуть более года, и в городе был пущен трамвай, возобновили работу многие коммунально-бытовые предприятия, начали выдавать продукцию такие известные стране заводы, как имени Калинина и Тельмана, швейные фабрики, мясокомбинат, маслозавод, ряд школ, больниц и поликлиник и многие другие промышленные предприятия. Затем были открыты институты, профтехучилища, кинотеатры, библиотеки. Заработала Воронежская ГРЭС. Были восстановлены тысячи зданий и построено много новых, в том числе вокзал, областной комитет партии и многие другие. Так постепенно и планомерно Воронеж был восстановлен в довоенных масштабах, а потом стал разрастаться вширь.

Были праздники-юбилеи — двадцатилетие, тридцатилетие и сорокалетие освобождения Воронежа. В каждый приезд мы, участники боев за воронежскую землю, радовались успехам земляков: с гордостью осматривали новые жилые кварталы города, тенистые улицы, красивые бульвары, широкие проспекты, микрорайоны, такие, как Монастырщинка, Алексеевка, Песчанка. Сейчас в городе не найти такой улицы, где бы не возводились новостройки. Трудно поверить, что когда-то

здесь лежали груды развалин, кирпича и щебня. Но было именно так. Об этом красноречиво говорят документы и фотографии, находящиеся в музее города. Об этом помнят и те жители города, кому пришлось быть свидетелями того страшного военного лихолетья. Воронежцы свято чтят своих защитников и освободителей. В мемориале на площади Победы названы номера всех отличившихся частей и соединений, а на плитах братских могил выбиты имена советских воинов, сложивших свои головы в боях за город.

Ныне Воронеж производит множество важнейших видов продукции: от мощных воздушных лайнеров, сложнейших станков, сельскохозяйственных машин, стройматериалов, экскаваторов, синтетического каучука, точных промышленных приборов до многочисленных предметов бытового назначения. Эта продукция хорошо известна не только у нас, но и во многих зарубежных странах.

Растет Воронеж и как культурный, научный центр не только Центрально-Черноземного района, но и всей нашей страны. Далеко не каждый областной город имеет около десяти высших учебных заведений, в том числе один из старейших и крупнейших университетов страны, более десяти средних специальных учебных заведений, телецентр, филармонию, несколько театров и кинотеатров, цирк, издательство, ряд газет и литературно-художественный журнал «Подъем». Воронеж продолжает расти, строиться, хорошеть!

КУРСКАЯ ДУГА

Как-то при очередной встрече с молодежью меня спросили:

— А откуда она взялась-то, эта Курская дуга?

— Из-под Воронежа! — ответил я.

Курская дуга и на самом деле пошла от Воронежа, точнее от боев за Воронеж, и даже чуть раньше, когда зимой сорок третьего года Воронежский и Юго-Западный фронты перешли в наступление на Среднем и Верхнем Дону (Острогожско-Россошанская операция), чтобы помочь войскам, сражавшимся под Сталинградом и в Воронеже. Боевые действия этих фронтов развивались успешно, и вскоре Острогожско-Россошанская операция переросла в новую — Воронежско-Касторнен-

скую. В конце января 1943 года были освобождены Воронеж, Касторное, Алексеевка, Старый Оскол и другие города, где была окружена большая группа вражеских войск. Одновременно успешные боевые действия шли и под Сталинградом, где войска Донского и Сталинградского фронтов доколачивали окруженную 300-тысячную фашистскую армию Паулюса. В февральский день радиостанции Советского Союза принесли радостную весть: войска Донского фронта полностью закончили ликвидацию немецко-фашистских войск, окруженных в районе Сталинграда. Был раздавлен последний очаг сопротивления врага в городе на Волге. Историческое сражение за Сталинград закончилось нашей победой. Это не могло не сказаться на успехах войск Воронежского и Брянского фронтов, как и было задумано советским Верховным Командованием. Были разбиты венгерские, итальянские и немецкие дивизии, занимавшие оборону западнее Дона и составлявшие основные силы фашистской группы армий «Б». Разгром основных сил этой мощной группировки привел к образованию в обороне противника двухсоткилометровой бреши, в которую устремились наши войска. Стало возможным дальнейшее наступление на двух операционных направлениях — курском и харьковском. Восьмого февраля 1943 года был освобожден Курск, а девятого — Белгород. Таким образом, Острогожско-Россошанская и Воронежско-Касторненская наступательные операции привели к полному краху гитлеровской операции под кодовым названием «Бляу».

На моих глазах происходили эти события, о многих из них мне, военному корреспонденту, посчастливилось, что называется, по горячим следам рассказать на страницах фронтовой газеты «За честь Родины». На всю жизнь запомнились снежная зима, трескучие морозы и всюду на дорогах разбитая вражеская техника, трупы замерзших фашистских солдат, колонны пленных...

Итогом наступательной кампании советских войск зимой 1943 года и был Курский выступ, глубоко вклинившийся в оборону противника, впоследствии получивший название Курской дуги.

Курская дуга... Теперь эти два слова известны каждому, они облетели весь мир. Но когда-то были произнесены впервые. Сначала они упоминались в оперативных донесениях и сводках, поступавших из армейских штабов. Потом появились на страницах военной печати,

и в частности, газеты Воронежского фронта «За честь Родины». Из фронтовых донесений и со страниц газет эти слова стали входить в военный лексикон, и на устах людей замелькало новое, рожденное в боях название, а точнее военное определение, Курская дуга.

По своему размаху, направленности, результатам и значению сражение на Курской дуге стоит в ряду крупнейших сражений XX века. В ожесточенных боях, разыгравшихся в глубине России, на древней орловской, курской и белгородской земле, принимало участие более четырех миллионов человек, тысячи танков, самоходных орудий и самолетов, десятки тысяч пушек и минометов. А участок советско-германского фронта протяженностью в 550 километров, где решалась основная цель летне-осенней кампании 1943 года, справедливо назовут Огненной дугой.

Конфигурация Курского выступа создавала, по мнению гитлеровского командования, благоприятные возможности для окружения и последующего разгрома войск Центрального и Воронежского фронтов. Гитлер стремился здесь взять реванш за Сталинград, нанести поражение советским войскам, снова овладеть стратегической инициативой и повернуть ход войны в свою пользу. После победы на Курской дуге гитлеровцы намеревались развить свое наступление в северо-восточном направлении, выйти в глубокий тыл центральной группировки советских войск и создать новую угрозу Москве. Это коренным образом изменило бы военно-политическую обстановку на фронте.

Ставка Верховного Главнокомандования сумела вовремя раскрыть замысел противника, установить состав его ударных группировок и направление готовящихся ударов. Свою летнюю кампанию 1943 года гитлеровское руководство планировало начать наступательными операциями, рассчитывая окружить и разгромить советские войска в районе Курского выступа. Предусматривались два мощных встречных удара: из района Орла на юг и от Белгорода на север в общем направлении на Курск. И хотя Красная Армия тоже готовилась здесь первой начать активные наступательные действия, было решено перейти к преднамеренной обороне, чтобы сначала наступал враг, в ходе его атак измотать, а затем и разгромить войска Гитлера. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своем сообщении в Ставку 8 апреля 1943 года писал: «Лучше будет, если мы измотаем

противника на нашей обороне, выбьем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем группировку противника».

Тщательно изучив обстановку и намерения противника, советское Верховное Командование решило, как и советовал Г. К. Жуков, перейти на Курской дуге к преднамеренной обороне, умело организовать оборонительное сражение, обескровить врага, создать благоприятные условия для перехода наших войск в контрнаступление, а затем и в стратегическое наступление.

Долгие месяцы наши войска создавали, укрепляли и совершенствовали свои позиции. Оборонительные полосы, хорошо оборудованные инженерными сооружениями, позволяли свободно маневрировать огневыми средствами в бою и доводить до минимума потери от артиллерийского и авиационного огня. Были созданы мощные минные поля на танкоопасных направлениях, созданы резервы противотанковой артиллерии, самоходных установок и танковых частей, в любую минуту готовых к контратаке.

В ту пору сложилась поговорка: хороший окоп — броня для солдата. Бойцы трудились день и ночь, создавая развитую систему траншей и ходов сообщений.

Кроме оборонительных работ, проделанных непосредственно частями Красной Армии, особенно инженерно-саперными подразделениями, с помощью трудящихся прифронтовых районов было вырыто по всему Курскому выступу одних только траншей десять тысяч километров, построены и восстановлены сотни мостов и тысячи километров шоссейных и грунтовых дорог. Объем работы был колоссальный. Нигде и никогда за все время войны я не видел такой мощной глубокоэшелонированной, разветвленной и разнообразной по характеру сооружений обороны. Для отражения удара на Курской дуге советскими войсками было подготовлено восемь оборонительных полос и рубежей, связанных промежуточными и отсечными позициями; общая глубина инженерного оборудования местности достигала трехсот километров.

Целый Резервный фронт был создан в глубоком тылу Центрального и Воронежского фронтов в районе Ливны — Касторное — Воронеж — Елец, то есть на рубеже реки Дона. В апреле Резервный фронт был переименован в Степной под командованием И. С. Ко-

нева и сыграл потом большую роль в успешном исходе Курской битвы.

После ожесточенных зимних боев на советско-германском фронте, как известно, наступило относительное затишье. Пауза эта оказалась довольно длительной. Она продолжалась до начала июля 1943 года и была использована обеими сторонами для всесторонней подготовки к новым решительным операциям. Войска пополнялись людьми и техникой, накапливались резервы, производились перегруппировки войск.

...Июль в том году стоял жаркий и душный. Беспощадно палило солнце, воздух был насыщен пылью, гарью и гулом моторов. В ночь на 5 июля жара вроде спала, в рощах послышались птичьи голоса. В ту ночь и были схвачены немецкие саперы, разминировавшие проходы на своем переднем крае. При допросе они показали, что немецкие части уже заняли исходные позиции и в три часа утра пойдут в наступление. Верить пленным или нет? До назначенного срока фашистского наступления оставалось чуть более часа. Если немецкие саперы говорили правду, надо начинать давно запланированную контрартподготовку, на которую выделялось до половины боевого комплекта снарядов и мин.

«Времени на запрос Ставки не было, обстановка складывалась так, что промедление могло привести к тяжелым последствиям,— вспоминал Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский.— Присутствовавший при этом представитель Ставки Г. К. Жуков, который прибыл к нам накануне вечером, доверил решение этого вопроса мне».

Ответственность была, конечно, колоссальная, но прославленный еще в подмосковных и сталинградских боях советский полководец, детально знавший обстановку на фронте, взвесив все «за» и «против», принял смелое, правильное решение.

5 июля в 2 часа 20 минут на большом участке фронта южнее Орла предрассветную тишину, царившую над нашими и вражескими позициями, потряс гром сотен советских батарей. Не менее сильный огонь по приказу командующего Воронежским фронтом Н. Ф. Ватутина был открыт и на южном фасе Курской дуги в районе Белгорода. Враг был застигнут врасплох. Фашистское командование поняло, что советские войска опередили его и сами перешли в генеральное наступление. Это

внесло в его планы путаницу, а в ряды немецких солдат — растерянность и дезорганизацию. Потребовалось почти три часа, чтобы привести в порядок поредевшие от мощного советского артогня немецкие войска.

Для осуществления операции под названием «Цитадель» враг привлек огромные силы: около 70 процентов танковых, до 30 процентов моторизованных и более 20 процентов пехотных дивизий от общего количества пехотных соединений, находившихся на советско-германском фронте, свыше 65 процентов всех боевых самолетов.

В самый канун битвы корреспондентские обязанности привели меня в один из стрелковых полков, занимавших оборону севернее Белгорода. Не только с помощью стереотрубы или бинокля, но и невооруженным глазом был хорошо виден передний край фашистских войск. Враг притаился, замер. Тишина стояла необычная для фронтовой полосы, точнее сказать, гнетущая. Больно было смотреть на плодородные когда-то поля, многократно перепаханные снарядами, минами и бомбами. В воздухе висели густая пыль и смрад...

И вот наступил час испытаний. На рассвете 5 июля на изготовившиеся к атаке вражеские войска обрушился ураганный огонь советской артиллерии. Одновременно сотни наших самолетов нанесли мощный удар по вражеским аэродромам.

Каждый задавал себе один и тот же вопрос: удался ли наш предупредительный замысел?

Удался полностью!

Лишь в 4 часа 30 минут, то есть с опозданием на 2 часа, а кое-где и позже, гитлеровцы, придя в себя, начали свою артподготовку. Она была хотя и ослабленной, но тоже ожесточенной. В воздухе появилась фашистская авиация. Загрохотало, загудело все вокруг. Черные облака земли и пыли закрыли поднимавшееся из-за горизонта раннее летнее солнце. Вражеские войска пошли в наступление.

Слева от нашего наблюдательного пункта мы с тревогой увидели, как танки прорвались сквозь сложные инженерные сооружения, рвы и завалы и заградительный огонь. Проутюжили и разрушили траншеи стрелковых подразделений и устремились в глубь обороны. В дело вступила наша артиллерия. Были приняты и

другие меры, чтобы локализовать прорыв вражеских танков.

Не легче было и справа. На позиции огневого взвода лейтенанта Фельдинова двигалось около двадцати вражеских машин. Наводчики обоих оставшихся в исправности орудий красноармейцы Романов и Зайцев выбрали себе по танку и, взяв их в перекрестие панорамы, выжидали наиболее удобного момента для выстрела.

Грохот боя перекрывал рев моторов. Казалось, еще несколько минут — и вражеские машины прорвутся в наш тыл. Однако взводный почему-то не подавал команду.

Видим, чувствуем: нервы артиллеристов напряжены до предела. А танки подходят все ближе. Триста метров, двести. Наконец лейтенант выдохнул:

— Огонь!

Мгновенно заработали оба орудия. Романов первым же снарядом угодил в моторную часть «тигра», чуть повернувшегося боком. Танк вспыхнул. Зайцев сразил «свой» со второго снаряда. Наводчики тут же перенесли огонь на другие цели, и через минуту Романов поджег второй танк, потом третий, четвертый... Зайцев тоже подбил вторую и третью машины. Сильный огонь вели и другие орудия, что стояли позади взвода. Уцелевшие танки сначала сбавили ход, потом попятились и повернули назад.

В это время с фланга на огневой рубеж артиллеристов ринулась немецкая пехота. У орудия остались только наводчики, остальные артиллеристы схватились за автоматы. Завязалась ожесточенная рукопашная схватка: выстрелы в упор, резкие удары прикладом. Кто лишился оружия, действовал саперной лопаткой, ножом, чем попало. Скрежет металла, тяжкие вздохи, едкий удушливый чад, стоны, крики...

Наводчики не отрывались от панорамы. И не зря: вражеские танкисты, увидев рукопашный бой на огневых позициях, снова устремились в атаку. Однако стрелять по пушкам они не могли — попали бы и по своим. Решили действовать гусеницами...

Подтаскивать снаряды, заряжать, наводить орудие в цель и стрелять пришлось одним наводчикам. Темп ведения огня, естественно, снизился, и вражеские машины подошли почти вплотную к огневым позициям. Зайцев поджег танк в тридцати метрах от своего ору-

дия, Романов — чуть дальше. Через две-три минуты удалось подбить еще по танку.

В это время не выдержала рукопашной схватки и фашистская пехота.

Так в один лишь день два советских орудийных расчета без прикрытия стрелков отбили атаку 20 танков и уничтожили немало вражеской пехоты. Одиннадцать танков остались на поле боя.

Иначе сложилась обстановка левее наблюдательного пункта. Гитлеровцы там все-таки прорвались в тыл. Однако это не вызвало ни у кого паники: недаром наши войска так тщательно готовились к боям на Курской дуге, возвели многоэшелонированную, многоярусную оборону. Прорвавшиеся сквозь первую линию гитлеровцы натолкнулись на замаскированную вторую.

Отбив вражеский натиск, советские воины вскоре сами перешли в контратаку. Немцы стали отходить и попали на отсечные позиции, которые встретили их плотным и точным огнем. В это время восстановила свои боевые порядки наша первая линия обороны. Гитлеровцы оказались в мешке...

Но, как бы отважно ни дрались стрелковые подразделения, какой бы урон ни наносили они вражеской пехоте, главной была борьба с танками. Особенно с «тиграми». К этому войска готовились заранее. Политуправление фронта успело выпустить «Памятку бронебойщику», «Памятку артиллеристу — истребителю вражеских танков», «Памятку пехотинцу по борьбе с вражескими танками», листовки с рисунками новых танков врага и советами, как с ними успешно бороться. В нашей фронтовой газете была напечатана целая полоса-плакат, наглядно демонстрировавшая уязвимые места «тигра».

Из летописи войны: «16 января 1943 года под Ленинградом в районе Рабочего поселка № 5 был подбит и захвачен необычный немецкий танк, вооруженный 88-мм пушкой и двумя пулеметами. При нем был найден формуляр, из которого стало ясно, что новый мощный танк T-VI («тигр») под номером один предназначается для боевых испытаний на Восточном фронте... Захваченный в плен стальной «язык» по указанию К. Е. Ворошилова и Г. К. Жукова был доставлен на один из советских испытательных полигонов, где точно

определили толщину брони его корпуса и вращающейся башни, вес, скорость. А челябинские конструкторы вскоре разработали и эффектное «противоядие» — самоходные артиллерийские установки (СУ-152), названные нашими солдатами «зверобоями». Их 50-килограммовые снаряды рвали в клочья гитлеровскую броню, срывали с «тигров» башни...»

Но бить «тигры» в лоб бесполезно: почти 200 миллиметров крупповской стали весьма надежны. Однако наши бойцы доказали, что «тигры» можно и должно уничтожать не только из крупнокалиберных орудий, но и с помощью бутылок с зажигательной смесью и даже из противотанкового ружья. Надо только знать, куда целиться, да иметь мужество смотреть на них прямо, не отводя взгляда.

Бойцы батальона гвардии капитана Бельгина три дня и три ночи непрерывно вели бой. Многие, в том числе и сам прославленный комбат, пали, но не пропустили врага через свой рубеж. Погибая под гусеницами вражеских танков, бойцы до конца боролись с бронированными хищниками. Бронебойщик Абдулин, связной Сергей Зорин, парторг Сушков, командир подразделения Ильясов...

Совинформбюро известило тогда о подвиге. В сообщении говорилось: «До полка немецкой пехоты и 30 танков атаковали позиции, которые оборонял батальон, где командиром гвардии капитан Бельгин... В течение 12 часов гвардейцы отражали атаки гитлеровцев. Потеряв 15 танков и свыше 500 солдат и офицеров, противник был вынужден отступить».

Рядом с гвардейцами батальона Бельгина стоял на огневой позиции со своим орудием гвардии старший сержант Смородин. Наводчик Александров, ранее награжденный орденом Ленина, не отрывался от панорамы. Одна за другой следовали атаки. За день расчет Смородина уничтожил и сжег четыре «тигра» и три подбил.

...С трудом добравшись до огневой позиции, я встретил лишь одного командира орудия гвардии старшего сержанта Смородина. Он был тяжело ранен, но смог подробно рассказать о бое с танками. Его рассказ я записал на бумагу, прочитал ему написанное, чтобы дать материал от его имени. Так в газете «За честь Родины» появилась статья «Горят фашистские «тигры».

Потом перебрался в расположение второго артдивизиона 623-го артиллерийского полка. За пять дней не-

мецкого наступления артиллеристы уничтожили более десятка танков и сотни гитлеровцев. До последнего снаряда и патрона дрался расчет сержанта Буторина. После того как фашисты были отброшены и можно было подойти к огневой позиции героев-артиллеристов, мы увидели страшную картину. В центре находилось вдавленное в землю искореженное орудие с брызгами крови на щите, лафете и снарядных ящиках, которые были пусты. У орудия в различных позах лежали тела советских воинов, а вокруг них валялись стреляные гильзы от снарядов и патронов, пустые сумки из-под гранат, автоматы и пистолет командира расчета. Отважные погибшие артиллеристы были с почетом преданы земле, а Советское правительство отметило их высокими боевыми наградами.

...К вечеру 10 августа на фронтовой дороге я случайно встретил знакомого представителя штаба фронта майора Маркина Илью Ивановича. На его «виллисе» перебрался к артиллеристам 58-й механизированной бригады, которая вела тяжелые бои с танками противника. Все вокруг грохотало, звенело, стреляло, дымилось. Тучи пыли закрывали небо. В воздухе и на земле шел непрерывный бой. Когда наступило относительное затишье, мы встретились с артиллеристами дивизиона, орудия которого оказались на острие главного удара гитлеровских «тигров». Мне рассказали о подвиге комсорга дивизиона старшего сержанта Михаила Борисова. В критический момент боя, когда выбыл из строя наводчик, старший сержант Борисов встал к панораме и продолжал вести огонь по врагу.

Один из «тигров» шел прямо на него. Борисов поймал вражеский танк в перекрестие панорамы и, выждав удобный момент, выстрелил. Танк задымил, из-под решетки стали выбиваться языки пламени. Как можно спокойнее артиллерист стал ловить в прицел другую машину. И второй выстрел оказался точным: «тигр» закружился на месте. Очередной снаряд попал в бензобак третьей машины. Борисов перевел прицел на четвертую... Гитлеровские танкисты резко развернули машины и стали отходить за высоту. Но слева из лощины выползла новая группа фашистских танков и на большой скорости стала приближаться к позиции, на которой стояло орудие комсорга.

Борисов быстро развернул пушку в сторону приближающихся танков и снова открыл огонь. Запылали еще три танка. Седьмой подошел почти вплотную к огневой позиции. Выжидать удобного момента не было времени, и Борисов ударил в лоб. Больше он ничего не помнил. Тугая волна воздуха бросила его на лафет орудия...

Забегая вперед, скажу, что счастливую возможность лично встретиться с героем сражения я получил лишь в конце сентября 1943 года на днепровском рубеже. Узнав о том, что наши войска продвигаются вперед, гвардии старший сержант Михаил Борисов, еще как следует не оправившийся от тяжелого ранения, с повязкой на голове покинул госпиталь. На попутных автомашинах догнал свою часть и вскоре был в объятиях друзей-артиллеристов. А на второй день возвращения комсорг со своими товарищами огнем расчищал нашим стрелковым подразделениям путь к Днепру. В этот момент корреспондентские обязанности вновь привели меня в 58-ю механизированную бригаду, которая к тому времени стала гвардейской. Узнав о возвращении в строй бесстрашного истребителя танков, я, естественно, поспешил на огневую позицию артиллеристов, чтобы увидеться с ним.

Тогда я узнал, что Михаил Федорович Борисов боевое крещение получил в Крыму: участвовал в высадке десанта в Камыш-Буруне под Керчью. Сначала был наводчиком, потом командиром расчета. В Крыму, в одном из тяжелых боев, был первый раз ранен, попал в госпиталь. Вернулся на фронт, на среднюю излучину Дона, лишь летом 1942 года. В числе защитников героического Сталинграда принимал участие в окружении и разгроме армии фельдмаршала Паулюса.

— В начале зимы 1943 года,— рассказывал Борисов,— я был уже наводчиком противотанкового орудия. Однажды, что называется, средь бела дня, к нашим позициям, смяв редкую цепочку пехотинцев, почти вплотную подошли вражеские автоматчики. Мы встретили их огнем. Но лес и глубокий снег спасали гитлеровцев.

Внезапно пришла мысль: что если ударить по деревьям, за которыми в снегу зарылись немцы? Ведь осколки от разорвавшихся снарядов полетят и вниз. Попробовали — получилось. Продолжали посылать снаряд за снарядом то в одно, то в другое дерево. Гля-

дим, вражеские автоматчики сбавили огонь, заметались, а уцелевшие стали стекаться к оврагу. Тут подошло наше стрелковое подразделение, и с вражескими автоматчиками было покончено.

Отважный воин-артиллерист Михаил Борисов в феврале 1943 года был принят в ряды Коммунистической партии, а позже назначен комсоргом противотанкового дивизиона 58-й механизированной бригады, в составе которой, как мы упоминали выше, сражался на Курской дуге, уничтожив семь вражеских «тигров».

Пройдут годы, и в числе советских поэтов страна услышит имя бесстрашного истребителя вражеских «тигров» Героя Советского Союза Михаила Борисова. Он с полным правом напишет:

...Пораскалились докрасна
От выстрелов стволы,
А «тигры» прут —
Им нет числа,
Они страшны и злы.
В горячих высверках огней
Корежится земля,
Ее сжимает все тесней
Смертельная петля.
А здесь не то что
блиндажа —
Окопа даже нет!..
Со мной бок о бок,
не дыша,
Лежат семнадцать лет...

Тысячи подвигов были совершены в ожесточенных, сначала оборонительных, а потом и наступательных боях на полях Курской дуги. Пример мужества, отваги и героизма, как всегда, показывали люди с партийными билетами.

«Коммунисты, вперед!» Этот знакомый клич слышался всюду, где надо было добиться перелома в нашу пользу, победить. Десятки тысяч человек, вступившие в ряды Коммунистической партии в боях на Курской дуге, составляли крепкое боевое ядро каждого подразделения, каждого полка, дивизии, корпуса. Показывая пример беспартийным, коммунисты мужественно вели себя в боях, особенно в критические моменты.

О подвигах коммуниста П. К. Воробьева рассказала фронтовая листовка, сохранившаяся в моем архиве. В ней говорилось:

«К вечеру противник на небольшом участке сосредоточил большое число танков. Они осатанело устремились на окопы подразделения товарища Борискина. Часть их прорвалась за передний край.

Гвардии старший сержант Петр Воробьев поднял противотанковое ружье раненого бронебойщика и смело пополз вперед навстречу танкам. Выбрав удобную позицию, он почти в упор подбил две фашистские машины. Вблизи разорвался снаряд. Старшего сержанта контузило. Собрав остатки сил, Воробьев приподнялся на локте и, прижимая к груди противотанковую гранату, пополз навстречу третьему танку...»

Отражая непрерывные атаки, наши войска наносили врагу огромный ущерб, обескровливали и изматывали его силы. Едва обозначались направления танковых ударов противника, туда устремлялись противотанковая и самоходная артиллерия и тяжелые танки. Мощный заслон разбивал вдребезги немецкие танковые колонны и клинья, не давал возможности нарушить систему обороны наших войск. Лишь на узких направлениях гитлеровцам удалось достичь временного превосходства и потеснить наши оборонявшиеся полки. Но и там при решающей роли коммунистов советские воины стояли насмерть, бились до последней возможности, до последнего патрона и снаряда.

В полосе обороны нашего Воронежского фронта, например, противник имел полуторное превосходство в танках, и ему удалось на обоянском направлении продвинуться на 35 километров, выйти к третьей полосе нашей обороны. Но и здесь 9 июля враг был остановлен. Тогда немецкое командование решило обойти Обоянь с востока и нанести удар основными силами на Прохоровку, чтобы продолжить наступление на Курск.

До войны мало кто знал эту маленькую, редко обозначаемую на географических картах станцию на железной дороге между Курском и Белгородом. Теперь о ней знают и у нас, и за рубежом. Здесь 12 июля 1943 года произошло беспримерное в истории войн по своему размаху и ожесточению встречное танковое сражение. Столкнулись две бронированные армады. С нашей стороны основной удар приняла на себя 5-я гвардейская танковая армия. В начале Курской битвы она находилась в резерве Ставки за многие сотни километров от

фронта. Каким же образом случилось так, что противник, повернув основные силы в сторону Прохоровки, оказался лицом к лицу с 5-й гвардейской танковой армией?

Позже ее командующий, Герой Советского Союза, Главный Маршал бронетанковых войск П. А. Ротмистров, сообщит следующее:

«6 июля получили приказ: выступить в район Прохоровки. Впереди 380 километров пути...

Утром 12 июля началось танковое сражение под Прохоровкой. На небольшом пространстве, зажатом между рекой Псел и железнодорожной насыпью, сближались две танковые лавины. Наши машины на полном ходу врезались в боевые порядки противника. На поле боя перемешалось огромное количество танков. Снаряды, посылаемые с близких расстояний, пробивали броню, взрывались боеприпасы, башни танков от удара отлетали на несколько метров...»

Чтобы понять характер боя, надо вспомнить, что в то время гитлеровские танки «тигр», «пантера» и самоходные орудия «фердинанд» несли более мощную броню и имели преимущество в артиллерийском вооружении. Победить такую технику мы могли только в ближнем бою, расстреливать такие танки могли только с близкого расстояния.

1200 машин сошлись на прохоровском поле. Это было страшное, беспримерное сражение...

У нас, корреспондентов красноармейских газет, были свои трудности на войне, и главная из них состояла в отсутствии средств передвижения. Мы не располагали никаким транспортом, а поспевать должны были всюду: во всяком случае, о всем важном и интересном, что происходило в частях и подразделениях, мы должны были узнавать чуть ли не первыми. И не только узнавать, а вовремя сообщать в редакции своих газет. И не кратко, не телеграфно, а обстоятельно, показывая особенности каждого боя, чем он обогатил наших командиров, чему научил солдат. А для этого мало узнать, увидеть и даже написать в полевых условиях статью, надо было еще найти способ оперативной доставки этого, добытого с трудностями и опасностями, материала в редакцию, которая находилась на значительном удалении от линии фронта.

Но были в нашей работе и свои плюсы. Широкие права и обязанности фронтового журналиста давали нам возможность беспрепятственно передвигаться из одной части в другую, с одного участка боев на другой, а значит, и возможность видеть и знать больше обычного командира. Так к кульминационному моменту боев я оказался под Прохоровкой: сначала в расположении 3-го гвардейского танкового корпуса, а потом с офицером-направленцем штаба 5-й гвардейской танковой армии добрался до командного пункта генерала Ротмистрова. Выругал он меня, помню, очень крепко, но разрешил взглянуть через стереотрубу на поле боя, которое вошло в историю как Прохоровское танковое сражение. Впившись в окуляры стереотрубы, я увидел страшную, невообразимую и не поддающуюся точному описанию картину. Перед моими глазами простиралось желтеющее, кажется, пшеничное, поле. Просматривалось оно на сравнительно небольшое, километра полтора-два, расстояние. Дальше все тонуло в черном непроглядном дыму, в котором словно молния часто сверкали огненные вспышки орудийных выстрелов. Все вокруг потемнело. Густая пелена дыма и пыли застилала солнце, как при затмении. Земля стонала, гудела, дыбилась под тяжестью сотен стальных громад. Советские танкисты действовали не только огнем, скоростью и маневром своих тридцатьчетверок и КВ, но и их ударной массой, часто идя на таран. Над полем боя среди орудийных выстрелов улавливался душераздирающий скрежет брони и стали, глухие, как тысячепудовый молот, удары огромной массы металла. И это продолжалось с раннего утра до самого заката солнца. Лишь с наступлением сумерек гул боя стал постепенно стихать. В сражении, подобном неимоверной силы смерчу, трудно было различить действия отдельных экипажей и тем более людей. Героизм здесь был, как нигде, массовым. Сражались все, кто мог двигаться, видеть, стрелять, жечь, бить... До последних сил дрались тяжелораненые, оглохшие и ослепшие люди... И в этой наиболее сложной обстановке образцы мужества, как всегда, показывали люди с партийными билетами.

В те дни отличился артиллерийский расчет коммуниста Александра Сапрыкина, о котором мне довелось рассказать на страницах фронтовой газеты. Только в одном бою он сжег пять вражеских танков. Семь танков уничтожил артиллерист-наводчик младший сер-

жант Иван Ремизов, и его рассказ об этом с моей помощью был напечатан в газете.

Насмерть стояли на своих позициях артиллеристы старшего лейтенанта Калиновского. Он приказал расчетам открыть огонь. Снаряды метко накрывали цели. Уже пылали десятки автомашин. Но тут на дороге, на которой расположились артиллеристы, показались танки. Они выползали из-за высоты один за другим. Первым выстрелил наводчик младший сержант Старцев. В это время танки были на расстоянии 400 метров от огневой позиции. Вскоре несколько из них были подбиты. Остальные отошли в сторону и повели ответную стрельбу.

«Юнкерсы» непрерывно один за другим пикировали на батарею. Бомбы падали рядом с орудиями, осыпая их землей и осколками. Гул взрывов сотрясал землю, и она вздымалась столбами. Немецкие танкисты, видимо, решили, что на этом кусочке земли невозможно не то что человека — живой травы найти, пошли в атаку с открытыми люками.

— Огонь! — снова прозвучала команда Калиновского. Словно из земли выросли артиллеристы.

Уничтожив шесть танков, орудие Седухина вышло из строя. Получило повреждение и орудие Старикова, уничтожившее семь немецких танков. Невредимым осталось лишь орудие старшего сержанта Дианова. Но вскоре был ранен наводчик Анохин. Его место занял сержант Некрасов, и орудие продолжало стрелять.

Батарея гвардии старшего лейтенанта Калиновского за день уничтожила 22 танка и 30 автомашин врага.

Повторяю, геройских подвигов было совершено на Курской дуге очень много... Танкисты, артиллеристы, стрелки, саперы, связисты отважно сражались на земле. В то же самое время в воздухе бесстрашно дрались наши славные соколы.

В те памятные дни мне удалось побывать в 162-м гвардейском бомбардировочном полку, которым командовал полковник Герой Советского Союза Новиков. Только в одном бою авиаторы этого полка сбили восемь истребителей врага. Ночью 12 июля в канун Прохоровского сражения Новиков в который уже раз во главе полка сам поднялся в воздух и обрушил на вражеские танки сотни тяжелых бомб. Весь день в воздухе не прекращались ожесточенные схватки. Один воздушный бой сменялся другим. Только за этот день летчики

162-го гвардейского полка совершили около сотни самолето-вылетов.

Над полем Курской битвы водил свои воздушные полки дважды Герой Советского Союза Иван Семенович Полбин. Здесь сражались отважные летчики 2-й и 17-й воздушных армий, которыми командовали тогда генералы А. С. Красовский и В. А. Судец, а также многие славные соколы нашей Родины.

...Страшно было смотреть на поле отгремевшего сражения. Оно напоминало гигантскую свалку покореженных танков: ведь только с немецкой стороны было выведено из строя свыше 400 боевых машин. Всюду валялись обгоревшие, искореженные танки, раздавленные орудия и минометы. Движение по полю боя то и дело преграждали воронки и бесчисленное количество лежащих в разных позах человеческих тел. Многие еще были живы и просили о помощи. И ни одного уцелевшего участка пшеницы, ни единой зеленой былинки. Выжженная земля дымилась, чернела, стонала, словно живое существо.

«Бой длился весь день 12 июля и всю ночь. Утром, когда силы гитлеровцев истощились, стало ясно, что сражение ими проиграно. Но на прохоровском поле и в направлении на Яковлево, на Сторожевое и совхоз «Комсомолец» — на несколько десятков квадратных километров в окружении — долго еще гремели взрывы и полыхали зарева пожарищ: это в чаду и в дыму, закрывавших солнце, рвались и догорали остатки сотен вражеских танков. Картина потрясающая, какой я более не видел за время войны...»

Это — свидетельство очевидца, инструктора политотдела 25-й танковой бригады Леонида Решетникова, с которым меня в те дни свела судьба. Об этом же и его поэтические строки, написанные сразу же по горячим следам:

И стихла битва,
словно истощила
Все силы.
И умолкло все кругом,
Как в час,
когда гроза теряет силы
И катится за холм утихший гром.
И то железо,
что весь день визжало,
Стреляя и моторами звеня,
Сейчас на поле грудами лежало
И догорало в отблесках огня...

После июльских боев он был назначен литсотрудником газеты 5-й гвардейской танковой армии. В 1947—1951 годах мы вместе учились в Военно-политической академии имени В. И. Ленина и много лет работали в военной печати.

Последнее время находимся на одних и тех же рубежах литературного фронта. Теперь он известный поэт, автор многих поэтических сборников, лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Горького.

Прошло сорок лет со дня окончания Великой Отечественной войны и сорок два года сражения на Курской дуге. На легендарной земле проходили традиционные юбилейные дни советской литературы, посвященные исторической победе советского народа. Они начались в Белгороде и завершились в Орле, в честь освобождения которых сорок лет назад прозвучал в столице первый победный салют. Делегация московских писателей приняла также участие в литературных вечерах с трудящимися Курской области. И всюду происходили сердечные встречи с людьми, среди которых было немало свидетелей и участников минувших боев.

...Наша машина медленно, то спускаясь в балки и низины, то взбираясь на холмы и высоты, движется по земле Белгородщины. Внимательно всматриваемся мы в каждый бугорок и в каждую впадину, с трудом обнаруживаем старые окопы, траншеи, эскарпы, ходы сообщения, пулеметные ячейки, командные пункты... Все это давно засыпано землей и заросло травой. На местах огневых позиций артиллерийских и минометных батарей шумят сады, колхозные и совхозные нивы. Трудно, особенно молодым людям, поверить в то, что эта мирная, цветущая земля когда-то содрогалась от взрывов мин, снарядов и авиабомб, что вокруг полыхал огонь, гуляла смерть.

Первая остановка — хутор Ерик. Здесь проходил передний край обороны частей 89-й гвардейской Белгородско-Харьковской Краснознаменной дивизии. А чуть дальше к югу у откормсовхоза находилось боевое охранение дивизии, принявшее на себя первый удар врага.

— В нашем соединении был девиз: «Где гвардейцы обороняются — враг не пройдет, где наступают — не устоит»,— говорит один из ветеранов дивизии. Он рас-

сказывает о стойкости и мужестве своих однополчан, которые освобождали от врага Белгород и его окрестности. Внимательно слушая этот рассказ бывалого воина, я бросаю взгляд в сторону Михаила Николаевича Алексеева — руководителя нашей московской делегации писателей. Вижу, чувствую, что ему хочется скорее попасть на самый южный фас Курской дуги, где в июле — августе 1943 года занимала оборону его 72-я гвардейская дивизия, прибывшая сюда из-под Сталинграда. Признаться, и меня влекло туда же, ведь именно там в жаркие дни июля 1943 года мы впервые повстречались и остались друзьями на всю жизнь.

И вот мы в селе Крапивном, что юго-восточнее Белгорода. Прежде всего спешим в восьмилетнюю школу, со следопытами которой многие годы ведем переписку. Большие патриотические дела совершают школьники. Благодаря их многолетней неутомимой поисковой работе установлены фамилии и места захоронений многих отважных воинов 72-й гвардейской дивизии, о которых не было никаких известий. Следопыты установили связи с их родными, получили от них фотографии и другие документальные свидетельства о доселе безвестных героях, разыскали их личные вещи, снарядные гильзы, красноармейские звездочки, отдельные экземпляры дивизионной газеты «Советский богатырь», в которой начинал свою журналистскую деятельность старший лейтенант Алексеев Михаил Николаевич. Все эти и другие драгоценные реликвии войны с подробными описаниями и формулярами бережно хранятся в школьном музее. В его стенах старшеклассники и учителя ведут большую военно-патриотическую работу. Здесь принимают учащихся в пионеры и комсомол, проводятся заседания пионерских дружин и звеньевые сборы, комсомольские собрания и диспуты. Все это глубоко западает в память пытливых и любознательных школьников, которые пытаются делать жизнь со своих дедов и прадедов, стремятся быть похожими на них, растут патриотами, горячо любящими свою прекрасную Родину.

Из школы, где состоялись теплые встречи и сердечные беседы, мы в сопровождении непоседливых следопытов отправились на поиски бывших фронтовых землянок, в которых располагалась редакция дивизионной газеты «Советский богатырь», где и произошла моя первая встреча с Михаилом Николаевичем Алексеевым.

Помнилась широкая, с продолговатым дном балка, своим острием уходившая в лес. Пересекли маленькую, почти безводную речушку Коренек, впадающую в Нежеголь. Нашли похожую, как нам казалось, балку и быстро пошли по ней в сторону густого леса. Михаил Николаевич то и дело останавливается, смотрит налево-направо, что-то вспоминает, почти шепотом произносит какие-то слова и вдруг объявляет:

— Нет, не то место. Та балка была вся покрыта невысоким лесом, в котором с правой стороны выделялись редкие, выше, чем другие деревья, дубы.

Я, признаться, начисто забыл конкретное место первой нашей фронтовой встречи, пытался робко подсказывать, подавать советы. Однако Михаил Николаевич убежденно и окончательно заявил:

— Не тот лог, который нам нужен. Я-то лучше тебя помню, так как больше месяца находился здесь. Чуть дальше, в направлении селения Устинка, должен быть еще один. Через эту деревню я совершал неоднократные путешествия на передний край своей дивизии. Это мне хорошо запомнилось.

В цепкой памяти моему фронтовому другу не откажешь. В этом я убедился в прошлогодней поездке по полям другой — Сталинградской — битвы. Там Михаил Николаевич тоже не успокоился до тех пор, пока не нашел среди множества заросших кустарниками оврагов и балок свой крохотный овражек, в конце которого росла дикая яблонька и рядом с ней находилась землянка, где он жил зимой 1942/43 года, будучи политруком минометной роты. Эту настойчивость в поиске бывшего фронтового жилья проявлял Алексеев и сейчас.

— Да-да, надо искать в другой, соседней балке,— повторил он и уже на ходу добавил: — Я даже припоминаю ее название — Шатов лог.

— Правильно, есть такой,— живо отозвалась сопровождавшая нас учительница и создатель школьного музея Мария Федоровна Линник.

И действительно, вскоре мы уже пробирались сквозь густой лес в глубь соседней балки. Михаил Николаевич уверенно шагал от одного дуба к другому, приговаривая:

— Как заросло здесь все, как заросло?!

— Так ведь почти полвека прошло с тех пор,— вставил я.

И вдруг Михаил Николаевич, что называется, резко затормозил ход.

— Кажется, здесь... Да, тут!

Он подошел к довольно обширному, правильной формы углублению и объявил, что на этом месте стояла глубоко зарытая в землю спецмашина с печатным станком и запасом типографской бумаги. Рядом в пятидесяти метрах мы обнаружили следы другого углубления. Здесь, как объяснил Михаил Николаевич, была землянка личного состава редакции. В самом конце балки в такой же землянке размещались работники полевой почты дивизии. Теперь и мне вспомнилось все, как было: именно с машиной полевой почты доехал я тогда до редакции «Советского богатыря», а потом, как только стемнело, мы с Михаилом Алексеевым отправились в полк, занимавший оборону на переднем крае. Ну и потаскал он меня по окопам и траншеям, полагая, что корреспондент фронтовой газеты не нюхал пороха. Обижаться на это не приходилось: откуда ему было знать, что корреспондент этот начинал войну на западной границе, знал уже, почем фунт лиха, и вдоволь нанюхался пороху.

О героизме советских воинов в битве на Курской дуге широко сообщали тогда дивизионные, армейские, фронтовые и центральные газеты. 13 июля 1943 года «Правда» в сводке Совинформбюро писала: «На одном участке немцам ценой тяжелых потерь удалось захватить населенный пункт. Решительной контратакой подразделений капитана Томилина, старших лейтенантов Федулина и Михина восстановлено положение. В уличном бою красноармейцы истребили до 40 вражеских солдат и офицеров, захватили 6 орудий, 4 самоходные пушки, 7 радиостанций, 150 тысяч патронов и другие трофеи».

Речь шла о деревне Безлюдовке Шебекинского района Белгородской области, в боях за которую особенно отличились бойцы батальона старшего лейтенанта Михина. Кстати сказать, о смелых действиях этого батальона успел тогда сообщить через свою газету ее молодой сотрудник — старший лейтенант Михаил Алексеев.

Никому в голову не могла прийти тогда мысль о том, что не пройдет и трех лет, как из-под пера этого молодого начинающего журналиста появится прекрасный роман «Солдаты», в первых главах которого будут

описаны события, происходившие именно под Безлюдовкой, Крапивным, Шебекином... И уж совсем, конечно, не мог предполагать автор романа, что спустя много лет трудящиеся города Шебекина единодушно изберут его своим почетным гражданином.

А вот и легендарная прохоровская земля — эпицентр танкового сражения.

С чувством большого волнения поднялись мы на высоту 251,6 — бывший наблюдательный пункт командующего 5-й гвардейской танковой армией генерала П. А. Ротмистрова. Высота действительно господствует над окружающей местностью: впереди как на ладони видна огромная чашеобразная долина. Вот здесь и произошел встречный бой двух танковых армий.

Прохоровка... Край героев и героических свершений. Двенадцать Героев Советского Союза дал Родине только Прохоровский район. А сколько орденов и медалей СССР получили прохоровцы за ратные и трудовые подвиги!

— Десять лет колхозники села Прелестное не могли подступиться к земле, где проходило танковое сражение,— говорил председатель колхоза.— Члены первого послевоенного правления колхоза подорвались в поле на минах. Мины и сейчас все еще извлекают из земли.

Перед тем как отправиться к курянам, мы снова возвращаемся в Белгород. Медленно остывает жаркий летний день. После трудовой вахты жители выходят на площади и улицы, заполняют тенистые парки и скверы родного города. Занятые мирным трудом белгородцы ведут большую работу по военно-патриотическому воспитанию — готовят молодежь к службе в армии и на флоте. В центре Белгорода, у Вечного огня, где бронзовая фигура матери, в печали склонившая голову над гранитными плитами с именами погибших, часто можно услышать слова наказа будущим воинам:

— Честно служите, сыны наши! Помните о подвигах своих отцов, не забывайте о тех, кто отдал жизнь за честь, свободу и независимость Родины, за ваше счастье!

По пути в Курск останавливаемся в селе Яковлеве. Здесь в 1954 году на месте ожесточенного танкового сражения был открыт монумент советским танкистам — участникам разгрома гитлеровцев на Курской дуге. Теперь он расширен и превратился в Мемориальный комплекс. Установленное на пьедестале боевое оружие

времен Великой Отечественной войны напомнило мне о подвиге земляка Василия Яковлевича Стороженко, которого однополчане называли в те дни командиром железной роты. И вдруг именно ему, бывшему лейтенанту, а теперь майору в отставке, предоставили слово на митинге.

Из толпы вышел коренастый седовласый мужчина. На его гражданском костюме два ордена Красного Знамени, орден Александра Невского, Отечественной войны I и II степеней и многие медали.

...В первые часы вражеской атаки Стороженко подбил три танка. Когда его машина была подожжена, он вместе с экипажем под огнем перебрался в соседний и уничтожил еще шесть вражеских танков. О подвиге Стороженко и его друзей рассказывали в те дни не только мы, фронтовые корреспонденты, но и газета «Правда».

Когда Василий Яковлевич закончил свое выступление, мы с ним отошли в сторонку и долго беседовали о фронтовых встречах, о боях-пожарищах, о друзьях-товарищах и, конечно, о нашем родном Воронеже...

И снова вспомнились жаркие дни лета 1943 года. Подвиги и гибель друзей. Муки и страдания местных жителей — женщин, стариков, детей. Трудно и опасно было всем. В первую очередь смертельной опасности подвергали себя бойцы и командиры передовых частей и подразделений. Смерть подстерегала людей и на артиллерийских позициях, на аэродромах, на складах горюче-смазочных материалов и боеприпасов, на позициях вторых эшелонов... Нелегко было и нам, представителям многотиражных красноармейских газет, тем самым людям, которых именовали разъездными корреспондентами. Но «разъезжали» мы тогда не между редакцией и воинскими частями, а между различными подразделениями действующей армии. В редакциях же своих газет появлялись, как правило, лишь тогда, когда надо было облачиться в зимнюю одежду или освободиться от нее. Нашим постоянным местом пребывания были роты и батальоны переднего края, а главным объектом — бойцы, младшие и средние командиры. Разумеется, сравнительно спокойнее и безопаснее было в оборонительных боях, когда наши полки и дивизии продолжительное время занимали оборонительные позиции на одних и тех же рубежах. Рубежи эти и дороги к ним были хорошо нам известны. Во много раз слож-

нее было в период активных боевых действий, особенно наступательных, так как мы, корреспонденты маленьких газет, повторяю, не имели никаких собственных средств передвижения. А передвигаться надо было очень часто и прямо-таки стремительно, чтобы поспеть за быстро меняющейся обстановкой. Необходимо было видеть все своими глазами, точно воспроизвести боевые эпизоды, подробнее узнать о героях дня, по возможности встретиться и поговорить с ними, быстро написать обо всем этом и найти способ доставки корреспонденции в редакцию. Должен признаться, что в боях на Курской дуге мне нередко просто везло: направленцы различных штабов (были и такие люди) входили в мое положение и на своих «виллисах» подбрасывали в горячие точки, а потом «прихватывали» с собой написанные материалы и обратным рейсом доставляли в редакцию; иногда добирался до нужных мест с почтовой машиной; а чаще всего выходил на дорогу, становился посредине, и, хочешь не хочешь, шоферы останавливались и разрешали забираться в кузов — поверх снарядов или горючего. А как-то на целую неделю надежно устроился с другим, более высокого ранга корреспондентом.

Газету «Правду» на нашем Воронежском фронте представлял тогда Леонид Первомайский. Уже до войны он был известным поэтом. Командующий фронтом выделил в его распоряжение полуторку, и мне довелось не раз совершать на ней совместные поездки в воинские части. Неудобство состояло в том, что корреспонденту центральной газеты не было необходимости бывать в полках, и тем более в батальонах и ротах. Ему достаточно было побывать в штабе армии, корпуса или дивизии. Но, как говорится, и на том спасибо. Дальше приходилось добираться своими ногами. И все же я был благодарен правдисту за то, что он позволил мне целую неделю пользоваться надежным транспортом и с его помощью переправлять корреспонденции в штаб фронта. Оттуда их через спецсвязь легко передавали в редакцию.

На полях Курской дуги мне приходилось встречаться со многими украинскими писателями, прикомандированными к политуправлению в расчете на то, что наш Воронежский фронт раньше других начнет освобождение украинских земель. К тому же некоторые украинские писатели непосредственно работали в штате

«За честь Родины» и, как и многие из нас, корреспондентов, выполняли задания редакции.

По горячим следам боев, например, печатал в нашей газете свои фронтовые стихи и документальные очерки Андрей Малышко. Уже после войны вышел в свет роман «Курская дуга» киевского прозаика Виктора Кондратенко. Участник тех боев, он много лет изучал в архивах документы и все свои личные наблюдения, документальные свидетельства, рассказы очевидцев переплавил в художественные образы героев. В романе наряду с рядовыми и офицерами ярко показаны действия талантливых советских полководцев Н. Ф. Ватутина, И. С. Конева, К. К. Рокоссовского, П. С. Рыбалко, Н. П. Пухова и других. В романе много батальных сцен, впечатляет, например, описание Прохоровского танкового сражения:

«В пыльной мгле послышались гулкие, тяжелые удары. Словно с высоких колоколен сбросили тысячепудовые колокола.

Танки шли на таран, сшибались в лобовой атаке. Сталь скрежетала. Машины по-медвежьи вставали на дыбы. Сцепившись в один огненный клубок, они уже не могли разойтись...»

Поэтическими произведениями, прославлявшими героев Курской битвы, отозвались тогда в центральной прессе Демьян Бедный, Александр Твардовский, Микола Бажан, Максим Рыльский, Павло Тычина, Николай Тихонов, Александр Безыменский, Яков Шведов, Евгений Долматовский...

О победе советских войск под Курском писали Константин Федин, Всеволод Вишневский, Вадим Кожевников, Илья Эренбург и другие известные советские писатели.

На Курскую дугу в дни ожесточенных боев приезжал из «Комсомольской правды» начальник отдела фронта Юрий Жуков. Он написал и опубликовал немало оперативных корреспонденций, а много лет спустя создал прекрасную книгу «Укрощение «тигров».

Офицером-артиллеристом воевал на Курской дуге Анатолий Ананьев: он командовал огневым взводом. Став после войны литератором, Анатолий Андреевич не мог не рассказать о событии, потрясшем его в молодые годы. Писал он об этом в статьях, очерках, рассказах и в повести «Малый заслон», а в 1963 году, когда изучил необходимые документы и постиг стратеги-

ческий замысел той и другой стороны, создал замечательный роман «Танки идут ромбом». Мне посчастливилось быть его первым издателем в Москве. В действиях главного героя романа лейтенанта Володина (персонажа, во многом автобиографичного) читатель чувствует силу, душевное богатство, отвагу и мужество советского человека в боях с врагом. Кстати сказать, мотивы войны звучат почти во всех последующих произведениях писателя на мирные темы — в романах «Межа» и в эпопее «Годы без войны».

Много лет спустя побывав на Прохоровском поле, Анатолий Андреевич писал: «Взял горсть земли, растер ее — на ладони лежал кусочек ржавого металла. Взял еще горсть — металл войны оказался и в ней. Настоящий град из свинца и стали падал на эту землю в июле сорок третьего. Какой же силой духа нужно обладать, чтобы пройти сквозь такой град! Советские люди прошли и дошли до Берлина».

За минувшие годы в нашей стране создано много прекрасной литературы о Великой Отечественной войне, в том числе и о битве на Курской дуге. Еще больше будет написано книг в грядущие годы новыми поколениями писателей. И это естественно: подвиг советского народа и его Вооруженных Сил бесконечен, он неисчерпаем.

Каждый раз, когда мы думаем о ней, бываем на местах былых сражений или встречаемся с однополчанами, с фронтовыми побратимами, воспоминаниям не бывает конца. И уж во всяком случае никогда не забудется тот радостный светлый августовский день 1943 года, когда рано утром советские люди услышали по радио знакомый голос диктора:

«Сегодня, 5 августа, войска Брянского фронта, при содействии с флангов войск Западного и Центрального фронтов в результате ожесточенных боев овладели городом Орел.

Сегодня же войска Степного и Воронежского фронтов сломили сопротивление противника и овладели городом Белгород.

Месяц тому назад, 5 июля, немцы начали свое летнее наступление из района Орла и Белгорода, чтобы окружить и уничтожить наши войска, находившиеся в Курском выступе, и занять Курск.

Отразив все попытки противника прорваться к Курску со стороны Орла и Белгорода, наши войска сами пе-

решли в наступление и 5 августа, ровно через месяц после начала июльского наступления немцев, заняли Орел и Белгород...».

В тот день в Москве прозвучали артиллерийские залпы первого в Великой Отечественной войне победного салюта.

Так Страна Советов отметила подвиг своих сынов, освободивших от немецко-фашистских захватчиков Орел и Белгород, разгромивших отборные гитлеровские войска в гигантской битве на Курской дуге.

Так победоносно завершились бои, начатые под Воронежем зимой 1943 года.

Так закончилась и «моя личная война» у родного порога.

Но война Великая Отечественная, война народная грозно и долго еще будет греметь над полями и городами нашей Родины, пока фашистская армия не подвергнется сокрушительному разгрому в собственном логове и над поверженным Берлином не взметнется алый флаг нашей полной и окончательной Победы. Его с гордостью водрузят мужественные воины Советских Вооруженных Сил, вынесших на своих плечах основную тяжесть войны и сыгравших решающую роль в разгроме гитлеровской Германии, а затем и милитаристской Японии.

1985

РАДИ НЕСКОЛЬКИХ СТРОЧЕК

ВПЕРЕД, НА ЗАПАД!

Шел 1943 год. Третий год войны. Одержав блистательную победу на Курской дуге, Советская Армия неудержимо продвигалась к Днепру, освобождала города и села Украины.

Темная сентябрьская ночь, в лужах звонко пляшут капли дождя. По обе стороны дороги шумят на ветру тополя. Обочина дороги угадывается с трудом, а деревьев совсем не видно. Только слышно, как шумит справа и слева образованная ими темная стена. Лязг гусениц танков, сердитое урчание тягачей, выволакивающих из грязи тяжелые пушки, выдавало скопление больших масс войск. Слышались выкрики:

— Левее, левее бери! Куда тебя черт занес?

Ветер, налетая, свистел в кронах деревьев, заряды дождя хлестали взмокшую дорогу, и казалось, силы природы потому так разбушевались, что хотят скрыть от врага, заглушить рокот моторов и лязг гусениц, звуки команд и стук металла о металл и тем самым дать возможность войскам незаметно сосредоточиться для нового броска вперед, за Днепр, на Киев!

Из полка, наступавшего на левом крыле Воронежского фронта, я возвращался настолько усталым, что думал, не дотяну до землянки, в которой жил вместе с друзьями-корреспондентами. Но только переступил порог и сбросил с плеч офицерскую сумку, вызвали к редактору. Хватаю блокнот и бегу в старенькую, словно присевшую, украинскую хату. Усталости как не бывало: вызывает редактор, видно, что-то важное. Может, не понравился переданный из полка материал — ведь все

писалось на колене, в походе или под бомбежкой... Последний очерк, как блин с горячей сковородки, был выхвачен из самого пекла боя. Строчка за строчкой вспоминаю самое важное...

На огневую позицию батареи я прибыл в тот момент когда она готовилась к открытию огня.

— Ждем сигнала от корректировщика,— сказал командир первого взвода.

— А кого послали?

— Сержанта Тимошкина.

Тимошкина я знал, встречался с ним совсем недавно.

— Надежный парень.

— Куда там... Себя не пожалеет.

Тем временем сержант Тимошкин дал знать о себе. Сержант сообщил, что ему удалось выдвинуться далеко вперед и занять удобную позицию: с высотки отлично просматривалось расположение противника. Было видно, как двигались автомашины с боеприпасами, тягачи тащили орудия, тесно сгрудившись, сидели в грузовиках гитлеровцы, перебрасываемые на этот участок. Судя по тому, как поспешно накапливалась живая сила и военная техника в небольшом лесу, стремительно неслись мотоциклисты и штабные машины, сержант заключил, что гитлеровцы готовятся к атаке на наши еще не укрепленные, только вчера занятые позиции.

От Тимошкина теперь зависело многое. Его наблюдательный пункт стал зорким глазом наших батарей. Сержант сейчас один на один с противником: он взвешивал каждое слово, прежде чем доложить командиру о результатах наблюдений.

...Пока пушки молчат, припоминаю первую встречу с Тимошкиным. Уставший, промокший до костей ввалился я в землянку к артиллеристам. Они накормили меня, предложили отдохнуть. Сержант Тимошкин уступил свое место.

— А как же вы? — забеспокоился я.

— Ничего. Мне сегодня дежурить всю ночь.

Я прилег. Задремал. Проснулся от громкого смеха. Стал прислушиваться к разговору.

— Вот вы говорите — родословная,— различаю голос сержанта Тимошкина.— Мол, это только для дворян да бояр. А у нас в доме, скажу я вам, вся стена фотографиями увешана. От угла до угла. До поры до времени я, понятно, не обращал на них внимания. А потом стал интерес проявлять. Отец мне все растолковал. В центре

нашего семейного иконостаса солдат с бородкой, в шинели и с винтовкой, длиннущей, какие лет сто назад носили. Прапрадед мой. В Крымской кампании участвовал. Севастополь оборонял. И из этой своей винтовки скорострельностью один выстрел в минуту бил врага без промаха. Сам Нахимов его заметил и отличил за сноровку. Вы о традициях говорите. Вот они, традиции-то, и есть.

Солдаты зашумели, заговорили наперебой:

— Что ж, возможно. Никто не сумневается.

Сержант взял с пола железяку, служившую кочергой, разровнял угли, подбросил в печурку еще несколько поленьев.

— Не томи, сержант,— обратился к нему один из бойцов.— Не может быть, чтоб на том нахимовском солдате и кончилась ваша военная линия. Иначе ты б этого разговора не заводил. Рассказывай дальше.

— Можно и дальше,— с достоинством ответил Тимошкин.— Прадед мой воевал против турок за свободу Болгарии. С бою брал Шипку. Был ранен. Всю жизнь потом гордился, что выручил своих братьев-славян.

— Болгары молодцы оказались,— зашумели опять артиллеристы.— Кукиш с маслом Гитлеру показали: ни одного солдата не дали.

— С этой стороны у нашего сержанта в родословной все в ажуре. Послушаем, что у него еще осталось.

— Что осталось? — переспросил Тимошкин.— Остался дед. Его судьба забросила в Порт-Артур. Там получил он за храбрость Георгиевский крест. Отец у меня с осени четырнадцатого года на войну ушел. Участвовал в Брусиловском прорыве. Это уже шестнадцатый год. А тут революция. Он всем сердцем с большевиками сросся. И с винтовкой не расстался. Прошел всю гражданскую. Гнал германских оккупантов с Украины. Потом в Первой Конной служил.

Сержант открыл дверцу печурки. Огонь осветил сосредоточенные лица бойцов.

— Родословная у тебя ничего,— заговорил боец, что любопытствовал про деда.— Только скажу напрямик: плохо твой отец вразумил германцев, коль они опять на нашу землю полезли и тебе приходится снова их тем же путем гнать.

— Это ж зависело не только от учителя, но и от учеников,— отшутился сержант.

— А я так скажу,— вступил в разговор молчавший до того боец.— Из всех твоих родных один отец правиль-

но поступил, когда винтовку против буржуев повернул. Остальные, что ж: за царя дрались.

— Может, оно и так,— задумчиво сказал сержант.— Только мужики наши не дюже в грамоте разбирались. Но знали, что землю родную и братьев своих кровных ворогу на поругание отдавать нельзя...

Глаза мои слипались от усталости. Я опять задремал. А утром, проснувшись, не нашел в землянке Тимошкина. Он уже сидел где-то в боевом охранении и корректировал огонь артиллеристов.

Теперь, когда батарея снова ждала команды на открытие огня,— а поступить она могла лишь после того, как сержант Тимошкин передаст координаты противника,— я думал о том, что не случайно завели тогда в землянке бойцы разговор о родословных. Они не хотели уронить честь своих отцов. В героическом прошлом Родины они черпали вдохновение. Когда Родина его стала первой в мире страной социализма, разве мог Тимошкин воевать хуже, чем его прадед, дед и отец? Нет, не мог!

Я не видел Тимошкина в тот момент, когда он весь был сосредоточен на выполнении боевой задачи. Но представлял его себе совершенно реально. Насупленный взгляд карих глаз. Сведенные к переносице густые брови. Целей было слишком много, и он выбирал главные. Батарея открыла огонь. Сначала стреляло одно орудие. Недолет. Перелет. И вот уже долгожданная команда.

— Батарея! Картечью, взрыватель... Прицел...

Снаряды ложились кучно. Батарея накрыла колонну автомашин противника, и сержант Тимошкин с радостью передал результаты стрельбы. Теперь он нацелил артиллеристов на мост через небольшую реку, по которому гитлеровцы перебрасывали подкрепления. Вот один за другим два снаряда врезались в его середину. Еще и еще! Переплеты моста рухнули, увлекая за собой автомашины с солдатами. И вновь поворачиваются жерла орудий. Теперь артиллеристы бьют по лесу, где укрылись машины с пехотой, вражеские танки и самоходные пушки. Наша батарея тоже засечена противником. Снаряды рвутся на огневых позициях. Однако артиллеристы не сбавляют темпа огня. Гитлеровцы пошли в атаку. Они устремились к высотке, на которой замаскировался сержант Тимошкин. Командир дивизиона взволнован. Он то и дело справляется у сержанта:

— Как там? В случае опасности — отходи.

Но разве мог Тимошкин думать о перемене позиции в такой напряженный момент. Пока переползешь на другое место, наладишь связь, противник успеет сосредоточиться и нанести удар. Нет, нет! У него все в порядке. И он продолжал передавать данные.

— ...Левее ноль двадцать — скопление пехоты противника.

Теперь огонь ведут уже несколько батарей. Сорвать вражескую атаку! Смять, разбросать врага! И тут новая цель. Артиллеристы недоуменно переглянулись. Разве Тимошкин сменил позицию? Судя по его данным, нужно бить близко к тому месту, где находился он сам...

Но голос сержанта звучит твердо:

— Все правильно! Прибавьте огня!

В лощине, ведущей к высоте, становится тесно от вражеской техники, от скопления пехоты противника. Густые цепи вражеских солдат движутся уже по склонам высоты, танки обходят ее справа и слева. Тимошкин оглядывается. Можно еще выскользнуть, скатиться с высоты, пробраться к своим. Но вдруг фашисты изменят направление атаки. И потом: никто, кроме него, Тимошкина, не видит сейчас так хорошо противника. Если он уйдет, батареи потеряют глаза. Нет, он должен, он обязан сделать все от него зависящее, чтобы сорвать атаку противника. И сержант продолжал кричать в телефонную трубку:

— ...Правее ноль восемь! Скопление пехоты противника!

Наши артиллеристы били наверняка. Но гитлеровцы продолжали осатанело лезть вперед. Словно почувствовав, что взять высоту — значит спастись, они уже карабкаются на ее вершину... Частые разрывы снарядов сдерживали врагов, сбрасывали их. Фашисты снова устремлялись к вершине. Их много. Они все ближе, ближе... И тогда с высоты по проводам до командира дивизиона долетел взволнованный голос сержанта Тимошкина:

— Фашисты на высоте. Огонь на меня! Больше огня!

Прогремел залп, другой, и голос Тимошкина умолк. Навсегда...

Артиллеристы, находившиеся на наблюдательном пункте командира дивизиона и державшие связь с бесстрашным корректировщиком, сняв каски, молча смотрели на окутанную дымом высоту. Батареи усиливали темп огня...

Прямо с порога докладываю уткнувшемуся в бумаги редактору: привез такие-то материалы, собираюсь написать в первую очередь то-то и то-то...

— Об этом потом.— Полковник наконец поднял голову, доброжелательно глянул на меня усталыми от бессонницы глазами.— Есть не менее важное дело...— Он молча осмотрел меня с головы до ног, твердо сказал: — Отправляйтесь в Третью танковую армию генерала Рыбалко. Его подразделения вырвались далеко вперед, в районе Переяслава достигли берегов Днепра и вот-вот начнут переправу. Их задача — с ходу захватить плацдарм на правом берегу, а затем удерживать его до подхода основных сил...

— Форсировать Днепр? — не удержался я от радостного восклицания.

— А что? — постукивая карандашом по столу, переспросил редактор.

— Отлично! Тем более что германские стратеги считают Днепр неприступным рубежом. Только об одном беспокоюсь: готовы ли мы к тому, чтобы перескочить его с ходу?

— Как ты думаешь, что бы сказал на это твой сержант Тимошкин? — прищурившись, спросил редактор.

Мне приятно было, что полковник заговорил о герое моего очерка. Я ответил, что Тимошкин был человеком особого склада.

— Таких больше разве не осталось? — вполне серьезно спросил редактор и, добро улыбнувшись, сказал: — Газета должна оперативно рассказать о людях, которые первыми форсируют Днепр.— Тут полковник подошел ко мне, положил руку на плечо, тепло спросил: — Устал?

Я кивнул утвердительно, однако на вопрос, готов ли ехать, ответил, как солдат, получивший боевой приказ:

— Готов, товарищ полковник!

— Посидите,— редактор показал на широкую скамью, протянувшуюся вдоль стены, почти от порога до переднего угла.— Сейчас придет машина.

Я присел и задумался о магической силе приказа. Полчаса назад буквально валился с ног. А теперь сон будто рукой сняло, и я почувствовал себя снова способным трястись по ухабам в машине, идти по слякотной дороге под холодным дождем, с трудом выволакивая из липкой грязи отяжелевшие сапоги, ползти под огнем противника, чтобы встретиться в траншее с бойцами,

только что выбившими с позиций противника. Достал блокнот, машинально листаю его. Ведь в нем есть записи и о бойцах, которые рвутся сейчас к Днепру. Нахожу стихи Александра Твардовского, очень созвучные моему настроению.

Есть закон — служить до срока,
Служба — труд, солдат не гость.
Есть отбой — уснул глубоко,
Есть подъем — вскочил, как гвоздь,
Есть война — солдат воюет,
Лют противник — сам лютует.
Есть сигнал: вперед! — Вперед.
Есть приказ: умри!.. — Умрет.
На войне ни дня, ни часа
Не живет он без приказа...

Я переписал стихи в блокнот по укоренившейся журналистской привычке собирать все значительное. Они могли пригодиться при подготовке статьи, для подтверждения авторских размышлений о силе приказа, а может быть, просто для того, чтобы прочитать их бойцам в окопе. Ведь когда они понадобятся, их не сразу сыщешь.

Посмотрел в сторону редактора: склонившись над столом, он читал газетные полосы. Полковник Семен Иосифович Жуков у нас недавно. Что я знал о Жукове? Очень мало. Только то, что Семен Иосифович прибыл к нам с поста редактора газеты «Сын Отечества» 51-й армии Южного фронта. В войну вступил с самого ее начала: был на Юго-Западном и Сталинградском фронтах. С 1926 года состоял в рядах Коммунистической партии. Долгое время работал на ответственных должностях. Окончил Академию коммунистического воспитания имени Н. К. Крупской. В 1932 году начал свою службу в рядах Советской Армии. Опытный газетный работник, еще до войны был начальником отдела пропаганды окружной газеты...

Вот те скупые биографические данные, которые я успел получить у сотрудников газеты о нем. Сейчас невольно наблюдал за его работой, за тем, как спокойно и внимательно выслушивал он входивших к нему подчиненных — военных и гражданских, как неторопливо, по-деловому принимал решения, а потом снова возвращался к материалам, просматривал гранки, подписывал полосы... Мне нравилось в нем все: чистый, не по-фронтовому отглаженный костюм; круглая бритая голо-

ва; моложавое с красивыми чертами лицо. Он был подтянут и строен. Я по-доброму позавидовал ему...

А за окном по-прежнему лил дождь в сырой, знобящей сентябрьской ночи. Прочь отгоняю грустные мысли, связанные с непогодой. Все это мелочи. Завтра дождь перестанет, засветит солнце, все вокруг оживет — ведь только-только закончилось бабье лето. Здесь, на Украине, будут теплые дни. В этих краях бывал еще до войны, здесь проходила моя армейская служба.

Как всегда, когда ждешь чего-то значительного, необычного, мысли стремительно переключаются с одного на другое. Останавливаюсь на том, что еще свежо в памяти, что надолго, навсегда останется в моем сознании. Думаю о горячих днях минувшего лета, заполненного боями на Курской дуге, а потом — выходом к Днепру. Эти дни изрядно выбелили солдатские гимнастерки, пропитали их пóтом и солью. Сколько ж нами пройдено за третье военное лето! Позади остались сотни городов и деревень, освобожденных от гитлеровцев. Позади — огненные, густо усеянные разбитой вражеской техникой поля Курской дуги; знаменитая Прохоровка, Белгород, Яковлево и сотни других населенных пунктов, где еще вчера неумолчно гремели ожесточенные бои. Здесь врага остановили и повернули вспять. В скитаниях по фронту я приобрел тогда много друзей, но многих и потерял. А с теми, кто выжил, кто прошел сквозь смерч огня, и сейчас встречаемся как побратимы. Но те, с кем сводили меня журналистские пути-дороги, были неразговорчивы. О прошедших сражениях они говорили скупо, как о чем-то далеком. Может быть, просто потому, что у них не было времени для воспоминаний. Их думы, мысли и сердца целиком поглощены новой грандиозной задачей — быстрее выйти к Днепру, форсировать его и освободить от врага многострадальный Киев, родную Советскую Украину.

Послышался шум мотора. Заскрипели тормоза автомобиля. В редакторскую хату вошел начальник Политического управления фронта генерал-майор Сергей Савельевич Шатилов, молодой смуглолицый мужчина, очень подвижный, решительный. Мне не раз приходилось видеть его в боях, получать от него задания, и я всегда относился к нему, как, впрочем, и все другие, с чувством большого уважения. Примерно год назад он подписал мое фронтовое корреспондентское удостоверение. И теперь, как я понял, судьба снова свела меня

с этим незаурядным человеком; он уезжал в войска, которым предстояло форсировать Днепр.

Генерал Шатилов энергично поздоровался и, не дожидаясь рапорта, спокойным, мягким голосом спросил:

— Кто едет?

Редактор назвал мою фамилию.

Сергей Савельевич быстро повернулся, протянул руку и, широко улыбаясь, добродушно проговорил:

— Мы, кажется, знакомы!

И тут же задал несколько вопросов: хорошо ли себя чувствую, знаю ли задачу, имею ли нужную карту, приходилось ли раньше переправляться через широкие и быстроводные реки, как думаю доставлять материал в редакцию?..

Моими ответами остался доволен.

— Что же, пятнадцать минут на сборы хватит? А мы пока потолкуем с редактором.

Через пятнадцать минут «виллис» мчал нас, разрезая ночную темень, через рытвины и ухабы, на запад, к Днепру.

«МЫ ПРИШЛИ...»

По неубранным, изрытым траншеями и окопами полям Украины спешили на запад танковые колонны, за которыми неотступно тянулись клубы густого дыма и пыли, насыщенных парами бензина и масел. И стоило нашему водителю только чуть сбавить газ или приостановиться, отчетливо слышалось, как ревели моторы и глухо стучали стальные траки мощных тридцатьчетверок и КВ. На башнях машин, облепленных десантниками, белели надписи: «За радянську Украину!», «Нас кличе Київ!», «Даешь Днепр!», «Смерть фашизму!».

Вслед за танками и самоходными орудиями, а часто впереди их, двигались связисты, артиллеристы, саперы-мостовики, понтонеры, гвардейцы-минометчики, матушка-пехота. Солдаты на танках, на лафетах пушек, броневиках и автомашинах, на конях, а чаще всего в пешем строю неудержимой лавиной двигались в одном направлении — к Днепру.

Люди шли в серых шинелях с зелеными полевыми погонами на плечах, каких на Украине еще не видели. Шли солдаты, перенесшие горе и разлуку с родными, видавшие пожарища и смерть.

Уходили последние дни сентября. Во всем чувствовалось властное дыхание осени, виделись ее неповторимые черты, приметы, рисунки. Яркими красками пылали леса, сады и парки. Как всегда, нарядно оделись клены. Листья на них широкие, с причудливыми разрезами. Их стволы издали казались покрытыми красными крупными цветами, жарко горящими на солнце. Даже холодные осины излучали теплый красноватый цвет. Желтые пряди появились на березах. Медью отдавали листья липы и вяза.

Прошедшие дожди смыли с деревьев пыль, и теперь они стояли освеженные, помолодевшие и веселые. По утрам на траве все чаще появлялся иней — недаром на Украине сентябрь называют «вересень» (месяц первого инея). День-летопроводец вел природу к яркому увяданию. Наступал вечер года. Глядя из машин на богатые краски осени, я невольно припомнил пушкинские строки: «Люблю я пышное природы увяданье». И тут же рядом, как солдаты, вставали огненные слова:

...Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар, и млад; летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем возжены...

В желто-бурый ковер оделись поля. Обычно в это время крестьяне подводили итог сельскохозяйственного года, справляли дни урожаев, играли свадьбы. Еще бы: позади оставалась страдная пора. Хлеба в закромах, сено в скирдах, овощи в погребах. Можно передохнуть, распрямиться... Но эта осень была военной, безрадостной. Всюду дымились сожженные дома, пылали нескошенные хлеба, поля заросли бурьяном.

Глядя на поля Украины, вспоминал родные воронежские просторы.

...Быстро меняются краски родного края. Кажется, еще недавно преобладал зеленый цвет озимей, но вот уже пожелтели хлеба, затем глаза все чаще и чаще останавливаются на темно-серых и черных тонах свежевспаханной земли.

Последний летний и первый осенний месяцы и на моей родине особенно напряженные для земледельцев, и для тех, кто уже управился с зерновыми (подошли овощи, созревает подсолнечник, вот-вот дело дойдет и до сахарной свеклы), и для тех, кто еще только скосил первые гектары хлебов.

Одновременно с уборкой хлебов в эти последние осенние дни главная забота земледельца о будущем урожае. С какой радостью, бывало, следили мы, как все дальше на юг продвигался фронт сева. Уже посеяны первые сотни гектаров ржи и пшеницы.

Обычно осень торопит земледельца, и он старается управиться со всеми заботами в срок. Но сейчас нарушен ритм жизни. Отступая, враг уничтожал на своем пути все живое, превращал некогда цветущие селения в «мертвую зону». Взрослое население угонял на запад. Стариков и детей расстреливал. Вот почему наши воины спешили: наступали днем и ночью, шли с тяжелыми боями, без сна и отдыха...

Кажется, я задремал и не заметил, когда мы въехали в зону «выжженной земли». Во многих селах от хат остались одни дымари, а на месте садов чернели обгорелые пни. Руины и пепел звали к отмщению. И этот зов преследовал каждого проходящего и проезжающего в зоне «выжженной земли».

Генерал Шатилов сидел мрачный и злой. Таким я его видел впервые.

— Смотри и запоминай, корреспондент! — повернулся он ко мне.— И записывай, записывай! Об этом надо рассказать всем! Фашисты идут на любые преступления, лишь бы остановить наступающие войска. Что им страдания наших людей, наши города и села!

Он рассказал, что в зоне двадцати — тридцати километров перед Днепром гитлеровцы разрушили, уничтожили или вывезли в Германию все, что могло помочь нашим войскам в победоносном наступлении.

Словно вымерло все вокруг. Сколько мы ни ехали, не встретили ни одной живой души: все население фашисты или уничтожили, или угнали в Германию.

В одном месте, где дорога близко подходила к Днепру, нас обстреляли из миномета с высокого правого берега. Место это, видно, было заранее пристреляно, потому что мины ложились точно на дороге, и только ловкость водителя отвела от нас беду.

На командном пункте 3-й гвардейской танковой армии, который находился в лесу юго-западнее Переяслава, я пересел в броневик и вместе с офицером-направленцем добрался до штаба 51-й бригады. Ее командир, черноволосый, строгий с виду украинец полковник Новохатько, порекомендовал мне действовать с ротой автоматчиков гвардии лейтенанта Синашкина.

В ее расположение мы со связным пробирались лесом. Кругом стояла настороженная тишина. Воздух был чист и свеж.

...Осенний лес! Впервые, пожалуй, за фронтовые годы я так внимательно всматривался в его неповторимый наряд, в игру его красок. Если весенний лес просто был зеленым, так сказать, однотонным, то осенний буквально пылал всеми цветами радуги. С вершин, причудливо кружась, падали пожелтевшие листья. А когда налетал ветер, он относил их на опустевшие, лишь кое-где вспаханные поля.

Как сельский житель, я всегда был неравнодушен к лесу и природе вообще. Но в этот вечер мои думы были целиком во власти осеннего леса. Я даже на какое-то время забыл о том главном, ради чего с таким трудом добирался в эти доселе незнакомые мне, а отныне родные места, которые мы освобождали от врага. Шел, вдыхая лесные запахи: то пряный — рябиновый, то сладковатый — березовый, то горьковатый — осиновый, то дурманящий — сосновый... Сколько деревьев — столько и запахов. До чего же богата кладовая природы, как щедро оделяет она человека своими дарами: здоровьем и радостью!

В роту мы прибыли поздним вечером. Бойцы укрепляли отведенный им участок недалеко от берега. Они были радостно взволнованы, горячо обнимали друг друга. Закончив работу, бежали к Днепру, черпали касками и пили днепровскую воду. Тот тут, то там слышались оживленные голоса:

— Здравствуй, Днепр!

— Мы пришли, родной!

Как завороженный вместе с гвардейцами стою я на его берегу и долго смотрю на помутневшие воды, на таинственный правый берег... И сами собой рождаются высокие слова, которые заношу в блокнот: «Великий Днепр! Мы дадим тебе свободу. Холодные осенние воды твои глухо плещутся вдали, у подножия высоких берегов, на которых завтра развернется жестокое сражение. Но уже сегодня в сердца солдатские, в их сознание вошел ты навсегда, на всю жизнь, навеки...

Могучий Днепр! Что сказать тебе? Что думает советский солдат в этот час, стоя на твоем священном берегу?

Много лет величаво течешь ты, определяя судьбы целых народов — русских, украинцев, белорусов, оста-

ваясь в летописи поколений, освящая своей мощью прошлое и настоящее Родины нашей...

Ты дал жизнь этому краю, краю высокоразвитой индустрии, богатейших сельскохозяйственных районов. Ты стал для него глубоководной транспортной артерией. Твое приречье — родина многих замечательных людей, которыми гордится наша страна.

Славный Днепр! Многим, кто находится сейчас на твоем левом берегу, ты помнишься еще довоенным — мирным, тихим и безмятежным. Не таким, как сегодня, тревожным и гневным».

Когда мы вернулись в окопы, наспех отрытые ротой, многие бойцы уже заканчивали ужин. Собирались кучками, обменивались короткими репликами:

— Велика реченька! Трудновато будет.

— Родная вода сама на тот берег вынесет.

Молодой боец отложил в сторону автомат, принял из рук товарищей потрепанную, видавшую виды гармошку. Развернул мехи. Полилась знакомая мелодия. Солдаты дружно подхватили «Песню о Днепре»:

У прибрежных лоз, у высоких круч
И любили мы, и росли,
Ой, Днепро, Днепро, ты широк, могуч,
Над тобой летят журавли...
Из твоих стремнин ворог воду пьет,
Захлебнется он той водой!
Славный час настал — мы идем вперед
И увидимся вновь с тобой.

Кровь фашистских псов пусть рекой течет,
Враг советский край не возьмет!
Как весенний Днепр, всех врагов сметет
Наша армия, наш народ.

Сквозь темные густые облака, проплывавшие над рекой, время от времени проглядывала беспокойная луна, всякий раз освещая одухотворенные лица солдат.

Здесь, в районе Переяслава, Днепр круто поворачивал на восток, образуя своего рода петлю. Ширина его доходила до шестисот и более метров. Левый берег был пологим, песчаным, местами покрытым кустарником и травостоем. Правый же — крутой и обрывистый. Там, на противоположном берегу, засел враг. Хорошо вооруженный, богато оснащенный техникой, он глубоко зарылся в землю, установил проволочные заграждения и минные поля. Господствуя над нашими позициями, противник затруднял передвижение и подходы советских

войск к реке. Видя нас на многие километры как на ладони, гитлеровские минометные и артиллерийские батареи довольно метко обстреливали все вокруг. Поэтому каждый понимал, что надо как можно скорее выбить фашистов с правого берега.

Сырой ветер тревожно гудел в пожелтевшей листве. Холодные волны с шумом ударялись о берег. Могучий Днепр, словно живой, стонал от непомерной тяжести перенесенного людьми горя и страданий.

А западный берег угрожающе молчал.

Командир роты гвардии лейтенант Николай Синашкин, молодой, совсем еще юноша, с чуть пробившимися светлыми усиками, вместе с бойцами, присев на корточки, подпевал. Песня, видать, ему очень по душе и нравится, как поют ее бойцы.

Но вот растаяли в темноте мелодичные звуки гармоники, замерла на песчаном берегу Днепра песня. Наступила необычная для переднего края тишина.

Первым заговорил лейтенант:

— Что ж, братцы, давайте отдыхать. Кто как устроится. Не прекращать наблюдения за противником. Может статься, это наша последняя ночь на левом берегу. Не мы решаем. В штабах думают. Но сдается мне, что на картах нам уже наметили участок на том, правом берегу. Надо вздремнуть. Другой возможности не будет.

Тихо переговариваясь, все еще боясь спугнуть то особое настроение, которое создала песня, солдаты устраивались на отдых, кто как мог. Один прислонившись к стенке окопа, поставив между колен автомат, другой на песке в траншее, третий в наскоро вырытой нише. А многие прямо наверху, за небольшими кустиками, в едва приметных углублениях, овражках.

Я подошел к группе бойцов, укрывшихся в ячейках за невысоким, случайно спасшимся от огня лозняком. Присел. Пожилой боец с черными, свисавшими тяжелой подковой усами подвинулся, освобождая мне место.

— По радио наше направление объявили,— услышал я.— По командирской рации передавали. Так и сказали: «Киевское направление...»

— Хорошая примета,— отозвался его сосед.— Я так думаю, Семенов, скоро придется бежать фашистам из Киева.

— Не кажи гоп, Василий, пока не перескочишь! — строго, но беззлобно остановил его пожилой боец и, подкрутив черные усы, с лукавинкой, исподлобья посмот-

рел на сидящих вокруг солдат.— Все же Днепр — это тебе не Битюг, где я родился. Вот так-то... Я уже второй раз на этом направлении. Еще в сорок первом довелось... Конечно, тогда нам было намного тяжелей. Фашист нахрапом лез. А у нас — ни опыта, да и техники супротив его маловато было. Вся Украина под фашистом осталась. Мы ж видим, во что он ее превратил. Одни руины кругом. А сколько истребил и замучил людей? Русских, украинцев, белорусов... Тогда «Киевское направление» не очень весело звучало. Сердце сжималось от боли: вишь, куда хватанул. И не подавился. И вот слышим мы снова — «Киевское направление». Теперь эти слова душу радуют.

Тут я не мог удержаться: в кармане лежал текст той самой радиопередачи, которую, наверное, слышал и теперь пересказывал товарищам Иван Семенов. Воспользовавшись небольшой паузой, я достал изрядно помявшиеся листы бумаги и предложил гвардейцам послушать статью известного украинского писателя Юрия Смолича, которая так и называлась — «Киевское направление».

— Она передавалась по радио, а завтра будет напечатана в нашей фронтовой газете «За честь Родины»,— пояснил я,— боюсь только, что нам ее не скоро доставят туда — на правый берег.

Солдатам, видно, понравилось, что я так уверенно сказал о завтрашнем дне, и они зашумели:

— Конечно, трудно!

— Да и не до газет будет!

— Прочтите, послушаем... О чем разговор!

— А может, вы хотите, чтоб каждый для себя прочитал? Чтоб с толком, с чувством, с расстановкой,— пошутил я.

— Времени у нас нет, чтоб каждому читать,— серьезно ответил гвардии рядовой Иван Семенов.— Для экономии времени и придумано, чтобы каждый взвод имел своего чтеца. А если мы по очереди каждый про себя начнем читать, до утра не управимся. Опять же, одному фонариком подсветить можно. На каждого разве насветишься.

— А куда наш чтец задевался? — спросил Василий.— Что-то сегодня не слыхать.

— Ранило его,— отозвался Иван Семенов.

— Тогда разрешите мне. За чтеца,— сказал я.

— Давайте,— за всех ответил Семенов.

— Ну что ж, слушайте.— Намеренно сделал ударение на названии статьи: — «Киевское направление»!

«Не будем сдерживать чувств, пусть наши сердца бьются полной радостью. Пусть волнующие предчувствия теснят нам грудь,— мы так ждем этой минуты, так страстно мечтали услышать именно эти благословенные слова!

Ведь Киевское направление — это не просто засеченные на географической карте координаты. Киевское направление — это устремленность чаяний и деятельности украинского народа, и не только сейчас — после Белгорода и Орла, после Харькова, Донбасса, Нежина и Мариуполя,— в Киевском направлении подлинный смысл жизни каждого украинца начиная с сентября 1941 года.

Освобожден Харьков? Отвоеван Донбасс? Свободны украинские берега Азовского моря? Это — Киевское направление.

В огне патриотической народной партизанской войны пылает украинская земля от Пинских болот до Черного моря. Это — Киевское направление.

Дважды Герой Советского Союза гвардии майор Молодчий летал бомбить Берлин и Кенигсберг. Это — Киевское направление.

И беззаветная храбрость юных героев Краснодона, бойцов комсомола Украины — это тоже Киевское направление.

Зимой сорок первого года в дикой казахской степи возводились гигантские цехи эвакуированных с оккупированной врагом территории украинских заводов. При тридцатиградусном морозе, при нестихающем восьмибалльном степном вихре стекольщики украинцы и казахи остекляли перекрытия цехов. Они спустились на землю, оставив кожу своих ладоней примерзшей к железным рамам. Это тоже было Киевское направление.

Осенью сорок первого года тысячи эшелонов увозили с Украины на восток не только демонтированные украинские заводы, чтобы воздвигнуть их на Урале, в Сибири или Казахстане и питать оружием и боеприпасами освободительную Отечественную войну. Эшелоны увозили украинских врачей, колхозников, ученых, шахтеров, архитекторов, электросварщиков, артистов, учителей, адвокатов. Эшелоны шли на восток, но это был путь на запад. Это было тоже Киевское направление...

Великая партия Ленина, мудрое Советское прави-

тельство спасли от врага огромную часть богатств украинской земли, чтобы вернуть его Украине, когда ударит час,— в Киевском направлении...»

Все это прочитал я на одном дыхании. Вижу, бойцы притихли и внимательно слушают.

— Продолжайте, продолжайте, товарищ капитан!

Не меньше, чем солдаты, я был взволнован прочитанным, хотя статья и была уже мне знакома. И вполне уместным оказался тот пафос, с которым я закончил чтение:

«...Седая старина Руси, трепетно оберегаемая поколениями украинского народа, взлелеянная и обогащенная 25-летними заботами народной Советской власти, попранная и оскверненная гитлеровскими мерзавцами, оживает и расцветает в новом взлете народной советской культуры на освобожденных украинских землях.

Мы движемся в Киевском направлении — это путь к долгожданной победе и к возвращению Украины».

Я замолчал, а бойцы так и сидели, не шелохнувшись. Они еще не пришли в себя от пережитого. Ведь статья касалась каждого из них. Она рассказала о пути, пройденном каждым. И не только каждым лично, но и их родными, знакомыми, всем нашим народом. А впереди — Киев, как определенный итог этого пути.

— Нет, что ни говорите, а на сердце радость,— заговорил молодой безусый украинец Петро Новохатько.— Мы так ждали этой минуты, так мечтали услышать эти слова! И вот теперь — под самым Киевом... Возьмем его обязательно! А там — и моя родная Житомирщина...

У каждого человека есть самый дорогой уголок на земле, его место рождения. От командира я уже знал, что один из моих собеседников — москвич, другой родился в Новосибирске, в семье геолога, и мечтает о времени, когда вместо винтовки и военной выкладки взвалит на свои плечи не менее тяжелый, но такой романтичный рюкзак вечного бродяги — искателя даров земли. Третий, с лицом джигита, наверное, родом из высокогорного селенья. Рядом с ним — сероглазый паренек. Когда я читал, а он подсвечивал мне фонариком, заметил, что руки у него загорелые, мозолистые, с потрескавшимися ладонями. Он, видно, жил в селе, может быть, даже недалеко от Киева. Вот сорвал какую-то травинку, поднял с земли горсть супесчаника. Не вспо-

минает ли он о бескрайних нивах, о тучных полях пшеницы?..

Каждый из нас волен думать о своем, затаенном. Но одна мысль и одна цель объединяла в ту ночь всех — от солдата до полководца. Люди, собранные войной у великой украинской реки, с болью всматривались в ее правый берег, где земля стонала под вражеским сапогом.

Наверное, каждому казалось сейчас, что переплыть Днепр — это еще не все, это полдела, а то и меньше того. Но как забраться на недоступную темно-рыжую, промытую дождями днепровскую кручу? Ведь противник будет поливать оттуда горячим свинцом. Поди возьми его, недоступного, там, наверху, откуда он всех видит. К тому же у него надежно подготовлены оборонительные позиции, пристреляны цели, расставлены наблюдатели, обеспечена связь, установлены соответствующие сигналы... А мы только с марша. У нас многого еще нет. И надо взять эту кручу, выкурить врага, как выкуривают из берлоги рассвирепевшего медведя.

На одежду солдат, на каски, на оружие тихо падали осенние листья — желтые, ярко-красные. И становилось теплее на душе, хотелось говорить о самом сокровенном. Поэтому для меня не было неожиданностью, когда я услышал голос своего соседа:

— Вы, товарищ корреспондент, вижу, бодрствуете. Боитесь, наверное, главное пропустить.

— Угадали,— улыбнулся я и спросил: — А ваша мирная профессия какая?

— До войны учительствовал,— ответил он.— Детишек учил русскому языку и литературе. Я часто читал им стихи, особенно много Лермонтова:

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой,
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья...

Учитель умолк. И тут все услышали голос командира отделения:

— Продолжайте, Григорий Петрович.

Оказывается, бойцы слушали стихи!

— Читайте, читайте,— полетело с разных сторон.

Учитель чуть приподнялся и продолжал с еще большим вдохновением:

Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям...

Милая Отчизна! Страна Пушкина и Толстого, Горького и Маяковского, Шевченко и Леси Украинки. Страна великого Ленина, страна Октября и многих героических свершений нашего народа! Нет на свете ближе, роднее и дороже тебя!

Родина! Ты дала нам все: жизнь, молодость, силу, красоту, солнечный свет, белую кипень цветущих садов и золотой разлив зреющих хлебов, радость творческого труда и счастье первой любви.

Мне хотелось еще послушать стихи, но профессиональное чутье взяло верх. Я не имел права отдыхать. Завтра эти солдаты пойдут в бой, будут форсировать Днепр. Скорее всего, я их больше не увижу, а только услышу об их подвиге. А что смогу написать? Что знаю о них? Две-три фамилии и почти ничего об их интересах, склонностях, о пройденном боевом пути.

Более всего меня заинтересовал Иван Семенов, и я подсел к нему.

— Не спите?

— Тревожно.

— Что беспокоит?

— Я ведь волгарь,— как признание вымолвил Иван.— Родился в станице Ляпичево. Кому ж, как не мне, первому идти и через Днепр? В лодке не доберусь — вплавь до берега дотяну. И вот все думаю, вдруг кого другого, а не меня первым пошлют. В родных местах, когда скажешь об этом, засмеют. Первым до левого берега дотопал, а на правый, как барышня, по понтонному мосту шел!

— Что тут поделаешь,— ответил я.— Как кому повезет.

— Нет,— возразил Иван.— В нашем деле надо уметь настойчивость проявлять. Надо к командиру батальона обратиться.

Помолчали. Я подумал: «Иван, пожалуй, по-своему прав. Парень с Волги имеет гордость».

— Давно воюете? — спросил я.

— С сорок второго. Мне было семнадцать, когда на-

чалась война. Все рвались на фронт. Меня не взяли. Пошел в осоавиахимовский кружок, чтоб научиться стрелять, овладеть другими премудростями военного дела. Первым из нашей семьи ушел на фронт отец. С жадностью читал его письма, мечтал быть рядом с ним. Через год, когда враг прорвался в приволжские степи, дошла очередь и до меня. Комплекцией и силой, сами видите, бог не обидел. Зачислили в роту автоматчиков. С тех пор и воюю. Вот дошел от Волги до Днепра. В обратном направлении не шагал, того пути не знаю. А сюда дошел, силу почувствовал. И свою, и всей страны, что нас, бойцов, подпирает. Просто скажу: дурак Гитлер. Вот и все. Я, простой солдат, ни в жизнь не поверю, если кто скажет, что Россию одолеть можно. А он чего полез?

Семенов приподнял автомат, словно взвешивая.

— Прибыл я в роту в тревожное время,— продолжал он.— Помните, наверное. Сначала вроде везло нам. Феодосию, Керчь взяли. А потом опять отступили. Не знаю, кто в том виновен, не берусь судить, только видим — фашисты прорываются к Сталинграду. Положение создалось — хуже некуда. Но я смелый и честный солдат. Как уперся ногами в Волгу, не отступил. Жали фашисты страшно. И танками давили, и артиллерией долбили. Устоял. Понял тогда, что фашиста можно не только сдержать, но и вспять повернуть. В тех боях, правда, мне не повезло. На самом интересном месте, когда пришло время гнать врага в хвост и в гриву, задела меня вражья пуля. Ясное дело — госпиталь.

Семенов, пряча самокрутку в кулаке, затянулся, обжег пальцы и, бросив ее в песок, затоптал.

— Про госпитальное житье не буду рассказывать,— продолжал он.— Нудная вещь. Никому не пожелаю. Завидовал тем, кто гнал фашиста от Сталинграда. По волжским и донским степям. А если разобраться, то и моя заслуга в той победе была: мы, сталинградцы, его остановили, обескровили. Я рвался на фронт. Сестричек, врачей просил: скорее да покрепче латайте. А как выздоровел, попал под Орел. Тут другой коленкор пошел. Вижу, силы у нас изрядно прибавилось. Да и воевать стали увереннее, напористее, я бы сказал. То есть враг на нас в атаку, а автоматчики в обход, в тыл ему. Как шуганем, летит до следующего своего рубежа без оглядки. Мы всегда впереди, непосредственный контакт держим с противником. Не из-за этого, конечно, только

меня вторично ранило. Считаю, промашку дал. И не упредил врага. В общем, опять госпиталь. Но недолго там пробыл. И вот — сюда. В Пятьдесят первую танковую бригаду. В мотострелковый батальон. С ним и дошел до Днепра. Считаю, что повезло. Многие мои товарищи не дошли...

Иван замолчал, задумался. Темная тень легла на его лицо. Он прислушался: правый берег начал оживать. Семенов встал, пошел проверять посты.

До его возвращения я успел кое с кем поговорить. Узнал от них, что Иван командует отделением автоматчиков недавно. В боях смел и отважен, но не безрассуден. Гвардейцы любят его за это, за доброту, за умение дружить по-настоящему, по-фронтовому. Что значит — по-фронтовому? А так: первым в атаку идет, товарища в беде не бросит — всегда на выручку успеет.

Перед Днепром батальон автоматчиков выдержал тяжелый бой за деревню Ташань. Неся потери, гитлеровцы все же стремились удержать этот населенный пункт как выгодный рубеж обороны. Именно поэтому они неоднократно контратаковали наши подразделения. И когда наступил критический момент, Семенов первым поднялся в атаку, за ним — все автоматчики. Гитлеровцы не выдержали дружного натиска и бежали. Их гнали, пока не сбросили в реку.

ОНИ ПОЙДУТ ПЕРВЫМИ

Я не слышал, когда Семенов, обойдя посты, вернулся. Задремал. Проснувшись, увидел учителя. Он читал стихи. Неужели так и не спал?

Тихо подошел командир батальона Пищулин. Остановился, послушал, потеплевшим голосом сказал:

— Здорово у вас, Григорий Петрович, получается Почитайте еще и это.— Пищулин протянул отпечатанную типографским способом листовку.— Да погромче. чтобы все слышали.

Учитель пробежал глазами первые строки обращения Военного совета Воронежского фронта к воинам Киевского направления и, привстав на одно колено, еще торжественнее, чем только что декламировал стихи. стал читать:

— «Славные бойцы, сержанты и офицеры! Перед вами родной Днепр. Вы слышите плеск его седых волн.

Там, на его западном берегу, древний Киев — столица Украины. Там дети и жены, наши отцы и матери, братья и сестры. Они ждут нас, зовут вперед... Наступил решительный час борьбы. К нам обращены взоры всей страны, всего народа... Вы пришли сюда, на берег Днепра, через жаркие бои, под грохот орудий, сквозь пороховой дым. Вы прошли с боями сотни километров... Тяжел, но славен был ваш путь. Поднимем же свои славные знамена на том берегу Днепра, над родным Киевом!» — торжественно произнес учитель заключительные строки обращения.

Лица слушателей светились. Каждый понимал, что наступила долгожданная минута...

Сейчас, когда я думаю и пишу о тех тревожных, но полных героики днях, мне вспоминается совсем недавний случай, похожий по своей ситуации на фронтовой. Произошло это в дни войсковых учений «Днепр». По дорогам Украины, по тем самым, где в годы войны проходил боевой маршрут воинов-танкистов прославленной армии генерала Рыбалко, двигались танки. Запыленные и промасленные, танкисты сделали остановку в одном из украинских селений, чтобы переночевать и двинуться дальше, к Днепру, на запад. Только смежили веки, как вбежал врач.

— Случилось несчастье,— запыхавшись, сказал он дежурному.— Для спасения человека требуется кровь. Может, найдутся желающие...

Дежурный немедленно доложил командиру, а через минуту разнеслась команда:

— Рота, подъем!

В напряженном ожидании застыли солдатские шеренги.

— Товарищи сержанты и солдаты,— обратился к личному составу командир роты.— В роддоме умирает женщина. Для ее спасения срочно нужна кровь. Кто готов дать свою, два шага вперед!

В наступившей тишине четко отпечатала шаги вся рота. После определения группы крови отобрали необходимое число солдат.

Жизнь женщины-украинки была спасена. У нее родилась девочка...

Это случилось после войны.

А в грозном сорок третьем было так:

— Дорогие товарищи! Друзья! Перед нами — Днепр,— взволнованно начал командир батальона.—

Кто хочет первым переплыть его, отвлечь на себя огонь гитлеровцев, чтобы обеспечить переправу батальона?..

Рота гвардейцев сделала шаг вперед. Но других на мгновение опередили четверо комсомольцев — гвардии рядовые Иван Семенов, Николай Петухов, Василий Сысолятин и Василий Иванов.

— Разрешите нам.

Как на сыновей, посмотрел командир на смельчаков-добровольцев и предупредил:

— Прошу еще раз подумать: дело ответственное, рискованное. Там смерть...— Он указал рукой на темную кручу над Днепром.— Но там и победа. Другого пути у нас нет.

— Во имя Родины, во имя нашей победы мы даем слово, что не пожалеем своей жизни... Мы с честью выполним приказ командования,— за всех твердо ответил Иван Семенов.

— Тогда идите! — одобрил командир.— Пусть хранит вас в бою ваша решимость и отвага. Как говорится, смелого пуля боится... В добрый путь!

Начиналась будничная, подготовительная, тяжелая работа, без которой не обходится ни одно сражение, ни один бой. И чем тщательнее и надежнее она проделана, тем вернее успех и меньше потери.

Гвардейцам подробно разъяснили задачу. Вместе с командиром батальона они продумали меры маскировки, уточнили, как добиться скрытности и внезапности переправы.

Старшим группы командир батальона назначил рядового Ивана Семенова. Накануне мы проговорили с ним почти всю ночь. Теперь я в какой-то мере представлял себе характер командира десанта, солдата, прошедшего путь от Волги до Днепра, и мог предугадать его действия, его решения. Подумал в эту минуту, что мне чертовски повезло видеть, как снаряжается первый десант через Днепр. Лично наблюдать его подготовку. Говорить с его участниками. Что же еще надо журналисту?

Собственно, я знал и о том, что опасность, подстерегавшая смелую четверку, была действительно велика. И хотя каждый старался о ней не думать, пытался сосредоточиться на подготовке к переправе, мысли невольно возвращались к одному и тому же: как оно там получится? Насколько сильным будет вражеский огонь? Сразу заметит их фашист или нет? А если заметит сра-

зу, что тогда? Не возвращаться же назад? Нет! Надо решительно грести к берегу, сильнее нажимать на весла... Но если противник быстро обнаружит их, если будет выведена из строя лодка, если... И сколько еще этих «если» возникало в сознании солдат, пока они готовили лодку, проверяли оружие, запасались патронами, гранатами, бутылками с горючей жидкостью.

Готовили к переправе через реку и батальон. Бойцы тащили бревна и доски, наскоро сколачивали плоты, увязывали в плащ-палатки сено. Группа гвардейцев, засучив рукава, чинила заброшенные рыбацкие лодки, вязала из бревен, досок и камыша плоты.

— Молодцы, ребята,— похвалил их Пищулин.— Где ж вы лодку-то раздобыли?

— Секрет фирмы,— ответил командир отделения, шустрый, моложавый сержант.— А если серьезно, то одну из воды выловили. Другую недалеко от берега нашли. Затоплена была.

Тем временем, прикрываясь лесным массивом, прибывали к Днепру специальные подразделения. Они подвозили понтонно-мостовое оборудование для переправы минометов, орудий и танков. Но это на будущее, на случай успеха сначала небольшой группы разведчиков, которые сейчас готовились к броску на правый берег, потом — всей мотострелковой роты, батальона, бригады и более крупных соединений.

Пока гвардейцы занимались подготовкой к переправе, я подошел к командиру батальона и попросил разрешения отправиться вместе с передовой группой. Старший лейтенант улыбнулся и полушутя тихо сказал:

— Там еще не о чем писать да и не с кем будет переслать статью в газету... Потерпите малость, вместе пойдем!

На западном берегу ни огонька, ни звука...

ПОСЛАНЕЦ С ТОЙ СТОРОНЫ

Пойма реки затянута густым молочным туманом. Самое удобное время для переправы. Понимают это и гвардейцы-автоматчики и потому торопятся: латают старенькую лодку-плоскодонку, мастерят весла и шесты. Мы со старшим лейтенантом Пищулиным вышли на самый берег Днепра. Тишина. Будто и нет войны, не сидит на том, противоположном, берегу враг. С легким шелестом набегает на песчаный берег темная волна.

Вместе с нами шагает снайпер-якут. Еще ночью, увидев его, я подумал: «Не расстается с винтовкой, на которой оптический прицел. И здесь «белку бьет в глаз». Он временами останавливается, прислушивается, причмокивает губами, с сомнением качает головой. Наконец останавливает комбата:

— Товарищ старший лейтенант, неладно на реке

— Ты что думаешь, фашисты назад через Днепр полезут? Рано очень, только ноги унесли. Теперь они тихо сидят, нас ждут.

Только изощренный слух охотника смог уловить какие-то подозрительные всплески. Снайпер снова подозвал командира батальона, молча приложил ладонь к уху: мол, послушайте, непорядок на реке.

Мы прислушались. Ничего другого, кроме плеска волн, гонимых студеным ветром, не слышно. Якут не выдержал:

— Товарищ старший лейтенант, прямо сюда плывет. Один. Голый.

Комбат насторожился. По выражению его глаз я понял, что теперь и он что-то слышит.

— То, что один, еще можно определить,— сердито пробурчал Пищулин.— А голый, в такую стужу... Что ему, жизнь надоела?!

Комбат подозвал двух бойцов, велел им подойти поближе к берегу и встретить неизвестного. Якут первым ступил в воду, забрел, наверное, по колено. Туман прикрывал бойцов. Их фигуры были едва различимы. Но явственно слышался взволнованный, тревожный говор. Они кого-то подзывали. Можно было угадать, что якут еще дальше зашел в воду.

— Давай, давай сюда! Еще немножко,— говорил он.

Комбат не выдержал, сам зашагал к воде, где бойцы вытаскивали кого-то на берег.

— Боже ж мой! Лышечко! — басил боец-украинец.— Несчастная! Ты ж загинешь! Откуда?

— Из Киева,— ответил дрожащий девичий голос.— Там всех угоняют в неметчину. Так я решила: или утоплюсь, или доплыву до своих.

Комбат, услышав эти слова, на ходу снял с себя шинель и, подойдя, набросил на плечи девушки.

— Скорее в палатку! — распорядился он.— Старшина, врача! Растереть спиртом, согреть!

До начала переправы оставалось еще минут три-

дцать. Комбат остался на месте, отдавая необходимые распоряжения, а начальнику штаба батальона Пищулин поручил подробнее разузнать, как девушке удалось пробраться через боевые порядки гитлеровцев, расспросить об обстановке на том берегу — в общем, выяснить все, что может помочь нашим бойцам, готовящимся к переправе.

Несколько минут спустя девушка, одетая в теплую солдатскую форму, пила чай в палатке санчасти и скороговоркой, свойственной киевлянкам, рассказывала о том, что творилось в эти дни в столице Украины. Страшную картину нарисовала она. Гитлеровцы полностью разрушили Крещатик. Лишь груды железного лома да горы камня напоминали о том, что это была когда-то чудесная улица. Город горит днем и ночью. Виселицами, расстрелами и грабежами означили враги свой приход в Киев. Людей вешали на каждом углу, расстреливали на каждом шагу, грабили в каждой квартире.

Долгое время Марийке Остафийчук удавалось укрываться от фашистов. Но жить в неволе девушка не могла. Она вместе с подругой решила убежать из города. Не только для того, чтобы самим спастись, но и рассказать о зверствах оккупантов, позвать на помощь советских бойцов. Несмотря на осеннюю стужу, они пустились через Днепр вплавь. Подруге, однако, не повезло: она потонула...

Впервые за всю войну я слушал, что мне рассказывают, и не записывал. Не корреспондентом, не литератором, а воином, беспощадным мстителем хотелось теперь попасть на правый берег Днепра.

В те дни в печати и по радио приводилось много леденящих душу фактов,— как фашисты пытались угнать в рабство все оставшееся население Киева, особенно молодежь. Они разыскивали жителей, используя для этих целей специально дрессированных собак. Киевляне придумывали всякие способы, чтобы уклониться от облав: прятались в канализационных и водосточных колодцах, в стогах сена, «замуровывали» друг друга в подвалах домов.

Гитлеровцы проводили массовые расстрелы людей. укрывающихся от угона. Но то, что творилось до начала сентября, когда фашистам пришлось оставить весь левый берег Днепра, было только началом ада. Теперь совершалась самая настоящая кровавая расправа с

мирным населением. День и ночь людей гнали в Бабий Яр и зверски истребляли их. Круглые сутки не переставали строчить пулеметы. Детей бросали в ямы живыми и тут же засыпали землей. Немногим удалось уйти в леса, глухие деревни или спрятаться в подвалах. Гитлеровцы и здесь прибегали к испытанному способу — обману. В один из дней они сообщили, что открыт набор в медицинский институт. Некоторые поверили и пришли. Когда «набор» был закончен, оккупанты при закрытых дверях объявили, что все студенты должны «добровольно» поехать в Германию.

Для тех, кого не успели расстрелять или вывезти в неволю, организовали биржу труда. Всем жителям города старше четырнадцати лет было приказано явиться на эту биржу якобы для регистрации. Пришедших оцепляли со всех сторон и, не дав попрощаться с родными, отправляли на каторжные работы.

Позже в наши руки попали многие документы, свидетельствующие о преднамеренном уничтожении советских людей в оккупированных гитлеровцами районах.

Немецкие захватчики, вступив на территорию Украины, прежде всего стали беспощадно грабить мирных жителей.

Фашистский ставленник на Украине — рейхскомиссар Эрих Кох писал: «Речь идет прежде всего о том, чтобы поддержать и обеспечить для немецкого военного хозяйства и немецкого командования чрезвычайно большие источники сырья и пищевых продуктов этой страны для того, чтобы Германия и Европа могли вести войну любой продолжительности».

Для проведения этих грабительских планов в жизнь гитлеровцы пытались установить рабско-крепостнический режим на Украине. В секретном циркуляре командующего германскими тыловыми войсками на Украине генерала авиации Китцингера от 18 июля 1942 года за № 1571/564/42 подчеркивалось: «Украинец был и остается для нас чуждым. Каждое простое, доверчивое проявление интереса к украинцам и их культурному существованию идет во вред и ослабляет те существенные черты, которым Германия обязана своей мощью и величием».

В городе фашисты наряду с грабежами, разрушениями и систематическим истреблением киевлян проводили насильственную попытку онемечивания населения. Украинская культура всячески подавлялась и

уничтожалась, советские люди обрекались на голод и смерть. На стенах многочисленных магазинов, ресторанов появлялись вывески: «Только для немцев». Украинский оперный театр имени Шевченко, стадионы и другие общественные учреждения были объявлены только для немцев. Приказом за № 184 от 6 августа 1942 года комендант города запретил немцам приглашать «туземцев» (украинцев) на стадионы и в рестораны.

Фашистские оккупанты в городе разграбили и вывезли в Германию оборудование промышленных предприятий, а здания взорвали и сожгли. Гитлеровцы разрушили машиностроительные и металлообрабатывающие заводы «Большевик», «Красный экскаватор», которые снабжали промышленность, транспорт и сельское хозяйство машинами, инвентарем и запасными частями. Они сожгли и разрушили все путевое хозяйство крупнейшего железнодорожного узла Киев — Дарницы, все станционные здания, депо на станции Киев-1, паровозоремонтный завод и другие строения. Взорвали железнодорожные мосты через Днепр и железнодорожные виадуки в городе. Сожгли построенные за годы Советской власти крупные фабрики — прядильно-трикотажную, швейную имени Горького, Четвертую, Восьмую обувные и др.

Фашисты взорвали, сожгли и разрушили электростанции и электросеть, трамвайный и троллейбусный парки, водопровод и канализацию, а также хлебозаводы и другие предприятия, лишив население крупнейшего города воды, хлеба, отопления, освещения и средств передвижения.

Для устрашения населения вывешивались объявления коменданта города: «В качестве репрессий за акт саботажа сегодня расстреляно 100 жителей Киева». Или: «В Киеве участились случаи поджогов и саботажа. Поэтому сегодня расстреляны 300 жителей Киева. За каждый новый случай поджога или саботажа будет расстреляно значительно большее количество жителей».

В таком напряжении жила столица Украины.

ПЕРЕПРАВА, ПЕРЕПРАВА...

Старшего лейтенанта Пищулина я нашел там же, где мы расстались,— неподалеку от песчаного берега реки. Ветер разогнал туман. Средства переправы уже

спущены на воду, комбат отдавал бойцам последние распоряжения. Я молча подошел и встал в строй. Как раз в это время Пищулин скомандовал:

— Кто не умеет плавать, два шага вперед.

Но я не двинулся с места, хотя плавать не умел совершенно.

— Не умеющие плавать останутся здесь,— повторил капитан,— потому что в случае, если лодку фашисты затопят, придется добираться вплавь да еще с оружием.

В те минуты я не думал о себе и продолжал стоять в строю, чтобы не остаться на левом берегу.

Лодку, кажется, перегрузили. Иван Семенов попросил, чтобы дали им ручной пулемет, ящик гранат.

— Ведь артподготовки не будет,— толковал он.— Гранаты заменят нам артиллерию.

Наконец-то все готово. Командир батальона лично уточняет обязанности каждого солдата, идущего в первой лодке, предупреждает о трудностях и опасностях, которые могут встретиться на пути, дает советы, как действовать в случае непредвиденных обстоятельств.

Семенов, Петухов, Сысолятин, Иванов с автоматами в руках один за другим ступают в холодную днепровскую воду и перебираются в лодку. Там их встречает широкоплечий, крупного сложения парень с красной лентой на фуражке — партизан. За сеткой дождя трудно рассмотреть его лицо. Да и имело ли это какое-нибудь значение! Никто из нас не поинтересовался и его именем: раз сам вызвался сопровождать автоматчиков, значит, человек смелый, а главное — пути-дороги знает. Иван Семенов оттолкнул от берега лодку и прыгнул в нее сам. Бойцы дружно налегли на весла. Парень с красной лентой на фуражке оттолкнулся от берега шестом. Лодка растаяла в темноте.

Люди, оставшиеся на берегу, чутко вслушивались в тревожный говор днепровских волн, в порывы злого осеннего ветра и думали о тех, кто первым ушел на ответственное и рискованное задание. Удастся ли смельчакам гвардейцам благополучно переправиться на тот берег, сумеют ли они создать там панику и отвлечь на себя огонь противника, чтобы облегчить переправу роте автоматчиков, за которой пойдут на запад батальоны, полки, дивизии и целые армии? Это волновало многих. И командира бригады, которому тут же доложили о начале переправы. И штаб армии, который решал, куда

направить танки, где скорее будет наведен понтонный мост.

Второй снарядилась лодка, в которую Пищулин обещал посадить и меня. На весла сел усатый украинец, место на корме возле станкового пулемета заняли мы с ординарцем комбата Сергеем Орловым. На носу в качестве впередсмотрящего разместился командир батальона.

Когда уже отчаливали, с берега донеслось:

— Черт возьми! Девушка переплыла, а я что, хуже! — И в воду бултыхнулся солдат. В одной руке он высоко держал над водой узел с одеждой и автомат. К нему подплыла лодка, чтобы взять его или вернуть назад, но он только бросил через борт свой груз, а сам налегке поплыл вперед.

Его примеру последовало еще несколько солдат. Видя такое, комбат распорядился забрать одежду и личное оружие отчаянных пловцов.

Вскоре наша лодка догнала первую, которой командовал Иван Семенов, и некоторое время шли параллельно.

Мы с тревогой смотрели на широкую бурлящую реку, и нам казалось, что в эти минуты она наполняется огромной силой, которая вот-вот выйдет из берегов и сомнет, сломает на своем пути все укрепления врага.

Но это только так казалось, так хотелось, мечталось. Действительность же была куда суровее, труднее и опаснее.

Пока плыли под прикрытием островка, разделявшего реку, все было тихо. Но как только лодки вышли из-за островка, по реке полоснул ослепительно голубой луч прожектора. Предутреннюю мглу прорезали голубоватые вспышки ракет. Над Днепром стало светло. И сразу картина преобразилась. Исчезла тишина. Все загудело, стало рваться. Грохотом артиллерийской канонады вздыбился правый берег. Бешено строчили пулеметы. Выли мины. Тяжело ухали взрывы, и вверх взлетали огромные столбы воды. Звонко и дробно стучали автоматы. Все смешалось — свет и звуки, огонь и вода. Все превратилось в кромешный ад. Казалось, ничто живое не сможет преодолеть бурлящую огненную реку.

Но солдаты отчаянно гребли, и обе наши лодки шли вперед, подтверждая, что переправа через Днепр началась...

О, как я завидовал тому, кто умел плавать. И не потому, что боялся за свою жизнь, боялся, что поврежденная лодка пойдет ко дну. Конечно, такая опасность была весьма реальной, и не скрою, мысль о том, как мне поступить, когда такая трагическая минута наступит, настойчиво преследовала меня. Но главное было не в этой опасности. На моих глазах за годы войны погибло много людей, более ценных, чем я. Людей, убеленных сединами, людей, имеющих колоссальный жизненный опыт, знания, энергию и многое-многое другое. По сравнению с ними, на фоне этих людей моя персона и моя жизнь казались мизерными. Я еще не успел ничего сделать не только для Родины, но и для себя лично. И именно поэтому мне хотелось еще повоевать, чтобы как-то оправдать свое существование, свое право ходить по земле в это грозное для Отечества время. Мне, как и моим друзьям, спешащим на тот берег, очень хотелось выполнить приказ Родины. Очень хотелось живым перебраться через Днепр, захватить хотя бы небольшой плацдарм, любой ценой удержать его и дать возможность перебраться на него другим, плывущим вслед за нами. Вот что было главным. Ну и конечно же хотелось, как всегда, выполнить важное задание редакции: написать о тех, кто первым форсирует Днепр.

В небе повисла на парашютах осветительная ракета, «фонарь», как мы ее называли, и над рекой стало светло, будто днем. Мимо нашей лодки проплыла вниз по течению бочка с выщербленным и посеченным боком. За нею, также осиротело, тянулась изрешеченная осколками лодка, полузалитая водой. Дальше виднелась другая, перевернутая, потом — доски, бревна, какие-то непонятные предметы.

«Тоже чья-то попытка форсировать Днепр»,— с горечью подумал я и мысленно попрощался с отважными ребятами, которые, как и мы, первыми хотели перебраться на правый берег. Хотели... Но что делать — война...

К счастью, я ошибся. Только позднее, когда награждали героев, первыми прорвавшихся на правый берег Днепра, выяснилось, что разбитые и затопленные лодки, которые мы видели, принадлежали гитлеровцам. А разгромили их минометчики под командованием гвардии старшего сержанта Василия Мелякова.

Я попытался тогда же встретиться с героем. Не уда-

лось. Из всей группы разыскал только гвардии рядового Алексея Зацепина. И то потому, что задержался он в госпитале из-за ранения. От него узнал кое-что о Мелякове.

Первый мой вопрос: где Меляков жил до войны, откуда родом?

— Вот не могу сказать,— смущенно ответил Алексей.— Не заходил как-то разговор об этом. Но чуть ли не киевский он. Если не из самого города, то поблизости. Уж больно он рвался через Днепр. Я недолго с ним вместе воевал. Впервые встретились на Северном Донце. Вышли из тех боев чистенькие, ни одной царапинки. Василий тогда говорил:

— Не хочу рану получать. Или сразу наповал, или чтоб не тронуло.

Это он потому, что тяжело задело его еще в сорок первом под Харьковом. Больше года провалялся в госпиталях. Понимаю: осточертело. Ну а когда подошли к Днепру, он уже минометным расчетом командовал. На его стороне и боевой опыт, и сноровка. Но и то скажу: славный вышел из него командир. Действует смело, без оглядки. Такого враги боятся, а солдаты любят. И начальство не забывает. Недаром еще под Воронежем имел он орден Красной Звезды и две медали «За отвагу».

Так по рассказам его фронтовых друзей и составил я представление о Василии Мелякове и о том бое, что вел он с товарищами на реке. Мне казалось даже, что вижу Василия Игнатьевича стоящим на берегу Днепра. А на той стороне — родной Киев. И в воздухе над рекой несмолкающий гул. И будто река, разделяющая их, совсем небольшая, а он — Василий — великан, который легко перешагнет ее. И нет сил ждать, пока подтянутся переправочные средства. Внезапность — половина успеха.

Поздним вечером Мелякова вызвал командир:

— Готовьтесь к переправе на правый берег.

— Где саперы? — спрашивает Василий.

— Не подошли еще. И переправочных средств нет никаких.

Фигуры бойцов в ночи сливаются с берегом. Василий Меляков бежит во главе своего расчета. На пути встречаются два местных рыбака. Они сообщают солдатам: только что отплыла от левого берега последняя группа вражеских солдат. Их лодки еще видны на реке.

Меляков всматривается в темнеющую даль. Замечает

качающиеся на волнах лодки. Гитлеровцы что есть силы нажимают на весла. Спешат уйти.

— Миномет к бою! — оборачивается к бойцам Меляков.— Живее, живее! — поторапливает он.

Через минуту расчет открыл по фашистам беглый огонь. Снопы воды взметнулись вверх. А затем полетели и щепы и доски. Перевернулась одна лодка, другая... Минометчики долбили врага до тех пор, пока не убедились, что уничтожена вся группа гитлеровцев, прикрывавшая отход своих подразделений. Фашисты пошли ко дну, а их транспортные средства уплыли вниз по течению Днепра. Их-то и видели во время переправы гвардейцы-автоматчики старшего лейтенанта Пищулина.

А тем временем гвардии старший сержант Меляков расспрашивал повстречавшихся ему местных рыбаков.

— Неужели у вас лодок не осталось? — сетовал он.

— Были лодки, были,— говорили рыбаки.— Хотели мы их до вашего прихода сохранить. А фашисты тоже не лыком шиты. Перехитрили они нас. Перед тем как отступать, собрали местных жителей и приказали все лодки затопить. «Или лодки буль-буль, или вам капут»,— кричали они, грозя автоматами.

— И вы затопили? — возмущался Меляков.

— А что было делать? Да вы не беспокойтесь,— уверяли они.— Беду можно отвести.

Оказалось, что часть лодок затопили в неглубоких местах, на отмелях. В любой момент их можно поднять из воды и пустить в дело.

Меляков с бойцами не стали терять ни минуты. Забравшись по пояс в реку, веревками тащили лодки на берег. Здесь из них выливали воду, осматривали, переворачивали и готовили к действиям.

Вскоре первая лодка бесшумно вошла в реку и осела под тяжестью миномета и боеприпасов. Оттолкнули ее от берега сильные солдатские руки. Пошла! Следом на самодельном плоту, на плащ-палатках, набитых сеном, на бочках, на бревнах, будто тени, скользили по реке бойцы-минометчики.

Долго плыли в тишине. Уже надеялись проскочить реку без приключений. Но вот в небо взвилась осветительная ракета. И тотчас же гитлеровцы ударили из пулеметов. Затем начали рваться мины, снаряды.

Осколки дырявили борта лодки, решетили бочки, держась за которые плыли бойцы; перерезали веревки, соединявшие бревна плота. Пули поднимали фонтан-

чики воды, и казалось, что река кипит. Вот они — фонтаны смерти. Миг —и тебя не станет. Но раздается властный голос Василия Мелякова:

— Дружней грести, влево, влево!.. Теперь вправо! Ниже голову! Не грести!

Фашисты усилили минометный огонь. С правого берега им виделось, что десант русских гибнет. Еще залп! И казалось, потеряв управление, поплыли по течению и лодка, и бревна, и тонущая бочка, и плащ-палатка с сеном...

Днепр поднял волну и заслонил своих освободителей.

Погасла осветительная ракета, смолкла бешеная дробь гитлеровских пулеметов.

— Теперь вперед, ребята! Дружней к берегу! — доносился голос Василия Мелякова.

И снова осветительная ракета распорола ночь. Хлынули пулеметные ливни. Враг был уверен, что простреливается каждый сантиметр водного пространства, что перед ним обреченные мишени.

Но сквозь пулеметную стрельбу до гитлеровцев доносился хриплый голос Василия Мелякова:

— Правей, правей!..

Фашистские мины ложились правей. Василий тем временем шепотом и знаками, как договорились еще на левом берегу, указывал своим бойцам, что брать надо левей. И смерть, свистя, проносилась мимо.

Фашисты в упор расстреливали медленно тащившиеся вниз по течению бревна, бочки. А десант тем временем уже приближался к берегу. Вокруг еще рвались снаряды и мины. Они буравили гладкую поверхность реки. Оглушительный взрыв раздался совсем рядом, к счастью, когда бойцы, готовые к бою, были уже у самого берега. Вода столбом поднялась вверх, накрыв с головы до ног весь десант...

Все это я узнал потом. А в ту ночь с грустью смотрел на уплывающие вниз по Днепру, перевернутые, разбитые лодки. И сам думал только о том, чтобы скорее преодолеть реку.

РОЖДЕНИЕ БУКРИНСКОГО ПЛАЦДАРМА

В небе висели десятки осветительных ракет. Трассирующие пули прорезали воздух. Теперь я понял, почему командир батальона начал переправу на рассвете —

драться лучше на берегу. А на воде, когда засекли, и так ночью светло, как в яркий солнечный день.

Но замечаю, что пули летят высоко над нами. Снаряды рвутся где-то позади. Мы вошли в «мертвое» пространство. Гитлеровцы не простреливают его. Бойцы нашли в себе силы, чтобы подналечь на весла. Минута-другая — и лодка с ходу ударилась носом в берег. Вмиг она опустела. Бойцы вскарабкались на кручу и завязали ожесточенную схватку с гитлеровцами. Прежде чем побежать за Пищулиным, я с тревогой посмотрел на лодку, перевозившую одежду и оружие тех, кто перебирался вплавь. В ней сидели теперь пятеро. Наверно, подобрали тех, у кого не хватило сил плыть. Один за другим быстро выскакивали они на берег. В эту ночь я завидовал им больше всего: ведь они преодолели Днепр вплавь!

...Пулеметный шквал и крики «ура» увлекли и меня вслед за командиром батальона, который уже повел подразделения в бой. У самого берега на круче стояла деревня. Ею и спешили овладеть автоматчики. Подбегая к крайнему дому, мы увидели раненого красноармейца.

— Сысолятин! — воскликнул кто-то из бойцов и бросился к нему.

— Скорее туда, ребята! — с трудом проговорил Василий Сысолятин.— Петухов снял пулеметчика. Мы прорвались в деревню... Там меня и царапнуло в колено.

То, что Сысолятин пренебрежительно назвал царапиной, оказалось глубокой раной. Его подхватили и унесли к лодке.

Рота дралась уже в деревне Григоровке.

Послышался тревожный крик одного из четырех десантников — Василия Иванова:

— Коля! Петухов! Коля! — и тут же грозно, призывно: — Братцы, бей фашистов! За Петухова! Отомстим за Петухова!

«Погиб! — мелькнуло в моем сознании.— Тот, который первым ворвался на правый берег Днепра, тот, кого я больше всех сейчас хотел видеть, пал! А я ничего не знаю о нем, о его подвиге. Что я напишу в газету?» И, обгоняя бегущих рядом бойцов, тороплюсь туда, где сражаются еще двое из отважной четверки — Иванов и Семенов. Но в водовороте боя трудно кого-нибудь найти. Бежавшие вместе со мной автоматчики заметили гит-

леровцев и открыли огонь. Кидаюсь на землю рядом с бойцами и даю очередь из автомата.

От старшего лейтенанта Пищулина узнаю, что батальон уже весь на этом берегу.

— Теперь главное отвоевать побольше плацдарм! — кричит Пищулин.— Вперед и вперед! Сзади начнут подпирать нас другие подразделения.

К утру ветер разогнал тучи. Небо на востоке заалело. Выстрелы раздаются где-то далеко на западе. Это рота лейтенанта Синашкина обошла фашистов с тыла. С новой силой гвардейцы устремлялись в атаку. Гитлеровцы засели в продолговатом здании. Путь бойцам преградила отвесная стена. Обойти не удалось. А как взобраться на нее? Не за что зацепиться. Каждый понимал: оставаться внизу нельзя. Успех решали минуты, даже секунды.

— Становись мне на плечи! — подбежав к стене, крикнул высокий крепкий боец. Я узнал Сергея Орлова, ординарца командира батальона.

Не раздумывая, один из солдат прыгнул на плечи богатыря, а затем и на стену, легко преодолев неожиданно вставшее перед нами препятствие. Бойцы, действовавшие рядом, тут же повторили прием смекалистого воина. Гитлеровцам пришлось оставить здание, уступить еще одну пядь нашей земли. А в этом и заключалось главное: хоть на шаг, но вперед.

Жаркая борьба шла за каждую улицу, за каждый дом. На восточной окраине села старший лейтенант Пищулин разместил свой командный пункт. По рации связался с командиром бригады. Доложил, что Григоровка взята, в ожесточенной схватке разгромлен штаб фашистского батальона, захвачены склады с боеприпасами и несколько исправных грузовых автомашин.

Взошло солнце, осветив неяркими лучами поле сражения. И тут я спохватился, что занялся не своим делом, ввязался в бой, а еще ни строчки не занес в свой блокнот. Забежав во двор отвоеванной у гитлеровцев хаты, сел на колоду под вишенкой и стал быстро писать обо всем, что видел. Когда наскоро набросал корреспонденцию о тех, кто первым форсировал Днепр, передо мной встал вопрос: как передать это в редакцию? Паром, конечно, еще не работает, радиосвязи нет. Значит, снова переправляться через реку самому под почти непрерывной бомбежкой «юнкерсов», под огнем артиллерии и пулеметов. Да, только так! Иного пути нет. А ес-

ли не доставить корреспонденцию в редакцию, тогда ни к чему окажутся и все мои старания, и риск. Тогда напрасно занимал я место в лодке. Оно пригодилось бы для более активного бойца.

Эти горестные мысли подстегнули меня, и я, доложив командиру батальона (он пока на правом берегу был самым большим начальником), отправился искать возможность переправиться через Днепр на левый берег.

Первую попытку мы предприняли с Сергеем Орловым.

— Ну как, переберемся? — спросил я его, садясь в лодку.

— Это запросто,— ответил Сергей не задумываясь.

Вначале действительно все шло гладко. Мы бесшумно и быстро удалялись от берега. Справа и слева от нас падали снаряды. Но пока это нас мало беспокоило. По всему было видно, что противник ведет огонь просто по реке, или, как говорят артиллеристы, «бьет по площадям». Однако стоило нам выплыть на середину, как гулко заработал пулемет. Пули со свистом проносились совсем близко от нас, несколько впереди, пунктиром очерчивая линию своего соприкосновения с водой. Мы не успели придержать лодку, как оказались в зоне огня. Гитлеровцы дали новую длинную очередь. В то же мгновение раздался слабый стон, весла выпали из рук Орлова. Голова его как-то неестественно склонилась на плечо, и он тихо повалился на правый борт лодки. Она резко развернулась и поплыла вниз по течению. Обеими руками с силой нажимал я на правое весло, пытаясь скорее уйти из-под огня. К счастью, в этот момент с нами поравнялась другая лодка. Она шла с левого берега навстречу нам. Сидевшие в ней бойцы перетащили Орлова к себе, а нашу пробитую пулями посудину взяли на буксир. Поневоле пришлось возвращаться обратно на правый берег и начинать все сначала.

Вторая и третья мои попытки переправиться через Днепр также не увенчались успехом.

С наступлением темноты я снова отправился в путь. На этот раз в мое распоряжение дали лодку с четырьмя гребцами, рослыми, дюжими солдатами. Наш маршрут к тому же проходил несколько севернее. Фланговый пулемет врага уже не беспокоил: его уничтожили. Но донимали гитлеровские минометчики. Освещая реку ракетами, они довольно точно бросали мины. Мы продол-

жали плыть: другого выхода не было. Сидевшие на веслах бойцы, которых я видел впервые и которых никогда не встречал позже, старались изо всех сил. Они знали, что переправляют корреспондента, и рисковали жизнью. Знали: мне во что бы то ни стало нужно было добраться до левого берега и передать материал в газету.

Оставался какой-нибудь пяток метров до берега, когда вблизи от нас разорвалась вражеская мина. Ее осколки изрешетили лодку. Тонкие струйки воды быстро наполняли продырявленную посудину. Но опасность уже миновала. Еще одно усилие, и мы на берегу. Попрощавшись с бойцами, быстро выскакиваю из лодки, несколько метров бегу по воде, а затем скрываюсь в кустарнике...

Придерживая рукой корреспондентскую сумку, поспешил в редакцию. Готового материала у меня было мало, но я полагал, что за вечер напишу еще.

Редактор выслушал доклад, мимо ушей пропустил просьбу отвести целую газетную полосу для моих героев и, протянув руку, попросил только корреспонденцию, о которой я сказал, что это будет лишь вступление ко всей полосе. Он взял статью, молча прочел ее, что-то поправил и отдал на машинку.

— Отдыхайте, завтра снова за Днепр,— кивнул он мне.

— Товарищ полковник, а как же с остальным материалом? — несмело спросил я.

Редактор посмотрел на меня и сочувственно улыбнулся:

— Я понимаю, у вас материала на несколько номеров. Но и другие привозят столько же. Вон Орехов передал два очерка и подборку на полосу. И знаешь, откуда передал? Из госпиталя.

— Что с ним?

Редактор будто не расслышал моего вопроса.

— Из всего этого,— продолжал он,— удалось поместить только несколько строк: подтекстовку под фотографией героев.— Помолчал, затем сказал с горечью: — А корреспондент остался без ноги...

Я стоял ошарашенный, сбитый с толку этими словами.

— Как? И это... ради нескольких строчек?!

— Да. Именно ради нескольких строчек. Одни идут на смерть, чтобы освободить еще несколько пядей родной земли, принести свободу людям, спасти жизнь на

земле. А вот мы, журналисты,— ради нескольких строчек... Но эти строчки вдохновляют на победу...

На другой день в газете «За честь Родины» под заголовком «Герои-комсомольцы переправились первыми» была напечатана моя корреспонденция с Правобережья. Весь фронт в тот же день облетела весть о подвиге воинов-комсомольцев Василия Иванова, Николая Петухова, Ивана Семенова, Василия Сысолятина и других бойцов, которые первыми форсировали Днепр и самоотверженными действиями помогли создать Букринский плацдарм.

Указом Президиума Верховного Совета СССР четырем гвардейцам было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. О них узнала вся армия, весь народ. Поэт Александр Безыменский, работавший в то время в нашей газете, написал даже песню:

Поправив бинты перевязки кровавой,
Спросил командир боевой:
— Кто первым рванется на берег на правый
Сквозь толщу стены огневой? —
И, сталь автомата воинственно тронув,
Шагнул Сысолятин вперед,
И с ним Иванов, Петухов и Семенов —
Лихой комсомольский народ...
Четыре героя на береге правом
Врага отвлекали стрельбой,
А наши полки навели переправу
И ринулись в яростный бой.
На лютых врагов, не жалея патронов,
Летел Сысолятин вперед,
И с ним Иванов, Петухов и Семенов —
Лихой комсомольский народ.

Я слышал эту песню в разных подразделениях нашего фронта и всякий раз невольно вспоминал слова редактора о судьбе журналиста на войне, о цене газетных строчек...

БРОНЯ КРЕПКА...

В редакции я не задержался. Еще раз побывал на Букрине, а потом получил задание присоединиться к танкистам, которым предстояло форсировать Днепр на другом участке реки.

...В березняке стояли танки. Так замаскированы, что

не сразу и заметишь. Высокий, угрюмого вида старшина тяжелой походкой вышел мне навстречу.

— Трайнин! — воскликнул я с радостью.— Петр Афанасьевич! Живой?! Вот не ожидал здесь встретить земляка-воронежца! Все такой же несгораемый, непотопляемый! — раскинув в восторге руки, говорю ему.

— Несгораемый, оно, может, и верно, но насчет воды...— И он шепнул мне доверительно:— Плавать-то не умею, а тут речища такая...

Этому откровению я искренне обрадовался и признался, что страдаю тем же пороком. Но с гордостью добавил: несмотря на это, на правом берегу Днепра уже побывал. А обратно чуть было не пустился вплавь. Уж очень ждали меня в редакции.

Трайнин махнул рукой и улыбнулся озорно:

— Ну, если так, тогда обязательно переплывем!

— Понтонов нет? — спросил я.

— Сами смастерим.— И повел меня знакомить с друзьями, членами экипажа.— Орлы, настоящие, как говорят украинцы, лыцари.

Имя механика-водителя Петра Афанасьевича Трайнина, бывшего тракториста, широко известно на нашем фронте. Он участвовал в битве под Москвой, освобождал родной Воронеж, совершал дерзкие вылазки против фашистских танков на Курской дуге и теперь привел свою машину вот сюда, на братскую украинскую землю. За отвагу неоднократно отмечен правительственными наградами.

О подвиге, за который Петр Афанасьевич получил первую награду, подробно рассказывалось в одном из номеров нашей газеты. Это случилось на воронежском направлении. Танковая часть, в которой служил Петр Афанасьевич Трайнин, вела ожесточенные бои против фашистской механизированной дивизии. На стороне врага многократное превосходство в силе и технике. К тому же гитлеровцы имели большой опыт ведения танковых боев. И все же советские танкисты не дрогнули, не отступили ни на шаг.

Бой начался ранним утром и не умолкал до вечера. Уже пылали десятки вражеских машин, пытавшихся пробиться сквозь нашу оборону, сотни фашистских трупов устилали землю. Большие потери были и у нас. Вскоре огонь наших танков стал слабеть: подошли к концу боеприпасы.

Гитлеровцы это сразу почувствовали и решили

вплотную приблизиться к уцелевшим танкам, чтобы в упор, безнаказанно их расстрелять.

В критический момент боя Трайнин, оставшись к тому же один в танке, смело, на виду у всех, первым повел свою машину навстречу врагу.

Прошли считанные минуты, и над полем боя раздался необычный, рвущий перепонки звон металла. Ударом огромной силы Трайнин остановил, а затем перевернул вражескую машину. Продолжая двигаться вперед, он настиг второй фашистский танк и таким же методом разделался с ним.

Его примеру последовали другие танкисты.

Гитлеровцы вынуждены были отступить.

Этот подвиг Петра Афанасьевича Трайнина командование отметило орденом Отечественной войны II степени.

Вот как Трайнин рассказывал о своем первом таране, совершенном на танке БТ-7:

«До вражеского танка оставалось чуть более двухсот метров. Мне понадобились считанные секунды, чтобы проскочить это расстояние. И за эти секунды я вспомнил буквально все, чему учил нас инструктор по вождению, отрабатывая с нами таран. Вспомнил, под каким углом нужно подходить к вражеской машине, по какому узлу наносить удар, когда и какие обороты задать двигателю, в какой момент отключить сцепление, чтобы не повредить при ударе собственные главный фрикцион и коробку передач. Словом, действовал точно по инструкции...»

В другой раз на поле боя сложилась еще более трудная обстановка: вражеским снарядом был подожжен танк Трайнина, самого Петра ранило в обе руки. Серьезное увечье получил заряжающий — ему оторвало ступню.

— Командир! — крикнул Трайнин.— Постараемся сбить пламя!

Но командир не отвечал.

— Убит! — простонал заряжающий.

— Э, черт! — выругался Петр. Грубым словом хотел заглушить охвативший его гнев.

Я потом расспрашивал Трайнина об этом бое: «О чем ты думал тогда?» А он сердито: «Ни о чем не думал. Некогда было. Злость брала, что позволили врагу поджечь машину. И хотелось последний свой путь пройти не даром».

Трайнин направил пылающий танк на огневые позиции врага. Ошеломленные гитлеровцы побросали свои орудия, разбежались. Трайнин раздавил несколько фашистских пушек. К счастью, ему удалось сбить с танка пламя и спасти от гибели экипаж...

И вот наступил долгожданный день: старшина Трайнин вывел свой танк к Днепру. Хотелось сразу, не медля, устремиться на правый берег. Но... танк — не человек. Он не держится на воде, не может быть переправлен на подручных средствах, на лодке и даже на небольшой барже. Нужен паром или мост. Пока их наведут, придется загорать на левом берегу. А время не ждет. Там, на правом берегу, ведут неравный бой наши пехотинцы, которые первыми на этом участке форсировали Днепр, захватили небольшой плацдарм и героически удерживают его. Надо спешить. Дорог каждый день, каждый час, каждая минута.

Загнав танк в укрытие и замаскировав его, Трайнин подошел к Днепру. Зачерпнул ладонями холодную мутноватую воду. Напился.

— Что, танкист, загораешь?

Петр приподнялся с колена, посмотрел исподлобья на плотного генерала, остановившегося рядом.

— На приколе, товарищ генерал,— ответил невесело.— Родная вода, а не пускает,— показал он на реку.— Так что приказано укрыть танки. Пока не наведут понтоны.

— Твой танк там позарез нужен,— кивнул генерал на правый берег реки.— Слышишь?

— Как не слышать.— Трайнин горько усмехнулся.

— Они уже по левому берегу меньше бьют,— сказал генерал.— Все по плацдарму колотят, по нашему золотому пятачку.

Желваки заходили на скулах Петра.

— Не растравляйте, товарищ генерал,— попросил он.— И так сердце кровью обливается. Мне бы сейчас десяток бревен...

— Я дам тебе двадцать,— горячо подхватил генерал.— А перемахнешь? Не утонешь?

— Как можно, товарищ генерал! — обиделся Петр.— Я свою машину берегу. Без нее я никто!

— Тогда пошли! — пригласил генерал.

Я появился у танкистов как раз в тот момент, когда сооружение плотов шло полным ходом. Петр познакомил меня со своим экипажем. На берегу солдаты

стучали топорами. Небольшие бревна, у нас их называли подтоварником, они поднесли к реке на плечах. К Петру подошел стрелок.

— Посолиднее бревнышки нужны,— заметил Трайнин.— На этих далеко не уедешь.

— Есть и посолиднее,— ответил боец.— Только нам их не ухватить. Ребята говорят: может быть, танком...

Петр улыбнулся:

— А что? Это мысль! Вдвое быстрее двинется дело. Где командир батальона? Пойду к нему.

Едва стемнело, Петр вывел свой танк из укрытия. Тросом подцеплял он тяжелые бревна и волочил к Днепру. Справа и слева тоже урчали танковые моторы.

— И в других расчетах нашей рационализацией воспользовались,— пояснил Трайнин.— Поживей, поживей, ребята,— подгонял он бойцов.— Негоже, если кто вперед нас паром на воду спустит. Все-таки наш почин.

А с правого берега торопили. Гитлеровцы успели подтянуть танковые подразделения. С рассветом надо ждать их атаки. Командир десанта просил лишь об одном: побольше противотанковых гранат. А еще лучше — пушек!

Трайнин спешил. Он понимал, как нужен его танк там, на правом берегу. Хотя, может быть, десантники и не ждут его еще. Знают: для понтонной переправы нужно время. Но ведь и враги не ждут...

Со всей силой, со злостью вгонял Трайнин в бревна скрепляющие скобы. На связки пошли пеньковые веревки, тросы.

— Все! — наконец крикнул Петр, отбрасывая в сторону топор.— Спускай, ребята, этот дредноут на воду.— И первым ухватился за канат.

Наблюдать за погрузкой танка на плот пришел командир батальона. Вскоре ему пришлось взять руководство на себя. Плот закрепили канатами, сделали попрочнее настил. Петр осторожно двинул танк вперед. Под тяжестью машины бревна ушли под воду.

Когда я прыгнул на плот вслед за бойцами, вода доходила уже до щиколотки. Со стороны, наверное, казалось, что это неуклюжее нагромождение пойдет ко дну от малейшей волны. Но вот «каравелла», как окре-

стили свое сооружение танкисты, благополучно отчалила от берега.

— Выше паруса, братцы! — подбадривал товарищей Трайнин.

Я уже заметил, что он неразговорчив лишь в спокойное время, а в трудные минуты первым начинает шутить. И видно, в этом была тайна его человеческого обаяния.

— Давай, пожалуй, перейдем на нос «каравеллы»; будешь лоцманом, раз уж побывал на той стороне,— сказал он мне. Мы перешли на передний правый угол парома. Тут он опять мне шепнул:— Только ты моим орлам ни-ни, что плавать не умею. Засмеют...

Плот наш медленно продвигался вперед по темной, как чернила, реке. Его сильно сносило течением. Я сказал об этом старшине.

— Ничего,— успокоил он.— У нас же руль есть.

И прошел к рулевому.

— Дружище, загребай правее.

Потом склонился к весельным:

— Налегай, ребята, чтоб к нужному месту причалить.

Кажется, мы немного выправили свой курс. И тут я невольно отвлекся. Что-то темное и громоздкое плыло нам наперерез.

— Петр Афанасьевич! Смотри, что там?! — Я невольно присел, стараясь разглядеть диковинное сооружение.

Трайнин тоже присел и вдруг прыснул в кулак.

— Повара идут на таран!

И в самом деле, через Днепр переправлялась солдатская походная кухня со своими атрибутами. Она держалась на бревнах, наскоро связанных, видимо, самими поварами. Кухня проплыла так близко, что нас обдало горячим, неповторимым запахом гречневой каши.

— А что, котелок горячей каши ребятам на том берегу сейчас нужен не меньше, чем ящик снарядов,— заметил Трайнин.

Выше по реке плыл тоже плот с танком, а дальше темнели еще и еще.

— Лиха беда начало,— улыбнулся Трайнин.— По нашему следу пошли. Теперь в компании веселей будет.

Плот с кухней обогнал нас и скрылся в темноте. Мы были, наверное, на середине Днепра. По-прежнему

тишина висела над рекой. Только скрипели весла да вздыхали от натуги бойцы.

— Может, пронесет,— высказал свое желание Трайнин.— Хорошо бы!

Зачем он это сказал?! Ведь до берега оставалось всего несколько десятков метров. Неужели нельзя потерпеть! Но возмутиться я не успел: на правом берегу прозвучал выстрел. В небо взвилась ракета, и над рекой повис «фонарь». Теперь отчетливо стали видны и плывущие справа и слева от нас самодельные плоты с танками, и обрывистый берег Днепра, к которому мы стремились. Но наблюдать за всем этим было некогда. Гитлеровцы открыли артиллерийский и минометный огонь по реке. В воздухе появились фашистские самолеты.

От густо падавших снарядов, мин и бомб Днепр закипел. Поднявшаяся волна сильно раскачивала наш ненадежный корабль. Бойцы изо всех сил работали шестами и веслами. Оставив меня на посту впередсмотрящим, Трайнин прошел на середину, взял весло из рук раненого бойца и начал грести во всю свою богатырскую мощь. Он словно и не замечал взрывов бомб и снарядов, что совсем рядом вздымали в небо огромные смерчи воды, не слышал лязга металла о металл, свиста мин, наполнившего воздух. Знал он лишь одно: быстрее гнать плот к правому берегу, туда, где на «пятачке» сражаются наши, где нас ждут.

Яростно стучат весла о воду. Тяжелый, глубоко осевший плот и не чувствует этих ударов. Движется медленно, покачиваясь на волнах.

И вот вздох облегчения. Бойцы на секунду подняли из воды весла: теперь можно и передохнуть. Трайнин подходит ко мне мокрый с ног до головы, но счастливый.

Плот вышел из зоны огня.

Мы у правого, обрывистого берега Днепра.

Плот ткнулся в прибрежный песок и остановился. Одного беглого взгляда на берег достаточно, чтобы прийти в ужас. Обрыв такой высокий, что нечего и думать вести танк на него. Выходит, мы сами, добровольно, забрались в ловушку. Об этом следовало подумать еще там, на левом берегу. Но Трайнин, кажется, не разделяет моего пессимизма.

— Эй, писатель! — крикнул он, даже не почувствовав, какая колкость звучит в его обращении.— Где по-

приличнее подъем наверх? Ты ж тут бывал, должен знать.

И, не дождавшись моего ответа, сам побежал по сырому песку, отыскивая дорогу.

Через минуту вернулся обрадованный:

— Нашел! Есть подъемчик, выберемся. Подкопать только малость надо.

Вскочил на плот, энергично стал отталкиваться шестом.

— Давай, ребятки, подналяжем. Ворота для нашей машины чуть правее.

Передал шест солдату, а сам уже открывал крышку люка.

— Петр Афанасьевич! — бросился я к нему.— Меня-то захвати с собой.

Казалось, Трайнин не расслышал моей просьбы. Он быстро спустился вниз, завел двигатель. Танк вздрогнул и медленно пополз с неустойчивого, вихляющего плота на твердую землю. Почувствовав под гусеницами надежную опору, Петр остановил машину, посадил экипаж, крикнул пехотинцам:

— Давай на броню!

Я тоже подбежал.

— Погоди,— придержал меня Трайнин.

Посмотрел, как усаживаются автоматчики, сочувственно сказал:

— Тебя, друг, не могу взять. Внутри — экипаж. Самим тесно. А снаружи автоматчиков надо посадить. Они же на плоту за гребцов были. Не могу их оставить. Еще не раз выручат. А у тебя задание другое...

Наверное, очень грустный у меня был вид, потому что Трайнин сжалился и посоветовал:

— Вон цепляйся к поварам. Там теплее, а при свете уголька, глядишь, что-нибудь да и напишешь.

Улыбнулся, наверное, в темноте и тронул машину. Такую своеобразную трайнинскую заботу я испытывал уже не раз. Петр старался, где это можно, удерживать меня от непосредственного участия в бою: не твоя это задача, говорил он. Каждый должен делать свое дело.

Я долго смотрел вслед железной громадине, увозившей от меня замечательного человека, верного товарища. Сказал больше уже для своего успокоения:

— Ни пуха тебе, ни пера, Афанасьич!

Проводив танкистов, я и впрямь направился разыскивать поваров. Но кухни уже нигде не было видно.

Повара тоже ушли куда-то вперед, где их ждали соскучившиеся по горячей пище бойцы, несколько дней жившие на сухом пайке.

Я хотел присесть где-нибудь тут же на берегу и, что называется, по горячим следам попытаться написать репортаж о переправе танкистов. Но нигде не увидел ни огонька. Заметил только впереди частые орудийные вспышки. Убедившись, что бьет наша противотанковая пушка, направился к артиллеристам. Было еще темно. Под ногами я ничего не видел и шел наугад. Неожиданно зацепился за провод. Остановился, чтобы разобраться, чья это связь: наша или оставшаяся от немцев. Держась за шнур, прошел метров десять по направлению к батарее и почувствовал, что провод за что-то зацепился. Нагнулся и увидел лежащего человека. Присев на корточки, нащупал погоны нашего связиста. На спине его чернела рана. Наверное, шел исправлять повреждение и погиб, не дойдя до цели. Решил вытащить из-под связиста провод, который, как я считал, он придавил своим телом. Но шнур не поддавался. Я рукой проследил до того места, где он был придавлен, и вздрогнул. Концы разорванного провода были намертво зажаты зубами погибшего. Убедившись, что повреждение связи исправлено надежно, хотя и очень дорогой ценой, я достал из кармана солдата документы, чтобы передать командиру. Встал и, сняв фуражку, мысленно поклялся не забыть героя. Все необходимые данные я записал себе в блокнот.

На позицию артиллерийского взвода прибыл, когда уже совсем рассвело. Гвардии старшина Агеев, глянув на мое удостоверение, кивком указал на окопчик: мол, залезай, там надежнее. Черные от усталости и пыли, с воспаленными глазами, бойцы напряженно смотрели на пригорок, из-за которого выползали фашистские танки.

— Один, два... пять... — считал Агеев жестким голосом, потом бросил считать и сам встал за орудие. Страха в его глазах я не заметил, не было и растерянности.

Высоко подняв голову и покусывая нижнюю губу, Агеев смотрел поверх щитка на врага. Этот совсем еще юный командир, казалось, принял очень важное для себя решение и теперь только ждал, когда можно провести его в жизнь. А танки двигались грозной, смертоносной силой, и, признаться, я пожалел, что у меня нет даже гранаты. Я совершенно беспомощен перед врагом.

В окопе осыпалась и содрогалась земля. Агеев стоял у пушки чуть пригнувшись, чтобы лучше видеть противника сквозь прицел.

Мне даже в окопе жутко стало. Внушаю себе мысль: это оттого, что безоружен, что не участвую лично в схватке с врагом. Там, у пушки, надежнее и об опасности думать некогда. На всякий случай прижимаюсь к стенке окопа...

Земля гудит под гусеницами. «Чего же он не стреляет?» И словно в ответ прогремел выстрел. Как удар бича. Осторожно выглядываю из окопа. Головной танк завертелся на месте и задымил. Остальные продолжали двигаться вперед. Агеев в упор расстрелял вторую машину. Навстречу третьему не успел развернуть пушку. Едва отскочил сам. Танк прошелся по орудию, вмял его в землю. Рядом разорвался снаряд. Наводчик соседнего орудия еще смог крикнуть: «Старшина, сюда!» — и упал смертельно раненный. Агеев наклонился над ним. И тут же бросился к пушке. Выстрела я не расслышал. Увидел лишь, как гитлеровский танк окутался чадным пламенем. На этот раз старшина реагировал молниеносно. Танк, пытавшийся зайти на пушку справа, получил пробоину. Нервы у фашистов не выдержали, они начали отходить...

Отерев рукавом почерневшей гимнастерки мокрый лоб, Агеев спрыгнул в окоп. Долго глядел вслед уходящему врагу, все так же по-мальчишески покусывая верхнюю губу.

— Товарищ капитан,— обратился он ко мне, с трудом разжимая пересохшие губы.— Водички нету?

«Как это я сам не догадался предложить!» — сетовал я, подавая тяжело дышавшему артиллеристу свою фляжку.

Взвод понес тяжелые потери. Но больше на этом направлении гитлеровцы атаковать не решились. Теперь в окопе Агеева я почувствовал себя в безопасности и решил заняться корреспондентскими делами. Предстояло написать и срочно послать в редакцию материалы о танкистах, о связисте и еще об этих отчаянных артиллеристах, свидетелем подвига которых мне довелось быть.

Петра Афанасьевича Трайнина я встретил только на третьи сутки. Правда, до этого справлялся о нем в политотделе 150-й танковой бригады. Мне рассказали, что его экипаж уничтожил восемь вражеских машин. Одна-

ко и танк Трайнина подбили. Его подкараулил стоявший в засаде «тигр» и начал расстреливать в упор. Это были критические минуты. Неминуемая гибель грозила всему экипажу. Но старшина, как всегда, не потерял самообладания. Он продолжал вести неравный бой и тогда, когда его танк был неподвижен, а командир и наводчик получили ранения. Прежде всего Трайнин эвакуировал раненых товарищей в безопасное место, а затем вернулся в танк и вместе с заряжающим продолжал вести огонь по гитлеровцам. Он подпускал их на близкое расстояние и расстреливал наверняка. Стрелял хладнокровно, уверенно и метко. Но вот тяжело ранен и заряжающий. Пришлось и его перетаскивать из танка в глубокую воронку от бомбы, оказывать ему первую медицинскую помощь.

И снова вел бой, пока машина не вспыхнула.

Трайнина выручило глубокое знание военного дела: он умел не только искусно водить танк, но и метко стрелять из орудия и пулемета, держать радиосвязь, командовать экипажем — это ему не раз приходилось делать в боях на Днепре.

Вспоминая бой, Петр Афанасьевич смущенно рассказывал:

— А что делать? Тот, кто остался жив, сражается до конца. И за себя, и за товарищей. Таков закон фронтового братства. Когда командира и наводчика тяжело ранило, я решил перенести их в безопасное место. Не оставлять же в танке, который стал мишенью для врага? А потом мы с заряжающим вернулись в машину. Гитлеровцы, полагая, что экипаж погиб, перестали стрелять по нашему танку. Ходовая часть его была повреждена, но пушка оказалась в порядке. Боезапас тоже был. Почему же не продолжать бой... Я сел к прицелу. Пригодились приобретенные навыки наводчика... Нам удалось тогда подбить еще несколько фашистских танков.

Потом Трайнину пришлось выбираться из загоревшейся машины и продолжать драться уже как пехотинцу.

И вдруг он увидел выходящую из боя задним ходом нашу тридцатьчетверку. В чем дело? Почему танк так странно отступает? Такого никогда еще не бывало. Тем более и отступать-то некуда: позади Днепр. Опытный глаз механика заметил, что машина движется несколько необычно, будто в ней нет водителя. Недолго

думая, Трайнин забрался внутрь танка и увидел, что все члены экипажа убиты. Освободив себе место за рычагами управления, Петр Афанасьевич остановил танк, вынес из него погибших товарищей, а потом повел грозную машину в бой. Вслед за ним поднялись пехотинцы. И наши подразделения снова продвинулись вперед.

Несколько дней спустя на имя командира танковой бригады пришла телеграмма от командующего фронтом генерала Н. Ф. Ватутина: Петру Афанасьевичу Трайнину было присвоено звание Героя Советского Союза.

Летом сорок третьего Петр Афанасьевич участвовал в знаменитом Прохоровском танковом сражении. Бои уже закончились, а Трайнин со своим искалеченным танком все еще находился на поле брани, приводил боевую машину в надлежащий порядок. Приводил своими силами, своими золотыми руками.

Пшеница уже выбросила колос, но лежала, втоптанная в землю тысячами солдатских сапог, вдавленная гусеницами танков, опаленная огнем. «И все-таки оно будет родить, это русское поле. Мы вернем его к жизни, согреем в своих ладонях, обласкаем трудом. Только бы скорее дойти до Победы...»

На этой израненной земле ему вспомнились двадцатые годы, когда на Хопре в Таловском районе была создана первая коммуна «Новый мир». Техники тогда никакой не было, кроме лобогрейки,— так именовали конную косилку, на которой работал Петр Трайнин. За это его прозвали механиком. Так и прилипло это слово к нему. В 1926 году ленинградские рабочие прислали воронежцам несколько тракторов марки «Ойль-Пулль». Один из них был выделен коммуне «Новый мир». Когда трактор, управляемый Иваном Федоровичем Тупикиным, появился на краю села, все бросились посмотреть на это чудо из чудес. Издали трактор был похож на огромного жука. Своей необычной для людского слуха трескотней он сильно пугал не только ребятишек, но и взрослых. Петра, однако, это не страшило. И когда диковинная машина вдруг заглохла, произошла такая сцена, о которой Трайнин много лет спустя поведал так.

«...Иван Федорович неторопливо слез с сиденья, развернул на голове кожаную кепку козырьком назад и уткнулся в хитросплетения трубок, проводов и шлангов.

Потом, оглянувшись через плечо, обвел нас, пацанов, оценивающим взглядом, спросил:

— А ну, кто мне поможет, ребята?

— А вот он. Он ведь у нас механик! — загалдели пацаны и стали выталкивать меня вперед.

— Ишь ты, меха-ник?! — не то с удивлением, не то с недоверием протянул тракторист.— Это за что же, паря, тебя так называют? Ну да ладно, иди сюда. Вставай вот так!

Тракторист уперся спиной в переднее колесо своей машины, а левой ногой — в заднее, взялся руками за рычаг, торчавший наклонно вверх из отверстия в огромном шкиве. Я подошел и сделал все так, как он велел.

— Молодец, механик! — похвалил меня Иван Федорович.— Теперь, как скажу, рвани эту рукоятку на себя что есть силы. Понял?

— А чего ж не понять. Рванем!

Тракторист уселся на сиденье, что-то покрутил перед собой и скомандовал:

— Давай!

Я рванул на себя рукоятку. И так сильно, что она легко вылетела из шкива, едва не покалечила ребят, облепивших машину. Сам же под дружный смех односельчан кубарем покатился по траве.

— Эх, механик! — махнул рукой тракторист. И посоветовал:— Ты не дрыгайся, не прыгай, как воробей. Просто тяни на себя и вниз. Давай повторим!

Он вставил рычаг на место. Я весь напружинился и дернул его еще раз. Тот — ни с места.

— Шибче тяни, шибче! И резче! Давай!

Я снова рванул рычаг. И произошло чудо: мотор весело и звонко зарокотал.

— Молодец, механик! — наклонившись к моему уху, прокричал тракторист.— Садись рядом со мной, прокачу!

И мы поехали...»

Петру так понравилась эта стальная машина, что он не отходил от нее ни на шаг. Став прицепщиком, с разрешения Ивана Федоровича не раз садился за руль. Закончив курсы трактористов, стал профессиональным механизатором. Сначала трудился на родной земле, а потом по призыву партии поехал в Среднюю Азию налаживать сельское хозяйство. Уезжал Петр Афанасьевич из воронежских краев, как было записано в договоре, на три года, но остался там навсегда. Построив дом,

он обрел там свою вторую родину. Оттуда, из Средней Азии, уходил на фронт. Стал, разумеется, танкистом.

Освобождал Трайнин Правобережную Украину, Киев, сражался за Польшу... В составе отдельной Краснознаменной орденов Суворова, Кутузова и Хмельницкого 150-й танковой бригады 18 мая 1945 года в Чехословакии он вел свою машину в последний бой.

После войны Петр Афанасьевич снял погоны и вернулся в совхоз на узбекской земле, где в 1926 году впервые сел на трактор. Теперь он возглавил бригаду механизаторов. Это был тот же фронт — боевой, тяжелый. Все приходилось начинать сначала, почти с нуля. Не хватало ни механизаторов, ни тракторов. Многое пришлось пережить бывшему фронтовику. В 1948 году за получение небывалых в тех местах урожаев его снова наградили — теперь Золотой медалью Героя Социалистического Труда.

Герои не умирают. Остаются в памяти народа их подвиги. Осталась для потомков замечательная, поучительная книга Трайнина «Солдатское поле», которую он успел написать, а Военное издательство в 1981 году выпустить в свет. Удивительно точно назвал ее автор. Ведь для него, потомственного земледельца, хлебное поле было главным источником жизни, силы и мужества в боях. Солдатское поле, мирный и ратный труд на нем служили путеводной звездой для русского сеятеля и хранителя.

Возвращаюсь в военные будни. В тот день, сдав в редакции материал в очередной номер, я с нетерпением начал просматривать последние номера газеты «За честь Родины», где должны были напечатать переданные мною корреспонденции. Вот первая — о переправе танков через Днепр. Вот — об артиллеристах. Даже о поварах напечатано. А о связисте нет. Но внимание мое привлек портрет и подпись под ним, сделанная на основе моей корреспонденции. Здесь всего лишь несколько слов о том, что смертельно раненный связист Сергей Васильев, не в силах соединить концы провода, зажал их зубами и тем самым дал командованию возможность по телефону корректировать огонь наших батарей.

С возмущением бегу к редактору. Неужели же о таком подвиге нельзя сообщить подробнее? Однако на ходу

читаю небольшое стихотворение, помещенное под портретом, и останавливаюсь. Стихи написал друг погибшего, которому я передал документы связиста. Здравый смысл побеждает: ну конечно же эти даже несовершенные стихи предпочтительнее моей корреспонденции!

...И он сказал по телефону:
— Точка.
Я к вам дойти, наверно,
Не смогу.
Черкните письмецо
Отцу, жене, сыночку,
Что я погиб
На правом берегу...—
Связной умолк.
Он, может, сам не знал,
Что этот провод
С битвой за Днепровье
Навеки имя воина
Связал.
Промчится время.
Будут песни лучше.
Я этот стих сложил
Взамен венка.
Его подхватит Днепр
И понесет, могучий,
И подвиг воина
Прославит на века.

Я окончательно успокоился. Редактор, как всегда, поступил правильно...

Сражение за Букринский плацдарм продолжалось днем и ночью. Вскоре я вновь переправился через Днепр. Теперь уже без всяких происшествий по хорошо налаженной понтонной переправе. Задание у меня было простое: регулярно высылать в газету из района боев заметки, корреспонденции и очерки о героях правобережья. Главным образом организовывать материалы от них самих.

ТАНКИСТЫ МЕНЯЮТ МАРШРУТ

Я еще надеялся повидаться с Трайниным и Агеевым, продолжить их боевую биографию. Но в середине октября фронтовые пути-дороги неожиданно увели меня совсем в другом направлении.

...До понтонного моста я добрался на попутной ма-

шине. Шофер взял здесь груз и уехал обратно. Мне же предстояло ждать, кто сможет перебросить меня через реку на плацдарм.

Уже стемнело, когда я подошел к переправе. Понтонный мост через Днепр действовал бесперебойно. Правда, гитлеровцы непрерывно обстреливали его, и саперам часто приходилось менять поврежденные понтоны. В основном движение шло в одну сторону — на запад. Туда двигались танки, самоходные орудия, машины с боеприпасами и продовольствием.

Я немало удивился, когда увидел шедший мне навстречу танк. За ним лязгала гусеницами вторая машина. Регулировщик заученным движением отмахнул им флажком направление. Я насчитал десять машин. Рота!

— Куда они? — поинтересовался у регулировщика.— В ремонт, что ли?

— Да нет,— ответил тот.— Вроде здоровые. В ПАРМ их брата тягачи волокут, вправо. А эти своим ходом идут и влево забирают. Но наше дело солдатское: отмашку дать в нужном направлении, и все. А кто и куда спешит, разве учтешь. Вот вы, товарищ капитан, который раз на правый берег перебираетесь. А потом обратно. Машину я вам останавливаю, а с какой целью вы туда-сюда словно челнок снуете, этого я не знаю. Спроси кто, не скажу.

Регулировщик остановил подходящую, на его взгляд, машину, я уселся в кузов и минут через пятнадцать был уже на плацдарме.

Своих знакомых — танкистов — я застал на месте, но за странным занятием. В укрытиях они наскоро сбивали фанерные танки. Накидывали на них маскировочные сети.

— Что случилось, ребята?

— Удваиваем свою огневую мощь,— шутили бойцы.— Видите: стоял тут один танк, а теперь два. Второй деревянный, но с воздуха разве разберешь. А Гитлер шибко нами интересуется: с утра до вечера его самолеты-разведчики над плацдармом висят. Правда, гоняют их наши. Но те стараются светлое время для фотосъемки предельно использовать.

Неподалеку стояли артиллеристы. И они удваивали, утраивали число пушек, затаскивая в капониры бревна, фанерные щитки, укрывая их маскировочными сетями. Командиры подразделений придирчиво проверяли качество маскировки.

Под утро рассредоточенно, одно за другим, танковые, артиллерийские и минометные подразделения снялись с занимаемых позиций и переправились на левый берег Днепра. На командных и наблюдательных пунктах остались лишь дежурные связисты, продолжая вести интенсивные переговоры.

На левобережье танки укрылись в лесу и простояли, не шелохнувшись, весь день. Я считал, что мне повезло. Люди были более или менее свободны, охотно вступали в беседу, рассказывали о форсировании Днепра и боях за Букринский плацдарм. Одно беспокоило: неясно, куда пойдет армия. Пытаюсь выяснить это у командиров. Тоже на знают: маршрут им объявляется только до промежуточного пункта.

Зашел на командный пункт армии. Но и там даже знакомые офицеры, те, у кого я постоянно получал информацию, ничего сказать не смогли. Начальник оперативного отдела сам допытывался у авиаторов:

— Как там, на плацдарме?

— Все в порядке,— отвечали ему.— Наши разведчики летали. Никаких перемен.

Все более или менее прояснилось, когда наступили сумерки. Соблюдая строжайшие меры маскировки, танкисты начали движение вдоль линии фронта на север.

«Значит, направление главного удара меняется,— про себя думал я.— Предстоят бои где-то севернее Киева». Начальник политотдела пригласил меня в свою машину.

— Пока знакомься с людьми,— сказал он.— Пополняй свое досье. В скором времени танкисты себя покажут.

Всю ночь мы тряслись по ухабам и кочкам. Но я не жалел об этом. Надеялся, что события, которые последуют за этим скрытым переходом, все окупят. К утру, преодолев за ночь более ста километров, подразделения армии достигли Десны и укрыли танки в лесу. Казалось, что они проведут здесь такой же день, что и накануне, и у меня будет возможность поговорить именно с теми, кого в период наступления днем с огнем не сыщешь. Но все сложилось по-иному. Первый же командир роты, к которому я обратился, извиняясь, сказал:

— Минуты свободной не выберу. И бойцы все в расходе. Давайте как-нибудь в другой раз. Или ночью. А сейчас день короткий, светлого времени в обрез.

Нам срочно машины готовить надо, а пакли подвезли мало, где-то добывать придется.

Слова эти удивили меня. Если готовить машины к ночному походу, то при чем тут пакля? Однако когда я вместе с командиром роты прошелся по расположению танкистов, то заметил, что они имели дело именно с паклей. Старательно заделывали паклей и ветошью, пропитанной солидолом, все отверстия и щели в танках. Выхлопные трубы удлиняли специально припасенными брезентовыми рукавами. Вскоре мне стало ясно, что танкисты готовятся к новому форсированию реки, на этот раз вброд. Танки пойдут под водой по дну реки.

Как говорят, нет худа без добра. Не удалось мне побеседовать с танкистами — героями недавних боев. Но зато я буду свидетелем первого в мире форсирования массами танков крупной водной преграды вброд, по дну реки. Можно сделать отличный репортаж. И я пошел разыскивать командующего 3-й гвардейской танковой армией генерала П. С. Рыбалко.

Разговор наш начался издалека. О подвигах танкистов на Букринском плацдарме, о новых Героях Советского Союза, появившихся в армии.

— Да,— с гордостью говорил Павел Семенович.— Героев у нас прибавилось. Но и то сказать: люди научились воевать. Теперь любая задача им по плечу. Вот готовим новинку. Думаем пустить не один танк, а целые бригады по дну реки под водой.

Я воспользовался хорошим настроением командарма, спросил:

— А можно об этом написать?

— Ни в коем случае! — нахмурился генерал. И добавил: — Ни звука.

Как я потом узнал, генерал очень встревожился не столько появлением корреспондента (журналистов в войсках любили), сколько моим настойчивым стремлением написать о новом, необычном форсировании водной преграды. Он даже обсуждал с начальником политотдела вопрос о том, как бы меня нейтрализовать. Но начальник политотдела успокоил его, сказал, что газетчики народ дисциплинированный и военную тайну хранить умеют.

Между тем экипажи усиленно колдовали у своих машин. Когда командиры подразделений доложили о готовности, решили испытать сначала один танк. Ма-

шина медленно вошла в реку, скрылась под водой. Потянулись минуты томительного ожидания и тревоги. Вскоре пушка, а затем и вся башня показалась над водой. Сердито урча, танк, сбрасывая с себя ил и воду, выполз на противоположный берег. Началось массовое форсирование реки. Им успешно руководили офицеры, передавая команды экипажам с помощью переговорных устройств.

Командарм Рыбалко молча выслушал доклады офицеров о ходе переправы. Он не отошел от реки до тех пор, пока не убедился, что все машины на том берегу. Тогда легко вскочил на броню своего танка, спустился в люк и сказал механику-водителю:

— Все, брат! Трогай!

И опять всю ночь механики-водители в кромешной тьме вели машины, пока не достигли Днепра. Небольшая передышка, и новое, четвертое по счету форсирование...

Так за двое суток подразделения, бригады и механизированные корпуса армии генерала П. С. Рыбалко оказались на Лютежском плацдарме, который находился севернее Киева, в районе населенных пунктов Старые и Новые Петровцы.

После того как наши передовые части, стремительно вырвавшись к Днепру, смело, не дожидаясь тяжелых понтонных средств, форсировали реку в районе Лютежа, началась, как и несколько дней раньше на Букрине, жестокая, упорная борьба за удержание и расширение плацдарма.

Гитлеровцы сосредоточили здесь довольно сильную группировку войск. Их оборона имела глубину до 14 километров и состояла из нескольких позиций, оборудованных густой сетью траншей, ходов сообщения, блиндажей и дотов. Все это дополнялось плотной системой огня, которая опиралась на заранее подготовленные огневые позиции артиллерии, минометов и пулеметов. И местность, изобилующую оврагами и высотками, противник искусно использовал для целей обороны.

Основная тяжесть борьбы на Лютежском плацдарме легла на войска 38-й армии, которой к тому времени командовал генерал К. С. Москаленко.

Двенадцатого октября редактор газеты вызвал меня и приказал отправиться в части этой армии. Перед отъездом он советовал, как лучше организовать работу на новом месте.

— Нас прежде всего интересуют те подразделения и отдельные бойцы,— говорил он,— которые проявляют смелость, воинское мастерство, высокий наступательный порыв. И обрати внимание на связь с редакцией. Самый гвоздевой материал ничего не будет стоить, если он опоздает.

В тот же день я прибыл на командный пункт 38-й армии. Меня принял член Военного совета генерал-майор Алексей Алексеевич Епишев, долго и обстоятельно беседовал со мной. Генерал, только что вернувшийся с Лютежского плацдарма, рассказал о сложившейся там обстановке, об особенностях боев на правом берегу, о наиболее отличившихся частях и подразделениях.

— А как вы думаете добраться на правый берег? — спросил он. И тут же распорядился, чтобы меня подключили к офицерам штаба, направляющимся на плацдарм в район села Старые Петровцы.

— В случае необходимости,— сказал он,— пользуйтесь нашими линиями связи. Присылайте корреспонденцию вместе с политдонесениями. А мы уж найдем возможность быстро переадресовать ее в редакцию.

Обстановка в районе Лютежского плацдарма во многом напоминала Букрин. Фашистская авиация ни на минуту не покидала воздушное пространство над Днепром, сбрасывая в реку и на ее окрестности сотни тонн смертоносного груза. Переправа подвергалась интенсивному артиллерийскому и минометному обстрелу. Однако, имея уже некоторый опыт боев на правобережье, я чувствовал себя здесь увереннее и смелее.

Офицер оперативного отдела штаба армии, с которым мы добирались на правый берег, рассказал мне, что боевые действия войск 38-й армии за расширение Лютежского плацдарма с каждым днем носят все более ожесточенный характер. Противник предпринимает отчаянные попытки сбросить советские подразделения в реку или хотя бы задержать их продвижение вперед.

Тяжелые, многодневные бои развернулись на подступах к населенному пункту Старые Петровцы. Гитлеровцы заранее подготовили этот рубеж к обороне. Они соорудили здесь своего рода двухъярусный эскарп. За ним в лесу тянулись блиндажи и пулеметные площадки, густая сеть траншей и ходов сообщения. Отсюда

враг имел возможность просматривать и держать под огнем все пространство, вплоть до реки.

— Брать Старые Петровцы в лоб невыгодно,— объяснил мне офицер штаба.— Это — лишние потери. Решили опробовать иной вариант. Против деревни осталось одно подразделение, остальные, прикрываясь ночной темнотой, пошли в обход.

Маневр принес успех. Советские воины бесшумно приблизились к позициям врага, затем с криком «ура» ворвались в его оборону, выбили фашистов из первой линии окопов и закрепились в них.

Подразделение офицера Поцыкайло, куда мы, переправившись через Днепр, добрались ночью, в жесточайшем бою овладело важной высотой и окраиной Старых Петровцев.

— Сейчас организуем круговую оборону,— докладывал Поцыкайло офицеру штаба.— Закрепляемся на занятых позициях. Вперед высланы наблюдатели. В кустах и складках местности организованы засады пулеметчиков и автоматчиков.

Вскоре под прикрытием артиллерийского и минометного огня гитлеровцы пошли в контратаку. Подразделение Поцыкайло не только успешно ее отразило, но и само продвинулось вперед, оседлав шоссейную дорогу, ведшую к Киеву. Опасаясь окружения, гитлеровцы поспешно отступили. Наши воины захватили пять исправных фашистских орудий со снарядами и тут же повернули их против врага.

Мне показалось, что теперь бой за Старые Петровцы выигран. Но на следующий день обстановка осложнилась. За ночь гитлеровцы подтянули свежие подразделения и ввели в действие танки, самоходные пушки, шестиствольные минометы.

До вечера не прекращалось ожесточенное сражение. Восемь контратак предпринял враг. Около ста вылетов совершили его самолеты, бомбя наши позиции. Но и этот бешеный напор советские воины выдержали.

Тут же поступил приказ атаковать вражеские позиции, полностью овладеть селом. Первыми ворвались в Старые Петровцы с юга и заняли центральную часть бойцы офицера Стратейчука. С севера гитлеровские позиции атаковали подразделения офицеров Ванина и Тихонова. Удар советских воинов был настолько решительным и неожиданным, что фашисты не смогли оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления. Свыше

трехсот гитлеровцев было уничтожено, многие пленены. Мы захватили склады с боеприпасами и другим военным имуществом.

Взятие села Старые Петровцы во многом улучшило положение наших частей, находившихся на правом берегу Днепра. Теперь появилась возможность более или менее свободно маневрировать. И как результат, вслед за взятием Старых Петровцев танкисты генерала Кравченко, воспользовавшись замешательством врага, перешли в решительную атаку и заняли другой его опорный пункт — Новые Петровцы.

Так шаг за шагом, ломая сопротивление противника, советские воины неудержимо шли вперед к Киеву.

...Подразделение старшего лейтенанта Околелова, в которое я попал от Поцыкайло, удерживало только что отбитую у врага высоту. Она господствовала над всей окружающей местностью, и гитлеровцы не могли примириться с ее потерей: пошли в контратаку. Пьяные, во весь рост бежали они к высоте. Подпустив их поближе, бойцы открыли огонь. Контратака врага захлебнулась.

Вскоре гитлеровцы повторили контратаку. Вместе с пехотой они бросили в бой несколько танков. Фашистское командование рассчитывало бронированными машинами сломить сопротивление горстки советских бойцов. Но и на этот раз их попытки вернуть высоту не увенчались успехом.

Снова на несколько часов стало тихо.

Вместе со старшим лейтенантом Околеловым, высоким, стройным и с виду медлительным человеком, мы осматривали окопы, проверяли, все ли люди на местах, подбадривали, советовали, как дальше действовать. Мы пристально всматривались в лица бойцов.

Вот Иван Вдовытченко. Скромный, тихий паренек. Никогда не повысит голоса. Худощавый и внешне слабосильный. Его окоп находился на западном скате высоты. Когда мы проходили мимо, Вдовытченко, отложив саперную лопату, деловито пересчитывал гранаты.

— Как жизнь, Иван? — спросил старший лейтенант.

— А что жизнь? Живу, как и все, жду лучшего,— опустив руки, ответил Вдовытченко.

Меня поразили его глаза — ясные, светлые, улыбающиеся. В них словно отразились и голубизна Днепра, и синь неба. Но в них и гнев, в них ярость, с которой

не раз смотрел Иван на черные кресты гитлеровских танков, уничтожая их всюду, где бы они не появлялись.

— Недавно его принимали в комсомол,— заметил Околелов, когда мы отошли.— Тоже отвечал вот так: живу, как все. А только я чувствую, что он не такой уж спокойный. Много силы скрыто в этом пареньке.

Услышав этот весьма лестный отзыв командира, я остался на огневой позиции. Захотелось посмотреть, как Иван Вдовытченко будет действовать в бою.

Вскоре началась очередная контратака гитлеровцев. На высоту выползали фашистские танки. Наши бронебойщики открыли по ним огонь. Стрелки начали бросать гранаты. И только Иван Вдовытченко почему-то медлил.

«Маловато наших,— невольно подумалось мне.— И как подавляюще велики угловатые бронированные громадины врага. И на беду, поблизости у нас нет артиллеристов».

А танки приближались.

Иван оглянулся на товарищей, как бы говоря им, что не подведет. Вот головной вражеский танк, вырвавшийся вперед, уже устремился к его неглубокому окопу. Наверное, сейчас взоры гитлеровских танкистов сосредоточились на своей ведущей машине. Они даже поотстали немного, словно для того, чтобы лучше видеть, как тяжелые гусеницы переднего танка начнут впрессовывать в песок русского солдата.

Заткнув за пояс несколько гранат, каким-то неуловимым движением дотронувшись до левого кармана гимнастерки, где хранился совсем недавно полученный комсомольский билет, Иван прыжком выскочил из окопа и рванулся навстречу вражеской машине.

Подумать только: человек и танк. Какие несравнимые величины! Танк — грозная, огнедышащая, движущаяся крепость. Пули ему нипочем и штык не страшен. Да и гранатой его не всегда возьмешь: с дальней дистанции не попадешь, а подпускать близко — опасно. Если даже и попадешь, то нет гарантии, что он будет подбит — не всякое место у него уязвимо. А какая в нем силища! Разве может сравниться с ним обыкновенный человек?

Но Вдовытченко, видно, думал о том, что обязательно надо одолеть это бронированное чудовище.

Они уже почти рядом: человек и танк!

Сейчас, сейчас он бросит гранату!

Почему же не бросает?

Почему медлит?!

Вот-вот стальная громадина обрушится на человека и раздавит его.

И вдруг все — и даже наши враги — замерли: человек со связкой гранат бросается под танк. Раздался оглушительный взрыв.

Когда черный дым начал рассеиваться, бойцы увидели, как уцелевшие вражеские танки стали поворачивать, спускаться со склона, уходить, гонимые предчувствием своей неминуемой гибели.

Если один смог такое, то сумеют и остальные!..

Я посмотрел на подошедшего ко мне старшего лейтенанта: он стоял во весь рост, бледный, суровый. Стоял, как у могилы друга, в крепкой руке мял свою пилотку.

Вскоре Ивану Вдовытченко было присвоено посмертно звание Героя Советского Союза.

Мстя за смерть своего однополчанина, бойцы, уцепившиеся за песчаный край, мужественно отбивали яростные атаки гитлеровцев. Враг не смог их ни выжечь огнем, ни уничтожить минами и снарядами, ни бомбами «юнкерсов».

Борьба шла за маленький клочок земли на правобережье, борьба напряженная, кровавая, борьба не на жизнь, а на смерть. И хотя гитлеровское командование подтягивало сюда новые части, хотя было видно простым глазом, как «тигры» и «фердинанды» ползут по лысым прибрежным высотам, готовясь к контрудару, никто не сомневался в том, что этот маленький клочок земли на правом берегу уже не будет отдан врагу.

В попытках вернуть утраченные рубежи гитлеровцы по-прежнему возлагали большие надежды на свои танки. Поэтому особая ответственность ложилась на наших артиллеристов, бронебойщиков, минеров-«охотников» (так их называли на правобережье), на истребителей танков.

Значительная роль в борьбе с танками врага принадлежала пехоте. Гранаты, бутылки с горючей жидкостью в руках отважного пехотинца — грозное оружие. Нужны только отвага и умение. И надо правильно выбрать позицию, глубже зарыться в землю, поуже рыть щели, поближе подпускать вражеские танки и наверняка разить их. Поначалу не все это, к сожалению, понимали. Поэтому из редакции постоянно напоминали:

побольше материала об отважных бронебойщиках, об истребителях танков, о пехотинцах, основное оружие которых в борьбе с танками — гранаты и бутылки с горючей смесью.

Несмотря на сложные условия, наши части успешно отбивали контратаки противника, день за днем решительно и планомерно продвигались вперед. Совинформбюро коротко сообщало о боях на этом участке. Но за каждой скупой фразой оперативной сводки скрывалась титаническая борьба героев Днепровской переправы. Местность здесь как бы специально была создана для испытания воинского искусства, стойкости, силы, ловкости и мужества советских воинов. Пески, озера и речки, болота и леса, высоты и овраги — все это приходилось с тяжелыми боями преодолевать советским воинам.

ВАЖНО, ЧТОБЫ В НОМЕР...

В те годы среди военных журналистов было популярным стихотворение о военном корреспонденте, особенно такие строки:

Жив ты или помер,
Важно, чтобы в номер
Материал успел ты передать...

Но даже в самые напряженные дни боев на Днепре газета получала материал не только от своих штатных корреспондентов. Редакция стремилась сама вызвать поток писем, печатала анкеты, вопросы. Это позволяло на конкретном материале широко показывать героику фронтовых будней, повседневно разъяснять основные требования, предъявляемые к защитникам Родины.

«Как ты выполняешь присягу?» — с таким вопросом в самый разгар Днепровской битвы обратилась газета к воинам в специальном письме, разосланном во все подразделения фронта.

«Как ты выполняешь присягу?» — необычный вопрос из редакции. Его задавала своим сыновьям сама Родина-мать. Отвечая на него, воин как бы вновь становился перед присягой, перед совестью своей и проверял себя: все ли он сделал для защиты Родины, все ли средства и возможности борьбы с врагом ис-

пользованы, что еще нужно сделать, чтобы скорее очистить родную землю от гитлеровцев?

Прошло несколько дней, и в ответ на обращение газеты стали поступать солдатские письма — преимущественно с правого берега, где, не утихая, шло великое сражение, где дрались отважные герои Днепра. В те дни все жили одной мыслью: скорее вперед — освободить Киев, Украину, всю советскую землю. И вчерашние тихие, несмелые парни становились бесстрашными воинами, совершали в бою чудеса героизма. О них из номера в номер рассказывала газета.

Мы, разъездные корреспонденты, возвращаясь с передовых позиций, привозили с собой статьи и заметки, сделанные по горячим следам событий, очевидцами и участниками которых были сами. В редакции требовали одного: чтобы в номер, чтобы быстрее.

Но не только о героях приходилось писать. В семье, говорят, не без урода. Встречались и в наших рядах порой жалкие трусы, клятвоотступники. Имя одного из них — Андрей Смирнов. Он сам прострелил себе кисть руки, чтобы уклониться от боя.

...Идет суд. Смирнов стоит перед строем своих вчерашних товарищей. Серое лицо его неподвижно, безжизненно, видимо, трусость и предательство отбирают право на жизнь, на ее радость. Не верилось, что эти остановившиеся, тусклые глаза были когда-то наполнены светом и улыбкой. Шинель, уже без погон, точно вдавлена в плечи: будто страх перед возмездием сплющил дрожащее тело. Казалось, что Андрея Смирнова и бойцов разделяет не обычное пространство земли, а пропасть презрения. И хотя, слушая суровый приговор, никто не шелохнулся, пропасть эта углублялась, становилась непреодолимой.

Андрей... Какое гордое имя!.. Сколько героев в истории России прославили его подвигами!

А сколько Смирновых носят на груди ордена и медали Родины!

Статья о клятвоотступнике Смирнове, напечатанная тогда во фронтовой газете, читалась и перечитывалась. Бойцы клеймили труса позором, рассказывали о своих товарищах, об их подвигах, о младших братьях, готовящихся пополнить ряды защитников Родины, о старших братьях — народных мстителях, о своих отцах и дедах, с честью носивших звание воина. Письма разворачивались в панораму всенародного мужества, в картину

стойкости, ставшей традицией, в величественную эпопею вековой борьбы за славу родного Отечества.

«Мне думалось,— писал молодой солдат Назмиев,— что пуля или снаряд для всех одинаковы. Тут уж ничто не поможет — ни храбрость, ни ловкость, ни опыт, ни мастерство. Но стоило побывать в одном лишь бою, как я увидел, что дело обстоит далеко не так... Вечером нас известили, что к утру будем наступать на деревню. Не скрою, чувствовал я себя неважно. Нет-нет да и пробежит дрожь по телу. И так всю ночь... Вот и рассвет. Вдруг меня вызывает комбат и говорит: «Связным будешь у меня. Главное в этом деле — быстрота и смелость. Тебе подойдет».

В одной из рот порвалась связь. Получил я первое боевое задание. Бегу. Всюду валяются убитые гитлеровцы. Некоторые еще стонут. Карабин у меня наготове. Гляжу, из-за кустика поднялся на колено фриц и наводит автомат. Как жаром дохнуло вдруг. Какое-то странное чувство овладело мною в этот миг. Я прыжком к кусту. «Стой! — кричу.— Бросай оружие!» Фашист от неожиданности так оторопел, что выронил из рук автомат. Привожу пленного в штаб. Командир говорит: «Молодец, «язык» мне очень нужен».

Это было первое боевое крещение молодого солдата. В тот же день Назмиев совершил новый подвиг. Когда гитлеровцы сильным огнем преградили путь нашей роте, он отправился в очередной «рейс» для выяснения обстановки. Плотно прижавшись к земле, полз вперед.

«Вижу, что-то чернеет и вокруг слегка пыль вздымается,— рассказывал далее в письме Назмиев.— Подползаю ближе — окоп. Немцы строчат из пулемета и автоматов. Расстояние до них небольшое, метров двадцать. Подымаюсь на колено и бросаю гранату. Как только раздался взрыв, я — к окопу. Граната попала удачно. Из четырех гитлеровцев в живых ни одного не осталось. Поворачиваю пулемет и кричу своим: «Вперед! Путь свободен!» В этом бою я понял: смелый и умелый всегда победит, потому что храброго немец боится и со страху бьет не целясь».

Так на обыденных примерах, простым языком газета доводила до сознания воинов ту мысль, что отвага и храбрость рождаются в бою, в повседневном, упорном воинском труде.

Мои соратники — журналисты — писали о героях

боев. Без волнения невозможно было читать о танкисте Кулагине, подорвавшем гранатой себя и набросившихся на него вражеских автоматчиков; о летчике Слабкове, направившем свой горящий самолет на груженный боеприпасами эшелон гитлеровцев; о славных делах капитана Мудрова, сбившего в воздушных боях лично двадцать четыре самолета противника и восемь — в группе с другими летчиками. Свои материалы мы, корреспонденты, посылали с нарочными, передавали их по телеграфу, торопились, чтобы они непременно попали в номер: ведь о том, что произошло сегодня, завтра солдаты прочитают в газете.

ПЕРЕД РЕШАЮЩИМ БРОСКОМ

История не знала битвы, по масштабам, смелости и стремительности равной сражению за Днепр. Чаще всего такие водные преграды преодолевались путем захвата мостов и переправ. Даже в первую мировую войну Днепр был форсирован немецкими войсками лишь на небольшом участке и в условиях отсутствия противодействия со стороны русских. В начале Великой Отечественной войны фашистская армия, используя временные преимущества своего вероломного нападения и перевес в технике, не столько форсировала, сколько обошла с северо-запада наиболее широкое среднее и нижнее течение Днепра.

Совершенно в иных и в несравненно больших масштабах приходилось преодолевать Днепр нашим воинам в сентябре и октябре 1943 года. Советская Армия форсировала эту реку на фронте протяженностью свыше 600 километров, и в ее наиболее широких многоводных местах — в районе Киева, Кременчуга, Днепропетровска. В руках врага к тому же находился возвышенный западный берег, который гитлеровское командование заранее и прочно укрепило.

Днепр был крупнейшим естественным оборонительным рубежом на всем театре советско-германского фронта от Балтийского до Черного моря. Недаром оборону на Днепре немцы называли «великим восточным валом» и были уверены, что здесь их отступление закончится, что больше они не сделают ни шагу назад: немецко-фашистским войскам был дан приказ любой ценой удержать правый берег Днепра.

Советские воины сорвали эти намерения врага. С неслыханным героизмом и мастерством они успешно форсировали Днепр, создали плацдармы на его западном берегу, расширили их и развили затем широкие наступательные операции на сотни километров в глубь Украины.

Впереди лежал Киев. К нему были обращены все помыслы советских воинов. К этому сводились все разговоры и дела солдат и офицеров.

Я в те дни исколесил вдоль и поперек Лютежский плацдарм, повидался и поговорил со многими героями битвы за правобережье, многих видел в бою. Но одного сержанта-бронебойщика, о котором ходили легенды, встретить не удавалось. И в тот день, как это часто случается, опоздал я самую малость.

— Вчера ранен,— сказали мне в роте.— Отправили в госпиталь.

Встреча эта была мне очень нужна, и, спросив разрешение редактора, я отправился во фронтовой госпиталь. Бронебойщика удалось найти и выяснить интересовавшие меня моменты его биографии, а также восстановить некоторые детали недавнего боя.

Особенность сражения на плацдарме в первый период состояла в том, что фашисты успели подвести танковые части. В наших же войсках танков почти не было. И вся тяжесть борьбы с бронированными полчищами врага падала на пехотинцев, на немногочисленную противотанковую артиллерию и бронебойщиков.

Отослав в редакцию очерк о сержанте-бронебойщике, я не устоял перед просьбой командования госпиталя остаться посмотреть концерт художественной самодеятельности.

Концерт давался силами постоянного состава госпиталя. Участвовали в нем и те из раненых, кто уже выздоравливал. Совсем еще молоденькая девушка-санитарка, волнуясь, читала стихи. Солидная женщина-врач спела «Синий платочек». Им аплодировали, на глазах у многих солдат я заметил слезы.

Затем, опираясь на костыли, вышел сержант из выздоравливающих.

— Я прочту вам,— сказал он,— новое стихотворение Демьяна Бедного «Седой наш Днепр».

Читал он ровно, спокойно, даже, как мне показалось, несколько будничто. Но именно от этого выразитель-

ность стиха непонятным образом усилилась. Может быть, способствовала этому злободневность его, прямая связь с тем, о чем думали, к чему стремились сейчас солдаты.

Седой наш Днепр нам не преграда
И не ограда для врага.
Для победителей отрада —
Очистить от гнилого смрада
Его святые берега!
Днепр — в новой силе, в новой славе —
В места, где вражеской ораве
Грозы смертельной не отвесть,
О богатырской переправе
Несет ликующую весть!
Отважно овладев стремниной
Родной прославленной реки,
Исполнены отваги львиной,
Правобережной Украиной
Идут советские полки!
То, взяв в охват простор раздольный,
Через леса и пустыри
Идут победно в город стольный
Былинные богатыри!

Когда сержант закончил чтение и прошел с импровизированной сцены в «зал», то есть попросту сел на свою койку, к нему обратился мой недавний собеседник — бронебойщик:

— Слушай, браток, где ты раздобыл эти стихи? Прямо за душу берут.

— Где? — удивился сержант.— Да ты, я вижу, отсталый человек. Газеты читать надо! Они в нашей фронтовой опубликованы.

— Браток,— попросил бронебойщик.— Будь другом, дай мне эти стихи. Я видел, они на бумажке у тебя переписаны. А меня на плацдарме фашист так прижимал к земле, не до газет было.

Бронебойщик спрятал бумажку со стихотворением под подушку, наклонился к сержанту:

— Всю жизнь удивляюсь, как поэты мысли наши угадывают. Вот ведь Демьян Бедный и на плацдарме не был, и в атаку с нами не ходил, а сказал все по-нашему, по-солдатски. Нет, я эти стихи сохраню. Я их еще бойцам на том берегу почитаю.

А концерт продолжался. Звучали песни русские и украинские. И пели их не первоклассные артисты, а девчонки в белоснежных халатах. Еще не привыкшая

к необычной роли солистки, смущаясь под благодарными взглядами бойцов, девушка-санитарка пела:

По-за Днепром
Весенний гром,
Широкие раскаты...
Цветет земля,
Лежат поля,
Холмы да перекаты.
Здесь ветер пел,
Огонь летел,
Металось в поле пламя.
И за рекой
Суровый бой
Гремел над берегами.

В песне этой чувствовалось дыхание Родины, виделись ее просторы. Она звала в бой, напоминала о пройденном пути. Об этой минуте мы мечтали давно. Еще в Прикаспии, в мертвых песках, засасывавших орудия по самый замок, виделась хлопцу-наводчику нарядная зелень милого приднепровского кургана, и, как живую, видел он ветку вербы, заботливо склонившуюся над орудийным стволом. Даже под огневым ливнем сапер, державший волжскую переправу, думал о том, что придется еще наводить мост на Днепре.

— Когда погоним фашистов с Украины...

— Если доведется быть в Киеве...

Разве не с этого начинались сокровенные солдатские разговоры за годы огромного напряжения и ожидания.

И вот пришло солдатское счастье — идти с боями по желанной земле Украины, гнать врага с родной земли. Уже освобождены Харьков, Сумы, Конотоп, Полтава. Уже преодолен Днепр — рубеж, казавшийся действительно неприступным.

Но нет препятствий для тех, кто видел сожженный Сталинград и Воронеж, Переяслав и Борисполь, сотни уничтоженных гитлеровцами городов и сел. Нет препятствий для тех, кто глядел в глаза осиротевшим ребятишкам, чуял сердцем тоску обездоленных матерей и овдовевших жен. Нет препятствий для тех, кто отстоял Москву и Ленинград, кто победил на Дону и Курской дуге. В огне боев были рождены сотни тысяч героев...

Только за подвиги на Днепре, в районе Киева, несколько сот бесстрашных воинов были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

В центральных газетах был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР. С лихорадочной поспешностью пробегаю его строчки, надеясь найти знакомые фамилии. Так и есть, предчувствие не обмануло меня. Конечно же наши славные ребята, те, о которых я писал с плацдарма, получили звание Героя. Как хочется разыскать сейчас Петра Трайнина, Ивана Семенова, Василия Сысолятина, сердечно поздравить их с высокой наградой Родины.

Столбики Указа для меня не простой перечень имен. Со многими из названных людей я встречался, многих видел в бою. Всего же за успешное форсирование Днепра высшей награды были удостоены около двух тысяч солдат, сержантов, офицеров и генералов. Десятки тысяч были награждены орденами и медалями Советского Союза. Эти цифры указывали на огромные масштабы боев.

Награды Родины вдохновили воинов фронта. Перед решающим броском на столицу Украины — Киев боевой дух солдат был высок, как никогда.

ДАЕШЬ КИЕВ!

Весь октябрь и первые дни ноября части и соединения 1-го Украинского фронта продолжали успешные бои. Удерживая и расширяя правобережные плацдармы, советские воины все дальше теснили врага от Днепра, метр за метром приближались к Киеву.

Надвигались решающие события. Это чувствовалось и по настроению бойцов. На башнях танков экипажи писали белой краской: «Даешь Киев!» Накануне, отправляя меня в войска, редактор наказывал:

— Не отставайте от движения частей, от узлов связи. Ждем оперативных сообщений о героях дня. Если удастся побывать в Киеве, передайте первое впечатление о встречах с киевлянами.

Я удивился:

— Товарищ полковник, как же мне в Киев попасть? Разве на самолете.

— На войне всякое бывает,— успокоил меня редактор.— Я на всякий случай и говорю. Чтобы знал, как поступить, если изменится обстановка.

Редактор, конечно, был информирован лучше меня. Но я тоже кое о чем догадывался и поспешил на

правый берег Днепра. В такие моменты лучше всего быть поближе к передовым частям: наверняка первым узнаешь о всех важнейших переменах на фронте.

На рассвете 3 ноября меня разбудил начальник политотдела дивизии, в штабе которой я остановился.

— Вставай, корреспондент,— тормошил он.— А то наши части в Киев войдут, а ты все спать будешь.

Я вскочил.

— Киев взяли? Когда? — А в голове пронеслась мысль: такой промашки редактор, конечно, мне не простит.

— Киев — точно. Не взяли еще,— улыбнулся полковник,— но скоро возьмем. Это уж наверняка.

Когда я немного успокоился, он рассказал, что получен приказ командующего фронтом о переходе в решительное наступление на Киев. В приказе подчеркивалась историческая миссия войск фронта, которым выпала великая честь освободить столицу Украины и спасти ее жителей от гнета фашистских оккупантов.

Собрался я быстро. Выпил кружку горячего чая. И вот с майором, заместителем командира батальона по политчасти, шагаю по глубокой траншее. Пробираемся мы в одну из правофланговых рот, только вчера выбившую фашистов со склона высотки и теперь закрепившуюся на отвоеванной позиции. Последние сто метров ползем, плотно прижимаясь к земле. Светлая дорожка трассирующих пуль почти приблизилась к нам, когда мы свалились в траншею.

— Здравствуйте, товарищи! — весело сказал майор сбившимся в кучку бойцам.— С праздником вас!

— До праздника еще четыре дня,— ответил один из бойцов. Он имел, конечно, в виду 7 ноября — 26-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции.

— Значит, об обращении Военного совета фронта еще не слышали,— заключил майор.— Сейчас я все вам расскажу. Сержант! — распорядился он.— Проверь, чтоб не ослабляли наблюдения за противником. И собери людей.

Майор рассказал об обращении Военного совета, в котором говорилось, что борьба за Киев является борьбой за Украину, борьбой за полный разгром фашистских захватчиков и изгнание из пределов советской земли. Командование призывало солдат и офицеров к тому, чтобы в бою не щадить ни сил, ни крови своей,

ни самой жизни, смело окружать и уничтожать врага.

«Боевые друзья! — читал майор строки обращения.— В боях с врагами вы показали величественные примеры отваги, мужества и героизма. Грудь многих из вас украшена орденами и медалями. Около тысячи бойцов, сержантов, офицеров и генералов нашего фронта удостоены высшего звания — Героя Советского Союза. Вы разгромили врага на Дону. Вы разбили фашистские дивизии под Белгородом. От Дона до Днепра вы победно прошли сквозь пламя и лишения войны. Вы героически форсировали Днепр и подошли к стенам великого Киева».

Военный совет призывал воинов «окружать вражеские войска, громить и брать их в плен. Тех, которые не сдаются, беспощадно уничтожать, всех до одного».

— Правильно! — отзывались бойцы.

— Верно! Хватит им топтать нашу землю!

— Выполним!

Искренне, от души сказано. Я и раньше не раз слышал такое перед боем и видел, как люди, сказавшие эти слова, становились в бою героями.

Решительный штурм вражеских укреплений, расположенных непосредственно у Киева, предстояло начать на рассвете 5 ноября при активном содействии авиации, танков, артиллерии и минометов.

Тревожно-радостной была та последняя ночь перед наступлением. Советские воины, не смыкая глаз, с болью в сердце, с надеждой и верой в победу обращали свой взор в сторону Киева.

Город горел. Все небо над ним было багровым от пожара. Гитлеровцы, чувствуя, что им не удержать Киева, решили превратить его в развалины, сжечь. Пламя над столицей Украины высоко поднималось в небо. В ночных сумерках виднелись очертания Софийского собора, силуэт Дома Украинского Советского правительства, прямые улицы столицы...

Части и соединения получили приказ ускорить подготовку к наступлению. Военный совет фронта в специальном обращении к войскам призывал поспешить на выручку киевлянам.

«Дорогие товарищи красноармейцы, сержанты и офицеры! — говорилось в обращении.— Большая честь выпала вам! Родина, советский народ требуют нанести сокрушительный удар по врагу, сломить оборону

противника, разгромить гитлеровских разбойников и освободить от фашистских захватчиков родной Киев.

Товарищи! Перед нами Киев — мать городов русских, колыбель нашей Родины. Здесь много веков тому назад зародилась наша могучая Русь. Здесь с оружием в руках отстаивали от врага свободу и независимость русского и украинского народов наши отцы и матери, наши деды и прадеды.

Веками рос, развивался и креп прекрасный Киев — центр политической и культурной жизни украинского народа — народа Богдана Хмельницкого и Тараса Шевченко. Фабриками и заводами, театрами и институтами, школами и садами украсился Киев за годы Советской власти.

И вот наш родной исторический город — столица Советской Украины более двух лет находится в кровавых лапах... Уже 25 месяцев фашистские разбойники издеваются, грабят и убивают мирных советских граждан, сжигают и уничтожают киевские фабрики и заводы, прекрасные здания и зеленые улицы, глумятся над памятниками и могилами борцов нашей священной земли.

Дрожь пробегает по телу, кровью обливается сердце, неугасимая ненависть горит в груди от этих злодеяний гитлеровцев. К героическим подвигам, к самоотверженности в бою призывает нас великий Киев.

К мужеству, к отваге и храбрости призывает нас многомиллионный советский народ.

Могучей, неодолимой лавиной идет наступление Советской Армии по всему фронту, от Балтийского до Черного моря. Уже освобождены города Мелитополь, Днепропетровск, Днепродзержинск, Смоленск, Невель. Ведутся успешные бои за Витебск, за Советскую Белоруссию, за Кривой Рог, за Каховку, за Перекоп, за Крым, за Одессу.

Освободим же и мы наш родной исторический город Киев от фашистских варваров и людоедов!»

К бою готовились обстоятельно. Командиры и политработники, коммунисты-агитаторы разъясняли бойцам поставленную задачу, рассказывали о противнике. Я был свидетелем многих таких бесед. Собрав в землянке бойцов взвода, агитатор — бывалый воин, коммунист — рассказывает об особенностях предстоящих боев. При наступлении на Киев придется прорывать глубоко эшелонированную оборону противника и ломать

сопротивление отборных гитлеровских войск. Тут главное действовать смело, решительно. В городе же помнить о гранате — малой артиллерии.

День и ночь артиллерийские разведчики изучали вражеские укрепления, вскрывали систему огня и вели пристрелку орудий по выявленным целям. В их действиях было немало поучительного, и естественно, командование рекомендовало мне побывать у артиллеристов. Я принял это предложение и впоследствии не раскаялся в своем решении. Пребывание у артиллеристов позволило мне познакомиться с очень интересным человеком, бесстрашным офицером — лейтенантом Афанасием Шилиным. Частично от него, а больше от его товарищей узнал я тогда о необычайном его подвиге, совершенном при форсировании Днепра.

...Темной ночью офицер Шилин, будучи начальником разведки артиллерийского подразделения, с несколькими наблюдателями и радистами поплыл на лодке вслед за пехотинцами через Днепр. Противник обнаружил подход десанта и открыл огонь. Разбитая снарядом лодка начала тонуть. Шилин приказал бойцам покинуть лодку и добираться до берега вплавь. Он плыл вместе со всеми. Прежде чем приступить к выполнению задач артиллериста-корректировщика, он в рядах пехотинцев штурмовал вражеские укрепления, отвоевывая плацдарм на правобережье Днепра.

Весь день шел ожесточенный бой. Советские стрелки вместе с переправившимися артиллеристами мужественно отбивали все наскоки гитлеровцев и удержали занятый рубеж. Вечером фашисты предприняли очередную контратаку. К этому времени Афанасий Шилин установил радиосвязь со своей батареей и передал первые сведения о противнике. Артиллеристы метким огнем накрыли группу гитлеровцев, накапливавшихся в лощине для новой контратаки. Но обнаружить удалось не все. Шилин напряженно всматривался в вечерние сумерки, выискивая вражеские цели. Вот новое скопление гитлеровцев. Тут же переданы по рации координаты. Противнику был нанесен немалый урон. Однако отдельные его группы проникли так близко к нашим позициям, что стрелять по ним стало опасно: можно поразить своих. Что делать? Оставить их в покое? Нет, этого допустить нельзя! Раздумывать долго не приходилось. Гитлеровцы вот-вот поднимутся в очередную контратаку и забросают наши окопы гранатами.

«Нет, нет и нет! — стучало в сознании Шилина.— Врага надо уничтожить во что бы то ни стало!» В этот критический момент Афанасий Шилин решительно вызывает огонь батареи на себя...

Несколько минут раздавались артиллерийские выстрелы, взрывы снарядов да бушевало пламя. Опасность нового гитлеровского штурма наших позиций, на которых находилась горстка солдат, была ликвидирована. Сам Шилин уцелел лишь чудом.

За этот подвиг Афанасию Петровичу Шилину было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

В горячие дни подготовки к переходу в наступление Шилин пропадал на переднем крае, в траншеях боевого охранения, выискивал и наносил на карту огневые точки врага.

Пока артиллеристы делали свое дело, саперы в буквальном смысле прощупывали каждый метр местности перед передним краем, где могли быть минные заграждения, готовили проходы для пехоты и танков.

Связисты еще раз проверяли радиостанции и проводные телефонные линии.

Танкисты дежурили у машин, ожидая сигнала к наступлению.

Поздним вечером связной привел меня в землянку к саперам. Солдаты пригласили поужинать вместе с ними.

Саперы — народ интересный, и мы проговорили далеко за полночь, не заметили, как время пролетело. А вскоре начали возвращаться бойцы, уходившие за передний край на разминирование.

— Ну как? — спросил сержант у бойца, черного то ли от загара, то ли от пыли, покрывшей лицо.— Тихо?

— Все в норме,— ответил тот.— Не ждут они нас тут. Смирно сидят.

— Вот корреспондент интересуется,— кивнул сержант на меня,— как ты работаешь? Как тебе удается перехитрить врага?

Боец строго взглянул на меня. Он снял шинель, и я увидел на гимнастерке орден Ленина и Золотую Звезду Героя.

— Как работаю? — переспросил он.— Обыкновенно. Сапер, говорят, ошибается один раз. Выходит, я пока не ошибался.

В землянку ввалился командир роты из соседней стрелковой части.

— Привет, братья-саперы! — улыбался он.— Пришел узнать, дорожки вы для нас сделали?

— Не пыли, пехота,— ответил сержант.— Проходы обозначены, как надо. К тому же проводников дадим. Одну группу сам поведу, другую — Володя.— И он кивнул на бойца, который пришел вместе с ним.— Вот закусим немного, и в путь. Хочу вашим на месте все показать.

Лейтенант поблагодарил саперов. От кружки горячего чая отказался.

— Так я вас ждать буду,— сказал он.— Не заплутаете?

— Нет. У сапера глаза как у кошки. По ночам чаще работаем.

Меня устраивал новый попутчик, и я решил вместе с лейтенантом перейти к стрелкам. Сначала шел за ним следом, ничего не разбирая в ночи. Потом глаза привыкли к темноте. Прыгнув в траншею, лейтенант шагал по ней, тихонько окликая бойцов:

— Прохоров? Ты? Все готово?

— Все, товарищ лейтенант.

Я заметил, что в траншее и в ячейках бойцы подготовили ступеньки, чтобы удобнее выскакивать наверх, когда дадут сигнал атаки.

— Товарищ лейтенант,— обратился к командиру роты пожилой скуластый боец с глубоко запавшими глазами на изрезанном морщинами лице,— как там, какие новости? Скоро ли фашиста из Киева вышибать будем?

— Теперь уже скоро,— ответил лейтенант.— На рассвете начнем.

— Я этого часа три года жду,— продолжал боец.— Семья там у меня под ворогом. Жинка и дочка малая. Олечка. Не знаю, живы ли? А если живы, то не побьет ли их вражина, пока мы тут собираемся? Слухи идут, что вешает, расстреливает, гадюка, киевлян, рушит город.

— Что ж слухи,— сказал лейтенант.— Слухи, конечно, всякие бывают. А нам и так видать — горит Киев.

— Вот и я говорю,— отозвался боец,— поспешать надо.

Подошел молодой высокий ефрейтор. Лица его не

разглядеть. Только глаза сверкают в полутьме. Голос басовитый, простуженный.

— Никогда я не был в Киеве,— вступил он в разговор.— А сейчас смотрю, сердце кровью обливается. Невинных людей вражина губит. Так и полетел бы на выручку.

— Скоро, скоро уже,— успокоил бойцов лейтенант.— Гранаты все получили?

— Это есть,— сказал пожилой боец.— С запалом.

Приближался рассвет. Вот-вот река возвестит о начале атаки. И тогда наши траншеи вмиг опустеют. Бойцы уйдут вперед. Пора и мне подумать о средстве передвижения. А то застряну в тылу и ничего не увижу, а значит, и ничего не напишу.

Командир роты, отлучившийся на минуту, вернулся с танкистом. Им оказался механик-водитель. Он пришел познакомиться с местностью, договориться о взаимодействии с пехотой. Танк его стоял в лощине неподалеку. Я отправился с танкистом. Вскоре связной привел меня в землянку к командиру 5-го гвардейского танкового корпуса генералу Кравченко.

С Андреем Григорьевичем Кравченко мы встречались еще в боях за Касторное зимой 1943 года, потом воевали на Курской дуге. Было приятно вновь увидеть старого знакомого. Он слыл командиром смелым и решительным. В корпусе, кажется, не было ни одного танкиста, который не знал бы Андрея Григорьевича в лицо. Не раз генерал вместе с ними лично принимал участие в прорыве вражеских укреплений, ходил в атаку, совершал дерзкие рейды по тылам противника.

Кравченко узнал меня сразу.

— А, корреспондент,— повернулся он ко мне всей своей мощной фигурой.— В самое время прибыл. Я думаю, основной разговор у нас будет после боя. А сейчас обеспечу тебя транспортом, чтобы ты не остался в обозе, когда наши двинут.

Генерал поручил офицеру штаба найти для меня место в одной из боевых машин. А сам, извинившись, вернулся к прерванному моим появлением разговору с начальником штаба. Всякий раз при встрече с Кравченко меня удивляла его огромная сила воли и убежденность в победе. В любой, даже самой сложной, обстановке он не терялся, спокойно оценивал положение, принимал обоснованные решения и стремился провести их в жизнь. Его суждения и советы всегда

выглядели убедительными. Так было на Курской дуге, при форсировании Днепра. Таким он выглядел и сейчас — перед решающим сражением за Киев!

Я спросил комкора, как он оценивает боевой дух солдат, их готовность к решительным действиям.

— Танкисты рвутся в бой,— сказал генерал.— Пепел сожженных гитлеровцами городов жжет им сердце. И как бы ни сопротивлялись фашисты, но и на этот раз им не устоять перед нашим напором.

Комкор и начальник штаба долго еще уточняли детали предстоящего сражения. Беспокоились о связи, об устойчивом взаимодействии с пехотинцами и артиллеристами.

Мы с офицером штаба стояли возле командирского танка. Едва брезжил рассвет. После гула артиллерийской канонады наступила минутная тишина. В небо взвилась ракета. Взревели моторы танков. Из-за леска донеслось дружное «ура».

— Пошли! — сказал офицер.— Пора и нам в путь.

Последние его слова потонули в грохоте взрывов. Стреляла наша артиллерия, били танки, дробно стучали автоматы. Наступление наших войск началось. Уже к восьми часам утра воины 167-й дважды Краснознаменной Сумской стрелковой дивизии, при поддержке танкистов 5-го гвардейского корпуса выбили противника из его опорных пунктов и овладели шоссейной магистралью. Успешно продвигались 180-я и 240-я стрелковые дивизии, которыми командовали генерал-майор Ф. П. Шмелев и полковник Т. Ф. Уманский. Их передовые подразделения все ближе подходили к столице Украины.

Старший лейтенант Ищеев с наблюдательного артиллерийского пункта осматривал поле боя, выбирая наиболее важные цели. Его внимание привлекло облако пыли, клубившееся у самого Днепра. Вскоре он различил и угловатые коробки танков. Контратака! Во фланг!

Десятки вражеских танков атаковали наши боевые порядки. Старший лейтенант Ищеев приказал выкатить орудия на открытую позицию. Ударили по врагу батареи старшего лейтенанта Новопашина и лейтенанта Стародубцева.

У орудия сержант Чуриков. Он волнуется только до первого выстрела. Ждать всегда томительно. Но вот выстрел, и фашистский танк задымил. Вторым снарядом

Чуриков подбил еще одну машину. Гитлеровцы попятились в лес и, разделившись на две группы, снова пошли в контратаку. Несколько танков двигались на огневые позиции, занятые батареей лейтенанта Стародубцева. Лейтенант сам стоял у орудия и первым выстрелом поджег неприятельский танк. Две машины уничтожили командир орудия сержант Бреев и наводчик рядовой Залевдинов. Четыре танка подбил сержант Сальников. В этом бою только на участке наших двух батарей противник потерял шестнадцать машин и вынужден был откатиться назад.

В полдень в окопчик к артиллеристам свалился запыхавшийся боец.

— Свежие газеты принес,— отдышавшись, объявил он.

Сальников развернул газету. Это был еще пахнущий типографской краской номер «За честь Родины». На первой полосе газета призывала: «В бой, товарищи! В бой, богатыри Днепра! Освободим Киев от фашистских захватчиков». В передовой статье «За Киев!» говорилось о бессмертных подвигах героев Москвы, Сталинграда, Воронежа, Курской дуги, Днепровской переправы. Теперь разгорался бой за Киев, за сердце Украины. Через древний Киев лежала дорога победы. Через Киев пронесут советские воины священное знамя свободы, знамя великого Ленина!

Узнав о событиях, разыгравшихся на левом фланге наступающих, я поспешил к артиллеристам. Хотелось поговорить с героями, узнать подробности боя, написать о них.

Ночь прошла беспокойно. Ухали взрывы бомб и снарядов, порой совсем рядом раздавалась тревожная дробь автоматов. Всю ночь гитлеровцы предпринимали яростные контратаки, стремясь нащупать слабые места в боевых порядках наших войск. К утру натиск противника усилился, атаки его участились.

...Едва успел рассеяться утренний туман, как на горизонте показалась большая группа вражеских танков. Артиллеристы моментально привели к бою орудия и терпеливо стали поджидать врага. Батарея гвардии лейтенанта Мухина первой на этом участке открыла огонь по фашистским танкам.

Вместе с командиром орудия гвардии сержантом Ереминым я сидел в небольшом окопчике на огневой позиции.

— Лезут, дьяволы! — зло сказал Еремин.— Пощады им не будет. Не для того мы освободили родную землю, чтобы вновь отдавать ее врагу на поругание.

Он рывком выскочил из окопчика, подбежал к орудию. Заряжающий подал снаряд. Выстрел. Снаряд угодил в танк, пытавшийся зайти на батарею с фланга. Машина закрутилась на месте. Этот уже отвоевался. Ясно: подбита гусеница.

Обнаружив нашу батарею, гитлеровцы открыли по ней огонь. Снаряды рвались на огневой позиции, черный дым застилал все вокруг, разъедал глаза, мешал прицельной стрельбе. Расчет сержанта Еремина не отходил от орудия. Едва успевали разворачивать пушку навстречу врагу. Норовили ударить в боковую броню. Это не всегда удавалось. Когда бой затих и уцелевшие фашистские танки уползли по лощине в ближайший лесок, гвардии сержант Еремин насчитал пять машин, подбитых только его расчетом.

Дорого обошлась фашистам их вылазка. Еще шесть вражеских танков сожгли в этом бою артиллеристы батареи, которой командовал гвардии младший лейтенант Сабодоха. Другая наша батарея во главе с гвардии лейтенантом Мухиным уничтожила 15 танков и до 150 гитлеровцев.

Из редакции я получил замечание: почему пишете только о танкистах и артиллеристах? Где воины других родов войск? Что делают пехотинцы, летчики? Это, конечно, моя промашка. Сам танкист, я не мог преодолеть в себе симпатии к этому роду войск. К тому же танкисты и действовали активно. А на артиллеристов в те дни пала основная тяжесть борьбы с вражескими танками. Так думал я, пытаясь как-то оправдать одностороннее освещение сражения. И, конечно, был не прав: каждый род войск выполнял свои функции. Стоило мне ознакомиться с политдонесениями, как я увидел новых героев среди пехотинцев, летчиков, связистов. Против танков мотострелки успешно применяли «карманную артиллерию» — гранаты, бутылки с горючей смесью. Авиаторы-штурмовики успешно бомбили пехоту и танки противника.

Все, казалось, идет по плану. Уверенный в успехе, смело шагаю в батальон, который, как мне сказали в штабе дивизии, занимает господствующие над местностью высотки. И вдруг встречаю отходящие войска. «Видно, перебрасывают часть сил на другой участок

фронта»,— подумал я. Но выскочивший из лесочка пожилой сержант остановил меня:

— Стой! Куда? Жить надоело? Впереди немцы! Ложись!

Оказалось, что противник, подтянув моторизованные и танковые дивизии, решил попытаться контратакой с юга, во фланг, смять наши боевые порядки. Ему удалось на узком участке создать большое численное превосходство и несколько потеснить нас. В образовавшуюся брешь гитлеровцы незамедлительно бросили пехоту и танки.

Вернувшись снова в штаб дивизии, я застал там знакомого мне офицера оперативного отдела штаба фронта. Он ввел меня в курс оперативной обстановки.

— Вот здесь,— пояснил он, тыча карандашом в карту,— противник вклинился в расположение наших войск. Сейчас готовится удар по флангам у основания этого клина. Думаю, что к утру положение улучшится. Инициатива снова перейдет к нам.

Прогноз офицера штаба оказался осторожным. Все произошло быстрее. Совместными усилиями танковые, артиллерийские и пехотные подразделения нанесли фашистам серьезное поражение и отбросили их на прежние позиции.

В последующие часы гитлеровцы еще несколько раз пытались контратаковать. Однако все их попытки сломить на этом участке упорство и стойкость советских воинов неизменно терпели поражение.

Офицер штаба фронта пригласил меня в свою машину, и мы поехали вслед за наступающими частями. Вскоре выскочили на дорогу. Стемнело. По шоссе с зажженными фарами шли танки. Машины с автоматчиками в кузовах тоже двигались при полном свете фар. Как выяснилось, двигались подразделения стрелковой дивизии, которой командовал генерал-майор Мельников, и танки из корпуса знакомого мне генерала Кравченко.

Я удивился: разве можно так демаскировать себя!

— Ничего,— ответил офицер штаба.— Пусть видят нашу силу. Скорее сдадутся.

И действительно, мощная ночная танковая атака подействовала на противника ошеломляюще. Боясь окружения, вражеский гарнизон Киева, раздробленный на части и лишенный централизованного управления, стал в панике разбегаться. Артиллерия ударила по

отходящим. Дороги на Белую Церковь и Житомир оказались забитыми исковерканной вражеской техникой.

Батальон выбил противника, вышел к шоссе. Майор Филиппов приказал обойти группу вражеских автоматчиков и пленить или уничтожить ее. Посланные бойцы вскоре вернулись. Они принесли с собой документы гитлеровских солдат, отказавшихся сдаться. Внимание командира батальона привлекли карточка-амулет и дневник, найденные в мундире одного из солдат. «Фриц Бах»,— прочитал он в солдатской книжке и спрятал ее в планшет. Вспомнил о ней, когда мы вечером встретились на командном пункте батальона.

— Вот посмотри,— сказал комбат,— что тут фашист записывал.

Я взял карточку-амулет. Прочел: «Счастье будет вам всегда сопутствовать и поможет подняться вверх. Вам суждена счастливая жизнь. Но сначала вы совершите большое путешествие, которое приведет вас в чужие страны. Там вы встретите вражду, но все преодолеете и благополучно вернетесь домой. Вы сохраните бодрость до глубокой старости и будете качать на коленях своих внуков».

Фриц Бах слепо поверил, что амулет принесет ему счастье, и отправился в разбойничий поход на Россию. В январе 1943 года он оказался под Воронежем. Он считал, что предсказания амулета оправдываются. Ведь там говорилось: «Вам суждена счастливая жизнь. Но сначала вы совершите большое путешествие, которое приведет вас в чужие страны...»

Вскоре, однако, для фашиста начались черные дни. Советская Армия разгромила под Воронежем несколько гитлеровских отборных дивизий. В дневнике Фрица Баха появляются краткие записи:

«21.1.43. Отступление от позиций северо-западнее Воронежа.

25.1.43. Тяжелые бои при отступлении.

28.1.43. Обморожение северо-западнее Воронежа».

Незадачливый гитлеровский вояка попал в лазарет, потом снова на «страшный» Восточный фронт:

«2.9.43. Отступление в Тутино.

7.9.43. Жестокий бой за деревню. Отступление.

12.9.43. Хоронили обер-лейтенанта Фукса. Ночью спаслись бегством с позиций. Сидим в дыре. Встать! Идем назад».

А дальше записи стали еще более лаконичными:
«13.9.43. Отступление.
14.9.43. Отступление.
16.9.43. Бежим.
18.9.43. Отступление.
22.9.43. Прибыли в Киев...»

Битый «путешественник» мечтал отдышаться и прийти в себя. Однако это фашисту не удалось. Советская Армия, к его ужасу, форсировала Днепр.

Четвертого октября Фриц Бах сделал свою последнюю запись: «Большой боевой день. Ранено и убито две трети...»

Запись оборвана на полуслове. Бандит из Франкфурта-на-Майне, как и многие тысячи других гитлеровских головорезов, нашел свою смерть под Киевом.

Я посоветовал майору Филиппову отправить карточку-амулет и дневник Фрица в политотдел дивизии. Там найдут возможность это использовать.

— Так и сделаю,— сказал майор.— А пока нас ждет лесной массив. Приказано прочесать его.

Бой в лесу потребовал от каждого командира и солдата исключительной маневренности и быстроты действий. В лесу, как известно, сектор наблюдения намного уменьшается. Здесь надо продвигаться осмотрительно, но без задержки, не давать врагу опомниться и закрепиться. Этого и требовал майор от командиров рот. Подразделение за полтора часа с боями преодолело расстояние в восемь километров.

Дальнейшее продвижение задержала группа гитлеровцев с танками и самоходными орудиями, которая прикрывала шоссейную дорогу. Майор Филиппов решил обойти противника и достигнуть опушки леса в районе озера, оставив фашистов у себя в тылу. Совершив этот сложный маневр, бойцы тут же организовали оборону и подготовились к решительному удару по гитлеровцам, занимавшим окраину города.

В это время батальон, возглавляемый капитаном Котельниковым, тоже вел бой с противником. Стремительными действиями его солдаты потеснили гитлеровцев на восток от наших боевых порядков и тем самым обеспечили связь своего подразделения с тылом полка.

Майор Филиппов по радио доносил, что выставил на открытые фланги автоматчиков и готов атаковать западную окраину Киева. Командир полка поставил батальону конкретную задачу — совместно с танками

и артиллерией выйти на Житомирское шоссе и преградить гитлеровцам пути отхода.

Стремительное продвижение наших войск под Киевом заставило нас, корреспондентов газеты, двигаться быстрее, чтобы не отстать от событий.

О высоких темпах нашего продвижения я написал в очередной корреспонденции, рассказал, как в районе населенного пункта Дегтярь фашистское командование бросило против одного нашего подразделения четыре зенитные батареи, а привести в действие не успело. Они были захвачены нами без единого выстрела. Противник в бою за Киев потерял в несколько раз больше живой силы и техники, чем наши войска. Только бойцы майора Филиппова захватили двенадцать зенитных и пять противотанковых пушек, несколько десятков пулеметов и много другого вооружения, не понеся при этом почти никаких потерь.

Закончив статью, я посчитал, что загладил свою вину перед редакцией: написал в основном о пехотинцах. Теперь предстояло позаботиться о том, как доставить материал в редакцию. К счастью, подвернулся связной-мотоциклист. Я разъяснил ему, в чем дело. Он охотно взялся выполнить мою просьбу, доставил статью в редакцию, и вскоре ее напечатали на первой странице фронтовой газеты.

Наиболее тяжелые бои за Киев развернулись на последнем оборонительном рубеже гитлеровцев Приорка — Пуща Водица. Они, по существу, и определили исход Киевской операции. На правом берегу среднего течения Днепра этот бой начали подразделения генерала Мельникова. При активном содействии танкистов генерала Рыбалко они обрушились на оборонительную линию врага, стремительным напором сломили его сопротивление и стали быстро продвигаться в южном направлении. Вскоре заняли опорный пункт Святошино, перерезав таким образом шоссейную дорогу Киев — Житомир. Это лишило гитлеровцев главной артерии, по которой они подбрасывали подкрепления гарнизону города и вывозили награбленное имущество.

И вот мы едем по местам недавних боев, видим сотни вражеских орудий, раздавленных нашими танками в лесу у Пущи Водицы. Десятки фашистских танков торчат обгорелыми остовами у Приорки и Святошина.

В образовавшийся прорыв устремились другие наши воинские части. Основные же силы дивизии в это время повернули на восток и повели наступление по шоссейной дороге непосредственно на Киев.

Гитлеровское командование все еще пыталось спасти катастрофическое положение и удержать за собой город. Оно перебросило из тыла две свежие дивизии — танковую и моторизованную. Однако и эта попытка закончилась крахом. Наши части упредили противника и, не дав ему возможности закрепиться на заранее подготовленных рубежах, разбили его на подступах к Киеву.

Вечером 5 ноября наши передовые подразделения ворвались в предместье Киева. Вместе с танкистами вступили в город и мы, корреспонденты фронтовой газеты.

Всю ночь шли ожесточенные бои в самом городе. Дом за домом, улицу за улицей очищали советские воины от гитлеровцев. Наступавшие с севера подразделения 38-й армии проникли в центр.

На угловом здании улицы Кирова и Крещатика один из бойцов мелом написал: «24.00. Первым вошел батальон Якушева. Да здравствует Советская Украина!»

В полночь группа автоматчиков во главе со старшиной Н. П. Андреевым пробилась к зданию, где до оккупации Киева гитлеровцами помещался Центральный Комитет Коммунистической партии Украины. Над домом взвилось красное знамя.

«Прорвавшись к центру города, на Крещатик,— вспоминал позже бывший командир взвода автоматчиков младший лейтенант Г. П. Саморуков,— мы в 24.00 вышли к угловому дому, у которого с фасада по обеим сторонам находились два льва. Бойцы стали делать надписи на стенах домов, на ограде и прямо на тротуаре. Сейчас трудно вспомнить, кто именно делал надписи, но мне запомнилось, что писал командир роты старший лейтенант Гуськов».

От танкистов узнал, что первым на Крещатик ворвался танк Никифора Шелуденко. Начинаю выяснять, кто такой Шелуденко, расспрашивать его друзей-однополчан.

Оказывается, на берега Днепра он пришел бывалым, закаленным воином. Его путь лежал через Дон, Сейм и Десну. Родом Шелуденко из села Лебедевка, что недалеко от районного центра Высшая Дубечня,

Это Украина. Знакомые и милые с детства места. В канун решающих боев за Киев он побывал в родном селе, встретился с матерью. Почти все село было сожжено фашистами, а имущество односельчан разграблено. Уничтожена школа, в которой Никифор учился. Куча пепла да головешек — все, что осталось от родительского дома. Престарелая мать ютилась в наскоро вырытой землянке. Во многих семьях от рук гитлеровцев погибли близкие.

С тяжелой думой и душевной болью покидал Шелуденко родное село: огонь священной мести жег его сердце, звал в бой. «Скорее в танк, за рычаги! Никакой пощады фашистским извергам!» — с такими чувствами, полный решимости и отваги, вернулся Шелуденко в танковую часть, которой выпала честь первой вступить в столицу Украины. И когда командир перед боем спросил, кто поведет головную машину, Шелуденко попросил:

— Разрешите мне! Я коммунист...

Сорок минут неумолчно била советская артиллерия, кромсая вражеские позиции, а потом в воздух поднялась армада краснозвездных самолетов. Вслед за ними на штурм вражеских укреплений пошли танки, в головном — Шелуденко. Представляю, что чувствовал в этот миг танкист. Сколько раз мальчишкой бывал Никифор на этой многолюдной и красивой улице. Сейчас ему хотелось приветствовать каждый дом, каждый камень. Но, как назло, дым, горький и густой, стоял перед смотровыми щелями танка. А гитлеровцы усиливают огонь. Откуда они бьют? Куда направить машину?

Шелуденко на мгновенье открыл люк и высунулся наружу.

— Вправо, полный! — скомандовал он механику-водителю. — Левее, огонь!

Гитлеровцы заметили отважного танкиста, ударили из автоматов. Шелуденко успел бросить две гранаты, но сам был сражен вражеской пулей.

Рота автоматчиков во главе со старшим лейтенантом Храповым шла к центру города со стороны Днепра. Почти бегом поднялись по широкой булыжной улице.

Вот и Крещатик. Улица загромождена разбитой вражеской техникой. Видно, как с противоположной стороны на нее вышли танки. Автоматчики укрылись, думая, что это противник. Когда танки подошли ближе,

Храпов узнал в них наши тридцатьчетверки. Свои! Автоматчики появились из укрытия. Открылись люки машин.

— Эй, хлопцы, чьи вы будете?

— От генерала Мельникова!

— А мы от Рыбалко!

Бойцы обнялись.

Когда я добрался до центра города, там было уже людно.

Через Киев проходили танки, которыми командовали генерал Рыбалко и Кравченко, за ними — неутомимые и вездесущие пехотинцы, саперы, связисты. Появилась артиллерия. По Крещатику, по бульвару Шевченко и Брест-Литовскому шоссе через весь город нескончаемой вереницей двигались советские войска.

...4 часа утра 6 ноября 1943 года. Столица Советской Украины очищена от фашистов, дивизии преследуют отходящего противника. Мы, журналисты, остаемся пока в Киеве. Надо успеть побывать хотя бы в центральных районах города, поговорить с киевлянами, подготовить праздничный выпуск газеты. Кстати, на другой день я долго искал ее свежий номер. Так и не попал он мне в руки.

Над городом звенела песня:

...Ведя наступленье, мы вышли за Киев,
И новый открыт горизонт.
И движет все дальше полки боевые
Наш Первый Украинский фронт.

Я спросил у одного бойца, чья это песня.

— Народная! — ответил он.

— И слова народные? — не унимался я.

Тогда боец сунул мне в руки газету:

— Вот возьмите. Тут все напечатано.

Это была наша «За честь Родины», та, которую я безуспешно искал с утра. И в ней — уже знакомая песня на слова Александра Безыменского и моя статья о боях за Киев.

Пора догонять войска. Они устремились к Житомиру, Виннице, к нашей западной границе.

Наступление продолжалось!

1969

РАССКАЗЫ

ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ

Прохоров Андрей попал на фронт в первую неделю войны. Встал он в то воскресное июньское утро, как обычно, рано и, захватив флажки, убранные в аккуратный парусиновый чехольчик, и видавший виды молоток с ручкой, отполированной мозолистыми пальцами, пошел вдоль рельсов на обход участка. В пять утра ежедневно через его разъезд проходил скорый поезд, и Андрей привык встречать его у переезда.

Прохоров уже приближался к переезду, когда прямо на него из леса вышел красавец лось. Всякой живности в лесу было пропасть, и увидеть здесь не доводилось разве что медведя. А белки, зайцы, кабаны встречались часто. За последнее время и лоси перестали бояться человека, подпускали к себе близко, а иногда, особенно в бескормные снежные зимы, выходили прямо к домику обходчика. Поэтому Прохоров и вся его семья на лосей насмотрелась. Но этот, что вышел по росе из лесу, был особенным. Такого красавца Андрею еще встречать не доводилось.

Лось твердо стоял на стройных, словно точеных, ногах, слегка откинувшись назад и подняв горделиво массивную с большими тяжелыми рогами голову. Глаза его с выражением любопытства смотрели на Андрея, и не было в них ни капельки привычного для обходчика в таких встречах испуга. Шерсть на его немного впалых боках и массивной гладкой спине лоснилась, будто была покрыта лаком. Во всей его позе, горделивой осанке чувствовалась сила, сознание своего

достоинства, привычка ничего не бояться и быть хозяином в лесу. И в самом деле, чего бояться лосю в наших лесах. Волков здесь давно нет, а он, Андрей, да и другие люди, что захаживали в эти забытые богом места, и ружей-то с собой никогда не имели.

И все же инстинкт самосохранения предупреждал лося о необходимости соблюдать предосторожность. Сознание своей силы и своего достоинства не позволяло ему скрыться в лесу. И в то же время опыт встречи с человеком подсказывал, что такие встречи не всегда безопасны. Поэтому лось ждал, и взгляд его от добродушного и нейтрального менялся к настороженному и гневному. Он надеялся, что человек признает его права на этот лес и все окружающее его и уйдет.

Андрей же не двигался с места, потому что был зачарован красавцем лосем. Ему хотелось смотреть и смотреть, продлевая удовольствие, подаренное ему природой в этот ранний час чистого июньского утра. Он старался не шевелиться, чтобы не спугнуть зверя, и в то же время жадно смотрел на него, переводя взгляд то на широкую костистую грудь, то на вздымающиеся при каждом вдохе бока. Глаза зверя и человека встретились, и Андрей увидел, что в глазах лося загорелся огонек нетерпения и злости. Стоявший до сих пор как вкопанный, лось подался всем корпусом вперед и нетерпеливо взбил землю передним копытом.

Прохоров понял, что пора отступить, и чуть-чуть приподнял ногу, намереваясь сделать шаг назад. Лось в тот же момент повернул голову, прислушиваясь к каким-то новым, только ему ведомым звукам. Откуда-то с запада попутным ветром донесло приглушенный расстоянием гул. Прохоров, словно завороженный поведением животного, тоже прислушался. Отдаленный, еле различимый гул повторился. Казалось, он не предвещал никакой беды. Это мог быть отдаленный гром или рокот самолетных моторов. Но лось почувствовал что-то необычное в этом звуке, какую-то затаенную угрозу, которая опасна уже тем, что ее сила и последствия неизвестны.

Взглянув еще раз на человека и поняв, что в данный момент с этой стороны ничто ему не угрожает, а надо уходить от другой, хотя и отдаленной, но более

ощутимой опасности, лось медленно, с достоинством повернулся и неторопливо пошел в чащу, оставляя за собой приметный след на росистой траве.

Андрей Прохоров проводил скорый поезд, держа в поднятой руке привычные желтые флажки.

В свой домик, притулившийся у опушки леса, Андрей вернулся, когда солнце уже поднялось над горизонтом и разогнало скопившийся за ночь в низине туман. У калитки встретила его жена Галина, спросила с улыбкой:

— Что припоздал сегодня? Завтрак второй раз подогреваю. Мы с Лешей не дождались тебя, уже поели.

Андрей шагнул во двор, сказал задумчиво:

— Понимаешь, у самого переезда такого красавца лося встретил, думал, глаз не оторву.

— Любишь ты на красоту заглядываться.

— На тебя да на природу заглядываться не грех.

Андрей степенно вошел в дом, не торопясь умылся холодной ключевой водой и снял с крючка у двери полотенце.

— Экий красавец лось, никак забыть не могу,— потирая крепкие жилистые руки, снова вспомнил он.— Царь наших лесов, прямо царь.

Он пододвинул стул и сел за стол. Галя устроилась напротив. Ей нравилось так сидеть и смотреть, как муж неторопливо ел, словно делал какую-то очень важную работу. За завтраком он обычно не разговаривал и в крайнем случае редко-редко бросал какое-нибудь короткое слово. Галя знала эту привычку мужа и тоже молчала.

Андрей Прохоров служил на этом отдаленном обходе уже около пятнадцати лет. Унаследовал он эту должность от отца, вступив в нее еще юношей. Потом женился, привез в дом, поставленный еще отцом, молодую жену. А теперь вот уже сыну Лешке одиннадцать лет.

Покончив с завтраком, Андрей вышел во двор. Он не любил сидеть без дела, тем более что дела в их небольшом, но требующем постоянных забот хозяйстве всегда находились.

Он достал из сарая колун и подошел к лежавшим на задворках огромной кучей напиленным, но не расколотым еще чурбакам. Поставив один чурбак на попа, Андрей занес колун над головой и с силой опустил

его вниз. Чурбак с хрустящим треском разлетелся пополам.

Работал Андрей с радостью, испытывая удовольствие оттого, что все поддается его силе, что дело спорится. Гора напиленных чурбаков постепенно таяла. Зато росла по другую сторону куча колотых дров, и, поглядывая на нее, Андрей с радостью думал, что зиму они с Галей и Лешкой будут жить в тепле.

Увлеченный работой и мыслями о том, что все у него ладится как нельзя лучше, Андрей не услышал, как с крылечка его позвала жена.

— Андрюша, что же это такое, беда-то какая!

Голос жены был до того необычным, тревожным и даже паническим, что, когда Андрей все-таки расслышал его, он тут же бросился к дому.

— Галя, что стряслось? С Лешкой что-нибудь? — спрашивал он, подбегая к крыльцу.

Галя выбежала ему навстречу и, наверное, упала бы, не подставь он свои сильные руки. Повисая на них, Галя кричала:

— Андрюша, война, война!

— Какая война? Что ты говоришь, Галя? — спрашивал Андрей, не понимая, что же случилось с его всегда спокойной и рассудительной женой.

— Война! Фашисты на нас войной пошли. Германия. Бомбили наши города, а потом пошли. Что же будет-то, Андрей? Как же так? Все мирно-мирно, и вдруг — война. Сейчас по радио Молотов выступал.

Радио было в семье Прохоровых почти единственным источником информации. Газеты приходили к ним с большим опозданием. Поэтому и сейчас он поспешил к радиоприемнику, чтобы лично узнать, что же такое стряслось за те полчаса, что он колол дрова. Услышал он только последние слова правительственного сообщения:

«Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Неожиданная весть выбила Андрея из привычной колеи, поломала все его планы.

— Галя,— сказал он, приподнимаясь,— где-то у меня вещмешок был. Помнишь, я еще с ним в прошлый год ходил в лес и на рыбалку?

— Вещмешок? — переспросила Галя, которая еще не пришла в себя после столь ошеломляющего известия.— А зачем он тебе?

Андрей обнял жену за плечи, тихо сказал:

— Ты ведь у меня понятливая, Галочка. Раз война, то надо собираться на войну.

Он подошел к висевшей у окна полочке и, порывшись, выложил на стол кисет, пачку махорки, зажигалку. Галя молча смотрела на эти его приготовления.

— Ты же еще прошлый год курить бросил,— сказала она.— Зачем тебе кисет и махорка?

Андрей глянул сочувственно на жену, помедлил, будто решая, говорить ей об этом или нет, и все же сказал:

— На фронте, Галочка, все пригодится.

— Ты что же, сейчас едешь? — спросила Галя.

— А чего ждать? — ответил Андрей.— Когда повестку пришлют? Так она до наших глухих мест месяц добираться будет.

Галя ничего не ответила. Может, просто боялась разреветься и поэтому сдерживала себя. Она сходила в сарай и принесла оттуда старый походный вещмешок, с которым хаживал в лес еще отец Андрея.

— Принеси-ка еще смену белья,— попросил муж, принимая из рук Гали вещмешок.— Да выведи буланого. Я сам запрягу. Леша-то где?

— С мальчишками из соседней деревни в лесу бегал,— ответила Галя.— Он и не знает еще ничего.

— Надо позвать,— сказал Андрей.— Он и отвезет меня. И буланого назад пригонит.

Лешка гонял с мальчишками мяч неподалеку и явился тотчас. Он влетел в комнату разгоряченный, и первый вопрос, как всегда, матери:

— Мамка, ну что еще? Никогда поиграть не дашь.

Мать подошла, склонившись, обхватила его руками, прижала к груди.

— Все, Лешенька, отыгрался,— сдерживая рыдания, сказала она.— Мало ли, много ли, а все. Отца вот провожать надо...

Лешка застеснялся такой материнской нежности, отстранился.

— Чего его провожать? — небрежно сказал он.— Один не доедет, что ли?

— Совсем провожать,— ответила тихо мать.— На войну, на фронт.

Мать снова нежно привлекла Лешку к себе.

— Не до шуток мне, сыночек,— сказала она.—

Фашисты на нас напали. По всей западной границе бои идут. Отец буланого пошел запрягать. Уезжает наш папка воевать против фашистов. По-настоящему воевать.

По мере того как говорила мать, сообщая страшную весть, лицо Лешки преображалось. Сначала сползла с него озорная улыбка, потом исчез веселый блеск в глазах. Губы сжались, брови сошлись на переносице.

— Как же так, мамка? — выдохнул он.

— Вот так,— сказала мать.— Иди помогай отцу. Проводишь его до пристани. Буланого назад пригонишь.

Дорогой они больше молчали. А если и говорили, то лишь о лесе, о природе, ее чарующей красоте.

Когда проезжали молодые посадки, отец сказал:

— Смотри, как подросли саженцы-то. За одно лето силу набрали. Через год, через два проредить их надо. Ну да я сам вернусь.

Лешка промолчал. Он по-хозяйски правил лошадью. Выехали на взгорье, и он деловито осведомился:

— Просекой поедем? — Степенно добавил: — Тут ближе. Сократим версту-две.

— Давай просекой,— согласился отец.

На повороте, раскинув широко ветки, стоял молодой клен.

— Гляди-ка, тятя,— сказал Лешка.— Взял клен свое. Года два-три тому назад ему лось верхушку объел. Я думал, погибнет кленик. А он, вишь, какую силу набрал. Как вымахал.

— Природа неодолима, Леша,— ответил отец.

За всю дорогу ни слова о войне, о расставании. Только когда уже подъехали к пристани, отец соскочил с телеги и подошел к Лешке, привязывающему буланого к коновязи.

— Что же, сынок,— сказал он,— пора нам с тобой расставаться. Помни, один ты остаешься из мужиков в доме. Помогай матери. Но школу не бросай. Тебе двенадцатый год пошел. Взрослый уже. За конем сам следи, чтобы матери облегчение было. Сена не успел я накосить. На дальних лугах только два стога сметал. По первому снежку вывезете. С остальным сами справляйтесь.

Лешка понимающе кивнул головой. Издалека по реке донесся гудок, а вскоре из-за поворота показался и пароход. Отец обнял Лешку, сказал:

— Ну, прощевай.

— Прощевай, тятя,— в тон ему ответил Лешка.

Он старался держаться посолиднее, чтобы не уронить своего достоинства перед другими пассажирами, садившимися на пароход и с сочувствием поглядывавшими на паренька, провожавшего отца. Провожавшего, как все уже знали, на войну.

Отец поднялся по сходням на пароход, и тот тронулся. Лешка стоял на берегу и махал отцу рукой до тех пор, пока пароход не растаял в белесой дымке тумана. Он повернулся и степенной походкой пошел к лошади. Подошел, обхватил руками лошадиную голову и прошептал:

— Что, буланый, одни мы с тобой остались.

И тут Лешка не выдержал и, прислонившись щекой к теплой ноздре буланого, тихо, без всхлипываний заплакал. Слезы текли по его обветренным щекам, и Лешка не старался вытирать их.

* * *

...Батальон, измотанный в многодневных боях, зацепившись за извилистый берег маленькой речушки, пытался удержать рубеж.

— Окопаться! — пронеслось по цепи.

Пулеметчик сержант Андрей Прохоров гулко ударил по мерзлой земле.

— Как камень,— сказал он напарнику Егору Ветлугину.

— Это только сверху ее схватило,— отозвался Егор.— А там мягче пойдет.

Андрей ударил второй раз, третий и начал работать зло и споро. Зазвенев, лопата отколола кусок земли. Вьюном подполз к ним измыкавшийся, исхудавший от страха солдат Зенон Крапивин, третий номер пулеметного расчета.

— Уходить надоть, ребятушки,— простонал он.— Разве за этот ручеек удержишься? Большие реки не спасали, а эта... Как начнут немцы снарядами молотить, все с землей смешают. А там что за гул, сзади? Слышите? Наверняка танки нас обходят...

Андрей Федорович побагровел.

— Ты замолчишь, сволочь? — гневно выдохнул он.— Сколько можно скулить?.. Муторно и без тебя...

— А я — что? Я как все... Может, немцы снова обошли уже,— лепетал Крапивин.— Мало ли они нас потрепали. Силища вон какая у них...

Андрей зло крикнул:

— Копай, говорят тебе, как приказано. Да живей. И нишу для боеприпасов. Все чтобы в полный профиль и надежно было. Остальное тебя не касается. На это командиры есть, ясно?

Зенон будто даже обрадовался грубому с ним обращению. Вытащив из чехла лопату, он начал нехотя долбить землю.

Призванного из запаса красноармейца Зенона Крапивина прислали в пулеметный расчет Прохорова неделю назад, когда ранило подносчика патронов Захара Семина — кадрового рабочего из Воронежа, смелого бойца, с которым они были вместе все первые месяцы войны. Семин обещал, подлечившись, вернуться в свою роту, но взводный все же пополнил расчет Крапивиным. Зенон начал портить Андрею нервы с самого первого дня. Едва открывала огонь вражеская артиллерия, как он забивался в щель, и вытащить его оттуда никто уже не мог, даже если пехота противника поднималась в атаку и пулемету позарез нужны были боеприпасы.

— Ленты! — не оборачиваясь назад, кричал в такой момент Андрей, шаря руками и ища, чем перезарядить пулемет.

Егор Ветлугин бежал за патронами, а Крапивин так до конца боя и не вылезал из щели. Когда огонь прекращался, Прохоров вытаскивал его оттуда за шиворот, ставил на ноги и спрашивал:

— Очумел ты, что ли, от страха? Или прикидываешься? Так мы тебя быстро научим понимать, где бог, а где порог...

— Братцы,— нудил Крапивин.— Силов моих нету этот ад переносить. Простите, братцы... Не могу больше...

Прохоров приказал Ветлугину смотреть за Крапивиным, чтобы тот не уклонялся от боя. Однажды Егор оставил его у пулемета, а сам стал подносить патроны. Бой был жестоким. Враг дважды врывался в наши траншеи, но, не выдержав штыкового удара, отходил, неся потери. Были потери и с нашей стороны. И немалые.

— Братцы! — снова вопил Зенон.— Сдаваться надо... Всех нас перебьют, как куропаток. А у немцев, может, еще живы останемся...

Прохоров не выдержал, выхватил пистолет.

— Замолчи, шкура! — крикнул он.— А то сейчас пристрелю. И до немца не дотянешь.

Зенон примолк и весь остаток дня зверем смотрел на Прохорова. Утром, когда позиции батальона обошли немецкие танки и роте пришлось немного отойти, Зенон куда-то исчез. То ли он остался в нише, когда фашисты захватили нашу траншею, то ли сам перебежал к ним, никто в суматохе боя не заметил — не до него было. Андрей даже обрадовался такому повороту дела.

— Черт с ним! — сказал он напарнику.— Не будет дергать нервы. Они и без того на пределе, как струны.

В полдень к ним пришел командир роты и приказал вернуть обратно захваченные врагом траншеи.

— Как только стемнеет, будет произведен огневой налет по позициям противника,— сказал он.— А потом будем атаковать, быстро и решительно.

Прохоров сидел в окопе, ждал сигнала. Вскоре, шипя, взвилась красная ракета. Артиллерийская батарея, что стояла справа за позицией батальона, открыла огонь. Небо прочертили белые огненные стрелы. Над окопами, занятыми противником, поднялось пламя, загремело.

— Что это? — спросил лежавший рядом Ветлугин.

— «Катюша»,— с гордостью ответил Андрей.— Теперь все окопы, считай, наши.

Тут же последовал сигнал к атаке. Сразу поднялась вся рота. Андрей из пулемета подавлял ожившие на правом фланге огневые точки противника. Он собирался уже сменить огневую позицию, как вдруг заметил слева контратакующую группу фашистских автоматчиков. Быстро развернув пулемет, ударил длинной очередью по цепи гитлеровцев. Она заколебалась и тут же улеглась на землю. Цепь эта еще жила, и Андрей видел, как она шевелилась там и тут: гитлеровцы вскакивали и бежали в атаку, едва ослабевал наш огонь. Пулемет Прохорова был сейчас единственным препятствием на пути врага к цели. Если фашисты прорвутся здесь, они сомнут всю нашу оборону.

Прохоров чувствовал, что противник обходит позиции роты. Автоматные очереди слышались уже в тылу. Но даже оглянуться было нельзя, потому что все внимание приковано к зеленой, извивающейся на взгорье цепочке вражеских солдат. Он только крикнул своему напарнику:

— Смотри с тылу! Гранатами их!

Вскоре позади себя он услышал разрывы гранат и понял, что Егор действует, что враг и с этой стороны встречает отпор. И Андрей с большей злостью нажал на гашетку пулемета:

— Не пройдешь, гадина! Мы — русские!..

Прохоров опасался теперь, что его огневую позицию засекут вражеские артиллеристы или минометчики и тогда придется туго. Менять же свое место было опасно: они не могли уйти с этого небольшого, изодранного снарядами клочка земли, ибо от того, сколько времени продержатся пулеметчики здесь, отражая врага, зависела жизнь всей роты, а может быть, и всего полка.

Вот завыл снаряд и разорвался позади огневой позиции пулеметчиков, и горячая волна будто сплюснула их. Но думать об опасности было некогда. Андрей успел перезарядить пулемет и обрадовался, когда тот вновь застучал, прижимая к земле поднявшихся было гитлеровцев.

Густо начали рваться вражеские мины. «Засекли,— подумал Андрей и тут же успокоил себя: — Ничего, не каждая ведь в цель попадает».

Он уже привык к запаху горящего тола, и то, что запах этот стал резче, вовсе не смутило его. На то и бой. Но вдруг резкая боль пронзила мякоть правой ноги. Андрей даже вскрикнул и повалился на бок.

— Что ты, ранен? — придвинулся к нему заряжающий.

Но Прохоров уже справился с болью и вновь прильнул к пулемету.

— Ничего... Давай новую ленту. Больше огня — в этом спасение.

Он вел бой, и ничего другого для него не существовало. Он слышал гулкое «ура!», видел, как наши бойцы ворвались в траншеи и выкуривали гитлеровцев оттуда. Он не знал еще об успехе атаки, но уже догадывался, что все идет хорошо, потому что видел, как

прижатые его огнем к земле гитлеровцы начали отползать назад. Отползала уже не змея, а отдельные ее куски. Другие же так и остались лежать на земле, пришитые его огнем.

Бой стал понемногу затихать. Гитлеровцы отошли. Наши бойцы, заняв отбитые у врага траншеи, приводили в порядок ячейки, пулеметные гнезда. Андрей со своим отделением тоже приводил в порядок отведенный ему командиром взвода участок. Он с удовлетворением оглядел своих бойцов.

— Все целы! А ты, Крапивин, паниковал,— упрекнул он встретившегося ему Зенона.— Вон какой бой провели, врага побили и сами уцелели. Когда дружно действуешь, не так страшно. Кстати, где ты пропадал? В бою не видел тебя.

Крапивин стал длинно и путано объяснять: мол, выполнял распоряжение командира, попал сначала под артобстрел, потом под бомбежку и не успел к началу боя. Андрей слушал, слушал, ничего не понял, махнул рукой и, прихрамывая, пошел к медсестре.

* * *

Оставив Егора Ветлугина дежурить у пулемета, Андрей сел на дно траншеи, кряхтя снял сапог и засучил штанину. Осколок мины прорвал кожу, но глубоко не ушел. Тут же, наверное, отлетел в сторону. Андрей поискал его, потряс даже сапог, нет ли там осколка.

— Вот, каналья, наделал беды и улетел.

Он разорвал индивидуальный пакет, взятый у медсестры, и стал перевязывать рану. Закрепив бинт, спустил поверх него штанину, натянул сапог.

В траншею спрыгнул командир взвода.

— Как у вас тут, все целы?

— Целы,— ответил Прохоров.— Вот гранат бы побольше подбросили. Сдается, немец опять попрет.

— Будут гранаты, патроны и пулеметные ленты. Подвезли и бутылки с горючей смесью. Против танков. Все это надо срочно получить у старшины.

— Хорошо,— сказал Андрей.— Надо запастись. Танков у немца хватает, без работы не будем.

Он отрядил Ветлугина с Крапивиным за боеприпасами, а сам с командиром взвода стал уяснять задачу отделения, уточнять ориентиры.

— Надо ждать атаки,— сказал командир взвода.— Если не сейчас, то утром наверняка.

Противник, однако, не пошел в атаку ни вечером, ни на другой день. Но танки его урчали слева и справа от позиций, занятых батальоном. И снова запаниковал Зенон Крапивин.

— Окружены мы, братцы,— переходя от одного бойца к другому, вполголоса нашептывал он.— Вот те крест, окружены. Хана теперь нам. Всем каюк. Советовал ведь: отходить надоть. Упустили время, не послушались. Вот теперь расхлебывайте...

Андрей выходил из себя: будь его воля — пристрелил бы мерзавца. На этот раз не выдержал и Егор: схватил Зенона за ворот гимнастерки и встряхнул что было сил.

— А ну встань! Ты что, от природы трус или прикидываешься?

— От природы, от природы,— вопил Зенон.— Пусти, пошутить уж нельзя.

— За такие шутки пуля полагается,— зло проговорил Андрей.

— Да я что, я как все,— оправдывался паникер.

Гитлеровцы действительно вышли на тылы батальона и одновременно начали наседать с фронта. За день батальон отбил несколько атак. Ночь прошла в тревогах. Подсчитав оставшиеся боеприпасы, Прохоров заключил:

— И на полдня боя не хватит. Гранаты попусту не расходовать. Бутылки с горючей смесью бросать только в упор по танкам. Чтоб наверняка.

С утра атаки противника возобновились. И тут обнаружилось, что Зенон снова исчез.

— Ночью я оставил его в блиндаже,— уверял Ветлугин.— Говорил, что живот у него схватило. Мол, страшные боли.

— Живот, живот,— возмутился Андрей.— Обманул он тебя. Сослался на живот, а сам к немцам подался. Это уж точно — давно собирался. Шкурник он, а не боец.

— Ничего,— отозвался Егор.— Без него даже спокойнее будет. А то враг будто за спиной.

— Он враг и есть,— заключил Андрей.— Теперь это ясно.

Ухнул поблизости снаряд, за ним другой, третий...

— Держись, Егор,— предупредил Прохоров.— Сейчас пойдут.

Он лег за пулемет. Фашистская пехота, следуя

вплотную за разрывами снарядов, поднялась из своих окопов. Прохоровский пулемет остановил ее. Пехота залегла. Но едва пулемет замолчал, как гитлеровцы поднялись снова. Андрей опять прижал их к земле. Он стрелял экономно, короткими очередями, так как знал: патронов хватит на час-два хорошего боя.

Этот свой самый тяжелый бой он потом вспоминал часто. Придирчиво перебирал каждую его минуту и приходил к выводу: провел его достойно, ни в чем не погрешил против совести. Хотя, конечно, если взглянуть со стороны... Немцы заняли господствующие высоты и продвинулись вперед. Но и наш батальон, если говорить по большому счету, тоже не был побежден, не оставил своих позиций. Он просто весь иссяк, израсходовался в бою, как расходуются снаряды, патроны, мины. Почти все его бойцы полегли на поле боя. Но не меньше, а даже наверняка больше потеряли на этих высотах и немцы. Позже, под Сталинградом, именно этого батальона, а может быть, и целого полка не хватало врагу, чтобы с ходу взять крепость на Волге: из-за этой нехватки гитлеровцы вынуждены были остановиться, перейти к осаде города, а потом и вовсе были отброшены от стен города-героя. Но это было потом. А сейчас всюду шли тяжелые, кровопролитные бои. И все они, в сущности, были боями за Сталинград.

...Первую атаку рота отбила сравнительно легко. И Прохоров сказал тогда убежденно:

— Ничего, выдержим. Мы — народ закаленный.

Думал, вот-вот подвезут боеприпасы и тогда уж, конечно, будет веселее. Но он не знал того, что знал уже командир дивизии: боеприпасов больше не подвезут. Немцы глубоко обошли дивизию и вышли в ее тылы. Нельзя было ждать не только боеприпасов, но и никаких других подкреплений. Приходилось рассчитывать только на свои силы.

Вскоре боеприпасы кончились и пулемет смолк. Андрей лихорадочно перебирал пустые пулеметные ленты. Отбрасывал их в сторону, чтобы не мешали. Обшарил все коробки. Ничего, к сожалению, не обнаружил. А враг наступал.

— Приготовить гранаты! — В голосе Андрея и в этой, казалось, безвыходной обстановке не было обреченности.

Пулеметчики бросали гранаты одновременно. Получалось что-то вроде артиллерийского залпа. Из двух десятков вражеских солдат, которые устремились на них, добежал только один. Словно в беспамятстве спрыгнул он в траншею и, как затравленный зверь, бросился на Егора Ветлугина. Андрей, однако, успел остановить фашиста, навсегда уложил его в готовую могилу.

...Перегорела вечерняя заря, а вслед за ней затихло и поле боя. Рано утром, на восходе солнца, из леса на нейтральную полосу неожиданно вышел лось. Увидев крупного рогатого самца, Андрей на несколько секунд закрыл глаза. «Чудится, что ли,— подумал он.— Это от усталости, наверное. Шутка ли, без сна, без отдыха который день...» Но, когда открыл глаза, лось стоял все на том же месте.

— Фу ты, черт,— выругался Андрей.— Думал, мерещится...

— Ты о чем это? — поинтересовался Егор Ветлугин.

— Да взгляни ты, протри зенки-то! Видишь, лось стоит...

— И то правда,— пробормотал Егор.

Будто услышав их разговор, лось повернул голову, посмотрел на окопы, на торчавшие из них дула винтовок и стволы пулеметов и медленно, все еще прислушиваясь, пошел вдоль переднего края.

И вдруг тишину разорвали выстрелы: немцы открыли огонь.

— По лосю бьют,— забеспокоился Андрей.— Ясно, по нему. Надо же!

Вспышки выстрелов появлялись все чаще и чаще. Лось, почувствовав недоброе, метнулся в сторону и побежал вдоль линии окопов. Егор припал к пулемету: за ночь он насобирал несколько пулеметных лент.

— Ты что? — в недоумении спросил его Андрей.— Не стреляй! Как ты смеешь?

— Да я по гадам, по фашистам! — обернулся Ветлугин.

Егор выбирал цели по вспышкам выстрелов. Пулемет его бил короткими очередями, заставлял умолкать то одну, то другую огневые точки противника. Андрей тем временем не отрываясь следил за лосем.

— Скорее, дурень, скорее,— подбадривал он его.—

На нашу сторону жми. Здесь безопаснее. Давай сюда...

Но лось все продолжал бежать вдоль окопов по нейтральной полосе. Еще немного — и он вот-вот скроется из виду. И вдруг, словно споткнувшись, упал.

— Убили, сволочи! — выкрикнул в гневе Андрей.— Изверги! Хлещи их, Егор! Стреляй гадов!

Лось вдруг приподнял голову и рывком встал на три ноги. Переднюю ногу, перебитую, он поджимал под себя. Теперь он повернул в сторону наших окопов и в несколько прыжков скрылся в лесной чаще.

— Ушел,— облегченно вздохнул Андрей.— Только как же он, раненный? Не выживет...

Бой, начатый из-за лося, с каждой минутой становился все жарче. Припасенные за ночь патроны подходили к концу. Не надолго хватило и гранат. Из наших окопов все реже и реже раздавались винтовочные выстрелы. Не густо летели в сторону врага и гранаты.

Теперь гитлеровцы бросали гранаты в нашу сторону. Упал, раненный, Егор Ветлугин. С винтовкой наперевес Прохоров поднялся навстречу врагу. Он успел заколоть огромного верзилу, и тот рухнул ему под ноги. Андрей рванулся было вперед, но очередь из автомата сбила его. Он смутно помнил, что произошло дальше. Кажется, все же приподнялся, пополз, сжимая винтовку в руке. Но тут же последовал удар по голове. В глазах все померкло...

Сколько лежал без сознания — он не знал. Потом услышал стон и понял, что пришел в себя. Открыл глаза, но ничего не увидел. Подумал, что ослеп, и ужаснулся. Рядом скрипнула дверь, и огонек фонарика высветил несколько неподвижно лежавших на земле тел. Значит, просто ночь. Фонарик погас, послышался удар упавшего тела. Андрей понял, что поступил новый пленный. Значит, он схвачен врагом. Вскоре кто-то подполз к нему и тронул за руку.

— Андрей Федорович! Это я, Егор Ветлугин.

— Где мы?

— В каком-то сарае. Закрыты...

Прохоров приподнялся и, прислонившись к стене, сел.

— Бежать надо,— сказал он.

— А вы-то как? Двигаться можете?

— Надо двигаться. Попробую...

Опираясь на плечо друга, Прохоров встал; сразу

ощутив боль, стиснул зубы. «Ничего, сейчас пройдет,— успокаивал он себя.— Пока темно, надо уходить».

В сарае нашлось еще несколько бойцов, которые могли ходить. Сговорились быстро. Поддерживая ослабевших, шесть человек выбрались во двор и огородами устремились к лесу.

На рассвете они перешли речку.

— Это очень важно,— заметил Ветлугин, все время поддерживавший Прохорова.— Если с собаками будут гнаться, не сразу след возьмут.

Лес надежно укрыл их, и они остановились, чтобы передохнуть, перевязать раны. У них не было ни перевязочных материалов, ни еды. Егор, к счастью, отыскал родничок. Кто-то надергал корешков пожухлой травы, уверяя, что они съедобные. Разделили поровну, пожевали. Потом Ветлугин собрал несколько сосновых шишек. Из них извлекли семена и тоже съели.

Позавтракав таким образом, решили двигаться дальше.

По дороге к ним пристали три бойца, разыскивавшие свои подразделения. Потом еще четыре. Потом еще... Шли всю ночь. И все время натыкались на небольшие группы красноармейцев. Когда остановились на дневку, всего набралось более ста человек.

— Придется создавать роту,— сказал Егор Ветлугин.— Вы, Андрей Федорович, будете командиром. Нужны еще начальник штаба и комиссар.

— Начальником штаба придется быть тебе, Егор,— в свою очередь отозвался Прохоров.— А насчет комиссара подумаем. Присмотреться к людям надо.

— С чего же мне начинать как начальнику штаба? — спросил Егор.— Сроду в такой должности не был.

— Я тоже не был, но теперь придется,— ответил Прохоров.— Начнем с учета людей и оружия. Надо разбить красноармейцев на взводы. Подобрать командиров и их помощников, старшину, отделенных...

— Что ж,— вздохнул Егор,— тогда пора поднимать людей.

Утром на рассвете в путь тронулось уже боевое подразделение, с охранением и разведкой. Первую же стычку с противником выиграли. Люди приободрились. Одолели и в другой схватке, и в третьей... Были, конечно, и неудачные бои, были потери, но с каждым новым боем люди все больше обретали уверенность и боеспособность.

* * *

С тех пор прошло немало времени. Подходил к концу богатый победами сорок третий год. Прохоров командовал уже партизанским отрядом. Были у них на вооружении и пулеметы, и минометы. А потом обзавелись пушкой и рацией. Удалось установить связь с Большой землей. Их отряд был зарегистрирован Центральным партизанским штабом и регулярно получал боевые задания, с которыми успешно справлялся. О боевых делах отряда не раз сообщалось в оперативных сводках Совинформбюро.

* * *

Зенону Крапивину с трудом удалось пристроиться на машину, в которой эвакуировались на запад офицеры группы фашистской тайной полиции. За несколько месяцев якшания с ними он так и не выучил немецкого языка, но кое-что из их лексикона все же усвоил. Слово «капут» он знал давно. Его часто упоминали немцы, отступавшие от Воронежа и Брянска. А теперь Крапивину казалось, что других слов гитлеровцы и не знают. «Капут» да «капут» — только и слышишь. Чаще других произносилось еще одно слово, которое Крапивин понимал без перевода,— Бобруйск. При этом немецкие офицеры делали выразительный жест, кру́гом руки. Крапивин легко догадывался, что под Бобруйском фашистские войска попали в котел.

Отступая по дорогам Белоруссии, Крапивин все больше и больше убеждался в том, что допустил ошибку. Немцы явно терпят поражение. А что же будет с ним? Его они вышвырнут со своего тонущего корабля в первую очередь. Их нравы он успел испытать на себе. Жизнь — самая крепкая наука. Вот и сегодня никто не хотел брать его с собой в машину. Едва втиснулся в уголок кузова. А что будет завтра? Пока не поздно, надо перестраиваться. А как? Примкнуть к партизанам? Опознают и расстреляют по приговору военно-полевого суда. Затаиться где-нибудь в таежном селении? Но и там все люди на виду, сразу разоблачат. Лучше всего затеряться в большом городе. Но в Минск теперь уже не попадешь, а других крупных городов на пути нет. Остается

одно: пробираться вместе с немцами в Западную Европу и там смешаться с военнопленными и беженцами.

В полдень их машину задержали у шлагбаума. Подсело несколько офицеров и один гражданский, сиротливо усевшийся рядом с Крапивиным. «Из разведки»,— шепнул он, кивая на офицеров. Так они познакомились.

Жора Пупышкин в последнее время ведал агентами, занимавшимися слежкой за советскими людьми, помогавшими Красной Армии. С провокационными целями они проникали в подпольные организации, выявляли и уничтожали их активистов. После ликвидации одной из групп акции Пупышкина значительно поднялись. Он пошел вверх по служебной лестнице и получил под начало отдельную полицейскую группу. В его послужном списке значился ряд операций, приведших к ликвидации двух подпольных радиостанций, провалу нескольких конспиративных квартир подпольщиков и аресту их руководителей. Пупышкин гордился тем, что он лично выследил и убил секретаря райкома большевистской партии, руководителя подполья в Полесье — Седого. Теперь в кармане его пиджака лежала своего рода охранная грамота — удостоверение, подписанное командующим группой армий «Центр», обязывающее всех командиров и начальников комендатур оказывать предъявителю сего, то есть ему, Пупышкину, всяческое содействие.

Дорога была забита отступающими немецкими войсками. В пешем строю двигались армейские подразделения. Обгоняя их, на запад спешили легковые машины с начальством, а по обочине уныло тащились повозки с разным скарбом. Почти у каждого шлагбаума к ним в машину подсаживались все новые и новые пассажиры. Размещаться в кузове становилось все сложнее. Наконец оказалось, что новым пассажирам — двум армейским офицерам — просто негде сесть. Они стояли с обоих бортов, наступив ногами на скаты, и свирепо поглядывали в кузов в надежде, что кто-то потеснится. Но сидевшие там лишь отводили в сторону глаза.

— Да вышвырните вы эту шваль!

Пупышкин даже вздрогнул от этих с ненавистью произнесенных слов. Он понимал немного по-немецки и хорошо усвоил именно это слово — шваль. Здесь,

в машине, набитой немецкими офицерами, это слово могло относиться только к двум пассажирам — к нему и Крапивину. И будто в подтверждение этих его мыслей, дородный немец, привстав, схватил сначала одного, а потом другого за шиворот и, тряхнув, гаркнул:

— Век, русс швайн!

Напрасно Пупышкин умолял и совал свой документ, требующий оказывать ему содействие. Свалившись на землю, они вскочили и некоторое время бежали за машиной в надежде, что немцы смилуются. Но две длинные очереди, прочертившие след по земле, остановили их, привели в чувство.

— Вот гады! — выругался Пупышкин.

— Мы им больше не нужны,— будто оправдывая немцев, вымолвил Крапивин.

Чертыхаясь, они отошли в сторону и присели под березой.

— Еще хорошо, что автоматы не отобрали,— сказал Крапивин.

— Да, без оружия нам бы совсем пришлось туго,— согласился Пупышкин.— А так хоть в деревню за продовольствием сходить можно...

— В деревню теперь не очень-то сунешься,— отозвался Крапивин.— Там партизаны хозяйничают.

— Да, невеселое настало житье,— хмуро заключил Пупышкин.— Что будем делать-то?

Крапивин и сам не знал, что делать. Будь он один, пожалуй, вернулся бы в свое родное село. Пусть судят. Что заслужил, то и получай. Но теперь ему навязался в напарники этот человек, за которым, как он понял, числилось не одно преступление. На сдачу советским властям он не согласится.

— От дороги нам надо уходить подальше,— сказал наконец он.— Тут верная гибель. Не немцы, так свои подстрелят.

— Нет у нас теперь своих,— вымолвил Пупышкин.— Кругом чужие.

— Выходит, так,— подтвердил с грустью Крапивин.— Надо на запад уходить. И путь один — через болото.

Они шли весь день, а болоту, казалось, не было конца.

— Утонем мы здесь, затянет нас пучина,— ворчал Крапивин.— Я эти гиблые места знаю. Не один

охотник, польстившись на легкую добычу, сгинул тут.

Пупышкин зло огрызнулся:

— Не ной. И без тебя тошно. Думай лучше, где ночь провести. Не стоять же всю ночь в болоте, как цапля, на одной ноге.

К вечеру они отыскали небольшой островок сухой земли.

— Жрать хочется, спасу нет,— просипел Пупышкин, усаживаясь поудобнее.— Уговор: каждый ест свое, чтоб на чужое не зариться, не раскрывать хайло.

От таких слов Крапивина даже всего покорежило: у него с собой была только горбушка черного хлеба, и он с досадой смотрел, как Пупышкин уплетал белый хлеб с салом и еще с чем-то.

— Запас карман не тянет,— травил Пупышкин своего спутника, демонстративно складывая после ужина остатки пищи в свой вещмешок.

Растянувшись на траве, он положил его под голову, а автомат пристроил сбоку, все время придерживая рукой. Так надежнее.

Ночью над болотом повис туман, и они, начав свой путь с рассветом, вскоре потеряли ориентировку.

— Вот вояки,— ворчал Пупышкин.— Даже компаса с собой нет.

Крапивин все же нашел выход.

— Пойдем на шум боя, а затем будем пробираться вдоль дороги,— предложил он.

Другого пути не было. Этот же показался приемлемым, так как выводил их к дороге. Затаившись в кустах, долго наблюдали, как по дороге двигались войска. Красноармейцы, хотя и уставшие, шли бодро, весело. Шаг твердый, уверенный. Проходили танки, артиллерийские и минометные подразделения, машины и повозки с продовольствием и боеприпасами. Потом движение на дороге надолго затихло. Изредка лишь появлялись одиночные машины.

— Захватить бы нам легковушку,— мечтательно произнес Пупышкин, поеживаясь от сырости.— Сразу можно вырваться вперед.

— У первого же шлагбаума остановят — и пулю в лоб! — резонно заметил Крапивин.— Сиди уж и помалкивай.

— Под лежачий камень вода не течет. Ты знаешь эту русскую поговорку?

— Поговорка-то русская, да мы с тобой теперь не знаю чьи. От русских оторвались и к немцам не пристали. Болтаемся, как в проруби...— грубо на полуслове оборвал его Крапивин.

— Не вой! Давай все же попробуем — вдруг повезет...

Послышался шум мотора. По дороге, мелькая между кустов, шла машина.

— Легковая,— сдерживая волнение, прохрипел Пупышкин.— Ударим сразу из двух стволов.

Обстреляв машину, они вызвали ответный огонь на себя. Но из машины стреляли наугад, и пули не причинили им вреда. Гораздо опаснее оказались привлеченные выстрелами автоматчики, начавшие прочесывать кустарник. Пришлось ни с чем отойти в глубь леса. И опять они поплелись по болоту, проваливаясь по колено в зыбкую топь. Чтобы не сбиться с пути и не попасть в непролазные, гиблые места, они все же старались не отходить далеко от дороги. И в то же время, зная, что она таит для них опасность, не подходили близко, вихляли, то приближаясь, то удаляясь от нее. Первым выбился из сил Крапивин. Ноги его стали ватными, он с трудом вытаскивал их из хлюпкой жижи, прерывисто и хрипло дышал.

— Передохнуть бы,— взмолился он наконец, завидуя более крепкому и выносливому Пупышкину.

— Эх ты, хлюпик,— упрекнул его тот.— Навязался на мою шею. Один я знаешь куда бы ушагал? Ладно, выбирай местечко посуше. Отдохнем.

Они нашли две широкие кочки. Крапивин сразу же присел и, тяжело переводя дыхание, простонал:

— Не дойти мне.

— Не хнычь,— оборвал его Пупышкин.— Вот пересечем болото и будем у своих.

Он называл своими немцев. Теперь Крапивин криво усмехнулся и урезонил его:

— Нет у нас своих. Это ж ясно...

— Не вой, говорю,— прикрикнул на него Пупышкин.— И так, повторяю, тошно. Я и сам знаю, что нет. Кругом чужие.

Крапивин отвернулся. Взгляд его скользнул по воде, разлившейся между кочек. Что-то похожее на дно плетеной корзины мелькнуло между водорослей. Присмотревшись, Крапивин нагнулся и подцепил из воды

плетенку. Даже на остатки от корзины это не было похоже. Сплетенный из ивовых веток довольно широкий круг, чуть притиснутый с боков, имел по сторонам тесемки, указывавшие на то, что предмет этот имел какое-то определенное назначение.

— Глянь-ка, что я нашел,— сказал Крапивин Пупышкину.— Не пойму только, для чего сплетено. А ветки свежие, как будто вчера срублены. И тесемки крепкие. Для обувки, наверное?

— Покажи,— заинтересовался Пупышкин.

Он оглядел находку со всех сторон, повертел ее в руках и заключил:

— Так это же болотные лыжи. Слыхал я о таких. Партизаны ими пользовались, когда по болотам от нас удирали. Но это одна лыжина. Должна же быть и вторая.

Он подошел к кочке, на которой сидел Крапивин, и пошарил в воде рукой. Нашел вторую, сел на свою кочку, привязал лыжи к сапогам, встал и пошел.

— Славная штука. Теперь я спасен.

— А мне? Как же я? — крикнул, поднимаясь, Крапивин.— Это же мое. Я нашел...

— Кукиш тебе с хреном,— усмехнулся Пупышкин и показал ему комбинацию из трех пальцев.— Ты и понятия о них не имел. Выбросил бы по глупости своей такую нужную вещь.

Пупышкин уверенно зашагал по болоту, все более удаляясь от дороги.

— А мне, а я! — кричал Крапивин, стараясь поспеть за Пупышкиным и все глубже проваливаясь в трясину.— Я же утону. Спаси же меня...

Проснулось ли в Пупышкине какое-то человеческое чувство, или он побоялся, что Крапивин, оставшись сзади, пустит ему пулю вслед, но он остановился и сквозь зубы проговорил:

— Ладно, иди впереди. Будешь тонуть — вытащу.

Так шли они, наверное, с час, а может, больше. Солнце уже вышло в зенит и припекало плечи. Над болотом поднялись зловонные испарения. Крапивин дважды уже проваливался по пояс, и Пупышкин помогал ему выкарабкиваться. Может быть, он тоже боялся остаться один в бескрайней топи. Первым выбился из сил Крапивин. Добравшись до ближайшей кочки, он устало плюхнулся на нее и упавшим голосом заявил:

— Я больше не могу. Давай отдохнем. А может,

вообще на сегодня хватит. Подыщем подходящее место, наломаем веток и устроим ночлег. Тут нас не найдут.

— Да ты что, с ума спятил! — заорал на него Пупышкин.— До ночи надо выбраться на сушу. Обязательно! Вставай! Пошли!

— Не могу. Истощен я. Силов нет...

— Ну и оставайся, черт с тобой, а я пошел...

Крапивин зло смотрел ему в спину и думал, что вместе с Пупышкиным уходят все его надежды на спасение. У того в вещмешке продукты, да к тому же он унесет с собой болотные лыжи, и тогда Крапивину отсюда уже не выбраться. Пупышкин же думал совсем о другом: о том, что надо вернуться и взять у Крапивина автомат. Под любым предлогом, даже силой. Но подумал он об этом слишком поздно. Крапивин уже взял его на прицел и нажал на спусковой крючок. Глухо над болотом прозвучала автоматная очередь. Подойдя, Крапивин склонился над Пупышкиным. Тот был мертв. Нагнувшись, попытался снять с его ног болотные лыжи. Ухватился за одну из них, но, оступившись, провалился в трясину. Попытался выбраться, однако еще глубже утопал в жижу. Болото затягивало его в свои смертельные объятия.

— Помогите! — неизвестно кому закричал Крапивин.— Не хочу умирать. Хочу жить, слышите!

Но звуки его голоса тут же глохли над болотом и замирали бесследно.

— Господи, спаси и поми...— уже невнятно хрипел Крапивин. Он отчаянно работал ногами, стараясь найти для них хоть малейшую опору, но от этого тело его все глубже погружалось вниз. Он успел еще раз прохрипеть, взывая о помощи, и... скрылся под водой. На ее поверхности запрыгали воздушные пузыри. Сначала крупные, потом все мельче и мельче. Наконец вода успокоилась, и все стихло.

* * *

Партизанский отряд Андрея Прохорова день за днем отходил на запад, нарушая коммуникации врага, мешая ему организованно отступать.

Партизаны острили:

— Мы как на поводке у немцев. Они шли на вос-

ток, и мы за ними. Теперь они отходят на запад — мы тоже.

Переходя в западные районы нашей страны, партизанские соединения, в том числе и отряд Андрея Прохорова, нарушали пути отхода врага, взрывали мосты, пускали под откос поезда, нападали на тыловые воинские части и штабы противника.

Но напор Красной Армии был настолько велик, что многие партизанские отряды не успевали двигаться на запад, попадали в зону ее действий и выходили из лесов на соединение с регулярными армейскими частями.

...Старший лейтенант Габиев любил воевать на открытой местности и с трудом ориентировался в лесах. Он вырос в степи, привык к широкому раздолью, когда видно вокруг на много верст. В лесу все сложнее и запутаннее. Здесь столкновения с противником можно было ожидать каждую минуту. Правда, и скрыться от вражеских войск было гораздо легче. Для военного человека заблудиться и потерять дорогу или не выйти в заданный район к нужному времени — необъяснимый позор. Поэтому, не надеясь на себя, Габиев держал поблизости опытных следопытов, чувствовавших себя в лесу как рыба в воде. Таким следопытом неожиданно оказался красноармеец Васюков. Выросший в сибирской тайге, он хорошо ориентировался в лесу и мог в любое время дня и ночи найти дорогу, определить, кто и когда здесь проходил, было ли это большое подразделение или незначительная группа людей. Легко определял север, юг, восток и запад.

Командир полка возложил на роту, которой теперь командовал старший лейтенант Габиев, нелегкую задачу: тщательно прочесать лес и выловить скрывающихся там гитлеровцев. За день рота взяла более двухсот пленных. Отправив их на пункт сбора, Габиев, хотя и с большим трудом, продолжал двигаться по намеченному маршруту. Ночью организовал людям отдых, выставив надежный караул. А утром красноармеец Васюков, высланный вперед с дозором, вернулся в расположение роты и доложил, что ночью кто-то бродил вокруг их ночлега. Он показал ротному поломанные ветки деревьев и обнаруженные у ручья отпечатки сапог. Но Габиев игнорировал предупреждение Васюкова.

— Если мы будем обращать внимание на такие ме-

лочи, век не выполним поставленной задачи. Не обстреляли нас, не напали — и хорошо. Вперед, до обнаружения противника.

Васюков не стал оспаривать распоряжение командира. Вперед так вперед. Его дело честно доложить о всем увиденном и замеченном. Рота, развернувшись, ускоренным темпом двинулась в глубь леса. Вскоре вновь Васюков поднял тревогу. Ракетой вызвал командира к себе. Подходя, Габиев увидел группу вооруженных автоматами гражданских лиц.

— Говорят, что партизаны,— доложил Васюков.— Из отряда Прохорова.

— Слышал о таком,— ответил Габиев.— Сейчас проверим.

Старший лейтенант внимательно оглядел партизан, так как и сам видел их впервые. Одеты и обуты они были кто во что горазд: в рубахах-косоворотках, в старых поношенных гимнастерках, в фуфайках... Кто в сапогах, кто в ботинках. И оружие самое разнообразное: наши ППШ, винтовки, немецкие автоматы, гранаты с длинными ручками.

— Оружие вам придется, товарищи, пока сдать,— приказал Габиев.— Надо разобраться, кто вы такие.

Слова эти вызвали недовольство у партизан, глубоко обидели их, и они запротестовали.

— Мы же боевое подразделение. Мы и у немцев уважением пользовались: боятся они нас. Отряд Прохорова известный. Вон мы сколько гитлеровцев в плен взяли...

Васюков подтвердил, что действительно много пленных немцев привели эти парни. В лесу выловили.

— Ну тогда другое дело,— смягчился Габиев.— Тогда вы все оставайтесь здесь, а я с вашим проводником пойду до вашего командира. Надо решить порядок выхода партизан со своих баз, чтоб не случилось никаких недоразумений.

Осторожность Габиева была не напрасной. Комдив предупреждал его, что уже были случаи диверсий: за партизан выдавали себя полицаи, бежавшие в лес от заслуженного возмездия.

Стоянка партизанского отряда оказалась неподалеку. Быстро по рации связались с командиром дивизии. Через несколько часов во главе с офицером связи, выделенным Габиевым, партизанский отряд был уже на марше. На другой день генерал в тор-

жественной обстановке горячо и сердечно приветствовал партизан. Он поблагодарил их за честную и мужественную службу Родине в тяжелую для нее годину, призвал влиться в ряды армии, чтобы совместными усилиями добить врага. Затем пригласил командира и комиссара отряда к себе на командный пункт.

— С рядовым составом все ясно,— сказал он.— По вашей рекомендации мы распределяем их по подразделениям, обмундировываем, и они становятся законными бойцами Красной Армии. С командным составом сложнее.

— Командиры у меня отличные,— решил замолвить за них слово Прохоров.— Храбрые, умные, зарекомендовавшие себя во многих боях.

— Понимаю,— ответил комдив.— Но этого мало. Чтобы командовать регулярными подразделениями, нужны специальные знания. Давайте поступим так: тех, кто имеет воинские звания, мы в этих званиях восстановим, после соответствующей проверки конечно, чтоб не напутать. Других поставим командирами отделений, помкомвзводами, старшинами. Покажут себя в бою — пойдут дальше. Думаю, это будет справедливо.

— Вполне,— согласился Прохоров.

— Теперь о вас. Долгое время вы командовали партизанским отрядом. Что, если мы дадим вам теперь батальон?.. Другой вакансии у меня в дивизии нет. Если не согласны — поедете в штаб армии. Там возможностей больше.

— Нет-нет, вполне согласен. Благодарю за доверие.

— Покомандуйте, потом дадим полк.

Войну Андрей Федорович Прохоров закончил подполковником на Эльбе, где его полк встретился с американскими подразделениями. Вместе отпраздновали победу над фашизмом, а через три дня генерал поздравил его с высоким званием Героя Советского Союза.

1983

НЕУЛОВИМЫЕ

«КАЗАКИ-РАЗБОЙНИКИ»

ретий день осенний воздух и подмороженную воронежскую землю рвали снаряды. Пятна опавших листьев под сапогами и пятна крови почти не отличались друг от друга. А высота еще была не наша.

Такая живописная в мирное время, сейчас эта высота стала смертоносной: противник властвовал над немалым пространством. Мы были как бы обнажены и взяты на прицел. И горько становилось Виктору Колесову оттого, что он, именно он, комсомолец Колесов, не мог ничего придумать. Не раз, не два находил он выход там, где все становились в тупик, не раз побеждал тогда, когда его считали уже погибшим. Но в этот раз, перед этой высотой...

В минуту затишья он развернул армейскую газету.

«В районе Сталинграда продолжались ожесточенные бои... После сильной артиллерийской и минометной подготовки противник силами пехоты и танков вновь атаковал наши позиции в районе заводов...»

Взгляд впился в вечернее сообщение Совинформбюро от 26 октября 1942 года:

«В районе Сталинграда наши войска отбивали атаки танков и пехоты противника».

Ага, отбивали! Отбивали! И, как бы ободряя читающего скупыми строками, газета писала:

«В районе Воронежа, на западном берегу Дона, бойцы подразделения лейтенанта Каныгина ворвались в окопы противника и закрепились в них».

Ну да! Ну, конечно, ворвались! Это Клим Каныгин, вместе они кончали школу лейтенантов. И закрепились! Они смогли! А мы?..

Он прочитал о боях в Африке... И опять на него дохнуло неотвратимой грозой войны, охватившей мир.

Мировая война!

И от того, как он, Виктор Колесов, будет сражаться на своем участке, тоже зависит ее исход...

Ночами, когда на минуту стихала вражеская артиллерия, проступали иные звуки: сурово гудел северо-восточный ветер в ближней роще. Казалось, и роща осуждала Виктора за медлительность.

Вчера Виктор поразился: в канаве увидел колокольчик. Он и цвел, хотя его почти засыпала листва. Прозрачное бледно-фиолетовое пламя выбивалось из-под палых листьев клена и ясеня...

И сейчас из-под листвы отгоревших раздумий, из-под завала огорчений и тревог, подобно колокольчику, проступало еще не осознанное ощущение вечности, новизны и яркости жизни. Это никак не вязалось ни с тяжким положением на участке всего батальона, ни с тем, что снова завыли немецкие мины, ни с тем, как озабоченно и зло посматривали его бойцы на высоту.

Враг подтянул подкрепление, усилил огонь артиллерии и минометов. Наши бойцы вынуждены были залечь. Но, странное дело, вопреки всему в душе Виктора зрела решимость.

И когда его вызвали в штаб батальона, он пошел так, словно именно его и только его и должны были вызвать. Еще не дойдя до землянки, Виктор уже знал, зачем его вызывают, был рад и готов ко всему.

— Лейтенант Колесов явился по вашему приказанию,— с некоторой даже щеголеватостью отрапортовал он комбату. И тот, человек вдумчивый и строгий, посветлел, почувствовал настроение этого славного парня. Ведь за минуту до его прихода комбат сказал своему замполиту:

— Согласен с тобой! У Колесова определяющее качество — упорство! А это многого стоит. И его любят солдаты, и верят, и, сам слышал, даже гордятся, хотя среди них есть и такие, которые ему в папаши годились бы...

Комбат усадил Виктора на патронный ящик, сел около, положил руку ему на плечо и задумался. Виктор пытливо всматривался в карту, разложенную на только что сколоченном столике. Пламя коптилки, сделанной из стреляной гильзы, покачиваясь, обрисовывало мальчишеское лицо Виктора, его вовсе и не волевой подбородок, чуть припухлые губы, и трудно было поверить даже здесь, на войне, что этот юноша — самый меткий, самый хладнокровный пулеметчик, что он лично из своего «максима» сразил сотни гитлеровцев...

— Твои места? — и комбат совсем как-то мягко посмотрел на Виктора и вздохнул.

Виктор кивнул, почему-то опять вспомнил колокольчик в канаве и повернул ясное лицо к комбату.

— Так вот, Колесов...— И комбат левой рукой провел по губам, которым трудно было выговорить то, из-за чего Виктора вызвали в штабную землянку...

— Задание? — Виктор встал.

— Задание! Садись, садись...— И опять рука комбата легла на плечо Виктора.— Очень важное... И только ты можешь. Говорят, нет незаменимых. Нет, есть незаменимые. Люблю тебя, как сына, ценю, а заменить некем. Или ты выполнишь, или никто...

За стенами землянки взорвалось несколько мин, загремели орудия, пламя коптилки испуганно заметалось. Комбат объяснил Виктору задачу, потом сказал:

— Сколько нужно, столько бойцов и бери. Как сочтешь нужным решить задачу, так и решай. Все в твоей воле.

Да, в его воле было ночью самому пойти в разведку. Он медленно полз к линии вражеской обороны... В его воле — сбить противника с высоты, закрепиться на ней... Виктор работал локтями, руки его часто касались осколков, усеявших подножие высоты, мягкая трава гладила его лицо, и пахло дымом, родиной, и отчего-то щемило в груди. А руки и ноги делали свое дело, уши сторожко ловили ночные шорохи.

В четыре кола проволочное заграждение. Он пополз вдоль проволоки. «Вот один проход. Заминирован. Наверно, оставлен для контратак. Хорошо, что дают ракеты, все-таки смогу получше рассмотреть... Вот еще, да, да,— еще проход. Ох, как близко ракета!..— Он прижался, втиснулся в высокую густую траву, по которой совсем недавно ходил на прогулку.— Не о том, не о том надо думать. Вот еще проход. Да, значит, все три заминированы, и заминированы ловко... Умеют немцы воевать. И как хитро построили окопы»,— думал он, пользуясь каждой вспышкой ракет, чтобы запомнить расположение немецких окопов.

Еще в школе учитель по литературе учил развивать зрительную память. «Не раз жизнь устроит вам экзамен, и не раз выручит вас зрительная память» — эти слова тогда не воспринимались всерьез. Но сколько раз в боях и походах Виктор повторял их бойцам! Ведь и сейчас от того, как он все запомнит, зависит исход

еще не начавшегося штурма и его, Виктора, жизнь...

Вернувшись, в темноте построил он взвод. Бойцы сливались в одну массу, лиц не было видно, но Виктор знал каждого, знал даже их биографии, знал, о чем пишут и как живут родные каждого бойца. И сейчас, стоя перед бойцами, он очень неторопливо подбирал слова.

— Глухов! Это твои ведь места?

Взвод в ответ сомкнулся еще теснее. А Глухов, стоящий в третьей шеренге, кивнул. И хотя никому не видно не только его кивка, но и его самого, Глухов был уверен, что командир взвода видит его. И правда, сразу же после его кивка лейтенант Колесов еще более сердечно продолжал:

— В казаки-разбойники небось гоняли здесь, на этом пригорке.

По суровым лицам скользнула улыбка. И ее не было видно. Но по тому, как весь взвод, точно один человек, переступил с ноги на ногу и вздохнул, лейтенант понял, что говорит правильно, хотя это не предусмотрено никакими уставами. Здесь высшим уставом был устав предстоящего штурма, почти неминуемой гибели. И, назвав высоту пригорком, командир взвода как бы заранее подчеркнул непрочность немецких позиций, хотя они были крепки.

— Так вот, Глухов,— все так же неторопливо продолжал лейтенант,— надо будет сыграть в казачки-разбойнички, потому что этот пригорок мы сейчас возьмем. Пусть твое отделение проверит автоматы и впрок запасется противотанковыми гранатами. Вашу штурмовую группу поведу я, а вот первое и третье отделения...— И командир взвода уже перешел на деловой, рабочий тон, внушая своим голосом, словами, манерой отдачи приказа твердую уверенность в благополучном исходе боя.

Два отделения по его приказу должны были наступать с флангов. Командирам отделений лейтенант Колесов подробно, метр за метром, кустик за кустиком, бугорок за бугорком, объяснил путь продвижения, посоветовал, в какой воронке лучше затаиться, предупредил, откуда могут взлететь ракеты, откуда можно вести скрытное наблюдение за подползающими фланговыми группами.

— Все понятно?

— Понятно, товарищ лейтенант!

— Повторите!

Когда оба командира отделения повторили, он приказал им точно объяснить каждому бойцу его задачу.

Убедившись, что каждый боец совершенно ясно представляет свою задачу, лейтенант Колесов со своим «максимом» возглавил штурмовую группу.

В полночь пулеметчики начали свой путь ползком. Не зря так долго экзаменовал их лейтенант. Пригодились и трава, и каждый куст, и каждая воронка.

Командир взвода уже подполз к центральному проходу, посмотрел на часы. Двадцать минут после полуночи. 0.20. 0.25. Все тихо. Эти пять минут были контрольными. Раз нет никаких сигналов от фланговых групп прорыва, значит, все на местах. 0.26...

— Огонь! — крикнул лейтенант Колесов.

И одновременно в трех местах, в три прохода, полетели гранаты. Они взрывались вместе с вражескими минами, взрывались, освобождая путь бойцам.

—Ура! — И сквозь еще не рассеявшийся дым, во тьме, оглушенной внезапными дерзкими взрывами, по трем проходам ринулись к высоте пулеметчики.

Бегущий во главе своего отделения младший сержант Алексей Глухов увидел, как немецкий пулемет заговорил из-за двугорбого бугра. Он бил как раз с седловины этого бугра. Сколько раз случалось в детстве, играя в казаки-разбойники, босой Алешка Глухов скрытно подбирался к этому «верблюжонку» днем. Теперь же ночью он первый кинулся, первый достиг седловины и не просто бросил, а перебросил гранату через бугор, чтобы она угодила в углубление, в котором только и мог закрепиться вражеский пулеметчик.

Этот взрыв гранаты и оборвавшийся голос пулемета подхлестнули растерявшихся и уже пятившихся некоторых наших бойцов.

Вот уже Глухов оказался там, куда только что перебросил гранату. Вот он развернул немецкий пулемет и начал косить убегавших гитлеровцев...

А лейтенант Виктор Колесов уже перебегал от одного трофейного пулемета к другому. Он поставил своих пулеметчиков к этим исправным, действующим пулеметам.

— Сейчас опомнятся и пойдут в контратаку! — на бегу пояснял он, а сам уже оказался около двух трофейных минометов.— Так, и это в дело! Спасибо, что и сорок ящиков патронов оставили — будет чем оборо-

няться. Ну как пригорок, а? Глухов, как пригорочек?

Лежа у своего «максима», Алексей встречал огнем контратакующих.

Когда первая контратака была отбита, бойцы стали глубже зарываться в землю.

А с рассвета гитлеровцы снова устремились к высоте. После восьмой контратаки, потеряв до батальона пехоты, враги оставили надежду штурмом вернуть высоту.

— Спасибо! Спасибо, лейтенант! — сказал по телефону комбат.— Вижу, вижу, что высота твоя. Рад, что жив! А какие у тебя потери?

— Семь раненых.

— Продержишься до вечера?

— Продержимся!

— Ну, добро! — И комбат, выйдя из землянки, глянул на высоту, перевел взгляд на безмерные дали, еще находившиеся в руках противника, помрачнел. Сколько будет еще таких безымянных высоток, сколько таких штурмов, сколько крови и смерти, прежде чем они сбросят врагов с родной земли, как сбросили их ночью с этой высоты...

СМЕРЧ

На броне танка хорошо идти в атаку... Она прохладна и, когда ночью кладешь руки на темную, чуть шероховатую сталь, успокаивает. Танк вынырнул из рощи. Роща темна.

Рядом с Виктором Колесовым — Дышко и Лихачев. Опытные автоматчики. Он еле видит их силуэты, их автоматы.

Обо всем сказано. Сказано коротко, строго и ясно: немцы переправились через Дон, весь день атаковали наши позиции, а сейчас Виктору Колесову поручили разведку на танке, может быть, разведку боем. Дышко и Лихачев на всякий случай придерживают ящик с гранатами, который втащили на броню: разведка разведкой, а без боя не обойтись.

Танк развивает большую скорость. Покачивает лейтенанта на «стальной высоте». Надо разведать расположение и огневые средства противника. Это значит: ночью увидеть их в действии. Ну, а если превратить

разведку,— даже разведку на одном танке,— в бой! Ведь ночью особенно не разберешь, сколько машин атакует.

Колесов сосредоточенно думает: «Успеет ли наша пехота изготовиться, если мы на танке сумеем ворваться в расположение врага?»

Дело отчаянное. Но иного пути нет. Надо, надо ворваться!

— Ты ведь левша,— в ухо кричит Колесов Дышко.

Дышко кивает. И показывает гранату, зажатую в левой руке.

— Лихачев, обеспечишь справа!

Лихачев что-то кричит в ответ.

Энергия мчащегося танка вливается в людей, прильнувших к броне.

Виктору чудится, что и он не в гимнастерке, а в броне, он сейчас неотделим от мощи танка.

Главное — не теряться!

Они двигаются все быстрее, навстречу огню, неизвестности. Как покажет себя механик-водитель Георгий Кылымник?

Правда, командир танка лейтенант Матвей Окороков сказал:

— Ребята, Георгий не подведет. Он сквозь сталь чувствует, кто у него на броне. Только держитесь, когда ворвемся, крутиться придется, как чертям на сковородке.

А радист Степанчук крепко пожал руки всем: Виктору, Дышко и Лихачеву.

Танк мчится, а слова эти оживают, это рукопожатие еще продолжается. И поди пойми, что решает исход боя. Силой наполняют и Колесова, и его автоматчиков недавние взгляды танкистов.

Ночь! Темна, черна! Глянул в небо, а его нет: ни звездочки. И вдруг ракета.

И танк с ходу врывается в расположение противника. Колесов при вспышке ракеты видит, как стремительно разворачивают против них противотанковую пушку, и его граната точно летит в цель.

Главное — не теряться!

Танк утюжит окопы. Георгий ставит его так, что другая противотанковая пушка не может ударить: попадет в своих, а в это время слева поражает ее гранатой Дышко и хватается за автомат. А Лихачев «обеспечивает справа». Хорошо «обеспечивает»: уже отпра-

вил на тот свет третью противотанковую. Лихачев так увлекся, что на резком развороте, если бы не поддержал его Виктор, слетел бы и попал в лапы гитлеровцев.

Еще одну, четвертую, пушку придавил Георгий танком.

Потом он взял влево, к самому Дону. Фашист вырвал чеку из гранаты и замахнулся, но пули Колесова перебили ему руку.

Танк развернулся, и Виктор не увидел, а только услышал, как враг подорвался на своей гранате.

Танк проутюжил окоп, но, едва миновал его, как оттуда высунулась рука с гранатой.

И снова пули Колесова уберегли танк.

Окопы. Траншеи. Откатившаяся каска. Переломленный автомат, смятый лафет. Вздыбленная земля. Все вращается от бешеного движения танка. Пули звякают о броню и рикошетом разлетаются по сторонам. Танк разведчиков и вправду крутится, как черт на сковородке. Он — неуловим.

«А как там наши? — вспыхивает в мозгу.— Как пехота?»

Сквозь рев моторов доносится:

— Ур-рра!

Ураганное «ура!». Русское «ура!». Кажется, его слышат и в танке: танк утюжит окопы у берега, гремят гранаты.

И танк разворачивается, а пехота наша в ночной атаке уже сбрасывает врагов в Дон...

ВО ИМЯ ЖИЗНИ

— Мы здесь! Но замаскироваться надо так, словно здесь нас нет, ни одного,— приказывал Колесов пулеметчикам, выдвинув их на фланг, чтобы огнем поддержать наступление пехоты.

Наступление должно начаться через несколько минут.

За эти минуты пулеметные гнезда еще глубже ушли в землю высотки.

— «Высотники»,— пошутил рядовой Рудник.— То вы с Дышко и Лихачевым на верхотуре — на танке, то вон на той высоте, а теперь мы все вместе здесь окопались.

Лейтенант улыбнулся. Он всегда старался перед боем не только сосредоточить внимание бойцов на грядущем сражении, но и шуткой, прибауткой, улыбкой вернуть им доброе расположение духа, потому что война — работа, тяжкий, адский труд. И тут необходимы какие-то минуты отдыха. Вот почему он и сейчас сперва шутил, а потом предупредил:

— Вы фильм «Чапаев» видели? Так вот, если нашим удастся опрокинуть гитлеровцев и погнать их к высоте, приказываю не стрелять, не стрелять до тех пор, пока они не подкатятся вплотную. Пока я первый не начну...

Сперва противник ожесточенно огрызался огнем, ни на шаг не сходя с позиций.

Первые атакующие уже подбегали к вражеским окопам, прыгали в них. Завязалась рукопашная в окопах.

Пулеметчики напряженно следили за ходом атаки, нервно поглаживая пулеметные ленты, прицеливаясь и примеряясь, сдерживая себя. Вот новая лавина атаки хлынула и опрокинула противника. Вражеские заслоны еще прикрывали отход огнем, а основные силы гитлеровцев покатились назад по лощине к высоте, где ждали их наши пулеметчики.

Виктор Колесов видел, как в коротких сапогах, с засученными рукавами бегут они, топчут нашу землю. Впервые он физически ощутил боль нашей земли, наших трав, наших листьев, истязаемых сапогами чужеземцев. Следовало сосредоточиться на бое, на точном расчете. И, наверно, какой-то частью своего сознания лейтенант Колесов все это делал точно и привычно, но главная его забота была пронизана этой впервые прочувствованной болью, тоской оскорбленной Родины.

Когда он бросал гранаты, когда стрелял из пулемета, когда бежал по земле, он ни разу не задумывался о ней. Но вот так близко, при свете утреннего октябрьского солнца впервые видел он, что топчут, топчут, как живое, родное, дорогое ему существо, топчут землю. И его душа как бы переселялась в каждый лист, в каждую травинку, в каждый метр поруганной земли. И казалось, что сапогами по его сердцу идут, бегут палачи.

Это сострадание к своим просторам всколыхнуло гнев, и он схватился за рукоятки пулемета и чуть было

не нажал на гашетку, краем глаза увидел, что и Глухов и Рудник вот-вот откроют огонь и погубят дело: обнаружат себя.

«Не стрелять!» — хотел крикнуть он вопреки своей жажде стрелять и стрелять.

— Не стрелять! — прошептал он.

Наверно, его и не услышали. А он замер от страха, что кто-нибудь не выдержит и начнет.

Враги накатывались. Это уже не далекая бесформенная масса: уже видны их мундиры, вымазанные в грязи, видны медали, пуговицы, погоны, видны закушенные губы и расширенные от напряжения жесткие глаза.

Еще секунда — и будет поздно!

И тут Виктор нажал на гашетку.

Вся высота резанула пулеметным огнем.

Стреляные гильзы отскакивали в сторону, и, подобно этим гильзам, начали валиться на землю тела врагов.

Пулемет Колесова смолк, и тут же онемела вся высота.

Видимо, решив, что патроны у пулеметчиков кончились, новые ряды гитлеровцев кинулись на высоту. Впереди, почти касаясь друг друга локтями, с пистолетами в руках бежали два офицера. Они почти вплотную добежали до бруствера, когда пулемет Колесова снова заговорил...

После боя, проходя мимо убитых вражеских солдат, Колесов особенно пристально посмотрел на этих двух офицеров, сраженных им почти у самого бруствера.

Солдаты подносили трофейные винтовки, подтягивали пулеметы, отбитые в этой атаке, тащили патронные ящики. А Виктор смотрел на молодые лица офицеров. На них не отражалось сейчас ни злобы, ни отчаяния. Они были, наверно, ровесники Виктора. И ему стало страшно, что за несколько лет фашизм смог, подобно раковой опухоли, разъесть души этих молодых людей, фашизм смог вложить им в руки оружие, сумел бросить их на наших мирных людей и, наконец, заставил их умереть. Во имя чего? За что? Позорная смерть на чужой земле. «Виноваты и они, да, они получили свое,— думал, отходя от убитых и принимаясь за повседневные дела, Виктор.— Но главные виновники еще далеко. Сколько надо будет силы, чтобы дойти до них и отомстить за все. Сколько раз еще придется убивать во имя жизни!..»

— Лейтенанта Колесова в штаб батальона! — донеслось до него.

Приближался новый бой...

ТРИ ТАНКИСТА

Выстрел! Выстрел! Еще! Еще!

Ракета!

Ночь исчезла: земля засветилась, выпячивая живые бегущие мишени.

Автоматные очереди. Трассирующие пули над шлемофоном, над окровавленной головой, над разорванным комбинезоном. Три человека. Ракета высветила их с такой отчетливостью, так низко повисла над ними, что гитлеровцы, настигавшие наших танкистов, замедлили бег: не уйти, не добежать этим обреченным. Сейчас их скосят, срежут, срубят.

— Быстрей! — задыхаясь от бега, крикнул Матвей и взмахнул правой рукой, как бы подтягивая за собой Георгия и Алексея.— Быстрей!

Конечно, быстрей! Только быстрей! Ведь они вырвались на нейтральную зону, они должны добежать до своих!

Очередь из автомата прожгла ночной воздух над плечом Матвея. Он ощутил на миг огненное дыхание смерти. А Георгий упал лицом вперед.

Матвей и Алексей остановились, а гитлеровцы ускорили бег.

— Живыми, живыми их взять! — долетело до Матвея, знавшего немецкий язык.— Только живыми!

Матвей и Алексей одновременно приподняли друга.

— Простите, ребята, споткнулся! — еле выговорил тот.

Вперед, вперед! А ноги еле передвигаются. Еще несколько секунд, еще секунда, и все трое рухнут. Это было как во сне, точно в эти предсмертные мгновения Матвей увидел себя и своих друзей со стороны, увидел их замедленные усталостью, беспомощные движения, увидел эту летнюю простреленную и ослепленную ненавистью и ракетами ночь, эту истерзанную шрамами траншей и язвами воронок нейтральную полосу, увидел преследователей, тоже усталых, перепрыгивавших

через траншеи, огибающих воронки, стреляющих на бегу.

Теперь эти позиции казались недосягаемо далекими, где-то там, по ту сторону жизни, куда надо и добежать самому и любой ценой дотянуть друзей. По ту сторону... Уже не соображая, в отчаянии Матвей сорвал с себя шлемофон и швырнул его оземь, точно земля виновата в том, что ее кромсали минами и снарядами, в том, что сейчас эти трое тянули по ее лицу три кровавых следа.

— Ложись! Граната! — и самый близкий из настигавших их гитлеровцев первым распластался на земле, приняв шлемофон за гранату. За ним упал еще один. Но сзади прохрипели по-немецки:

— Трусы! Идиоты!

Преследователи вскочили. И все же несколько секунд у смерти выиграно! Несколько секунд, несколько шагов.

И тут с нашей стороны ударил «максим». Погибнуть не от немецкой пули, от своей, за несколько десятков метров от своих...

Но пусть, пусть, лишь бы не от вражьей! Матвей полуобхватил друзей, последний раз ободряя. Но Георгий и Алексей осели от усталости и от потери крови, и рядом с ними упал и Матвей. Плотно прижались они к мокрой, израненной, шершавой ночной земле.

И все поплыло, закачалось, закружилось. Кажется, смолк и «максим»...

* * *

А еще недавно все было наполнено торжествующим гулом наступления. И летние листья тысячами ладоней махали вслед атакующим. И, точно листья, красные флажки на штабной карте передвигались на запад. И танк Матвея Окорокова наматывал на гусеницы горящие пыльные километры. Механик Георгий Кылымник, прищурившись, вглядывался сквозь смотровую щель в проползавшие дома, мосты и магазины. Огромные стекла распадались на тысячи слепящих солнц. Брошенные пушки, патронные ящики, скособоченные взрывами чужие грузовики — все это росло, сгущалось, все говорило о нарастающем темпе наступления. И механик Георгий Кылымник забывал об усталости, точно рычаги управления были невесомыми.

И был еще с ними четвертый член экипажа — белокурый весельчак Саша Шаповалов...

И когда на заранее подготовленном рубеже немцы заставили наши части остановиться, экипаж Матвея Окорокова решил, что мы «не остановились, а приостановились, набирая силы для нового прыжка». Примерно так и сказал радист Алексей Степанчук.

— Интуиция у тебя! — пошутил Матвей, когда экипажу поставили задачу выйти на коммуникации врага и тем самым пробить первую брешь в обороне.

— Интуиция,— поддержал командира механик Георгий, помогая пополнить запас снарядов перед выходом на задание.

— Интуиция? — И радист Алексей, точно впервые в жизни, стал рассматривать недра их стального дома. Глаза скользили по лицам друзей, по стенам. Сколько здесь пережито, сколько раз выручал их из беды этот стальной мчащийся дом, грудью своей защищая их жизнь. А сколько раз выдержка и ловкость механика спасала танк: Георгий за какое-то мгновение до вражеского выстрела так разворачивал машину, что снаряд или вовсе пролетал мимо, или только по касательной задевал броню.

А Матвей, их командир, как он точно отдавал приказы! Что и говорить, сжились с металлом, теперь это уже не просто танк, теперь это воистину стальной дом, освященный воспоминаниями, крещенный огнем и свинцом. Все они трое, если бы оказались вне танка, могли бы из разноголосого рева танковых моторов отличить, выделить басовитый, натруженный говор своего «трудяги». И сейчас сперва радист, а вслед за ним и командир и механик так оглядывали танк, точно вопрошали: «Не подведешь?..»

От летнего солнца потеплела броня. А кажется, что согрели ее они втроем. Неожиданные воспоминания осаждают танкистов.

Матвею вспомнилась девушка, обещавшая ждать. И теперь кажется, будто от ее ожидания, от ее верности зависят его жизнь и смерть...

Георгий вспомнил предвоенное лето, колосья пшеницы, лицо матери, ее удивительно доброе лицо...

Алексею представилось, что он сидит на берегу под раскидистой липой и удит, у него две удочки самодельные. От жары нет-нет да и сорвется на плечо капелька сока с дерева... Поплавки замерли...

А между тем танк уже в пути. Между тем именно интуиция и только интуиция помогает трем танкистам.

В густом предрассветном тумане сквозь передний край прошли они так неторопливо, что не вызвали никакого подозрения. Деревни и хутора предусмотрительно обходили стороной: теперь уже танк был один.

По данным разведки, оставалось еще пройти две деревни, чтобы достигнуть основного оборонительного рубежа. Однако перед первой же деревней вся земля была изрыта траншеями, окопами, опутана колючей проволокой в три ряда. Еще влажные от утреннего тумана, кое-где мерцали немецкие каски, всюду, на всем протяжении вражеских траншей нервно суетились солдаты. Вот из траншеи высунулся офицер, и первый луч солнца, ударившись о его крест, отпрянул и кольнул глаза Матвею.

Появление нашего танка было столь неожиданным, что высунувшийся по пояс из траншеи офицер так и замер с открытым ртом, забыв произнести какую-то команду.

Между тем Георгий уже на полной скорости ринулся вперед, прорывая завесу колючей проволоки, утюжа окопы и траншеи. Матвей вел огонь, расчищая путь стальной громаде.

— Ворвались в деревню! — успел передать радист Алексей Степанчук.— Вступили в бой! Самоходки!

И точно: ворвавшись в деревню, танк наткнулся на самоходки. Наших танкистов успели заметить раньше, чем они обнаружили «фердинанды». И первая же самоходка круто развернулась, чтобы ударить. Тут-то и всадил ей Матвей снаряд в бензобак. Закачалось, метнулось пламя, и, обожженная страхом, вторая самоходка нырнула за дом. Лишь конец длинного ствола увидел Георгий, рванул к дому, лбом машины толкнул его, и крыша сползла на самоходку. Георгий дал заднюю скорость, а Матвей выстрелил. Крышу и самоходку поглотило пламя.

«Дом-то, как наш! А если в нем люди?» И Матвей оглянулся.

Дом был пуст.

Только вылетела серым клубком кошка и махнула через улицу, как раз навстречу третьей самоходке, выдвигавшейся из-за большого дома.

Георгий остановил танк, и Матвей с первого же выстрела, как топором, отсек ствол. Самоходка разверну-

лась и на полной скорости пустилась вдоль по улице, но два наших снаряда настигли ее, и теперь три огромных косматых костра пылали, поднимаясь все выше.

Как сейчас необходимо было поддержать напор одного танка! Но другие машины вели бой в пути, вели трудный, долгий, изматывающий бой. И Матвею с экипажем оставалось рассчитывать только на себя. Одни! Но важно выиграть время, важно не давать им опомниться, а там и наши подоспеют.

— На окраину! — приказал Матвей.

Включена четвертая передача, прибавлен газ, и танк пошел, поводя стволом, нащупывая цель.

Из двора, отделенного от танка пятью домами, выехали две автомашины. В руках у немцев, заполнявших кузов первого грузовика, темнели связки противотанковых гранат. Еще несколько секунд, еще десяток-другой метров, и полетят гранаты в сторону нашего танка.

Из орудия Матвей поразил первую автомашину, а вторая была раздавлена гусеницами.

Ни Матвей, ни Георгий, ни Алексей не слышали, как ширился крик, как он, подобно пламени, простирался вдоль деревни: «Русские! Мы окружены! Русские! Русские!..»

Дворами бежали немцы, бросали автомашины, оставляли орудия. Рев танкового мотора подстегивал бегущих, его снаряды уничтожили расчеты двух орудий, его гусеницы вдавили в землю станковый пулемет на окраине. Из-за того, что ветер широко разметал пламя горящих подбитых самоходок, грузовиков, из-за высокой скорости летящего танка, появлявшегося то в одной стороне деревни, то в другой, многим немцам и впрямь показалось, что они в стальном кольце наших машин.

Вот сейчас наш танк вырвется на самую окраину деревни и... Но тут он точно столкнулся со скалой. Содрогание корпуса танка оглушило всех. Мотор заглох. Георгий сгоряча стал нажимать на стартер, пытаясь завести мотор. Охваченный порывом атаки, механик все еще чувствовал себя неуязвимым за стальной броней. И не мог понять, что усилия завести мотор напрасны. Георгий подумал, что ему мерещится:

— Танк подбит... Мы горим...

Что? Это голос радиста Алексея Степанчука? Да нет! Это послышалось! Он оглянулся и увидел, что языки пламени проникли уже внутрь танка.

— Где Матвей? Где командир? — крикнул он.

— Вылетел... выбросило его,— послышалось откуда-то издалека.

— Что? — рассвирепел Георгий, ладонями придавливая пламя, въедавшееся в комбинезон.— Серьезно отвечай! Где Матвей?

— Вырвало,— задыхаясь, ответил Степанчук,— вырвало, говорю, и унесло куда-то.

Дымом заполнило танк, дышать стало нечем, огонь впивался в тело.

— Прыгай! Прыгай,— крикнул Георгий, зажмурившись от едкого дыма и вслепую заряжая пистолет.— Прыгай, Леша!

Никто не отозвался.

Каждую секунду можно было ждать взрыва.

Георгий открыл люк, рывком выскочил из танка.

Сейчас грянет взрыв.

Георгий увидел, как трудно поднимается верхний люк.

Минута — и взрыв, будет взрыв!

Георгий кинулся к люку, помог Алексею, вытащил его, уже задыхавшегося. Снял с танка и, взвалив на спину, сам дивясь своей силе, стал быстро удаляться.

Едва они скрылись за домом, как танк, точно крепившийся и ждавший, пока они скроются, взорвался.

Гром взрыва вернул Алексея из забытья. Худое лицо его за эти утренние часы боя обострилось, копоть вычернила узкие скулы, глаза, задымленные болью и чадом, не узнавая, смотрели на друга:

— Ты... Ты?..

— Что ты, Алешка, Алешка,— теребил его Георгий, уже успевший опустить Алексея на землю.

— Да, я — Алешка, я — Алексей... А ты... А где лейтенант? Где командир? Матвей, Матвей Окороков где? — Он выговаривал это мучительно медленно, они теряли драгоценные секунды, отсчитанные им для спасения. Но Георгий знал, что скорей погибнет, чем поторопит Алексея, потому что и в бою, и перед смертью есть мгновения, ради которых живет и умирает человек. И хотя Георгий ничего не мог ответить Алексею, выслушал его до конца.

Алексей приходил в себя, его глаза прояснились, а Георгий только начинал осознавать, что потерян друг, лучший друг — Матвей. Он даже и сам не знал, он только сейчас постигал по нестерпимой внутренней бо-

ли, как дорог был ему Матвей. Точно с ним обрывалась и его, Георгия, жизнь, кончалось или уже кончилось что-то большое, самое большое, может быть, молодость.

И вдруг Алексей резко поднялся с земли, схватил за плечи Георгия:

— Где? Где Матвей? Куда его дел? — Глаза радиста исступленно блестели, голос срывался.— Где? Ты виноват! — И тут сознание вернулось к нему, потрясенному и боем, и удушьем, и взрывом. Он закрыл глаза, прижался черной от сажи щекой к щеке друга.— Прости, Георгий, прости...

Георгий бережно опустил на теплую землю ослабевшего Алексея, а сам старался сообразить, как все произошло. Откуда, с какой стороны их танк был поражен? И куда могло выбросить Матвея? Где он сейчас?

— Георгий,— не открывая глаз, как бы в бреду, проговорил радист,— надо искать Матвея, надо найти его, наши все равно подойдут не скоро, может, он еще жив, найти его надо, может, не поздно...

Не поздно? Не поздно?! О, как иногда желание преобразуется в новые силы! Они одновременно подумали о спасении друга, и в благодарность за верность жизнь одарила их новой энергией. А может быть, и правда, главные силы приходят к нам тогда, когда мы думаем не о себе, а о других, о дорогих нам людях...

Георгий и Алексей, где пригнувшись, где по-пластунски, начали пробираться от дома к дому, стараясь отыскать Матвея.

— Видишь? — И Алексей указал на руку, выступавшую из-под обломков.

Подползли ближе. «Погиб. Погиб. Погиб!» — стучало в виски, а сами они начали отбрасывать обломки, стараясь делать это бесшумно. Они лежали на земле, ловя одновременно и звуки шагов, и далекую немецкую речь, и окрики, и ругательства.

Наконец показалась голова.

Нет, не Матвей! Они с облегчением поползли дальше, и вдруг под рукой Георгия оказался шлемофон. Шлемофон их командира. Да, это он, с надорванной правой тесемкой, с зашитой над правым ухом кожей. Сам и зашивал его позавчера Георгий, потому что Матвея вызвали в штаб...

Георгий и Алексей переглянулись. Алексей протянул руку к шлемофону, погладил его, а Георгий в от-

чаянии поднял глаза и отвернулся от Алексея, чтобы тот не видел его страданий. И тут у стены соседнего дома он разглядел сквозь слезы расплывчатый знакомый силуэт. Он не лежал, он был прислонен к стене или сам прислонился...

Георгий рукавом отер глаза и ясно увидел командира, его смертельно бледное лицо. Увидел Матвея и Алексей.

Забыв об опасности, они в полный рост кинулись к другу.

— Что? Что с тобой? — только и выдохнул Георгий, тронув за руку Матвея и как бы удостоверяясь и все-таки еще не веря, что Матвей перед ними, что он жив.

— Ничего,— скорее угадали, чем услышали они, а командир указал рукой на соседний дом.— Туда... вон выступил из-за угла...

Георгий выхватил из кобуры пистолет, вскинул его и выстрелил в гитлеровца, который с противоположной стороны дороги уже выпустил несколько пуль из автомата. Враг зашатался и осел, но и Матвея, раненного, они опустили на землю: пуля задела ему ногу.

— Наблюдай! — бросил Георгий Алексею, а сам принялся перевязывать командира.

— Да у тебя самого плечо кровью залито,— и Матвей потянулся за бинтом.— Ну-ка, дай половину.— И пока Георгий бинтовал ему ногу, тот перевязал плечо другу, широкое, мощное плечо.

Невысокий, радист Алексей стал как бы еще меньше, незаметно изучая улицу и подход к следующему дому, крытому жестью. Алексей напрягся, он старался не только увидеть, но и услышать, по звукам определить близость и количество врагов.

— Ну что, интуиция? — через силу выдавил сквозь зубы Матвей.

Алексей приподнялся, прополз за угол, огляделся зорко, предостерегающе приложил палец к губам и, махнув рукой, позвал за собой друзей. Они сами не поняли, как им удалось под носом у немцев перебраться к следующему дому и юркнуть в сени.

За порогом тяжело процокали кованые сапоги.

Танкисты затаились: сюда или нет? Пистолеты трех друзей были направлены на дверь.

Георгий краем глаза уже наметил путь их дальнейшего движения.

И едва шаги стали стихать, ловко вскарабкался на чердак. Протянул руки Матвею, начал втягивать и его, а Алексей снизу помог командиру. Тот уже был наверху, когда опять за порогом загрохотали сапоги.

Теперь два пистолета были направлены на дверь с чердака, а третий — пистолет Алексея — находился у самой двери. Шаги замолкли перед дверью, и она начала медленно открываться.

Еще мгновение, и Алексей выстрелит.

— Ганс! Ганс! — прозвучало с той стороны улицы, дверь снова затворилась, и послышались быстрые шаги.

Алексей тыльной стороной ладони отер пот.

Как забраться ему? Ведь он мал ростом!..

— Метла! В углу,— шепнул Георгий.

И вот метла в руках Алексея. Один конец он протянул друзьям, а за второй схватился. Они втащили его на чердак в тот миг, когда дверь распахнулась и два гитлеровца вбежали в избу.

Держа наготове автоматы, они обшарили сени.

— Может, на чердаке? — разобрал Матвей.

— Нет, Ганс! Тебе показалось, не входили они сюда.

— Что я, слепая свинья, по-твоему?! Их трое! Один здоровый, на две головы выше тебя, второй с тебя, а третий вроде мальчишки.

— Правильно! Лейтенант решил поджечь эти дома, где-нибудь они здесь. Пошли за соломой! Мы их выкурим!

— А если дома сожжем, а их нет?

— Лучше что-нибудь, чем совсем ничего! — И оба, засмеявшись, вышли.

Танкисты затаились за трубой. Сквозь пунктир отверстий, вероятно, пулеметной очередью пробитых в жестяной крыше, радостно врывались отвесные солнечные нити.

Эти золотые соломины касались троих друзей, обещая ласку, покой. И трудно было поверить, что рядом, вокруг дома, уже громоздятся охапки соломы, что сейчас чиркнет спичка, и...

Матвей внимательно всматривался в глаза друзей. Они отвечали ему молчаливыми взглядами: в них светилась готовность ко всему. Безотчетным движением Матвей полуобнял их. И так они встретили этот огонь, который карабкался по стенам, красными пятками опи-

раясь о каждый выступ, вползая в каждый проем, в каждую щель.

Георгий смотрит на солнечные соломины, и опять перед ним колосья пшеницы, лицо матери, ее удивительно доброе лицо.

Матвею видится девушка, теплые губы, вспоминаются ее слова, ее вера в его возвращение.

Алексей в мыслях у речушки под липой в жаркий день. Удит рыбу. От зноя с листьев липы нет-нет да и упадет на плечо капля сока...

Огонь подбирается к крыше.

Занялись стропила. Пламенем охвачены деревянные перекрытия. Крашеная жесть в огне. Пышет жаром от стен, от крыши, от перекрытий. Воздух прокаляется, из-за дыма не видно солнечных соломин. Трудно различить лица. Уже глаза друзей не рассмотришь. Дышать нечем.

Матвей глянул из-за трубы на дверь.

В дверях стоял офицер с крестом на груди. Вот он вскинул автомат. Случайно? Или заметил кого?..

Крыша полыхает, листы топорщатся, скручиваются, срываются с гвоздей, скатываются вниз.

С улицы доносятся немецкие фразы:

— Не срывай яблока, пока зелено, созреет и само упадет!

— Сами в мышеловку залезли!

— Потеряешь мужество — значит, все потеряешь!

«Правильно»,— думает Матвей и, наклоняясь поочередно к каждому, переводит друзьям эти слова. И у врага надо учиться. Страшный урок.

— Лихо горит квартал, надо бы всю деревню! — Офицер, стоящий у двери, закашлялся от дыма, выругался и отошел от дома.

Георгий тут же спрыгнул в сени, принял на руки Матвея, подхватил Алексея. Вошли из сеней в дом. Что-то лопалось с треском, искры летели в глаза. И тут сквозь дым, уже сквозь спасительный дым, мелькнула фигура офицера. К счастью, дым скрыл от него танкистов.

Георгий ползком добрался до окна и увидел, что вокруг никого: лучший часовой — огонь.

Прыгать?

Прыгать!

Но куда? Частокольная изгородь в огне. Соединенный с домом сарай тоже объят пламенем. Да, враже-

ский огонь — часовой — держит их под контролем. Все горит вокруг, нет, кажется, места, куда можно ступить, где можно укрыться от огня.

Но ведь только что дым спас их от взгляда и от пуль вражеского офицера. Не спасет ли и огонь, призванный их погубить? Главное, не потерять мужества!

— За мной! — И Матвей первым выбрался из окна. Меж горящими частоколом и сараем, между двумя стенами огня полз он, и вправду надежно укрываемый от немцев огнем. За ним ползли друзья. Жар пламени обдавал их лица, огонь тянулся к их рукам, комбинезонам.

Они уже выбрались за сарай. Одно желание — упасть и уснуть. Даже раны и те отпустили, все застлала усталость, наступило какое-то равнодушие, безразличие... Где-то в страшном кипении боя сгорел день, а когда? «Все произошло мгновенно или продолжалось столетие? Понятие времени? Нет его! Есть понятие боли, усталости, опасности — ими и определяется время»,— думал Матвей, как-то стремительно уходя, ныряя в забытье. И вдруг: губы девушки, ее слова. Ее вера в его возвращение. Все это рядом! Да неужели он обманет, не выйдет живым?

Матвей осмотрелся вокруг. Летучая мерцающая дымка вечера окружала их. Вот неподалеку белесый холмик, или он белес в отсветах догорающих домов?

Матвей еще и не сообразил, что надо делать, но руки его и ноги, тело его, распластанное на земле, пришло в движение, точно наше тело тоже умеет думать и порой раньше мозга принимает верное решение. Да, он полз, он, еще не осознавая происходящего, полз к этому холмику. Страшное время, если человек, чтобы выжить и победить, должен ползать!

Он добрался до холмика. И только тут понял, как правильно поступил, что полз: ведь здесь окоп. Настоящий окоп! Матвей осторожно обернулся и подал сигнал друзьям, задев за бурьян, лежавший около окопа. Ага, и этот бурьян — кстати, очень кстати. Просто счастье, что здесь и окоп и бурьян.

Матвей лег на дно, прикрывшись бурьяном.

На него соскользнул Георгий, снял с Матвея бурьян и накрылся им.

Приполз и Алеша.

Теперь они втроем были в окопе, а поверх окопа бугром чернел бурьян.

Секунды и песчинки. Быстрее секунд сыпались песчинки. Всепроникающий песок набивался в уши, в нос, в раны, он заживо погребал друзей, преждевременно обрекая их на смерть. Он забивался в рукава, в карманы, в кобуру, в сапоги. Они были у него во власти, и дышать стало нечем, особенно Матвею, лежавшему на самом дне. Он молчал. Друзья не знали, что в нескольких местах в спине его сидели осколки. Раненая голова гудела, она казалась огромной, занимавшей весь окоп.

Плечо Георгия саднило: рана глубока. Много крови потеряно.

Пользуясь темнотой, радист Алексей поменялся местами с Георгием и, упираясь руками и ногами в стенки окопа, старался поддерживать Георгия на себе, чтобы не давить на Матвея.

Кажется, и десяти минут не пролежать так, а они, ни разу не застонав, не сказав ни слова, лежали свыше двух часов... Наконец решили выбраться, как вдруг отчетливо услышали, а Матвей и понял, немецкую речь:

— Не всякое средство себя оправдывает!

— А я за жестокость! Чем меньше останется русских, тем больше простора нам!

— Мы еще поплатимся за эту жестокость!

— Смотри! Что это за бугор? Днем не было. Не подходи.

Прогремел выстрел. Стреляли по бурьяну.

— Куст какой-то. А ну-ка, пощупай штыком!

И ножевой штык сквозь бурьян, мимо раненого плеча Георгия прошел и остановился у самого лица Алексея. «Нажмет или нет?»

— Ты лучше дай очередь по этой яме!

— Ты меня идиотом считаешь? — И штык исчез.

Все трое забыли о муках: знали, что их ожидает.

Шаги смолкли.

Капли холодного пота с подбородка Алексея скатились на лицо Матвея.

Их лихорадило.

Опять шаги.

Остановились.

Помолчали.

Закурили.

— Чертова зажигалка! Ты слышал, что Ганс гово-

рил о жестокости? А по-моему, это только масла подливать в огонь!

Второй что-то пробурчал.

Ушли.

Совсем стало темно. Пора и выбираться. Но хорошо, что помедлили: тяжело зашаркали сапоги, раздались голоса:

— Тебе не было страшно? Ведь ты его прикончил!..

— А что делать? Раз приказывают, я убиваю!

Стерлись в тишине и эти шаги, и голоса.

Во тьме они вылезли из окопа и ползком потянулись в сторону вспыхивающих ракет...

Нарастающий гул говорил, что они ползут к линии фронта, что за день наши продвинулись вперед, что где-то уже не очень далеко свои!

Однако без конца приходилось сливаться с землей, замирать, задерживать дыхание, подавлять стон: то и дело на пути вырастали фигуры немецких солдат.

Танкистам удалось добраться до тех самых траншей и окопов, которые они недавно утюжили. Это придало неожиданные силы. В темноте рука Матвея наткнулась на чье-то тело, погоны, грудь, крест. Не тот ли это офицер, уже мертвый? Так, значит, бой был и здесь. Или это другой офицер? Встреча ободрила их. И смерть врага помогла им жить, ускоряя движение.

Навстречу из темноты двигались шесть вражеских солдат.

Лежащим на земле танкистам надвигавшиеся гитлеровцы казались огромными, неотразимыми. Скатиться в траншею — услышат...

Ну, вот и все. Теперь не уйти. К тому же не осталось ни одного патрона.

«Та-та-та-та» — прокатилась пулеметная дробь.

И в этот момент друзья успели скатиться в траншею. Гитлеровцы исчезли.

Друзья чувствовали, что наши где-то совсем рядом.

Вылезли и, не сговариваясь, пошли во весь рост.

— Кто идет? — окликнули их по-немецки.

И Матвей с каким-то усталым спокойствием отозвался по-немецки:

— Свои идут! Свои, что ты, не видишь, что ли?

Ночь рухнула: взмыла ракета и располосовала тьму.

Друзья припали к земле.

— Русские! Русские! — И загремели выстрелы.

— Живыми! Взять живыми!

Матвей, Георгий и Алексей бросились бежать.

Но раны есть раны, потеря крови — потеря, усталость не проходит от того, что смерть за спиной!..

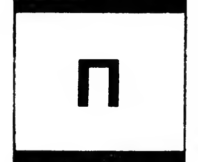
Друзья бежали, а преследователи настигали их. Навстречу ударил «максим». Давай, «максимушка»! Давай!

Друзья упали на землю, все закачалось, закружилось, поплыло в их сознании.

Не слышали они, что «максим» продолжает бить. Не разобрали они и ночного, ознобившего немцев «ура». Не почувствовали они и света фонарей на своих лицах. И не чаяли друзья, что очнутся среди своих.

1969

ПЕРЕД БОЕМ

риближение перемен на фронте бойцы угадывали по многим, им одним ведомым, признакам. Чаще обычного появлялись на переднем крае командиры батальонов, полков, а порой даже и дивизий: изучали местность, проводили рекогносцировку, о чем-то советовались, вырабатывали совместные решения... Прибывало пополнение, и тут же спешно шло его обучение. Начальники боепитания вдруг становились добрее — с избытком отпускали снаряды, мины, патроны, гранаты... Выдавали новые полушубки, валенки, рукавицы. Сполна отпускали «наркомовскую порцию». Зоркий солдатский глаз замечал и многие другие перемены. Все ясно: предстоит наступление, грядут новые бои и походы. Придется оставлять обжитые окопы и блиндажи, освоенные огневые позиции, пулеметные ячейки, наблюдательные пункты, вылезать на поверхность... Но и врагу будет несладко: вести нелегкие оборонительные бои, отражать наши атаки, отступать по морозной, открытой всем семи ветрам русской степи...

Накануне наступления по традиции во взводах крас-

ноармейцы писали письма. Еще не улеглись волнения от зачитанного перед строем боевого приказа. Вчера взвод пополнил свои боезапасы. Каждый боец знает ориентиры, направление своего движения, объект атаки, огневые точки врага, которые надо подавить. Но напряженное ожидание предстоящего боя томило людей.

— Как думаете, сержант,— обратился лейтенант Метелкин к Славинову,— у бойцов взвода бумага и карандаши имеются?

— Не у всех, товарищ лейтенант. Если и была, то искурили. Замполит батальона разрешил пускать на курево даже свежие газеты, по их прочтении, конечно. С бумагой плохо...

Михаил Метелкин порылся у себя в полевой сумке, достал общую тетрадь, вырвал из нее с десяток листов.

— Вот. Раздайте. Пусть кто хочет, напишет домой письмо. Карандаш, правда, у меня один. Но ведь не все же сразу будут писать. Пусть по очереди приходят в наш блиндаж. Тут удобнее. И сам напиши...

Метелкин после вчерашней удачной разведки постепенно стал называть своего помкомвзвода на «ты». Это свидетельствовало о большом уважении к человеку и младшему командиру.

— Спасибо, товарищ лейтенант. Действительно, неплохо бы сообщить домой о себе. Обрадуются родные. Почувствуют наш хороший настрой, догадаются, с чего это у нас...

— Вот и давай пиши, пока есть возможность. Когда вперед пойдем, времени не будет.

Вскоре в блиндаж протиснулся красноармеец Пряхин.

— Разрешите, товарищ лейтенант? Мне сержант сказал, что тут можно письмишко сочинить.

— Заходи, Пряхин. Садись, сочиняй. Ты, говорят, на это мастер...

Пряхин пропустил мимо ушей комплимент командира взвода, пододвинул чурбан, служивший Метелкину стулом, сел, тяжело облокотясь на стол. Взял толстыми непослушными пальцами карандаш, помусолил его и вывел первые слова:

«Здравствуйте, дорогие мои жена Прасковья и дети Катя, Вася и маленькая Ленка! Пишет вам муж и отец Пряхин Николай Прохорович, рядовой боец энской стрелковой части. Во первых строках моего письма

спешу сообщить, что я жив и здоров, чего и вам желаю...»

Написав эти слова, Пряхин остановился и вопросительно посмотрел на комвзвода:

— Товарищ лейтенант, а про наступление можно писать?

Подумав, Метелкин определенно ответил:

— Не советую пока. Вот объявит Совинформбюро в своей сводке, тогда пожалуйста, пиши сколько душе угодно: сочиняй, фантазируй...

Кивнув головой в знак согласия, Пряхин продолжал писать:

«Все мы горим желанием побить немца, прогнать супостата с родной земли. Все у нас для этого есть — и хорошие командиры (тут он еще раз с удовольствием взглянул на лейтенанта), и техника, и оружие. Как только запоет наша фронтовая «катюша», так, считайте, крышка врагу будет. Его уже сейчас страх пробирает...»

Написав еще несколько подобных слов, Пряхин подумал, что, пожалуй, лишнее сообщает, слишком явно намекает на предстоящее наступление, но тут же махнул рукой — мол, сойдет,— свернул листок треугольничком и спросил:

— А вы, товарищ лейтенант, своим тоже написали?

— Родителям написал. А больше некому.

— А девушке? Девушка у вас, поди, знакомая есть? Ведь тоже ждет не дождется. Я, когда был молодым, неженатым...— Пряхин хотел было пуститься в пространные рассуждения о молодых годах и тем подбодрить вдруг помрачневшего командира взвода, но тот жестом руки остановил его и спокойно сказал:

— Девушка у меня тоже есть... Вернее, была, но адрес ее мне неизвестен...

— Ну и что? — простодушно заметил Пряхин.— Сейчас нет, потом будет. А таких слов, что перед боем скажешь, вовек не придумать. Вон я как своей женушке написал: «Ласточка моя, касаточка ненаглядная»... Разве ж в нормальной обстановке я на это решился? Нет, конечно. Прочтет, удивится и подумает: рехнулся муженек мой... А я все равно написал, потому как это от всего чистого сердца. Тут никакого преувеличения нет. Надо, чтобы она знала настоящее мое к ней отношение...

Этот ли разговор растревожил Метелкина или еще

что, но он умолк и глубоко задумался. Иссякло красноречие и Пряхина. «Что-то не то сказал я»,— решил он про себя и уткнулся в лист бумаги, пытаясь еще несколько слов написать. Но они, эти слова, не приходили на память, и он поднялся и тихо вышел. Михаил Метелкин некоторое время оставался один. Он вдруг явственно, во всех деталях, вспомнил свое пребывание в госпитале, встречи с родными, когда был в краткосрочном отпуске.

* * *

...Санитарка Маша не отходила от его постели. То бинты поправит, то новую мазь принесет. Или просто сидит, рассказывает о себе, о своей жизни, о подругах — обо всем.

— Маша,— осторожно говорил Метелкин.— Мне неудобно, право. Есть же другие больные...

— А я успеваю всюду. И им уделяю внимание. Ко всем одинаково отношусь,— отвечала она с застенчивой улыбкой.

Михаил заметил, что и по ночам Маша иногда тихо заходит в палату, поправляет на его плечах одеяло и так же осторожно уходит.

— Втюрилась в тебя девчонка,— шутили по утрам соседи по палате.— Отвечай взаимностью.

— Да что вы! У меня же невеста есть.

— Невеста далеко, а она рядом.

Михаил сердито отмахивался. За два месяца все тут сдружились, сроднились и знали друг о друге все, что можно было знать. Через неделю Михаил уезжал на фронт. Он обменялся с друзьями адресами. Попросила адрес и санитарка.

— Маша,— сказал Михаил.— Я тебе обязательно напишу. Ты ж меня спасла, выходила. И ты мне пиши. Только ведь у меня невеста есть.

Маша вскинула на него глаза и тут же отвернулась.

— Невеста... Лучше бы мне этого не говорил. Что невеста? Невеста подождет да и забудет. А я никогда не забуду, никогда...— Она резко повернулась и выбежала из палаты.

— Маша!

Нет, теперь уже не вернется.

При выписке из госпиталя дали Михаилу неделю

отпуска. Куда ехать? Конечно, домой. Благо недалеко.

В вагоне тесно и душно. Михаил забрался на верхнюю полку и задремал. Проснулся — поезд стоит. Посмотрел в окно и кубарем слетел с полки.

— Бог мой, чуть не проспал.

С трудом протиснулся к выходу, не отвечая на ворчания:

— Чумовой какой-то...

— Полегче, парень...

На станции было тихо. Проводил взглядом поезд и, поправив за плечами вещмешок, зашагал к выходу на площадь.

— Эй, парень, не узнаешь, что ли?

Михаил обернулся. Его догонял бородатый мужичок в тулупе, в нахлобученной на самые глаза ушанке.

— Дед Митрич! — раскрыл Михаил объятия.— С лошадкой? Повезло мне.

— А как же! — дед улыбался во весь рот.— Вижу — вроде свой, а летит мимо, не признает. Вымахал однако ж ты.

Усадив гостя в сани на солому, дед заботливо прикрыл ему ноги половичком и крикнул:

— Но-о, милая, трогай!

Первый вопрос, конечно, о фронте. Как там?

— Я, Митрич, с фронта уже давно выбыл. По ранению. Сам питаюсь газетными сообщениями да тем, что раненые рассказывают.

— Где ж тебя ранило?

— Под Москвой. Крепко мы тогда врагу дали. Летел прочь как очумелый.

— Крепко-то крепко, да ведь и пропустили дюже далеко — аж до самой столицы.

— Да, пропустили далековато.

— То-то и оно.

Михаила все подбивало спросить о Нине. Но интереса своего выказать он не хотел. Поэтому, поколебавшись, все же спросил:

— Как тут земляки живут?

Митрич лукаво скосил на седока глаза:

— А тебя кто именно интересует?

— У Колокольцевых как? — спросил напрямик Михаил.

Дед махнул кнутовищем, зло стеганул лошадь по крупу:

— Плохо у Колокольцевых. Сгинул парень. Ни слуху ни духу. И то ведь сказать — пограничник. Ты-то сам как выбрался?

— Чудом.

— А ему чуда, видно, не выпало.

Дорога пошла под гору. Лошаденка прибавила прыти. Сани закачало по колдобинам. Долго молчали. Потом, уже у въезда в деревню, Михаил спросил:

— Что ж, старики одни живут?

Митрич обернулся и подмигнул одним глазом: знаем, мол, куда клонишь. Сказал:

— Зачем одни? Дочки с ними.

— Значит, Нина здесь? — заинтересованно переспросил Михаил.— Она ж на фронт собиралась.

— Здесь покудова. Но-о, милая!

Дома, едва перекусив, Михаил собрался к Колокольцевым.

— Куда торопишься-то? — поинтересовалась мать.

— Друзей надо навестить.

— Успеется. Побыл бы с отцом да с матерью.

— Мама, я ненадолго. Только узнаю, где Нина.

— Далась она тебе! Других, что ль, девок мало?

— Другие меня не интересуют.

— Да и эта тебя не стоит.

— Что так?

— А то, что девки ноне непутевые пошли. Война, а у них каждое воскресенье танцы.

— Раньше каждый вечер танцевали.

— То раньше.

Поняв из разговора с матерью, где искать Нину, Михаил сразу направился в клуб. Там кружились пары. Танцевали под гармонь. Парней было мало, большинство девчат. Михаил сразу увидел Нину. Она танцевала с Борисом Козыревым. Михаил вошел в зал и стал около стены. Его увидели, стали подходить. Расталкивая подруг, подбежала и Нина. Михаил отошел в сторону.

— Миша, родной...

— Ты что, Борьку не знаешь? Это же хам. Одно прикосновение его руки противно. А он еще талию твою сжимает...

Михаил бросал злые слова, не думая о последствиях.

— На фронт уезжает,— шептала Нина.— Очень просил один только танец. Я не могла отказать.

— Не увильнул, значит, от фронта.

— Что ты говоришь? У каждого свой черед.

— Знаю я его черед. Все хворым прикидывался. А сам здоров как бык. На танцульки ходит, когда кругом столько бед. И ты туда же — за ним...

Нина взглянула Михаилу в глаза и отшатнулась: столько было в них злости, презрения. «Меня-то за что, меня-то?» — думала она. Именно в эту секунду что-то перевернулось, изменилось в ней. Она нахмурилась, из-под густых бровей посмотрела на Михаила и сказала с достоинством:

— Знаешь что, я к тебе в подружки не напрашивалась. Кто мы друг другу? Были товарищами, а теперь, вижу, поссорились и разошлись. А с кем мне танцевать, сама решать буду.

Сказав это, Нина резко повернулась и ушла. Когда Михаил понял наконец значение сказанных ею слов, она уже шагала по улице к своему дому. Он бросился было догонять, но его плотным кольцом обступили девчата.

— Миша, Миша, пошли танцевать. Будь любезен...

Каждой было лестно пройти круг-другой с фронтовиком.

Когда на другой день Метелкин зашел к Колокольцевым, Нины дома не было. Сказали, что она на ферме и придет не скоро. Потом она уехала по каким-то своим делам в район. Дни отпуска пролетели быстро. До отъезда на фронт он так больше и не встретился с Ниной. А когда человеку не повезет, так уж во всем. В первой же атаке он вновь был ранен. Снова госпиталь. И опять надолго. После ранения на фронт не попал, а был зачислен слушателем курсов младших лейтенантов.

На курсах спорили о тактике, учились обороняться, ходить в атаку, мастерски применять оружие, особенно автоматы.

— Мы сбили спесь с врага под Москвой,— говорили побывавшие в переделках воины.— Теперь воевать легче. Вкусивший победы ее не упустит.

— Но и немец изрядно побил наши войска. Чуть ли не пол-России отхватил.

— За битого двух небитых дают. Слыхал про то?

— Слыхать-то слыхал, а битым быть не хочу.

— Тогда учись.

И учились. Пропадали сутками на полевых заня-

тиях, на стрельбищах, засиживались допоздна в аудиториях. А чуть выдавалась свободная минута, опять возникал разговор о делах фронтовых. Тяжелое положение создавалось на юге. Прорвав фронт, немецкие войска устремились в донские степи. Михаил не знал, что в штаб-квартире Гитлера разрабатывались планы военного похода за Волгу, на Кавказ.

А потом в германской печати одно за другим стали появляться официальные сообщения, говорящие о тяжелом положении немецких войск под Сталинградом. И Михаил ничуть не удивился, когда после окончания курсов, получив звание младшего лейтенанта, он в одно морозное утро оказался у берегов Волги.

* * *

Добирался Михаил Метелкин до переправы попутными автомашинами. Водитель, подбросивший его до развилки дорог, был расторопен и весел.

— Я что скажу вам, товарищ младший лейтенант,— делился он своими соображениями о положении на фронте,— уперся немец в Волгу — и все. Дальше ему пути нет. А для нас, шоферов, страдная пора начинается. Откуда что берется — ума не приложу. В сутки по десять — пятнадцать рейсов делаем. Невелика сегодня моя поклажа: полушубки да шапки меховые везу. Но уж если всем этим добром народ полностью обеспечивает свою армию, то что сказать про основное? Вчерась подзадержался ночью в пути: танковая колонна дорогу перекрыла. Ну, скажу я вам, силища великая! Одним словом, мощь! Не устоять Гитлеру. Нам-то ведь, шоферне, виднее, что где творится. Не буду разглашать тайну, одно скажу вам: веселая жизнь начинается. А вы, значит, на переправу?

— Да, к Волге.

— Там жарковато сейчас. Жмет враг. Надеется напоследок урвать кусок пожирнее. Да ничего у него с этим не получится. Выдюжим. Какое мне довелось пережить на этих переправах — никому не пожелаю. А вот живой. И думаю еще отпраздновать нашу победу над врагом. Об этом мечтаем все мы. Этим живем.

Время, которое Михаил, притопывая, провел на развилке дорог, развеяло его доброе, полученное от словоохотливого водителя настроение. Поношенная ши-

нель совсем не грела. Пилотка и вовсе не давала тепла. Что есть она, что ее нет. Девушка, дежурившая на развилке, в полушубке, новенькой шапке-ушанке и в валенках, жалостливо поглядывала на молоденького командира, отогревавшего ладонями уши.

— Шли бы вы в теплушку, товарищ младший лейтенант,— советовала она.— Отогреетесь. Еще неизвестно, как там на переправе. Река-то, конечно, еще не встала, да и бомбят по нескольку раз в день. А бывает, и диверсионные группы появляются, и тогда завязывается бой. Случилось мне там, на переправе, на посту стоять. Страшновато, жутко. Пограничники, конечно, молодцы. Целая застава там на охране переправы стоит. Командир у них просто храбрец.

Метелкин, изрядно промерзший, подумывал уже последовать совету девушки и пойти погреться в дежурку. Ему и не хотелось уходить от добродушной глазастой регулировщицы, проникшейся к нему сочувствием. И в то же время мороз проникал до костей и гнал в теплое место. На его счастье, вскоре заскрипели тормоза: повинуясь взмаху флажка регулировщицы, грузовик остановился.

— Садитесь, товарищ младший лейтенант,— крикнула девушка.— Как раз до переправы довезет. Там уже немного останется. Полезайте в кабину, отогреетесь...

Метелкин торопливо сел в кабину. И когда машина уже тронулась, он спохватился, что забыл поблагодарить заботливую регулировщицу. «Ну ничего,— подумал он,— в другой раз. Недалеко буду, встретимся еще».

Когда они подъехали к переправе, над ней кружились немецкие бомбардировщики. Одна группа сменяла другую. Бомбы падали в реку, вздымая столбы воды, перемешанной со снегом. Юркий катер, то и дело меняя курс, пробирался к берегу. Водитель взглянул на часы.

— Вы не волнуйтесь, товарищ младший лейтенант,— сказал он.— Этот налет на сегодня последний. Темнеет. Ночью они не летают. Счастливо вам переправиться.

Еще трясясь в машине по кочковатой дороге, Михаил думал о том, как он пересечет Волгу. Волновало многое. И грандиозность битвы, которая разыгрыва-

лась на берегах великой русской реки, и предстоящая встреча с героями этой битвы. Думалось и о том, как сам он начнет воевать в новой должности, сумеет ли командовать бойцами, прошедшими немалый путь на войне, закаленными в огне Сталинграда. Что касается переправы, то тут он надеялся на пограничников. Все-таки свои ребята, помогут.

У контрольно-пропускного пункта его остановили:

— Ваши документы, товарищ младший лейтенант.

Молоденький боец был приветлив, но нетороплив. Он тщательно перелистал новенькое удостоверение личности Метелкина, казалось, до последней буквы изучил его предписание.

— На тот берег, значит,— кивнул боец.

— Да. И хотелось бы поскорее.

— Не задержим. Как только будет кто-то переправляться, сразу же и отправим.

Боец был в обычной красноармейской общевойсковой форме. Зеленых фуражек и пограничных петлиц Метелкин не заметил и у других дежуривших на контрольно-пропускном пункте.

— Как служится? — спросил он, чтобы завязать разговор.

— Та ничего,— ответил боец с явно украинским акцентом.— Службу несем справно. Летаки донимают, ну и артиллерия иной раз до нас достает. Но ею уж другие занимаются. Наше дело особое — порядок здесь блюсти...

— Слышал, что у вас тут пограничники службу несут...— поинтересовался Метелкин.

— Все несут, кому положено,— неопределенно ответил боец.

Разговор явно не клеился.

— Я тоже пограничник,— сказал Метелкин.— Врага встретил аж на самой западной границе, на заставе...

Боец метнул на него любопытный взгляд.

— Пройдите в дежурку, товарищ младший лейтенант,— посоветовал он.— Там старший лейтенант вам растолкует, что к чему. А мне не положено.

Вместе с клубом морозного воздуха Метелкин шагнул через порог. Старший лейтенант в форме пограничника, высокий, с узкой, перетянутой ремнем талией, стоял спиной к двери, по телефону отдавал какие-то распоряжения. Говорил он ровно, спокойно, но иногда

голос его повышался, становился твердым, внушительным.

— Задержанных доставить на заставу. Разберемся. Будьте особенно бдительны. Никаких отступлений от инструкции. Никаких! Будем строго взыскивать. Вышлите дополнительный наряд.

Слушая такие близкие, родные слова, как «застава», «наряд», Метелкин улыбался. Пограничник тем временем закончил разговор и, повернувшись, строго посмотрел на вошедшего:

— Вы ко мне?

В ту же секунду взгляд его потеплел, в широко открытых глазах мелькнула радость.

— Мишка?! — восторженно крикнул он.— Ты откуда, дружище? Вот так встреча!

Старший лейтенант Колокольцев шагнул через комнату и стиснул Михаила в объятиях.

— Ну, не ждал! Никак не ждал. После таких боев... Ты ведь на заставе встретил войну?

— Так точно.

— На западной?

— На ней.

— Ну, садись, садись, потолкуем.

Они сели за стол и с минуту молча глядели друг на друга.

— Надо же так встретиться,— продолжал удивляться Григорий Колокольцев.— Нежданно-негаданно. Какие везешь новости? Из дому пишут?

— Да пишут помаленьку,— ответил Михаил машинально. Он сдерживал себя, опасаясь, что Колокольцев станет расспрашивать о родных, о Нине. Но тот, оказалось, уже знал о постигшем их семью горе.

— Да, не повезло старикам. Отец, можно сказать, в одночасье скончался, а мать не перенесла его смерти, ушла вслед за ним.

Михаилу очень хотелось расспросить о Нине, может, он знает что-либо о сестре. Но сдержался, не выдал своего повышенного интереса. Сказал только о том, что считал сейчас для Колокольцева самым важным.

Они проговорили до рассвета. Подробно рассказал Метелкин о младшей сестре Григория — Кате, которая находится теперь в детдоме, и о встрече с Ниной на танцах, но куда она уехала потом, никто не знает. Известно только, что она окончила курсы радисток и ушла на фронт.

* * *

Все это еще раз вспомнил и пережил Михаил Метелкин теперь, готовясь к новым наступательным боям под Сталинградом. На всякий случай решил написать небольшое письмецо.

«Нина, дорогая! Прости меня за ту, на танцах, минутную вспышку, которая нас разлучила. Потом я долго искал тебя, но найти не смог, за что жестоко казню себя и буду, видно, казнить всю жизнь. Только сейчас я понял, как ты дорога мне... Часто вспоминаю тебя, всю, всю. Каждую черточку твоего лица — и родинку на левой щеке, и улыбку твою, такую добрую и светлую, и глаза, глубокие и ясные, как лесное озеро, в которых только один раз увидел недоумение и упрек...

Увижу ли я тебя когда-нибудь еще? Вернешься ли ты ко мне, любовь моя?»

В землянку шумно втиснулся сержант Славинов:

— У вас тоже письмо? Давайте я заодно отправлю.

Метелкин дважды свернул тетрадный лист и положил его в карман гимнастерки.

— Нет адреса, сержант, к этому письму. Пусть полежит. Если останусь жив, поищу адрес. А если нет, так ты отправишь его моим родным, а они уж найдут, кому переслать. Хочу, чтобы дошли мои последние мечты...

— Ясно,— догадался Славинов.— Тогда я понес. Почти все во взводе написали домой...

Он собрал в сумку разноцветные солдатские письма-треугольники и вышел.

Утро бойцы взвода встретили в траншее. Ждали сигнала атаки. Она была назначена именно на эти утренние часы. Густой туман, однако, плотно покрывал землю, и Метелкин очень волновался: не сбиться бы с заданного направления. Он знал, что первой, как всегда, заговорит артиллерия. Но пушки молчали. Почему? Может быть, всему виною туман? Все готово. Заряжены орудия. Наведены в цель «катюши». И от бойца, прижавшегося к холодной земле, до командующего армией все застыли в напряженном ожидании. Накануне во всех подразделениях зачитали обращение Военного совета фронта: «В наступление, товарищи!» Это магическое слово — «наступление» было теперь у всех на устах. Хватит сидеть в обороне, пора идти вперед,

освобождать родную землю от врага. Аж от самой Волги придется гнать его за Дон и дальше, пока хватит сил.

Уже занимался рассвет, а земля все еще была окутана туманом. Через полчаса он еще больше сгустился, ухудшилась видимость. Волновались все — и бойцы, и командиры, и генералы. Даже генштабисты звонили по ВЧ в штаб армии.

— Сейчас туман,— отвечал командарм.— Если рассеется, начнем вовремя. У нас все готово.

...Томительно тянется время. Секунды отсчитываются по стуку сердец. Секунды складываются в минуты, потом в часы. Беспокоятся артиллеристы: не пора ли начинать? Нет, надо еще подождать. Начало артподготовки переносится на час, затем еще на час. И снова звонок из Москвы:

— Здесь у нас, в Генштабе, выражают беспокойство: не упустите ли время? Надо принять все меры к тому, чтобы скорее начать.

Командующий армией едва сдерживает себя. Желваки играют на скулах. Говорит внешне спокойно, медленно:

— Мы исходим из конкретной обстановки... Не беспокойтесь, свои возможности мы не упустим.

Командующий понимал, что он мог навлечь на себя упреки в случае любой возможной неудачи. Но начинать «на авось» он не мог: слишком большая ответственность за судьбу тысяч людей, за исход наступления легла на его плечи.

Михаил Метелкин уже третий час стоял с биноклем и поеживался от холода.

— Пробирает сильно. Даже наша русская овчина не спасает.— Он потер щеки, снова вглядываясь в белесую даль.

— Что-то долго нет сигнала.

— Еще артиллерия не отработала свое... Мы вслед за ней...

В глубине послышался рокот танков, прогревавших моторы.

— Танкисты уже шумят,— пояснил Пряхин, поудобнее прилаживая на бруствере свой пулемет.

Где-то на правом фланге застучал приглушенно автомат.

— Фрицы проснулись,— заключил Славинов.— Беспокоятся. Чуют приближение расплаты.

— По местам, ребята! Приготовиться!

Это голос Метелкина — простуженный, глуховатый, но решительный.

Вскоре небо заголубело. Туман стал уползать в лощины. Над окопами, как молнии, пронеслось несколько огненных трасс.

— «Катюши» заговорили.

Тут же тысячеголосо ударила артиллерия. Грохот сотен орудий всколыхнул воздух. Над окопами противника поднялось огненное зарево. Тяжелые снаряды перепахивали многострадальную землю, выковыривая из нее окопавшихся гитлеровцев.

— Огонь! — радостно командует Метелкин.

Снова ударили мощные гвардейские минометы — «катюши». Это был сигнал для них, стрелков. Сигнал атаки.

— Ура-а-а! — пронеслось над окопами.

Опершись прикладом автомата о бруствер, Метелкин легко, по заранее сделанным ступенькам выскочил наверх и побежал по чистому, припорошенному снегом полю, увлекая за собой бойцов взвода. Один бросок, второй, третий... Вот наконец и окопы противника. Автоматная очередь в одну сторону, в другую — и решительный прыжок в траншею.

— Славинов, очистить траншею от противника — и за мной! Первое и второе отделения, вперед! Гранаты к бою!

Внезапно здоровенный немец выскочил из-за поворота траншеи, резанул короткой автоматной очередью.

— Э, черт! — ругнулся Метелкин и свалился на дно траншеи.

К счастью, рядом оказался Пряхин. Он сильно ударил гитлеровца прикладом и, перескочив через его труп, поднял на руки командира взвода.

— Что с вами, товарищ лейтенант?

Но Метелкин уже совладал с болью.

— Ничего. Царапнуло малость. Вперед! Нельзя задерживаться ни на минуту.

К концу дня взвод занял и очистил от противника вторую и третью траншеи и вместе с ротой, а та вместе с батальоном, в составе всего полка, а может быть. и всей дивизии, повернул круто на север. В прорыв уже втягивались механизированные части. По изрытому снарядами задымленному полю, сердито грохоча, проносились наши танки с мотострелками поверх брони.

— Привет, царица полей! — доносились до солдат слова собратьев.

— До побачення, стальные богатыри! — крикнул в ответ кто-то из украинцев.

Только в конце третьего дня наступления взвод Метелкина был выведен из боя и получил возможность привести себя в порядок, отдохнуть, отоспаться. Сержант Славинов перво-наперво обеспечил бойцов свежими номерами фронтовой газеты. На ее первой полосе крупным шрифтом было напечатано очередное сообщение Совинформбюро, в котором говорилось о том, что наступающие войска расчленили окруженную группировку противника на две крупные изолированные друг от друга части...

Забыв про все срочные дела, даже не обращая внимания на прибывшую дышащую жаром кухню, бойцы жадно вчитывались в сводку.

— Здорово мы им всыпали,— вслух комментировал прочитанное Пряхин.

— Еще не то будет,— зычно пророкотал проходивший мимо Метелкин.— Это лишь цветики, ягодки впереди. Так что, Николай Прохорович, можете писать теперь своей ненаглядной женушке, что мы наступаем. Бьем фашиста в хвост и в гриву.

— Обязательно напишу, товарищ лейтенант,— радостно отозвался Пряхин.— Нас теперь ничто не остановит. Русские долго запрягают, но уж потом держись...

1984

ПОДАРКИ

Подходил к концу 1942 год — второй год войны. Дарья Метелкина не могла забыть своего мужа Степана. Рвалась на фронт, просилась в санитарки. Прослышала, что в Москве создаются курсы женщин-снайперов. Подала заявление в военкомат: «Прошу направить на учебу в снайперы». Отказали. Секретарь райкома партии Павел Сергеевич

Пчелинцев, друг семьи Метелкиных и однокашник старшего брата ее мужа, Виктора, который стал уже генералом и командует на фронте дивизией, специально заезжал к Дарье, уговаривал: надо же кому-то и в тылу работать. Дарья соглашалась, продолжая без устали работать на животноводческой ферме колхоза. И вдруг это предложение. Пчелинцев заехал самолично. Походил по коровнику, справился насчет обеспечения кормами, поговорил о молодняке и, собираясь уже уходить, неожиданно обратился к Дарье:

— Слушай, Дарья Семеновна, вот ты собиралась на фронт ехать. Есть такая возможность. И мы, райком, очень даже рекомендуем твою кандидатуру. Для такого дела только ты и подойдешь. Мы хотим тебя послать с делегацией трудящихся. Повезете подарки воинам и наказ от всех наших колхозников и рабочих района.

— Тут горячее время, а я буду разъезжать? Если бы совсем на фронт, тогда другое дело. А так — только время терять.

Как ни упрашивал Пчелинцев, Дарья не соглашалась.

И вряд ли преодолел бы Павел Сергеевич ее упрямство, если бы не догадался посоветоваться со всей животноводческой бригадой. Собрание единодушно постановило: послать Дарью Метелкину на фронт с делегацией трудящихся для передачи наказа воинам и для вручения подарков.

Выехали хмурым утром. Северный ветерок мел по дороге поземку. Сильно морозило. В машину садились с шутками-прибаутками. Уже которую неделю с фронта приходили радующие сердце новости. Под Сталинградом окружена армия врага!

— Не зря мы, бабы, спины гнули, не зря. А то совсем уж засомневались. Всякое думаться стало. Бога завспоминали...

Это говорила женщина в сером пуховом платке, прикрывавшем ее лоб по самые глаза, озорно сверкавшие на узком обветренном лице.

— Бог-то бог, да и сам не будь плох,— ответила ей пожилая работница в легком драповом пальто и вязаной шерстяной шапочке.— Кажется, никаких сил нету, а работаешь. Зато видишь, как эшелоны с танками отправляются на фронт, и сердце радуется. Говорят, Гитлера чуть кондрашка не хватила, когда он увидел наш

танк. Приказал сделать такой же у себя. Мудрили, мудрили их конструкторы, а потом признались: «Не можем». Кишка, значит, тонка.

— Посмотрим, как этой нашей техникой на фронте распорядятся, как ею врага бить будут,— вставил сидевший рядом старичок с крупными морщинами на узком продолговатом лице.

— А ты сводку с фронта почитай, дедуля,— отозвалась молодуха.— Сразу все ясно будет. Мы вот своих ребят совсем недавно на фронт проводили, и то пишут: «Пошли в наступление, гоним врага...»

— Господи, мальчишки ведь совсем, а сражаются насмерть.

Дарья, хотя и вслушивалась в разговор, но думала о своем. Оставила бригаду в трудное время. Самая пора как следует позаботиться о зимовке скота, о будущем приеме молодняка. Коровники плохо утеплены. И хотя она наказывала своим девчатам тормошить правление и самим делать все от них зависящее, чтоб буренки легче переносили зимнюю стужу и не очень снижали надои молока, опасалась, что у подруг не хватит настойчивости.

У переправы через Волгу члены делегации увидели первые могилы. Охрану у реки несли, судя по цвету погон, пограничники.

— Теперь здесь поспокойнее стало,— рассказывал пожилой сухощавый сержант с уставшим от долгого бдения взглядом.— Как наши окружили немца, другой коленкор пошел. Налеты врага прекратились, а то ведь по десять раз на день бомбили. Артиллерией и минометами досаждал — просто спасу не было. После каждого налета кого-нибудь да хоронили. Вот и выросло здесь кладбище целое. Ухаживаем за ним, в порядке держим. А как мы уйдем — другим наказ дадим, чтоб следили, держали в сохранности да внимании.

Дарья молча шла между могилами. Ей казалось, что все эти воины, лежавшие в сырой мерзлой земле, теперь особенно близки ей, дороги. Может, тем, что все они пали за нашу землю, как многие ее односельчане или родные, а может, напоминают ей судьбу ее мужа Степана? Пропал без вести. Никогда он больше не придет к ней, не обнимет и не вскинет на сильных руках своего первенца Федора, названного так в честь деда. Не одарит их своей скупой улыбкой...

Бойцы уже все ящики с подарками перетаскали на

паром, уже новые ее знакомые махали и звали к посадке, а она все не могла уйти от этих могил, черневших среди снега, как тяжкие раны на многострадальной земле.

Наконец быстрыми шагами она направилась к пристани.

В штаб армии они прибыли с опозданием. Командующий был с ними чистосердечен и радушен. Вместе с начальником штаба и начальником политотдела они обсуждали, где лучше организовать митинг, как вручить подарки.

— Я хотела бы побывать там, где живут бойцы,— попросила Дарья.— Где они проводят дни и ночи и где встречают врага.

— В окопах переднего края? — переспросил командующий.

— Да.

— Но там очень опасно. Рвутся снаряды, мины...

— Я понимаю, что это страшно,— стояла на своем Дарья.— Но без этого мне стыдно будет возвращаться домой. Скажут: «Была на фронте и не испытала, не увидела самого главного — как живут бойцы».

— Хорошо,— согласился командующий.— Я постараюсь вам помочь. Хотя я лично отвечаю за вашу безопасность и для меня было бы спокойнее, если бы вы находились подальше от передовых линий. На фронте, кстати, нигде не безопасно. Всегда возможен прорыв немецких танков, высадка парашютного десанта, выход в тылы автоматчиков или самая обыкновенная бомбежка. Словом, здесь всюду опасно...

— Я своей просьбой вас расстроила? — осведомилась Дарья.— Простите, пожалуйста.

— Ничего. У командующего хватает причин для расстройства. В этом отношении мы народ привычный, закаленный. Я действительно взволнован. Но это не связано с нашим разговором. Могу даже сказать почему, чтобы быть до конца откровенным. Предстоит утвердить тяжелый приговор одному бойцу. Струсил, поддался панике, посеял смятение в роте. В результате было сорвано выполнение боевого приказа.

— Молодой он, этот боец-то? — спросила Дарья.

— Да, очень молодой. И жаль его, но другого выхода нет.

— Разрешите мне с ним поговорить,— вдруг неожи-

данно попросила Дарья.— Я все же мать. Могу понять молодую душу. Может, и он поймет меня?

Командующий задумался.

— Что ж,— сказал он.— Поговорите. Только это невеселое занятие.

— Я понимаю,— ответила Дарья.— Война в целом — дело невеселое.

— Конечно,— согласился командующий.— Приходится заниматься этим делом по необходимости.

Ее определили в отдельную комнату, и вскоре туда ввели арестованного. Он был без знаков различия, без ремня, но в красноармейской гимнастерке. Сопровождавший его автоматчик остановился у двери. На лице вошедшего была явная отрешенность. Оно было вовсе не молодым, каким-то серым, сморщившимся, а в глазах — глубокая пустота. Такой пустоты Дарья никогда не видела, и она испугалась.

— Как же так! — не зная, с чего начать разговор, спросила она.— Как же так все произошло? Расскажи.

Арестованный посмотрел на нее отсутствующим взглядом, совершенно мертвым и пугающим. Долго молчал. Дарья спросила по-другому:

— Скажи мне, ведь я мать, я пойму...

Он покосился на автоматчика, перевел настороженный взгляд на нее и вдруг заговорил, прерывисто, нервно:

— Я не могу, не могу. Боюсь. Умереть боюсь.

— Не один ты — все идут в бой,— неуверенно продолжала Дарья.— И все не хотят умирать. Но ведь идут. Родина в опасности, надо же ее...

— Нет, нет,— перебил он Дарью Семеновну.— Я не хочу, боюсь. Я не герой, я обычный человек... Когда в меня стреляют, я хочу закрыть глаза, бежать. Все равно куда. Бежать, чтобы жить...

— Но ведь так не выживешь,— обретая твердость суждения, более решительно сказала Дарья.— Так еще хуже.

— Нет. Так лучше. Лучше для меня. Я убегу и спасусь. Главное — жить, а как и где — мне все равно...

— Где же ты жил? — спросила Дарья.— У тебя была семья?

В глазах арестованного мелькнуло что-то осознанное.

— Да, была. Отец меня очень любил и не хотел, чтобы я уходил на войну. Он бухгалтер. Он все рассчитал

и хотел меня спрятать. В подвале. Пока идет война. Она ведь ненадолго. Но мать сказала, что меня все равно найдут и расстреляют. А я не хотел умирать и думал, что на фронте как-нибудь устроюсь. Выживу. Но когда начали стрелять... Это ад, ад настоящий...

Арестованный взялся за голову, и Дарье стало жаль его. Она спросила совсем о другом:

— Тебе приходилось когда-нибудь драться? Ну, с ребятами, на улице?

Арестованный почувствовал какой-то подвох в ее вопросе и замолчал. Потом понял, к чему она клонит, быстро сказал:

— Но там не убивают.

— Бывает, что и убивают.

— Бывает,— угрюмо согласился он.— Но там можно убежать. Спрятаться. Я всегда убегал...

Дарья поняла, что аргументы ее иссякли. Все очень просто. До примитивности просто. Этот человек — не боец. В минуту опасности он убежит, как уже сделал вчера, оставив товарищей в беде. Он будет спасать только свою шкуру. Десятки, а может быть, и сотни бойцов погибнут из-за него. Погибнут напрасно, ни за что. Если его оставить в строю, он при первой возможности переметнется к фашистам. Может быть, и не перебежит, для этого тоже нужна смелость, но когда они его пленят, охотно пойдет к ним в услужение, в полицаи, станет предателем. Он не хочет, чтобы в него стреляли. Но в других, безоружных, он будет стрелять без жалости. Стрелять потому, что это безопасно. Потому, чтобы выжить самому. Таков закон трусов и предателей.

С этими тяжелыми мыслями Дарья встала и молча вышла.

— Ну и как побеседовали? — спросил ее командующий, когда через полчаса они снова встретились.— Вам удалось его понять?

— Нет,— однозначно ответила Дарья. И, подумав, добавила: — Он, товарищ командующий, неисправимый трус и шкурник.

Вошел адъютант, молоденький краснощекий лейтенант, и командующий приказал ему проводить Дарью Семеновну до землянки командира батальона.

Командир батальона показался Дарье тоже слишком моложавым.

— Мне передали, что вы, Дарья Семеновна, хотели

поговорить с бойцами переднего края? — спросил он, когда они спустились по крутым ступенькам в землянку.— Я сейчас прикажу, чтобы вызвали из бодрствующей смены.

— Мне командующий разрешил самой к ним в окоп сходить.

— Хорошо, так и сделаем.

Дарья внимательно осмотрела землянку комбата. Простой топчан из неструганых досок, брошенная на него шинель. Стол, сколоченный на скорую руку из неотесанных досок. На столе коптилка из снарядной гильзы. Вот и вся обстановка. Конечно, небогато, но жить можно. А как там, на самой передовой линии, где окопы да траншеи?

Пригибаясь, они медленно продвигались по траншее.

— Голову берегите,— предупредил капитан.— Тут постреливают.

Наверху просвистела пуля. Дарья невольно наклонилась и оттуда, снизу, неестественно повернув голову, посмотрела на капитана.

— Сами-то пригибайтесь. Вы же выше меня.

— Мы привычные. И знаем, когда и откуда ждать опасности. Услышал свист — значит, пуля уже пролетела.

В воздухе над ними что-то зашуршало, и Дарья невольно остановилась:

— А что это такое?

— Фрицы снарядами угощают,— ответил капитан и тут же, положив широкую грубую ладонь на голову Дарьи, резко и сильно заставил ее опуститься на дно траншеи. Она не успела даже вскрикнуть, как на нее навалилось грузное тело капитана. Попыталась повернуться, выскользнуть — и не смогла. Что-то оглушительно треснуло. Сверху посыпался горячий песок. В окопе потемнело от поднятой взрывом пыли. Капитан быстро поднялся, посадил Дарью на дно траншеи и сам сел рядом.

— Испугались?

Дарья неловко поправила сползший на шею платок, стряхнула песок с лица и как можно спокойнее спросила:

— Что это?

— Ничего особенного, снаряд разорвался. К счастью, за бруствером. Только землей окатило.— И вдруг

спохватился: — Не задело ли вас, нигде не больно?

— Вроде ничего,— отозвалась Дарья.

— Тогда пошли. Второй снаряд может угодить прямо в траншею. А два раза счастья не испытывают.

Траншея разделилась на две короткие ветви. Капитан свернул направо и остановился.

— Вот здесь отдыхают наши бойцы,— сказал он.— А дальше уже огневые ячейки.

В двух глубоких нишах в самых невероятных позах спали красноармейцы.

— Ночью дежурили,— пояснил капитан,— теперь отдыхают...

— Может, не стоит их будить? — застеснялась Дарья.

— Почему же? Много ли солдату надо? Подремал малость — и опять как штык. Кстати, сейчас завтрак принесут. Все равно надо поднимать.

Капитан наклонился и тронул за плечо лежавшего с краю.

Сержант моментально вскочил, вытянулся:

— Товарищ капитан...

— Вольно, вольно,— сказал комбат.— Вот гостья к нам пожаловала. Приехала с делегацией. Побеседовать хочет...

Капитан повернулся к Дарье и отрекомендовал ее:

— Лучший животновод области. А это,— капитан кивнул на сержанта,— наш лучший разведчик Григорий Гуляев, любитель прогуляться по вражеским тылам. У него и фамилия соответствующая...

— Товарищ капитан, не перехваливайте,— взмолился Гуляев.— Удачи не будет.

— У тебя, Гуляев, всегда будет удача. Только вчера «языка» привел. Между прочим, из пограничников. Войну на заставе встретил.

— У меня деверь пограничник,— заметила Дарья.— В такую завируху попал в начале войны — еле выбрался.

— Ну вы тут побеседуйте,— сказал капитан,— а я пройдусь по постам, проверю, все ли в норме.

Дарья раскрыла сумку, стала вынимать подарки.

— Вот рукавички. Сама вязала. Это вам.— Она протянула подарок Гуляеву.

— За что же такая честь? Благодарю. По праздникам надевать буду.

— Какие у вас на фронте праздники? Носите каждый день.

— Ну как какие? Вот отгоним Манштейна — справим праздник. Раздавим Паулюса — опять праздник. Погоним гитлерюгу дальше — снова. Так что набирается понемногу праздников и у нас.

Услышав разговор, стали просыпаться и другие бойцы. Дарья по очереди одаривала их подарками. Кому махорку, кому кисет или рукавички. Последнего, широколицего скуластого красноармейца, Гуляев еле растолкал.

— Вставай, Петро, вставай, говорю. Завтрак проспишь.

Тот спросонья запричитал:

— Дай поспать, пока затишье. Начнется бой, попрет ворог — сам проснусь. От боя я никогда не увертывался.

Открыв глаза, он первым делом полез в карман, достал обрывок газеты и с явно украинским акцентом попросил:

— На цигарку махры ни у кого нема? Вчера фрица тащил и кисет сгинул. Така жалость.

Сержант прервал его:

— Да ты протри зенки-то, Петро. Посмотри, кто у нас в гостях. От всего народа с наказом приехали. А ты про махру балакаешь...

Петро поднял глаза и увидел Дарью.

— Бог ты мой, баба настоящая! — воскликнул он.— То есть, извиняюсь, женщина. Мы женский пол тилько и видим, когда ранит. Конечно, кого сразу убьет — тому все ривно. А вот если ранит, тогда моли бога, чтоб санитарка подползла. Она уж наверняка обнимет, перевяжет, и всю боль как рукой снимет. Вот те крест. А уж если до медсанбата дотянет, то, считай, спасен. Там в девчатах недостатка нет. Вси ласковые, вси приветливые, молодые, гарные...

Он посмотрел на Дарью, откровенно любуясь ею.

— У меня дома жинка така осталась. Бог ты мой, до чего ж гарна! Пышна, полногруда, вот как вы. Ей-ей!

Гуляев неодобрительно покачал головой и, обращаясь к Дарье Семеновне, проговорил:

— Простите его. На него иногда находит. Как начнет балакать — не унять. Но надо и то понять: для солдата на фронте шутка как отдушина. Как бальзам.

— Я это хорошо понимаю,— ответила Дарья.—

И сама люблю пошутковать да посмеяться. Иначе с нашей тяжелой работой да с неурядицами всякими засохнешь. А вас, Петр,— обратилась она к бойцу,— я могу выручить. Вот вам от наших девчат вышитый кисет вместе с махоркой. Курите на здоровье. Берегите его. И врага крепче бейте.

Петр просиял, галантно поклонился и даже поцеловал Дарье руку.

— Вот уважили так уважили. Век буду помнить. Как соберусь закурить, так вас и ваших девчат буду вспоминать. Адресок мне оставьте, напишу. А после войны, может, и соберусь в ваши края...

Петро развязал кисет, скрутил цигарку, глубоко затянулся. Дарья смотрела на его обветренное лицо, на спрятавшуюся в складках губ улыбку. Сделав несколько затяжек подряд, Петро поинтересовался:

— Ну как вы там одни-то, без мужиков, справляетесь? Трудновато?

— Тяжело, конечно,— просто ответила Дарья.— Тяжело, не скрою. Двойная нагрузка на нас, женщин, падает. А может, и тройная. И за детьми надо присмотреть, и хозяйство блюсти, и в колхозе справно работать. Мужик в доме — так и дверь на петлях крепко держится, и ворота не скрипят. А сейчас прорех много. Но главное из виду не упускаем. Наш колхоз, скажем, весь молодняк на скотном дворе сохранил. Корма на зиму заготовил. С натяжкой, понятно, но думаем, до весны хватит. А там и травка на лугах появится, пораньше пасти начнем.

— Это ясно,— кивнул Петро.— Пастухов-то тоже, наверное, нехватка.

— В пастухах больше бабы да девки. Мальчишки подпасками идут. В эту осень двоих в армию проводили. Теперь новых искать надо.

— И с одежонкой плохо? — подчиняясь каким-то своим мыслям, спросил Петро.— Но ничего, потерпите, наши гарные жинки. Мы ваш труд геройский каждый день ощущаемо. Подмога большая с тылу идет. Хоть взять гарматы, то есть оружие, хоть продовольствие, хоть медикаменты. Опять же, одежда добротная поступает. Я иной раз думаю: это ж надо — такую армаду в полушубки да шапки-ушанки одеть! Только наши люды на такое способны. Низкий вам поклон за это. Так и передайте от бойцов переднего края, когда вернетесь. Я так думаю, что война под уклон пий-

шла. Конечно, фашист далеко нас протаранил. Считай, столько же, а то и бильше ден и ночей его обратно гнать придется. Так что крепитесь там без мужиков.

Петро снова в упор посмотрел на Дарью, по-прежнему любуясь ею.

— Молода еще,— сказал он.— Муж-то есть?

Дарья, потупясь, смолчала, и он понял это посвоему.

— На фронте? А вестей нет?

И видя, как Дарья кивнула ему чуть заметно в ответ, продолжал:

— Ничего. Сильно не кручиньтесь. Еще все, может быть, образуется. На меня домой дважды похоронка приходила. А я вот, видите, живой. Два ордена за это время получил. Так-то вот бывает на фронте.

Просвистел и разорвался невдалеке снаряд. За ним второй, третий...

Быстрым шагом вернулся капитан.

— По местам, братцы. Фашисты для атаки накапливаются. Еще раз испытать нас хотят. Где командир роты?

— На левом фланге,— ответил Гуляев.

— Так, сержант, с пулеметом на правый фланг. Главное — отсечь пехоту от танков. Отдать их на съедение артиллеристам, что за нами стоят. А пехоту огнем остановить и контратакой уничтожить. Ясно?

— Ясно, товарищ капитан.

Отдав необходимые распоряжения, комбат повернулся к Дарье.

— Да, товарищ Метелкина,— официально обратился он к гостье.— Вот ведь какое дело. Бой назревает. Так что вам лучше всего уйти.

— Я бы хотела...— начала было Дарья.

— Все, голубушка, все. Я за вашу жизнь головой отвечаю... перед самим командующим. А она, голова-то, мне не раз потребуется. Мне батальоном командовать надо. Так что прощайте. Передавайте от нас, фронтовиков, сердечный привет труженикам тыла. Сержант Романов! — позвал он.— Проводите гостью до моего НП. Там ее ждут...

Роте старшего лейтенанта Михаила Метелкина подарки вручали далеко за Доном.

— Они догоняют вас уже больше трех недель,— сказал Михаилу Федоровичу инструктор политотдела дивизии.— Уж очень стремительно вы наступаете.

— Идем в общем темпе со всей дивизией.

— Делегация, говорю, приезжала. Привезла вам наказ и подарки.

— Делегация — это хорошо! Подаркам рады!

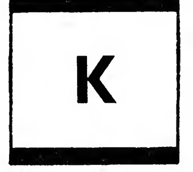
Политотделец, не обратив внимания на восторг командира роты, строго сказал:

— Соберите представителей от каждого взвода. Я сам вручу подарки. А с наказом придется в газете познакомиться.

Метелкин жадно прочел первые строки наказа: «Дорогие фронтовики, наши сыновья, мужья, братья!» Его взгляд быстро скользит по газетной полосе. Постой-постой! Знакомые лица. Отчет о митинге. Выступает заведующая колхозной фермой Дарья Семеновна Метелкина. Так это ж невестка моя, жена брата! У нас была? На фронте? В нашей армии? Как же я ее упустил! И не встретились. Вот ведь как бывает...

1984

ЦВЕТЫ И КРОВЬ

онец лета, а солнце жжет нестерпимо. Но может быть, это только кажется, потому что я иду по дороге своей молодости, по той самой, которая была дорогой войны. Ведь и тогда, в сорок втором, так же пекло солнце. Неужели здесь, под Воронежем, вокруг были окопы, траншеи, дзоты?

Шепчут колосья... И чем больше я вслушиваюсь в их приглушенные шорохи, тем беспощаднее возникают в моей памяти дни войны. Тем явственнее вспоминаю себя — молодого политрука, крещенного железом и кровью 22 июня 1941 года, вспоминаю пулеметчика Мурзу Хабибулина, погибшего в боях за мой родной Воронеж...

Лето 1942 года. Синее, рассветное небо закрыла пелена рыжей пыли. От жажды сухо во рту. Мурза колеблется: «Выпью остаток воды, а потом? Нет, надо оставить. Как будет сладко на привале! А скоро ли он? Ребята совсем устали. Еще бы, сколько идем!.. Закрою глаза, и чудится, будто иду я из самого детства, иду от Волги, от своего дома. И кажется, что пить хочется очень-очень давно. Но надо терпеть».

Бойцы идут плотно, устало переставляя ноги. Лица у них запыленные, а глаза устремлены вдаль. Чуть пошатнулся Шумилов.

Мурза отстегнул от пояса фляжку и тронул Шумилова за плечо:

— Попей.

Марш продолжается, бойцы идут и идут. И чем ближе к фронту, тем чаще по обочинам дороги воронки, окопы, тем больше сожженных деревень. Все чаще встречаются толпы молчаливых беженцев, стада коров и овец в тучах пыли. Все движется на восток. И туда невольно летят мысли Мурзы — к далекому дому.

Навстречу — комья земли, выброшенные из окопа, а он видит землю родного села, богатую и до боли милую сердцу.

Навстречу — кланяется подрубленный снарядом клен, а он видит целый хоровод белоствольных, в зеленых косах берез.

Навстречу — догорающая деревня, а перед глазами встает новенький сруб, добротные дома в деревне, где отшумело его детство.

И чем острее воспоминания, чем ярче картины далекого и близкого прошлого, тем жестче взгляд Мурзы, тем плотнее сжимаются губы. Воспоминания заставляют забыть о жажде, дают силу, уверенность. И шагает, шагает Мурза...

— Задумался? — вдруг спрашивает его Шумилов.

Мурза не слышит.

— Хабибулин! — не унимается Шумилов.— Мурза! О чем задумался?

А Мурза видит себя семилетним мальчишкой. Вот он выхватывает из воды первую рыбку. Она блеснула на солнце и сорвалась с крючка.

...Он у школьной доски. Учитель укоризненно качает головой: «Думать надо, Мурза! Нет безвыходных положений. Раз кто-то задал задачу, значит, есть у нее решение».

...Шестнадцатилетний, он в гостях у брата — рабочего завода. «Скоро и ты будешь работать здесь...» — сказал тогда брат.

Мурза стоит за станком и оттачивает гранату. С гордостью несет ее контролеру. Тот бросает на юношу одобрительный взгляд и ставит клеймо. Сделано неплохо. Только вот заусенец...

«Клеймо-то с хвостиком!» — смеется Мурза.

Клеймо контролера действительно с хвостиком — его личное изобретение. Но заусенец Мурза снять не успевает: вызвали к начальнику цеха.

...Девятнадцатилетний Мурза — учитель начальной школы...

И снова родное село. Он прощается с матерью. Последнее свидание с девушкой: она обещает ждать. А поцеловать не разрешила: «Вернешься, тогда...»

Воспоминания, воспоминания... Вдруг их обрывает рев мотора: над бросившейся врассыпную колонной с воем проносится пикирующий фашистский бомбардировщик. Совсем близко от дороги рвутся бомбы. Крики, стоны раненых...

Снова дорога — щербатая от воронок, опаленная, заваленная обломками машин и повозок. Значит, скоро фронт. Все слышнее гул боя...

Наконец показался Дон. Вот он какой, тихий Дон...

Привал. Зачерпнули воды, напились. Попробовал и Мурза: вкусно!

На горизонте поднималось солнце, и лучи его золотили донскую гладь. Река, разлившаяся широко, течет непривычно тихо и мирно. Мурзе припомнились прочитанные когда-то книги о Доне. Он с волнением смотрел вокруг — вспомнилась родная Волга.

— Ничего, еще из Эльбы напьемся! — как бы угадав мысли Мурзы, бросает Шумилов.— Доберемся и до их речек...

Говорят, что скоро бой. «Выдержу ли?» — думает Мурза.

Приказано окопаться. Зазвенели лопаты, ломы, кирки. Рядом роет окоп Мороз — высокий, сухощавый боец. Иногда он утирает пот, бросает сердитый взгляд на небо и опять копает: по его росту нужен глубокий окоп.

— Жарко, товарищ Мороз? — улыбается Мурза.— Не страшно?

— Страшновато! — признается сосед и, наклонив-

шись к Мурзе, доверительно добавляет: — Даже очень страшно. У меня ведь профессия мирная: до войны был цветоводом. А сегодня увидел кровь на цветах... Понимаешь: цветы и кровь!.. Это же противоестественно.— Мороз положил перед Мурзой две ромашки с темными пятнами крови на белых лепестках и с ожесточением снова заработал лопатой. Время идет, надо спешить. Это понимает каждый.

К окопам подошел комбат старший лейтенант Иськов — коренастый, широкогрудый крепыш с коричневым от загара скуластым лицом. Он осмотрел вырытые ячейки и, присев на корточки, просто сказал:

— Ничего, надежные. Надо держаться! Нельзя дать им форсировать реку. Если день выстоим, ночью сами будем на том берегу.

— Выстоим,— со спокойной деловитостью ответил Мороз.

Мурза с удивлением взглянул на соседа: на лице его не было и тени страха.

Комбат пошел к другим окопам. Ему надо обойти все позиции батальона, сказать бойцам самое главное...

Тишину разорвал огонь артиллерии. Над первой линией фашистских окопов на противоположном берегу прокатилась мощная волна взрывов...

На лодках, на бревнах, просто вплавь бойцы пересекали Дон. Мурза одним из первых вскарабкался на крутой берег и побежал вперед. Вот уже рядом бегут Мороз и Шумилов, чуть правее — Копылов, Анохин, Галимов, Якубовский. Вдруг все бросились на землю: из-под избы, видневшейся впереди, по ним ударил пулемет.

Мурза вскинул винтовку. Нет, он не видел врага, он различал только вспышки... Да, огонь надо гасить огнем. Мурза вскочил и рванулся к избе, чувствуя за собой тяжелый топот товарищей.

Бой за плацдарм только начался, но уже мог затихнуть: слишком мало наших успели форсировать Дон. Фашисты опомнились, открыли огонь по наступающим и перешли в контратаку.

Мурза Хабибулин и его товарищи, которые засели в избе, оказались отрезанными от своих. Метров за семьдесят от дома резко затормозил вражеский бронетранспортер. Из него высыпали гитлеровцы.

— Ахтунг! — донесся выкрик офицера.

— Ахтунг! — неожиданно повторил Мороз и, повернувшись к Мурзе, подмигнул ему.

— Что ты делаешь? — испуганно крикнул Мурза Морозу, который перепрыгнул через подоконник и бросился вперед. На фоне рассветного неба была хорошо видна его бегущая фигура с поднятыми руками.

Шумилов моментально вскинул винтовку, но Мурза успел прижать ее к подоконнику. Все, затаив дыхание, следили за Морозом.

Гитлеровцы, заметив бегущего к ним бойца, выжидали. Вот Мороз уже рядом с ними. В сторону транспортера летит граната. Затем — вторая... Загорелась машина. Упал и Мороз, подкошенный осколком...

Мурза был ошеломлен. С другого конца улицы ударил вражеский пулемет. Хабибулин припал к «максиму», установленному в проеме окна...

Неужели прошло двое суток, как держатся они в этом доме?.. Третьи сутки без сна и еды. Мучит жажда — давно нет воды. Третьи сутки... В голове страшный звон. Глаза воспалились, и перед ними непрерывно мелькают разноцветные мухи...

Решили обмануть бдительность осаждавших. Сделали вид, что покинули дом. Пробежали на виду у врага несколько метров и свернули за угол. Снова влезли в окно, притаились. От страшной усталости Мурза на секунду задремал у своего пулемета и увидел себя мальчишкой с удочкой. Рыбка сорвалась, зато он напился из Волги... Очнулся от автоматной стрельбы.

Галимов, доставивший патроны, тяжело дышал. Шумилов словно окаменел, глядя на приближавшихся гитлеровцев.

«Стреляй, Мурза, стреляй!» — мысленно приказывал он.

Но руки Мурзы недвижно застыли на рукоятках «максима». Может, он в эту минуту вспоминал чапаевскую Анку-пулеметчицу...

Вот один фашист вырвался вперед. Видно даже, как каска съехала ему на глаза. Бежит по-спортивному легко. Мурза нажал на спуск. Гитлеровец упал на спину. Следующая очередь скосила остальных.

— Окружают, гады! — крикнул Шумилов.

Взгляд Мурзы остановился на возвышенности, простершейся в нескольких метрах от дома. По ней с автоматами в руках густой цепью шли немцы. Они шли сюда, к дому.

— Исаев, бегите к комбату и доложите обстановку,— приказал Шумилов.

— Есть,— ответил связной и, пригнувшись, быстро побежал по улице.

— Ребята,— как можно спокойнее сказал Шумилов,— принимаем бой... Мурза, Анохин, Копылов, Галимов, займите огневые позиции у окон. Якубовский и я — будем в сенях.

Шумилов быстро присел у двери, вставил автомат в щель, стал внимательно наблюдать за противником. Фашисты приближались. Когда расстояние сократилось до минимума, скомандовал:

— Огонь!

Длинные очереди автомата и меткие выстрелы Мурзы смешали вражеские ряды. Фашисты падали как подкошенные. Бежавший впереди гитлеровский офицер как-то неестественно взмахнул руками и грузно опустился на землю, отбросив автомат в сторону.

Пьяные фрицы с гиканьем бросились к дому. Окружили его со всех сторон. Один из них сорвал с петель дверь и забежал в сени. Шумилов прикладом ударил незваного гостя по каске. Фашист распластался на полу.

Гитлеровцы стали простреливать стены дома из автоматов. Шумилов нажал на спусковой крючок и... вздрогнул. Автомат не стрелял. Кончились патроны. Он бросился в дом. На полу неподвижно лежал Копылов. Кровь заливала его грудь. Он тихо стонал. Шумилов поднял лежавшую рядом гранату и прильнул к стене. Вдруг почувствовал острый запах бензина, смешанный с дымом. «Подожгли»,— пронзила его сознание догадка.

Широкие огненные языки стали лизать стены дома, пробиваясь внутрь. То и дело раздавались крики:

— Рус, сдавайся!

В разбитое окно втиснулась рыжая морда.

Сильным ударом приклада Анохин раскроил фашисту череп. Едкий дым резал глаза. Огонь жег лицо. Шумилов стиснул зубы и метнул гранату за окно, туда, где столпилась группа торжествующих победу гитлеровцев. Раздался взрыв. Послышались крики и стоны. Шумилов, обессилев, упал на пол, но сознания не потерял. До его слуха донеслась частая пулеметная очередь. Опираясь на руки, встал. «Наши»,— подумал он, и перед ним все завертелось, закружилось, понеслось куда-то в пропасть. Он уже не слышал, как яростно стрелял Хабибулин, как из окон дома выпрыгнули его

друзья-автоматчики. Завязалась рукопашная схватка. Отстреливаясь, гитлеровцы отступали. Выбежали на улицу. Кинулись к блиндажу, в укрытия. Но всюду настигал их меткий огонь. Уцелевшие бросились наутек.

...Наши перешли в решительную контратаку. Наступал и Мурза со своим пулеметным расчетом, хотя усталость валила с ног. Пулемет казался вдвое тяжелее. Он еще горячий. Он что-то слишком горячий и очень тяжелый, этот «максим»...

Бои шли западнее Воронежа. И какие бои! Расчет Хабибулина пристроил пулемет в окопе под сожженным немецким танком. Мурза дал очередь, вторую, и вдруг пулемет осекся, замолк. Гитлеровцы, решив, что он вышел из строя, сперва поползли в сторону Мурзы, потом приподнялись и рванулись бегом.

— В атаку-у! — послышалась протяжная команда и потонула в орудийном залпе...

Трудно пулеметчикам поспевать за пехотой. Силы оставляют Мурзу. Смертельно устали Шумилов, Галимов, а тут еще во фланг ударили вражеские автоматчики. Группами, прячась за танками, прикрытые их броней и огнем, они охватывают наших бойцов с двух сторон.

Но вот случилось страшное: взрывом снаряда разворотило станок «максима». Исчезла последняя надежда на успех. Что делать? Как остановить врага? И вдруг...

— Куда? — закричал Шумилов, видя, как Мурза, сняв с разбитого станка тело пулемета, стремительно бросился к одиноко стоявшему дереву.

Мурза уже не слышал голоса друга. Он падал, вставал, бежал невероятно быстро. Шумилов видел, как Мурза, то и дело оглядываясь на автоматчиков, торопливо доставал из сумки гранату.

В минуты опасности Мурза был сметлив и решителен. Но что это такое? Почему граната царапнула о брезент сумки? Мурза мельком взглянул на нее и не поверил своим глазам. Не может быть! Клеймо с хвостиком?.. Его граната! Он сам когда-то обтачивал этот корпус и не успел снять заусенец!..

А враги рядом, и граната, высоко взметнувшись, падает к их ногам...

Приближается новая цепь гитлеровцев. Шумилов ведет огонь из винтовки и кричит Мурзе:

— Отходи, я прикрою!

Мурза, привалившись спиной к дереву, ставит ствол

пулемета на колени, пытается открыть огонь. Но сил не хватает...

— Мурза! — Окрик Шумилова приводит его в себя.

«Ага! Вот они. Еще несколько шагов... Еще!» И тут руки Мурзы нажали на гашетку. Ударила огненная струя...

Пулемет казался ему живым существом. Он дергался, рвался из рук, судорожно, словно в лихорадке, бился о колени. Мурза, закусив губу, продолжал что было сил яростно жать на гашетку.

От боли мутилось в голове, туманилось в глазах. Но Мурза стрелял, стрелял, стрелял. Он стрелял до тех пор, пока вражеская атака не захлебнулась...

Когда после атаки ему перевязывали обожженные руки, он почему-то вспомнил о ромашках, подаренных Морозом. Ему захотелось преподнести эти цветы сестре в благодарность. Но руки уже были забинтованы. И он, кивнув на ромашки, лежавшие на койке, просительно сказал:

— Сестра, возьмите, пожалуйста, эти ромашки.— И смущенно добавил: — На них попала кровь. Но после войны я подарю вам другие цветы, чистые. Победим, и больше никогда не будет крови на цветах.

Третьего сентября 1942 года в газете «За честь Родины» было опубликовано приветствие Военного совета и Политуправления Воронежского фронта. Оно гласило:

«Военный совет и Политическое управление горячо поздравляют отважного патриота нашей Родины пулеметчика Хабибулина, показавшего образец воинской находчивости, беззаветной смелости и выручки товарищей в бою.

Героический подвиг тов. Хабибулина должен стать примером для всех бойцов фронта в нашей борьбе по истреблению фашистских мерзавцев, стремившихся поработить наш народ.

Военный совет и Политуправление».

О замечательном подвиге Мурзы Хабибулина тогда, в том же номере газеты, мне удалось напечатать всего несколько строчек.

1969

КОМИССАР

Знакомая снежная тропка вела Федю на командный пункт полка. За спиной то и дело полыхали разрывы снарядов. И хотя Федя не относился к робкому десятку, но, так как непрерывно находился на переднем крае, ему нередко доводилось прятать голову от вражеских пуль. Делал он это стыдливо, полагая, что за ним наблюдают товарищи. Бои были жаркие, и он изрядно устал. Устал утюжить животом землю. Устал стрелять из автомата. И вдруг — о, он не думал об этом! — командир роты вызвал его к себе и сказал: «Товарищ Марков, вы назначены ординарцем комиссара полка». Федя был доволен, но вида не подал, что рад, только подумал: «Теперь хоть пулям не буду кланяться». Он полагал, что комиссар полка, которого еще в глаза не видел, чаще бывает на командном пункте, где, конечно, надежная крыша над головой.

...Тропка привела в лощину. Справа бугрился блиндаж. Горел костер. Пожилой человек в новом ватнике и кирзовых сапогах подбрасывал в огонь сухой хворост.

— Погрейся,— предложил он Маркову.

— Мне к комиссару полка,— ответил Федя и, понизив голос, добавил: — Ординарцем назначили к нему.

Собеседник достал из полевой сумки блокнот, раскрыл его и, сощурив свои спокойные большие глаза, сказал:

— Федор Марков, из первой роты?

— Так точно, Марков.

— Хорошо.— Затем поднялся, крикнул в блиндаж: — Командир, я пошел, как договорились, в первый батальон.— И Феде: — Пошли, Марков.

— Мне надо к комиссару,— повторил Федя.

— А я и есть комиссар, Колыванов Иван Михайлович, старший политрук. Пойдем, по пути познакомимся.

Шли той же извилистой тропкой. Комиссар говорил, что он только позавчера прибыл в полк и что ему не терпится быстрее посмотреть, как люди готовятся к

наступлению. И еще он слышал от командира полка, что некоторые храбрецы — он произнес это слово с иронией — недооценивают окопы и маскировку, подставляют шальной пуле голову. А храбрость-то вовсе не в этом.

— Веди меня в свою роту,— сказал Колыванов, пропуская Федю впереди себя...

Долго они ползли по переднему краю от окопа к окопу. Когда свистели пули, Колыванов замирал, и Федя удивлялся тому, как этот довольно солидный человек ловко использует для маскировки складки местности. Потом они подползли к пулеметной точке, и комиссар, найдя изъяны в маскировке, нашумел на сержанта:

— Голое царство! Немедленно углубить окоп и замаскировать надлежащим образом.— И сам показал, как, не поднимая головы, надо рыть землю...

— Пошли, товарищ Марков,— сказал он, убедившись, что пулеметчики его поняли. Но они не пошли, а опять поползли. На бугорке вражеская пуля пробила Феде шапку. Комиссар это заметил, когда они уже находились в безопасном месте. Колыванов незлобно пожурил ординарца за его оплошность. Смущенный Марков упирался:

— Это не сейчас, это давно, товарищ комиссар.

— Не обманывай, вижу — след пули свежий. И врать вообще нехорошо, товарищ Марков.

Феде стало неудобно перед комиссаром, и он признался:

— Там, на бугорке, не успел пригнуться...

— То-то, брат, не успел... Будь проворнее. Шальной пуле подставлять голову не резон...

Они вернулись на командный пункт ночью. Вместе поужинали. Пришел командир полка. Он раскрыл перед комиссаром карту с нанесенной на нее обстановкой, и они начали о чем-то совещаться. Потом комиссар сказал Феде:

— Товарищ Марков, ложитесь спать.

Федя лег на соломенный матрас, но уснул не сразу: размечтался о том, что наконец ему повезло и что он теперь самый счастливый человек. Едва он сомкнул глаза, его разбудил комиссар.

— Пошли, товарищ Марков. Во второй батальон,— сказал Колыванов, поправляя на груди автомат.— Партийное собрание там.

После собрания они опять ползали от окопа к окопу. На этот раз пуля прошила рукав Фединого ватника. Он прикрыл было дырочку, а комиссар засмеялся. И Марков улыбнулся:

— Не каждая пуля в кость, иная в мякоть,— сказал Федя, осмелев.

— Точно,— кивнул комиссар.

В это время на правом фланге загрохотало. Федя увидел, как на гребне выросла зеленая цепочка гитлеровцев.

— Разведка боем,— сказал комиссар.— Решили попробовать на зуб.

Наше боевое охранение чуть отошло назад. К комиссару подбежал комбат. Он лег рядом с Колывановым и одним духом выпалил свое решение.

— Хорошо! — крикнул комиссар.— Накройте их артиллерийским огнем.

Комбат уполз. А комиссар все лежал на прежнем месте и смотрел, как работали пушкари. Вражеская цепочка то поднималась, то вновь прижималась к земле. Наконец гитлеровцы выдохлись, залегли. Колыванов снял автомат, и снова Федя услышал:

— Пошли, товарищ Марков.

И опять комиссар пополз, пополз и Федя. Потом комиссар поднялся. Марков тоже вскочил на ноги. Они оказались впереди наших окопов.

— За мной, в атаку! — устремился вперед Колыванов.

— Ура-а-а! — отозвалось и справа и слева.

Стремительная волна бойцов катилась прямо на зеленые пятна, разбросанные по снегу на взгорье. Федя еле поспевал за комиссаром. Гитлеровцы дрогнули, начали отступать. Потом все смешалось, и Марков потерял из виду комиссара...

* * *

Вокруг чудесный лес. Тишина. Слышно, как потрескивают сучья в огне. Возле костра сидит со мной Федя Марков, краснощекий девятнадцатилетний паренек. Мы уже познакомились, и я знаю подробности вчерашнего боя, знаю, как он начался и как кончился — отбита у врага важная высота, взято в плен полтора десятка гитлеровцев, комиссар полка Иван Михайлович Колы-

ванов представлен к правительственной награде — ордену Ленина.

Я спрашиваю у Феди:

— Рядом с комиссаром, наверное, легче?

Федя улыбается, затем отрицательно качает головой:

— Он все время там, на передовой...

— А сейчас где Колыванов?

— Там же...

— А почему ты не с ним?

— Выходной получил,— отвечает Федя.— Приказал — вот и греюсь у костра... Комиссар наш... Он какой? Другим говорит, пуля дура, а сам идет напрямую. Скорее бы стемнело... Ночью он возвратится.— Федя смотрит на часы и вздыхает: — Черепашья скорость у этих часов. На ваших-то сколько? — спрашивает он и долго-долго молча смотрит на огонь.

— Придет,— с грустинкой в голосе тянет Федя.— Придет... И снова пойдет на передний край.

1969

КРУТЫЕ СТУПЕНИ

кому приходилось стоять на часах, знает, как медленно движется время. Особенно ощущается это под утро, когда так крепок солдатский сон. В этот час интересно смотреть на солдат, на их позы, выражение лиц. Одни любят спать, уткнувшись в подушку, другие свертываются в клубок. А лица спящих... У одних — суровые и строгие, словно запечатлевшие неудачи прошедшего дня. У других — ласковые и нежные, как у влюбленных.

Скоро подъем. Ночную тишину нарушает легкий стук в наружную дверь. Дневальный настораживается и поправляет на себе обмундирование. «Старшина идет»,— подумалось ему. Так и есть.

— Товарищ старшина...

Но старшина жестом руки останавливает дневального и вполголоса говорит:

— Тише. Еще есть время... Пусть солдаты поспят...

Старшина Владимир Калготин прошел, что называется, все крутые ступени нелегкой воинской службы и потому понимает ее и высоко ценит солдатский труд.

Сам он несет службу с большим старанием, с любовью, с творческим огоньком. В обращении с подчиненными он неизменно сердечен, проявляет отеческую заботу о них. Старшина любит песни, широкие и раздольные. «Я мог бы прожить одиноким, без песни прожить не могу»,— часто повторял он строки Назыма Хикмета, услышанные как-то по радио. И сам не раз напевал:

Ничего нет чудесней
Для хороших друзей,
Чем хорошая песня...

Песни взбадривают, заставляют задуматься и оглядеться вокруг.

«Судьба военная моя — и лучше не найти...» — так поется в песне о службе военной, и так думал Калготин, оставаясь на сверхсрочную. «Мои знания, опыт и силы пригодятся здесь больше, чем где-либо»,— писал он в своем рапорте командованию. Любовь к Родине и готовность мужественно защищать ее в любую минуту — вот что заставило Владимира остаться на сверхсрочную службу.

Каждый год, отслужив положенный срок, уходят из рядов армии и флота молодые юноши, разъезжаясь в разные края великой Советской страны. Одни вернутся в родные села и колхозы, другие займут места у фабричных и заводских станков, спустятся в шахты и рудники, встанут у доменных и мартеновских печей, подымутся на леса новостроек.

Но в каждом полку, на каждом корабле есть люди, которые остаются в строю, чтобы продолжить военную службу. Это — сверхсрочники. Уходящие в запас воины крепко пожимают им руки, от всей души благодарят за то, что они, сверхсрочники, под руководством опытных офицеров привили им вкус к военной учебе, возбудили любовь к сложной современной технике и первоклассному оружию, научили быть дисциплинированными.

Сверхсрочник!

Когда произносят это слово, перед глазами встает образ советского воина, закаленного в многочисленных походах и боях, человека, умудренного большим житейским опытом, обладающего широкими военными знаниями. Не одна гимнастерка побелела от обильного солдатского пота. Не одна пара сапог изношена им на длинных и трудных путях-дорогах воинской службы. А пути эти не всегда и не у всех одинаковы. Иным приходилось днями идти по выжженной степи, пробираться сквозь непроглядную лесную чащу, ориентироваться без компаса, ползти десятки метров по-пластунски под губительным огнем врага...

Но ничто не может остановить человека, поставившего перед собой благородную цель — верой и правдой служить своему Отечеству. Он всеми силами и во всем добивается образцового выполнения приказов и распоряжений командиров, старается служить честно и безупречно, как того требуют присяга и уставы, как повелевает воинский долг.

Таковы воины-сверхсрочники — слава и гордость Советских Вооруженных Сил. Это смелые и отважные люди, всегда идущие в первой шеренге своих подразделений, частей и кораблей. На них, на сверхсрочников, опираются командиры в своей повседневной работе по обучению и воспитанию личного состава. Своим примером они увлекают за собой солдат и матросов, зовут их к новым высотам воинского мастерства.

Таким верным и мужественным защитником Родины и является старшина сверхсрочной службы Владимир Калготин.

На протяжении нескольких лет он задолго до подъема появляется в расположении роты. Внимательно следит за тем, чтобы дежурный вовремя разбудил сержантов и уборщиков, отдает необходимые распоряжения. Придирчиво проверяет, как суточный наряд выполняет уставные требования.

— Подъем!

Солдаты быстро покидают казарму. Последним выходит на улицу старшина.

Утренний осмотр. Калготин, как правило, проводит его лично. Он строго проверяет внешний вид солдат, требует, чтобы у них были чистые подворотнички, до блеска начищенные сапоги.

— У советского воина все должно быть красивым:

и дела, и мысли, и внешний вид! — любит говорить старшина.

Заметив в строю аккуратного солдата, он непременно подойдет и с любовью осмотрит его, а потом скомандует: «Три шага вперед, шагом марш!» А рядом для контраста поставит другого — неряшливого солдата. И сразу без слов все становится ясным: одному хочется подражать, а на другого глядеть неприятно.

Владимир Калготин много делает для того, чтобы воины роты всегда выглядели опрятно. Он разъясняет солдатам, особенно молодым, правила и порядок носки обмундирования, советует, как уберечь от преждевременного износа обувь. В старшинском деле нет мелочей: все важно, во всем должен быть порядок.

В роте организован хозяйственный уголок. В нем есть все необходимое для солдатского обихода. Здесь можно произвести легкий ремонт и утюжку обмундирования, найти пуговицы, крючки, железные косячки для сапог, гвозди. За всем этим старшина следит повседневно. И не встретишь в роте солдата, который ходил бы в неопрятном обмундировании.

Особенно внимательно Калготин смотрит за состоянием оружия. По автомату он безошибочно, словно по книге, читает и узнает личные качества солдата — его привычки, прилежание и даже, представьте себе, характер. И в этом нет ничего удивительного. Если, скажем, оружие тщательно вычищено, смазано и бережно поставлено в пирамиду — значит, воин, владеющий этим оружием, дисциплинирован, трудолюбив, честно выполняет свой долг. Характер у такого человека наверняка твердый, и есть у него чувство ответственности за порученное дело.

Зорко следит Калготин и за служебными помещениями, территорией двора. Недаром старшины соседних подразделений частенько приходят к Калготину посмотреть на внутренний порядок, на то, как хранится оружие, техника, обмундирование, стремятся перенять все хорошее, полезное и ценное. И Калготин рассказывает, делится всем, что сам знает и умеет.

Большое внимание уделяет старшина строевой подготовке воинов. Высокую требовательность к строевой выучке солдат Калготин проявляет не только на специальных занятиях. Он не допускает ни малейших отступлений от устава в повседневной жизни и службе личного состава. В этой работе он опирается на сер-

жантов — командиров экипажей, отделений, расчетов, лучших механиков-водителей. Они — основная и решающая сила в роте. И это Калготин отлично понимает. Недаром он так настойчиво и кропотливо учит сержантов умелой работе с солдатами.

Однажды, зайдя в парк учебных машин, Калготин заметил, что в экипаже старшего сержанта Кондратенко занятия проходят не по уставу. На вопросы командира солдаты отвечали хором, а когда сержант рассказывал, они перебивали его, старались дополнить друг друга. Калготин хотел было прервать занятие и показать, как надо его проводить. Но тут же передумал. Кондратенко — молодой командир, первый год работает с подчиненными. Старшина решил помочь ему так, чтобы не пострадал авторитет сержанта. Дождавшись перерыва, Калготин отозвал Кондратенко в сторонку, подсказал, как правильно и методически грамотно строить занятие. Спустя некоторое время старшина снова зашел в парк и убедился, что на занятиях у Кондратенко стало больше порядка и организованности. И результаты учебы стали лучше.

В другой раз Калготин присутствовал на строевых занятиях. И здесь старшина дал старшему сержанту ряд советов. На примере одного из солдат он показал, как правильно обучать строевому шагу. Позже старшина не раз поручал комсомольцу Кондратенко водить роту на обед, на занятия, чтобы молодой командир сам учился замечать и устранять недостатки в строевой подготовке солдат. Потом старший сержант Кондратенко стал одним из лучших помощников старшины, сделал свой экипаж отличным, а комсомольцы роты избрали его секретарем комсомольской организации.

Заботливо и умело помогает старшина и другим сержантам. Да иначе и не может быть. Калготин среди них наиболее опытный, подготовленный в военном и методическом отношении командир. Перед вечерней поверкой он собирает их, беседует по вопросам внутренней службы, дает советы и объявляет учебные задания на следующий день. В субботу старшина подводит итоги за неделю и о своих выводах докладывает командиру роты.

* * *

...На трибуну один за другим поднимались участники окружного совещания воинов-отличников. Они

рассказывали о том, как сами добились успехов в учебе и службе, призывали других бороться за передовые отделения, расчеты, экипажи. Слово предоставляется старшине роты Владимиру Калготину. Присутствующие тепло приветствуют представителя большой и славной армии воинов-сверхсрочников. На его груди рядом с правительственными наградами красуются знаки, свидетельствующие о прилежной учебе и высокой дисциплинированности.

— Наша рота,— говорит Калготин,— сейчас передовая... Но такой она стала недавно. Еще весной прошлого года мы стреляли ниже своих возможностей. Проверяющие указали нам на ошибки, помогли добрым советом. С помощью коммунистов и комсомольцев, отличников учебы, командир роты мобилизовал всех воинов на устранение недостатков, на преодоление трудностей. И что же? За время пребывания в лагерях личный состав научился стрелять при любых погодных условиях, независимо от местности и времени суток, только на «хорошо» и «отлично».

Участники совещания аплодируют представителю передовой роты. Они знают, что в этих успехах есть большая доля труда и его, старшины, неутомимого воина-коммуниста.

— Сейчас у нас в подразделении,— продолжал Калготин,— есть немало мастеров вождения и классных специалистов, отработана полная взаимозаменяемость в экипажах. Вы спросите, как мы достигли таких показателей. Объяснить это можно так. Высокая сознательность, чувство личной ответственности за успехи роты — вот что движет всеми делами и помыслами наших людей. Когда партия сказала нам, воинам: неустанно повышайте свою боевую готовность, личный состав воспринял эти слова как нерушимый закон своей жизни. С мыслью о партии, с думой о Родине связаны все наши дела, вся наша воинская служба...

Калготин сходит с трибуны. Командующий войсками округа горячо пожимает руку отличному старшине, умелому воспитателю подчиненных, заботливому и рачительному хозяину роты.

— Вот таким, как Калготин, должен быть каждый старшина! — говорит командующий, и зал снова горячо рукоплещет.

Эту высокую похвалу старшина заслужил многолетней трудной и напряженной службой.

Калготину вспомнилось, как несколько лет назад он связал свою жизнь с родной армией. Сразу после срочной службы собирался поехать домой, думал о том, как встретят его в родном колхозе. Но как ни была велика тяга к труду на колхозных полях, решающим оказался совет командира:

— Вы, Калготин, хорошо знаете военное дело. Такие люди нужны в армии. Оставайтесь на сверхсрочную. Ваше призвание — быть на страже наших завоеваний.

Вот так и написал он свой рапорт...

Так началась сверхсрочная служба Владимира Калготина. С новой энергией принялся он за учебу сам и стал настойчиво учить воинскому искусству других, передавать им свой богатый армейский опыт.

Время шло. Как дисциплинированный и требовательный командир, Владимир Калготин был назначен старшиной подразделения. Круг его обязанностей расширился. Личный пример — вот основной принцип, которым руководствуется Калготин в повседневной службе. Чтобы учить других, надо прежде всего учиться самому — таково его твердое правило. С себя, со своей личной подготовки и начал Калготин деятельность на посту старшины подразделения. Он вникал во все дела, доходил, как говорят, до мелочей.

Рота в парке — Калготин тоже. Он вместе со всеми обслуживает боевые машины. Все видят, что старшина — настоящий мастер. Он не только требует от солдат, но и сам ловко орудует ключом и отверткой.

Вечерами старшина с головой уходит в учебники, изучает материальную часть оружия, принципы взаимодействия частей, правила стрельбы. Теоретические занятия строго сочетает с практической работой. При очередных выходах в поле становится к орудию за наводчика и тренируется в стрельбе. А однажды, когда проводились ответственные стрельбы, Калготин решил по-настоящему проверить себя, испытать свои силы. Он попросил у старшего начальника разрешения на выполнение упражнения боевых стрельб. И хотя стрельба с ходу условиями задачи не предусматривалась, старший начальник дал согласие.

— Прямой наводкой уничтожить дзот! — поступил приказ.

Поставленную задачу Калготин выполнил успешно. Это была большая победа. Она подняла авторитет стар-

шины. Теперь он решил сделать новый шаг в своей личной подготовке — научиться управлять боевой машиной. С помощью опытных механиков-водителей сравнительно легко и быстро изучил правила вождения, успешно сдал экзамены и получил права механика-водителя третьего класса.

Но и на этом Калготин не успокоился. Овладев всеми видами штатного оружия роты, он неустанно совершенствовал свое стрелковое мастерство. Вскоре ему был присвоен второй спортивный разряд по стрельбе. А на окружных стрелковых состязаниях на личное первенство он занял первое место.

* * *

И этот успех не пришел сам собой. К нему вела длинная, извилистая, со многими препятствиями дорога.

Владимир Калготин с детских лет полюбил стрелковый спорт. Свой первый выстрел он произвел в семилетнем возрасте. Было это в деревне. Как-то, придя с охоты, повесил отец на стену дробовик, а сам пошел кормить скотину. Володя остался в хате один. Вдруг на крышу соседнего дома сели голуби. Не раздумывая, Володя снял ружье со стены, подтащил его к открытому окну, пристроил к столу, зарядил (он знал, как это делает отец) и... выстрелил. Один голубь замертво свалился с крыши.

И вот сейчас, когда внимательно всматриваешься в это мужественное, полное энергии и задора лицо, веришь, что эту дерзкую выходку мог совершить именно он, Владимир Калготин. Надо видеть, как оживленно и радостно загораются у него глаза, когда речь заходит о стрелковом спорте, о меткости и быстроте ведения огня. На любой вопрос Калготин отвечает с охотой, приводит много интересных примеров и случаев из собственной практики. Его рассказы с затаенным дыханием слушают солдаты, которых он обучает меткости стрельбы.

Давно это было. Калготин проводил с молодыми солдатами пристрелку оружия. В перерыве речь зашла о прославленной русской трехлинейке, о ее замечательных боевых свойствах, о практичности и ценности ее как оружия пехоты. Солдаты внимательно слушали своего командира. Вдруг поднялся молодой боец и сказал:

— Винтовка эта действительно хорошая. Только вот тяжеловата она. Чтобы из нее метко выстрелить, надо обязательно прилечь или присесть на колени да на что-либо опереться. Иначе не попадешь.

— Неправда! — как всегда горячо возразил Калготин. — Из этой винтовки можно стрелять с любого положения: лежа, сидя, стоя. Вот посмотрите! — Он быстро вскинул винтовку. Прозвучал выстрел, и пуля прошила мишень в самом ее центре.

Воспитывая у своих солдат любовь к нашему замечательному отечественному оружию, Калготин использует для этого все формы и методы. Являясь в части лучшим охотником, он в свободные от занятий часы рассказывает бойцам о том, как надо выслеживать зверя или птицу, как быстро и метко поражать их.

— Зверь — это тоже враг: не одолеешь ты его, он тебя одолеет. У снайпера есть много качеств охотника: выслеживать врага часами, а вести огонь минутами, даже секундами.

...Шла подготовка к окружному стрелково-спортивному соревнованию. Калготин ежедневно и упорно тренировался, добиваясь безупречной меткости стрельбы. Он внимательно взвешивал все плюсы и минусы, анализировал каждый выстрел. Большую помощь оказывали ему отчетно-тренировочные карточки, которые он ведет много лет. В них как в зеркале отражены все ошибки и недочеты стрелка. Вот, к примеру, запись результатов одного из соревнований. Всего лишь три цифры значатся на измятом листке блокнота: 10, 9, 6. Для других это мертвые, ничего не говорящие знаки, а для Калготина — один из уроков огневого мастерства. Как сейчас помнит он, что меткие поражения первых двух выстрелов ослабили его внимание и третья пуля пошла в «шестерку».

В соревнованиях следующего года Калготин, выйдя на линию огня, забыл осмотреть оружие: не проверил положение винтовки. И снова неудача. Интересны записи о результатах всеармейских соревнований, проходивших в Москве. Калготин стрелял из снайперской винтовки. Кучность огня была поразительной: 11 пробоин закрывались ладонью руки. Однако и здесь Калготин допустил ошибку, помешавшую ему выйти на первое место среди соревнующихся. Он не смог точно определить силу ветра и сделать соответствующие поправки: все пули пошли влево. Но, находясь

еще в Москве, Владимир Калготин дал себе слово, что в будущих соревнованиях сделает все от него зависящее и выйдет победителем.

И вот сейчас, перелистывая записи результатов соревнований и тренировок, Калготин тщательно анализирует свои недостатки. Они сводились к следующему: неподготовленность оружия, неумение точно определить силу ветра и делать соответствующие поправки, недостаточная тренировка и владение собой на огневом рубеже. Кроме недостатков прошлых лет за минувший год выявился ряд новых. Их также нужно было устранить, чтобы к началу соревнований каждый прием был отработан до мельчайших деталей. Шли дни напряженных тренировок. Особое внимание Калготин обращал на стрельбу из пистолета. Он впервые собирался соревноваться по стрельбе из этого вида оружия и поэтому строго относился к каждой своей тренировке. Завел такой порядок: делать оценку каждому выстрелу. Добиться этого было нелегко, так как стрельба велась без боевого патрона. Искусство стрелка состояло в том, чтобы даже и в этом положении увидеть, куда пошла пуля. Сначала его выстрелы были далеко не точными, но с каждым днем они все ближе подходили к центру мишени. Время от времени Калготин тренировался с помощью боевого патрона, и тогда он уточнял свои прежние оценки, вносил в них коррективы.

Однажды, выбрав безветренный день, Калготин выверял бой своего оружия. Произведя несколько выстрелов, он принялся за математические вычисления. Оказалось, что средняя точка попадания уходила от центра мишени на 3,5 сантиметра. Калготин проверил еще раз. Вычисления дали тот же результат. Теоретически пистолет выверен отлично. К тому же бой пистолета признается нормальным, если все четыре пробоины (или три при наличии резко отклонившейся четвертой) вмещаются в габарит диаметром в 15 сантиметров и если средняя точка попадания при этом отклонилась от контрольной не более чем на 5 сантиметров в любую сторону. Казалось бы, Калготину не стоило беспокоиться за бой пистолета. Но он решил сказать в этом свое слово: передвинул целик на едва ощутимое для глаза расстояние и добился своего. Средняя точка попадания была строго совмещена с контрольной.

Вторым обстоятельством, на которое Калготин обращал большое внимание при тренировках, был выбор

правильной стойки и изготовки к стрельбе. Это в равной мере относится к стрельбе из всех видов оружия. Неправильная или даже не совсем удобная стойка действует на нервы стрелка и в конечном счете — на результат стрельбы в целом. Для Калготина здесь была важна каждая деталь. Если он стрелял, например, лежа, то обращал внимание на то, чтобы пряжка ремня была сдвинута в сторону, в карманах гимнастерки и брюк не лежали грубые вещи и т. д. При стрельбе с положения стоя Калготин внимательно смотрел, как поставить ноги, куда положить свободную руку, под каким углом лучше держать корпус тела по отношению к мишени.

И вот настал день соревнований. Первым выполнялось упражнение из карабина — скоростной стандарт. Это один из самых сложных видов стрельбы. Он требовал от стрелка большой натренированности, спокойствия и, главное, умения правильно распределить свое время по выстрелам. Здесь нельзя ни медлить, ни спешить. Вот стреляет старшина Стеценко. В общей сложности он сэкономил несколько секунд времени. «Такая спешка не годится»,— подумал Калготин. Другой стрелок немного запоздал и не смог расстрелять всех патронов. Очередь дошла до Калготина. Спокойно и уверенно вышел он на линию огня. О расчете времени он не беспокоился: в результате долгих и упорных тренировок Калготин научился точно распределять время по выстрелам. Вот он ведет огонь из первого положения. Каждый его выстрел раздается ровно через 8—9 секунд. Это сравнительно медленный темп. Но Калготин делает это сознательно, так как стрельба со второго положения более сложная. И действительно: даже неопытный глаз замечает, как с каждым выстрелом темп огня заметно нарастает. Калготин выбил 99 очков и добился лучшего результата стрельбы по этому виду упражнений.

На другой день Калготин стрелял второе упражнение из пистолета. Это наиболее сложный и интересный вид стрелково-спортивного соревнования. Стреляющий должен быстро достигнуть линии огня и за несколько секунд поразить внезапно появившиеся цели, стремясь при этом выбить максимальное число очков.

Один за другим выбегали спортсмены на линию огня и стреляли по целям. Калготин должен был стрелять чуть ли не последним. Но он не покидал стрель-

бища ни на минуту. Внимательно наблюдал за действиями каждого стрелка и почти безошибочно давал им оценки. Вот стреляет молодой спортсмен. «Волнуется и спешит,— подумал Владимир,— результат будет плохой». Выводы эти подтвердились. Спортсмен поразил всего три мишени из семи, выбив 25 очков. Потом Калготин начинает слегка беспокоиться. Качество стрельбы участвующих в соревновании стало быстро подниматься. Достигнутый в начале результат в 63 очка далеко остается позади. На табло появляются новые цифры: 65, 66, 67! Это прекрасные данные. Теперь огонь ведет опытный стрелок. Он серьезный конкурент в борьбе за первенство: его результат — 68 очков. Это рекорд округа по данному виду соревнований.

И вот Калготин на линии огня. С огромным напряжением следят присутствующие за его действиями. Спортсмен спокоен. Он стреляет ровно и красиво. Один за другим раздаются выстрелы: пятый, шестой, седьмой... Калготин осматривает пистолет и не спеша кладет его в кобуру. Судьи бегут к мишеням. 69 из 70! Что можно добавить к этим цифрам? Они сами говорят за себя.

Когда друзья, обступив Калготина со всех сторон, стали спрашивать его: «В чем секрет такого замечательного успеха?», он ответил одним словом: «В тренировке!»

Опытный командир, Калготин хорошо понимает: чем больше имеешь знаний, тем весомее твой авторитет, убедительнее твое слово, сильнее влияние на подчиненных. И солдаты прислушиваются к старшине, с готовностью перенимают его опыт воинской службы. В роте все уважают Калготина. Коммунисты неоднократно переизбирали его секретарем партийной организации.

В письме, посланном родителям Калготина, командующий войсками округа писал:

«С чувством глубокого удовлетворения сообщаем, что Ваш сын, проходящий службу в войсках нашего округа, честно и добросовестно выполняет свой воинский долг перед Родиной.

Трудолюбивый и настойчивый, он не жалеет сил и старания на учебу, изо дня в день совершенствует свое воинское мастерство. Он — отличник боевой и политической подготовки.

Сердечно благодарим Вас за воспитание сына, желаем Вам хорошего здоровья и больших успехов в труде на благо нашего социалистического Отечества».

С волнением и радостью читали в доме Калготиных письмо командующего. В коротких, но теплых, идущих от всего сердца словах родители Калготина в своем ответе поблагодарили командование за то, что армия помогла их сыну стать настоящим патриотом Родины.

* * *

...Мерно постукивают стальные колеса. За окном вагона мелькают леса, поля, реки, города. И стройки, стройки без конца. Словно гигантская карта Родины ожила перед взором воинов. С рассвета до темна проносились перед ними дымящиеся трубы фабрик и заводов, светлые громады жилых корпусов, огромные элеваторы, колхозные фермы и многое, многое другое. На память невольно приходили слова песни:

Широка страна моя родная,
Много в ней полей, лесов и рек,
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек...

Завывая, со свистом пронеслась электричка — верная примета приближения большого города. Пассажиры прильнули к окнам — хотелось поскорее увидеть родную столицу.

Вот и Москва. Ее силуэт не спутаешь ни с каким другим городом мира. Высотные здания, уходящие ввысь, ажурные мосты, перекинутые через Москву-реку, остроконечные башни Кремля, неповторимые соборы и храмы, сооруженные талантливыми мастерами каменных дел...

Пересев на автобусы, воины отправились к месту расквартирования — на Красную Пресню. Они ехали через центр, по исторической Красной площади. Перед солдатами открылся величественный вид Кремля. Сияние рубиновых звезд, четкие и ясные очертания куполов Василия Блаженного, строгие, словно выточенные, зубцы Кремлевской стены — все это казалось волшебной сказкой, повествующей о славной истории великого города, знаменосца новой, советской эпохи, надежды всех народов мира.

Тепло и сердечно встретили москвичи посланцев

Советской Армии. Многие побывали в театрах, музеях, Колонном зале Дома Союзов, в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова на Ленинских горах, в Музее Ленина, в Кремле. Все, что они увидели, произвело огромное впечатление. Хотелось учиться и нести службу еще лучше, больше и упорнее работать, чтобы достойно ответить на заботу Родины, на ее материнскую ласку и любовь.

— Вечером, в день приезда,— говорит Калготин,— мы совершили экскурсию в Центральный музей Советских Вооруженных Сил. Долго и внимательно изучали многочисленные экспонаты. Как живые, рассказывали они нам о славном героическом прошлом Советской Армии и Военно-Морского Флота. Мы видели подзорную трубу с крейсера «Аврора», личное оружие героев гражданской войны Чапаева, Пархоменко, героев Великой Отечественной войны Панфилова, Ватутина, Толбухина...

На другой день — новые впечатления. В Центральном доме Советской Армии воины-отличники повстречались со многими прославленными военачальниками — маршалами, генералами и адмиралами.

В Москву Калготин уезжал прямо с зимнего полигона, где рота выполняла очередные стрельбы. Многие экипажи добились новых успехов — отлично выполнили учебные задачи. Сам Калготин повысил свою классность — сдал экзамены на механика-водителя первого класса. Это был его личный подарок Всеармейскому совещанию отличников.

Перед отъездом в Москву Калготина пригласил командир части. Как родной отец, напутствовал он старшину.

— Внимательно прислушивайтесь, присматривайтесь ко всему, что услышите и увидите,— советовал он,— ведь вам придется обо всем подробно рассказать сослуживцам...

Проводить старшину вышли не только солдаты роты, но и воины других подразделений. Все они от души желали Калготину счастливого пути, передавали сердечные приветы Москве. «Никогда так взволнованно не билось мое сердце,— вспоминал потом Калготин.— Хотелось многое сказать командирам, товарищам, выразить им горячую благодарность за доверие и добрые слова. Я обещал, что буду достойно представлять свою часть».

* * *

В конце первого дня совещания председательствующий объявил, что в одном из залов представитель ЦК ВЛКСМ будет вручать отличникам Почетные грамоты.

Зал поднялся, загудел. Все направились к выходу.

— Вам, наверное, тоже надо идти? — осторожно спросил я у Калготина.

— Куда? — не понял он.

— На вручение...

— Что вы! Я, к сожалению, вышел из комсомольского возраста. В партии уже давно...

Но мы все же пошли, как выразился Калготин, «посмотреть на молодежь».

Усевшись в заднем ряду небольшого зала, наблюдали за вручением комсомольских наград и тихо переговаривались. Оказалось, что мы — земляки. Родился Калготин в селе Рождественском Борисоглебского района Воронежской области. В седьмом классе Владимир вступил в комсомол. Перед юношей открывались широкие горизонты. По окончании средней школы мечтал поступить в инженерно-строительный институт, чтобы строить дома и заводы. Одна мечта сменялась другой, один воображаемый путь уступал место другому, более широкому и величавому. Страна набирала темп, семимильными шагами поднимаясь в гору. Но вдруг словно оборвалось все...

22 июня 1941 года началась война. Ушел на фронт отец Владимира. В семье остались, кроме Владимира, еще два младших брата.

Владимир стал трактористом. Братья начали работать в колхозе. И хотя дела в МТС шли хорошо, на душе у Владимира было неспокойно. Скорее бы в армию, на фронт, на помощь отцу... Уже было уговорил райвоенкома, как вдруг пришло из области распоряжение: «До окончания уборки хлебов никого не отпускать».

Только в конце 1943 года Владимир попал в армию. Советские войска были уже за Днепром.

Владимира Калготина зачислили в полковую школу. Молодой солдат горячо взялся за учебу. С огромным желанием изучал он боевую технику, жадно перенимал опыт фронтовиков, показывал пример высокой дисциплинированности и исполнительности.

Окончив школу сержантов, комсомолец Калготин

как отличник учебы был оставлен при школе командиром учебного отделения. Несколько позже его перевели в ремонтное подразделение. А потом пришлось побывать и в боях...

О многом в тот вечер поведал мне Владимир Калготин: о трудной, но интересной армейской службе, о счастье служить Родине, о беспредельной любви к своему народу, к славной Коммунистической партии, к Советскому правительству. Подробно рассказал он о своих больших, разносторонних старшинских обязанностях. Говорил так горячо и задушевно, что я невольно спросил его:

— Скажите, вам очень нравится ваша профессия?

— Очень! — с гордостью ответил он.

И это действительно так. Калготин по-настоящему влюблен в свое дело. Когда я беседовал с ним, мне невольно вспомнился старшина Добудько — один из персонажей повести Михаила Алексеева «Наследники». Как-то во время одной из бесед к Добудько подошел Петенька Рябов, солдат первого года службы, и робко спросил его:

— Гляжу я на вас, товарищ старшина, и думаю...— Он покраснел.— Гляжу и думаю: давно бы вам, по справедливости, быть офицером, а вы старшина. Отчего это? Простите, если вопрос не совсем... скромный.

— Почему? Вопрос как вопрос.— Добудько задумался.— У вас мать кто? Врач, кажется, по профессии?

— Врач,— подтвердил Петенька.

— Сколько лет она работает врачом?

— О, уже лет двадцать.

— Вот, бачишь,— ухмыльнулся Добудько.— А я старшиной пятнадцать лет. Есть, товарищ Рябов, вечные профессии... Ну, как бы сказать?.. Без лесенок, что ли. Врач, учитель, садовод, скажем. Опять же хлебороб, ну и другие — мало ли? Вот и у меня такая профессия. Старшина-сверхсрочник! Стало быть, для меня не определено срока — моя должность всегда требуется...

* * *

Незабываемым был заключительный день Всеармейского совещания. В единодушно принятом обращении участники совещания от имени всех воинов заверили партию, что опыт, накопленный на полях учений

и в полетах, на стрельбищах и полигонах, на аэродромах и танкодромах, они сделают достоянием всей армии и флота и под руководством своих замечательных командиров еще выше поднимут боевую выучку войск. Воины-отличники дали твердое солдатское слово, что будут непоколебимо стоять на защите социалистических завоеваний.

Это было слово и Владимира Калготина. Правда, выступить на совещании ему не пришлось. Но Калготину очень хотелось рассказать товарищам по оружию о своем опыте, о том, как личный состав подразделения борется за продление срока службы танков, автомобилей и другой техники, за овладение смежными специальностями, за повышение классности. В роте на каждую боевую машину приходится в среднем по два классных специалиста. Выращено несколько мастеров вождения. Комсомольскому экипажу роты присвоено наименование экипажа меткого огня. Этот экипаж целиком состоит из классных специалистов. И это не единственный в роте экипаж.

* * *

...Вечереет. День напряженной учебы и воинского труда окончен. Солдаты поднялись еще на одну ступень боевого мастерства, обогатились знаниями, приобрели практические навыки, сноровку.

Рота возвращается в казарму. Улыбаясь, впереди строя гордо идет старшина Калготин — требовательный и заботливый начальник, умелый воспитатель и наставник воинов.

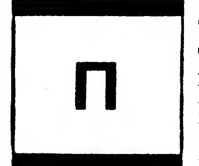
...Крепка поступь солдат. Над строем звенит песня — постоянный их помощник и спутник.

Путь далек у нас с тобою.
Веселей, солдат, гляди!
Вьется, вьется Знамя полковое.
Командиры — впереди.

Пусть враги запомнят это —
Не грозим, а говорим:
Мы прошли, прошли с тобой полсвета,
Если надо — повторим.

1979

РАССКАЗ ОБ ОРДЕНЕ

ожалуй, в суровые годы войны не было на фронте военного журналиста, который не вел бы записок просто так, «для себя», на всякий случай. Был и у меня блокнот. Потертый и повидавший виды, испещренный беглыми карандашными пометками, он сохранился по сей день. Есть в нем записки, сделанные вскоре после опубликования Указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденом Отечественной войны I степени группы советских воинов, отличившихся в боях с гитлеровскими захватчиками. В то время я находился в одном артиллерийском подразделении. Вот эти странички. Они так и озаглавлены — «Рассказ об ордене».

...Теплое весеннее утро. Тишина. Будто и не было жаркого боя. А ведь только что окончился трудный поединок наших артиллеристов с танками врага. Солдаты орудийного расчета, которым командует гвардии старший сержант Алексей Смирнов, собравшись в тесный кружок, о чем-то толкуют... В центре, на ящике из-под снарядов, сидит Смирнов — высокий худощавый парень. Его грудь украшают орден Красного Знамени и орден Отечественной войны I степени, полученный им несколько дней назад. Он горд тем, что удостоен этой славной награды в числе первых.

Гвардии старший сержант рассказывает не торопясь, как бы припоминая все детали боя:

— Было их, фашистов, видимо-невидимо. Прут на нас скопом... Позади Дон, отступать некуда. Огневая позиция наша в тени высокого каменного дома. Местность чуть всхолмленная, с хорошим обзором. Едва успели установить орудие, как послышался отдаленный гул моторов. «Танки»,— говорит командир. Ладно, пусть танки, будем жечь, уничтожать.

Заняли мы свои места. Я за панораму — наводчиком тогда был. Машины уже показались в соседнем селе, что от нас примерно в двух километрах. Потом

двинулись в нашем направлении девять танков. Не в первый раз встречался я с ними. Но на этот раз, признаться, по спине мурашки пошли... Но, думаю, рассуждать теперь некогда. Будем действовать!

Ребята, затаив дыхание, смотрят на меня, ждут, когда начну. А танки приближаются. Прильнул я к панораме и стал наводить на головной. Раздался выстрел — угодил в гусеницу. Не отрываясь от панорамы, выстрелил вторично. Танк загорелся. Ладно, хорошо. Другой стал обходить его слева. С первого выстрела запылал и этот. Двумя выстрелами я подбил и третий. Вот уже подбит четвертый, пятый, шестой... Глядь, из-за лощины мотоциклист вывернулся и пустился что есть духу по дороге. Крутнул я ручку поворотного механизма, повернул орудие, навел как следует — и пропал мотоциклист, как в воду канул.

Тут гитлеровцы навалились на нас. Один танк продолжал идти прямо, а два из-за кустов стали стрелять из орудий и пулеметов. Пули задзинькали по щиту. Мы пригнулись к земле. Сплошной грохот стоял в ушах. Вдруг осколок вражеского снаряда попал в лафет нашего орудия, покорежил его. Приподнялся я, смотрю: ребята все живы, ствол цел и снаряды есть. Заряжаем — и снова по врагу. Сделали несколько выстрелов — подбили еще два танка. Вот остановился и последний, девятый. Обе гусеницы слетели с него, но орудие стреляло и пулемет строчил.

Опять взрыв. Меня оглушило. Пришел в себя, но подняться не могу. Был на мне противогаз, а осталась одна лямка. Слышу, кто-то стонет. Повернул голову, вижу: Титов, санинструктор наш, около младшего лейтенанта хлопочет. Понял я, что командир взвода ранен.

Боеприпасов больше нет. Да и пушка непригодна к стрельбе — колеса в разные стороны разлетелись. Неужели, думаю, все теперь? Попытался было подползти к командиру, но опять раздался взрыв. Мы только плотнее прижались к земле. А тут вражеские автоматчики подбираться к нам стали.

— Фашисты! — тихо сообщил я младшему лейтенанту, а сам схватил гранату. Уж не знаю, откуда она подвернулась мне в этот момент. Командир вытащил пистолет, а у Титова, санинструктора, ничего не было.

Когда гитлеровцы подошли совсем близко, я пустил

в них гранату. И вдруг, как сквозь сон, послышалось громкое «ура». Из деревни на помощь бежали наши бойцы...

За это и был награжден...

1969

КРУТОВЫ

иинометчик Владимир Крутов шел в штаб батальона. Хотя уже на исходе был сентябрь, день стоял солнечный и жаркий. Душно и пыльно было на дорогах. И какая-то гнетущая, зловещая тишина: ни выстрела, ни гула моторов. Владимир шел задумчивый и сосредоточенный. Поднялся на высоту, перерезанную грейдерной дорогой. На ней располагались бронебойщики. Длинные стволы противотанковых ружей направлены в сторону противника. Вдруг Владимир резко остановился — его внимание привлекла темно-синяя шестигранная фуражка. Такую его отец носил. Владимир невольно отступил назад, чтобы заглянуть в лицо бронебойщику. Он и есть — отец! От радости бешено застучало сердце, кровь ударила в лицо, закружилась голова...

— Папа?! — громко позвал он.

Иван Николаевич вздрогнул от неожиданно прозвучавшего голоса. Он быстро поднял глаза и увидел перед собой сына. Словно невидимая сила выбросила его из окопа. Они крепко обнялись...

— Володя! Сын! — радостно произнес отец.

...Случилось это в дни ожесточенных боев у волжской твердыни, в Сталинграде, в котором родились, жили и работали Крутовы. Здесь знакомы им каждая улица, каждый дом, каждая аллейка.

Еще в годы гражданской войны с оружием в руках защищал эти места Иван Николаевич от белогвардейцев и иностранных наемников. Советская власть сделала

их родной город цветущим. Обеспеченной и счастливой жизнью зажили все советские люди и семья Крутовых. А тут война. Пламя ее окутало Сталинград.

— Дело серьезное,— прощаясь с семьей, сказал Иван Николаевич.— Но я твердо верю, что враг будет уничтожен. Все люди поднялись на священную борьбу. А это грозная сила.

Иван Николаевич ушел на фронт. Владимир, семнадцатилетний юноша, комсомолец, заменил его на заводе. Как и отец, он дневал и ночевал в цехе, выполнял две нормы — за отца и за себя.

Вскоре завод эвакуировали в тыл.

— Теперь и мое место на фронте, рядом с отцом,— гордо заявил матери Владимир...

* * *

И вот отец и сын лежат в одном окопе, за одним противотанковым ружьем. По приказу командования их свели в один расчет.

Вражеские полчища рвались к городу. Круглые сутки грохотала артиллерийская канонада. Били залпами минометные батареи, непрерывно трещали пулеметы и зенитные установки. Все поле было изрыто воронками от бомб и снарядов. Земля горела в огне. Больно было видеть все это Крутовым. Каждый, кто защищал тогда священную волжскую землю, понимал, что здесь решается судьба Родины.

В кровопролитных боях с отборной фашистской армией советские воины показали образцы стойкости, самоотверженности и героизма. Простой окоп — дватри квадратных метра. Но это родная земля... И пока в этом окопе был хоть один советский воин, он оставался для гитлеровцев неприступным. Обычный городской дом сопротивлялся врагу намного дольше, чем иные европейские столицы. Знаменитый Дом Павлова выдержал, например, двухмесячную непрерывную вражескую осаду, но не сдался. В боях за этот дом враг понес больше потерь, чем при взятии столицы Франции — Парижа. Нередко одна часть здания находилась в наших руках, другая — в руках противника.

В те дни мир измерял боевые дела сталинградцев не только количеством убитых ими гитлеровцев или уничтоженных танков, но и количеством дней, которые фашисты теряли на Волге.

* * *

«За Волгой для нас места нет!» — эти слова стали девизом каждого советского солдата, офицера и генерала. Они были законом и для Крутовых.

И вот настал час, которого так долго ждали Крутовы, обороняя крохотный кусочек родной земли,— час нашего великого наступления. Оглушительный грохот артиллерии нарушил предрассветную тишину. Сотни советских орудий и минометов били по врагу. Вокруг все гудело и раскалывалось.

С рассветом поднялись в атаку пехотинцы. То там, то здесь вспыхивали ожесточенные схватки... Вот гитлеровцы подбросили свежие силы и стали поливать свинцом нашу пехоту. Наступление подразделения было приостановлено. Создалось критическое положение. Командир поставил Крутовым задачу: выдвинуться вперед и уничтожить вражеские огневые точки на высоте. Это надо было сделать во что бы то ни стало, любой ценой.

...Иван Николаевич полз впереди, таща за собой бронебойку. Владимир следовал за отцом с автоматом. Плотно прижимаясь к земле, пробирались они к высоте с фланга. Вот уже отчетливо стало видно, как строчили вражеские пулеметы. Крутовы сделали несколько выстрелов, и пулеметы замолкли. По убегающим гитлеровцам Владимир открыл огонь из своего автомата.

— Молодец, сын! Так их, так!.. — одобрительно приговаривал отец.

Снова поднялась в атаку пехота. Иван Николаевич и Владимир шли вместе с наступающими, стреляли по врагу, расчищая путь пехоте. Слава об отважных патриотах прогремела всюду. О Крутовых заговорили не только в полку, но и далеко за его пределами.

Однажды, чуть только забрезжил рассвет, к позициям бронебойщиков подкатила легковая автомашина.

— Кто тут Крутовы? — раздался голос.

Иван Николаевич и Владимир откликнулись, вылезли из окопа.

— Садитесь в машину. Генерал вызывает,— сказал им адъютант.

...Генерал пристально поглядел на Крутовых и крепко пожал им руки.

— Молодцы! Настоящие патриоты родного города, своей Отчизны! — И приколол к их гимнастеркам высокую награду Родины — по ордену Красной Звезды, а Владимиру к тому же прикрепил еще и гвардейский значок, сняв его со своего кителя.

— Я... оправдаю это,— взволнованно ответил Владимир.— Буду бить фашистов, бить...

— Бить до тех пор, пока землю свою не освободим от этой нечисти,— добавил Иван Николаевич...

И слово свое Крутовы сдержали. Отец и сын побывали у стен рейхстага и расписались на стенах мрачного здания: «Мы — Крутовы!»

1969

СОДЕРЖАНИЕ

Борзунов С. М.
Б82 Избранное: Повести. Рассказы./Предисл. М. Алексеева.— М.: Худож. лит., 1988.— 575 с.
ISBN 5—280—00189—9

В книгу известного писателя-фронтовика Семена Борзунова вошли его лучшие повести и рассказы о Великой Отечественной войне, о ратном подвиге солдат и офицеров Советской Армии.

Б $\frac{4702010200-261}{028\ (01)-88}$ 38—88 ББК 84Р7

СЕМЕН МИХАЙЛОВИЧ БОРЗУНОВ

ИЗБРАННОЕ

Повести. Рассказы

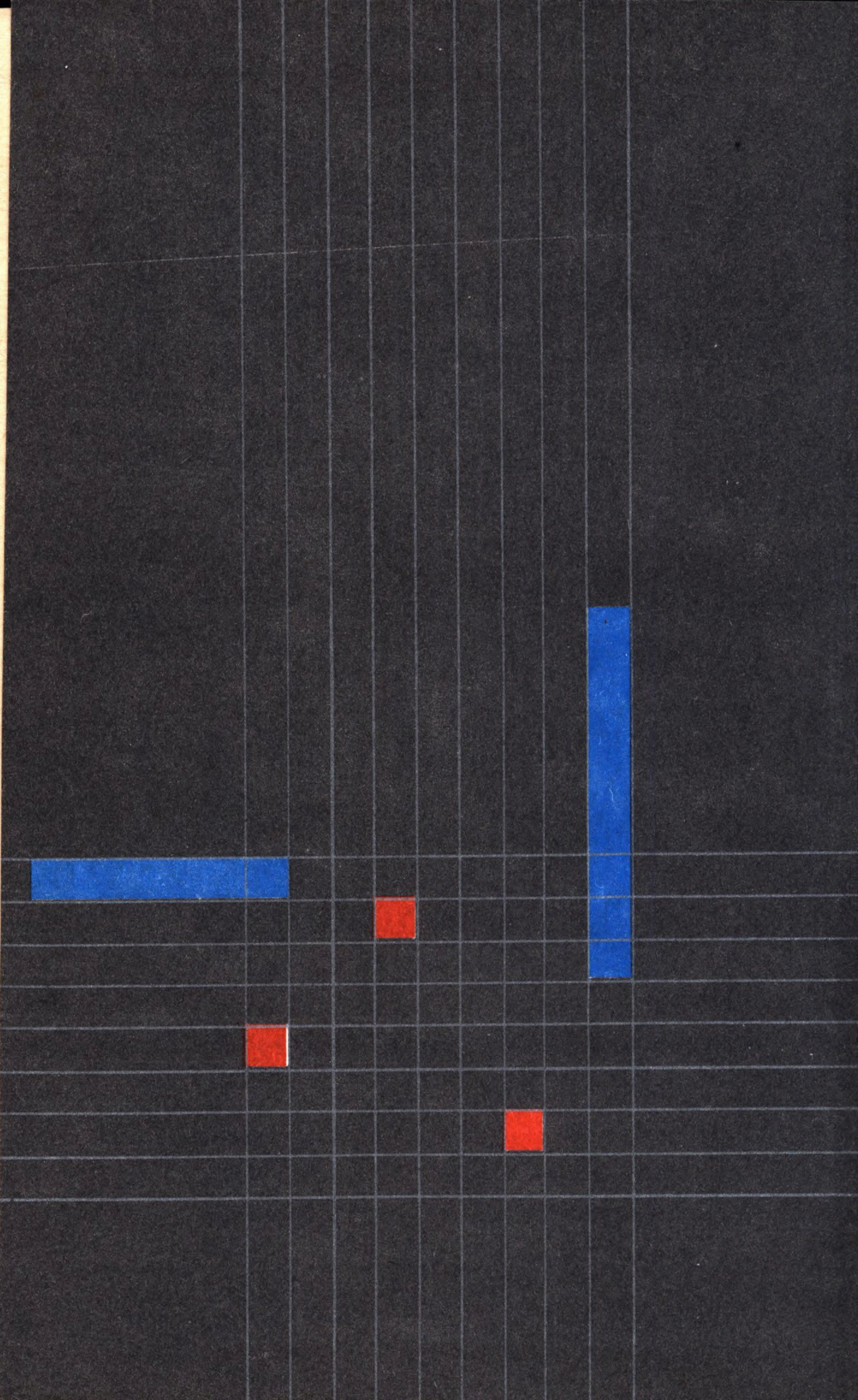
Редактор Т. Шурыгина
Художественный редактор И. Сальникова
Технический редактор М. Крюкова
Корректор Г. Ганапольская

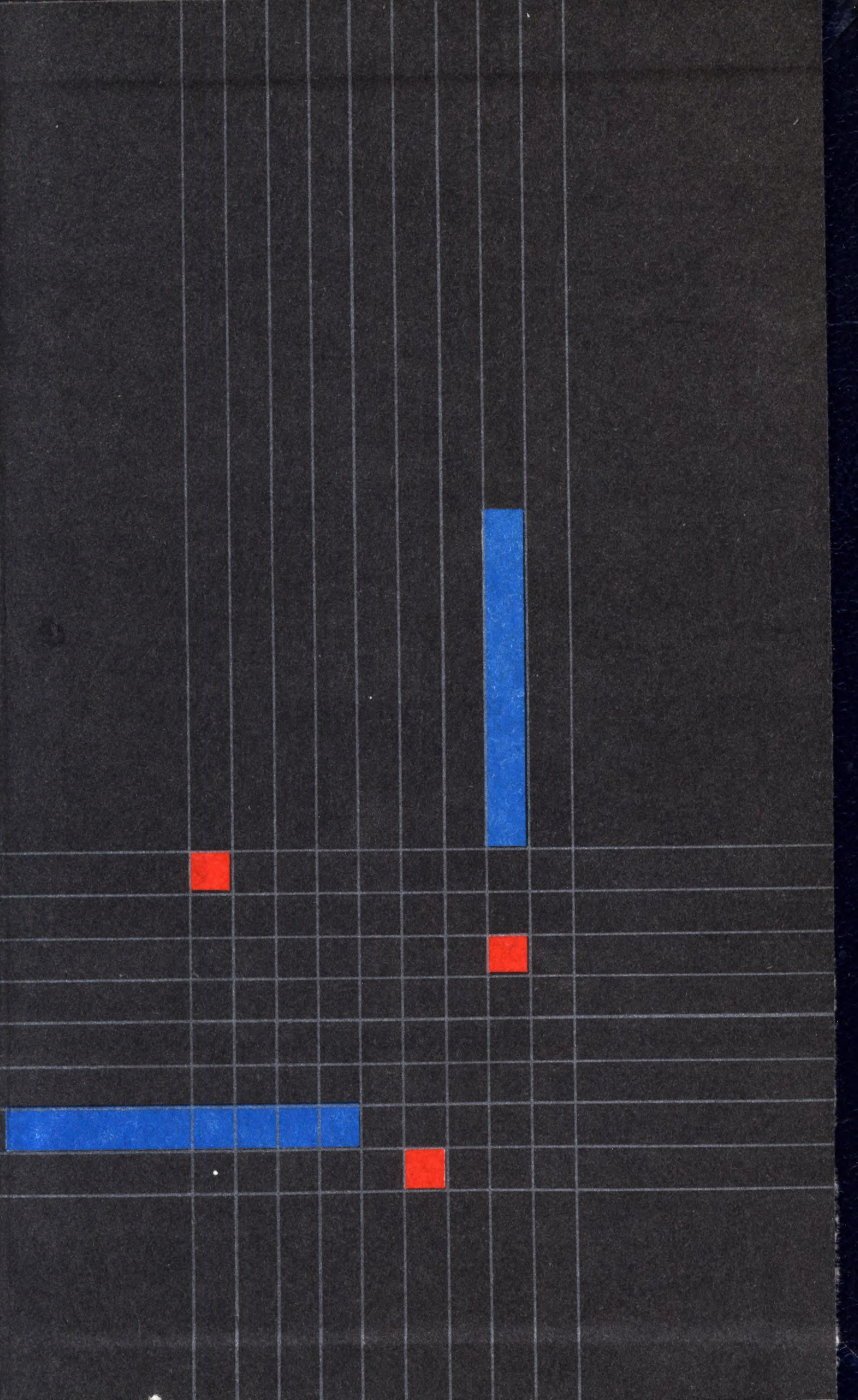
ИБ № 5008

Сдано в набор 10.11.87. Подписано в печать 29.06.88. Бумага кн.-журн. № 2. Формат 84×108[1]/32. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 30,24+1 вкл. = 30,29. Усл. кр.-отт. 31,18. Уч.-изд. л. 31,16+1 вкл.=31,2. Заказ № 797. Изд. № III-2959. Тираж 100 000 экз. Цена 2 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ленинградская типография № 2 головное предприятие ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, Ленинград, Л-52, Измайловски проспект, 29

2 р. 20 к.

СЕМЕН БОРЗУНОВ
ИЗБРАННОЕ